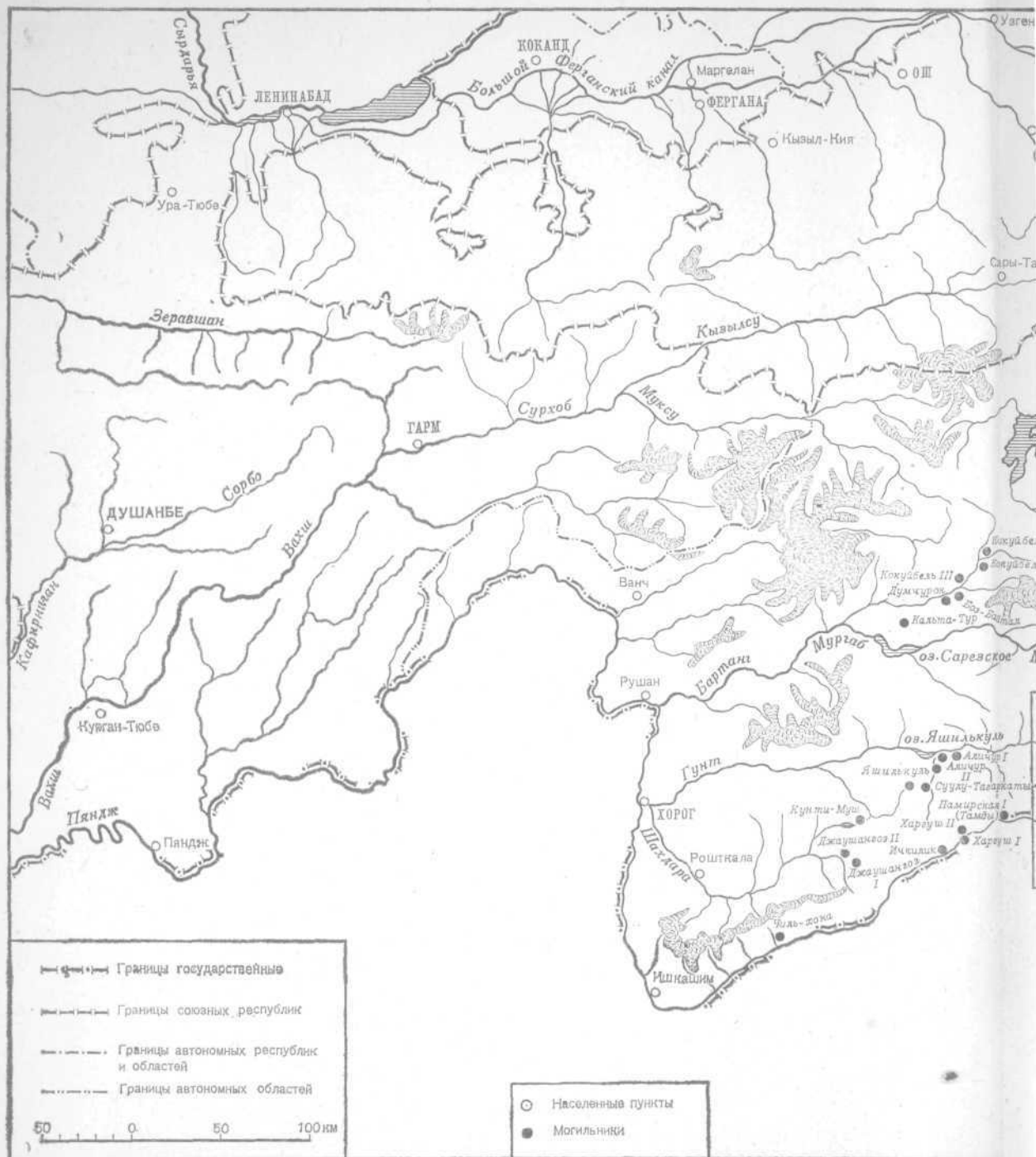


*Б.А.Литвинский*

**Д**ревние  
кочевники  
"крыши  
мира."







АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ  
АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А. ДОНИША

Б. А. Литвинский

ДРЕВНИЕ  
КОЧЕВНИКИ  
«КРЫШИ МИРА»



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
МОСКВА 1972



## ВВЕДЕНИЕ

В самом юго-восточном углу Средней Азии высится Памир, название которого образно (хотя и неубедительно лингвистически) истолковывают как «Крыша мира». Памир лежит в области сближения крупнейших горных поднятий Азии — Куньлуня, Каракорума, Гиндукуша, Памиро-Алая и Тянь-Шаня. Основная часть Памира входит в состав Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, восточная часть памирской горной страны — Тогдумбаш-Памир (или Кашгарский Памир) — в КНР, самая южная часть Ваханского Гиндукушского Памира — в Афганистан. На севере Памир ограничен Заалайским хребтом (за ним начинается знаменитая своими пастбищами Алайская долина); на востоке — Кашгарскими горами (Западный Куньлунь), на юге — Гиндукушем, на западе — горами Кухилал и Дарвазскими.

Третью часть площади всего Памира занимает Восточный Памир<sup>1</sup>, в значительной степени совпадающий с Мургабским районом Горно-Бадахшанской автономной области. Территория Восточного Памира — свыше 30 000 км<sup>2</sup>, т. е. больше территории Бельгии.

В широтном направлении Восточный Памир перерезают (с юга на север) хребты — Ваханский (западная его часть — в Афганистане), Южно-Аличурский, Северо-Аличурский, Музкольский, Северный Танымас, Заалайский, восточную же границу образует меридиональный Сарыкольский хребет. Тектонические зоны, выраженные в этих хребтах, имеют в плане дугообразную форму с выгибом к северу. Природная обстановка роднит Восточный Памир

с Тибетом, А. С. Берг даже называл его «Тибетом в миниатюре». Мы не собираемся давать развернутую характеристику природы Восточного Памира и отсылаем к очень полной двухтомной сводке О. Е. Агаханянца «Основные проблемы физической географии Памира» [19, I, II]<sup>2</sup> и лишь предельно кратко перечислим те природные особенности, которые были наиболее важны для древнего населения региона. «Восточный Памир — нагорье, расположенное на высоте 3500—4500 м. Для него характерны хребты с пологими склонами, поднимающимися едва ли на 1—2 км над долинами и обширными бессточными котловинами, хотя есть и хребты со значительными относительными высотами и участки с типичным высокогорным рельефом. Гребни гор не резки, долины широки, и в них медленно петляют неторопливые реки, а в котловинах лежат соленые<sup>3</sup> озера. И если бы не холод, не близкие ледники и снежники, трудно поверить, что находишься на высоте 3—4 км. По рельефу это среднегорный район, но расположен он так высоко, что климат и растительность его носят ярко выраженный высокогорный характер» [318, стр. 199—200].

Высоко вздыбленное плоскогорье обрамлено со всех сторон высочайшими, до 6—7 тыс. м хребтами. «Стенки» гигантской чаши Восточного Памира в значительной степени изолируют его от внешнего мира, и лишь «бреши» и «разрывы» в хребтах являются путями коммуникаций [19, II, стр. 210—212].

Гидрографическая сеть Памира состоит из рек и озер и в основном входит в бассейн

<sup>1</sup> Учитывая, что еще восточнее начинается Тогдумбаш-Памир, некоторые географы вместо названия «Восточный Памир» предлагают «Центральный Памир».

<sup>2</sup> Подробную библиографию новой литературы по природе Памира — см. 21.

<sup>3</sup> Следует уточнить, что не все памирские озера соленые: таковыми являются лишь бессточные.

Пянджа — Амударьи. Здесь имеется такая крупная река, как Оксу (истоки ее находятся в Афганистане); она течет с юга на север с небольшим уклоном к западу, здесь она принимает крупный левый приток — Истык. Оксу протекает по широкой долине с плоским ровным днищем, русло реки умеренно извилистое, неразветвленное. На широте райцентра Мургаб она поворачивает на запад [441; 567, стр. 366]. Западная нижняя половина течения реки после ее слияния с Акбайталом носит название Мургаб. Эта река на 219-м км от истоков достигает теперешнего Сарезского озера. Южнее протекает р. Аличур, берущая начало на северном склоне Южно-Аличурского хребта. В довольно широкой долине реки (2—15 км) встречаются болота и небольшие озера. На 75-м км Аличур впадает в оз. Яшилкуль (из него река вытекает уже под названием Гунт) [567, стр. 365]. На самом юге, образуя границу с Афганистаном, течет с востока на запад р. Памир (длина ее — 117 км) [52, стр. 92] — одна из главных рек, составляющих р. Пяндж. Течение реки очень быстрое.

В центральной части Восточного Памира следует отметить р. Кокуйбель, на севере — Музкол (бассейн оз. Каракуль) и Маркансу (бассейн восточнотуркестанской Кызылсу).

На стыке Восточного и Западного Памира и далее на Восток лежит множество озер общей площадью около 500 км<sup>2</sup>. Наиболее крупными являются соленое озеро Каракуль (площадь — 249 км<sup>2</sup>, высота — 3950 м над уровнем моря, вода соленая), Сарезское озеро (площадь — 88 км<sup>2</sup>, высота 3239 м, вода пресная), Зоркуль (площадь — 54 км<sup>2</sup>, высота — 4126 м, вода пресная), Яшилкуль (площадь — 48 км<sup>2</sup>, высота — 3734 м, вода пресная), Рангкуль (площадь — 8 км<sup>2</sup>, высота — 4000 м, вода пресная) [19, I, стр. 148—149]. Для древних людей наибольшее значение имели пресноводные озера Зоркуль, Рангкуль, Яшилкуль (последнее связано сезонной протокой с небольшим озером Булункуль) [235, стр. 184—195].

Значение памирских рек и озер для хозяйственной деятельности древнего человека было очень велико. С одной стороны, в озерах и реках до сих пор встречается довольно много рыбы: лжеосманы (иногда очень крупные), маринка и другие виды. На озерах и реках образуют большие колонии пролетногнездящиеся птицы, такие, как горный гусь, красная утка, большой баклан и др. [95; 406, стр. 46—47; 11, стр. 261—262]. С другой стороны, и это гораздо важнее, луговая растительность, т. е. лучшие пастбища, приурочена в большинстве случаев к поймам рек и озер-

ному побережью, там, где наблюдается высокое стояние грунтовых вод [465].

По своему климату Восточный Памир является резко континентальным; районы Памира «по суровости природных условий представляют один из крайних вариантов аридных территорий земного шара. Аналогичные условия наблюдаются только в Тибете и на Куньлуне» [492, стр. 402].

Действительно, на Восточном Памире выпадает очень мало осадков и значительная часть его лишена зимнего снежного покрова, что благоприятствует круглогодичному выпасу скота. Достаточно сказать, что в Мургабе выпадает 73,5 мм осадков в год, а на Каракуле — всего 62 мм. Лишь два района — на севере Каракумов и на юге Устюрта, в зоне самых знойных пустынь, — сопоставимы в отношении сухости с Восточным Памиром. Даже когда выпадает дождь, капли его порой не долетают до земли, испаряясь в воздухе. Только на юго-востоке, в районе Кзыл-Рабат — оз. Зоркуль, климат более мягкий (по одному из объяснений — в результате прорывов индийского муссона, по другому — вследствие влияния специфической орографии на местную атмосферную циркуляцию), здесь выпадает 150—300 мм осадков, есть зимний снежный покров.

Безморозный период длится 30—60 дней, но иногда и в эти дни случаются заморозки; на северо-востоке (в Каракуле) безморозный период вообще отсутствует. Абсолютные минимумы температуры — 50—53,3°. Суточные амплитуды порядка 35° — дело обычное [25]. В конце лета на Акбеите мы работали без рубашек (температура достигала 25°), но стоило солнцу зайти за хребет, температура резко падала, а ночью вода в палатках замерзала.

Животный мир Памира включает архаров, сибирских козорогов, памирских зайцев, лисиц, сурков, в поясе скал и осыпей и в снежном поясе встречаются снежные барсы и волки. Довольно много птиц [11; 312].

Но и в этих чрезвычайно суровых условиях человеческая жизнь возможна, так как человеческий организм адаптируется к условиям высокогорья, а памирские пастбища могут прокормить значительные стада домашнего скота. Конечно, для вновь прибывших пейзаж кажется совершенно безжизненным, почти таким, как лунный ландшафт для космонавтов. Мне довелось работать и на Мешхеде-Мисрианском плато, и в песках Каракумов, и во многих других местах, но нигде не приходилось испытывать столь удивительного чувства одиночества, оторванности от всего живого, как на Памире.

Человек здесь остается один на один с природой — и с какой природой! На десятки километров тянутся никем не обжитые горно-пустынные ландшафты; и благодаря прозрачности воздуха словно исчезают законы перспективы и дальние и близкие планы становятся одинаково резкими, совмещаясь друг с другом.

Человеческий организм привыкает к кислородной недостаточности, умелые шоферы заставляют двигаться машины, моторам которых также не хватает кислорода, по деревья здесь не растут совершенно, флора очень бедная. Отсюда бросающаяся в глаза и поражающая после Алайской долины или Западного Памира чахлость растительного покрова.

Население Восточного Памира невелико — всего 7,5 тыс. человек (данные 1967 г.) (506, стр. 13]. Это преимущественно киргизы-скотоводы и таджики. Благодаря успехам социализма они живут зажиточно и культурно.

История расширения человеческой ойкумены, освоения таких сложных для жизни человека областей, как Восточный Памир, представляется чрезвычайно важной с общегеисторической и методолого-экологической точек зрения. Для Средней Азии, где остается все меньше «белых пятен», необходимо было выяснить роль и значение истории и культуры Восточного Памира. Это стало тем более актуальным, что памирское поднятие является как бы гигантским клином, разделившим древние культурные долины Ферганы, Алая, Восточного Туркестана, Южнотаджикской депрессии, Северного Индостана. С юга на север, с востока на запад Памир прорезали линии торгово-экономических коммуникаций. Несмотря на трудности пути, здесь проходили и купцы, и паломники, и военные отряды. Но было ли здесь, на Восточном Памире, в древности постоянное население?

Эти вопросы в полном объеме встали перед советскими археологами, изучающими Среднюю Азию, так как дореволюционного наследия в изучении археологии Восточного Памира не было. Фактическим инициатором археологических исследований в этой труднодоступной области был А. Н. Бернштам (1910—1956) — блестящий и высокоэрудированный ученый, один из основателей советской археологии Средней Азии, чьи труды во многих отношениях явились основополагающими. Много лет А. Н. Бернштам успешно изучал памятники древних среднеазиатских кочевников — в Казахстане, Киргизии, Узбекистане. Им были тщательно обследованы Фергана и Алай. Древние передвижения саков, как о них сообщали письменные источники, вели на юг.

Как писал А. Н. Бернштам: «А на юге, куда надо было направить маршруты, стоял грозный Цунлин (Памир), он же Имаус по карте Птолемея» [85, стр. 7]. В 1946 г. А. Н. Бернштам начинает работы на Памире, продолжает их в 1947—1948 и 1952 гг. Он снова приезжает на Памир в 1956 г., уже смертельно больной, и вновь проводит тщательные работы. Это был настоящий научный подвиг. А. Н. Бернштам открыл памятники древних кочевников — могильники на Восточном Памире, раскопал около 60 курганов и культовых мест, определил и датировал обнаруженные памятники и на весьма широком фоне исследовал историко-культурное значение сделанных им находок. Следует вместе с тем заметить, что материалам раскопок 1952 г. он успел посвятить лишь предварительную публикацию, а материалы 1956 г. были опубликованы уже его сотрудниками<sup>4</sup>.

Своими памирскими исследованиями А. Н. Бернштам открыл новую страницу в археологии Центральной и Средней Азии, заложил основы восточнопамирской археологии. Он атрибутировал эти памятники как сакские и датировал в основном V—III вв. до н. э. Культуру древних памирских племен он рассматривал как дериват семиреченской и даже алтайской. Он выдвигал гипотезу о приходе саков на Памир с северо-востока, может быть с Алтая. Вместе с тем А. Н. Бернштам подчеркивал и наличие южных и юго-западных связей в памиро-сакской культуре.

В 1956 г. А. Н. Бернштам умер, не завершив своих исследований по Памиру. Сектор археологии и нумизматики Института истории им. А. Дониша решил продолжить эти исследования как на Восточном, так и на Западном Памире. Специальный отряд под руководством В. А. Ранова обнаружил и изучил памятники каменного века. Так как с 1952 г. я изучал могильники Ферганы [157; 268; 270; 274; 275; 276; 277; 278; 282; 302], руководство раскопками могильников на Памире было возложено на меня. В 1958 и 1959 гг. мною были проведены две большие экспедиции на Восточный Памир. Эти работы были продолжены в 1960—1961 гг. моими сотрудниками и учениками — М. А. Бубновой и А. Д. Бабаевым, группы которых работали под моим руководством [283; 284; 300, также 53]. Позже А. Д. Бабаев открыл сакские памятники на Западном Памире [54]. Всего при этом нами

<sup>4</sup> Основные публикации: 77; 79; 85; 88; также 56 с полным перечнем публикаций А. Н. Бернштама, по священным Памиру. В историографическом плане см. 269, стр. 49—50; 320, стр. 23—24; 370, стр. 185—191

было раскопано свыше 260 курганов и культовых мест. Т. П. Кияткина, непосредственно участвовавшая в экспедициях, изучала краниологические материалы.

Значительные поступления материалов позволили шире рассмотреть вопросы происхождения и истории памирских саков, отказаться от ряда краеугольных оснований концепции А. Н. Бернштама и выдвинуть новые положения.

Готовя материал из могильников Восточного Памира к изданию, я решил не ограничиваться археологической публикацией, а попытаться рассмотреть этот материал в плане истории культуры и истолковать его с помощью имеющихся письменных источников с учетом этнографических, лингвистических и антропологических материалов.

Такое комплексное рассмотрение приводит к неопровержимому заключению, что история и культура племен Восточного Памира (как и Памира в целом) — неразрывная составная часть культуры среднеазиатских племен и народов, тысячами нитей связанная с культурой племен Южной России и Казахстана (особенно скифов и савроматов). То же самое показали раскопки М. А. Бубновой на средневековом восточнопамирском поселении в Ба-

зардаре. Открытые нами памятники культуры, черепа древних жителей, исторические свидетельства, лингвистические материалы — одним словом, все объективные данные не оставляют ни малейших сомнений в том, что в древности на Памире проживали европеоидные по расовому типу восточноиранские сакские племена, составившие впоследствии один из важных пластов современных памирских народностей.

Мне приятно выразить благодарность моим сотрудникам и помощникам, участвовавшим в тяжелых и опасных памирских экспедициях, когда были открыты и раскопаны самые высокогорные в СССР археологические памятники. На протяжении многих лет я пользовался консультациями К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой по вопросам скифо-сарматской археологии; В. А. Лившица — по иранистике; И. В. Пьянкова — по греко-римским источникам; А. К. Писарчик — по среднеазиатской этнографии. Все они очень помогли мне; за недостатки же работы я несу ответственность сам.

Дальнейшее накопление материала позволит заполнить хотя бы часть лакун в наших знаниях, решить те вопросы, ответ на которые пока невозможен, неполон или затруднителен.

# Глава I

## МОГИЛЬНИКИ

### 1. ОПИСАНИЕ

География сакских могильников на Восточном Памире в целом соответствует географии бывших кочевников — сакских племен, ибо могильники располагались вблизи мест кочевания. Последние же определялись орографией и гидрографией этой суровой страны с ее бедными природными ресурсами. В самом деле, жизнь скотоводов была возможна здесь лишь вдоль течения рек и в приозерных впадинах, ибо лишь в этих местах имеются травостои. Главные группы могильников расположены в верховьях р. Оксу (Акбеит, Кызыл-Рабат, Шаймак, Тегермансу, Можуташ), в бассейне р. Истык (могильники Жарты-Гумбаз, Андемин, Айдынкуль, Истык, Малый Истык, Койджилга, Сарыкурум, Чеш-тепе), по р. Памир (Памирская I, Харгуш, Ичкилик); в районе р. Аличур и оз. Зоркуль и Яшилкуль (Яшилкуль и Аличур); по р. Кокуйбельсу (Кокуйбель и Карабулак).

Взаимное расположение могильников показано на карте. Для удобства пользования всем материалом работы описания исследованных могильников располагаются в алфавитном порядке.

#### АЙДЫНКУЛЬ 1 (табл. 48) и АЙДЫНКУЛЬ

В 12 км на восток от Жарты-Гумбеда дорога, ведущая к оз. Сулунгур, пересекает ручей Айдынкуль. К югу от дороги, вдоль западного берега, тянется небольшой, но широкий меридиональный увал высотой 50—150 м. На его плоской поверхности, вдоль края, обращенного к ручью, в 0,8 км к югу от дороги — четыре кургана. Два из них расположены на расстоя-

нии 10 м один от другого, два — южнее: один в 100 м, другой — в 200 м. У основания увала, на первой надпойменной террасе, непосредственно к востоку от верхних курганов, еще два кургана (на расстоянии 40 м один от другого). Это могильник Айдынкуль I. Все шесть курганов были раскопаны [284, стр. 53, 56—57]; два из них оказались разграбленными, два — кенотафы, в двух — не потревоженные захоронения.

Курган № 1. Сплошная каменная насыпь диаметром около 5 м, высотой 0,4 м. В яме, на глубине 0,75 м — скелет, головой на восток, лицом на юг, на спине, руки слегка разведены в стороны, полусогнуты в локтях, кисти положены на таз, ноги отведены влево и согнуты. У правого предплечья — глиняный сосуд и одна бусина.

Курган № 4 имеет такое же надмогильное сооружение. На глубине 0,7 м — мужской скелет, головой на юго-запад-запад. Он лежит на животе, ноги подогнуты под таз, руки согнуты в локтях и кистями вытянуты к коленям. На левом запястье — два, на правом — один железный браслет.

В грудной части позвоночника, несколько выше поясничного отдела, — две бронзовые бляхи, одна в виде пряжки (плохой сохранности). Ниже — четыре соприкасающиеся трубочки — бронзовая, железная, бронзовая и снова железная. Через эти трубочки пропущены тонкие полоски кожи (сухожилия). Ниже, под углом к первым, располагаются еще четыре трубочки, более короткие (длина средней бронзовой трубки верхнего «колена» — 55 мм, длина соответствующей трубки нижнего «колена» — 36 мм, диаметр — около 7 мм). Трубки каждого «колена» также разной дли-





Фото 1. Могильник Акбеит. Нижняя терраса. Общий вид.

ны: несколько более длинные — с одной стороны и более **короткие** — с другой. К концам кожаных полосок, пропущенных через трубочки, а также оплетающих их, привязаны семь двуперых бронзовых наконечников стрел (полоски впущены в отверстия втулок наконечников) (табл. 33).

В 8 км севернее могильника Айдынкуль I, близ оз. Айдынкуль, на дне одного из многочисленных саев, прорезающих морену, — четыре кургана, вытянутых в цепочку почти точно в широтном направлении. Три из них — каменные наброски диаметром 4 — 5,5 м, с высотой насыпи — 0,4 м; один\* имел вид кольца. Это могильник **Айдынкуль**. Раскопаны все четыре кургана. В одном оказалась могильная яма (без материала), три другие — типичные кенотафы.

#### АКБЕИТ

(табл. 49—52, фото 1—3)

Могильник располагается на правобережье Оксу, в 6 км к северу от Кзыл-Рабата. Площадь могильника ограничена с севера правым притоком Оксу — р. Каракуль. На протяжении около 3 км вдоль реки на первой и второй

надпойменных террасах разбросано свыше 100 курганов; больше всего их на первой террасе (около 60).

Могильные сооружения трех типов: 1) круглые или овальные каменные насыпи с кольцом камней по окружности; 2) каменно-земляные прямоугольные насыпи, ограниченные одним или двумя кольцами камней; 3) выкладки — овальные или круглые [56, стр. 54—55; 85, стр. 301; 87, стр. 125].

Могильник открыт и изучен А. Н. Бернштамом. В 1948, 1952 и 1956 гг. он раскопал 31 курган; 10 из них оказались кенотафами. Мы раскопали еще 20 курганов, в том числе один (№ 96) на верхней террасе; семь из них были кенотафами [283, стр. 39].

Наиболее богатые погребения были вскрыты при раскопках А. Н. Бернштама в 1952 г. Приведем их суммарное описание. «В неглубокой, обширной, скорее подквадратной, яме одиночные или парные захоронения... и не только в скорченном, но и в сидячем положении. Некоторые погребения перекрыты тонкими плашками из арчи, в других **случаях** — боевым щитом. Чрезвычайно характерно, что поверх перекрытия часто клалось вооружение: кleveland, меч, **нож**, острием направленный от покойника. Покойники лежат на левом или

правом боку, головой на восток, лицом на север или юг, но не на реку. Перед лицом покойника, как правило, стояли бронзовая плоскодонная чаша (часть из них с омфалом) и деревянная чаша — тарелка с остатками пищи (кости барана). Чашу покойник как бы поддерживал руками. Обильны находки украшений из бронзы и вооружения из железа». Среди находок — своеобразные бронзовые бляхи, великолепный кинжал с замечательной бронзовой художественно орнаментированной рукоятью [87, стр. 125—127].

При его же работах 1956 г. были раскопаны более бедные курганы, которые, однако, дали интересный материал. Так, например, скелет кургана № 19, с окрашенным красной охрой костяком, ориентированным на восток, имел бронзовые и железные браслеты, на шее было ожерелье из 130 бус. В других погребениях были найдены керамика, наконечники стрел, железный клевец, остатки меча, различные украшения и т. д. [56].

При наших раскопках также было вскрыто несколько интересных погребений.

Курган № 35. Прямоугольная, почти квадратная (5,5 X 6,5 м, высота — около 0,3 м), глиняно-щебенчатая насыпь, вытянутая с востока на запад и ориентированная сторонами по странам света; окаймлена прямоугольным кольцом из крупных камней. В центре — овальное кольцо из камней. На уровне горизонта это кольцо стало более четким. Внутри него под наброской из камней — устье овальной в плане могильной ямы, вытянутой с востока на запад. Яма заполнена землей с крупным гравием, у дна заполнение очень плотное. На глубине 0,8 м, на дне — скорченное мужское (возраст — возмужалый) захоронение, головой на восток, на левом боку. Перед лицом (на юг от головы) — деревянная чаша.

Курган № 45. Насыпь (6 X 4,5 м) такого же типа, как у предыдущего, но с меньшим количеством гравия. На уровне древнего горизонта — верхнее захоронение: скорченное, головой на запад, лицом на юг. Голова и верхняя часть скелета лежат выше, таз и ноги — ниже. Перед лицом — глиняная чаша, на позвоночнике, близ таза, железный ножичек. Ниже скелета — рыхлый грунт с кусочками дерева — остатками провалившегося перекрытия. Ниже на 0,7 м, на дне ямы — первоначальное захоронение мужчины зрелого возраста. Захоронение также скорченное, но ориентация восточная, т. е. обратная верхнему захоронению. Здесь имелся также один глиняный сосуд.

Курган № 94. Овально-подпрямоуголь-

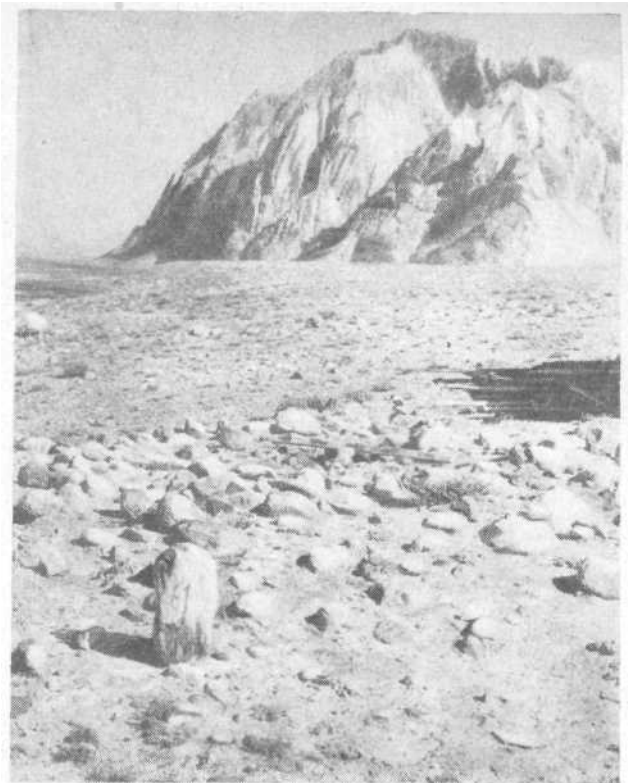


Фото 2. Могильник Акбент. Верхняя терраса. Общий вид

ная насыпь, вытянутая с востока на запад, с внешним каменным кольцом (6 X 7 м), состоящим из двух рядов камней. В центре насыпи — наброска из камней, под которой на глубине около 40 см — устье могильной ямы (глубина — 0,7 м) в виде неправильного овала (1,85 X 1,2 м). На дне — скорченное захоронение мужчины возмужалого возраста (с частично мумифицированными кожными покровами) на дерновой подстилке. Инвентарь более разнообразный: сосуд, кожаный мешочек, бронзовые украшения — крестовидное и в виде миниатюрного топорика.

Среди других погребений интересно погребение в кургане № 93, где покойник был накрыт плетеным из прутьев щитом.

Из находок на Акбеите отметим керамику, бусы, бронзовые бляшки, массивную золотую серьгу и др.

#### АЛИЧУР II и I

(табл. 53—54, фото 4 и план)

Оба могильника располагаются в непосредственной близости один от другого, на террасах, возвышающихся над левым берегом

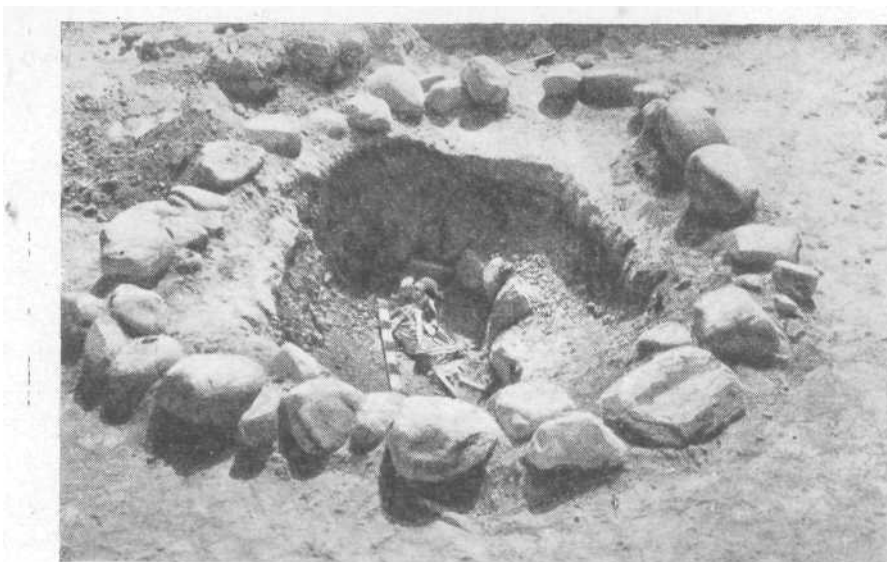


Фото 3. Могильник Акбеит, к. 5 (раскопки А. Н. Бернштама).

р. Аличур, недалеко от впадения ее в оз. Яшилкуль. Река Аличур, разбившись в этом месте на несколько протоков и рукавов, делает большую дугу, поворачивая на запад. Она течет в узкой долине, ограниченной на правобережье небольшим крутым хребтом Акджилга; он разрезан ущельем, через которое протекает впадающая здесь в Аличур речка Бахмалджилга. Левобережный хребет имеет несколько разновысоких прилавков-террас. В этом месте верхняя терраса, возвышающаяся над уровнем реки примерно на 25—35 м, имеет сильную покатость с севера на юг. Поверхность — галечниковая, на ней выступают каменные останцы. В наиболее возвышенном северо-западном углу останца, обращенном к реке, на расстоянии 100 м неправильной цепочкой вытянуты шесть курганов (два из них сомнительные), в 180 м к югу находится еще один (одионый) курган (№3). Есть также несколько каменных колец (?). На северо-западе от этой террасы отходит небольшой уступ. Нижняя терраса (высотой 15 м над уровнем реки) — с горизонтальной площадкой 60 X 180 м. В центре этой площадки расположена группа из пяти курганов, сконцентрированных на площади диаметром около 40 м.

В могильнике Аличур II раскопано пять курганов.

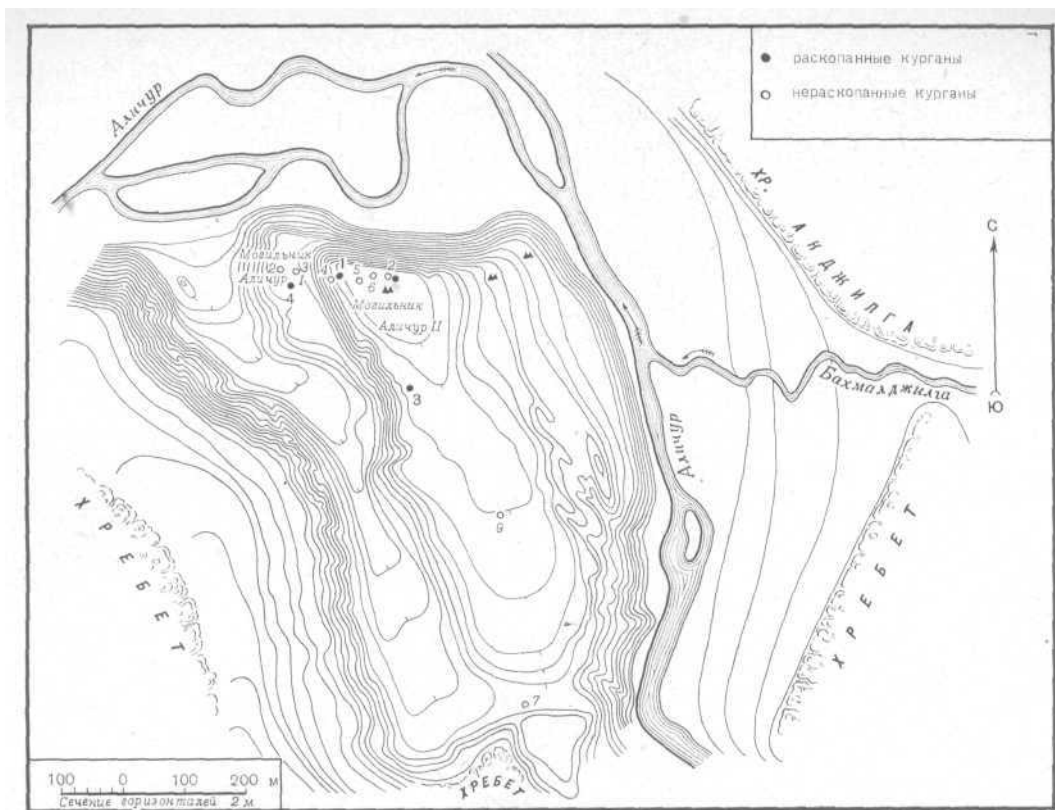
**Курган № 1.** Каменная насыпь-наброска диаметром 6—6,5 м и высотой около 0,3 м. В центре насыпи — провал. После съемки на-

броски обнаружилось кольцо из камней, огибающее неправильный овал могильной ямы (2 X 2,3 м). На глубине 0,7 м — парное захоронение (один скелет расположен над другим).

Верхнее погребение: костяк на правом боку, головой на запад, лицом на юг. Правая рука вытянута вперед и полусогнута в локте, левая также вытянута вперед и согнута в локте. Ноги согнуты в коленях, голени перекрещены, стопы вытянуты. Возраст — юношеский, пол — не определен.

Ориентация нижнего погребения аналогичная, но костяк лежит на спине и отчасти на правом боку. Правая рука отведена в сторону, левая вытянута вдоль тела и согнута в локте, так что предплечье лежит на брюшной части, а кисть — по правую сторону туловища, в положении пронации. Ноги резко согнуты в коленях, стопы рядом и подтянуты под таз. Возраст погребенного возмужалый, пол — мужской.

Инвентарь нижнего погребения: четыре крупные бронзовые «пуговицы»-бляхи (диаметр — 4 см, на тыльной стороне каждой — по две скобки), фрагменты двух железных ножей, бронзовый псалий в виде овальной в сечении пластины с закругленными острыми концами и двумя овальными отверстиями, железное острие (шило?) с ушком на конце, железный клевец, три округлые костяные пластинки. В южном углу — глиняный круглодонный горшок ручной лепки со сферическим



Могильники Аличур I и II. План. Глазомерная съемка автора.

туловом и низким вертикальным горлом. Между горшком и скелетом — кости барана.

Курган № 2. Щебенчатая насыпь (диаметр — около 6 м), оскотуренная двумя круглыми кольцами камней; в центре насыпи — небольшое овальное кольцо, вытянутое с востока на запад. На глубине 35 см — устье ямы, обложенное крупными плитами. Глубина ямы — 1,2 м. На дне — одиночное захоронение. Костяк на спине — правом боку, ориентирован головой на северо-запад (или северо-запад-запад). Правая рука вытянута вдоль туловища (левая сохранилась очень плохо), ноги согнуты в коленях. Позвоночник сильно изогнут, голова опущена на грудную клетку. Перед погребенным — глиняная чаша.

Курган № 3. Внешний вид аналогичный (диаметр насыпи — около 6 м). Могильная яма окружена на поверхности неправильным кольцом и имеет овальное очертание. На дне (глубина — 70 см) — парное захоронение. Оба скелета находились рядом, ориентированы совершенно одинаково — головой на запад, лицом на юг. Позы у этих скелетов, лежащих на правом боку, несколько различны: у северного

скелета ноги согнуты очень резко, у южного — меньше, правая рука вытянута вдоль туловища, левая — согнута в локте (сильнее у северного скелета). Северный костяк — женский, зрело-старческого возраста, южный — мужской, такого же возраста.

У женского скелета близ шейных позвонков лежали 11 крупных стеклянных (желтоватых и зеленых) и каменных бусин, у запястья левой руки — бисер (четыре экземпляра, голубые и зеленые). К инвентарю женского погребения относились также несомкнутая проволоочная серебряная серьга, тонкий пластинчатый серебряный браслет, фрагмент железного браслета и костяная трубочка (длиной 18,5 см) со сквозным отверстием у одного конца. Здесь же стоял круглодонный горшок с почти прямым профилем стенки в верхней половине тулова.

Значительно больше находок было сделано при расчистке мужского скелета. На костях таза лежало фрагментированное железное шило, фрагменты железного изделия и семь железных наконечников стрел. Три из них — трехлопастные черешковые, с концами лопа-



Фото 4. Могильник Аличур II, к. 3.

стей, оформленными в виде шипов (длина их — 3,6 и около 5 см). Остальные — двуперые, с пирамидальными очертаниями, с концами, оформленными в виде шипов (длина целого экземпляра — 5 см). Основная часть находок заключена между скелетом и южной границей ямы. Помимо фрагментов железных ножей, железного кинжала здесь были найдены бронзовый браслет, разрушенная бронзовая чаша, фрагмент многоцветного стеклянного браслета, фигурная железная пластинка, остатки деревянных ножен и деревянного блюда с костями животных.

Особый интерес представляет полный уздечный набор: двухпетельчатые железные удила и псалии в виде пластинок, с обеих сторон завершающихся тесловидными уширениями и с двумя уширениями посередине (с отверстиями). Здесь же найден массивный железный клевец.

Через псалии были пропущены плохо сохранившиеся ремни, на которых укреплены брон-

зовые бляхи. Три из них имеют вид стилизованных птичьих головок, вырастающих из выпуклых розеток, на обратной стороне каждой — ажурная рамка, состоящая из двух перпендикулярных рамок; одна — плоская прямоугольная бляха (3,1 X 2,7 см) с двумя параллельными рамками на обратной стороне и пятая — фрагмент круглой бляхи.

Между мужским и женским скелетами стоял массивный бронзовый котелок с двумя горизонтальными петлеобразными ручками, венчиком, оформленным в виде витой веревочки. Сосуд украшен выступом — изображением орлипоголового грифона.

Курган № 7 могильника Аличур II — кенотаф, на уровне горизонта — фрагменты керамического сосуда.

Курганы могильника Аличур I по внешнему виду не отличаются от курганов верхней террасы. Было раскопано три кургана. Они оказались подбоями.

Курган № 1. Очень невысокая насыпь (30—40 см), окаймленная кольцом камней (диаметр — 7 м). Примерно в центре ее — устье неправильно-овальной ямы (диаметр — 1,5 м), в юго-восточной стенке которой — ступенька (0,2 м) и подбойная яма, в которой на правом боку скорченное захоронение, головой на восток. Инвентарь скудный (костяная рукоятка, плетенка, корзинка), рядом с головой — кости барана. Аналогичное погребение обнаружено и в кургане № 4, но ориентация там на северо-восток. Устройство кургана № 1 несколько напоминает катакомбу-подбой, курган № 4 — настоящий подбой.

#### АНДЕМИН И АНДЕМИН I (табл. 55-58)

На северном берегу Андеминсу (восточный исток р. Истык), там, где тянутся холмы предгорий, на высоте 50—70 м над рекой, на небольшом плоском останце — могильник из 12 близко расположенных друг к другу курганов. Они занимают верхнюю площадку останца (размер ее — 35 X 35 м). Курганы имеют вид колец или плоских насыпей. Это могильник Андемин, все курганы которого были нами раскопаны. Семь курганов оказались кенотафами, три — разграбленными, в двух обнаружены нетронутые погребения [284, стр. 57].

Курган № 1. Округлая в плане насыпь, с двумя кольцами. Центральная часть возвышается на 0,4 м. Заполнение ямы — рыхлый желтый суглинок. На глубине 0,5 м —



скорченный на правом боку скелет, головой на юго-запад-запад, лицом на юг. Руки согнуты в локтях и подведены к лицу, ноги согнуты в коленях, стопы подведены под таз. Под черепом — небольшой камень. На кистях рук — пластинчатые браслеты.

Курган № 4. Аналогичное надмогильное сооружение. Под насыпью — могильная яма неправильно-овальной формы, заполненная рыхлой землей с камнями. На глубине 1 м — скорченное захоронение на левом боку, головой на север, лицом на юго-восток. Правая рука согнута, и кисть подведена к лицу, левая вытянута вдоль грудной клетки. Ноги — под прямым углом к туловищу, в коленях согнуты, стопы подведены под таз. В районе ключиц и шейных позвонков — пять фигурных подвесок из створок раковин. У таза — остатки распавшегося железного ножа или кинжала, близ головы — разбитый глиняный горшок, между ним и коленями — кости барана.

Могильник Андемин I расположен на расстоянии 0,8 км от предыдущего, на противоположном (южном) берегу р. Андеминсу. Здесь, на небольшом мысу, отходящем в сторону реки, на площади 20 X 20 м располагается небольшой могильник, состоящий из пяти курганов. Насыпи их различаются по размерам, две более крупные. Здесь в 1959 г. нами было раскопано четыре кургана (не опубликовано). Два кургана дали материал, два других оказались кенотафами.

Курган № 1. Очень широкое с восточной стороны кольцо. В овальной яме на глубине 0,6 м — скелет, головой на северо-северо-запад, лицом на восток, скорченный на левом боку. Руки согнуты в локтях, так что предплечья располагались перпендикулярно телу, ноги также отведены под прямым углом и согнуты в коленях. В районе груди — подвеска или пуговица из раковины, в области таза — три деревянных и два бронзовых наконечника. Перед коленями — железный клевец, над ними острием к тазу — два железных ножа (один во фрагментах, может быть кинжал). Ниже таза — бараньи кости.

Курган № 3 — сравнительно крупный (диаметр — 5 м, высота насыпи — 0,75 м). В глубокой овальной яме (глубина — 1,2 м) на левом боку слабо скорченное погребение головой на северо-восток-восток, лицом на юг. Левая рука вытянута вдоль тела и подведена к тазу, правая слегка согнута в локте, кистью на тазе, ноги согнуты незначительно. На тазе лежал бронзовый наконечник стрелы, рядом — железный наконечник дротика, в области ключиц — четыре подвески (или пу-

говицы из раковин). Перед лицом — глиняный горшок, нож и железный оселок. На левой руке — бронзовый браслет.

#### БАЛЯНД-КИИК

Могильник расположен в 2 км восточнее могильника Кальта-Тур, среди холмистых предгорий, справа от дороги Кудара — Мургаб. Могильник состоит из пяти курганов: двух очень крупных, с несколькими кольцами диаметром до 11 м, и трех маленьких диаметром 2,5—3 м. Особый интерес представляют курганы № 3 и 5.

Курган № 3. Насыпь высотой 50 см, круглая, диаметром 3 м; сложена из довольно крупных окатанных и рваных камней. В центре — могильная яма овальной формы, заполненная некрупными камнями, галькой и лёссом. На глубине 70 см от края насыпи, у северной стенки ямы — скелет ребенка до 10 лет, в скорченном положении, на спине, ориентирован с запада на восток, лицом к югу. Кости плохой сохранности. Находок нет.

Курган № 5. Невысокая, овальной формы каменная насыпь диаметром 5,4—5 м. В центре насыпи могильная яма типа каменного ящика (1,8 X 1 м), ориентирована с запада на восток. Каждая длинная сторона ящика сложена из трех удлиненных плоских камней, короткая — из одного камня. Заполнение ящика — гравий, галька и лёсс.

#### ЖАРТЫ-ГУМБЕЗ I-V

(табл. 59—64)

В районе пункта Жарты-Гумбезд берега Истыка резко террасированы. Так, на левом (восточном) берегу, кроме надпойменной, имеется еще по крайней мере три террасы. На этих террасах, как и на правом берегу, концентрируются небольшие группы курганов, которые соответственно и названы Жарты-Гумбезд I—V. В этих могильниках раскопано 18 курганов [284, стр. 52—53].

Могильник Жарты-Гумбезд I расположен в непосредственной близости от пункта Жарты-Гумбезд, на правом берегу р. Истык, на высокой (около 50 м) второй террасе. Раскопано три кургана.

Курган № 1. Насыпь округлая в плане, кольцо по ее краю выложено из крупных камней размером до 0,4—0,5 м. В восточной части насыпи на ребро поставлен крупный камень размером 0,6 X 0,7 м. Диаметр насыпи — 6—7 м, высота — 0,75 м. Под насыпью —

яма округло-овальной формы, заполненная галечником и рыхлой землей. На глубине 1 м обнаружены остатки деревянного перекрытия. Скорченный на правом боку скелет ориентирован головой на восток, лицом на юг. Перед лицом скелета две чаши — фрагментированная плоская деревянная и бронзовая плохой сохранности. На большом деревянном блюде — многочисленные кости барана. У левой руки, близ ключицы, — стеклянные и орнаментированные каменные бусы, бронзовые украшения. Из оружия найдены железный кинжал и клевец (фрагмент). Отсюда же происходят два сосуда.

В этой группе раскопано еще два кургана, один оказался разграбленным, другой — кенотафом.

Жарты-Гумбез II расположен на противоположном, левом берегу Истыка, на верхней террасе, на северной границе пункта Жарты-Гумбез. Раскопано пять курганов.

Курган № 1. Насыпь высотой 0,5 м, диаметром 5 м, сложена из камней; по краю обведена кольцом из крупных камней, внутри него — второе кольцо. На глубине 1,2 м — могильная яма, скелет мужчины зрелого возраста, скорченный на левом боку, головой на северо-восток-восток. Правая рука согнута в локте и вытянута вперед, левая — вытянута. Ноги вытянуты вперед и согнуты под прямым углом в коленях. Обнаружены крупный глиняный горшок и глиняная чаша, оселок, железные нож и кинжал, значительная часть туши барана.

Курган № 4. Насыпь крупная (диаметр — 7 м, высота — 0,6 м), по краю обведена кольцом из больших камней; один из них, размером 0,5 X 0,7 м, поставлен в восточной части насыпи на ребро. В могильной яме на глубине 1,3 м — скелет на левом боку, головой на восток, лицом на юг. Правая (верхняя) рука согнута в локте и лежит на груди, левая слегка отставлена и вытянута вдоль костяка. Ноги незначительно подогнуты и согнуты в коленях. Перед скелетом — железный нож, бронзовая чаша, ниже, против ног, — кости барана. Около черепа — фрагментированное железное изделие, у таза — бронзовая бляшка.

Курган № 3 — кенотаф, курган № 2 и 5 — разграблены.

Жарты-Гумбез III расположен в 3 км к югу от населенного пункта, на правом берегу. Раскопано четыре кургана: два — со скорченными костяками, ориентированными головой на восток и северо-восток, один — кенотаф и один — разграбленный. Погребальный инвентарь почти отсутствует (один фрагментиро-

ванный сосуд). В кургане № 2 — женский костяк, в области таза — скелет утробного ребенка.

Жарты-Гумбез IV расположен в 2 км от предыдущей группы курганов; раскопано четыре кургана.

Курган № 1. Прямоугольная выкладка — кольцо (8 X 10 м) из одного ряда крупных камней, по углам — большие камни. В середине — два вписанных одно в другое смыкающихся кольца, в центре камней нет. Именно здесь выявилась могильная яма. На глубине 0,85 м — мужской костяк, скорченный на левом боку, головой на восток. Инвентарь — фрагмент керамики.

Аналогичное наземное сооружение у курганов № 2 и 3, но они оказались кенотафами, так же как и курган № 4, с насыпью из камней (диаметр — 4—5 м, высота — 0,45 л).

Жарты-Гумбез V — небольшая группа из четырех курганов в 4 км юго-западнее Жарты-Гумбеза. Насыпи округлые в плане, без кольца. Вскрыто два кургана. Один содержал на глубине 1 м сильно скорченное погребение на правом боку, головой на запад, второй разграблен, костяк растащен. Инвентарь отсутствует в обоих.

#### ИСТЫК

(табл. 65 и фото 5)

Истык является самым северным завершением группы могильников Жарты-Гумбез. Расположен в 4 км севернее пункта Жарты-Гумбез на террасах правого (восточного) берега Истыка. В южной части первой террасы (здесь производились раскопки) — группа из четырех курганов, а затем одиночные курганы тянутся на север на 1,5 км. На второй террасе курганов меньше — в основном кольца. Два кургана есть и на верхней террасе. Всего курганов 12, колец — 15. Раскопано три кургана (1959) [284, стр. 51—52, 56—57].

Курган № 1. Насыпь имеет вид плоского кольца из средних по величине камней, заполненного внутри средним камнем и щебнем. В западной части насыпи находится овальная могильная яма, вытянутая с северо-востока на юго-запад. На глубине 0,7 м от поверхности — скелет, скорченный на левом боку, головой на северо-восток, лицом на юг. Скорченность ног максимальная, левая рука вытянута и полусогнута на таз, правая вытянута и полусогнута в локте. На ребрах, вдоль позвоночника, лежит длинный плоский деревянный гребень (?); ру-

кояткой к голове положена деревянная ложка. В головах, вдоль стены, — следы толстых деревянных прутьев, тут же — фрагмент черешка железного ножа. Погребение сопровождалось одним глиняным горшком.

В западной половине ямы, почти с самого ее устья, вдоль продольных стен опускались вниз четыре деревянные палки (диаметром 3—3,5 см), уходящие под скелет. При расчистке выяснилось, что захоронение лежало на насыпке из круглых камней. Палки имеют вид дуг, вставленных округлым концом в могильную яму. На дне, на глубине 1,05 м, поверх этих палок лежала одна поперечная палка. Еще ниже, на глубине 1,25 м, оказалось другое, нижнее захоронение — скорченное на боку, головой на восток, лицом на юг. Скорченность ног очень сильная, руки отведены от тулова и положены так, что кисти лежали одна на другой.

Инвентарь погребения: деревянный сосудик хорошей работы, железные трубочки-ножны, железное, фигурное, прорезное и другие украшения, железный клевец, крючок и кольцо, деревянное блюдо.

Курган № 2. Сверху кольцо из камней (диаметр — около 3 м), внутри заполнение из щебня и гальки. На глубине 0,5 м в овальной яме 1,2 X 0,7 м в полном беспорядке разбросанные кости человеческого скелета. Сохранились бронзовые колокольчик, ворварки, бусы, фрагменты керамики.

Курган № 3. По типу сооружения аналогичен предыдущему. Скелет (детский) — скорченный на левом боку, головой на запад, лицом на север. На левой руке несомкнутый бронзовый браслет из граненого прута, на правой — железный из плоско-выпуклого прута. В области виска — пять бусин (три стеклянные, одна костяная и одна из плода растения). На пальцах левой руки лежит бронзовый бубенчик.

### ИЧКИЛИК ~

Расположен на правом берегу р. Памир, юго-западнее Харгуша, на пойме, под прилавком Ваханского хребта. Здесь всего восемь сооружений, из них пять — уплощенные каменные насыпи диаметром 2—8 м, высотой — 0,1—0,2 м; одна более высокая насыпь (0,4 л.); три кольцевых выкладки. Обнаружен и раскапывался А. Н. Бернштамом.

В одном кургане под низкой насыпью — яма, ориентированная на западо-восток, с разграбленным захоронением. Две кольцевые вы-



Фото 5. Могильник Истык. Общий вид.

кладки — культовые кромлехи, в одном кольце — зольное пятно. Курган с более высокой насыпью содержал труположение с согнутой рукой, без инвентаря. Этот последний А. Н. Бернштам датирует VIII—X вв. н. э., остальные считает сакскими [85, стр. 286, 317].

### КАЛЬТА-ТУР

Расположен на правом берегу небольшой горной речки Кальта-Тур, на первой и второй террасах, справа от дороги Кудара — Мургаб. Курганы разбросаны на большом расстоянии один от другого (200—300 м). Всего раскопано 12 курганов, из которых представляет интерес № 3.

Курган № 3. Насыпь выше уровня горизонта, образована из крупных окатанных камней. Диаметр насыпи: с севера на юг — 3,7 м; с запада на восток — 5,8 м. В центре — яма,



Фото 6. Могильник Кзыл-Рабат. Рабочий момент.

ориентированная с запада на восток. Заполнение — лёсс и щебень, глубина — 75 см.

В могильной яме два скелета — скорченные, на спине, ноги изогнуты в коленях. Они, по-видимому, одновременны. Правый скелет (северный) расположен чуть ниже второго (южного). Череп первого лежит на груди, лицом вниз, видимо придавлен насыпью сверху. На некоторых костях, особенно на ребрах, — следы синей и красной краски.

Находки: сверху, слева — круглодонный сосуд во фрагментах; слева, внизу — плоское каменное точило, в правом нижнем углу — кости, по-видимому, целого барана; две каменные палочки для сурьмления бровей и одно костяное шильце; у правого ушного отверстия черепа левого скелета — бронзовая серьга, рядом — бронзовая бусина.

#### КЗЫЛ-РАБАТ (табл. 66 и фото 6—10) И КЗЫЛ РАБАТ II

Расположен в 400 м от р. Оксу, на ее правом берегу, к востоку от поселка Кзыл-Рабат. Находится на первой надпойменной террасе, на переходе к увалам второй террасы, т. е. примерно в тех же геоморфологических условиях, что и Акбеит; он, собственно, и расположен рядом с последним. Здесь очень компактно на площади 35 X 40 м сконцентрировано 13 курганов. Раскопаны все, почти половина — полностью или частично разграблены. В окрестностях, главным образом на вто-

рой террасе, встречаются одиночные курганы. Вещественный материал, полученный при раскопках могильника, очень беден, по представляет большой интерес конструкция могильных сооружений.

Курган № 1 — единственный неразграбленный. Под низкой каменной наброской (диаметр — 6 м, высота — около 0,2 м), без менгирного кольца, состоящей из крупных камней и земли, — яма овальной формы, ориентированная с востока на запад. В яме на глубине 0,3 м, на правом боку, головой на северо-восток — сильно скорченный скелет. Руки согнуты в локтях перед грудью, очень высоко подтянуты и колени, но кости голени идут параллельно позвоночнику. Перед головой, у края ямы — глиняный плоскодонный горшок, рядом с ним — кости барана.

Курган № 4. Такая же, но более высокая насыпь (высота — до 0,35 м). Овальная яма, ориентированная с востока на запад, перекрыта большими (до 0,8 X 0,4 м) тонкими сланцевыми плитами, разложившимися и просевшими. Погребение скорченное на правом боку, головой на восток (или северо-восток-восток). Ноги согнуты, правая подтянута значительно выше левой («верхней»). Руки согнуты в локтях, кости предплечья вытянуты вперед, так что кисти располагаются у колена правой ноги. Инвентарь отсутствует.

В кургане № 5 под насыпью были найдены три громадные каменные плиты (наиболее крупная — 2,0 X 0,35 м при толщине 0,15 м), похожие на «горбыли». Они служили

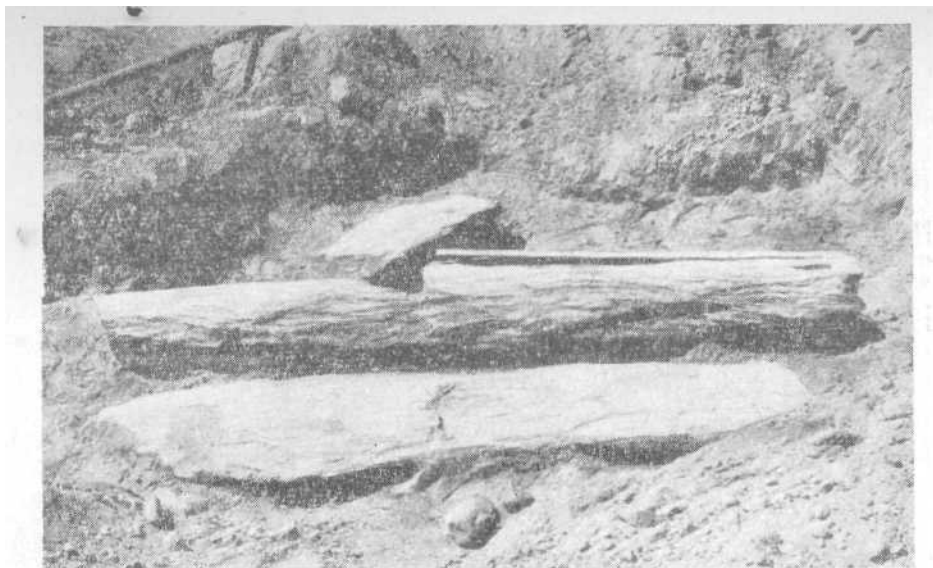


Фото 7. Могильник Кзыл-Рабат, к. 5. Каменное перекрытие.

для перекрытия, но при ограблении были сдвинуты с первоначального места. На дне ямы — несколько длинных костей скелета.

Курган №6 интересен наличием обрамляющего насыпь кольца из камней. Ограбленная и частично разрушенная могильная яма первоначально была облицована вертикальными плитами. Найдены части скелета, рядом — глиняный горшок и орнаментированный наглазник из раковины.

Курган № 7. Подпрямоугольная выкладка  $3 \times 3,5$  м. На ее северной стороне — три крупных, поставленных на ребро камня, в том числе одна крупная плита. На глубине 40 см от поверхности — могильная яма овальной формы, камера, стенки которой в два яруса облицованы каменными плитами. В южной части яма перекрыта каменной плитой. Погребение полностью разграблено.

В кургане № 12 детское (возраст — около 7 лет) погребение на правом боку, ноги сильно согнуты, колени подтянуты к груди, пятки — к тазу. В шейной части — стеклянные бусы вперемишку с коррозированными железными колечками (?).

На левом берегу Оксу, в 1,5—2 км северо-восточнее Кзыл-Рабата, на краю первой террасы на протяжении 500—600 м расположена группа из девяти курганов. Это могильник Кзыл-Рабат II. Курганы представляют собой небольшие насыпи из камня, округлые в плане (диаметр — 2,5 ж), и плоские выкладки, овальные и четырехугольные в плане [300, стр. 30]. Раскопано два кургана, один из них

(№ 1) содержал погребение. На глубине 0,35 м в овальной яме на левом боку, головой на северо-восток, лицом на восток — скорченный скелет. У головы — фрагменты керамики и альчик.

КОЙДЖИЛГА  
(табл. 67/1-11)

Расположен в 12 км точно на юг от населенного пункта Жарты-Гумбез. Именно здесь образуется р. Истык в результате слияния многочисленных ручьев, текущих с востока, и одного — с запада. Долина р. Истык здесь резко расширяется, превращаясь в широтную. С юга ее замыкает широтный террасовидный останец (0,6 X 0,3 км) с очень пологим склоном (высота его — 100 м). На верхней площадке останца, примерно в центре, в пятидесятиметровой полосе, вытянутой с востока на запад, 13 курганов.

В 1959 г. нами было раскопано 11 курганов, в них или не оказалось захоронений (четыре кенотафа), или встречались абсолютно бедные, практически безинвентарные детские захоронения с очень плохо сохранившимися костяками на глубине 20—40 см от поверхности. Захоронения на поверхности обозначены кольцом из камней диаметром от 2 до 4 ж. Положение скелета в большинстве случаев не ясно, можно отметить лишь, что в некоторых случаях оно было скорченным (курган № 1).



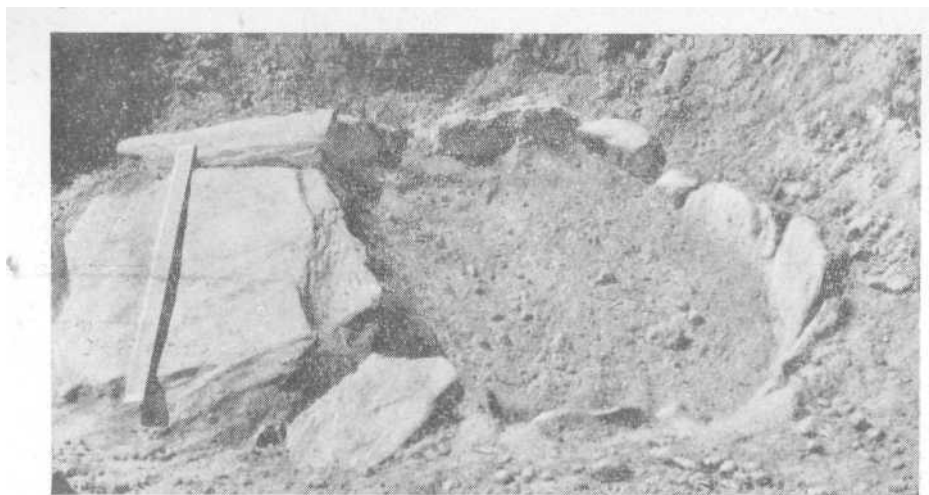


Фото 8. Могильник Кзыл-Рабат, к. 7. Устье могильной ямы.

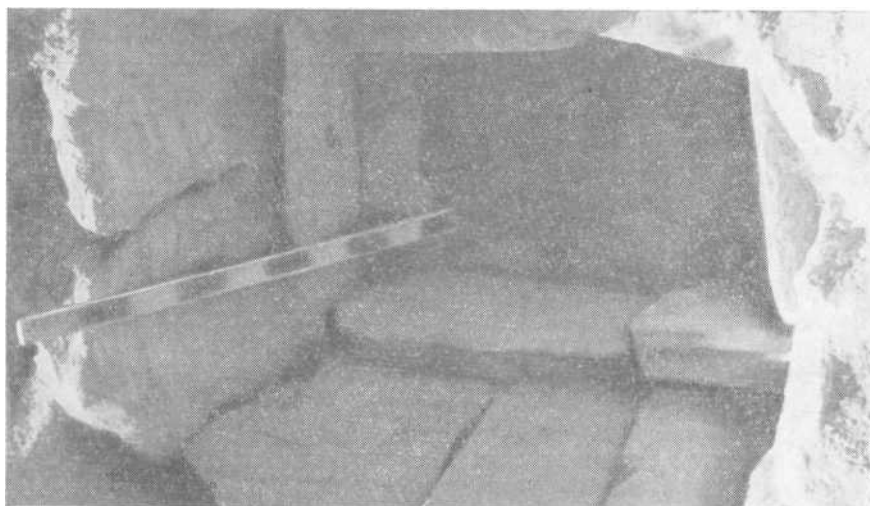


Фото 9. Могильник Кзыл-Рабат, к. 7. Камера.



Фото 10. Могильник Кзыл-Рабат, к. 7. Камера.

В кургане № 2 на глубине 20 см — остатки скелета ребенка до года; сохранилась лишь часть черепа. Здесь найден глиняный узкогорлый шаровидный горшочек.

Курган №5 дал захоронение ребенка; обнаружен фрагментированный сосуд.

В кургане №7 на глубине 40 см — скелет подростка, полуприкрытый каменной плитой, вкопанной в грунт.

**КОКУЙБЕЛЬ, КОКУЙБЕЛЬ I и II**  
(табл. 67 III-IV; 68)  
**КАРАБУЛАК**

Могильники обследованы нами в 1959 г. [284, стр. 55].

Собственно могильник Кокуйбель находится на второй террасе, на правом, западном берегу р. Кокуйбельсу. Вдоль подъема к третьей террасе на расстоянии 110 м разбросано четыре кургана, образующих нечто вроде цепочки. В северном кургане — трупосожжение (табл. 67/III-IV), в остальных находок нет.

В 100 м на северо-восток от этого могильника, на краю террасы расположено мусульманское кладбище. Оно стоит на месте какого-то очень древнего могильника, состоящего из трех прямоугольных оградок, ориентированных на восток — запад и расположенных в один ряд. Каждая прямоугольная выкладка посередине разделена продольным ребром. С севера могильник ограничен громадной выкладкой — «стрелой», ориентированной с юго-запада-запада на северо-восток-восток (ширина ее — 3 м, длина — 27 м).

Вдоль по течению р. Кокуйбельсу, на ее правом берегу расположены могильники Кокуйбель I и Кокуйбель II. Пробные раскопки на этих могильниках не дали существенных материалов.

При разведках обнаружен еще один могильник, на левом берегу р. Бозбайтал — левого притока Кокуйбельсу. Этот могильник, находящийся в местности Карабулак, состоит из 10 курганов. Среди них один имеет вид типичного карамазарского каменного ящика — курума. Камера его вытянута с востока на запад, расширяясь к востоку. Насыпь не имеет выраженных колец. Диаметр насыпи — 7,5—8,5 м, длина камеры — 3 м, ширина — 0,76—1,5 м. Последующие раскопки этого сооружения в 1962 г. Э. А. Юркевичем показали, что сооружение внутри не сохранило никаких вещественных остатков.

**КУНТИ-МУШ**

Одиночные курганы и небольшие группы их имеются во многих местах в районе Яшилкюля. Так, в 8 км юго-западнее Булункюля, в местности Кунти-Муш, раскопан один курган. Погребена была женщина старческого возраста. Захоронение нарушено. Судя по нетронутым частям скелета, он был ориентирован головой на запад. Ноги были согнуты в коленях, но не резко. Инвентарь — один шаровидный горшок с ручками.

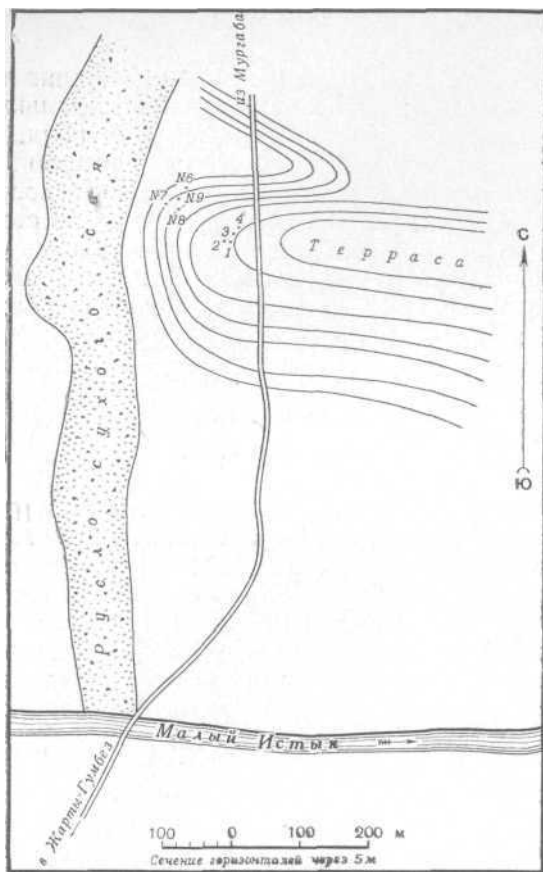
**МАЛЫЙ ИСТЫК**  
(табл. 69 и план)

Дорогу, ведущую к Жарты-Гумбезу, в 10 км от него пересекает левый приток Истыка. Местность здесь имеет вид циркообразной долины (диаметр — 5—6 км), со всех сторон окруженной горами. В 0,8 км на север от реки дорога пересекает небольшую грядку — останец террасы, повышающуюся с запада (где ее высота — около 15 м) на восток и примыкающую к горам. На гребне гряды, на площади 50X10 м<sup>2</sup> — четыре рядом расположенных кургана. На нижней площадке — еще четыре кургана. На север и северо-запад от могильника на других останцах встречаются отдельные курганы.

Могильник раскапывался нами в 1959 г., материал не публиковался. Раскопано шесть курганов, из них три — кенотафы.

Курган № 1. Округлая в плане насыпь, состоит из двух колец, пространство между которыми пустое. Диаметр насыпи — около 5 м, высота — 0,3 м. Под насыпью — овальная могильная яма, на глубине 0,6 м — скелет, ориентированный головой на юго-восток, лицом на восток, сильно скорченный, на левом боку. Правая рука согнута в локте и лежит на груди (кисть у лица), левая вытянута вдоль костяка; пяточные кости стоп подведены вплотную к тазу. В южной части ямы, у головы, со стороны лица, найден глиняный горшок.

Курган № 5. Большая округлая насыпь диаметром 9—10 м обведена широким кольцом из камней. Яма (глубиной 0,7 м) заполнена крупными камнями и рыхлой землей, дно оформлено в виде каменного ящика с помощью поставленных на ребро каменных плит (размером 40X50 — 60X70 м). С одной торцевой стороны плита отсутствует. Скелет на спине, головой на северо-северо-запад, руки вытянуты и положены кистями в области та-



Могильник Малый Истык. План. Глазомерная съемка автора.

за, ноги вытянуты. Погребальный инвентарь отсутствует.

Курган № 6. Детское погребение на глубине 1,4 м — скорченный на правом боку скелет, головой на восток. Погребальный инвентарь отсутствует.

#### МОЖУТАШ II

В 12 км к югу от Кыл-Рабата, близ урочища Можуташ, на левых террасах Оксу расположено два могильника: на нижней — Можуташ I, на верхней — Можуташ II. Раскапывались нами в 1958—1959 гг. [283, стр.40].

Могильник Можуташ I расположен на гладкой поверхности первой надпойменной террасы Оксу (высота — 6—10 м над уровнем реки). Здесь, на площади 100×60 м<sup>2</sup> — 20 курганов. Раскопано 13, оказавшихся в большинстве или детскими с очень бедным инвентарем, или ограбленными; два кургана были кено-

тафами. Характерно наличие у насыпей всякого рода «усиков», кругов и т. д.

Курган № 2 имеет вид кольца (диаметр — 0,3 м) из небольших камней; внутри оно заполнено гравием (на высоту до 0,3 м). На диаметрально противоположных концах, с востока и запада, к кольцу вплотную примыкают снаружи два маленьких овальных кольца диаметром около 0,35 см. На глубине 0,5 м в овальной яме — скорченное детское захоронение, головой на восток. Правая рука резко согнута в локте, кисть — у подбородка, левая вытянута вдоль тела, кисть — под правым коленом. Ноги согнуты, причем правая — нерезко. Возраст — 3—5 лет. Инвентарь отсутствует.

Курган № 4. Юношеское захоронение (до 18 лет), головой на восток, лицом на юг, на левом боку. Левая рука резко согнута в локте, кисть — перед лицевой частью черепа. Правая рука согнута, но меньше, кисть — перед областью живота. Ноги согнуты сильно, но неодинаково, перед грудной клеткой — круглодонный сосуд, у шеи — три бусины.

Курган № 8. Детское захоронение на левом боку, головой на восток, лицом на юг. Левая рука вытянута, правая согнута в локте. Ноги согнуты. Перед лицом — глиняный сосуд, в засыпи кургана — несколько мелких бронзовых украшений.

Могильник Можуташ II расположен в 1 км к северо-востоку от предыдущего, но уже на второй террасе. Поверхность сильно расчленена и изрезана мелкими неровностями и оврагами, покрыта галькой и камнями. Здесь, в полосе протяженностью около 65 м, десять курганов. Раскопано шесть курганов, из них два кенотафа.

Курган № 1. Громадная прямоугольная выкладка (13×6 м) из очень крупных камней. В центре — сплошная засыпка из таких же камней (3×1,5 м), ориентированная с юго-востока на северо-запад. Могильная яма глубиной 0,65 м по дну обложена крупными камнями. Костяк лежит на спине, головой на юго-восток, руки полусогнуты в локтях, кисти — в области лобка. Ноги слегка согнуты в коленях и отведены направо. Пол женский, возраст — до 30 лет. Череп в лобной части трепанирован. Рядом с головой — один сосуд.

Курган № 4. Сплошная полусферическая насыпка из крупных камней. Под ней — слабо скорченный скелет юноши на левом боку, головой на северо-восток, лицом на юг. Правая рука полусогнута в локте, кости предплечья идут наклонно вниз, к колену. Левая рука резко согнута в локте, кисть лежит перед ли-

цом. Ноги согнуты в коленях под прямым углом. Череп окрашен рхрой. Перед лицом — деревянная, за ней — бронзовая чаши, тут же много остатков ткани. Рядом — кости барана. В области таза — деревянная плетенка с берестой (может быть, фрагмент щита). Покойник имел боевой пояс с бронзовыми оковками. К нему наклонно был подвешен бронзово-железный кинжал в кожаных ножнах — он лежал вдоль правого бедра, причем рукоять была обращена к тазу. У правого бока лежали кожаный щит и плохо сохранившиеся стрелы.

Курган № 5. Скорченное захоронение (мужчина старческого возраста), головой на восток. Найден акинак, в насыпи — бронзовый наконечник стрелы.

По дороге из Кзыл-Рабата в Можуташ — одиночные курганы. Один из них, с громадной прямоугольной выкладкой (20X7 м), вытянутой с северо-северо-востока на юго-юго-запад. В центре — круглая, выложенная из камня крупных размеров выкладка. Под нею — устье могильной ямы, где на глубине 1 м на грунте разбросаны части человеческого скелета.

#### ПАМИРСКАЯ I (ТАМДЫ)

Находится на правом берегу р. Памир, на высокой террасе — прилавке Аличурского хребта. Здесь компактно располагаются 18 сооружений (двумя группами): курганы с насыпью, выкладки и культовые оградки. Могильник был обнаружен А. Н. Бернштамом и полностью раскопан им. Большинство содержало единичные захоронения, три — двухгоризонтные, одна оказалась культовой выкладкой.

Курган № 5 — наиболее крупный. Диаметр насыпи — 11,5 м при высоте — 1,35 м.

Курган № 8. Диаметр насыпи — 3 м, высота — 0,15 м.

Курган № 10 дал самый богатый материал. Насыпь диаметром 5 м, высотой 0,45 м, возможно — два concentрических кромлеха. Под ними — рога архаров, окаймляющие могильную яму (глубина ее — 0,65 м). На левом боку — скорченный костяк, головой на восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте. Около черепа — деревянный колчан, обитый кожей, в нем 35 стрел.

На колчане — акинак в кожаных ножнах. Под колчаном — остатки кожаного горита с защитой в него бронзовой фигуркой козла. Здесь же — остатки деревянного прибора для добывания огня. Около головы — бронзовые украшения, за спиной — бронзовые удила и псалии.

Наряду с таким богатым захоронением имелись погребения с очень бедным инвентарем, например курган № 2 с женским захоронением, которое сопровождалось лишь одним глиняным горшком.

Аналогичным является курган № 6.

В кургане № 3 женское захоронение сопровождалось более богатым и разнообразным инвентарем. Здесь наряду с сосудом было ожерелье из 48 бусин, на руках — железные браслеты, бронзовая спираль и др.

Курган № 9 имел впускное захоронение в насыпи — мужчина с конем. На костяке лошади — удила с круглыми псалиями, стремяна [85, стр. 288—301; 87, стр. 122—125].

#### РАНГКУЛЬ I И II

(табл. 70)

В плоской местности, к востоку от оз. Рангкуль, в 6 км на юго-восток от населенного пункта Рангкуль, по дороге на перевал Сарыташ — групповое расположение пяти курганов. Это могильник Рангкуль I. Здесь раскопано четыре кургана.

Курган № 1. Четкая насыпь без кольца (диаметр — 3 м, высота — 0,4 м). Под нею — могильная яма, заполненная рыхлой землей, камнями, галечником. На глубине 1,5 м — вытянутый на спине мужской костяк головой на юго-восток, лицом на юг. Погребальный инвентарь отсутствует. Непосредственно над костяком — остатки арchedного перекрытия (по всей длине ямы), над ним — каменные плитки размером 10X20 см.

Курган № 2. Такое же надмогильное сооружение. На глубине 0,7 м — остатки плохо сохранившегося скелета, также на спине, головой на юго-восток. Около ног — фрагменты бронзового сосуда, на левой руке — бронзовый браслет, у головы — височное бронзовое кольцо-серьга, фрагмент глиняной чаши и плетеной корзинки, у ног — каменная плакетка для растирания краски.

Курганы № 3 и 4. Аналогичные вытянутые на спине погребения, яма перекрыта арchedными палками.

В 8 км на северо-запад от населенного пункта Рангкуль по дороге к пункту «Прииски», к югу от дороги тянется небольшая гряда. У ее подножия разбросано около десятка курганов в виде широких колец (диаметр — 3—4,5 м). Это могильник Рангкуль II. Вскрыт один курган, в котором содержалось разграбленное погребение.

В этом районе имеется еще несколько групп

курганов. Так, в ущелье Чембулак (от населенного пункта Рангуль 11 км на юго-восток-восток) отдельные курганы с насыпью из камней разбросаны на первой надпойменной террасе. Один из них был вскрыт. Под насыпью (диаметр — 2,5 м, высота — 0,2 м) обнаружен скелет в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад. Череп отсутствовал. Вещевого материала нет.

В местности Бель-Утек (до перевала того же названия 6 км) на останце древней размытой террасы зарегистрированы одиночные курганы в виде невысоких насыпей из камня. Один из них раскопан. В могиле оказалось несколько костей скелета и отдельные фрагменты глиняного сосуда [300, стр. 31].

#### САРЫКУРУМ (САРЫГУРОЗ)

В 2 км на юго-юго-восток от могильника Койджилга, у подножия гор в широтной долине — маленькая грядка. На ее гребне на расстоянии 0,5 км разбросано пять курганов, три из которых нами раскопаны в 1959 г. (не опубликованы).

Курган № 2. Округлая в плане насыпь (диаметр — 3,5—4 м). В восточной части насыпи на ребро поставлен крупный камень. Под насыпью найден небольшой железный ножичек. Ниже, уже в могильной яме, — череп архара. На дне ямы, на глубине 0,7 м — скорченный скелет на спине, головой на северо-запад. Ноги согнуты в коленях, правая рука отставлена и вытянута, левая согнута на груди. На правой руке — остатки бронзового браслета, на левой — стеклянные бусы плохой сохранности, у ног — кости барана.

Курган № 1. Сильно скорченное захоронение мужчины (возраст — возмужалый) на левом боку, головой на восток. Правая рука согнута и поднята к голове, левая вытянута. Колени подведены к подбородку, стопы ног — к тазу. Инвентарь отсутствует.

Курган № 3. Скорченный на левом боку скелет (женщина возмужалого возраста) ориентирован головой на северо-запад. Инвентарь отсутствует.

#### ТЕГЕРМАНСУ, ТЕГЕРМАНСУ I, II и III (табл. 71-76)

В 7 км на юго-запад от населенного пункта Кзыл-Рабат в Оксу справа впадает небольшая река Тегермансу, текущая здесь с юго-юго-востока на северо-запад-запад в узком

(50—200 м) ущелье, прорезанном в морене. Восточный борт ущелья, обращенный к Тегермансу, террасирован, с севера он также террасирован, но уже в сторону Оксу. На поверхности каждой террасы (а их здесь не меньше четырех) — дополнительные уступы. Нижняя (первая) терраса примерно соответствует нижней Акбеитской. Именно на ней, в западном углу ущелья расположено семь небольших выкладок. Затем на расстоянии около 400 м тянутся курганы, преимущественно на краю второй выкладки (семь курганов) и третьей (пять). Это могильник Тегермансу, раскапывавшийся в 1959 г. [284, стр. 53—54; в предварительном отчете он называется Тегермансу I].

Здесь раскопано 20 курганов, из них 11 оказались кенотафами, 5 — разграбленными, остальные содержали погребения, большей частью безинвентарные.

Интересен курган № 1. Невысокая (0,15 м) округлая в плане насыпь (диаметр — 2,5 м), сложенная из камней, по окружности — каменное кольцо. В яме на глубине 0,8 м — скорченный костяк, голову на юго-восток, на правом боку. Ноги сильно согнуты в коленях, пяточные кости подведены под таз. Согнуты и руки. Между лицом и правой рукой — кости барана и бронзовый нож.

Курган № 2 дал ярусное захоронение. Под насыпью — верхнее (мужское) захоронение, сильно скорченное на левом боку, головой на восток. На дне ямы — женское захоронение, скорченное на правом боку, головой на запад.

Далее на юго-восток от могильника Тегермансу тянется могильник Тегермансу II. Здесь, на прибрежных террасах, в полосе протяженностью около 300 м разбросано 40 курганов. Они имеют конусообразные, иногда уплощенные насыпи. Раскопано 24 кургана, 9 дали погребения [300, стр. 30].

Курган № 1. Диаметр — 6 м, высота — 0,5 м. Насыпь из крупных камней и щебня. Под ней в центре — могильная яма, овальная в плане, размером 2×1,6 м, по длинной оси ориентирована с севера на юг. Засыпь из мелких камней, щебня и песка. На глубине 1,2 м — остатки перекрытия из круглых в сечении (диаметр — 0,5 см) деревянных палок, положенных в два ряда. Здесь же обнаружен железный боевой топорик. Под перекрытием оказался скелет, лежащий в скорченном положении на правом боку, головой ориентирован на северо-восток, лицом повернут на северо-запад. Перед скелетом с северо-западной стороны — два глиняных горшка и деревянная чашечка,



за черепом — каменный предмет, за спиной — задняя часть туши барана (?), железный нож и глиняный горшок.

Курган № 12. Диаметр — 5 м, высота — 0,4 м. Насыпь из камней и щебня, под ней — могильная яма, овальная в плане, размером 2X1,7 м, по длинной оси ориентирована с севера на юг. Засыпана землей и камнем. В ней на глубине 1 м — захоронение. Скелет в скорченном положении на левом боку, головой ориентирован на восток, лицом обращен на юг. В юго-восточной части могильной ямы — часть скелета животного (барана?), некоторые кости разбросаны в центре. Здесь же — два глиняных сосуда (чашка и кувшин).

Курган № 9 содержал ярусное погребение. На глубине 0,7 м от дневной поверхности — верхнее захоронение (сохранилось плохо), на глубине 1 м, на дне ямы — скорченное захоронение на левом боку, голова на северо-восток-восток. Основная часть инвентаря — при нижнем погребении (кинжал железный, бусы, оселок и др.).

В кургане № 20 захоронение оказалось разграбленным, могильная яма очень глубокая (1,4 м). Еще глубже могильная яма в кургане № 22. Погребение единичное, потревоженное, но можно определить его положение: скорченное на левом боку, головой на северо-запад.

На противоположном, левом (западном) берегу Тегермансу также имеются курганы. Местность здесь почти не террасирована. В полосе протяженностью около 1 км расположено 50 курганов. По внешнему виду это плоские каменные выкладки, четырехугольные, прямоугольные или округлые в плане, и конусообразные невысокие насыпи из земли и камней. Это могильник Тегермансу I (первоначально мы его называли Тегермансу II). Раскопки здесь производились нашими группами в 1959—1961 гг. [53, стр. 25—26; 284, стр. 54, 58—61; 300, стр. 29], всего вскрыто 42 кургана, но лишь 12 из них содержали погребения.

Курган № 6. Плоская каменная выкладка, прямоугольная в плане, размером 4 X 3 м. Длинной стороной ориентирована с северо-запада на юго-восток, отклонение на север — 60°. В яме устроен каменный ящик. У его северо-западной стороны — фрагмент стенки лепного сосуда, среди костей найдена костяная пуговица в виде усеченного конуса.

Курган № 7. Круглая в плане насыпь (диаметр — около 2 м, высота — 0,15 м) заключена в круглое же кольцо (общий диаметр — 4 м). Могильная яма вытянута с юго-

востока на северо-запад. На дне, на глубине 0,8 ж — скорченное захоронение (мужчина возмужалого возраста) на левом боку, головой на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук подведены к лицу. Вдоль голени правой ноги лежал бронзово-железный акинак. Видимо, он был прикреплен к широкому кожаному поясу: в области таза — кусочки истлевшей кожи и две бляхи звериного стиля на нем. За спиной, вдоль позвоночника, лежало шесть гладких бронзовых блях, скрепленных кожаными ремешками, здесь же много кусочков коррозированного железа. Обнаружены также бронзовый оконечник ремня, бронзовые обоймочки и др.

Курган № 9А. Округлая насыпь диаметром 6—6,4 м при высоте 0,75 м. В центре ямы, на глубине 1 м — слабо скорченное погребение головой на юг, у его ног — втульчатый трехперый бронзовый наконечник стрелы. На глубине 1,5 м — погребения нижнего яруса: два слабоскорченных скелета головой на запад. Среди инвентаря — железный кинжал, два бронзовых и один железный провололочные браслеты, бронзовые бляхи, пряжки, изделие, напоминающее умбон.

Курган № 31. Округлая уплощенная насыпь (диаметр — 11,5 м, высота — 0,7 м) сложена из камней. Под насыпью, в центре — могильная яма, округлая в плане (диаметр — 5 м), засыпанная камнем, щебнем и песком. В ней на глубине 1 м от дневной поверхности — захоронение (II слой). Три мужских скелета лежали рядом на спине, в вытянутом положении, головой на юго-запад. Череп отсутствовали, только у крайнего скелета, лежащего с юго-восточной стороны, частично сохранилась черепная крышка. Рядом со скелетами — два железных клевца, железный кинжал и нож, каменный оселок и др.

Ниже, на глубине 1,25 м (I слой), под верхними погребениями были обнаружены разбросанные кости еще одного скелета. Следует отметить деревянные наконечники стрел, украшения из раковин, бусы и т. д.

Курган № 8 сохранил следы деревянного перекрытия из перекрещенных палок. В могильной яме три скелета — почти не скорчены, головами на восток.

Кроме вышеописанных могильников на левом берегу р. Тегермансу, при выходе ее из ущелья был зарегистрирован могильник Тегермансу III. В нем шесть курганов, представляющих собой плоские каменные выкладки, квадратные, прямоугольные или овальные в плане (размеры — 5,25 — 1,5 X 4 м).

В раскопанном в 1960 г. кургане № 1

скелет лежал в скорченном положении на левом боку, головой на юго-запад (отклонение на запад — 35°), лицом на северо-восток. Перед черепом лежала витая металлическая трубочка и фрагмент стенки сосуда [300, стр. 30].

### ХАРГУШ I И II (табл. 77)

Недалеко от впадения р. Харгуш в р. Памир, в 0,5 км на юго-восток от населенного пункта Харгуш, близ края узкой здесь первой надпойменной террасы (ширина ее — 150 м), в полосе протяженностью 18 м компактной группой располагаются шесть курганов (три южных — с почти слившимися насыпями). На расстоянии 90 м к северу, у уступа второй террасы — два кургана (именно они, по-видимому, раскапывались А. Н. Бернштамом). Кроме того, имеется еще несколько курганов — всего одиннадцать. Это могильник Харгуш I, открытый А. Н. Бернштамом. В 1948 г. он раскопал здесь два кургана. Один из них содержал двухъярусное погребение ребенка и мужчины. Одно было скорченным на боку, другое — слабо скорченным на спине, оба — головой на северо-восток-восток. При погребениях — по сосуду. Другой курган, яма которого, как нам представляется, могла быть подбойной или катакомбной («ульевидность», о которой пишет А. Н. Бернштам, могла получиться в результате обрушения), содержал на глубине 1,3 м скорченное на правом боку погребение, головой на восток, рядом лежала плетеная корзинка и палка с крюком [85, стр. 286—288].

Работы А. Н. Бернштама на этом могильнике были в 1959 г. продолжены нами. Было раскопано пять курганов [284, стр. 55].

Курган № 7. Уплощенно-полусферическая насыпь диаметром 5,5 м, высотой 0,5 м; под ней, в центре — овальная яма (1,6 X 1,1 м), вытянутая с севера на юг, глубиной 0,4 м. Непосредственно под насыпью, на древней поверхности — следы скелета детского захоронения. В насыпи — следы деревянного перекрытия. На дне ямы, на плетеной подстилке — два захоронения. Один скелет на правом боку, головой на юг, лицом на восток. Руки вытянуты вдоль корпуса, ноги согнуты. Второй скелет лежит к востоку от первого, точно так же, как первый, лишь ноги согнуты. Перед лицом первого захоронения — два сосуда, причем оба были прикрыты каменными плитками. Третий сосуд — у головы второго захоронения. В южной части ямы, полунаклон-

но — две деревянные полудуги длиной около 1 м, овальные в сечении (7,5 X 4 см), а также неопределимые деревянные детали плохой сохранности и остатки плетеной корзинки.

Курган № 8 — самый крупный в группе. Уплощенно-полусферическая насыпь из крупных камней (диаметр — 8 м, высота — 0,5 м) находится в центре кольца диаметром 18 м. В центре, под насыпью — овальная могильная яма, ориентированная с севера на юг. Остатки потревоженного захоронения — на глубине 1,2 м. В области шейных позвонков — ожерелье из стеклянных бус (чередуются одна белая и две зеленые).

В курганах № 5, 6, 9 — детские захоронения, каждое из которых сопровождается сосудом. Четкое расположение костей сохранилось в кургане № 6 — головой на юго-юго-запад, на правом боку, скорченное.

В 1960 г. работавшая под нашим руководством группа М. А. Бубновой обнаружила в 1,5 км восточнее населенного пункта Харгуш новый могильник — Харгуш II. Он состоит из десяти курганов, разбросанных на полосе протяженностью 300 м. Среди курганов отмечены как плоские каменные выкладки, так и невысокие (0,6—0,3 м), округлые в плане, уплощенные насыпи из камня, щебня и земли (диаметр — 8—4 м) с хорошо прослеживающимся внешним кольцом из крупных камней.

Было раскопано девять курганов. Наибольший интерес представляют курганы № 2, 5 и 7.

Курган № 2. Насыпь из камня, щебня и песка (диаметр — 6 м, высота — 0,3 м). С северо-западной стороны в районе кургана найдены фрагменты лепного глиняного сосуда. Под насыпью — могильная яма, округлая в плане (диаметр — 2 м), засыпана землей и мелким щебнем. На глубине 1 м в ней — три человеческих скелета, положенные рядом (головой на юго-запад). Два — в скорченном положении на правом боку, лицом на юг; крайний скелет в юго-восточной части могильной ямы — на животе, ноги слегка подогнуты. Череп положен у правого плеча и лицом обращен на юг, у левого бедра — скелет барана (?).

Среди находок — бронзовая и серебряная серьга по обе стороны черепа среднего скелета. У шейного позвонка крайнего скелета в юго-восточной части ямы найдены две пуговицы из раковин и каменные бусы. Вдоль его левой руки лежали три раздавленных глиняных сосуда.

Курган № 5 (в предварительной публикации — № 6). Насыпь из крупных камней,

щебня и песка диаметром 6,5 м, высотой 0,4 м. С юго-западной стороны к основанию кургана примыкало четыре плоских кольцевых выкладки (диаметр — 3—1,5 м). Одна из них вскрыта на глубину 1 м, захоронения не оказалось.

Под насыпью основного кургана в центре — могильная яма, округлая в плане (диаметр — 2 м), засыпанная песком и щебнем. На глубине 1,5 м — четыре захоронения, положенные рядом. Три — в скорченном положении на правом боку, головой на запад (один, крайний, в северной части могильной ямы — на северо-запад), лицом на юг. Кости верхней части скелета, лежащего в южной части ямы, были разбросаны, череп лежал отдельно. В головах последнего стоял бронзовый круглодонный котелок с четырьмя кольцевыми ручками, вставленный в кожаный чехол, от которого сохранилась только нижняя часть. Рядом лежал фрагмент шерстяной ткани (от мешочка?) и деревянный гребень.

На женском скелете на каждой руке — по два бронзовых браслета и по два бронзовых перстня. За спиной — еще один бронзовый круглодонный котелок с двумя вертикальными ручками в виде фигурок горных баранов и двумя горизонтальными ручками-кольцами. В области груди — бусы. Обнаружены и другие мелкие костяные и бронзовые украшения, в том числе бляшка звериного стиля, а также железные ножи и кожаные изделия.

Курган № 7. Насыпь из крупных камней, щебня и песка (диаметр — 4 м, высота — 0,2 м). С южной и восточной стороны к основанию насыпи примыкали плоские каменные выкладки, округлые в плане (диаметр — 2—2,2 м). Обе были раскопаны на глубину 1 м и оказались пустыми (грунт состоял из песка, камней и щебня).

Под насыпью основного кургана обнаружена могильная яма, овальная в плане, размером 2,2 X 1,5 м, ориентированная по длинной оси с северо-востока на юго-запад (отклонение на восток — 30°). Могильная яма засыпана песком и щебнем. На глубине 0,75 м — скелет, лежащий в скорченном положении на правом боку, лицом на запад. У северо-западного края могильной ямы — глиняный круглодонный лепной горшок и деревянная чашка. За черепом — бронзовая пластинка, фрагменты стенок сосуда с дырочками и остатки ткани, кусок дерева. В области груди — две трубочки (костяная и бронзовая) и другие мелкие предметы [300, стр. 27—28].

Курган № 1 содержал следы совершенно разрушенного парного захоронения. Найден бронзовый котелок с ручками-кольцами, брон-

зовая круглая бляха, бусы, фрагмент керамики.

В кургане № 3 такое же захоронение (не исключено, впрочем, что здесь лежали три человека), кости перемешаны. Очень большой набор инвентаря: три глиняных сосуда, многочисленные бронзовые бляхи, железные ножи и т. д.

#### ЧЕШ-ТЕПЕ

Расположен в районе сухого русла сая, идущего с северо-запада на юго-восток. Вдоль северного борта сая на протяжении около 0,5 км тянется увал (высота — 30 м). На его узком гребне, близ юго-восточного конца, на расстоянии 15 м один от другого — два кургана. Раскопаны нами в 1959 г. (не опубликованы).

Курган № 1 (восточный) имеет четко выраженное кольцо диаметром 3,25 м, выложенное из крупных камней; внутри — заполненное из гравия. Под очень низкой, почти незаметной насыпью — могильная яма. На глубине 0,3 м — нарушенное детское захоронение. Под ним, на глубине 0,7 м — нарушенное взрослое захоронение (женское) на левом боку, головой на юг. На предплечье — бронзовое сердечковидное колечко и кусочки кожаных изделий.

Курган № 2 (западный) аналогичен по внешнему виду. В яме размером 0,5 X 1,2 м — захоронение подростка, скорченное на правом боку, головой на восток. Около головы — глиняный горшок, на левой руке — одна бронзовая и две железные пронизки.

#### ЧИЛЬ-ХОНА

Расположен в 1 и к западу от кишлака Зумудг Ишкашимского района Горно-Бадахшанской автономной области, на второй предгорной террасе Ваханского хребта, на высоте 30—40 м над уровнем р. Пяндж.

Терраса очень пологая, но труднодоступная. Западная сторона — обрывистая, образованная бурными горными ручьями.

Могильник обнаружен и изучен А. Д. Бабаевым [54]. Он состоит из девяти близко расположенных курганов, вытянутых цепочкой в широтном направлении. Курганы четырехугольной и круглой формы, сложены из окатанных камней и засыпаны песчано-лессовым грунтом. Насыпь невысокая — около 20 см, диаметр — 2 м и более. Положение костяков (в каждом кургане погребены по два) скор-

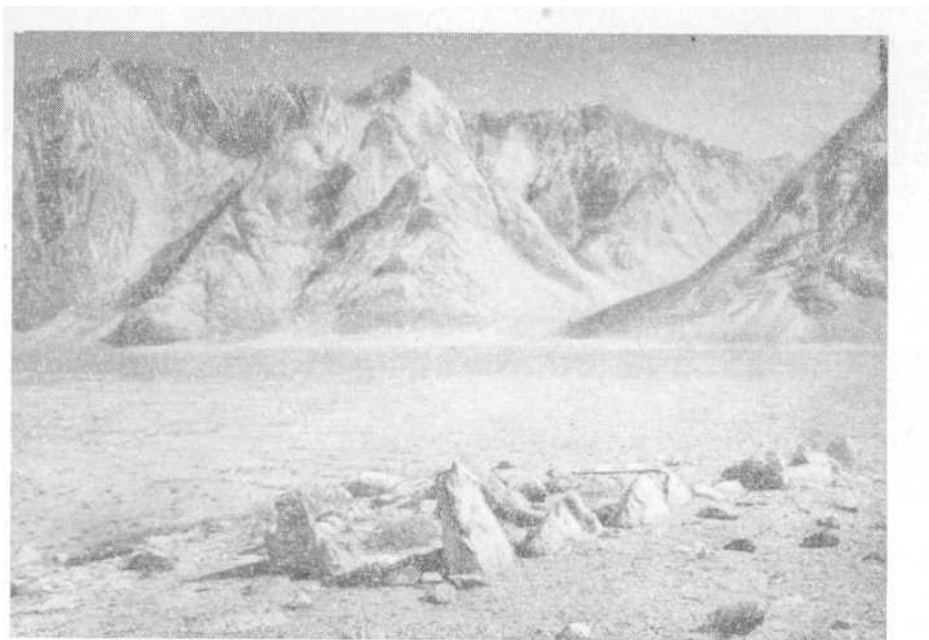


Фото 11. Могильник Шаймак, к.

ченное. Раскопано девять курганов, из которых № 1, 2, 8 и 9 дали погребальный инвентарь, а № 3—7 — кенотафы.

Курган № 8. По форме — подчетырехугольное, вытянутое, полузасыпанное погребальное сооружение. Имеет небольшую насыпь (30 см) из камней средних размеров. Размеры кургана с севера на юг — 2,8 м, с востока на запад — 2,5 м. На глубине 20 см — кости нескольких погребений, анатомическое состояние нарушено. Все они найдены в центре погребального сооружения. Здесь же был когда-то вбит большой кол, который найден поваленным на бок. На глубине 20 см появилась вторая, значительно меньших размеров подчетырехугольная каменная выкладка. По форме она повторяет первую (внешнюю) и создает впечатление каменного ящика, в который были положены костяки.

Другие курганы аналогичны, хотя некоторые отличия есть. Так, в них отсутствует центральный массивный кол; нет второй каменной выкладки; отличаются они и по форме (курганы № 2, 9 — круглые в плане). Общими для всех курганов являются погребальный инвентарь, насыпь, положение костяков.

#### ШАЙМАК

(табл. 78—79 и фото 11)

Расположен в 2 км к юго-западу-западу от пос. Шаймак, на левом берегу Оксу, северо-

западнее северной оконечности лежащего на противоположном (правом) берегу могильника Акбеит. Здесь, на первой надпойменной террасе, в 0,5 км от уступа второй террасы, находится одиночный останец, вытянутый почти строго меридионально. Длина его — 225 м, ширина — 40 м, к югу он повышается. На его поверхности двумя группами расположены курганы. Все они раскопаны, три оказались кенотафами, два содержали одиночные погребения.

Курган № 1 имеет подпрямоугольное кольцо, очень четко выраженное, так как многие камни поставлены на ребро. Особенно возвышаются угловые камни юго-восточной стороны, один из них, южный, имеет вид столбика высотой 40 см. Размеры кольца — 2,5 X X 3,5 м. В южной части — скопление крупных камней. Насыпь щебенчатая, высотой 15—20 см. Под нею асимметрично внешнему кольцу — овальная яма. На глубине 0,8 м, на дне — скорченный скелет на правом боку, головой на запад (точнее — юго-запад-запад). Ноги сильно согнуты в коленях, пяточные кости подведены под таз. Правая рука вытянута, кисть под коленом, левая рука полусогнута в локте, кости предплечья вытянуты вперед. Погребена молодая женщина, возраст — до 25 лет.

Орбиты глаз прикрыты крупными раковинами с центральным отверстием, на запястьях — по два браслета (железному и бронзовому).



Фото 12. Деревянное блюдо из Яшилькуль II, к. 2.

Из инвентаря отметим вытянутую выпуклую бронзовую бляху с дужкой на обратной стороне (длина — 4,9 см), гладкую и витую бронзовые трубочки, две бусины, а также два бронзовых втульчатых двуперых наконечника стрел. Особый интерес представляет круглодонный горшок с почти сферическим, но несколько вытянутым в верхней части туловом, двумя шаровидными вертикальными ручками в верхней половине тулова и низким вертикальным горлом.

Курган № 2 имеет такое же наземное сооружение, как курган № 1; особенностью его является массивный менгир, поставленный в центре прямоугольного кольца. Сечение этого камня — 45 X 50 см, высота — 45 см над поверхностью, а с закопанной частью — 85 см. Насыпь сравнительно высокая — до 0,5 м. Рядом с менгиром — устье ямы, первоначально имевшей деревянное перекрытие. На глубине около 1 м — костяк, головой на запад. Он положен на спину — правый бок. Левая нога согнута резко, правая — незначительно. Правая рука вытянута и незначительно согнута, левая полусогнута в локте, так что кости предплечья пересекают нижний отдел позвоночника. Здесь погребен мужчина, возраст — зрело-старческий. За спиной погребенного (в северной части ямы) лежал берестяной колчан, в нем не менее 30 стрел, обращенных наконечниками к ногам (сохранился 21 железный и деревянный наконечник). Около локтя правой руки — два железных наконечника, у голени правой

ноги — железный нож. Есть и другие находки.

Изолированно от этого могильника, примерно в 800 м к западу, расположен курган с конским захоронением. На поверхности курган обозначен неправильным кольцом, внутри — яма вытянуто-овальной формы. На глубине 1,8 м — конское захоронение, ориентированное головой на юг. Найдены кожаная уздечка, бляхи, обоймицы и совершенно коррозированные удила.

#### ЯШИЛЬКУЛЬ I и II (табл. 80 и фото 12)

Над протокой Узун, соединяющей озера Булункуль и Яшилькуль, вблизи впадения ее в Яшилькуль, на восточном берегу, на террасе высотой 75 м, около обрыва, на расстоянии 25 м один от другого — два сакских кургана. Оба раскопаны нами в 1958 г. Это могильник Яшилькуль II [283].

Курган № 1. Насыпь из крупных камней, по окружности (диаметр — 6,5 м) нечто вроде кольца, второе кольцо — в центре. Здесь имелось значительное углубление — «воронка», соответствовавшее могильной яме. Глубина ямы — около 1,2 м. В ней — скорченный костяк, ориентированный на северо-восток; череп его отсутствовал. Костяк на спине, ноги слегка согнуты, левая рука вытянута вдоль туловища, правая отведена. Погребение со-

проводилось богатым инвентарем. На том месте, где должен был бы быть череп, стоял крупный бронзовый бокал с зернами злака. У плечевой кости левой руки лежал железный двулезвийный боевой топор. Имелся железный нож, оселок, ожерелье из бус, бронзовые украшения и др. В могилу была положена почти целая туша барана.

Курган № 2 имеет такую же, но меньшую насыпь. Погребенный лежит в скорченной позе, на правом боку, головой на север, лицом на запад. Левая рука резко согнута в

локте, правая также согнута. Ноги отведены вперед и согнуты в коленях настолько, что пяточные кости подведены под таз, стопы вытянуты. Пол — мужской. Перед туловищем — большое деревянное блюдо, в котором находятся кости барана, на них лежит железный крючок. Между блюдом и черепом — глиняный сосуд, у таза — железный нож. Ниже затылочной кости — каменная поделка (пуговица или подвеска).

Внизу, на западном берегу протоки Узун — могильник-кенотаф Яшилъкуль I.

## 2. ДАТИРОВКА САКСКИХ КОМПЛЕКСОВ ПАМИРА

Первооткрыватель сакской культуры на Восточном Памире А. Н. Бернштам датировал могильник Памирская I временем V—IV вв. до н. э., а наиболее поздние захоронения — II в. до н. э. Могильник Харгуш он отнес к III—I вв. до н. э. [85, стр. 324—325]. В своей последней, посвященной Памиру работе он датировал древнейшие сакские погребения на Восточном Памире VI—IV вв. до н. э. [87, стр. 130]. Ю. А. Заднепровский и Г. Г. Бабанская предложили вновь вернуться к датировке V—IV вв. [56, стр. 59—60].

Обильный новый материал вынуждает нас вновь обратиться к вопросу о датировке сакских комплексов с Восточного Памира. Из памирских сакских курганов происходит довольно значительное количество керамики — из раскопок А. Н. Бернштама и наших всего около 70 сосудов. Учитывая особое значение этой керамики, я привожу детальное каталожное описание коллекции из своих раскопок [стр. 73—88, табл. 83]; столь же детально издана А. Н. Бернштамом найденная им керамика (табл. 84) [85, стр. 310, 313, 322, рис. 136—137; 87, стр. 123—124, рис. 2; также 56, стр. 58—59].

А. Н. Бернштам, хотя в его распоряжении было всего около десятка (позже — полутора десятков) сосудов, проникательно отметил их отличие от сако-усуньской посуды. Сейчас можно говорить о том, что памиро-сакская керамика занимает особое место среди синхронных керамических серий. Характерной ее чертой является, прежде всего, круглодонность (иногда уплощенно-круглодонные, но нередко остродонные) всех сосудов. Ничего подобного не дает ни Семиречье [12, табл. II; 29, стр. 102, 104, рис. 82; 55, стр. 201, табл. VI], ни Приаралье [518, рис. 104; 522, стр. 159,

рис. 5—6]. У савроматов круглодонная керамика появляется в V в. до н. э. и в Челябинских погребениях V—IV вв. до н. э. становится преобладающей. К. Ф. Смирнов полагает, что среднеазиатская сакская круглодонная керамика оказала «опосредованное воздействие» на развитие круглодонной савроматской керамики, но отрицает (на мой взгляд — справедливо) возможность генетической связи [479, стр. 119—120].

Переключка некоторых форм плоскодонной усуньской керамики Семиречья с круглодонными сосудами Памира пока также не может рассматриваться как указание на генетическую связь, ибо детальные хронологические схемы развития сакской и раннеусуньской керамики Средней Азии еще не разработаны. Тем не менее следует отметить, что памирские сосуды — и не только чаши — находят аналогии в Семиречье (например, сосуды № 4, 7, 10, 29, 37, 42, 46, 48 по нашему каталогу). Вместе с тем на Памире совершенно отсутствуют плоскодонные и «чайникообразные» сосуды, столь обычные в сако-усуньской керамике Семиречья.

Определенная близость прослеживается с ферганской керамикой актамского типа (эйлатанский период). Здесь преобладает лепная керамика (60%), причем среди лепной абсолютное большинство — круглодонная [137, стр. 98].

«Расчлененность», выработанность форм памирской керамики больше сближает ее с ферганской, чем с семиреченской. Памирские широкогорлые шаровидные горшки по своей профилировке напоминают, правда более низкие и открытые, но варьирующие ту же схему, актамские чаши одного из типов [137, рис. 23]. Формы некоторых специфических

сосудов обнаруживают близкое сходство<sup>1</sup>. Возможно, какое-то влияние памирская керамика испытывала со стороны южной, но здесь необходимо дождаться полной публикации материалов по Свату.

Из приведенного выше ясно, что памирская керамика не может сама по себе дать какие-либо отправные точки для абсолютных датировок.

В девяти из раскопанных нами курганов встретилось по два и более сосуда, в том числе один раз — три и два раза — четыре сосуда. Хотя такое небольшое количество встречаемостей не может служить основанием для категорических заключений, но учитывать их, разумеется, необходимо.

Предметы материальной культуры, представленные в могильниках, классифицированы и проанализированы (в том числе хрологически) в соответствующих главах с учетом могильных комплексов.

Заключение, которое мы можем сделать, сводится к следующему. Древнейшие могильные комплексы представлены могильником Кзыл-Рабат, для которого характерны каменные цисты. Инвентарь очень беден. Курган № 1 и курган № 6 дали два единственных в восточнопамирской керамической серии плоскодонных сосуда, причем сосуд из кургана № 1 — типичный горшок эпохи поздней бронзы. Менее типичен сосуд из кургана № 6, но и он ближе к позднебронзовым, чем к сакским. Эти курганы могут датироваться ориентировочно X—VIII (VII?) вв. до н. э. Но могильник продолжал существовать и позже — отсюда находка фрагментов железа в кургане № 12. К числу самых ранних (VIII—VII в. до н. э.), судя по найденным там фраг-

ментам керамики, относится и курган № 1 могильника Жарты-Гумбез IV.

Большая группа курганных комплексов относится к VII—VI вв. до н. э. Среди них — оба кургана с захоронениями могильника Айдынкуль I (по-видимому, VII в. до н. э.). VII—VI вв. до н. э. можно датировать разграбленный курган № 8 могильника Кальта-Тур (по находке пластинчатого бронзового ножа). Судя по акинаку и украшению боевого пояса, к VII в. до н. э. относятся также курган № 4 могильника Можуташ II и несколько других захоронений этого могильника; курганы могильника Яшилькуль II. Скорее всего, VI в. до н. э. можно датировать курган № 1 могильника Шаймак и могильник Канти-Муш, курган № 10 могильника Памирская I; курганы № 7 и 9А могильника Тегермансу I и курган № 9 могильника Тегермансу II.

Основная масса памирских захоронений относится к V—III вв. до н. э. Среди наиболее ранних захоронений этой группы — комплекс курганов № 1 и 5 могильника Харгуш II; курган № 1 могильника Андеммин I и курган № 3 могильника Акбеит (раскопки А. Н. Бернштама). Комплексы кургана № 2 могильника Шаймак и кургана № 3 могильника Аличур II относятся к IV—III вв. до н. э. Наиболее поздние — II—I вв. до н. э. — курганы немногочисленны. В эту группу можно включить погребения могильников Рангкуль I и Аличур I, курган № 11 могильника Памирская I и несколько других.

Что же касается могильников актамского типа в Фергане, то их датировка вполне убедительно обоснована Н. Г. Горбуновой — VI—IV (III?) вв. [137, стр. 103—105]. Таким образом, основная масса памирских захоронений синхронна с актамскими.

<sup>1</sup> См. нашу таблицу 6/44 и работу Б. З. Гамбурга и Н. Г. Горбуновой [119, рис. 30/26].



## Глава II

### МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

#### 1. НОЖИ

##### БРОНЗОВЫЕ ОДНОЛЕЗВИЙНЫЕ НОЖИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

При раскопках могильников на Восточном Памире было найдено несколько бронзовых ножей.

1. Из Кальта-Тур, к. 8 [53, стр. 26, рис. 22] происходит нож пластинчатый с округлой спинкой; рукоять в виде прямоугольной полости непосредственно сливается с лезвием, которое постепенно суживается к концу. Рукоять под небольшим углом к лезвийной части, причем стык основания рукояти с лезвием — коленчатый. В рукояти прорублено отверстие. Размеры: общая длина — 146 мм, в том числе рукояти — 50 мм, ширина рукояти и примыкающей части лезвия — 18 мм (табл. 1/1) <sup>1</sup>.

2. Из Тегермансу, к. 1 происходит сильно изогнутый нож с пластинчатой расширяющейся в передней части рукоятью. Лезвийная часть резко расширяется впереди, завершаясь оттянутым вверх острием; над рукояточной частью — два прямоугольника-выступа с вырезами у основания и отогнутой под прямым углом верхней частью. Размеры: общая длина — 197 мм, ширина рукояти — 18 мм, лезвия — 30 мм (табл. 1/2).

3. Пластинчатый нож (фрагмент) из Памирская I, к. 9 [85, рис. 132/3].

Эти находки бронзовых ножей не стоят изолированно, ибо на территории Фергано-Ташкентской области они встречаются весьма часто [303, стр. 203—208; также 253, стр. 49—50].

<sup>1</sup> Институт истории АН ТаджССР, фонды.

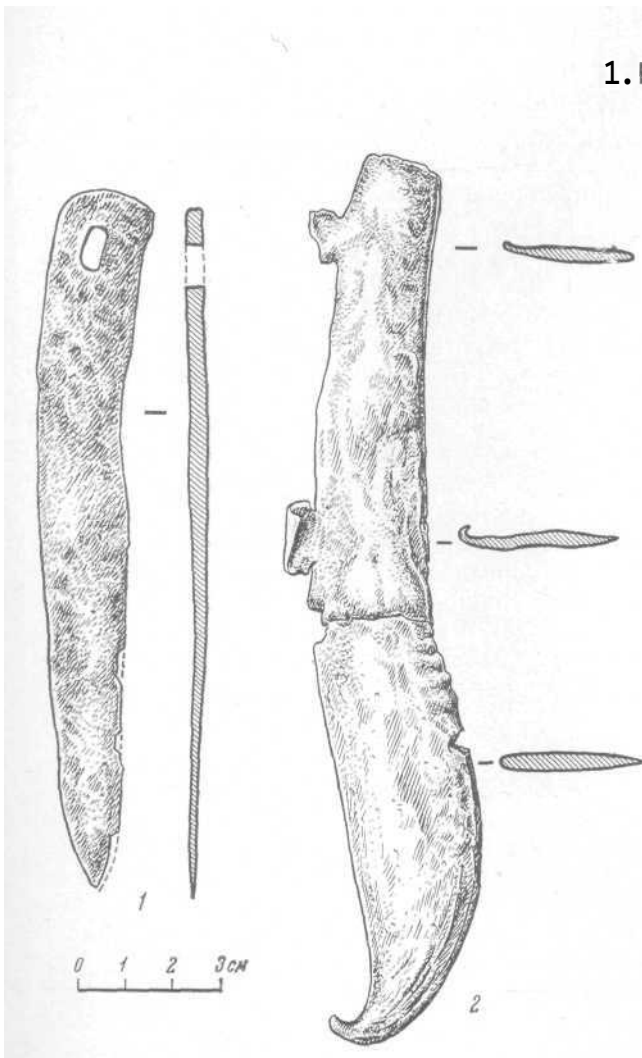


Табл. 1. Ножи бронзовые:  
/ — из Кальта-Тур, к. 8; 2 — из Тегермансу, к. 1.

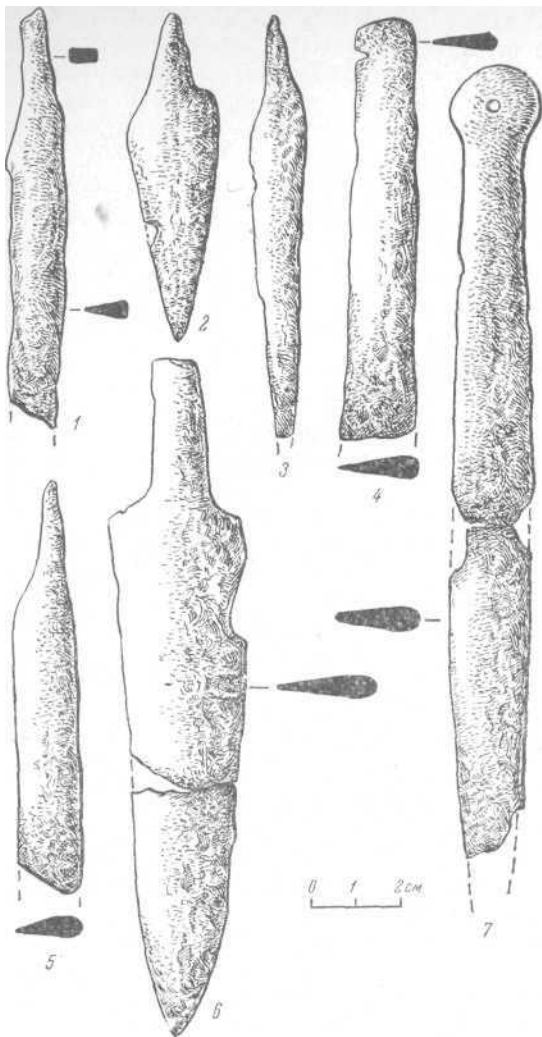


Табл. 2. Ножи железные:

— Актам, к. 7; 2 — Аличур II, к. 3; 3 — Сарыгуроз, к. 1;  
— Харгуш II, к. 3; 5 — Харгуш II, к. 4; 6 — Тегерман-  
су I, к. 31; 7 — Андемин I, к. 1.

#### ДРЕВНЕЙШИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ НОЖИ

Памирские сакские комплексы также дали серию архаических железных ножей (табл. 2).

1. Ножи с кружковым навершием или кольцом. Из Андемин I, к. 1 происходит нож с отломанным концом лезвия. Клиновидное в сечении лезвие постепенно переходит в толстую округлую рукоять. Рукоять завершается не совсем симметричным кружковым навершием с небольшой дырочкой в центре. Сохранившаяся длина ножа — 185 мм (первоначальная — 200—210 мм), в том числе рукояти (с навершием) — 90 мм; ширина лезвия — 18 мм, рукояти — 13—15 мм, диаметр

навершия — 20 мм. Фрагменты такого ножа найдены и в Андемин, к. 4. Аналогичный нож — в Памирская I, к. 9 [85, рис. 132/1].

2. Ножи пластинчатые. В Харгуш II, к. 3 — рукоять пластинчатого железного ножа в виде прямоугольной полосы, внизу постепенно переходящей в лезвие. Недалеко от округлого узкого тыльного конца рукояти, на одной из продольных сторон, вырез в виде зубца. Длина рукояточной части — 55 мм, ширина — 15 мм. Там же еще одна аналогичная рукоять, но более фрагментированная и без «зарубки» в верхней части. В Истык, к. 1 — фрагмент такого же ножа, но с несколько более узкой, чем лезвие, рукоятью — она образована притуплением лезвия и, кроме того, снабжена сквозными заклепками.

3. Черенковые ножи. А. Ножи со слабо выделенным черенком. В Харгуш II, к. 4 — миниатюрный узколезвийный ножичек с прямой спинкой. Треугольный черенок, постепенно расширяясь, переходит в лезвие. Б. Ножи с четко выделенным черенком. В коллекции имеются миниатюрные ножички, пере-

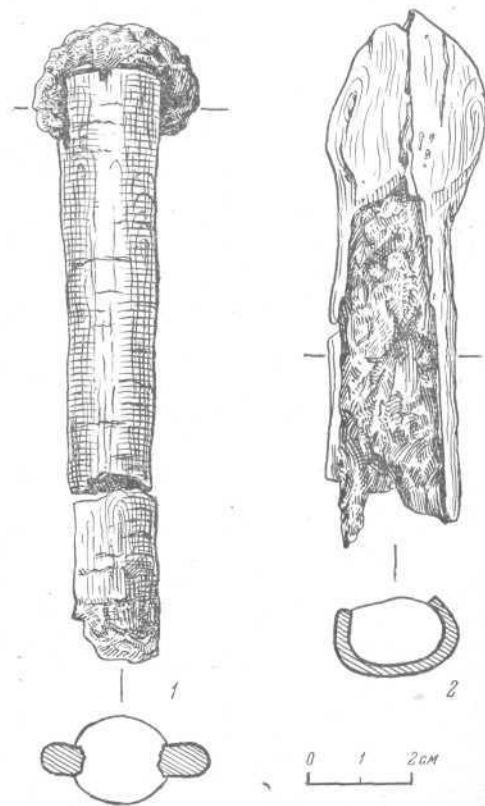


Табл. 3. Деревянные рукояти:

/ — из Тегермансу I, к. 31; 2 — из Аличур II, к. 3.

ходные от предыдущего варианта к этому. Таков узколезвийный вытянутый ножичек длиной около 110 мм с уступом от лезвия к черенку, конец которого отклонен к лезвию (Сарыгуроз, к. 1). Из Аличур II, к. 3 происходит ножичек с четко выделенным черенком и широким лезвием: ширина его — 21 мм, при длине 88 мм, в том числе черенка — 18 мм. Из III слоя, к. 31, могильника Тегермансу I происходит крупный (длиной 199 мм) нож-кинжальчик с симметрично посаженной прямоугольной рукоятью.

Фрагменты ножей, преимущественно небольших, имеются в инвентаре Аличур II, к. 3, Шаймак, к. 2 (с «опушенной» спинкой), Жарты-Гумбез II, к. 1 и 4, Тегермансу II, к. 11, Яшилькуль II, к. 1.

Ножи были снабжены деревянными рукоятками (табл. 3). Так, из Аличур II, к. 3 происходит деревянная рукоять с открытым вырезом-пазом для вставления черенка крупного ножа. Рукоять завершается округлым уширением-навершием. Совсем иной является рукоять из слоя III Тегермансу I, к. 31 — в виде круглого в сечении деревянного стержня, конец которого охвачен железным кольцом. Общая длина рукояти — 122 мм.

Большая серия мелких ножей этого времени происходит из могильников актамского типа. Основная часть ножей там не с черенками, а пластинчатые и со слабо выделенными плоскими рукоятками [137, стр. 102, рис. 5/8—13].

Среди них есть совсем крошечные, например лезвие из Актам, к. 56 длиной 55 мм<sup>2</sup>, и значительно более крупные, в частности из Актама (курган 7, погр. 7)<sup>3</sup>, Кунгая (курган 9, погр. 6)<sup>4</sup>, длиной во фрагментированном виде около 130 мм. Ножички узкие, ширина лезвия не превышает 10 мм. Спинка иногда слегка округлая. Рукоять выделена утолщением.

Е. И. Крупнов справедливо отметил: «как наиболее простой вид самого распространенного бытового орудия труда и оружия, маленький железный нож мог возникнуть всюду, где в нем была потребность (по закону конвергенции)» [244, стр. 286]. Отдельные типы железных ножей этой группы можно рассматривать как прямое продолжение или развитие форм бронзовых ножей. В этом плане очень интересны ножи с кружковым навершием, в которых

сочетаются элементы двух типов бронзовых ножей: пластинчатых и специфических ферганских с кружковым навершием<sup>5</sup>. Ножи из Андемин I должны датироваться V или IV вв. Может быть, к несколько более раннему времени относится нож из Памирская I, к. 9.

Железные пластинчатые ножи восходят к пластинчатым бронзовым ножам, а черенковые и рукояточные ножи — также к соответствующим типам бронзовых ножей. Следует также отметить их бесспорную близость к ножам савроматских племен [479, стр. 105—107; 480, табл. 18].

#### КОСТЯНЫЕ ТРУБОЧКИ. КАМЕННЫЕ ОСЕЛКИ

Каковы были рукоятки ножей? Вероятно (помимо упомянутых выше деревянных), они имели вид полых костяных трубочек или костяных обкладок (табл. 4). Обработка кости и рога возникла в Средней Азии в глубочайшей древности. В Фергане она достигла высокого совершенства уже в период бронзы, когда, в частности, из трубчатых костей изготовлялись рукоятки [175, стр. 82].

В ферганских могильниках эпохи раннего железа встречаются разные изделия из кости и рога. Среди них есть со сложным орнаментом, как, например, роговая пластинка (по видимому, накладка ножен акинака) с условно-схематизированным изображением человека из Актамского могильника, костяные пряжки, трубки (украшения конской узды?), трубки-рукоятки и др. [119, стр. 86, рис. 29/12, 13, 15; 135; 137, стр. 100—103].

В эпоху поздней бронзы в быту довольно широкое применение находили каменные оселки; к простейшему типу относится оселок из кайраккумского поселения 30. Это вытянутый брусок, в поперечном сечении неправильно-овальный, он расширяется и утолщается к середине. На одной из широких плоскостей в средней части — гладко отполированная рабочая поверхность. Материал — серый песчаник. Длина сохранившейся части — 120 мм, ширина — 52 мм, толщина — до 20 мм.

На поселении 9 найден оселок гораздо более совершенной формы. Он имеет вид тщательно выделанного овального в поперечном сечении бруска, утолщающегося и расширяющегося к середине. В верхней части кольце-

<sup>2</sup> Ферганский музей, 2787  
А=49176

<sup>3</sup> Ферганский музей, 3061  
= 101/40

<sup>4</sup> Ферганский музей, 3102  
А=105/1

<sup>5</sup> Впрочем, близкие по форме ножи встречались и в раннежелезном веке Европы, в частности в венгерском могильнике в Сентеш-Векерзуг (там он датируется V—IV вв. до н. э.) [942, стр. 14, табл. XIII/3].

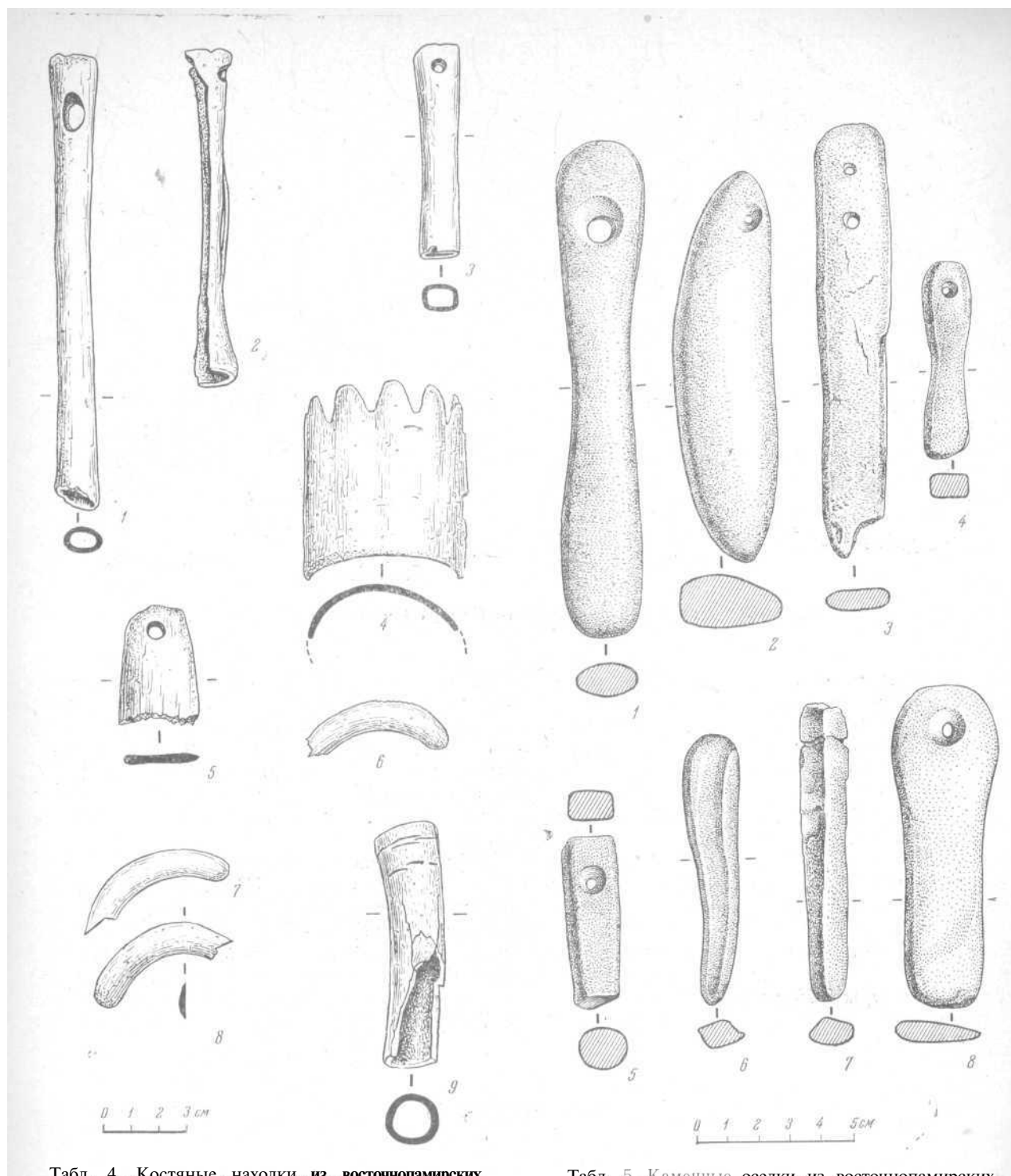


Табл. 4. Костяные находки из восточнопамирских могильников:

1 — Аличур II, к. 3; 2 — Жарты-Гумбез II, к. о; 3 — Хар гуш II, к. 5; 4 — Можуташ II, к. 2; 5 — Тегермансу I, к. 4; 6—8 — Аличур II, к. 1; 9 — Аличур I, к. 1.

Табл. 5. Каменные оселки из восточнопамирских могильников.

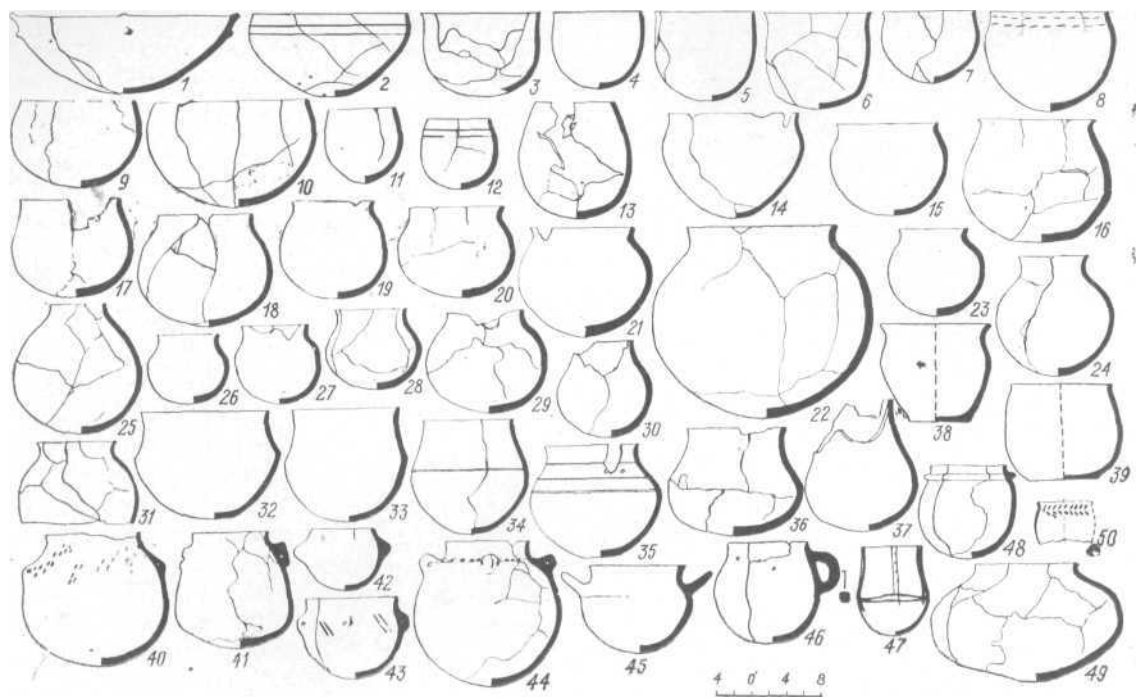


Табл. 6. Керамика из могильников Восточного Памира (см. табл. на стр. 35—41).

вым желобком отделено навершие, нижняя половина обломана. Одна широкая плоскость совершенно гладкая, другая повреждена коррозией. Заполированность хорошо сохранилась лишь на одной из узких боковых граней. Материал — серый песчаник. Длина сохранившейся части — 66 мм, ширина — 22—30 мм, толщина — 10 мм.

Оселки I типа известны по находкам на Мадау-тепе, в Чусте, Дальверзине, а также за пределами Средней Азии; они встречаются в эпоху поздней бронзы и раннего железа.

Оселки III типа — со сквозным отверстием в верхней части — представлены в материалах чустской культуры [175, табл. XXIX/1—2].

В памирских сакских комплексах представ-

лены все эти три типа оселков, причем оселков I и II типов — по одному экземпляру, большинство же III типа (со сквозным отверстием) — шесть экземпляров. Наиболее изящен вытянутый оселок II типа из Андемин I, к. 2. На оселке из Жарты-Гумбез II, к. 1 в верхнем конце одно под другим — два отверстия (табл. 5) <sup>6</sup>.

В ферганских могильниках эпохи раннего железа имеются оселки III типа — с отверстием для привешивания. Таков подпрямоугольный оселок из Кунгая 7 (погребение 3) длиной 92 мм при сечении 20 X 9 мм, с отверстием в верхней части, или же несколько более крупный оселок из погребения 9 того же кургана [137, стр. 102, рис. 5/1—7].

## 2. ГЛИНЯНАЯ ПОСУДА

Общая характеристика сакской керамики из могильников Восточного Памира дана выше, в главе I. Здесь же мы ограничимся каталожным описанием сосудов из раскопанных нами могильников (табл. 6—8).

Название I группы — «чаши» — достаточно условное, так как, во-первых, сюда входит не-

сколько вариантов формы, в том числе весьма отличных, и, во-вторых, многие сосуды, включенные в этот тип, на самом деле являются, судя по сильной закопченности, не чашами, а (функционально) котелками.

« фергански » 3031 ' 3031  
музеи, А=97/57 • А=97/55

**ГРУППА I. ЧАШИ**

Могильник, курган	Номер сосуда на табл. 6	Описание	Высота, мм	Макс. диа- метр корпу- са, мм	Высота измерения макс. диаметра, мм	Диаметр, мм
Тегермансу II, к. 12	1	Низкая (миска). По форме — почти точный сферический сегмент. Венчик — несколько утолщенная стенка, его поверхность плоская. На венчике, на равном расстоянии один от другого — четыре сосцевидных выступа; такие же выступы — на стенке, рядом с вышеописанными. Тесто с мелко-толченым материалом, поверхность темно-серая, со следами заглаживания и лошения.	90	—	—	252
Тегермансу II, к. 12	2	Тулово коническое, высокий бортик резко отогнут внутрь; дно округло-уплощенное. Венчик — приостренное продолжение стенки. В нижней части бортика — два горизонтальных рельефных пояска. Черепок в изломе красно-коричневый, поверхность аккуратно заглажена. Очень тщательное изготовление.	91	188	68	178
Можуташ I, к. 4	3	Нижняя часть — сферическая, стенка верхней половины сосуда вертикально поднимающаяся, слегка вогнута. Венчик плоско срезанный. Черепок темно-серый, покрыт серо-желтым ангобом. Сосуд ручной лепки, сильно закопчен.	97	134	50	133
Харгуш I, к. 7	4	Круглодонная, с незначительно выпуклой стенкой, слегка отклоняющейся внутрь. Венчик — приостренное продолжение стенки. Черепок в изломе темно-серый, с большим количеством мелкотолченого камня. Поверхность светло-кремовая, со следами копоты.	88	107	50	100
Жарты-Гумбез II, к. 1	5	То же. Поверхность коричневато-кремовая, сплошь закопченная.	105	119	55	112
Аличур II, к. 2	6	Круглодонная, с резким изломом при переходе от дна к вертикальной стенке, в верхней части отогнутой наружу. Поверхность заглажена, желто-кремового цвета.	103	117	55	115
Тегермансу II, к. 10	7	Тулово сферическое, бортик низкий, вертикальный. Венчик — продолжение стенки, округлый. Поверхность тщательно заглажена. Цвет кремовый. Обжиг неравномерный, черепок с включением мелкотолченого материала, слоистый.	80	108	52	104
Акбент, к. 94	8	То же. В верхней части орнаментирована двумя линиями горизонтальных штрихов. Черепок в изломе темно-серый, поверхность заглаженная, розовато-кремовая, сильно закопченная.	115	152	75	138
Жарты-Гумбез II, к. 5	9	Сферическая, стенка в верхней части загнута внутрь. Венчик — приостренное продолжение стенки. Поверхность заглажена. Черепок в изломе темно-серый, поверхность желто-серая, со следами копоты.	105	145	60	126
Тегермансу II, к. 10	10	То же. Дно несколько уплощенное. Черепок в изломе, в середине серый, близ поверхности — кремовато-коричневый.	140	200	80	170
Харгуш II, к. 4	11	То же, что и № 9, по относительно более высокая. Остродонная. Поверхность желтовато-серая, не заглажена. Дно закопчено.	83	92	45	75—78
Можуташ II, к. 1	12	Сферо-коническая, венчик — приостренное продолжение стенки. В верхней части корпуса — две неровные горизонтальные линии. Черепок в изломе темно-серый, поверхность серовато-коричневая, заглажена, со следами копоты.	80	90	40	72
Харгуш II, к. 2	13	Сферо-коническая, массивная и грубая. Венчик — приостренное продолжение стенки. Черепок в изломе темно-серый, поверхность желтовато-кремовая, сильно закопченная.				
Можуташ II, к. 5	—	Фрагмент стенки чаши с довольно высоким бортиком и слабо округлой стенкой. Черепок серовато-желтый. След копоты.				



Табл. 8. Керамика из Акбсита (раскопки А. Н. Бернштама).

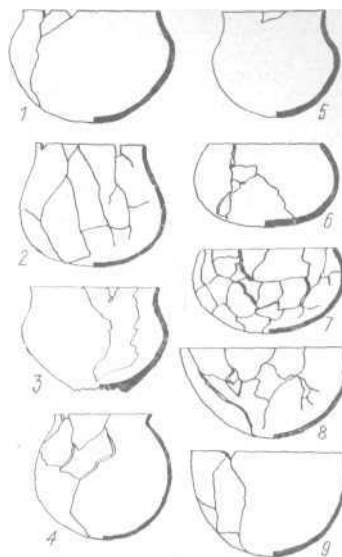


Табл. 7. Керамика из могильника Памирская I (по А. Н. Бернштаму).

Все эти сосуды можно классифицировать по следующим типам:

1. Открытые чаши — миски с относительно низким и широким корпусом и сферическим дном. Представлены всего двумя экземплярами, резко отличающимися по форме (№ 1—2).

Сосуды 1-го типа изготавливались тщательно. Аккуратно изготовлены и другие сосуды, за исключением нескольких. У большинства поверхность хорошо заглажена.

2. Глубокие чаши, приближающиеся к баночной форме. Круглодонные, стенки высокого корпуса вертикальные, незначительно выпуклые. В одном случае (№ 6) верхняя часть несколько отогнута наружу. К этому варианту относятся № 3—6.

3. Чаши круглодонные, со сферическим туловом, верхняя часть которого загнута внутрь. Два варианта: просто округлые (№ 9—11) и с отогнутым наружу низким бортиком (№ 7—8).

4. Сфероконические сосуды, со сферической нижней и конической верхней частью. Имеется лишь два экземпляра (№ 12—13 описания), при этом второй (№ 13) является настолько глубокой и закрытой формой, что включен в эту группу совершенно условно.

Орнаментированы два сосуда: в одном случае спаренной горизонтальной линией, в другом — спаренной линией, состоящей из штрихов.

Типологически сосуды II группы безусловно связаны с сосудами I группы. Так, например,



**ГРУППА II. ГОРШКИ ШИРОКОГОРЛЫЕ, ШАРОВИДНЫЕ**

Могильник, курган	Номер сосуда	Описание	Высота, мм	Макс. диаметр корпуса, мм	Высота измерения макс. диаметра, мм	Диаметр устья, мм	Высота горловины, мм
Яшлыккуль II, к. 2	14	Тулово шаровидное, основание яйцевидное, т. е. сосуд остродонный. Горловина низкая, отогнутая в верхней части наружу. Венчик приотстренно-округлый. Поверхность кремово-коричневая, со следами лощения. Тщательного изготовления. Сильно закопчен.	122	160	75	144	12
Харгуш I, к. 5	15	Тулово шаровидное, дно округло-уплощенное. Горловина очень низкая. Округлый венчик слегка отогнут наружу. Нижняя половина сильно закопчена. Поверхность кремово-коричневая, заглаженная.	116	140	70	113	10
Акбент, к. 45	16	Тулово и основание шаровидные. Низкая горловина слегка наклонена внутрь. Поверхность серая. Черепок в изломе черный и темно-серый. Закопчен.	130	165	15	123	10
Тегермансу II, к. 9	17	Тулово шаровидное, основание — округло-уплощенное, горловина вертикальная. Венчик округлый. Поверхность серая, черепок в изломе темно-серый. Закопчен.	120	142	50	110	12
Тегермансу II, к. 12	18	Тулово округло-биконическое (грушевидное) дно — остродонно-уплощенное. Средняя по высоте, почти вертикальная горловина. Поверхность кремово-коричневая, по-видимому, ангобирована. Заглажена. Следы копити.	134	152	60	107	15
Андемин I, к. 3	19	Тулово округло-баночное (слегка грушевидное), основание — округло-уплощенное. Четко выраженная низкая горловина отогнута наружу. Поверхность раковистая, заглаженная. Цвет — серовато-кремовый, черепок в изломе кремовый.	108	122	50	94	10
Акбент, к. 45	—	Тулово грушевидное, основание плоское, хотя и без выделенного поддона. Профиль верхней части почти плоский, нижней — более округлый. Шейка в виде узкого вертикального пояса-карнизика, непосредственно над которым — оттянутый наружу горизонтальный венчик. С большим количеством светлого мелкотолченого материала. Черепок пористый, темно-серый, сплошь закопчен.	135	174	55	135	
Истык, к. 1	20	Тулово округло-уплощенное с почти плоским основанием. Горловина вертикальная, кое-где слегка отогнута. Грубой работы. Поверхность раковистая, растрескавшаяся.	110	138	55	110	
Харгуш II	21	Корпус и основание шаровидные, четко оформленная горловина отогнута наружу, верхняя плоскость венчика прямая.	128	151	70	120	11
Жарты-Гумбез II, к. I	22	То же, но основание несколько приотстренное. Сильно закопчен.	220	250	115	180	25
Харгуш II, к. 3	—	Фрагменты сосуда типа № 18, но с плоским венчиком и более низким туловом.					

сосуд № 14 мог бы быть, собственно, включен и в I группу. Почти то же самое — № 15. Остальные сосуды II группы демонстрируют сужение диаметра горловины и более четкое отчленение ее от тулова, т. е. тулово в

большинстве случаев становится более «пухлым».

Вообще форма сосудов в целом довольно однородная, и если исключить № 14, то их можно разделить на два типа: 1) с шаро-

видным корпусом и 2) вытянутым. Основание у сосудов — остродонное, шаровидное и округло-уплощенное, переходящее в плоское (сосуд из Акбеит, к. 45).

Некоторые сосуды грубой работы. Таков, например, сосуд № 20, единственный, на по-

верхности которого заметны четкие следы ручной лепки в виде вмятин, оставшихся от пальцев в процессе работы. Тесто замешано с очень большим количеством мелких камешков, достигающих 10 мм в поперечнике. Поверхность неровная, бугристая и вместе с тем со

• ГРУППА III. ГОРШКИ УЗКОГОРЛЫЕ, ШАРОВИДНЫЕ

Курган, могильник	Номер сосуда	Описание	Высота, мм	Макс. диаметр корпуса, мм	Высота измерения макс. диаметра, мм	Диаметр устья, мм	Высота горловины, мм
Чеш-тепе, к. 2	23	Тулово шаровидное, незначительно приостренное внизу. Горловина относительно высокая, расширяющаяся кверху. Венчик прямой, округлый. Тесто темно-серое, поверхность темно-серая, сплошь закопченная. Следы ручной лепки.	111	111	55	75	15
Можуташ I, к. 11	24	То же, но дно не приостренное, а шаровидное. Закопчен.	140	135	65	80	22
Жарты-Гумбез II, к. 2	25	Тулово угловато-шаровидное, дно приостренное. Горловина сужается кверху, устье очень узкое. Черепок желтовато-серый, дно закопченное.	147	140	70	60	15
Можуташ I, к. 8	26	Тулово шаровидное, в верхней части переходит в крутые плечики. Венчик — простое продолжение стенки, сверху плоский. Поверхность желтовато-кремовая, черепок в изломе темно-серый. Поверхность заглажена. Следы копти.	84	89	45	65	12
Акбеит, к. 59	27	То же, но горловина очень высокая. Поверхность желтовато-серая, черепок темно-серый. Венчик плоско срезанный.	95	95	45	75	17
Койджилга, к. 2	28	Тулово сферо-коническое (сферическая — нижняя часть, верхняя часть практически прямая). Горловина слегка отогнута наружу. Венчик плоский, косо срезанный. Цвет желтовато-кремовый. Небрежного качества. Нижняя часть закопчена.	95	110	45	77	16
Аличур II,	29	Тулово приземистое, грушевидное, основание уплощенно-округлое. Верхняя часть горловины обломана. Небрежно изготовлен. Серого цвета, вся поверхность закопчена.	Свыше 117	142	50	86	
Харгуш II, к. 3	—	Тулово вытянутое, грушевидное, основание шаровидное, горловина вертикальная. Поверхность коричнево-кремовая с примесью слюды. Поверхность очень тщательно заглажена.	86	84	40	42	8—11
Акбеит, к. 59	30	То же, но с отбитой верхней частью. Черепок желтовато-кремовый. Закопчен.	—	110	50		
Харгуш II, к. 2	—	Фрагмент грубого сосуда с грушевидным туловом и уплощенно-округлым основанием. Верхняя часть отсутствует. Поверхность темно-серая, сплошь закопчен.	Свыше 125	140			
Харгуш II, к. 3	—	Верхняя часть сосуда с биконическим туловом. Горловина слегка отогнута наружу. Поверхность серовато-коричневая, заглаженная. Закопчена.					
Андемин, к. 4	31	Верхняя часть сосуда с округлым туловом и отогнутой наружу горловиной. Поверхность серовато-желтая, тщательно заглажена (по форме, может быть, идентичен № 23).				83	18

следами заглаживания. Следы ручной лепки заметны и на более тщательно изготовленных сосудах. Вместе с тем и в этой группе имеются сосуды очень тщательного изготовления, например № 14 (со следами лощения) или № 18. У этих сосудов очень тонкие и тщательно заглаженные стенки.

Судя по следам копоти, сосуды II группы служили в основном для приготовления пищи.

Особое место среди сосудов этой группы занимает сосуд из Акбеит, к. 45 — с плоским дном, с четко выделенным венчиком, с пропорциями, напоминающими равнинную курганную керамику (хотя там точных соответствий нет). Не переходная ли это форма?

Керамика III группы вся закопченная; по-видимому, сосуды применялись как котелки. Три типа:

1. С шаровидным туловом, без плечиков. Дно шаровидное или приостренное (№ 23—25 и, может быть, № 31).

2. С шаровидным туловом и хорошо выраженными плечиками (№ 26—28 и, может быть, сосуд из Харгуш II, к. 3). Их развитие приводит к тому, что форма становится сфероконической (№ 28).

3. С грушевидным туловом и уплощенным или округло-сферическим основанием (№ 7—10); у № 7 тулово приземистое, у остальных — вытянутое.

#### ГРУППА IV. ГОРШКИ ШИРОКОДОННЫЕ С ПЛОСКИМ ИЛИ УПЛОЩЕННЫМ ДНОМ И С РЕБЕРНЫМ КОРПУСОМ

Могильник, курган	Номер сосуда	Описание	Высота, мм	Макс. диаметр тулова, мм	Высота измерения макс. диаметра, мм	Диаметр устья, мм	Диаметр основания, мм
Харгуш I, к. 7	32	Нижняя половина с выпуклой стенкой, верхняя — с вогнутой. Дно плоское. Венчик прямой, простое продолжение стенки. Четкое ребро отделяет нижнюю часть от верхней. Поверхность коричневато-кремовая, заглаженная.	120	165	70	145	70
Харгуш I, к. 7	33	Верхняя половина вначале воронковидная, затем стенка становится вертикальной. Переход от нижней половины к верхней более мягкий. Дно уплощенное. Поверхность темно-серая. Тщательной отделки, хорошо заглажен.	122	142	66	122	245
Тегермансу II, к. 11	34	То же. Верхняя половина в виде усеченного конуса, со слегка вогнутыми стенками. Дно уплощенное. Переход от нижней части к верхней подчеркнут узким и невысоким валиком. Цвет охристо-коричневый.	140	142	70	97	47
Тегермансу II, к. 11	35	То же, но выделена горловина. На верхней половине (здесь имеющей характер плечиков) — три плоских и низких узких валика, подчеркнутых желобками. Венчик несколько оттянут наружу. Дно плоское, тщательно обработанная поверхность. Цвет — коричневый.	135	147	70	104	56
Аличур II, к. 3	36	Грубый толстостенный сосуд с низкой и массивной нижней частью, округло-уплощенным основанием. Верхняя часть — в виде сужающегося кверху усеченного конуса, увенчанного вертикальной горловиной. Переход от нижней части к верхней плавный, без ребра. Грубой лепки, поверхность не заглажена, цвет черепка серый, сильно закопчен.	122	156	45	110	
Тегермансу II, к. 3	37	То же, но верхняя половина более вытянутая, а дно округлое. Изготовлен тщательнее предыдущего. Поверхность желтовато-кремовая, нижняя часть закопчена. Самый верх отбит.	Свыше 156	132	50		

Сосуды этой группы четко распадаются на два типа:

1. Изящные тонкостенные сосуды № 32—35, с шаровидной (уплощенной у основания) нижней частью и верхней половиной, имеющей вид чаши или воронки. При этом обе половины по высоте примерно одинаковы.

2. Нижняя часть сведена до минимума. Доминирует верхняя часть. Один сосуд (№ 36) очень грубый, второй (№ 37) — среднего качества.

Сосуды 1-го типа типологически непосредственно примыкают к некоторым образцам широкогорлых горшков (особенно к № 14, 15 II группы). Здесь лишь происходит значительное увеличение верхней части сосуда, которая приобретает в IV группе гораздо большую величину. То же самое и в отношении качества изготовления — среди сосудов II группы есть два сосуда столь же высококачественных, как и сосуды описываемой IV группы.

#### ОСОБЫЕ ФОРМЫ КЕРАМИКИ

Некоторые сосуды выпадают из приведенной выше классификации и поэтому описываются отдельно.

1. Острореберный горшок из Кзыл-Рабат, к. 1 — наиболее древняя из курганных керамических находок. Корпус биконический, высокая нижняя половина имеет прямую, незначительно выпуклую стенку. Верхняя половина стенки в сечении слегка вогнутая. Перегиб резкий, образующий четкое ребро. Устье сосуда раструбообразное, его диаметр чуть меньше максимального. Венчик имеет вид округлого жгута, нависающего над наружной плоскостью стенки. Дно плоское. Поддон на некоторых участках выделен, на других нет.

Первоначально серая поверхность сосуда покрыта снаружи и внутри плотным слоем копоти. Черепок в изломе серовато-кремовый, с включением некоторого количества мелкотолченого камня. Сосуд несимметричен, в частности плоскость дна не параллельна плоскости устья. Размеры: высота — 115—120 мм, высота до ребра — 67—70 мм, диаметр основания — 70—74 мм, максимальный диаметр — 130—131 мм, диаметр устья — 125 мм (табл. 6/38).

2. Вытянутый плоскодонный горшок из Кзыл-Рабат, к. 6.

Слабоокруглое тулово, несколько более массивное в нижней трети, переходит в низкую вертикальную горловину. Округлый венчик — прямое продолжение этой горловины. Поддон

нечетко отделен от тулова. В целом сосуд баночной формы. Поверхность серая, черепок неравномерного обжига, в изломе серый, тесто с примесью толченого камня, в частности слюды. Техника — ручная лепка.

Размеры: высота — 107 мм. Диаметр основания — 70 мм, максимальный диаметр — 135 мм (на высоте 50 мм), диаметр устья — 120 мм.

Представляется, что этот, как и предыдущий, сосуд связан с традицией эпохи бронзы (табл. 6/39).

3. Остродонный сосуд приземисто-грушевидной формы с четко подчеркнутым переходом от нижней части к верхней (Шаймак, к. 1). Высокая вертикальная горловина, венчик — ее приостренное продолжение. В верхней части корпуса диаметрально противоположные ручки — шишечки, с проткнутой горизонтальной дыркой. От горловины вниз спускаются спаренные линии, состоящие из коротких штрихов — орнамент, нанесенный гребенчатым штампом. Черепок темно-серый. Поверхность сплошь закопчена.

Размеры: высота — 145 мм, максимальный диаметр корпуса — 166 мм, высота измерения максимального диаметра — 65 мм, высота горловины — 19 мм, диаметр устья — 110 мм (табл. 6/40).

4. То же, но сосуд вытянуто-грушевидный (Тегермансу II, к. 22). Прямая горловина несколько отогнута наружу. Две диаметрально противоположные ручки в виде вертикально посаженных прямоугольных пластинок со сквозными отверстиями в каждом. Не орнаментирован. Поверхность розовато-кремового цвета, заглажена рукой. Следы копоти.

Размеры: высота — 135 мм, максимальный диаметр корпуса — 135 мм, высота измерения максимального диаметра — 47 мм, высота горловины — 12 мм, диаметр устья — 88 мм (табл. 6/41).

5. Котелок шаровидный, в виде миниатюрной чашечки, с ручками, груболепной (Жарты-Гумбез I, к. 1). Дно несколько уплощенное. Две диаметрально противоположные ручки в виде вертикально посаженных подтреугольных лопастей. Цвет поверхности — серовато-желтый. Следы законченности.

Размеры: высота — 73 мм, максимальный диаметр — 85 мм, высота измерения максимального диаметра — 40 мм, диаметр устья — 62 мм (табл. 6/42).

6. Сосуд, имеющий форму глубокой чаши, с двумя нарами ручек, посаженными крест-накрест (Харгуш I, к. 6). Дно округло-уплощенное. Невысокая вертикальная горловинка.

Ручки в виде вертикально посаженных лопастей с горизонтальными отверстиями, в верхней части корпуса. Между каждой парой ручек орнамент в виде наклонных сдвоенных прочерченных отрезков. Тщательное изготовление. Цвет черепка — темно-серый.

Размеры: высота — 97 мм, максимальный диаметр — 12,5 мм, высота измерения максимального диаметра — 45 мм, высота горловины — 7 мм, диаметр устья — 115 мм (табл. 6/43).

7. Сосуд в виде горшка с шаровидным туловом и основанием и двумя парами крест-накрест посаженных ручек (Кунти-Муш, к. 1). Острым ребром выкружки-плечики отделены от тулова: Они, в свою очередь, плавно переходят в высокую, слегка сужающуюся горловину. По плечикам — орнамент в виде двух линий, состоящих из коротких углубленных штрихов. Лопастные вертикальные ручки с проткнутыми горизонтальными отверстиями прикреплены па корпусе у плечиков. Поверхность желтовато-кремовая, тщательно обработана.

Размеры: высота — 150 мм, максимальный диаметр — 175 мм, высота измерения максимального диаметра — 85 мм, высота горловины — 20 мм, диаметр горловины — 96 мм (табл. 6/44).

8. Низкий горшочек с шаровидной нижней частью и несколько уплощенным основанием (Тегермансу II, к. 11). Верхнюю часть составляет высокая, сильно вогнутая горловина. Граница между частями в виде четкого ребра. Верхняя поверхность венчика плоская. Две диаметрально противоположные ручки прикреплены на уровне ребра. Ручки в виде уплощенных трапезиевидных лопастей, посаженных под острым углом к стенке (т. е. концы ручек подняты кверху). Сосуд тщательного изготовления. Поверхность темно-серая.

Размеры: высота — 95 мм, максимальный диаметр — 127 мм, высота измерения максимального диаметра — 45 мм, высота горловины — 32 мм, диаметр устья — 110 мм (табл. 6/45).

9. Кружка с яйцевидным туловом (Тегермансу II, к. 10). Примерно на двух третях высоты тулово начинает резко сужаться. Невысокая горловина вертикальная. Венчик — округленное продолжение стенки. Вертикальная петлевидная ручка (в поперечном сечении — плоско-выпуклая) прикреплена нижним концом к середине тулова, верхним — к осно-

ванию горловины. Основание уплощенное. Оранжевая поверхность снаружи и внутри покрыта красновато-коричневым ангобом.

Размеры: высота — 110 мм, максимальный диаметр — 118—122 мм, высота измерения максимального диаметра — 50 мм, высота горловины — 99 мм, диаметр устья — 88 мм, длина ручки — 51 мм (табл. 6/46).

10. Сосуд в виде узкой и высокой баночки (Харгуш I, к. 9). Нижняя часть шаровидная, верхняя — с вертикальными, несколько вогнутыми стенками. На поверхности нанесен прочерченный орнамент — горизонтальный поясok на границе нижней и верхней частей, состоящий из пары линий. От этого пояса поднимаются вертикально четыре сдвоенных отрезка прямых линий. В этих вертикальных поясах — точки. Поверхность серая. Нижняя половина сильно закопчена.

Размеры: высота сосуда — 100 мм, максимальный диаметр — 82 мм, высота измерения максимального диаметра — 45 мм, диаметр устья 65 мм (табл. 6/47).

11. Сосуд в виде глубокой чаши с округло-вытянутым туловом (Жарты-Гумбез II, к. 5). Вертикальная горловина отделена от тулова плоским горизонтальным кольцом, опоясывающим сосуд. Сосуд грубой работы, поверхность темно-серая.

Размеры: высота — 106 мм, максимальный диаметр — 112 мм, высота измерения максимального диаметра — 50 мм, ширина кольца — 10 мм, высота горловины — 8 мм, диаметр устья — 80 мм (табл. 6/48).

12. Горшок широкогорлый, с очень низким и широким корпусом и смято-округлым дном (Малый Истык, к. 1). Горловина слегка отогнута наружу. Поверхность темно-серая. Сильно закопчен.

Размеры: высота — 133 мм, максимальный диаметр — 214 мм, высота измерения максимального диаметра — 65 мм, высота горловины — 12 мм, диаметр устья — 122 мм (табл. 6/49).

13. Фрагмент стенки верхней половины миниатюрного горшковидного сосуда со слабо выпуклым корпусом и невысокой, отогнутой наружу горловиной (Жарты-Гумбез IV, к. 1). По горловине и стенке — два горизонтальных пояса расположенных под углом друг к другу штампованных вдавлений.

Размеры: диаметр горловины — 60 мм (табл. 6/50).

### 3. ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА



Табл. 9. Деревянный сосуд (Истык, к. 1):  
1 — вид сбоку; 2 — вид сверху; 3 — реконструкция.

При раскопках курганов на Восточном Памире были обнаружены различные деревянные изделия, изготовленные из ивы, березы, платана, вяза, лоха и др. Среди этих изделий имеется и деревянная посуда. Так, например, в Памирская I, к. 9 было встречено два крупных сосуда: долбленная чаша полусферической формы с уплощенным дном (диаметр — 200 мм,

высота — 95 мм) и овальный в плане поднос (490 X 270 мм) со слегка приподнятыми торцовыми краями [85, стр. 204, 313; рис. 138/2—3]. Такое же блюдо найдено в Яшилькуль II, к. 2. Его размеры — 360 X 650 мм.

Блюдо из Жарты-Гумбез I, к. 1 имело диаметр около 180 мм. В Тегермансу I, к. 8 — фрагменты блюда на невысоких (около 10 мм) овальных ножках (30 X 25 мм). Деревянные сосуды имелись и в Можуташ II, к. 4 и в Истык, к. 1 (табл. 9).

В позднесакских курганах появляется прекрасно выделанная деревянная посуда, что свидетельствует о значительном прогрессе в технике ее производства. Образцы такой посуды представлены в могильнике Чиль-хона. Из кургана № 8 этого могильника происходит круглодонная чаша с уплощенным массивным дном и утончающимися стенками; венчик отогнут внутрь (диаметр — 210 мм, высота — 90 мм). Снаружи — две опоясывающие горизонтальные линии. Деревянная болванка, судя по годовым кольцам, при изготовлении этого сосуда была положена перпендикулярно вертикальной оси. Верхняя часть сосуда изнутри имеет следы точки на стенке. Сосуд ремонтировался железной проволокой. Второй сосуд из этого же могильника в виде овальной чаши-корытца (длина — 290 мм, ширина — 220 мм, высота — 80 мм), очень тщательной работы, причем дно значительно тоньше стенок. Сосуд также ремонтировался.

В обиходе употреблялись и деревянные ложки. Одна такая ложка, очень плохой сохранности, найдена в верхнем погребении Истык, к. 1. Она имеет вид плоского ковшика с изогнутой ручкой. Общая длина, судя по фрагментам, — 250 мм, диаметр рукояти — 27 мм. Форма таких ложек оказалась очень устойчивой. И поныне памирцы и горные таджики употребляют такие же ложки [391, стр. 357; 505, стр. 269, рис. 59/8—11; 564, стр. 16—17].

Техника изготовления деревянной посуды наиболее детально исследована А. Н. Бернштамом на материалах Кенкольского могильника. Сосуды здесь делались из арчи и тяньшаньской ели. А. Н. Бернштам отметил, что болванки для сосудов изготовлялись из разных частей ствола, в зависимости от формы будущего сосуда. Затем из этой болванки вырезался сосуд, вероятно, с помощью ножа. Некоторые сосуды, в частности блюда, а также столики сохранили циркульные следы движе-

ния режущего инструмента. Именно эти изделия очень тщательно изготовлены, форма ножек совершенно одинакова. Нижняя поверхность отделана небрежно—срезами. А. Н. Бернштам предполагал наличие прототипа токарного станка в виде закрепленного на веревке режущего инструмента, вращающегося вокруг фиксированной точки; заготовка при этом оставалась неподвижной [74, стр. 18—19; 81, стр. 64—65] (впрочем, такой механизм мало рационален). Следы вытачивания на токарном станке имеются и на изученной нами ферганской посуде.

Представляется, что ко второй половине I тысячелетия до н. э. могли возникнуть более совершенные, чем думал А. Н. Бернштам, типы токарных станков. Мы уже упоминали об одном сосуде из Чиль-хоны (III—I вв. до н. э.), изготовленном на станке. Более поздний (первые века н. э.) сосуд из ферганского Исфаринского могильника (курган № 3) был изготовлен из болванки, поперечной вертикальной оси сосуда. На внешней поверхности его совершенно отчетливо видны горизонтальные следы точки на токарном станке, пересекающие годовые кольца. Эти следы имеют вид горизонтальных концентрических линий, тонких, часто расположенных, непрерывных<sup>7</sup>. Такие следы могли быть оставлены лишь станком с непрерывным равномерным вращением вроде существовавших до наших дней киргиз-

ских станков с ручным (ножным) ременным приводом [14, стр. 357; 44, стр. 145; 96, стр. 96—97, табл. Ш/2; 382, стр. 300—301, рис. 87] или весьма примитивных памирских водяных токарных станков [177, стр. 122; 391, стр. 363—365, рис. 74; 505, стр. 267, 269, рис. 58/2]. Несмотря на примитивность водяных станков, на них можно было изготавливать крупные изделия: в Дарвазе, например, вытачивались блюда до 80 см в диаметре [170, стр. 8].

Много деревянной посуды изготавливается памирцами, живущими в афганском Туркестане. Центром изготовления деревянных изделий, в том числе сосудов, являются афганские провинции Вахан и Шугнан, а также Мунджан. Много изделий происходит из Кафиристана (Нуристана), где имеется собственная традиция изготовления деревянных изделий. Немногие из мастеров могут целиком прокормиться сбытом своих изделий, большинство же являются крестьянами, ремесло для них — дополнительное занятие [862, стр. 70]. Дерево приносят заказчики, и в качестве платы часто служит дерево [862, стр. 70—71].

Деревянные сосуды, помимо указанных выше районов, встречаются в большом количестве в долине Фархара.

Кроме того, точеные деревянные сосуды происходят из Файзабада и долины Кокча [1018, стр. 123]<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> Наши раскопки. Фонды Института истории АН ТаджССР.

<sup>8</sup> Описание деревянных изделий (главным образом из Мунджана) см. 1018, стр. 124—130, рис. 10—17.

## 4. БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ И КОТЕЛКИ

### БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ

В Яшилькуль II, к. 1 встречен бокал из тонкого листа бронзы, со слегка выпуклым дном (фото 13).

Корпус бокала выпуклым горизонтальным пояском разделен на две неравные части. Стенки нижней части вертикальны, верхней — воронкообразны. Близ края имеется горизонтальный орнаментальный пояс, состоящий из двух углубленных линий и расположенной между ними заштрихованной сеточкой полосы. Размеры: высота—общая 155 мм, нижней части—74 мм, диаметр дна—88—93 мм, устья—125 мм. Судя по комплексу—это раннесакский период, а бокал обнаруживает сходство с довольно ранней керамикой Яз-депе и

долины Свата [587, рис. 1,3,4]. Что же касается бронз, укажем на одну аналогию, но абсолютно точную, среди китайских бронз чжоуского времени [1079, рис. 18]. Распространены были такие сосуды и в Западном Иране в ахеменидское время [1084, табл. 33].

В Жарты-Гумбес II, к. 4 найдена бронзовая чаша—плоскодонная, с широким основанием и еще более широким устьем. В целом форма грушевидная. В верхней части два горизонтальных орнаментальных пояса—один гладкий, другой (верхний) заполнен прочерченными ромбами. Часть отломана. Толщина листа—2 мм. Размеры: высота—98 мм, диаметр основания—75—80 мм, максимальный диаметр—126 мм, диаметр вверху—115 мм (табл. 10).



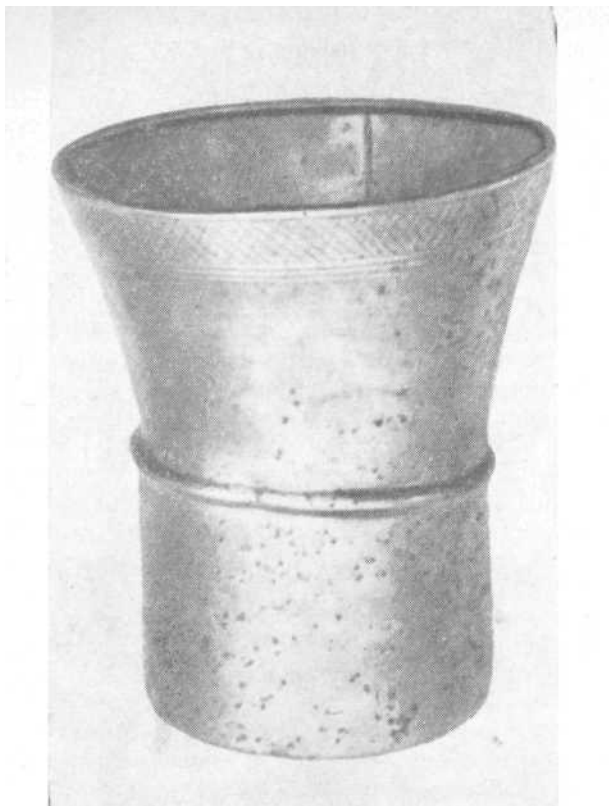


Фото 13. Бронзовый бокал (Яшилькуль II, к. 1).

Имеется еще несколько фрагментированных чаш. Так, из Аличур II, к. 3 происходит неглубокая широкая чаша с округлым дном, в центре которого — прогиб внутрь. Венчик — прямое продолжение стенки, но утолщен. Размеры: диаметрверху — около 130 мм, высота — 55 мм. В Рангкуль I, к. 2 найдена небольшая, но сравнительно массивная чашечка, точнее обломок ее сильно изогнутой, утолщающейся к венчику стенки. Диаметрверху — около 45 мм. Фрагмент стенки бронзовой чаши с вертикальными стенками происходит из Можуташ II, к. 4. Диаметр ее — 180 мм, высота — 60 мм. В Тегермансу II, к. 9 найден фрагмент бронзового сосуда. В Памирская I, к. 9 была найдена тонкостенная бронзовая полусферическая чаша [85, стр. 294, 313].

Имеются и отдельные фрагменты бронзовых чаш, по-видимому полусферической формы<sup>9</sup>.

<sup>9</sup> Иранские термины для обозначения «кубка» и «чаши» см 605, стр. 2, прим. 2.



Табл. II. Бронзовая чаша (Жарты-Гумбез II, к. 4).

### БРОНЗОВЫЕ ПАМИРСКИЕ КОТЕЛКИ И ФЕРГАНСКИЕ КОТЛЫ

Особую группу составляют ритуальные бронзовые котелки из сакских памирских комплексов. Приведем их описание:

1. Миниатюрный котелок с шаровидным корпусом и массивными стенками (Аличур II, к. 3). В верхней части корпуса — два горизонтальных диаметрально расположенных кольца-ручки (поперечное сечение круглое). На том же уровне, но между этими ручками — выступ — ложный носик. Он имеет вид круто изогнутой лошадиной шеи, кончающейся головой хищной птицы. Шея вверх оформлена в виде гладкого гребня, ниже процарапаны две продольные линии. Голова хищной птицы имеет сильно изогнутый клюв, подчеркнутый выемкой. Глаза также обозначены выемками, внутри которых — вытянуто-овальные зрачки. На передней части — остроугольный выступ. От нижнего конца гребня опускаются вниз рельефные полосы с округлыми уширениями на концах. Устье оформлено в виде накладной витой веревочки. Техника: котелок литой, причем кольца ручек и носик отлиты отдельно (при отливке ручек использовалась составная форма, в одном случае половинки этой формы были сильно смещены). При прикреплении ручек соприкасающаяся со стенкой поверхность котелка была расклепана. Устье несколько смято. Витки «веревочки» обработаны зубилом. Размеры котелка: высота — 65 мм, диаметр устья — 66 мм, максимальный диаметр — 81 мм, диаметр колец — 39 мм, выступание «носика» — 33 мм (табл. 11, фото 14).



Фото 14. Бронзовый котелок (Аличур II, к. 3).

2. Миниатюрный котелок с шаровидным корпусом и массивными стенками (Харгуш II, к. 1). В верхней части корпуса две горизонтальные, диаметрально расположенные ручки в виде круглых колец (поперечное сечение их круглое). На том же уровне между этими ручками — выступ, вертикально-овальный, выдающийся за плоскость стенки на 2—3 мм. Выступ, несомненно, связан с ложным носиком. Однако неясно: это своего рода основание под носик, сделанное при отливке, или же отломленный (отрубленный?) носик затем был обрублен под самое основание (второе предположение кажется более вероятным). Устье, как у предыдущего котелка, в виде «веревочки». Техника изготовления неясна, но ручки как будто отливались в двухсоставную форму. Размеры котелка: высота—71 мм, диаметр устья—72—74 мм, максимальный диаметр—95 мм, диаметр колец—35—38 мм (табл. 12).

3. Миниатюрный котелок с грушевидным корпусом и массивными стенками (Харгуш II, к. 3). Несколько выше середины—две горизонтальные, диаметрально расположенные ручки в виде колец (поперечное сечение—круглое). На том же уровне, между горизонтальными ручками-кольцами—две вертикальные ручки в виде фигурок горных баранов—архаров. Фигуры в целом статичны, трактованы очень схематично, в виде прямоугольной скобы. Гораздо детальнее проработана непропорционально большая голова. Мощный завиток рогов, начинающийся над мордой, имеет форму буквы «П». Рога переданы рельефной полоской с поперечной насечкой, выступающей над плоскостью головы. Между концами этого

прямоугольного завитка—утолщение-шарик (глаз), столь же схематично передано ухо. Фигурки баранов, довольно близкие, все же отличаются одна от другой: одна совершенно статична, у нее морда обращена прямо вниз, у второй изгибом ног показано движение, морда несколько вытянута вперед. Устье котелка оформлено накладной «веревочкой». Размеры котелка: высота—87 мм, диаметр устья—62—65 мм, максимальный диаметр—80 мм, диаметр ручек-колец—33—35 мм, максимальная длина фигурок—37 и 38 мм, высота фигурок—37 и 39 мм (табл. 13, фото 15).

4. Миниатюрный котелок с грушевидным корпусом и с округлым, но очень уплощенным дном (Харгуш II, к. 5). В верхней половине тулова—две горизонтальные диаметрально противоположные ручки в виде круглых больших колец (одно обломано), между ними—пара почти диаметрально противоположных, по вертикальных колец (одно отломано). Ко-



Табл. П. Бронзовый котелок (Аличур II, к. 3).

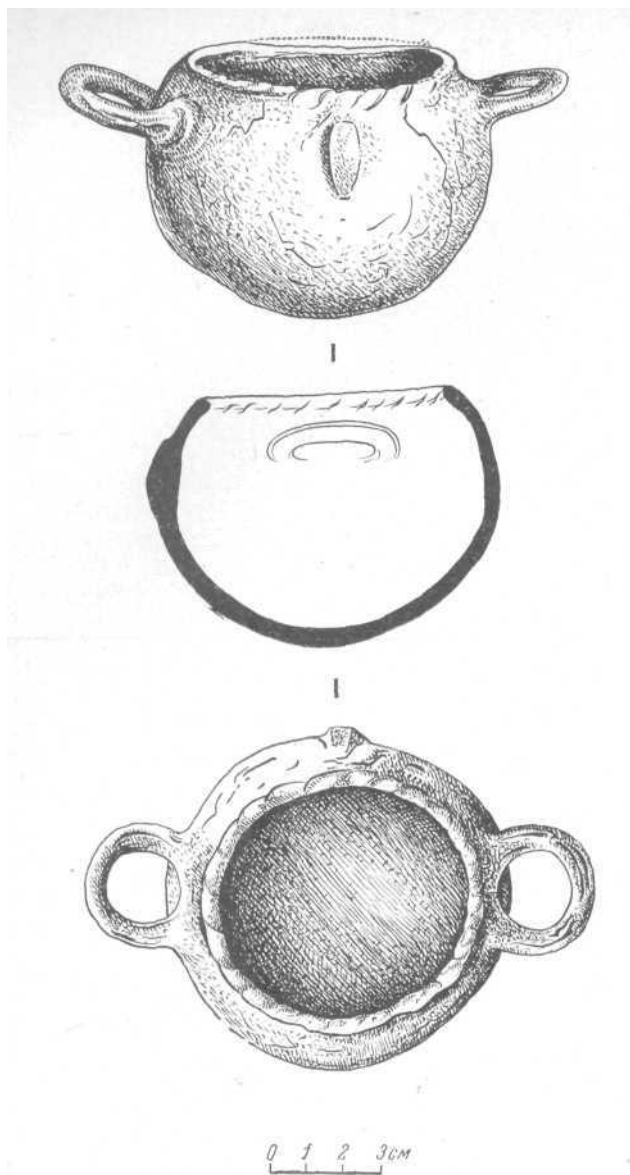


Табл. 12. Бронзовый котелок (Харгуш II, к. 1).

телок менее массивный, чем остальные. Устье оформлено витой «веревочкой». Котелок фрагментирован, он был положен в могилу разбитым в верхней части. Под одной из ручек пробита маленькая дырочка. Размеры котелка: высота — 74 мм, максимальный диаметр — 90 мм, диаметр колец — 47 мм (табл. 14).

Среди многочисленных среднеазиатских и казахстанских скифо-сарматских бронзовых котлов<sup>10</sup> нет ни одного, полностью аналогич-

<sup>10</sup> Сводку данных о них см. 8, стр. 155—169; 489, стр. 178—193.

ного памирским. Нет котлов (или котелков) точно такого типа и в большом собрании бронзовых котлов Ташкентского музея. В этом музее хранится большая коллекция котлов, точное местонахождение большинства которых установить невозможно<sup>11</sup>. Среди них есть котлы средних и крупных размеров, на коническом поддоне или без него. Интересен небольшой (диаметр по венчику (смят) — 230—290 мм, высота — 175 мм) литой котел без поддона с полусферическим корпусом, обращенным внутрь венчиком, двумя горизонтальными ручками (одна отломана). Снаружи, на половине высоты хорошо заметен горизонтальный шов<sup>12</sup>. К сожалению, о происхождении этого котла ничего неизвестно.

Вместе с тем было бы неверно считать памирские котелки совершенно уникальными. В Поволжье, как сообщает К. Ф. Смирнов, зарегистрировано два котелка аналогичной формы: один найден близ с. Рахинка, другой — в кургане у с. Салтово Новоузенского уезда, кроме того, указывается на близкий котелок из коллекции Строганова в Перми. Особенно близок памирским первый из перечисленных выше котелков, как по форме корпуса, так и по наличию двух горизонтальных ручек-колец. На корпусе — рельефное изображение кулана или лосихи. Для этих котелков характерно наличие реального (а не ложного, как на Памире) носика-слива; по размерам они в 2,5—3 раза больше памирских. К. Ф. Смирнов полагает, что родину формы поволжских котелков следует искать на Востоке. В этой связи он указывает на памирские и семиреченские изделия и датирует поволжские котелки V в. до н. э. [479, стр. 134—135].

Мнение К. Ф. Смирнова о происхождении формы и дате нам представляется правильным. При этом необходимо подчеркнуть, что при всех отличиях памирских котелков от семиреченских котлов, которые бесконечно превышают их по размерам, у них все же много общего. Прежде всего — форма. Среди семиреченских котлов имеются очень близкие по форме, с вертикальными и горизонтальными ручками-петлями [488, таблица—рис. 9, 18—19, 23].

Посадка ручек-петель на корпус — специ-

<sup>11</sup> Так, относительно четырех котлов, шифры которых приводятся в «Инвентаре Туркестанского публичного музея 1910 года» (л. 298), суммарно сказано: «Медные, пулеподобные, разной величины котлы. Из них один извлечен из озера Иссык-Куль, один найден близ сел. Богородицкого в земле и один близ Ташкента». О других котлах нет и таких сведений.

<sup>12</sup> Ташкентский музей, фонды (без шифра).



Фото 15. Бронзовый котелок (Харгуш II, к. 3).

фический признак именно семиреченских котлов; среди них встречаются и котлы с носиком-сливом [488, таблица—рис. 23; 489, стр. 190]. Очень часто на бронзовых семиреченских и казахстанских котлах встречаются изображения животных, в том числе барана. Ручки в виде лошадей отмечены на двух котлах из Западной Сибири (по Н. Л. Членовой — VI в. до н. э.) [561, стр. 97—98, табл. 33/6], из Минусинского края происходит котелок с ручками-петлями (но и с невысоким кольцевым поддоном) [561, стр. 100, рис. 19/2], который отчасти напоминает харгушские.

Полную аналогию памирским котелкам, точнее — аличурскому, дает один котелок, найденный в Индии (табл. 15). В Гильгите, в Ишкуманской долине, в 1940 г. в результате обрушения были найдены два бронзовых изделия; одним из них был маленький массивный котелок (диаметр устья — 63,5 мм, высота — 57 мм), с одной стороны он имеет горизонтальную кольцевидную ручку, с противоположной — округлую ручку-выступ. Между ручками — голова животного, очевидно лошади, — имитация носика. Котелок был передан А. Стейну и им издан [1033, стр. 15—16, табл. Ш/а]<sup>13</sup>. Совпадает даже такая деталь,

<sup>13</sup> Там же одновременно был найден бронзовый составной ритон, нижняя часть которого имеет вид кентавра, держащего небольшую фигурку горного козла,

как оформление устья этих котлов в виде витой веревочки (табл. 101)<sup>14</sup>.

Что же касается датировки памирских котелков, то, учитывая комплексы, в которых

ла, а тулово — вид воронкообразного сосуда, по форме напоминающего яшилкульский бокал. А. Стейн, датируя этот ритон ориентировочно I—III вв. н. э., очень осторожно высказывает предположение, что он не был доставлен с Запада, с эллинистического Ближнего Востока, а изготовлен в Северной Индии, может быть даже в Гильгите, но под влиянием образцов эллинистического искусства. Отметим, что А. Стейн делал свои определения, когда еще не были найдены ритоны в Нисе с изображением кентавров, датируемые в основном II в. до н. э. [338, стр. 47; 342, стр. 237], и задолго до того, как были сделаны находки скульптуры в Хорезме, в окрестностях Кой-Крылган-калы [515, стр. 190, рис. 85]. Эти и другие вновь открытые материалы позволяют углубить датировку А. Стейна и пересмотреть вопрос о происхождении гильгитского ритона. В этой связи следует также указать на керамический ритон II—I вв. до н. э. из Демавенда, вблизи Тегерана, нижняя часть которого оформлена в виде протомы горного козла, трактованного реалистически [745, стр. 114, рис. 132].

<sup>14</sup> Е. Ю. Спасская [488, стр. 162—163] зафиксировала орнаментацию в виде веревочки на котлах из Казахстана, но на котлах из Киргизии, по ее наблюдениям, они отсутствуют. Мотив витой веревочки появляется в Китае в чжоуское время, но более распространен в последующие эпохи. Он также часто встречается много позже в Венгрии вплоть до аварского времени, в изделиях *keszthely-style* (1041, стр. 148] (современные представления о культуре *keszthely* — 859, стр. 72—74). О применении этого мотива в сарматских котлах см. 312а, стр. 51 сл.

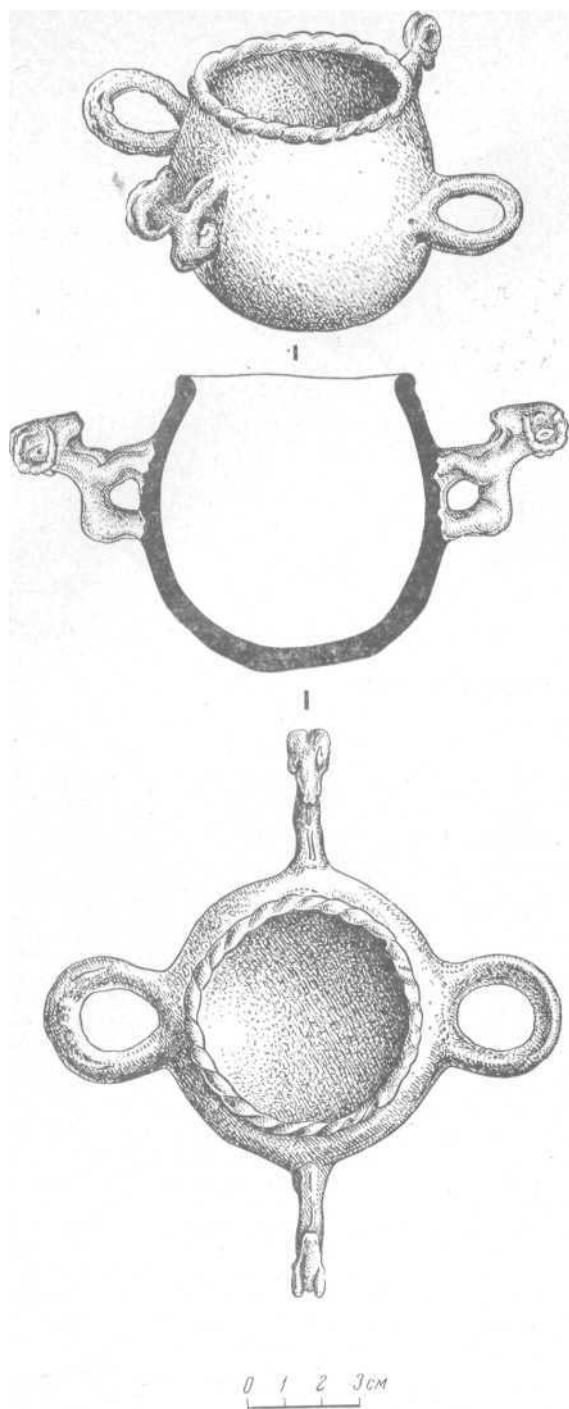


Табл. 13. Бронзовый котелок (Харгуш И, к. 3).



Табл. 14. Бронзовый котелок (Харгуш II, к. 5).

они встречены, и дату поволжских (V в. до н. э.), харгушские котелки можно датировать примерно этим или несколько более ранним I временем, а аличурский — IV—III вв. до н. э.

В ферганских курганных комплексах находок бронзовых котлов или котелков не засвидетельствовано. Вместе с тем известны два интересных бронзовых котла, происходящих из Ферганы, на одном из которых есть смысл остановиться.

В Ферганской долине в междуречье Нарына и Карадарьи недалеко от сел. Тюячи при проведении Большого Ферганского канала был найден крупный медный котел, сейчас хранящийся в Ташкентском музее. Корпус цилиндрический, с горизонтальным ребром в верхней трети. Дно уплощенно-коническое с большой ремонтной вставкой в центре; верхний край отогнут наружу. На диаметрально противоположных сторонах прикреплены четыре ручки-кольца таким образом, что верхняя половина каждой выступает над стенкой. На наружной поверхности ручек по два глубоких желобка, так что ручки имеют вид трех вписанных друг в друга концентрических колец. По краю котла, в промежутках между

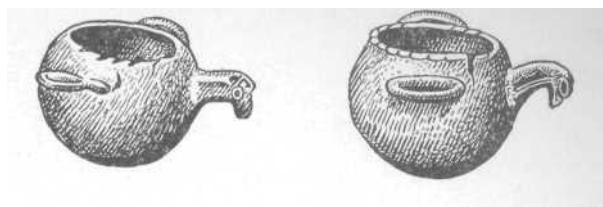


Табл. 15. Аличурский (справа) и Гильгитский (слева, по А. Стейну) бронзовые котелки.

ручками,— скульптурные фигурки четырех козлов, в передней части туловища которых— по рельефной овальной пластинке — крылу (?). Из трех ножек целой является только одна, причем она имитирует человеческую ногу. Размеры котла: высота—555 мм, в том числе высота стенки корпуса — 297 мм, диаметр сверху — 630—640 мм, диаметр ручек-колец — 160 мм (фото 16—17) <sup>15</sup>.

Тюячинский котел (его часто называют котлом с БФК) стоит особняком среди других среднеазиатско-казахстанских котлов. Имен-

<sup>15</sup> Хранится в Ташкентском музее (экспозиция); неоднократно описывался и воспроизводился [175, стр. 162—163; 371. стр. 23. табл. VIII/7; 453].

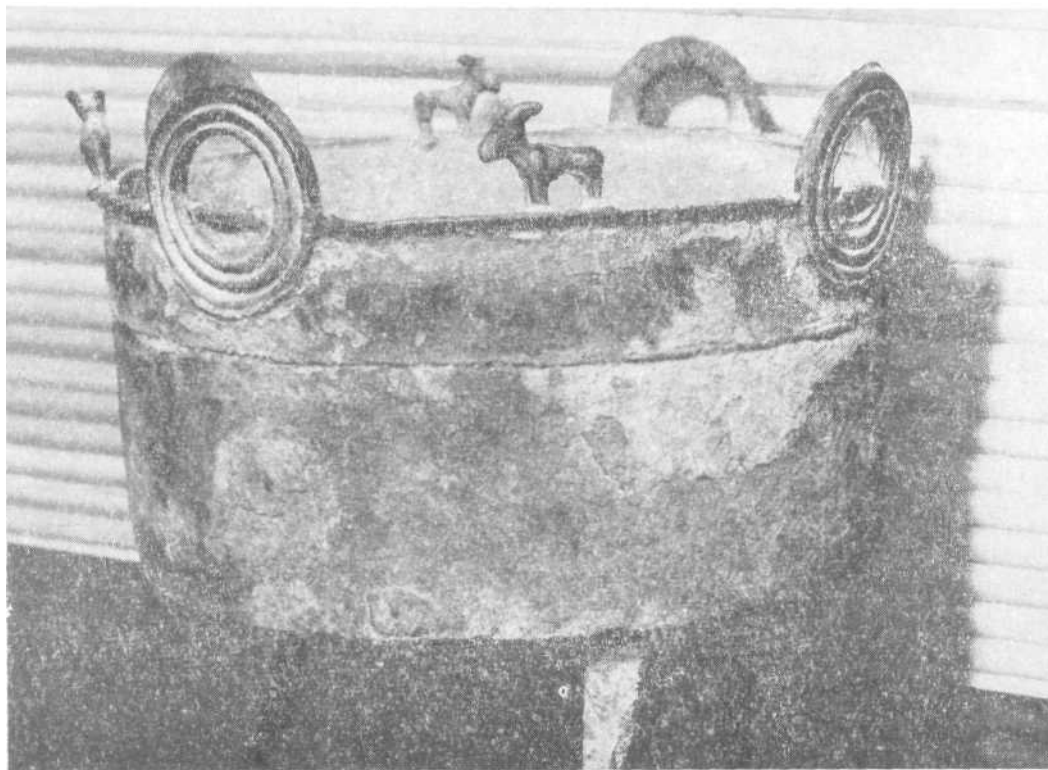


Фото 16. Бронзовый котел с БФК (Ташкентский музей).

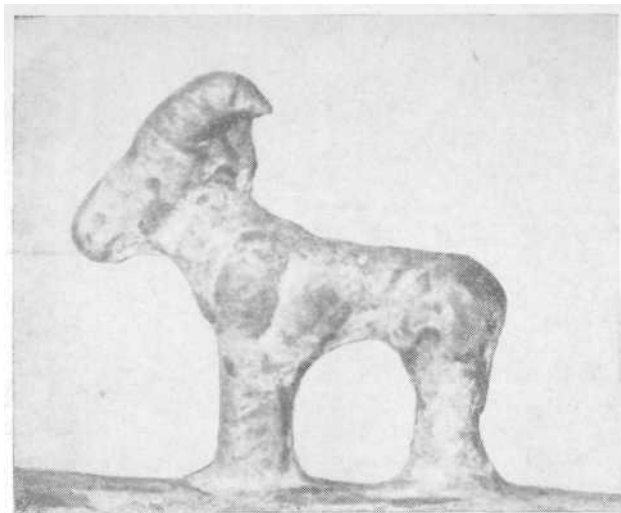


Фото 17. Деталь бронзового котла с БФК.

но поэтому он уже неоднократно привлекал внимание исследователей. В специальной работе, посвященной этому котлу, Л. М. Рутковская, характеризуя его особенности, отмечает его отличия от семиреченских трехногих котлов, делая упор на то, что у семиреченских корпус не цилиндрический. форму туючинского котла исследователь считает китайской, изображения козлов, по ее мнению, примыкают к памятникам скифского искусства.

Исходя из специфической формы корпуса, исследователь утверждает, что котел изготовлен не в Средней Азии, а занесен сюда хуннами, причем по характеру орнамента котел датируется III в. до н. э., но его появление в Средней Азии относится ко времени не ранее

начала II в. до н. э. [453]. М. Е. Массон высказал точку зрения, что возраст этого котла — около 2000 лет [453, стр. 41], т. е. он относил его ко времени около рубежа н. э. Ю. А. Заднепровский в своей книге уделил этому котлу много внимания. Он признает, что туючинский котел имеет некоторое сходство с китайскими сосудами на трех ножках (на что указала Л. М. Рутковская), но считает, что сходство это весьма относительное, ибо «для китайских котлов характерно более округлое тулово, своеобразная форма ручек и ножек, а также обязательное наличие крышки»; в орнаментации влияние китайских образцов вообще незаметно, она сопоставляется со скифской. Затем рассматривается форма котла, его украшения и делается заключение о местном происхождении туючинского котла. Датировка Л. М. Рутковской отвергается; по мнению Ю. А. Заднепровского, котел относится к «сакскому периоду» [175, стр. 162—164].

Нам представляется, что решающим элементом для датировки являются его ручки. Котлы с такого рода ручками из Казахстана и Шалабалинского клада не могут быть точно датированы, но котлы Северного Кавказа с аналогичными ручками по комплексу находок А. А. Иессен датирует VIII — началом VII вв. до н. э. [190, стр. 124—127, рис. 13—15]. Эту дату А. И. Тереножкин распространяет на подобный котел из Среднего Поднепровья [512, стр. 204]. Котел с БФК сближает с северокавказскими также наличие горизонтального рельефного валика на корпусе. Все это позволяет предполагать очень раннюю дату и для котла с БФК — VII или, скорее, VII в. до н. э.<sup>16</sup>

<sup>16</sup> Н. Л. Членова принимает VIII в. [561, стр. 101].

## 5. ПРИБОРЫ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

Наряду с железными кресалами в Средней Азии применялось и «огнивное сверло». Так, в нескольких курганах Карабулакского могильника найдены плашки с полусферическими лунками по краю. Иногда эти плашки имеют четко оформленный выступ со сквозной дырочкой (для подвешивания). Встречена также деревянная палочка-сверло. Ее конец и поверхность многих лунок обгорели [62, стр. 60—61, рис. 10]. Дошечка с лункой была найдена в одном из курганов окрестностей Джеты-Асара [515, стр. 249, рис. 248/2]; дошечка с лунками и палочка-сверло — в кургане

№ 29 алайского могильника Чак [176, стр. 72, 83]. В Средней Азии «огнивное сверло» бытовало с древнейших времен. Во всяком случае, оно было известно уже в сакское время, в VII—VI вв. до н. э.; на Памире (Памирская I, к. 10) были найдены остатки плашки с обожженными лунками и палочка-сверло [85, стр. 313—314, рис. 138/1]<sup>17</sup>.

Большой набор дощечек для добывания огня был обнаружен А. Бабаевым в погребаль-

<sup>17</sup> Для V—IV вв. до н. э. известна находка «огнивого сверла» в Туве [146].



ных сооружениях V—VII вв. на Западном Памире. Обычно это небольшие предметы, длиной до 115 мм, шириной до 35 мм, толщиной — 10—14 мм. Они имеют вид прямоугольной (иногда с отделенным кольцевидным «навершием»), трапецевидной или фигурной дощечки. Общим является наличие служившего для подвешивания сквозного отверстия у одной из коротких сторон. На поверхность части дощечек (вдоль края длинных сторон) предварительно наносился циркульный орнамент — кружки с точкой в центре, на месте которых затем делались лунки-углубления. Они предохраняли сверло от соскальзывания, причем при высверливании лунки частично становились открытыми наружу. Нижняя половина этих полусферических лунок часто обуглена. Размеры лунок: диаметр — 9—10 мм, глубина — 7—9 мм.

Имеются и палочки-стержни для высверливания. Один такой стержень в виде небольшой конической палочки, широкий конец которой округло-выпуклый (он обуглен). Длина палочки — 102 мм, диаметр широкого (рабочего) конца — 9 мм<sup>18</sup>.

Многочисленные находки частей «огнивого сверла» сделаны при исследовании археологических памятников в Восточном Туркестане. В Эндэре (Endere) деревянные дощечки от «огнивого сверла» носили в матерчатом футляре. В Нийе была найдена такая дощечка со сквозным отверстием (дощечка подвешивалась на шерстяном шнуре). В Лоу-Лани сохранились и дощечки (с отверстием для подвешивания) и палочка-сверло<sup>19</sup>.

Принадлежности «огнивого сверла» хорошо известны по находкам в Сибири и Монголии. В ноинулинских курганах имеются полные наборы развитого «огнивого сверла», состоящие из дощечки (с отверстиями для подвешивания), деревянных стержней-сверл длиной 120—132 мм, диаметром 12—15 мм (некоторые с отверстием для тетивы лучка), небольшого лучка, длиной 140 мм, накладок на сверло (сверху для придерживания) с лунками от высверливания (накладки были роговые или из астрагалов)<sup>20</sup>. Отдельные части «огнивого

сверла» встречены в Ильмовой Пяди, в Суджинском могильнике [450, стр. 52—53, табл. XXV, рис. 46; 504, стр. 6]<sup>21</sup>, в могильнике Кок-эль (Тува) [101, стр. 195]. Употребление «огнивого сверла» было распространено и в тюркское время [118, стр. 37].

Каким образом извлекался огонь при помощи огнивого сверла? Ответ на этот вопрос дают этнографические наблюдения.

На Северном Борнео огонь добывают, в частности, высверливанием. Сверлом служит круглая палочка, около 38 см длиной, утолщающаяся к одному из концов (толщина тонкого конца около 0,3 см, толстого — свыше 0,6 см); толстый конец скруглен. Другая часть прибора — прямоугольный деревянный брусочек (35 X 1,9 X 0,65 см), который должен быть без трещин. Первой операцией является высверливание сквозного тонкого отверстия в бруске, предназначенного для попадания на почву легковоспламеняющегося пылевидного порошка (растительного происхождения), который нагревается во время выполняемых операций.

Для получения огня брусок зажимается между ногами сидящего человека. Затем толстый конец сверла вставляется в отверстие, а тонкий конец зажимается между ладонями. Двигая одну ладонь вперед, другую назад, он приводит сверло во вращательное движение, стараясь давить его вниз. При этом его ладони постепенно перемещаются к основанию сверла. Когда они опустятся до основания, он перехватывает сверло сверху, и процесс повторяется. Порошок, кучкой расположенный здесь же, попадает в образующееся гнездо, от трения нагревается и постепенно высыпается на почву.

Вначале движения рук медленные, так что один период вращения (между перехватываниями) занимает около секунды. Затем движения становятся все более быстрыми, так что за минуту делается около ста перехватываний. Порошок начинает дымиться примерно через двенадцать перехватываний, иногда он за-

<sup>18</sup> Фонды Института истории им. А. Дониша.

<sup>19</sup> См. 1029, I, стр. 266, 290, 436; 1029, IV, табл. XXVIII/E, XXXV/L. Детальное описание «огнивого сверла» по находкам А. Стейна и реконструкцию работы этого приспособления см. 834, стр. 33—36, рис. 1—6.

<sup>20</sup> По мнению Г. В. Григорьева, жители Каунчи II для придерживания вращающегося деревянного сверла употребляли плоские камешки, в центре которых получались углубления-лунки (148, стр. 52, рис. 38]. Это вполне возможно, специалисты считают, что камень — лучший материал для таких накладок [464, стр. 16].

<sup>21</sup> В Китае способ добывания огня трением приписывался некоему мудрецу, который, наблюдая в густом и темном лесу, как птицы долбили клювами стволы деревьев, заметил, что при ударе вспыхивали маленькие огоньки. Тогда он попытался сверлить палочкой другую, более крупную, и за первоначальными неудачами последовал успех — появился огонь. Он передал это открытие людям. Мудреца прозвали Суй-жэнь, что значит «добывающий огонь» [569, стр. 56—58]. Китайские источники [569, стр. 332] приписывают это открытие и некоторым другим персонажам, но Юань Кэ считает более древней приведенную выше версию. Практика получения огня трением была обычной в ханском Китае [933, IV/1, стр. 87].

гораются через минуту. Обыкновенное же время получения огня — около двух минут, но оно возрастает до пяти или десяти минут, если дерево сырое, или плохого качества, или же оператор неискусный. После того как появилась искра, ее очень осторожно раздувают, подсыпая деревянные стружки.

Сверло стачивается, но немного, его рабочий конец делается твердым и обугленным (гнездо также обугливается). Брусок в процессе получения огня просверливается примерно наполовину. То же самое гнездо можно использовать для получения огня вторично [1015, стр. 448—449, табл. XI/4].

Однако предварительное высверливание сквозного отверстия применялось далеко не везде [1015, стр. 449 — замечания проф. А. Хэддона]. Вообще же этот прибор, который этнографы называют «огнивное сверло», был до недавнего времени в употреблении у различных народов Азии, Африки и Америки [264, стр. 35—36; 529, стр. 143—144]<sup>22</sup>.

Археологические материалы показывают, что на рубеже нашей эры в Сибири, Монголии и, вполне вероятно, в Средней Азии был распространен усовершенствованный тип «огнивного сверла» — с лучком. При работе, как пишет С. И. Руденко, ремешок лучка «продвигался в отверстие в стержне сверла и один раз вокруг него обертывался. Если дырочки в сверле нет, оно один-два раза обертывалось тетивой лучка и движением лучка взад и вперед приводилось во вращательное движение» [450, стр. 52].

При опытах, которые проводились С. А. Семеновым с сотрудниками, были выяснены многие детали этого способа добывания огня: оптимальный режим вращения, наиболее благоприятный диаметр сверла, возможность получения огня, когда сверло и палочка из одной и той же породы дерева. Установлено также, что огонь может быть получен при наличии соответствующих навыков (а у древних они явно были!) за исключительно короткое время — 8—12 сек. (464, стр. 13—16).

В заключение следует остановиться на двух вопросах. Т. А. Джойс, ссылаясь на Теофра-

ста, писал, что «огнивное сверло» было известно в античном мире и поэтому не исключено, что в Восточном Туркестане оно появилось как результат «греко-буддийских связей» [834]. Находки на Восточном Памире опровергают это предположение: «огнивное сверло» существовало в Средней Азии и, по-видимому, в соседних областях задолго до прихода греков (это бесспорно и для Индостана).

М. С. Андреев собрал расспросные данные о знакомстве жителей Средней Азии, в том числе Западного Памира, Ферганы и др., а также Афганистана, Восточного Туркестана, Ирана, Кавказа со способом добывания огня путем удара кремня о кремень. Он полагал, что открыл обширную область, где до появления железного кресала был распространен именно этот способ высекания огня, в противоположность другим областям, где «трудно было добывать кремни» и где поэтому господствовал иной способ добывания огня — путем трения дерева о дерево или высверливания [38, стр. 75—86].

Позже Б. Ф. Поршнев использовал эти материалы как одно из доказательств, что высекание огня ударом кремня о кремень было первоначальным способом добывания огня, причем не только в Средней Азии и сопредельных с нею странах, но и вообще в истории человечества. При этом он сделал важную оговорку, что этот способ «был в большинстве случаев утрачен, и там, где теперь обнаружен, является поздним нововведением», а не палеолитической традицией». Его концепция покоится, в частности, на предпосылке, что современным ученым при всех стараниях не удастся воспроизвести в лабораторных условиях способ добывания огня трением [402, стр. 26—27]. Однако опыты С. А. Семенова убедительно опровергают эту посылку. В наши задачи никак не входит рассмотрение очень интересного и во многом убедительного построения Б. Ф. Поршнева. Но что касается гипотезы М. С. Андреева, она в последующем не подтвердилась фактами. Как явствует из приведенных выше материалов, в Средней Азии до появления железного кресала было широко распространено «огнивное сверло», еще в первой половине I тысячелетия н. э. оно употреблялось, в частности в Ферганае, наряду с железным кресалом.

<sup>22</sup> При этом у многих племен распространены верования, согласно которым горизонтальная дощечка рассматривается как «женская», сверло же — как «мужская» часть этого прибора [731, стр. 220].

## 6. ФРАГМЕНТЫ ТКАНЕЙ И КОЖАНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Уже в эпоху поздней бронзы в Фергане были в употреблении глиняные пряслица нескольких типов: массивные чечевицеобразные (диаметр — до 40 мм), конические и биконические [175, стр. 83]. В эпоху раннего железа были распространены наряду с коническими также полусферические, биконические, усеченно-конические (а каменные — и дисковидные) диаметром 30—40 мм, высотой 10—20 мм, иногда с выемкой на основании<sup>23</sup>.

Что касается ткачества, то для эпохи раннего железа следует отметить отпечатки тканей (на керамике) саржевого переплетения (преимущественно), полотняного (городище Эйлатан). Ткани, по-видимому, шерстяные [236, стр. 232—233]. Судя по отпечаткам тканей на керамике из могильников актамского типа, также исследованных Г. Ф. Коробковой, оставившее их население употребляло для шаблонов при изготовлении керамики преимущественно ткань гарнитурового переплетения, редко — саржевого и репсового. Ткани обычно плотные (от 8 X 6 до 15 X 10 нитей на 1 см<sup>2</sup>), но в двух случаях — очень редкие (2 X 2 и 4 X 3 на 1 см<sup>2</sup>) и, скорее всего, шерстяные [137, стр. 109; ср. 119, стр. 46—47].

В Харгуш II, к. 5 найден фрагмент шерстяной ткани (105 X 55 мм), вероятно — мешочек. Ткань небольшой плотности (4 X 6 нитей на 1 см<sup>2</sup>), гарнитурового (полотняного) переплетения. Украшена двумя параллельными полосками косо положенных редких спаренных стежков толстой нитью другого цвета, такая же нить пушена по краю, перпендикулярно полоскам. Ткань зеленоватого цвета, нить — темно-коричневого.

В Истык, к. 1 найден длинный плоский деревянный гребень длиной 180 мм, шириной 20—34 мм, прорез зубьев — 7—8 мм, толщина — 2 мм. Это не туалетный гребень, а скорее всего инструмент, использовавшийся в процессе прядения.

В быту саков большое место занимали различные предметы, изготовленные из кожи: кожаная одежда, упряжь, щиты и т. д. К сожалению, все эти многочисленные изделия практически до нас не дошли. В памирских курганах найдены лишь отдельные фрагменты

кожаных изделий, прежде всего ремни и ремешки.

Так, в Можуташ II, к. 4 сохранился большой кусок поясного ремня. Этот кожаный ремень в одной части получен складыванием вдвое кожаной полосы таким образом, что стык находился посередине одной из длинных сторон. Другая часть исходной полосы была шире, и поэтому, чтобы выдержать одинаковую ширину ремня, полосу сложили пополам и оставшуюся часть наложили сверху. Место соединения или накладывания не сшито, а просто зажато гладкими кольцевыми скобками, охватывающими ремень и посаженными через 40—55 мм. На ремне имеются две широкие кожаные петли. Снизу к ремню и к этим петлям прикреплены ремешки, опускающиеся вниз. Длина сохранившейся части ремня — 320 мм, ширина — около 20 мм. Бронзовые скобки вытянуто-овальные, около 10 мм, шириной и 31—35 мм длиной. К этому ремню прикрепляется ремешок, сшитый очень небрежно из сложенной вдвое кожаной полосы (табл. 45).

Это узкий портупейный ремень с металлическим набором самого простейшего типа. Такого рода портупейные ремни, но с гораздо более сложными металлическими наборами хорошо известны в скифских комплексах [322; 347, стр. 74—75; 549] и в курганах I этапа тасмолинской культуры (VII—VI вв.) Центрального Казахстана [324, стр. 346, рис. 39].

Интересны ремешки из Шаймак, к. 3 (табл. 16). Там найден узкий ремешок шириной около 17 мм. Он представляет собой сложенную пополам кожаную полосу. Место сочленения приходится на середину одной из продольных сторон. Здесь ремешок сшит швом «через край» очень тонкой нитью (сухожилием?) и так тщательно, такими мелкими стежками, что даже линия сшива различается с большим трудом. Вдоль краев ремешок прошит строчным швом. Благодаря этому узкие полоски вдоль краев стали более выпуклыми, образовались канты. На лицевой стороне пространство между кантами закрашено красной краской.

Были и другие, более узкие (шириной 10—11 мм), но точно также сделанные ремешки. Когда надо было пропустить один ремешок сквозь другой, делались разрезы на кантах; скрепление осуществлялось при помощи железной шпильки или заклепки.

Узкие и тонкие кожаные полоски являлись основой для обкрутки бронзовыми листочка-

<sup>23</sup> Коллекция Ферганского музея и рисунки в работах: 119, рис. 29/26—27; 136, рис. 8/7, 12/6; 137, рис. 5/25—34. В тексте Н. Г. Горбуновой они суммарно названы «коническими» (137, стр. 102). Но, например, прясло из Кунгая, курган № 8—выпукло-вогнутое, полусферическое, с выемкой на нижней плоскости (диаметр — 30 мм, высота — 16 мм).

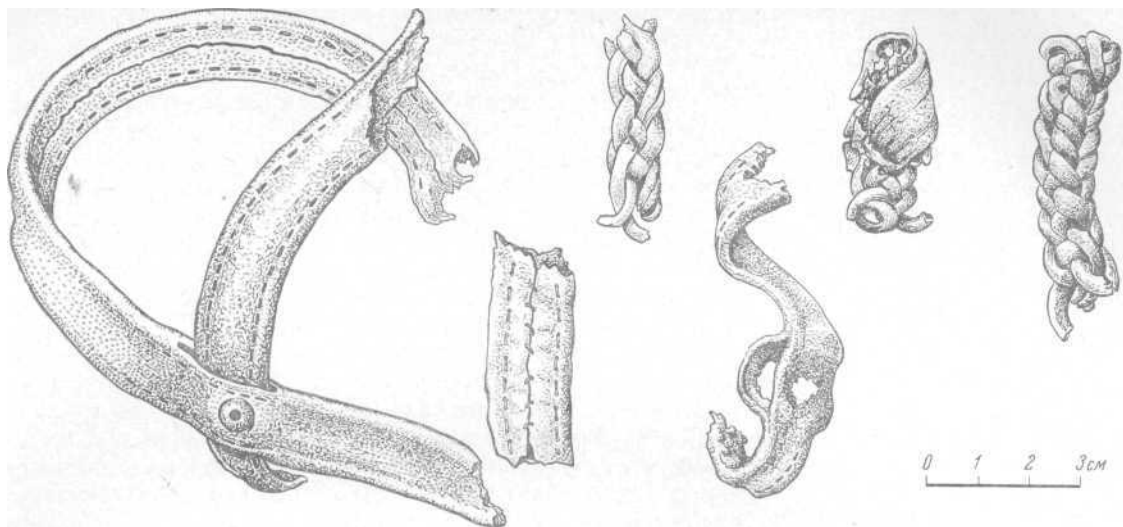


Табл. 16. Кожаный пояс (Шаймак, к. 3).

ми. Они встречены во многих курганах. Отрезок туго-витого (спиралью) кожаного «шнурка» шириной 2 мм происходит из кургана 1 могильника Тегермансу III.

Образцом технологически сложного изделия из кожи является памирский кожаный щит с прошитыми вставными деревянными палочками-основой (подробное описание — стр. 128).

Наряду с великолепными, тщательно изготовленными изделиями применялись и другие, гораздо более примитивные. Так, например, в Жарты-Гумбез I, к. 1 обнаружено шитое вдвое редкими стежками через край изделие, на внутренней поверхности кожи — остатки шерсти. При этом применялась нить двойной крутки, но сейчас нить разошлась.

## 7. ПРЯЖКИ

Количество находок пряжек невелико. Из Памирская I, к. 10 происходит крупная бронзовая пряжка, состоящая из выпукло-вогнутого кольца, имеющего благодаря приотступлению-выступу на одной из сторон сердцевидную форму, и маленькой прямоугольной рамочки на противоположной стороне [85, стр. 296, рис. 128/1, 129] (табл. 17, внизу; 18/3).

В составе инвентаря Тегермансу I, к. 9А — небольшая двухчастная бронзовая пряжка [53, стр. 26]. Одна часть ее листовидная, с листовидным же вырезом, вторая — в виде тонкой прямоугольной рамки. На листовидной части, по ободку, с двух сторон — неглубокие кружковые углубления. Лишь в одном случае противоположащие углубления совпадают, образуя сквозное отверстие. Размеры: общая длина — 47 мм, в том числе рамки — 11 мм, ширина листовидной части — 21 мм, рамки — 15 мм (табл. 18/4).

В Аличур II, к. 3 найдена плоская бронзовая **подквадратная** пластина со скругленными углами. **Вдоль** одной из сторон — вытянуто-овальная прорезь. На противоположном краю, близ углов — следы обломанных штифтов, этот край расклепан. Размеры: 41 X 42 мм, прорезь — 19 X 5 мм, толщина пластины — 1 мм. Из этого же могильника происходит фрагмент второй части пряжки с **когтевидным** штифтом — крючком (высота — 7 мм). Эта часть не просто отломана, а отрублена (табл. 18/1).

В Тегермансу I, к. 9А на груди одного из погребенных — круглая бронзовая бляха. В центре выпуклой внешней стороны — рельефная округло-сферическая выпуклость. По узкому бортику, окаймленному рельефным кантом, в два ряда — прорези-треугольники. На обратной вогнутой стороне — высокий и массивный стержень-заклепка, с расклепанной шляпкой. Размеры: диаметр — 68 мм, тол-



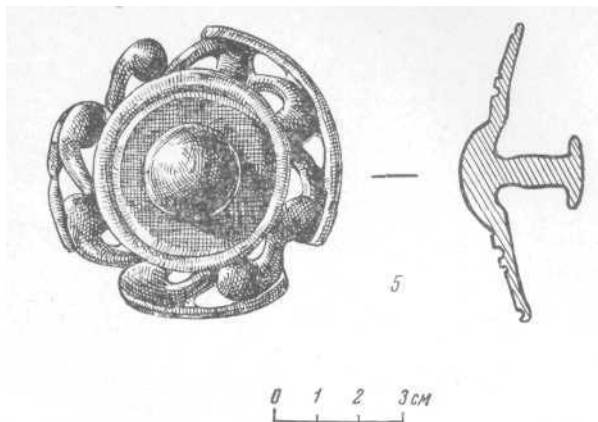
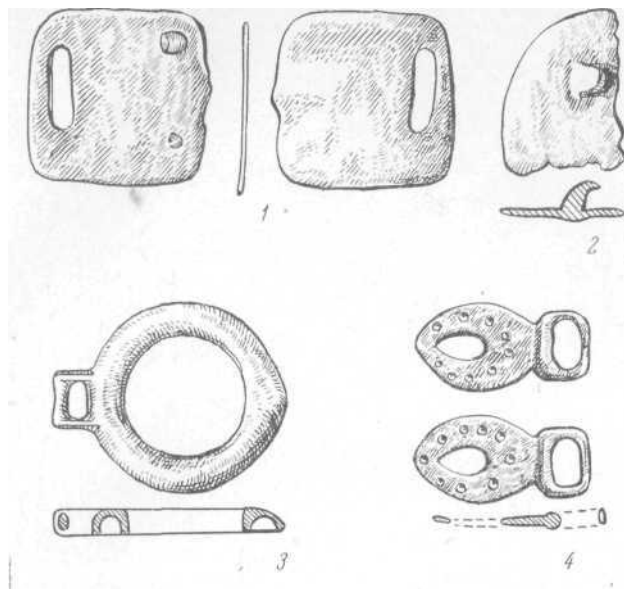


Табл. 18. Бронзовые изделия из памирских могильников:  
1—2 — Аличур II, к. 3; 3 — Памирская I (по А. Н. Бернштаму);  
4—5 — Тегермансу I, к. 9А.

щина — 14 мм, высота стержня — 22 мм (табл. 18/5).

Крупные размеры бляхи при издании предмета заставили А. Бабаева и нас высказать предположение, что это — умбон щита [53, стр. 29]. Пряжка-умбон из Тегермансу I воспроизводит образцы, хорошо известные в кавказских археологических комплексах. Там она имеет местные прототипы и широко распространена. Прорезные треугольники появляются на бляхах поздней группы. Некоторые исследователи датируют последнюю группу блях III в. до н. э. [32, стр. 195—196, табл. III/1,

VII/7]. Если рассматривать памирский экземпляр как пряжку, возникает вопрос о прикреплении противоположного конца ремня. Возможны два варианта: 1) к стержню штифта привязывалась кожаная петля, которая и надевалась на крючок другого конца ремня; 2) длинный стержень-заклепка был пропущен сквозь ремень и выступал с обратной стороны; на него надевалось колечко пряжки, прикрепленной на другом конце ремня. Вместе с тем мы не считаем исключенным, что это — умбон щита.

## 8. УКРАШЕНИЯ

### БРАСЛЕТЫ

#### 1. Браслеты бронзовые

(табл. 19)

Бронзовые браслеты происходят из девяти раскопанных нами памирских курганных комплексов. В большинстве случаев браслеты проволочные или из граненого прута, несомкнутые. Рассмотрим некоторые из них. Из Шаймак, к. 2 происходит браслет из круглой в сечении проволоки диаметром 6 мм; один из браслетов из Аличур II, к. 3 — из проволоки овального сечения (3—3,5 мм), причем

концы утончены и сделаны гранеными. В Андемине I, к. 3 обнаружен бронзовый браслет из овально-уплощенного в сечении прута, со скругленными концами. Из Шаймак, к. 1 происходят браслет с приостренными концами, поперечное сечение — сегментное, браслеты из граненого прута (сечение — 3,5 X 4 мм) с приостренными концами. Браслеты из граненого прута найдены в Харгуш II, к. 5.

В двух курганах найдены узкопластинчатые браслеты. У браслета из Тегермансу II, к. 10 концы скруглены, полоса наиболее широкая в средней части (7 мм), к концам сужается. Браслет из Аличур II, к. 3 — тонкий и узкий. Один конец тонкий, с закрученным (в полвит-

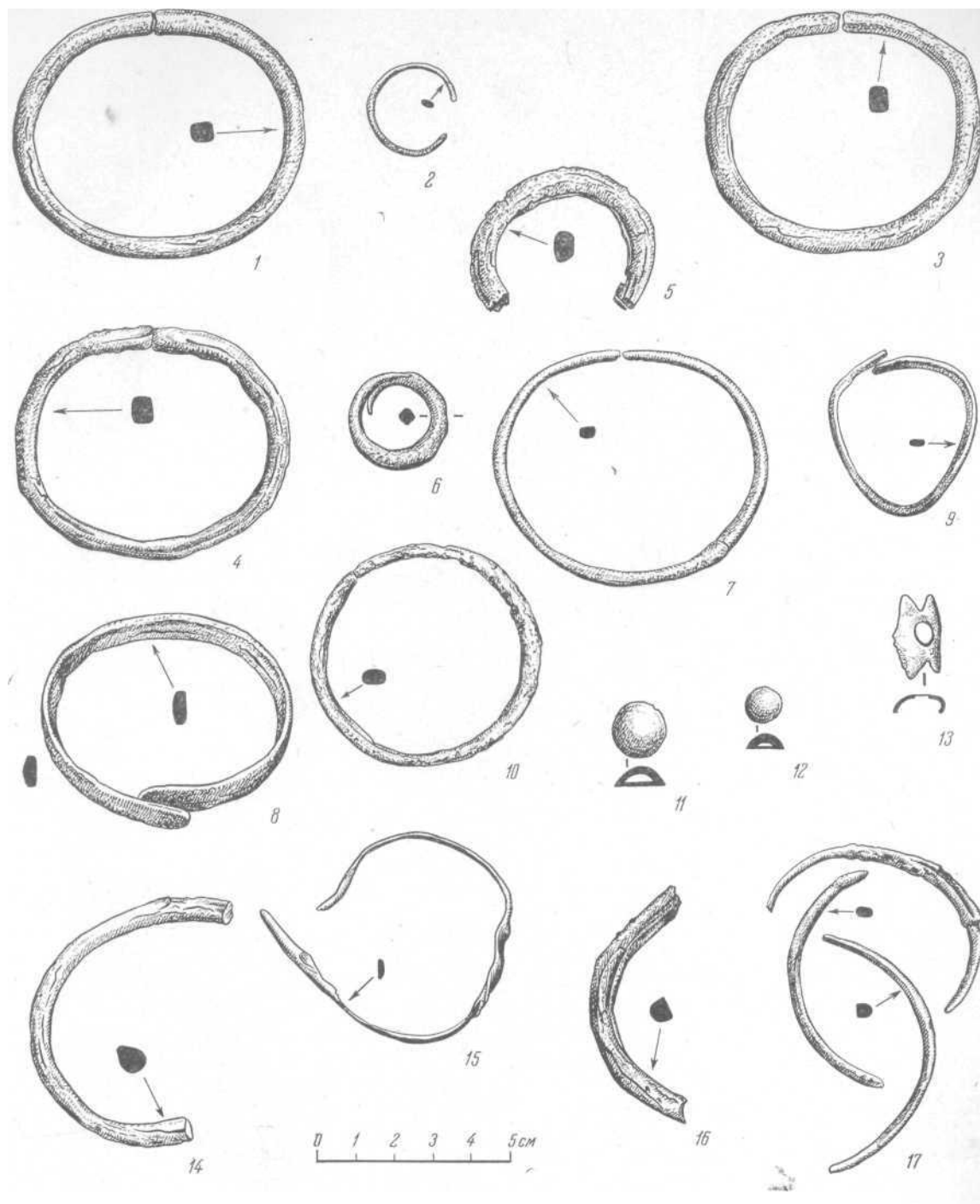


Табл. 19. Браслеты и другие бронзовые украшения из восточнопамирских могильников:  
 1, 3, 4—6, 12—15, 17—Харгуш II, к. 5; 2, 9—Рангкуль I, к. 2. 7. 16—Аличур II, к. 3; 8—Тегермансу II, к. 10; 10—Шаймак. к. 1.

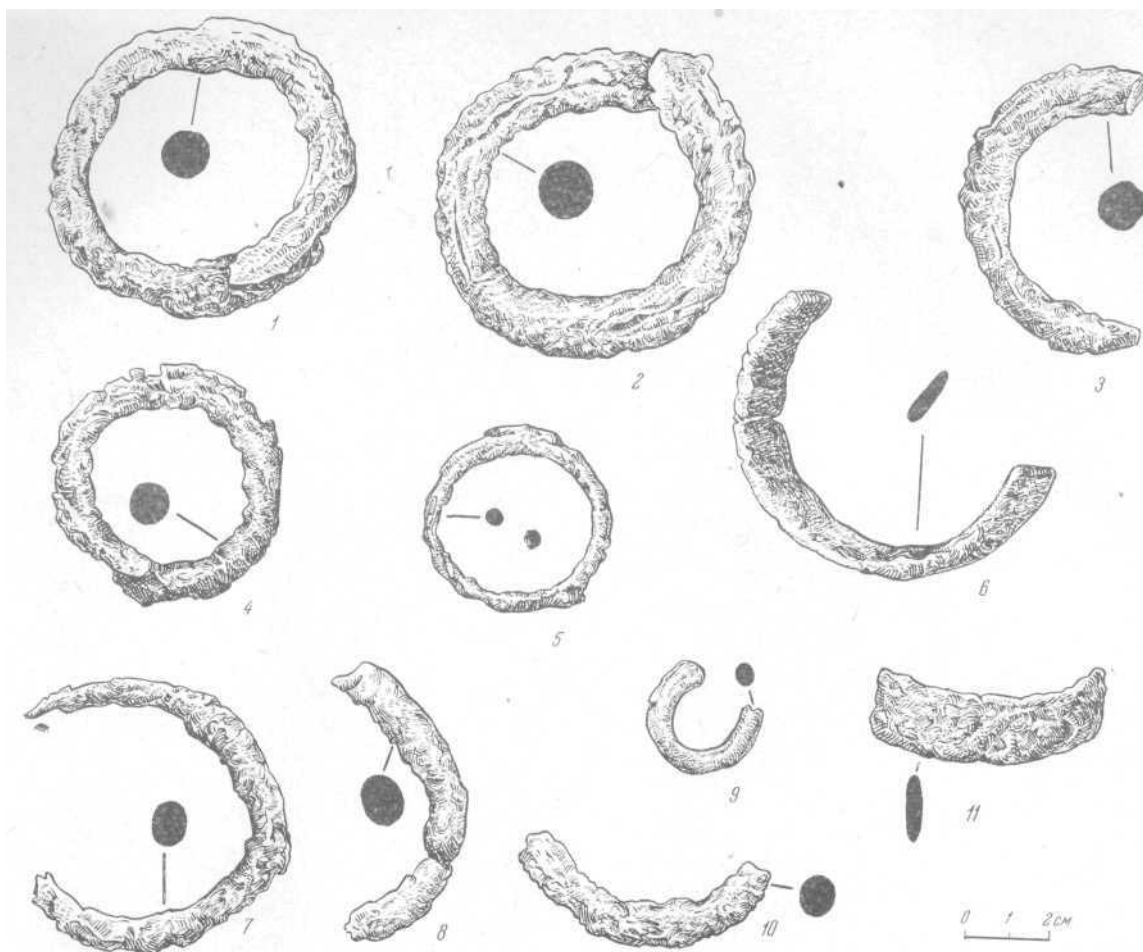


Табл. 20. Железные браслеты и кольца из восточнопамирских могильников:  
1—3 — Айдынкуль I, к. 4; 4 — Шаймак, к. 2; 5 — Тегермансу I, к. 31; 6 — Аличур II, к. 3; 7—9 — Харгуш II, к. 3; Истык, к. 3; 10 — Можуташ I, к. 4; 11 — Андемин, к. 1.

ка) завершением, другой — утолщающийся. Сечение: внутри — плоский, снаружи — значительно выпуклый.

## 2. Браслеты железные (табл. 20)

Все железные браслеты — несомкнутые. Из Айдынкуль I, к. 4 происходят массивные железные браслеты, сделанные из круглого в сечении прута, с «заходящими» концами. Диаметр этих браслетов — 68—78 мм, диаметр прута — 9—13 мм. Из Истык, к. 2 происходит браслет из плоско-выпуклого прута (10 X 12 мм); фрагменты круглого в сечении браслета — из Можуташ I, к. 4.

Пластинчатые браслеты происходят и из Аличур II, к. 3. К концам пластина постепенно сужается, сами концы овально-скругленные, в поперечном сечении плоские или слегка вы-

пуклые наружу. Ширина в средней части — около 16 мм, на концах — около 10 мм. Аналогичные браслеты происходят из Андемин, к. 1.

Чрезвычайно существенно, что железные браслеты имеются уже в Айдынкуль I, к. 4. Комплекс этого кургана датируется VII в. до н. э. Следовательно, уже тогда, на заре появления железа в Средней Азии, памирские саки имели в быту железные браслеты. Характерно также, что в некоторых сакских комплексах Восточного Памира погребенные украшены одновременно и железными и бронзовыми браслетами<sup>24</sup>. В быту знати были распространены и золотые браслеты (Амударьинский клад).

Жители Ферганы, оставившие могильники

<sup>24</sup> Это мы уже отмечали в печати [283, стр. 39].



актамского типа, носили преимущественно железные браслеты — из 32 браслетов лишь три — бронзовые. Браслеты несомкнутые, часто с приостренными концами, пластинчатые или проволоочные [137, стр. 101, рис. 3/12, 15, 16—18].

Как известно, железные и бронзовые несомкнутые проволоочные браслеты с тупыми, иногда слегка утолщенными концами были распространены в савроматских комплексах. С IV в. до н. э. в прохоровских комплексах появляются браслеты с приостренными концами [479, стр. 146], хотя продолжали встречаться и браслеты с тупыми концами [361, стр. 43]. В Средней Азии, судя по находкам в памирских курганах, в частности в Шаймак, к. 1, приострение концов появилось несколько раньше, не позднее V в. до н. э. Среди прохоровских браслетов есть золотой браслет, у которого, подобно бронзовому аличурскому, конец перекручен [361, стр. 43, табл. 24/6].

#### КОЛЬЦА И ПЕРСТНИ (табл. 20)

В сакских курганах Памира представлены железные кольца и перстни. Кольца сделаны из круглого в сечении прута (Тегермансу II, к. 9; Шаймак, к. 2; Харгуш II, к. 3). В Тегермансу II, к. 9 найден сильно коррозированный железный перстень; дужка — из толстого круглого в сечении прута, щиток овальный (16 X 18 мм). Здесь же обнаружен маленький бронзовый перстень с овальным щитком. В Можутах I, к. 8 найдено бронзовое колечко с рубчатой внешней поверхностью.

В могильниках актамского типа — кольца железные пластинчатые. У двух колец — овальные площадки, это уже, собственно, перстни [137, стр. 101, рис. 3/13—14].

Прекрасный набор бронзовых перстней был получен при раскопках Харгуш II, к. 5.

Перстень № 1. К щитку плоское кольцо уширяется и на нем нанесены насечки в виде углов. Щиток круглый, в центре его — круглая же впадина, окруженная валиком, затем вновь — кольцевой желобок. Диаметр кольца — 23—26 мм, щитка — 17 мм.

Перстень № 2 имеет также круглый щиток. В центре его — рельефный кружок, вокруг него по окружности — 11 мелких перлов. Все это окружено рельефным валиком. По наружному краю — короткие радиальные насечки. Кольцо очень тонкое, прикреплено к концам щитка. Диаметр кольца — 22—24 мм, диаметр щитка — 20 мм.

Перстень № 3. Щиток состоит из двух со-

прикасающихся волют, обращенных завитками наружу. Щиток штампованный. Диаметр кольца — 23—24 мм, щитка — 20—21 мм.

Перстень № 4. Щиток крестообразный. В центре и в выступах — по небольшому углублению, внутри которых посажены рельефные круглые столбики. Кольцо в виде узкой полоски присоединено к концам щитка. Диаметр кольца — 22 X 20 мм, щитка — 18 X 17 мм.

Укажем на несколько параллелей.

Мотив щитка перстня № 2 известен в коллекциях из Северного Китая [584, стр. 290, табл. XXIX/1]. Мотив весьма ранний, отмечен на находках XIII в. до н. э. из Мари и на золотых украшениях из Дейлема, относящихся ко времени близкому «некрополю В» Сиала [1054, стр. 218—222, рис. 3, 12].

Мотив щитка перстня № 3 чрезвычайно распространен в различных украшениях. Достаточно сказать, что золотые бляшки именно такой формы встречены в Малой Азии, в Талыше и др. [919, стр. 83—84, рис. 85/12; 86].

Крестообразные бляхи, подобные щитку перстня № 4, были широко распространены в середине I тысячелетия до н. э. в Евразии — от Причерноморья до Северного Китая, причем из Причерноморья происходят наиболее близкие по форме бляхи [820, стр. 197, табл. II/8—10]<sup>25</sup>.

#### СЕРЬГИ

Бронзовое височное кольцо из тонкого уплощенно-овального прута происходит из Рангкуль I, к. 2. Концы находят один на другой. Один из концов более тонкий, несколько отступая от краев — пережимы. Форма кольца — треугольно-округлая. Размеры: 39 X 40 мм, сечение — 2 X 3,5 мм. Серебряные проволоочные височные кольца в виде колечка с утонченными находящими концами найдены в Аличур II, к. 3 и Харгуш II, к. 2 и 5, бронзовое — в Харгуш II, к. 2. Золотое колечко обнаружено на виске нижнего костяка в Памирская I, к. 7 [85, стр. 291].

В Фергане бронзовые и серебряные проволоочные серьги (иногда с проволоочной петелькой) были распространены в эпоху раннего железа [137, стр. 102, рис. 3/40]<sup>26</sup>. Такова, например, проволоочная серьга овальной формы из Актам, к. 50 (размеры 15 X 12 мм, при толщине проволоочки — 1 мм). В дальнейшем —

<sup>25</sup> В персепольских украшениях использована крестообразная схема, но сам щиток квадратный [999, II, стр. 100, табл. 77/18].

<sup>26</sup> Ферганский музей,  $\frac{3275}{A=13/21}$ .

это наиболее массовый вид серег, вплоть до нового времени.

В Харгуш II, к. 5 найдена серьга в виде бронзовой спирали из граненой (ромбической в сечении) проволоки с утончающимися концами, сведенными на острие, круглыми в сечении. Диаметр серьги — 24 мм, сечение — 4 мм.

Наконец, следует упомянуть золотую серьгу из Акбеит, к 47. Серьга вытянуто-коническая, двухдольчатая, из двух соприкасающихся конусов, расширяющаяся книзу, а сверху переходящая в проволочную петлю в полтора оборота (петля также из двух склепанных проволок). Общая высота — 45 мм, высота подвески — 32 мм, ширина основания — 11 мм, толщина — 5 мм, сверху соответственно: ширина — 4,5, толщина — 2,5 мм (табл. 24/28) <sup>27</sup>.

Спиралевидные серьги должны относиться к очень раннему времени. В Средней Азии такие серьги, как указывалось, зарегистрированы еще на Восточном Памире. Они встречаются в усуньских курганах III в. до н. э. — I в. н. э. [29, стр. 179, 189].

Серьги в виде колечек с заходящими концами характерны для прохоровской культуры. М. Г. Мошкова называет их «самой ранней и самой распространенной формой» [361, стр. 44]. Что касается спиральных серег, то они представлены уже в ранних ананьинских комплексах [181, стр. 30, табл. 1/3; 11/10]. У савроматов они появляются в начале V в. до н. э., причем изготовлены из круглой, реже — граненой проволоки. Широко они были распространены в прохоровское время. К. Ф. Смирнов высказал предположение о происхождении этой формы из Ирана и Средней Азии и указал в этой связи на находку спиральных колец на Яз-депе [333, стр. 200—201, табл. XXXIII/6; XXXIV/17]. Новые находки в какой-то степени подтверждают эту точку зрения.

#### БЛЯХИ И РЕМЕННЫЕ ОБОЙМЫ. ЗВЕРИНЫЙ СТИЛЬ

Различные бронзовые бляхи и бляшки, украшавшие одежду и конскую сбрую, появляются в эпоху бронзы, а затем бурно развиваются в сакское время. Рассмотрим их типологию.

1. Из Ходжаягонинского могильника (ящик I) происходит овальная бляшка из тонкого бронзового листка, выпуклая и согнутая по длине. Размеры: длина — 1,6 мм, ширина — 1 мм, высота — 5 мм, толщина листка — около

1 мм. Из Харгуш II, к. 5 (1960) происходит такая же бляшка более усложненной формы. На узких сторонах — вырезы, благодаря чему узкие стороны имеют вид спаренных острых зубцов. На одной из боковых сторон — остроугольный выступ; загнутый назад, по-видимому для ремня. В центре бляшки овальное отверстие.

2. Из Жарты-Гумбез II, к. 4 происходит выпукло-вогнутая бляха, со слегка отогнутым ободком вдоль края. Центр отбит. Бляха сделана из тонкого бронзового листка. Диаметр — 33 мм, высота — 4 мм, толщина листка — около 1 мм. Эта бляха служила украшением одежды.

3. Из Харгуш II, к. 5 происходят две бляшки-пуговицы. Обе полусферические, но одна выпукло-вогнутая, с плоской полоской-петелькой на обратной стороне. Диаметр — 13 мм, высота — 6 мм. Другая — выпукло-плоская. На обратной (плоской) стороне сделано отверстие, благодаря которому образуется петелька. Диаметр — 10 мм, высота — 4 мм.

Четыре экземпляра блях-пуговиц происходят из Кайраккумов:

а) полусферическая, с ушком-петелькой на обратной стороне (поселение 9). Диаметр — 15—17 мм, толщина — 7 мм;

б) коническая, с ушком-петелькой на обратной стороне (поселение 40). Диаметр — 14 мм, толщина — 10 мм;

в) дисковидная, с ушком-петелькой на обратной стороне (поселение 26). Фрагментирована. Диаметр — 12 мм;

г) дисковидная, с прямоугольным столбиком на обратной стороне (поселение 9). Диаметр — 18—19 мм, толщина — 5 мм.

Одна полусферическая крупная бляха с дужкой на обратной стороне происходит из Памирская I, к. 10 [85, стр. 296, рис. 128/3].

Однако отдельные варианты таких блях продолжали существовать позже, на рубеже нашей эры [113, стр. 166, стр. 13], и даже в последующие века — из Ашт, к. 34 происходит уплощенно-полусферическая пуговица диаметром 34 мм, с узкой пластинчатой дужкой на обратной стороне. Дужка прикреплена к краям и с нижней стороны несколько выступает за плоскость.

4. Из Харгуш II, к. 3 происходит бляшка в виде четырехлепестковой розетки. Каждый из «лепестков» имеет на внешней поверхности по несколько поперечных дугообразных желобков, в центральной части — два взаимно перпендикулярных желобка, на обратной стороне — дужка-петелька. Размеры розетки — 20 X 19 мм (табл. 24/29).

<sup>27</sup> Различные женские украшения часто фигурируют в тексте Авесты, среди них есть и серьги, см., например, Яшт XVII, 10 [884, стр. 161, также 601, стр. 6].

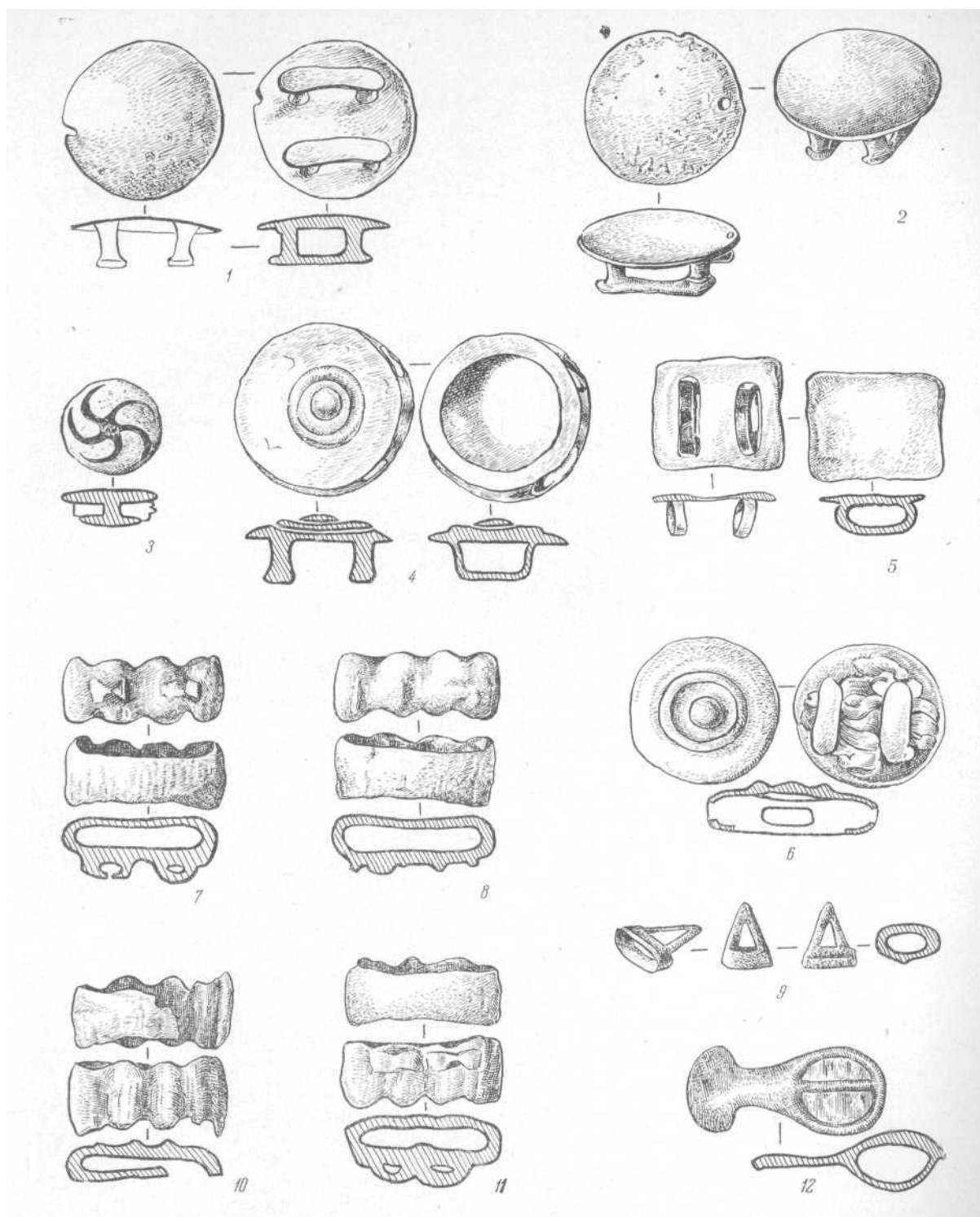


Табл. 21. Бронзовые бляхи из восточнопамирских могильников:

1—2 —Аличур II. к. 1; 3, 7, 8, 10, 11 —Тегермансу I, к. 7; 4 —Харг\ш II. к. 3; 5 —Аличур II, к. 3; 6 —Харг\ш II. к. 1; 12 —Шаймак. к. 1; 9 —Тегермансу II. к. 4.

5. Из Тегермансу I, к. 7 происходит бляха, круглая, плоская, с незначительно выпуклой лицевой стороной, в середине которой — ромбическое углубление, центр свастикообразной пятилучевой фигуры. На тыльной стороне — столбик-заклепка. Диаметр — 24 мм, высота — 10 мм (табл. 21/3).

6. Бляхи с парными скобками (или дужками) на обратной стороне:

а) четыре бляхи из Аличур II, к. 1 — крупные, с незначительно выпуклой лицевой стороной (почти плоские), пластинчатые. На тыльной стороне — две не совсем параллельные скобы, каждая из них состоит из двух вертикальных круглых штифтов и прикрепленной к ним узкой горизонтальной пластинки округлой формы. Бляхи грубой работы, круглый лист вырубался зубилом (есть «зарубки»). Диаметр этих блях — 38—40 мм, толщина листка — 2 мм, высота штифтов — 4—5 мм, длина горизонтальной пластинки — 25—28 мм (табл. 21/1-2);

б) бляха из Харгуш II, к. 1 также круглая, с двумя аналогичными скобками на тыльной стороне, но лицевая сторона — выпуклая, рельефная. В центре — шаровидно-уплощенный выступ, обведенный вокруг рельефным валиком. Выпуклой части лицевой стороны соответствует углубление на тыльной. Размеры: диаметр — 46 мм, толщина без скоб — 7—8 мм, высота скоб — около 10 мм (табл. 21/6);

в) из Аличур II, к. 3 происходит прямоугольный вариант такой бляхи. Основу ее составляет плоский прямоугольный листик со скругленными углами. На тыльной стороне параллельно узким граням прикреплены две полуовальные дужки, плоские у основания, выпуклые сверху (они сделаны из узкой бронзовой полоски). Размеры: листик — 26 X 30 мм при толщине около 15 мм; дужка: длина — 19 мм, высота — 7 мм (табл. 21/5).

7. Из Шаймак, к. 3 происходят четыре круглые бляхи — листовые, слабо выпуклые. На тыльной стороне нет ни штифта, ни дужки. В трех случаях из четырех совершенно отчетливо видно, что этот штифт (или дужка) был у самого основания тщательно срублен. В одном случае после этого бляшка была, кажется, еще и прокована. Диаметр блях — 24—29 мм, толщина листка — 1—2 мм.

8. Из Харгуш II, к. 3 происходит бляха в виде низкой круглой полый коробочки с отверстиями для перекрестных ремней. Лицевая сторона выпуклая, рельефная. В центре — полусферический выступ, обведенный рельефным валиком. В боковой стенке — четыре овальных отверстия, расположенные по взаимно пер-

пендикулярным диаметрам. Тыльная сторона — в виде ободка вдоль края, центральная часть полая. Диаметр — 40 мм, высота — 14 мм (табл. 21/4).

Значительно более мелкие бляшки обнаружены в Памирская I, к. 10 [85, стр. 296, рис. 128/9]. Аналогичная бляха найдена и на Ташкентском канале<sup>28</sup>, в Кетмень-Тюбе<sup>29</sup> золотая бляха входит в состав Амударьинского клада [687, стр. 39].

9. Из Шаймак, к. 1 происходит бляха грибовидной в плане формы, причем основание «гриба» — округлое. Лицевая поверхность неодинаковой кривизны — «ножка» выпукло-сферическая, выпуклым является и собственно «грибок», а расположенная между ними часть — в виде впадины. Тыльная сторона плоская. В округлом основании — овальная впадина, перетянутая резко выступающей дужкой, направленной вдоль оси. На противоположном конце тыльной стороны — следы штифта. Размеры бляхи: 48 X 28 мм, толщина до 8 мм (табл. 21/12).

10. В Тегермансу I, к. 7 найдено пять ременных обойм, имеющих вид вытянуто-овальных колец из тонкого бронзового листка. Одна продольная сторона — в виде узкой полоски, противоположная, более широкая, имеет фигурные очертания (в виде двух сомкнутых овалов). Именно к широкой стороне были прикреплены рядом две маленькие дужки. Размеры: основное кольцо — 39 X 10 мм, высота — 12—18 мм (табл. 21/7, 8, 10, 11). Несколькими иная по конфигурации обоймочка, но относящаяся к этому же типу, происходит из Истык, к. 2.

11. Из Тегермансу I, к. 9А происходят две ременные обоймы, узкие и вытянутые, с волнистым краем. На обратной стороне у торцов — овальные кольца. На лицевой поверхности — кружковые и вытянутые углубления, некоторые из них сквозные. Длина — 37 мм, ширина — 12—14 мм, колечки — 14—16 мм (табл. 24/12—13).

12. В Аличур II, к. 3 найдены три бляхи, имитирующие птичью голову. Каждая бляха двухчастная: левая половина в виде выпуклого с лицевой стороны кружка, по окружности — радиальные насечки, в центре — кружок. Тыльная сторона углубленная, на нее посажены две взаимно перпендикулярные скобки, образующие крестовину. Правая часть плоская, имеет сложную конфигурацию и на-

<sup>28</sup> Хранится на кафедре археологии Ташкентского гос. университета.

<sup>29</sup> Раскопки И. Кожомбердиева.

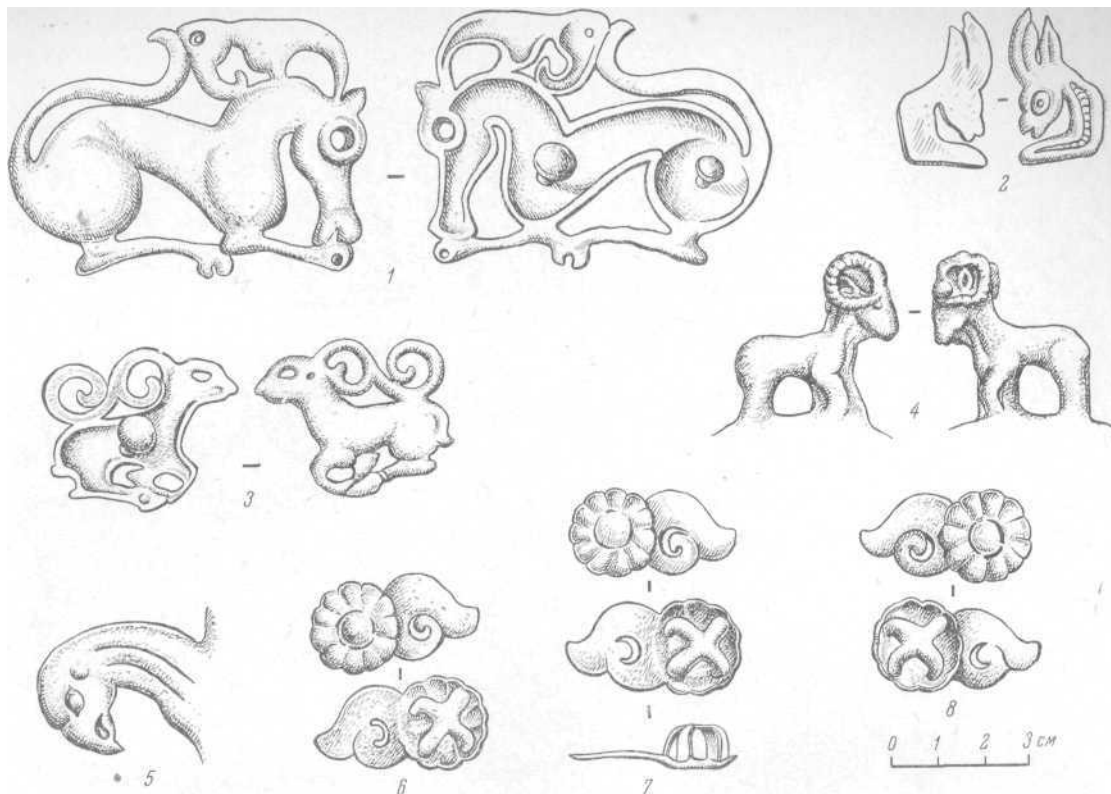


Табл. 22. Предметы звериного стиля из восточнопамирских могильников (бронза):

1, 3 — Тегермансу I, к. 7; 2 — Харгуш II, к. 5; 4 — ручка котелка из Харгуш II, к. 5; 5 — носик котелка из Аличур II, к. 3; 6 — Аличур II, к. 3.

поминает птичий клюв. Здесь имеется спиральный вырез. Размеры: длина — 37—39 мм, диаметр кружковой части — 20 мм (табл. 22/6—8; 23/1—3).

13. В Харгуш II, к. 5 — небольшая бляшка (35 X 20 мм) в виде шеи и головы козла. Голова повернута назад и прислонена к горизонтальной части — условной спине. Изображение профильное, весьма условное. Рот приоткрыт, обведен желобком; кружком, с углублением в центре, передан глаз. Посреди шеи и условной спины — продольный углубленный желобок, на шее законченный овальными перлами. На голове — треугольное ухо, перед ним — парный рог. Изображение сделано с лицевой стороны, тыльная часть гладкая (табл. 22/2).

14. Из Тегермансу I, к. 7 происходит бронзовая бляшка, изображающая оленя с подогнутыми ногами (длина — 46 мм, высота — 37 мм). На обратной стороне — крупный штифт с расклепанным концом. Голова оленя загнута вверх; ветвистые рога, имеющие вид растительного побега, прижаты к спине. Над мордой — округлая дужка. Передняя нога,

изогнутая также в виде дужки, прижата копытом к телу. Задняя нога вытянута вперед и подведена под переднюю. Изображение животного хорошо моделировано, отчетливо выделены такие детали, как копытца и др. Напротив, морда передана очень схематично. Наибольшим углублением передан глаз (табл. 22/3; фото 19).

15. Из Тегермансу I, к. 7 происходит и другая бляха, выполненная в зверином стиле. Эта бляха (длина — 78 мм, высота — 56 мм, на обратной стороне два круглых штифта с расклепанными концами) имеет две хорошо моделированные фигуры. Основная фигура — какое-то фантастическое животное, в котором переплелись черты травоядного и хищника кошачьей породы. Морда, шея, ноги — скорее всего лошадиные, спина и хвост — кошачьи. На шее основной фигуры помещена миниатюрная фигурка, являющаяся, очевидно, стилизованным изображением хищной птицы. Загнутый в виде крючка клюв птицы опущен на нижнюю часть шеи, а ее хвост прикреплен рядом с ухом животного, глаз птицы сделан в

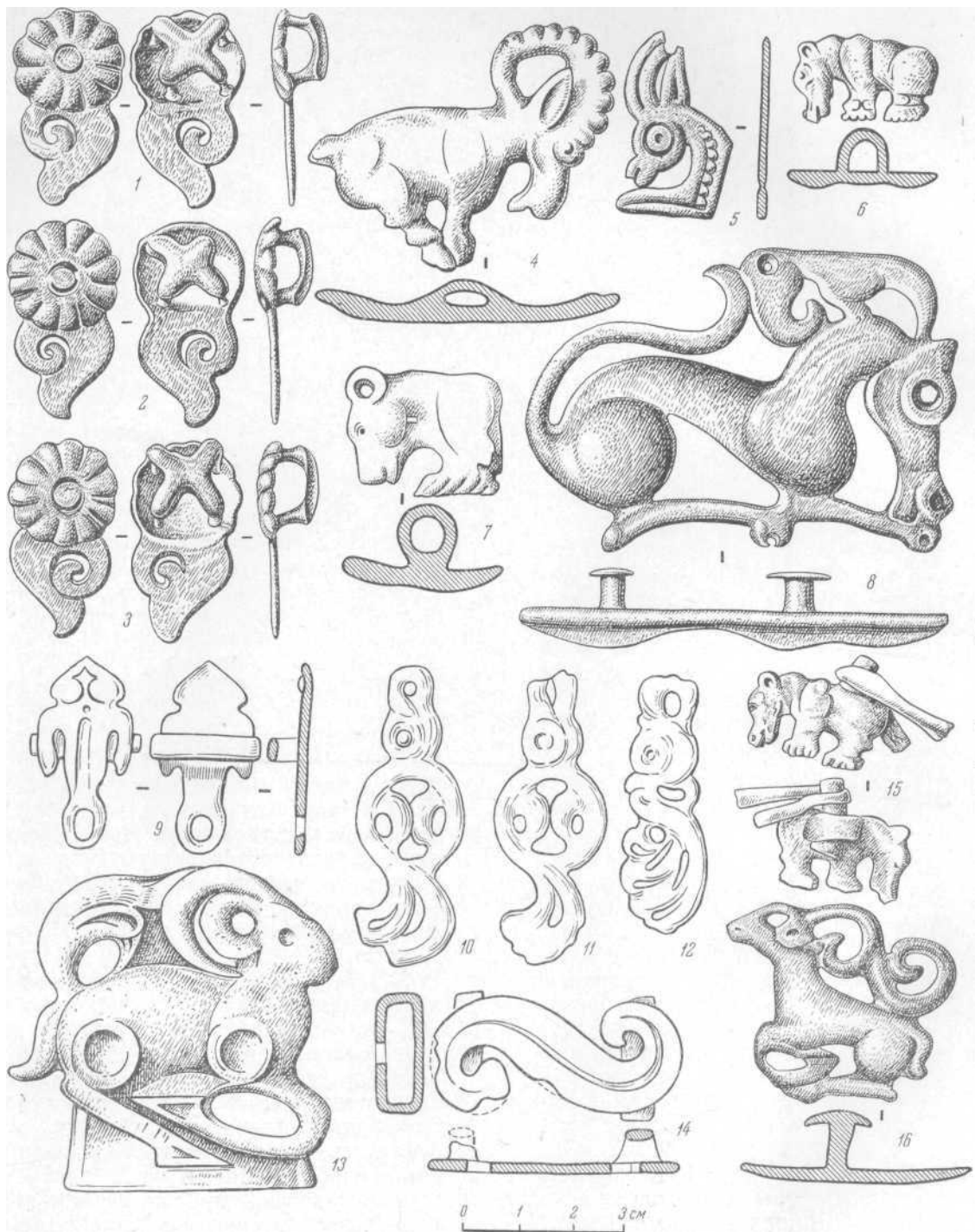


Табл. 23. Предметы звериного стиля из восточнопамирских могильников (бронза):  
 3 — Аличур II, к. 3; 4, 6, 7, 9—15 — Памирская I; 5 — Харгуш II, к. 5; 8, 16 — Тегермансу I, к. 7.

виде круглого отверстия, глаз животного — в виде более широкого отверстия, обведенного валиком; копытце (?) задней ноги также имеет отверстие, передней — углубление (табл. 22/1; 23/8; фото 19).

Бляхи некоторых типов находят широкий круг аналогий. Так, к кайраккумским блям-пуговицам типа 3а, в очень близки две более крупные полусферические выпукло-вогнутые бляшки из состава Бричмуллинского клада. Они литые, на обратной стороне — петля, у более крупной — подпрямоугольная. Диаметр — 25 и 42 мм, высота — 10 мм. В этом же кладе имеется полусферическая выпукло-вогнутая бляха, без петельки, диаметром 86 мм, высотой 32 мм. Бричмуллинский клад датируется рубежом II—I тысячелетия до н. э. — первыми веками I тысячелетия до н. э. Кайраккумские бляхи-пуговицы, судя по сибирским параллелям, следовало бы датировать скорее всего карасукским, отчасти татарским временем, т. е. в пределах конца II тысячелетия — первой половины I тысячелетия до н. э.<sup>30</sup> Южные аналогии в основном подкрепляют эту датировку — например, бронзовые «пуговицы» встречены в «некрополе В» Тепе-Сиалка и в первом слое Тепе-Гияна<sup>31</sup>, в Анау III [333, стр. 45, табл. XXXIII], в ахеменидском Персеполе [999, II, стр. 75, табл. 45/20—24]<sup>32</sup>. К таким же выводам приводят и западные — кавказские и скифские аналогии. Бронзовая нашивная бляха из Кайраккумов (тип 1) принадлежит к типу, хорошо известному в Сибири, Казахстане и Приуралье в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э.<sup>33</sup>

Что касается типа 4, точной аналогии подыскать не удалось. Однако однотипные бляшки,

<sup>30</sup> См., например, 510, табл. IX/29, 30, стр. 100, 106; 210, стр. 51—52, табл. III/21—25; 211, табл. IV/16; 214 стр. 131, табл. XII/21 — 23, 25, 26, 52 (на стр. 229 — «пуговица бронзовая, коническая, с ушком внутри» в инвентаре I стадии татарской культуры, — вероятно, аналогичная пуговице 6/6 кайраккумского набора). Из среднеазиатских аналогий: 209, стр. 44, рис. 12. Типология карасукских блях-пуговиц подробно разработана Э. А. Новгородовой [365, стр. 634, табл. 6/87—93]

<sup>31</sup> 743, II, табл. IX/592; табл. LVI/595, 821 и др. (среди них есть с сильно выступающей петелькой и со столбиком); 677, табл. 8—3/12.

<sup>32</sup> Любопытно, что в Персеполе найдена каменная пуговица, повторяющая бронзовый прототип — с петелькой для прикрепления [999, II, табл. 45, № 26]. что свидетельствует о широком распространении пуговиц этого типа в ахеменидском Иране

<sup>33</sup> 149, рис. 24/16, 17; 25/9; 238, рис. 35/5, 36/4, стр. 112; 214, стр. 131, 229, табл. XII/19; 457, стр. 140; 231, стр. 43, рис. 25/10, II, 12. См. также 222, стр. 98, рис. 5/8, 9/4. Полусферические бляхи с дужкой на обратной стороне есть и в иньских комплексах ПЦ, рис. 52/2].

в том числе золотые, — не редкость. Они являлись украшением головного убора конца VI в. до н. э. (курган Биш-Оба, а также Чирик-Рабат и т. д.) [479, стр. 139].

Бляха типа 5 по форме напоминает некоторые бляхи из курганов VII—VI вв. тасмолинской культуры [324, рис. 26/5, 28/2], и особенно из Джавантобе, к. 12 (VII—VI вв. до н. э.) [317, стр. 61, рис. 11/9], а орнамент ее находит полное соответствие в украшении из Башадырского кургана № 2 [449, стр. 250, рис. 129/л, м]. Вероятно, на Памире этот тип блях был распространен (судя по комплексу Тегермансу, к. 1 и аналогиям) уже в VII—VI вв. до н. э. Бляхи с выпукло-рельефной лицевой поверхностью (как Харгуш II, к. 1 — бляха типа 6) встречаются и в Северном Китае и в Монголии [734, табл. LXXXV/4—6].

Обоймы для перекрестных ремней были широко распространены в Скифии, у савроматов и в Сибири [478, стр. 495; 561, стр. 76—78]. Экземпляры, чрезвычайно близкие по форме



Фото 18. Изображение козла, бронза (Памирская I).



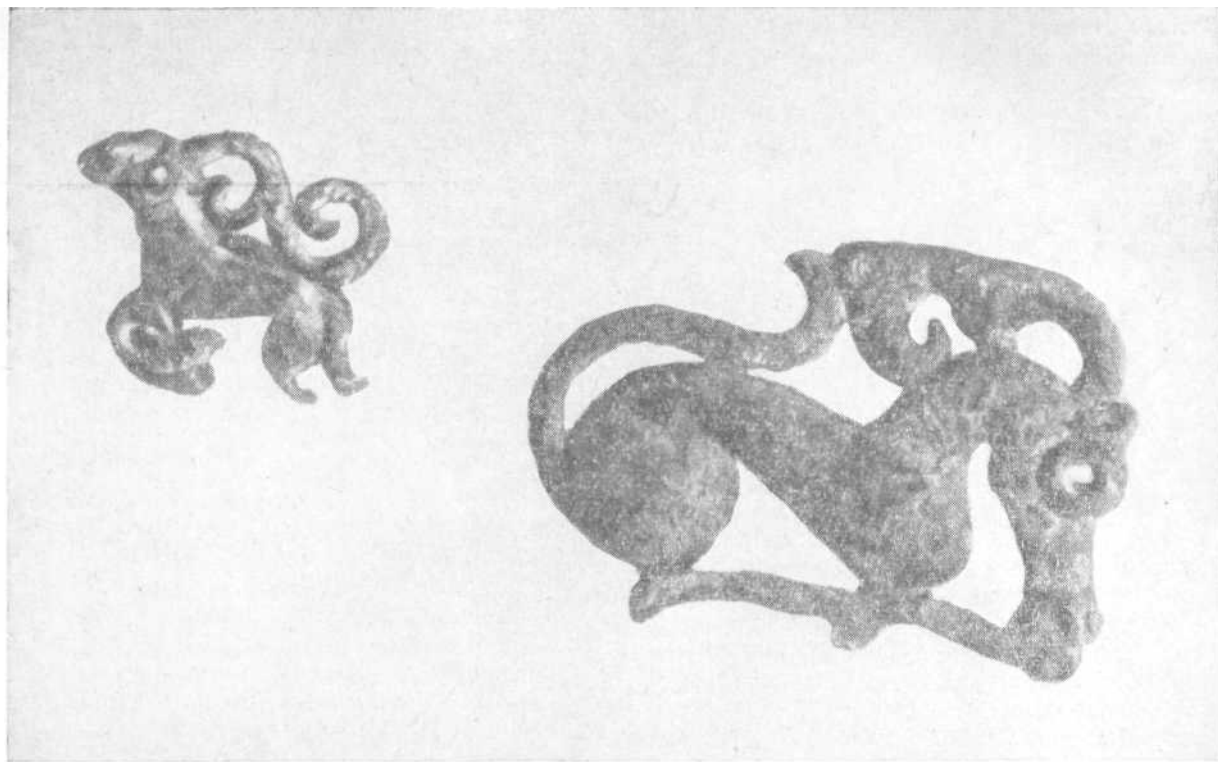


Фото 19. Предметы звериного стиля из Тегермансу I, к. 7 (бронза)

к типу 8, происходят из Суйюани [715, рис. 49/2] и других частей Северного Китая [820, стр. 205, 208—209, рис. 11; 667, рис. 237], а также из Казахстана [327, рис. 11/12]. Украшения этого типа встречены и в Персеполе (единичная находка, VI—IV вв. до н. э.) [999, II, стр. 100, табл. 77/20].

Бляха типа 9 отчасти напоминает некоторые варианты популярной в скифском искусстве V в. до н. э. бляхи в виде кисти руки, но речь может идти лишь об общем сходстве контура [193, стр. 34, 135, табл. XVI/1], так как на бляхе из Шаймак, к. 1 нет даже схематического изображения, да и датируются памирские бляхи, по-видимому, несколько более ранним временем.

Наремненные бляхи типа 10—11 очень напоминают бляхи наборных поясов из курганов VII—VI вв. до н. э. Центрального Казахстана [324, стр. 346, рис. 39], хотя некоторые отличия в деталях существуют. Что же касается датировки, то, судя по комплексам, на Памире эти бляхи существовали в то же самое время, что и в Казахстане.

Остановимся еще на бляхах типа 12. Левая часть рассматривается исследователями как

стилизация изображения орлиного глаза [141, стр. 79, рис. 50/a]. Такого рода полусферические бляшки, пишет К. Ф. Смирнов, «очень типичны в уздечных наборах Скифии и встречаются главным образом в погребениях V в. до н. э.»; аналогичные бляхи встречаются также у савроматов и в Сибири [478, стр. 93]. Собственно аличурская бляха — комбинация такого кружка с чрезвычайно сильно стилизованным «клювом».

Полусферические бляхи с насечкой по краю встречаются еще в карасукских комплексах [365, стр. 634—635, табл. 6/87, 88—90, 92—93; 366, стр. 135, рис. 44/85—91] и именно в них следует искать генезис более поздних блях середины I тысячелетия до н. э. Не исключено, впрочем, и возникновение под воздействием юго-западных прототипов. Значительно раньше, чем на востоке, встречаются они в Малой Азии [703, стр. 361, рис. 303д]. Чрезвычайно интересны в этом отношении золотые украшения из Дейлема, которые считают синхронными «некрополю В» Сиалка [1054, стр. 218—222, рис. 3]<sup>34</sup>.

<sup>34</sup> Еще более ранние, но также очень похожие находки XIII в. до н. э. из Мари [1054, стр. 221, рис. 12].



Птичья головка — мотив чрезвычайно распространенный в искусстве кочевников евразийских степей<sup>35</sup>, где памирские бляхи находят прямые аналогии [649, табл. 8/В; 985, табл. XI/12, 13, 15]. Нахождение этих блях на территории Средней Азии — нам уже пришлось это отмечать [283, стр. 41] — теперь должно учитываться при рассмотрении весьма правдоподобной гипотезы о проникновении в ахеменидское искусство изображения плоской профильной головы животного как самостоятельного мотива из скифского искусства [839, стр. 10—11]. Рассматривая этот мотив, Г. Боровка в свое время писал: «...художник выбирал характерные черты формы животного, как он наблюдал его в природе, строжайшим образом ограничивая себя наиболее существенными элементами, употребляя их как основу изображения и затем перерабатывая их в совершенно независимый элемент декоративного характера» [649, стр. 41]. Это наблюдение следует признать правильным. Необходимо добавить, что, возникнув, тот или иной мотив приобретал «автономность» и эволюционировал, порой сохраняя лишь условное подобие с исходным прототипом. Именно так произошло в данном случае. На некоторых татарских бляхах V в. до н. э. птичья голова сильно стилизована и, как пишет Н. Л. Членова, «напоминает скорее растительный орнамент, а глаз часто превращен в полукруглую выпуклость, иногда обозначен спиралью. Это обычно бляхи от конского убора» [561, стр. 137]. Она называет их птичьими головками «растительного типа». По ее данным, такие бляхи особенно многочисленны на Алтае, найдены в Монголии, в Казахстане, а также в Причерноморье — в Эльтегане близ Керчи [561, табл. 34/13, 17, 18, 21, 23]<sup>36</sup>.

Бляха типа 13, по-видимому, содержит элемент изображения козла с подогнутыми ногами, отвернувшего назад голову. Появление изображения козла с головой, повернутой назад, на Памире несколько неожиданно. До сих пор они отмечались лишь в Северном Причерноморье, где встречаются многократно, особенно в архаических курганах. Отмечая этот факт, Н. Л. Членова сообщает, что в «восточных частях скифского мира» таких изображений не найдено. Она выводит эти изображения, в частности, из близких восточным пе-

чатей типа Керкук [561, стр. 125, табл. 32/29—34; также 48, стр. 32]<sup>37</sup>. В этом свете находка памирского изображения приобретает некоторое значение для рассмотрения всего ряда. Следует также отметить, что и в наиболее восточных областях звериного стиля были изображения животных, подогнувших ноги и повернувших голову назад, например дикого ослы [584, стр. 260, табл. XX/3; 841, стр. 101].

Одна бляшка представляет изображение оленя. Как известно, на юге Средней Азии и в Северном Афганистане, на территории древней Бактрии водится бухарский олень — *Cervus bactrianus* lyd [205, стр. 198; 401, стр. 185; 540]. Изображение оленя очень рано входит в бактрийское искусство и становится весьма распространенным мотивом [523, стр. 135; 687]<sup>38</sup>. Однако в большинстве случаев бактрийские художники изображали оленя в реалистической манере. Эти изображения чрезвычайно далеки от памирской бляхи. И лишь одно из них — лежащий олень на щитке золотого перстня (из состава Амударьинского клада) [687, рис. 29, табл. XVI/107] — напоминает скифский тип такого рода изображений и, быть может, создан не без его влия-

<sup>39</sup> Изображение оленя с подогнутыми ногами — очень распространенный мотив в скифском искусстве, искусстве населения Сибири и Центральной Азии<sup>40</sup>. Эволюция этих изображений прослежена на большом материале Н. Л. Членовой. В свое время С. В. Киселев отметил, что изображения оленей в Сибири появляются довольно поздно — лишь на второй стадии татарской культуры, а в Скифии существуют в значительно более раннее время. Как писал этот исследователь, «отсутствие изображений оленя в древнейших тагарских

<sup>37</sup> См. также изображение козла с повернутой назад головой из коллекции Мэйеров [660, стр. 69, рис. 39].

<sup>38</sup> Ср. изображения оленей с ветвистыми рогами из Дейлема (северо-западный Иран, начало I тысячелетия до н. э., случайные находки), [1054, стр. 212—214, рис. 1].

<sup>39</sup> В Пешаварском музее хранится золотое изображение животного, которое авторы каталога [722, № 288] называют «изображением оленя скифской работы» II в. до н. э. Однако «олень» это изображение можно назвать лишь из-за ветвистых рогов. Вялое, статичное туловище статуэтки скорее напоминает фигурку быка или буйвола и трактовано совсем в иной манере, чем обычные изделия скифского искусства, влияние которого, если и есть, — минимально.

<sup>40</sup> См., напр., 49; 203, рис. 3/2; 649, табл. 2, 3, 43/В, Е; 771, табл. XLIX/A-109; 914, табл. I/A; IX/N; XIV/B, XIX/7; 979, стр. 26, 30—31; 985, табл. IX/1—2. Материал по Сибири суммирован С. В. Киселевым [214, стр. 267 и сл.] и значительно полнее — Н. Л. Членовой [560]; см. также: 558, стр. 28—31, 51—57; 829, стр. 28, 35, 37, 42, 58, 74 и сл.

<sup>35</sup> Как пишет Г. Боровка, этот мотив, возможно, распространен даже шире, чем изображение головы оленя или лося [649, стр. 41], см. также: 193, стр. 131—132; 396, стр. 66; 584, стр. 270—271, табл. XXV/2; табл. XXV/2; XXVII/5—7.

<sup>36</sup> См. особенно близкие аналогии: 449, рис. 129/ж, з, табл. XLIII—XLVI, LXXVIII—LXXIX.

погребениях, с одной стороны, а с другой, наличие их во вполне разработанном виде, совершенно совпадающем с тагарскими второй стадии, в погребениях Скифии VII—VI вв. до н. э. заставляет самое их появление на Енисее связывать со скифским влиянием» [214, стр. 269]. В настоящее время этот взгляд не может считаться — после появления исследования Н. Л. Членовой — бесспорным<sup>41</sup>, по видимому, от него придется отказаться. Как Н. Л. Членова, так и М. И. Артамонов [48, стр. 43—45] рассматривают сибирское и причерноморское искусство скифской эпохи как независимо развивавшиеся ветви, восходящие к общему источнику. Возникает естественный вопрос о месте и роли искусства среднеазиатских саков.

Рассматривая изображение на памирской бляхе, можно отметить, что оно ближе всего к изображениям оленей II группы минусинских оленей по классификации Н. Л. Членовой, в которой датированные экземпляры относятся в основном к V в. до н. э. (один — V—IV вв. до н. э.) [560, стр. 170—171, табл. 1/4—6]. Однако памирское изображение, судя по комплексу находок, относится к более раннему времени, скорее всего к VI в. до н. э.

Учитывая условно-стилизированный характер изображения рогов, трактованных как растительный побег, и превращение горизонтального крючковатого (реже — плоского) переднего отростка рогов в дужку над мордой, следует предположить длительную к тому времени историю этого образа в среднеазиатско-сакском искусстве.

Остановимся, в заключение, на бляхе типа 15. Как известно, среди произведений звериного стиля имеется ряд изображений, где фигурирует орел, напавший спереди на другое животное и терзающий его голову или шею [513, II, стр. 57, рис. 64; стр. 65, рис. 65; 687, стр. 47, рис. 74], причем орел выступает как равноценный член композиции. Процесс схематизации изображения хищной птицы, хорошо известной по памятникам искусства евразийских степей, здесь доведен до предела, но вместе с тем здесь изображена силуэтом именно фигурка хищной птицы<sup>42</sup>.

Итак, перед нами сцена борьбы хищной птицы и четвероногого гибридного зверя, причем птица взгромоздилась на зверя и терзает его шею. В отличие от бляхи 14 для этой мы не смогли отыскать близких соответствий. Можно

говорить лишь о некоторых аналогиях в связи с отдельными элементами. Прослеживается некоторое сходство в трактовке нижней фигурки с изображением кошачьих хищников с кольчатыми лапами из Ордоса и Причерноморья [561, стр. 118, табл. 2938—39; 667, рис. 246m]. Очень вытянутая морда лошади (или другого травоядного) имеется на многих памятниках этого рода [513, III, стр. 53, рис. 59; стр. 56, рис. 63; 687, табл. XXIV/191; 829, стр. 70], но на нашей бляхе морда выглядит совершенно гипертрофированной. Аналогичные по степени схематизации скульптурные изображения хищной птицы также имеются в памятниках искусства «скифского» круга, а сам мотив очень древнего, вероятно переднеазиатского, происхождения. Орел, вспрыгнувший на спину оленя, дикого козла, газели или быка, изображен на расписной керамике из Суз (III тысячелетие до н. э.) и на эламских и малоазиатских печатях II тысячелетия до н. э. Давно уже было указано на возможность распространения этого мотива оттуда. Он распространился на Восток, достигнув Сибири, Монголии и Китая [1042, стр. 198].

Мы не будем останавливаться на других бляхах и предметах звериного стиля на Памире (табл. 17, 23/4, 6, 7, 9—15; фото 18), ибо они детально освещены А. Н. Бернштамом в его публикациях и исследованиях.

Несмотря на то что даже в целом памирские находки предметов с изображениями звериного стиля все еще немногочисленны, они позволяют заключить, что памирские саки высоко их ценили.

Вообще, в свете открытий, сделанных на Памире и в Приаралье (к сожалению, последние еще мало освещены в печати), Средняя Азия вырисовывается как один из районов распространения этих замечательных изобра-

<sup>41</sup> См. критические замечания Н. Л. Членовой [560, стр. 169—170] и С. С. Черникова [558, стр. 55].

<sup>42</sup> А не ее часть, как, например, на одной бронзовой пластинке из Тибета [664].

<sup>43</sup> Напомним, что в свое время М. И. Ростовцев не согласился с предположением А. М. Тальгрена, что искать родину скифского звериного стиля надо в Средней Азии. Свое несогласие М. И. Ростовцев мотивировал тем, что фауна звериного стиля с ее обилием *Cervos* указывает скорее на «страну гор и лесов», чем на равнину с плодородной землей. Кроме того, носители звериного стиля, по его мнению, были охотниками и кочевниками, а не крестьянами-земледельцами [979, стр. 68]. Тогда этот исследователь вообще считал, что вопрос о происхождении звериного стиля не может еще решаться, ибо «слишком мало у нас памятников, слишком ничтожно наше археологическое осведомление об археологической и культурной эволюции Срединной Азии» [447, стр. 7]. В те годы Среднюю Азию вообще не включали в зону распространения предметов «звериного стиля» [583, стр. 423; 861, стр. 164—165] — находок действительно не было. Но вместе с тем уже тогда ряд ученых проницательно высказывался в том смысле, что

## ДРУГИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ

В Истык, к. 2 — целый набор бронзовых бус. Бусы свернуты из тонкого листа, длина их до 2 мм, диаметр — 2,5—3 мм. Это своеобразный бронзовый бисер. Есть они и в других могильниках, например в Харгуш II, к. 3.

Можуташ I, к. 8 — короткая цилиндрическая трубка диаметром 6 мм, длиной 5 мм. Вероятно, это пронизка. Об этом свидетельствуют находки их в Тегермансу II, к. 8, 9. В к. 9 на тонком кожаном ремешке — сомкнутые колечки из тонкого бронзового листа, диаметром каждое 9 мм, длиной 7 мм (табл. 24/10). В к. 8 на слабо крученую тонкую и узкую кожаную полоску были надеты четыре бронзовые литые пронизки бочонковидной формы (длина — 6 мм, диаметр — 11 мм). Иногда пронизки имели вид длинных трубочек (Харгуш II, к. 7), причем неаккуратно свернутая из тонкого бронзового листика трубочка (длина — 33 мм, диаметр — 9 мм) имела пережим у одного из концов. Эта пронизка была надетая на сложенный вдвойне кожаный ремешок.

Наряду и одновременно со свернутыми и литыми пронизьями-трубками применялись и крученые трубки, получающиеся спиральным обвиванием кожаного ремешка. Такие трубочки встречены, в частности, в Яшилькуль II, к. 1, в Жарты-Гумбез I, к. 1 (ширина лопасти — до 2 мм).

Уточненная датировка для бронзовых бус-пронизок не представляется возможной. Такие бусы появляются на раннем этапе андроновской культуры — в погребениях Окунева Улуса [231, рис. 3/9] и встречаются не только в андроновских [149, стр. 204, рис. 24/5, 7/14; 214, стр. 78—79; 239, рис. 35/7, 36/5; 457, стр. 140], но и в карасукских комплексах [210, стр. 52, табл. III/31, 32, 35, 37, 40; 214, табл. ХП/20, 24, 27; 510, стр. 100, табл. XI/10—II]<sup>44</sup>; в материалах из Кайраккумов (303, стр. 224, 226).

Вместе с тем эти украшения могли иметь и южное происхождение. Дело в том, что уже в Анау I были украшения в виде продолгова-

среднеазиатские племена принимали участие в создании звериного стиля, причем Е. Миннс говорил в этой связи о живших «на границе Ирана и Турана» таджиках [913, стр. 281], т. е., очевидно, имея в виду их предков. При современном уровне знаний, рассматривая вопрос о происхождении и раннем ареале «звериного стиля», безусловно, нужно принимать во внимание и Среднюю Азию.

<sup>44</sup> Они встречаются и в тагарских комплексах [214]. Бронзовые пронизки, свернутые из тонкого листа, с находящими один на другой краями, круглые или овальные в сечении, Э. А. Новгородовой включаются в группу украшений андроновского происхождения [365, стр. 647].

тых трубочек-пронизок, а в Анау III — в виде более коротких (типа кайраккумских № 4) [1000, стр. 150, 152, рис. 237, 261].

Биконические бронзовые бусы встречаются в андроновских и карасукских памятниках [365, стр. 645].

Среди памиро-сакских ворворок — одна целая и один фрагмент в виде миниатюрной бутылочки высотой 21 мм и максимальным диаметром 11 мм. Внизу есть отверстие. Третья ворворка — в виде усеченно-конической литой трубочки (длина — 15 мм, диаметры — 8—10 мм). Ворворки есть в разных памирских могильниках, например в Тегермансу II, к. 9 — миниатюрная, усеченно-конической формы. Здесь же следует упомянуть оконечник ремня в виде овальной обоймочки, к которой прикреплена треугольная рамка — из Тегермансу II, к. 4.

В Чеш-тепе, к. 1 — сердцевидное бронзовое колечко с выступом-шишечкой на одной из сторон. Размеры колечка — 15 × 18 мм. Назначение его, как и другого, гладкого сегментного колечка из Тегермансу II, к. 10, — неясно.

Харгуш II, к. 3 дал пять спаренных выпукло-вогнутых бляшек (табл. 24/23—25). Три из них конические, две другие — полусферические. Обратная сторона — с полусферическим углублением. Длина — 17—19 мм, ширина — 8—9 мм, высота — 4—7 мм. Известно, что многоярусные бронзовые бляшки характерны для карасукской культуры и отсутствуют в более западных синхронных культурах. Двухъярусные широко известны в Южной Сибири, Забайкалье, Внутренней Монголии. На западе лишь в Дандыбае 6 встречена бугорчатая пластинка [365, стр. 635—663, табл. 6/1—14]. Эти украшения, которые нашивались на платье, продолжали существовать и позже. Такие же украшения встречены в могильниках Luap P'ing и Hsuan Hua в комплексах, которые Арне датирует IV в. до н. э. [589, стр. 169, табл. VIII].

Тонкий округло-конический колокольчик с отверстием в верхней части происходит из Истык, к. 2 (табл. 24/31). Конический литой колокольчик, с петелькой в верхней части, с отверстием в корпусе для прикрепления язычка, найден в Харгуш II, к. 3 (IV—III вв. до н. э.). Высота корпуса — 15 мм, диаметр — 14 мм. В Истык, к. 3 найден колокольчик конической формы. Основание корпуса вырезами оформлено в виде трех широких лопастей. Над корпусом — вилкообразный выступ-ручка. Высота колокольчика — 22 мм, диаметр — 16 мм (табл. 24/26). Литые конические колокольчики разных форм — от имеющих вид вытянутой

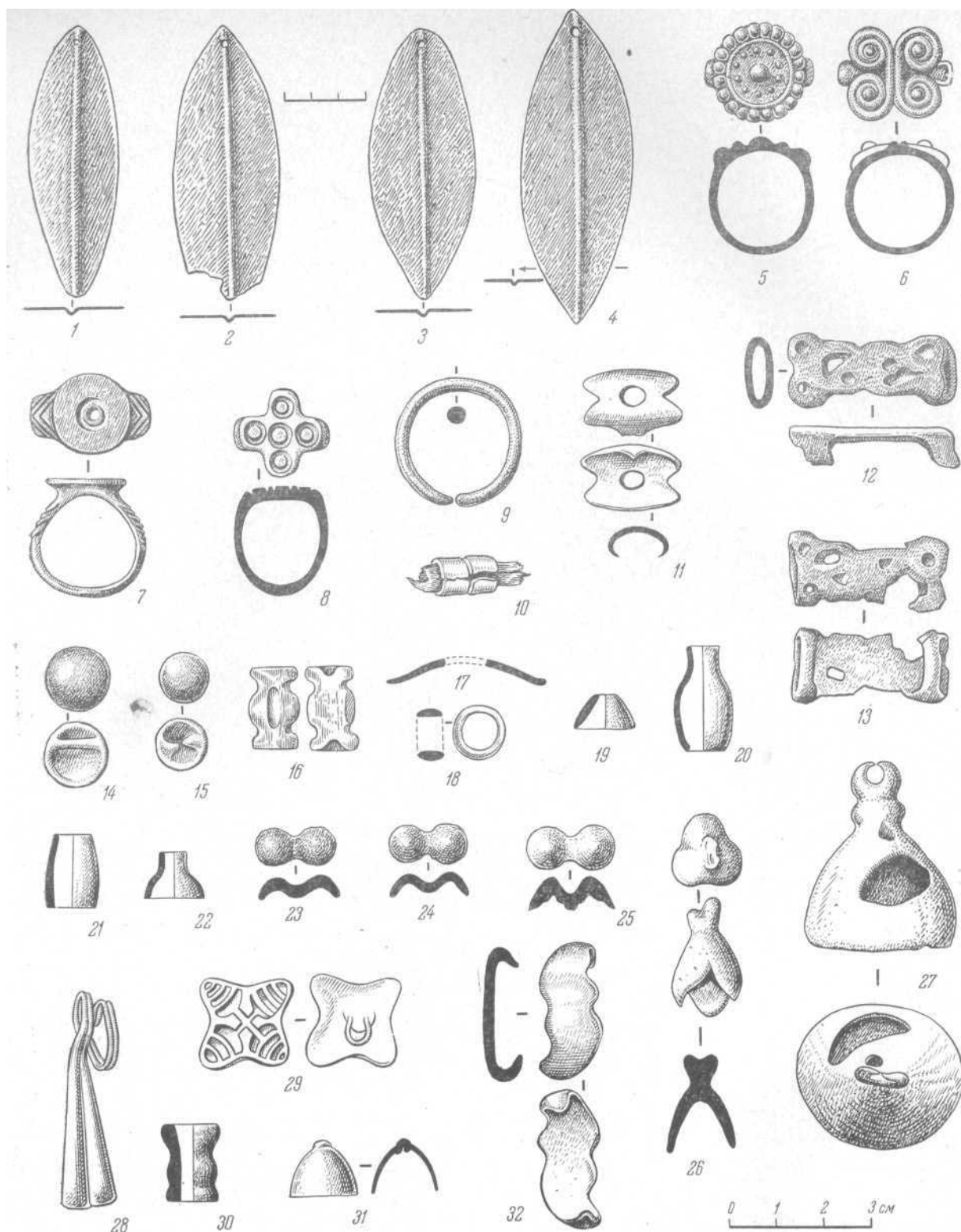


Табл. 24. Бронзовые украшения из восточнопамирских могильников:

1—4 — Тегермансу I, к. 18; 5—9, 11, 14, 15 — Хиргуш II, к. 5; 10, 19, 30 — Тегермансу II, к. 9; 12, 13 — Тегермансу I, к. 9А; 16 — Андемин I, к. 1; 7 — Жарты-Гумбез II, к. 4; 20—22, 26 — Истык, к. 3; 23—25, 27, 29 — Харгуш II, к. 3; 28 — Акбент, к. 47; 31—32 — Истык, к. 2.

трубочки до типично конических с вырезами в корпусе — встречены в погребениях II—I вв. до н. э. западнопамирского могильника Чильхона. В Можуташ I, к. 8 встречен колокольчик почти полусферической формы. Следует отметить, что сферические миниатюрные бубенчики представлены в комплексе из Персеполя (VI—IV вв. до н. э.) [999, II, табл. 14/22]. В составе Амударьинскогоклада — золотые колокольчики сферо-конической и конической формы, иногда с горизонтальным канелированием поверхности [687, стр. 39—40, табл. XXI]. На персепольском рельефе — конь, которого ведет хорезмиец, снабжен крупным колокольчиком с округло-коническим корпусом и петлевым ушком [746, рис. 231].

Бубенчики и колокольчики служили шумящими подвесками в ритуальных предметах [70, стр. 44—45, стр. 41, рис. 1] и были связаны с разного рода сверхъестественными персонажами. Приведем лишь один пример: на шее апсары — сложное ожерелье, с которого свешивается ряд бубенчиков (Аджанта, пещера 17) [760, табл. XXXIII, L]. В повседневных и погребальных церемониях у Тода важную роль играли колокольчики — *mañis*, сделанные из сплава золота и других металлов, а также железные колокольчики [692, стр. 149]. Учитывая этот, а также обширный сибирский материал о ритуальной и магической роли бубенчиков и колокольчиков, нельзя забывать о том, что они были и принадлежностью повседневной одежды и конского убора. Так, на Памире женщины к концам кос прикрепляли серебряные бубенчики [1002; стр. 48, рис. 18; 728; 940а, стр. 113—116].

## БУСЫ

При наших раскопках в могильниках Восточного Памира найдено 320 стеклянных и 44 каменных бус (данные о количестве и распространности этих бус см. в табл. на стр. 73), бусы и подвески из раковин и кости (см. табл. 25, 26 на стр. 74) и металлические бусы (описаны выше).

## Группа I Каменные бусы

Количество каменных бус в раскопанных нами курганах Восточного Памира незначительно. Среди них имеются бусы из сердолика, оникса, лазурита, гагата и др. Поверхность сердоликовых бус, в частности с гравированным белым орнаментом, тщательно шлифована.

Иногда грани обработаны по-разному: с большей тщательностью боковые, чем торцовые. При просверливании отверстия нередко применялась предварительная подготовка площадки с помощью широкого сверла. Из центра подготовительной сверлины высверливался собственно канал. В ряде случаев можно бесспорно говорить о применении алмазного сверла. На сердоликовых бусах имеется 14 видов орнаментации: белым по розовому фону (типы орнаментации сердоликовых бус см. в табл. 28). Есть и каменные подвески, например великолепная полированная каплевидная подвеска из Рангкуль I, к. 2 (высота — 21,4 мм, диаметр — 9,7 мм).

## Группа II Стеклянные бусы

Тип 1. Коротко-цилиндрические (по Леммлейну — № 111). В Харгуш II, к. 4 — 22 зеленых бусины в виде плоских колечек, стекло непрозрачное. Диаметр — 4,5—6 мм, длина — 2—2,5 мм, диаметр канала — 2—2,5 мм. Такая же бусина из непрозрачного, но белого стекла — из Можуташ I, к. 4; коричневого непрозрачного стекла — из Харгуш II, к. 5. Есть отдельные экземпляры — диаметр — 5—6 мм, длина — 1—1,5 мм, диаметр канала — 2 мм (Жарты-Гумбез I, к. 1). Коротко-цилиндрические из Харгуш II, к. 1 четко показывают, что они изготовлялись в технике рубленого бисера. Делалось это небрежно, иногда под углом к продольной оси. То же самое можно сказать и про очень короткие колечки (диаметр — 3—5 мм, длина — 1—1,5 мм) из синего непрозрачного стекла.

Тип 2. Цилиндрические (по Леммлейну — № 112). Такие бусы из Харгуш II, к. 4 из белого непрозрачного стекла имеют диаметр 4,5—5,5 мм, длину — 9—10,5 мм, диаметр канала — 2 мм.

Тип 3. Удлиненно-цилиндрические (по Леммлейну — № 113). В Акбеит, к. 46 бусины из белого непрозрачного стекла. Диаметр — 4—7—7,5 мм, длина — 8,5—10 мм.

Тип 4. Трубочатые (по Леммлейну — № 114). В Харгуш II, к. 4 бусины из белого непрозрачного стекла — диаметр 5 мм, длина — 15—18 мм, диаметр канала — 2 мм.

Тип 5. Экваториальный сегмент (по Леммлейну — № 322). В Айдынкуль I, к. 3 четыре прозрачные бусины из зеленого и синего стекла. Диаметр — 3,3—3,8 мм, длина — 2,3 мм, диаметр канала — 1—1,5 мм.

Тип 6. Шаровидные сегментированные (по Леммлейну — № 321). Мелкие бусины из не-

прозрачного коричневого стекла происходят из Харгуш II, к. 5, диаметр — 3—3,7 мм, длина — 2—4 мм. Из Айдынкуль I, к. 1 происходит бусина стекляннная, прозрачная, со множеством мелких пузырьков внутри. Цвет стекла — оранжево-кремовый. Диаметр — 12,5 мм, длина — 9 мм, диаметр канала — 3,5—4 мм.

Крупные же бусы этой формы из непрозрачного стекла найдены в Аличур II, к. 3. Из 11 бус — четыре зеленые, остальные желтовато-кремового цвета. На некоторых — сегментация типа сверлины, по-видимому, имитирующая каменные. Диаметр — 15—17 мм, длина — 11—15 мм, диаметр канала — 4—5 мм.

Тип 7. Эллипсоидальные сегментированные (по Леммлейну — № 421). Представлены лишь в Ранкуль I, к. 2. Стекло непрозрачное, цвет голубой или зеленый. Размеры большинства: диаметр — 3—3,3 мм, длина — 2 мм.

Тип 8. Овальные сегментированные (по Леммлейну — № 521—522). Сегментированные с двух сторон имеются в Харгуш II, к. 3 — из непрозрачного зеленоватого в изломе стекла, диаметр — 5,5—6,5 мм, длина — 4—5 мм. Одна из двух таких бус из Тегермансу I, к. 31 — из желтого прозрачного стекла.

Сегментированные с одной стороны представлены, например, в Харгуш II, к. 4 (непрозрачное стекло), основная часть диаметром 5,5—6 мм, длиной 4—4,5 мм, одна меньшего размера. Бусины из Тегермансу II, к. 9 — из синего непрозрачного стекла, сделаны очень небрежно.

Тип 9. Дисквидные со сглаженными краями (по Леммлейну — № 712). Изготовлены из светлого непрозрачного стекла, диаметр — 4—6 мм, длина — 2—3 мм.

Тип 10. Трапецевидные плоские. В Тегермансу, к. 8 — две такие бусины (в поперечном сечении — подпрямоугольные) из красновато-коричневой непрозрачной пасты. Размеры: длина — 5,6 и 8,7 мм, стороны трапеций — 3,6—7,6 мм и 4—6 мм, толщина — 2,2 и 2,5 мм.

Особые типы. В Жарты-Гумбез I, к. 3 найдена целая бусина и фрагменты шестиугольных, дипирамидальных бусин, усеченных параллельно оси (одна — несимметрично); непрозрачное стекло. Размеры: длина — 13,5—15,5 мм. В Яшилькуль II, к. 1 — семь бусин из голубого непрозрачного стекла. На поверхности — слоистые, почти не выступающие глазки (по В. Б. Ковалевской-Деопик — глазчатые, тип «Б»). Глазки тоже синие, с наружным белым ободком, в центре иногда — черное пятнышко. Техника изготовления глазков — последовательное раскатывание капель стекла

на поверхности. Сами бусины шаровидно-сегментированной формы. Размеры: длина — 15—19 мм, ширина — 10,5—11 мм, диаметр канала — 6—8 мм.

### Группа III

#### Бусы и подвески из раковин

(табл. 25, 26)

В Харгуш II, к. 5 найдены семь сложно-профилированных пластинок из раковин. На длинных сторонах — овальные вырезы. В узких торцовых сторонах — два сквозных параллельных канала. Размеры: длина — от 19 до 25 мм, ширина — от 11 до 17 мм, толщина — 2,5—5 мм.

Из Андемин, к. 4 происходят пять бус. Они изготовлены из тонких подпрямоугольных пластинок, плоско-выпуклых или линзовидных в поперечном сечении. На длинных сторонах — по два треугольных выреза, в центре лицевой стороны — овальное углубление, в которое входил канал отверстия, просверленного с торцовых сторон. Размеры: длина — 26—36 мм, ширина — 18—23 мм, толщина — 7—9 мм. В Андемин I, к. 1 — похожее украшение длиной 29 мм. Оно располагалось на груди погребенного и могло служить амулетом<sup>45</sup>. В Жарты-Гумбез I, к. 3 — украшение в виде простого кружочка из раковины.

#### ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО СТЕКЛА. ТЕХНИКА

Древнейшие стеклянные изделия в Средней Азии относятся к эпохе бронзы, по-видимому ко II тысячелетию до н. э. Для этого времени стеклянные (пастовые) бусы зарегистрированы как на юге Средней Азии, так и в ее северных и восточных областях [10, стр. 73—76].

В Кайраккумах, на пос. 16 было найдено несколько пастовых бус в виде светло-голубых вытянутых цилиндрических трубочек с шероховатой поверхностью (длина — 20 мм, диаметр — 5 мм, диаметр канала — 2,5 мм).. В могильнике Ходжа-Ягона (пункт № 22) было найдено 18 мелких цилиндрических со скошенными боковыми гранями светло-голубых

<sup>45</sup> Быть может, их следует сопоставлять с отчасти похожими пластинчатыми бусами, с надрезами по краю, из Сиркапа (I в. н. э.) [636, табл. IV/24]. Впрочем, имеются и несравненно более древние образцы близких по форме изделий, правда, выполненные из гипса [590, стр. 289, табл. XСП/c—d].

## БУСЫ КАМЕННЫЕ

[illegible]

## БУСЫ СТЕКЛЯННЫЕ

Моги́льник, курган	Число погребен- ных	Цилиндри- ческие	Удлиненно- цилиндриче- ские	Трех- гранные	Историче- ский сегмент	Двух- гранные	Эпиграфиче- ские сегменты	Остатки сгребены	С коваными железными крепежами	Трапециевид- ные плоские	Итого	Примечание
Айдынкуль I, к. 1						1					1	
Айдынкуль I, к. 3					4						4	
Акбеит, к. 46	5		8	1							14	
Аличур II, к. 3						11					11	
Жарты-Гумбез I, к. 1	12					4					12	
Жарты-Гумбез I, к. 3							4				4	
Истык, к. 3				1							1	
Кзыл-Рабат, к. 12	3	18									21	
Можуташ II, к. 2		6									6	
Рангкуль I, к. 2	12						12				24	
Тегермансу, к. 1					7	9		6			22	
Тегермансу I, Большой курган	16					1		2			19	Двусторонне- сегментирован- ные
Тегермансу I, к. 8	27	1								2	30	
Тегермансу II, к. 9						39		9			48	
Харгуш II, к. 1	4	1									5	
Харгуш II, к. 3	1							6			7	Двусторонне- сегментирован- ные
Харгуш II, к. 4	22	6		5		2		16	39		90	
Шаймак, к. 1		2									2	
Итого	102	34	8	7	11	67	12	39	39	2	321	

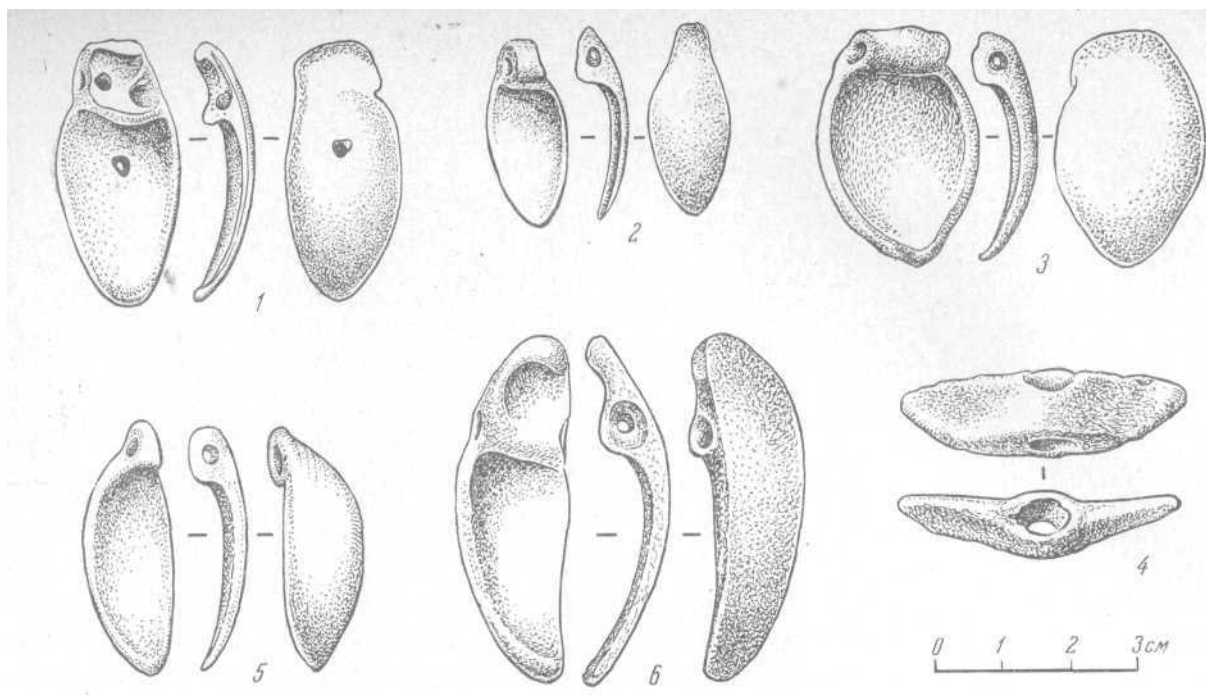


Табл. 25. Подвески из раковин и кости:  
1—3, 5, 6—Тегермансу I, к. 31 (раковины); 4—Харгуш II, к. 4 (кость).

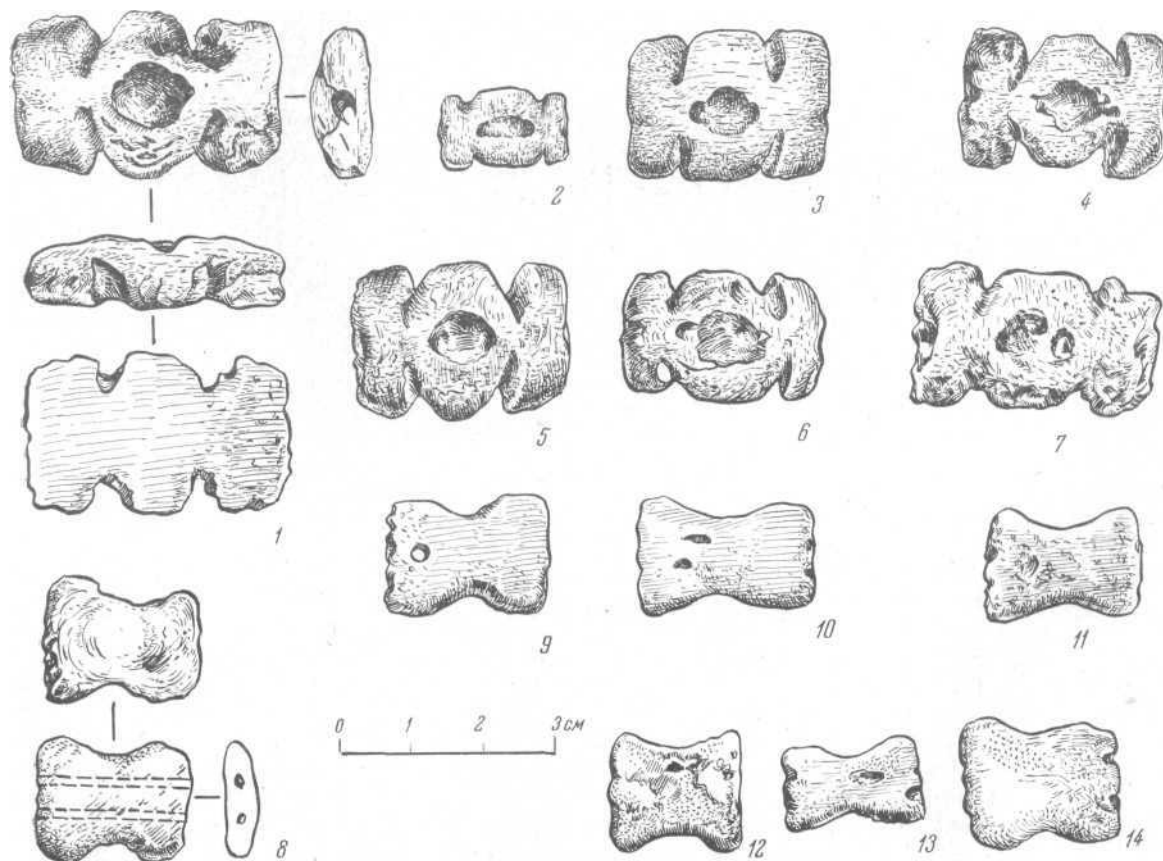


Табл. 26. Украшения из раковин:  
1—7—Андемин; 8—14—Харгуш II, к. 5.



пастовых бус (длина — 3—4 мм, диаметр — 4,5—5 мм, диаметр канала — 3 мм) [303, стр. 116, 118]. Известны они и в других ферганских памятниках кайраккумской культуры (Вуадиль, Карамкуль) [137, стр. ПО], а также в могильнике Бурмачап (Арпа).

При анализе образцов бус из кайраккумского могильника Ходжа-Ягона и из пос. 16 в реставрационно-технологической лаборатории Института истории им. А. Дониша<sup>46</sup> было установлено, что они состоят из тончайшей высококремнистой массы великолепного размола, однородного цвета (с незначительным загрязнением). В бусине из Кайраккумов анализ дал 0,81%  $\text{Na}_2\text{O}$  и 0,60%  $\text{K}_2\text{O}$ . Таким образом, сумма щелочных окислов составляет немногим более 1,4%. Если учесть, что эта сумма в средневековых среднеазиатских стеклах [10, стр. 122, табл. 34]<sup>47</sup> колеблется в пределах 14,87—24,13%, т. е. по крайней мере в 10 раз выше, то станет ясно, что это состав особого характера.

Но вместе с тем содержание щелочей очень близко к тому, что называется обыкновенным египетским фаянсом, где количество щелочей колеблется от 0,3 до 2,7%, в среднем же — 1,1%. Окраска в голубой цвет окислом меди, содержание которой также совпадает (порядка 1%) [308, стр. 257, 267, 704—705].

Значительно большее число находок фиксируется для эпохи раннего железа, примерно VII—II вв. до н. э. В семи ферганских погребениях актамского типа встречены целые ожерелья из мелкого белого и синего пастового бисера, в девяти погребениях — отдельные бусы [137, стр. ПО].

Большое количество стеклянных бус (преимущественно из непрозрачного стекла) дали сакские курганные комплексы. Выше были описаны бусы из раскопанных нами сакских курганов Памира. При раскопках А. Н. Бернштама как на Памирской I, так и в Акбеите также были обнаружены бусы — пастовые и из прозрачного голубого или зеленого стекла (в одном случае — черного) • — плоские, боченковидные и кольцевидные. К значительно более позднему времени (судя по позолоченной бусине — к IV—III вв. до н. э.) относятся 65 бус черного цвета из Джергетал, к. 10 [10, стр. 79; 85, стр. 31, 314].

Наряду с бусами в это время употреблялись и стеклянные браслеты; обломок одного стеклянного браслета (круглый в сечении, сине-

го цвета) был найден в насыпи кургана Памирская I, к. 7 (по-видимому, от верхнего захоронения). В том, что этот браслет относится к сакскому времени, убеждает находка из Аличур II, к. 3. Здесь в погребальный инвентарь входит фрагмент стеклянного браслета. В поперечном сечении он имеет вид треугольника со срезанными уголками. Грань, обращенная внутрь, — гладкая (точнее — совсем незначительно вогнутая), наружу — реберная. На светлый фон наружной поверхности нанесена двуцветная и двуслойная стеклянная «пленка» — синим по коричневому фону. Длина сохранившегося фрагмента — 33 мм, высота — 10 мм, толщина — 7 мм<sup>48</sup>. Комплекс этого кургана датируется IV—III вв. до н. з.

Что касается соседних стран, то следует также сделать несколько замечаний.

К древнейшим временам относится стеклоделие в Иране. Уже в Хасанлу IV найдены глазурованные керамические изделия, причем наряду с привозными, ассирийскими, — и местные [710, стр. 8]. В Хасанлу и в Марлике встречено большое количество бус из стеклянной пасты. Из Марлика происходит уникальный мозаичный сосуд, сделанный из кусочков цветного камня, сцементированных стеклянной пастой [708, стр. 121; 710, стр. 8; 934, стр. 20—21, рис. 62—63, 65, 106; 1006, стр. 6, 47 (№ 37)].

При раскопках в Персеполе было обнаружено свыше двух десятков фрагментов стеклянных сосудов. Абсолютное большинство из них • — бесцветные. Есть и один фрагмент голубого стекла с прикрепленным к поверхности миниатюрным золотым шариком. Все предметы изготовлены выдавливанием стеклянной массы в форму или прессованием по форме. Э. Ф. Шмидт полагает, что это стекло привозное: из Египта или Вавилонии. В Вавилоне найдены изделия из стекла бесцветного, темно-голубого и зеленого, а также декорированные белыми и красными глазками. Считается, что прозрачное стекло начали производить в Вавилоне около 600 г. до н. э. [999, II, стр. 91—93]. Вообще Месопотамия являлась важнейшим в древнем мире центром стеклоделия. Уже в середине III тысячелетия до н. э. там изготовлялось, пишет Форбс, превосходное стекло. Авторитетные ученые считают, что египетское

<sup>48</sup> В образцах стеклянных изделий из Таксилы, которые обрабатывал Бек, был сильно коррозированный образец IV в. до н. э. первоначально желтого или голубого цвета; несколько фрагментов III в. до н. э. [636, стр. 21—22]. Много стеклянных браслетов найдено в Шейхан-Дхери [688, стр. 123—124, 130—131]. О символике (несомненно древней) стеклянных браслетов в Индии и обычае их ношения индийскими женщинами — см. 349.

<sup>46</sup> Анализы проведены аналитиком Р. З. Абаевой.

<sup>47</sup> В образцах индийского стекла из Арикамеду (преимущественно бусы или заготовки для них) содержание щелочей обычно около 13% [864, стр. 141—142].

стеклоделие многим обязано месопотамскому. К XVII в. до н. э. относится первый текст — описание процесса изготовления стекла, — он найден в Тель-Омаре (позднейшая Селевкия на Тигре) [724, V, стр. 130 и сл.]<sup>49</sup>.

В ахеменидских слоях месопотамских памятников отмечается значительное увеличение по сравнению с нововавилонским временем количества стеклянных бус, появление новых форм и обогащение их орнаментами; в частности, есть образцы глазчатых бус (они часто ассоциируются с Финикией). Стекло в это время, как утверждают исследователи, входит более широко в жизнь населения [1100, стр. 103].

Не исключено, что бусы, найденные при раскопках среднеазиатских могильников бронзового и отчасти раннежелезного века, происходят из Месопотамии.

В древней санскритской литературе много упоминаний каша — «стекло»; традиция упоминания стекла в Индии, по мнению индийских исследователей, восходит к эпохе 1000—700 гг. до н. э. К эпохе Маурья, к IV в. до н. э., относятся находки стеклянных печатей с изображениями и надписями — свидетельство усовершенствованного технологического процесса. Об этом же говорят и письменные источники. Пока изготовление стекла в Индии уверенно документируется находками не старше середины I тысячелетия до н. э. [1075, стр. 632—634]<sup>50</sup>. В Таксиле древнейшие образцы стекла датируются V в. до н. э. (лишь одна бусина — VI в. до н. э.). Один такой образец V в. представлял собой цилиндрическое изделие с растительным орнаментом. Это хорошо сделанное черное или темно-зеленое стекло. Имеются голубые бусы и подвески. Для IV в. до н. э. известны фрагменты желтого и голубого браслета, а также голубые и зеленые бусы и подвески. Среди находок III в. до н. э. — фрагменты черных браслетов. Их удельный вес — 2,3—2,6, но, по мнению Бека, в их составе, вероятно, нет свинца. К I в. до н. э. относятся фрагменты великолепного кубка, выполненного в технике *vitro di trina*, по-видимому попавшего сюда из Средиземноморья. Похожий фрагмент имеется и среди находок I в. н. э. К I в. н. э. относятся также многочисленные фрагменты браслетов, про один из которых Бек пишет, что он грубой работы и, очевидно, местного производства. Кроме того, найдено много фрагментов сосу-

дов высококачественного производства [636, стр. 21—23]. Имелись и многочисленные и разнообразные стеклянные бусы и подвески [636, стр. 24—31].

Нередко пишут, что стекло было ввезено в Китай в V в. н. э. путешественниками, прибывшими с Запада. Но А. Белей опубликовал отрывок из китайского источника [1082, стр. 13], свидетельствующий о том, что изготовление стекла было известно в Южном Китае столетием раньше. Сославшись на этот текст, Зелигман и Бек утверждают, что фактически изготовление стекла было известно в Китае за много столетий до V в. н. э., в доханьское и ханьское время [1005, стр. 15—16]. Спектрографический и химический анализы показали, что из 43 образцов стекла, которые на основании археологических или стилистических данных должны датироваться «доханьским» или ханьским временем, в 32 содержание бария превышает «следы», причем в некоторых достигает значительной величины. В послеханьское время стеклянные китайские изделия, если и содержат барий, то лишь в виде «следов». Что же касается древнего и средневекового европейского стекла, то там барий содержится в редких случаях, причем лишь в виде «следов» (в Европе бариевое стекло стало изготавливаться в 1884 г.). Наличие специфического стекла служит одним из важнейших аргументов в пользу китайского происхождения многих ранних изделий, в том числе бус, найденных в Китае [1005, стр. 8, 20—22].

При раскопках в КНР в погребениях, относящихся ко времени «Борющихся царств» (403—221 г. до н. э.), были найдены стеклянные диски, имитирующие нефритовые диски, а также многочисленные бусы со слоистыми глазками [811, стр. 35]. В новейших сводках по китайской археологии указывается, что самые ранние стеклянные бусы в Китае (сферические бусы из светло-зеленого стекла) происходят из комплексов IX—VIII вв. до н. э. [674, стр. 198]<sup>51</sup>. Как предполагают Зелигман и Бек, два типа стеклянных бус, характерных для Европы 500—400 гг. до н. э., попали около 300 г. до н. э. или несколько раньше на территорию Китая, причем в столь значительном количестве, что послужили толчком к организации в Китае производства стеклянных бус подобных типов [1005, стр. 49]<sup>52</sup>.

<sup>49</sup> Данные о древнейших текстах в сводном труде по стеклоделию в Средней Азии [см. 10, стр. 57] неточны.

<sup>50</sup> Анализ голубых стеклянных бус из Арикамеда I в. н. э. см.: 1038, стр. 19—20, также 700, стр. 63—68.

<sup>51</sup> Глазурование же керамических изделий зафиксировано также для иньского времени [863, стр. 144—145].

<sup>52</sup> На сходство китайских бус эпохи «Борющихся царств» с западноевропейскими бусами и бусами ахеменидского Ирана указывает и Hsia Nai [811, стр. 35].

Западное, в частности среднеазиатское, воздействие на развитие китайского стеклоделия, и в том числе многих наиболее совершенных типов бус, начиная с середины I тысячелетия до н. э., бесспорно. В этом плане много хорошо документированных фактов собрали Зелигман и Бек. Они, в частности, пришли к следующему заключению: «Можно, без сомнения, утверждать, что существовал значительный экспорт стеклянных изделий и бус из римского Востока в Центральную Азию в последние века до н. э. — первые века н. з.» [1005, стр. 14; также 1004, стр. 17].

Для V в. н. э. существует прямое свидетельство китайской хроники о важных изменениях в китайском стекольном производстве под непосредственным воздействием опыта среднеазиатских (точнее — тохаристанских) ремесленников. В 424 г. приехавшие в Китай жители из страны «Большой Юэцжи», «объявили, что они умеют из каменной плавить разные цветные стекла, почему добыли руду в горах и в столице произвели опыт отливания. Опыт удался, и стекло блеском своим даже превосходило стекла, привозимые из западных стран, почему государь указал ввести эти стекла в тронных. Около ста человек обучались отливанию. Стекла были блестящих красок и прозрачны. Все, смотря на них, приходили в изумление и считали божественным произведением. С сего времени цветные стекла подешевели в Срединном государстве и перестали считать их драгоценностью» [91, II, стр. 265]. Уже Н. И. Веселовский в 1894 г. на основании этого сообщения сделал вывод, полностью подтвердившийся в дальнейшем, что в Средней Азии в глубокой древности существовало местное стеклоделие [109].

В танское время (618—907 гг.) в Китай поступали стеклянные изделия из Средней Азии, в том числе синее стекло из Ферганы, розовое и синее — из Тохаристана. При этом употребляется термин *po-li*, которым обозначалось прозрачное стекло. По обоснованному заключению современного синолога, эти привезенные из Средней Азии стеклянные изделия (а также, добавим мы, приезд среднеазиатских ремесленников) способствовали появлению в танском Китае производства щелочного стекла [995, стр. 236].

В Тибете при хозяйственных работах нередко находят в земле, в том числе в древних погребениях, старинные бусы, которые употребляются современными тибетцами и высоко ценятся ими как украшения и магическое средство (сами тибетцы бус не изготавливают). Эти бусы называются по-тибетски *gZi*, причем раз-

личается несколько типов. Особенно много среди них глазчатых и полосчатых. Тибетское предание связывает эти бусы с Западом: один легендарный герой, проведя победоносную войну с Ираном, привез на родину многие из вражеских сокровищ, в том числе большое количество бус, которые впоследствии оказались разбросанными по всему Тибету и прилегающим районам, отчего и находят их теперь в земле [931, стр. 131—132; 973, стр. 31]. Возможно, название страны, с которой герой воевал — *sTag gZig*, — в данном случае обозначает не Иран, а Среднюю Азию, на территории которой тибетцы неоднократно принимали участие в войнах.

Выше говорилось о распространении бус и некоторых других изделий в Средней Азии и соседних странах. Но бесспорными данными о времени возникновения стеклоделия в интересующей нас области мы не располагаем. В. В. Бартольд в свое время, не располагая документированными археологическими материалами, полагал, что «торговля с Западом (судя по контексту, он имел в виду эпоху последних периодов до нашей эры — начало нашей эры. — Б. Л.) положила начало стеклянной промышленности в Средней Азии» [59, стр. 186]<sup>53</sup>. Много позже, в 1953 г., Е. А. Давидович высказала сомнение в бесспорности столь категорического утверждения и предположила, что в дальнейшем будет решен вопрос, возникло ли в Средней Азии стеклоделие самостоятельно, или же прав В. В. Бартольд [156, стр. 144]. Это предположение остается справедливым и в настоящий момент впредь до получения больших серий *анализов*<sup>54</sup>. Вопреки мнению авторов сводного труда по истории среднеазиатского стеклоделия мы считаем вероятным, что стеклоделие зародилось в Средней Азии не в последние века до нашей эры, как предположительно они считают, а много раньше, возможно в середине I тысячелетия до н. э. На это, по нашему мнению, указывает не только обилие в Средней Азии стеклянных изделий, особенно бус, но и общий очень высокий уровень развития в то время технологии, в том числе металлургической, а

<sup>53</sup> «Археологические находки», о которых тогда писал В. В. Бартольд, относились по преимуществу к средневековью.

<sup>54</sup> Критика этого предположения в работе А. А. Абдуразакова, М. А. Безбородова и Ю. А. Заднепровского [10, стр. 86—88] носит по меньшей мере странный характер: они критикуют Е. А. Давидович за то, что она, «ставя на первое место вопрос о вероятности самостоятельного возникновения стеклоделия в Средней Азии, сомневается в правильности точки зрения В. В. Бартольда».

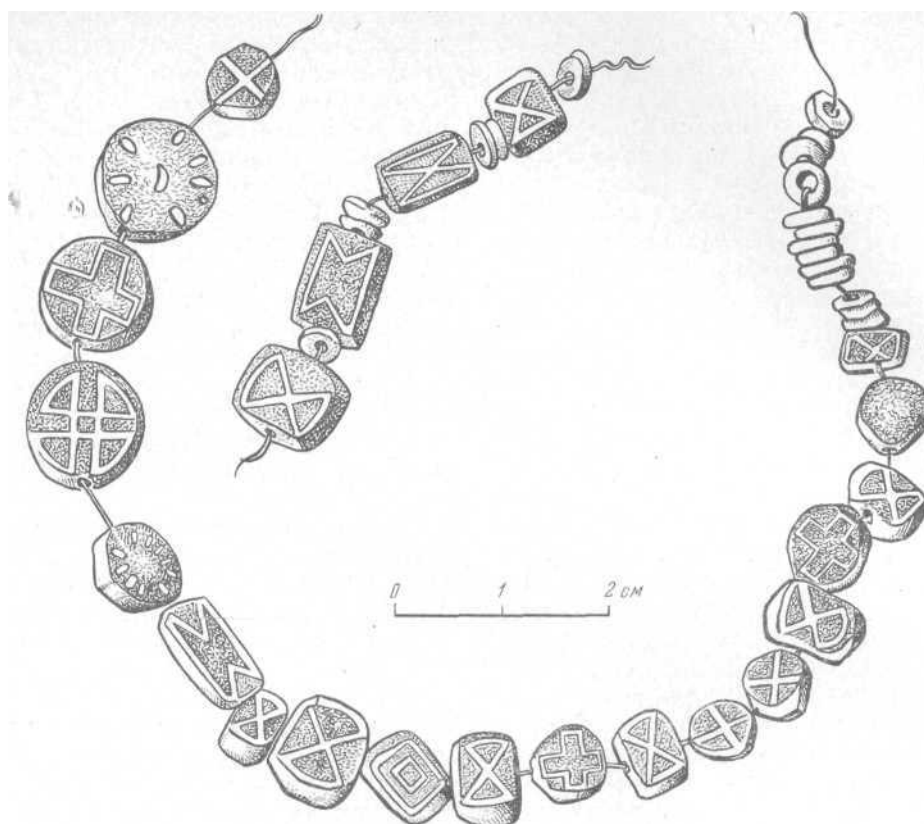


Табл. 27. Памирские сердоликовые бусы с гравированным орнаментом.

также распространение в соседних странах, в частности в Индии и Китае, не без влияния со стороны Средней Азии, стекольного производства.

**К ПАМИРСКИМ СЕРДОЛИКОВЫМ БУСАМ  
С ГРАВИРОВАННЫМ ОРНАМЕНТОМ  
(табл. 27-29)**

Недра Средней Азии изобилуют различными драгоценными и полудрагоценными камнями. В специальной геологической литературе [105; 106; 535; 536; 537; 538] и в трудах по истории горного дела содержится очень подробный обзор месторождений драгоценных и полудрагоценных камней, разобраны исторические и археологические свидетельства об истории их добычи, обработки и применения, а также торговли ими [65; 66; 67; 90; 94; 112; 157; 188; 198; 199; 270; 336; 339; 340; 463; 534; 869; 870; 971; 971a; 1097; 1098].

Чрезвычайно интересен сохранившийся согдийский рассказ, который имеет косвенное от-

ношение к изготовлению и каменных бус. Рассказ построен в форме судебного разбирательства. Истец обращается к судье с жалобой, что нанял ответчика на один день за сто золотых динаров (!) для того, чтобы тот просверлил его жемчужины, но ответчик не выполнил своих обязательств. Работник в свою очередь возражает: «Хозяин, увидев меня вблизи базара, спросил меня: „Эй, какую работу ты можешь делать?“ Я ответил: „Хозяин, я могу делать все, что вы прикажете“. Затем хозяин позвал меня в свой дом и приказал играть на лютне. До наступления сумерек я по его распоряжению играл на лютне». Мудрый судья стал на сторону ответчика, приказал хозяину заплатить работнику сто динаров и сказал: «Если же понадобится просверлить жемчужины, дайте ему еще сто золотых динаров, и он тогда в другой день просверлит ваши жемчужины».

Считалось, что это один из рассказов, которые сообщил Мани своим ученикам. В. Б. Хеннинг считает, что хотя это, по-видимому, фикция, но сам рассказ не индийского, а персид-

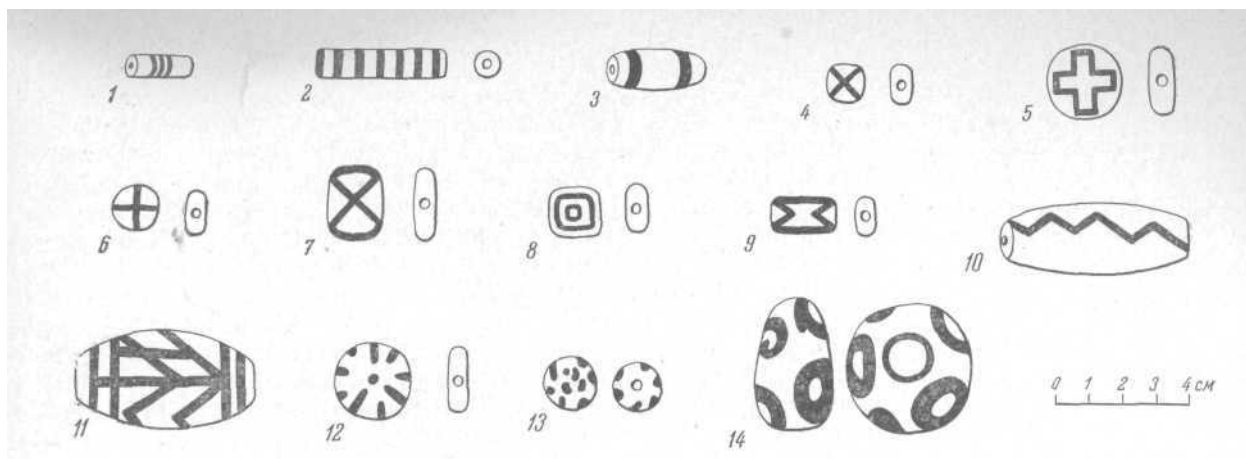


Табл. 28. Типы орнаментов гравированных сердоликовых бус.

ского происхождения (в «Калиле и Димне» он известен лишь из предисловия Бурзои) <sup>55</sup>.

Существовали разнообразные названия для различных драгоценных и полудрагоценных камней. Так, лазурит в согдийском назывался *g'zβwrt*, *g'zwrt*, *g'cβrt*, *g'cβrt*. Отсюда уйгурское *g'zwrt*, *g'zwrt*, новоперсидско-таджикское *lāžavard*, *lazuvard*, *lājavard*. В индо-санскритском это *lajavarta*, *rajavarta* и *rajpatta* (заимствованное из иранских). Основой является *varta* (индо-арийское «камень»); засвидетельствовано в кафирских, а в ваханском — в форме *wurt*.

Из иранских проникло в Индию также название бирюзы — *регоја*. Название для горного хрусталя в хотано-сакском — *ūdāra* [607, стр. 22] <sup>56</sup>.

Сырье для изготовления бус имелось в Иллирии и в соседних со Средней Азией странах, в частности в Афганистане, Индии и Иране. Некоторые типы каменных бус из этих стран ввозились в Среднюю Азию. Показательны в этом отношении сердоликовые бусы с гравированным орнаментом.

Следует сразу оговорить, что сердолик, или карнеол, — одна из разновидностей халцедона [89, стр. 247], который в минералогическом отношении включает еще целую группу различных окрашенных полудрагоценных камней. Это агат — слоистого строения, со слоями разной окраски и прозрачности; оникс — с молочно-белыми полосами и др. [535, стр. 259—263].

<sup>55</sup> Текст, перевод, комментарий см. 778, стр. 465—469.

<sup>56</sup> Для обозначения же «жемчуга» в согдийском было несколько слов, в частности *mwz'kk* и *mwrtnt*. Последнее, встречающееся также в уйгурско-тюркском, должно быть западноиранским словом с *mūr-* из *mūhr-*. В парфянском — *muḡḡon*, в пехлевийском — *mūhrak*, манихейском среднеперсидском — *mwhrg*. К этому же ряду должно принадлежать персидско-таджикское *mūhre* — «стеклянные бусы» [778, стр. 468, прим. 4].

Сердоликовые бусы с наведенным (гравированным) белым орнаментом встречаются в Средней Азии при раскопках А. Н. Бернштама на Памиро-Алае, в частности в Дараут-Кургане и Акбеите [85, стр. 314, табл. на стр. 300—301], при наших раскопках восточнопамирских могильников (особенно Жарты-Гумбез I, к. 1 — табл. 27, 28), при раскопках А. Бабаева на Западном Памире; в могильнике у Ворухского ущелья (одна бусина — кольца вокруг отверстия канала и по сторонам) на Туп-хоне; в могильнике Тулхар [321, стр. 128]; Джули-сай (Пянджский район) <sup>57</sup>, Тураташ [63, стр. 59], Карабулак, Шаушукум, Унгур-Кура, Тайгак [315, стр. 90, табл. 14/17] <sup>58</sup> и др.; аналогичные сердоликовые бусы происходят также из Хорезма <sup>59</sup>, Фархадстроя [200, стр. 74], Мерва [164, стр. 57—58; 170а, стр. 178], Семиречья [315, стр. 88—89, табл. IV/7]. В Центральном Казахстане такие бусы встречаются уже в сакских комплексах <sup>60</sup>.

В Средней Азии крупных месторождений хорошего сердолика не было. Среднеазиатские ювелиры получали этот камень из Аравии, Ирана и Индии [535, стр. 266—267] <sup>61</sup>. Сердо-

<sup>57</sup> Фонды Института истории им. А. Дониша.

<sup>58</sup> Фонды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Продемонстрированы А. Г. Максимовой и Г. А. Кушаевым, которым автор приносит благодарность.

<sup>59</sup> Топрак-кала [527, стр. 121—124, табл. II/6—8]; другие памятники (фонды Хорезмской экспедиции).

<sup>60</sup> На этот факт нам любезно указал М. К. Кадырбаев.

<sup>61</sup> Однако не исключено, что какие-то месторождения сердолика все же разрабатывались и на территории Средней Азии. В китайских исторических источниках карнелиан обозначается термином *ma-nao*. Он поступал к танскому двору в качестве подарков с запада, т. е. из Средней Азии. Так, из Самарканда в 718 и 740 гг. были присланы изделия из карнелиана, в частности вазы. В 730 и 741 гг. правитель Тохаристана отправлял танскому двору в качестве подарка необра-

лик бус из раскопок А. Н. Бернштама проф. Г. Г. Леммлейн считал индийского происхождения [85, стр. 314], нет Никакого сомнения, что это следует распространить и на бусы из наших раскопок. Как писал А. Е. Ферсман, «всемирно известным камнем Индии является агат; прекрасные агаты добывались из базальтовых покровов Декана; особенно хороши сердолик, молочный опал и гелиотроп» [538, стр. 258]. Вплоть до новейшего времени центром изготовления агатовых и сердоликовых бус в Индии был Кэмбей (Cambay) в Гуджерате, где имеется много месторождений агата и сердолика. Процесс добычи там камня и изготовления бус детально описан.

Изготовление бус состояло из распилки камня, первичной отделки, шлифовки, полировки и просверливания отверстий. Каждый из этих процессов включал много операций. Так, например, шлифовка и полировка производились следующим образом. Некоторое количество заготовок зажималось в деревянном или бамбуковом кондукторе, затем они шлифовались на камне. После этого производилась шлифовка на деревянной доске, поверхность которой была покрыта желобками, заполненными особым составом из наждака и лака. Полировка же осуществлялась следующим образом: бусы помещались в кожаный мешок, куда насыпалась смесь наждачной пыли и тончайшей карнелиановой пудры; мешок завязывали, привязывали к нему плоский кожаный ремень; два человека садились в противоположные концы помещения и, держась за концы ремня, трясли мешок, причем его содержимое постоянно смачивали. Эта операция длилась 10—15 дней [588, стр. 292—305]<sup>62</sup>.

Согласно наблюдениям Г. Бека, специфической чертой индийских агатовых бус является то, что многие из правильных форм уплощены, в результате чего круглое сечение превращается в эллиптическое, а равносторонне-шестиугольное — в шестиугольное с неодинокими сторонами, т. е. уплощенное. Такие

ботанные куски карпелиана [995, стр. 228, 234]. Что касается агатовых бус, то Средняя Азия, и в частности Фергана, должны были играть важную роль в импорте их в Китай. В китайской литературе, по словам Б. Лауфера, до рубежа нашей эры агат вообще не упоминается. Затем китайские авторы сообщают, что его получают с запада и юго-запада. В одном источнике прямо утверждается, что агат — продукт страны юэчжей — B. Laufer. *Agate: archaeology and folklore*. Field Museum of Natural History, Department of geology. Leaflet 8 (1927); эта работа нам осталась недоступной (приводится по 822, стр. 50).

<sup>62</sup> Об обработке агата в Кэмбее и изготовлении бус см. также 670. стр. 148—149.

бусы изредка встречаются в Средиземноморье, чаще — в Месопотамии, в Индии же они распространены несравненно шире и, главное, являются значительно более уплощенными. Таковы, например, очень сильно уплощенные агатовые бусы из Бхир Маунда: эллипсоидальная уплощенная (V в. до н. э.) и шестигранная дипирамидальная с уплощением (III в. до н. э.). В более позднее время, в бусах из Сиркапа, степень уплощенности уменьшается (636, стр. 8, 9, табл. III/15, 20). Эта особенность прослеживается и на памирских бусах с гравированным орнаментом, а также на некоторых более поздних (например, бусах из Фархадстрога).

Бусы с наведенным орнаментом появились уже в эпоху энеолита и чаще всего делались из разновидностей халцедона, в частности из сердолика [632, стр. 56].

Г. Бек первоначально различал два типа бус с наведенным орнаментом: первый тип — белые линии на красном или черном фоне (натуральном цвете камня), второй тип — поверхность искусственно сделана белой, на нее нанесен черный рисунок [634, стр. 384]. Затем сам Бек и Дикшит добавили к этой классификации третий тип — черный орнамент на неизменной поверхности камня, а также два варианта с комбинированным двухцветным орнаментом [636, стр. 2—3; 697, стр. 10—13]. Еще в середине XIX в. в Синде процветало изготовление таких бус. Орнамент бус первого типа наносился путем рисования жидкостью, содержащей щелочь (в новейшее время — соду). После высушивания бусины подвергались нагреванию, получался «гравированный» узор [636, стр. 2; 697, стр. 1—2; 897; 905, II, стр. 737—738]. При этом, как показало микроскопическое изучение, проведенное Беком, щелочь, взаимодействуя с камнем, проникала вглубь, образуя под поверхностью непрозрачную белую, очень тонкую прослойку, что и дает эффект «гравировки» [634, стр. 384—385, табл. LXVI, рис. I/A; 635, стр. 34—37].

В работах разных авторов индийские бусы с наведенным орнаментом приводятся в соответствующих комплексах, с более или менее определенной датировкой. Существенный витал сделали Г. Бек, рассмотревший вопрос о датировке отдельных видов бус, и М. Г. Дикшит, исследовавший типы орнаментации бус, специфической для севера и юга Индии.

Орнамент на памирских бусах принадлежит к первой группе классификации Бека — Дикшита. Представлено четырнадцать орнаментальных мотивов (табл. 28), некоторые из

них находят полные аналогии в индийском материале.

Так, например, очень часто встречается в индийских бусах орнаментальный мотив № 2 [633, табл. 176, табл. К/4]. Мотив № 4 известен по бусам (подъемный материал) из Косама (Северо-Восточный Индостан) и из Брахманабада (Северо-Западный Индостан) [697, стр. 5, табл. X/10, XIII/18]. Мотив № 5 отчасти напоминает узор на бусах из Хисбани (Северная Индия, Синд) [697, стр. 3, 25, табл. IX/11]<sup>63</sup>. Мотив № 6 известен по бусам, происходящим из Косама (подъемный материал), из раскопок в Маски (Южная Индия, поселение, датируемое V в. до н. э. — II в. н. э.) [697, табл. XIII/15, XIV/2, XVII/9], а также из мегалитов в Поркаламе (Южная Индия) [1055, стр. 15, рис. 5/8]<sup>64</sup>. По Беку, этот орнамент датируется 300 г. до н. э. — 200 г. н. э. [634, табл. LXXI/B-23]<sup>65</sup>.

Мотив № 7 восходит к очень ранним прототипам; он встречается уже на бусах из Чонху-Даро. Из Мундигака VI известны карнелиановые бусы с восьмеркообразным орнаментом. В Индии этот мотив сохранился до сих пор: он считается предохраняющим от «сглаза», поэтому тавро скота делается иногда в виде восьмерки [666, I, рис. 138/23; 897а, стр. 201]<sup>66</sup>. Для памирских бус и по форме узора, и хронологически более существенная аналогия с двумя бусинами из Таксилы (Бхир-Маунд, IV в. до н. э.) [636, стр. 44—45, табл. II/15]. Этот же мотив отмечен и на кавказских бусах с наведенным орнаментом (последние века до нашей эры — VII в. н. э.) [258, стр. 203, табл. VI/22].

Мотив № 8 — два вписанных квадрата — известен в Южной Индии по бусам из разрушенного поселения Manjan — Karandi (Мадрас) [634, стр. 392, табл. LXVI/9], а также из Маски — поселения, датируемого V в. до н. э. — II в. н. э. [697, табл. XVII/10]. Бек включил эти образцы в группу III в. до н. э. — II в. н. э. [634, табл. LXXI/B-9].

Существенно, что в Таксиле, на Бхир-Маунде, в слое III в. до н. э. встречена бусина, где внутри двух квадратов — четырехугольный крестик [636, стр. 43, табл. I/5].

Мотив № 11 памирских бус, по Дикшиту,

лишь изредка встречается на севере Индостана, например в Брахманабаде, но исключительно широко распространен на юге. Там бусы с аналогичным орнаментом встречаются в мегалитических погребениях. Эти бусы зарегистрированы в слоях II в. до н. э. — II в. н. э. [990, стр. 87, рис. 30/12; 1055, стр. 14, рис. 5/1; 1056, стр. 107—108, табл. XXXVII/8], но тип продолжается и позже, в период Сатаваханов (I в. до н. э. — III в. н. э.). Более ранняя форма — бочковидная, более поздняя — цилиндрическая [697, стр. 28, табл. XVII/19, 20, XIX/18].

Памирский мотив № 12 Бек включает в группу орнаментов, распространенных в период 300 г. до н. э. — 200 г. н. э. [634, табл. LXXI/B-17, 18]. В Индостане они найдены в очень многих местах; по Дикшиту, они характерны для Южной Индии, причем встречаются по преимуществу в мегалитических погребениях. Это типы 23 и 24 его классификации (тип 23 — точки по окружности, 24 — короткие радиальные штрихи по окружности) [697, стр. 27]<sup>67</sup>. Известны бусы этого типа, датированные III—II вв. до н. э. и II в. н. э. [633, стр. 168, 173, рис. 5, табл. К/1-3, L/12; 634, стр. 391, табл. XIX, рис. 3]<sup>68</sup>.

Детальное рассмотрение орнаментальных узоров одной группы памирских бус позволяет, таким образом, не только окончательно установить индийское происхождение этих бус, но и поставить более конкретно вопрос, в каких районах Индии были изготовлены те или иные бусы, попавшие затем на Памир.) Оказывается, что часть бус (по крайней мере с орнаментальными мотивами № 8, 11, 12) была изготовлена в мастерских Южной Индии (картограмму см. 291).

Приведенные выше материалы помогают также понять, какими путями сердоликовые бусы с гравированным орнаментом достигали савроматов Приуралья — распространение этих бус шло через Среднюю Азию [479, стр. 148—149]. При этом Памир, разумеется, был лишь одним (и притом не главным) промежуточным этапом<sup>69</sup>. Афганский археолог Ш. Мустаминди демонстрировал автору сердоликовые бусы, найденные при хозяйственных

<sup>63</sup> Данных о датировке нет.

<sup>64</sup> Примерная датировка этой группы мегалитов — III в. до н. э. — I в. н. э.

<sup>65</sup> Такие бусы известны и в Восточном Туркестане [769, табл. CXIII/253].

<sup>66</sup> Следует отметить, что в ранних бусах с гравированным орнаментом, происходящих с Ближнего и Среднего Востока, также известен этот мотив.

<sup>67</sup> На севере Индостана они единичны [697, стр. 30].

<sup>68</sup> Бусы с таким орнаментом встречены и в Рас-Шамре (898, стр. 203).

<sup>69</sup> Судя по находкам агатовых бус с наведенным орнаментом (в частности, аналогичным нашим мотивам № 11—12) [1023, стр. 98—99, рис. 21—22], в могильнике Ногхорпури (Читрал), синхронном сакским могильникам Памира, эти бусы из Индостана на Памир могли попадать и через Читрал.

работах в каком-то домусульманском погребении в области Герата. Отсюда следует, что вторым направлением могла быть древняя Маргиана, вполне вероятно и распространение через Бактрию.

Следует сказать несколько слов и о бусах из Джули-сая (могильник в Пянджском районе Южного Таджикистана, V в. н. э.). Чрезвычайно интересно, что на них имеется гравированный орнамент в виде пятиугольных фигур, иногда — с внутренним заполнением.

Точно такой же орнамент — пятиконечные решетки с внутренним заполнением — отмечен на бусах из аланских памятников. Судя по работам английских и индийских исследователей, именно такой орнамент был широко распространен на индийских бусах рубежа—первых веков нашей эры. Следовательно, и в этом случае Средняя Азия выступает как важное промежуточное звено в распространении сердоликовых бус с гравированным орнаментом.



## Глава III

### ВООРУЖЕНИЕ

История вооружения, шире — военного дела в Средней Азии в древности остается одним из слабо разработанных разделов общей истории военного дела. И это не случайно. Источники для истории среднеазиатского вооружения и военного дела чрезвычайно разнообразны: данные различных письменных источников, археологические и иконографические материалы (скульптура, живопись, настенные росписи, монеты и др.) и даже данные лингвистики. Для создания научной истории военного дела необходимо комплексное использование всех видов источников, однако в

этом направлении они изучены слабо и еще меньше систематизированы. В полной мере это относится и к археологическим материалам. Все это определяет сложность и трудность темы. В этой главе мы решили собрать воедино наряду с восточнопамирскими также данные о предметах вооружения из восточной части Средней Азии и попытаться выявить основные линии его развития. Разумеется, помимо археологических были использованы и другие источники, но отправным пунктом являлись доступные нам вещественные памятники.

#### 1. ЛУК

По истории лука существует обширная научная и научно-популярная литература на всех языках<sup>1</sup>, однако история лука в Средней Азии освещается попутно и обычно неточно. В трудах же по среднеазиатской археологии истории лука не уделялось достаточно внимания, исследователи останавливались лишь на отдельных моментах. Разумеется, история развития лука в Средней Азии должна рассматриваться не изолированно, а лишь

на фоне истории лука на Востоке и даже в Евразии в целом. К сожалению, и здесь больше лакун и неясностей, чем сколько-либо окончательно установленных отправных точек. В изложении мы привлекаем данные о развитии сложно-составного лука в древности — от Восточной Сибири и Китая до Египта и Греции, а также этнографические материалы.

До сих пор в общих и специальных работах по истории лука практически не учитывались физико-технические факторы. Данные об эволюции лука не связывались с изученными специалистами по прикладной механике закономерностями действия луков разной формы и конструкции. Эти закономерности наиболее подробно были изложены в работах П. Е. Клопстега [848, 849], выводы которого использованы мною для истории среднеазиатского лука [294].

<sup>1</sup> См., например, на русском языке замечательную работу Д. Н. Анучина [45]; написанные с широким охватом материала специальную статью А. П. Окладникова [371а] и соответствующий раздел в одной из его книг [373]; работы А. Ф. Медведева [343; 344]; С. J. Longman and Н. Warlond [886]; Е. Burke [661]; F. Hadas a J. Vyskočil [767]; G. Rausing [906a] и др. Сокращенный вариант этого раздела опубликован нами [294]. В вышедшей одновременно работе А. М. Хазанова [543] этот исследователь, оперируя большим и интересным материалом, пришел к выводам, во многом сходным с нашими, хотя и не идентичным им.

Историю сложно-составного лука следует начинать с находок, сделанных А. П. Окладниковым в Прибайкалье и относящихся к серовскому времени — III тысячелетию до н. э. В погребениях были найдены узкие и довольно длинные костяные пластины (длина в среднем — 50—60 см), в поперечном сечении односторонне-выпуклые (ширина их — 1,4—1,5 см). В каждом погребении находилось по две пластины, концы которых, судя по срезам, накладывались один на другой. Лук был симметричным и имел внутренний стержень — основу, на которую и накладывались эти пластины. Длина лука должна была быть около 100 см, но иногда достигала 150 см. А. П. Окладников указывает на две возможности: пластины прикреплялись к деревянной основе оплеткой сухожилий (такой лук называется усиленным) или же приклеивались (такой лук называется сложно-составным). Вторая возможность представляется А. П. Окладникову весьма вероятной<sup>2</sup>, и тогда серовский лук следует считать древнейшим сложно-составным луком.

Следует отметить, что в Прибайкалье уже в первой половине I тысячелетия до н. э., бесспорно, существовала и более развитая форма сложно-составного лука, который А. П. Окладников предложил называть луком «центральноазиатского типа», — у этого лука было по несколько накладок [371а, стр. 106—112; 373, стр. 219—229; также 868, стр. 99, прим. 54].

Обнаружение А. П. Окладниковым древнейших образцов сложного лука в области, чрезвычайно богатой лесом, доказывает беспочвенность ранее высказывавшегося предположения, что возникновение сложно-составного лука явилось следствием недостатка доброкачественного дерева и что он был изобретен в Северной Азии [45, стр. 14—15; 620а, стр. 543]. В связи со своими находками А. П. Окладников под новым углом зрения рассмотрел общую типологию луков [373, стр. 219 и след.].

Имеющиеся находки, таким образом, указывают на то, что Прибайкалье входило в ареал древнейшего (первоначального?) распространения сложно-составного лука. По-видимому, регион, в котором происходило складывание этого мощного оружия, был весьма обширен. Пока мы его можем обозначить неопределенно — «сибирско-монгольские

степи». И это был лишь один из регионов обширной области, включавшей, возможно, и Среднюю Азию [966а, стр. 148—150].

Следует думать, что в Китай сложно-составной лук проник с севера, из сибирско-монгольских степей (или с запада, из Средней Азии), и позже начал развиваться уже на китайской почве. Иньское общество второй половины II тысячелетия до н. э. уже знало рефлексирующие луки. Иньцы, как считает Х. Крил, применяли их уже до своего движения в Аньян. Это следует из надписей, которые определенно относятся ко времени правления Во Дин, а также из изображений луков на гадательных костях: на них имеется множество вариантов иероглифов, изображающих понятие «лук», «стрельба», причем, за редкими исключениями, они, судя по контуру, воспроизводят форму сложно-составных луков (так, из 74 иероглифов лишь 2 простые, сегментные). Такой лук, по-видимому, был основным наступательным оружием и в период Чжоу. К этому периоду относится сообщение о натяжении «рогового», т. е. составного, с применением рога, лука [755а, стр. 195; 1008, стр. 33, табл. на стр. 34—35]<sup>3</sup>.

Как показывают археологические находки, в это время уже существовал тип сложно-составного сильно рефлексирующего лука. При его натягивании, по мнению исследователей, должны были применяться различные части, сделанные из рога, кости, бамбука, дерева, сухожилий и кожи. На концах были накладки из кости — с великолепной резьбой и бирюзовой инкрустацией или из нефрита. Центральная часть лука — рукоять, по предположению некоторых китайских исследователей, изнутри укреплялась при помощи бронзовой пластинки с двумя крутыми рожками на краях в виде «миниатюрного ярма». Луки были многослойными и очень крупными — с натянутой тетивой порядка 150—160 см [673а, стр. Г18, 130, 206—207, табл. 18/с, 25/д, рис. 48—49; 1008, стр. 21—36]. Следует отметить, что реконструкция лука, предложенная в соответствующих публикациях, явно «модернизирована». Вызывает сомнения и должна быть отвергнута идея о принадлежности к луку бронзовой пластинки [223, стр. 30, 32; 1092, стр. 209]; идея бронзовой накладки на рукоять не имела серьезного значения и в дальнейшей истории лука.

Лук в чжоуское время, судя по найденным

<sup>2</sup> Этой же точки зрения придерживается и Г. Раусинг [966а, стр. 120]. См. также приводимые им данные о почти синхронных луках из Японии [996, стр. 121].

<sup>3</sup> Такого рода изделия известны и в инвентаре карасукской и тагарской культур [214, стр. 161, 367, табл. ХП/67; 265, стр. 124, рис. 53/8; 366, стр. 119—124, рис. 40; 561, табл. 30, 130].

в Чанша остаткам, имел двойную кривизну, подобно скифскому луку, и длину около 139 см. Сердцевина была изготовлена из четырех бамбуковых пластинок, концы деревянные, с выемкой для тетивы. Все это было склеено, обвязано, покрыто шелком и затем лаком [674, стр. 244].

Безусловно, вполне справедливо мнение Ф. Бергмана, что древнейшие типы сложно-составного лука не являются местными в Китае, их происхождение лежит вне Китая, а именно — в «Центральной Азии» [639, стр. 124]. Более того, развитие лука в Китае в иньское и чжоуское время протекало в тесном взаимодействии с развитием лука в сибирско-монгольской области.

С древнейших времен развивались взаимоотношения и контакты жителей Средней Азии с Индией [291]. К сожалению, начальная история сложно-составного лука в Индии достаточно темна. Почти ничего не известно о луках эпохи хараппской цивилизации<sup>4</sup>. В ведические времена лук (dhanus) был излюбленным оружием арийцев, и звук натягиваемой тетивы, как образно сказано в Ригведе, звучал для воина подобно шепоту возлюбленной (VI, 75, 3). И хотя в Ведах много раз фигурируют лук и стрела — так, в знаменитом «Гимне битвы» (RV VI, 75) воин на колеснице вооружен луком и стрелой, — ведические гимны не содержат, по словам С. Пиготта, «решающих данных о типе лука» — был ли он простым или сложным. С. Пиготт склоняется к мысли, что это был сложный лук [946, стр. 282—283; 1013, стр. 93—94]<sup>5</sup>.

М. В. Эмено считает, что сложно-составной лук мог быть принесен в Индию индо-арийскими племенами [718, стр. 80]. Геродот (VII, 65) упоминает, что индийские лучники в армии Ксеркса были вооружены луками из тростника или бамбука — *καλάμινον* (об этом термине см. ниже, стр. 88). М. В. Эмено рассматривает этот лук как простой и вместе с тем категорически отвергает мысль, что простой и сложно-составной луки сосуществовали [718, стр. 85]. Говоря о «бамбуковом луке» в древней Индии, следует отметить, что у Пани-

ни лук фигурирует под названием *dhānuś*, он также называется *kārmuka*. Лук из *деревя* *tala* также, притом отдельно, упоминается Панини. Он, наконец, сообщает об особом большом луке *maheshhvāsa* (VI, 2, 38) [576, стр. 421—422]. Много позже, по-видимому в первые века нашей эры, одним из видов лука в индийской армии, по Артхашастре [разд. 36, гл. 18; разд. 35, гл. 17], были луки из камыша (?), называющиеся *коданда* (камыш, собственно, обозначается термином *sara-venu* [51, стр. 107, 105]. Более обоснованно, по-видимому, считать этот термин названием какого-то сорта бамбука [595, стр. 180; 1073, стр. 159]<sup>6</sup>.

Перейдем к Египту и Месопотамии. По мнению многих исследователей, сложно-составной лук появляется в Египте вместе с гиксосами, т. е. в XVIII в. до н. э. Источник, откуда позаимствовали этот тип лука гиксосы, остается невыясненным. Вместе с тем известно, что уже с середины II тысячелетия до н. э. сложно-составной лук был широко распространен на Ближнем и Среднем Востоке, в частности у хеттов и ассирийцев<sup>7</sup>.

Чрезвычайно труден вопрос о выделении сложных луков среди изображений па памятниках искусства. В Египте одновременно с возникновением сложно-составных луков появляются изображения в натянутом положении не обычного полукруглого «сегментного» лука, а лука с некоторым приспособлением — угловатостью на вершине рукояти и почти прямыми плечами [910, стр. 398; 1105, стр. 7—8].

То же самое относится и к Ассирии<sup>8</sup>. На

<sup>6</sup> Ценные обзоры по письменным источникам, и в частности лексикографические вопросы, связанные с луком по произведениям индийского эпоса и др., см. 701, стр. 93—101; 1013, стр. 103.

<sup>7</sup> Сводку точек зрения и ссылки на находки и иконографические материалы см. 620а; 648, стр. 135—146; 910, стр. 397—398; 911, стр. 13—19; 966а, стр. 70—87. Один из сложно-составных луков найден в погребении, относящемся к началу XVIII династии. Имя погребенного, а также некоторые другие наблюдения показывают, что он по происхождению из Сирии — см. 658, стр. 251—252. См. также 1105, стр. 81, табл. 193, 195, 199. Мнение Ядина, что уже лук, изображенный на победной стеле Нарамсина (III тысячелетие до н. э.), был сложно-составным [1105, табл. 150, стр. 47], поддержано Г. Раусингом [966а, стр. 83].

<sup>8</sup> Изображения такого лука см., например, 676, табл. 11; 885, стр. 49—55; 948, рис. 185. «Угловатые» луки распространялись и в Малой Азии [578, табл. 105, внизу]. Предложенное Лонгманом объяснение «угловатости», а именно, что в середине рукояти деревянные части имели разрыв, встретило возражения Балфура («The Journal of the Anthropological Institute», vol. XXIX, London, 1885, стр. 55). Тем не менее Лонгман продолжал отстаивать свою точку зрения [886, стр. 60—61, 64]. Вообще причины появления «угловатости» вызвали большие дискуссии, участники которых порой даже отрицали возможность реального существования таких

<sup>4</sup> Сведения об элементах древнеиндийской письменности, воспроизводящих лук (?) сегментного вида, редки — «угловатого», см. 718, стр. 79, прим. 11.

<sup>5</sup> Вообще лук и стрела в древнеиндийской литературе часто рассматриваются как живые существа. Так, например, в Ригведе (VI, 75, 4) говорится, что, когда лук соединен со стрелой (т. е. когда лук натянут), он песет ее как дитя, как мать носит сына. Вместе с тем стрела и лук рассматривались как атрибуты и воплощения небесных существ. Стрела ассоциировалась с Агни, ребенком Неба и Земли, рождение Агни совпадает с отделением его от родителей [G78, стр. 107].

алебастровом рельефе из северо-западного дворца царя Ашурнасирипала II (883—859 гг. до н. э.) в Нимруде — лук треугольных очертаний, с приострением у вершины [1036, табл. 194], но на рельефах в этом дворце — как треугольные, так и сегментные луки; имеются также переходные типы [1036, табл. 202—206].

Изменения в ассирийских луках отмечают с VIII в. до н. э., когда концы рогов не просто отворачиваются, а делаются в виде завитка, подобного голове птицы [1105, стр. 453]. Лук в руках царя на сцене великой львиной охоты из северного дворца царя Ашурбаиипала (669 — около 633 гг. до н. э.) в Ниневии — крупный, сегментный, с закругленными рогами. Но на рельефах этого царя встречается и лук треугольных очертаний [1036, табл. 248/251, 253, 258, 260].

Население Западного Ирана, непрерывно сталкивавшееся с ассирийцами, было, очевидно, знакомо с ассирийским «угловатым» луком и, возможно, пользовалось луком этой конструкции. На золотой чаше из Хасанлу (ок. 1000 г. до н. э.) [939, стр. 20 и таблица; 940, стр. 88; 1006, табл. 23] два вида лука: ассирийский, «угловатый», и какой-то иной, но, по-видимому, также сложно-составной. Вместе с тем в Западном и Северо-Западном Иране в конце II — начале I тысячелетия до н. э. были широко распространены и простые сегментные луки, иногда имеющие круто загнутые или петельчатые концы [751, рис. 83, 112]. Некоторые из них были очень крупными — например на серебряном сосуде из Амлаша [751, рис. 126; 746, рис. 38] (по Гиршману — XI—IX вв. до н. э.) изображен лучник, натягивающий крупный (порядка 1,5 м) простой сегментный лук. Менее крупный сегментный лук с закругленными концами держит в руках один персонаж на бронзовом псалии из Луристана [746, рис. 73]<sup>9</sup>. Вместе с тем лучник на одном из луристанских топоров [746, рис. 80]<sup>10</sup> держит лук, очень напоминающий «угловатые» ассирийские.

В Зивийе (на границе Иранского Азербайд-

луков [648, стр. 141—144]. Однако Браун, суммируя все данные, убедительно объяснил «угловатость», исходя из формы и вероятной структуры лука [657, стр. 3—4, рис. 1/13; см. также 966а, стр. 85—86, 139—140].

Судя по клинописным текстам, ассирийский сложно-составной лук изготовлялся из дерева, рога и металла [389, стр. 118]. О терминологии, связанной с луком, см. 987.

<sup>9</sup> Другой вариант сегментного лука (не совсем округлый) см. 746, рис. 95.

<sup>10</sup> Промежуточное положение занимает изображение лука на одном луристанском предмете [746, рис. 388].

жана и Курдистана) были найдены пластины из слоновой кости, надо думать, ассирийского происхождения, VIII—VII вв. до н. э., с изображением сцен охоты, причем лук у охотников — «угловатый» [388, стр. 36, 253—255; 1074, стр. 113, табл. 142/b, d].

В области крито-микенской цивилизации сложно-составной лук зарегистрирован уже на памятниках, датируемых III этапом средне-минойского периода, т. е. XVII—XV вв. до н. э. [889, стр. 278; ср. 966а, стр. 95—96]. Вместе с тем простой лук как военное оружие продолжал употребляться в Греции, по-видимому, до V в. до н. э. [889, стр. 282].

Лук «скифского», или сигмавидного, типа появляется в Греции около 600 г. до н. э., причем в искусстве он был тогда атрибутом мифологических или героических существ. Он, безусловно, скифского происхождения, ибо сложно-составной лук совершенно неизвестен в эгейской и ближневосточных цивилизациях бронзового века и не встречается в ближневосточных памятниках до IX в. до н. э.<sup>11</sup>

«Скифский лук, — указывает В. Д. Блаватский, — был составной, сложной, изогнутой формы, обычно небольших размеров» [92, стр. 181. По данным А. И. Мелюковой, сложные скифские луки имели в длину от 60 до 100 см. Она указывает на случаи, правда немногочисленные, когда были обнаружены костяные обкладки лука, свидетельствующие о том, что «составными частями дуги лука были дерево и кость, между которыми, вероятно, существовали еще проклейки из сухожилий» [348, стр. 64—70; также 347, стр. 14—15; 543, стр. 32—33]<sup>12</sup>.

Небольшой по размерам скифский лук был очень мощным оружием. Именно благодаря своей мощности и дальности он быстро распространяется в тех странах и у тех народов, которые так или иначе соприкасались со скифами. Выше говорилось о Греции. Обратимся на юг — к Мидии и ахеменидскому Ирану.

Как известно из письменных источников, скифы неоднократно вторгались в страны древнего Востока. Геродот (I, 73) пишет про индийского царя Киаксара (конец VII — начало VI вв. до н. э.), что он поручил скифам, которые господствовали в то время над мидянами, индийских мальчиков для обучения скифскому языку и стрельбе из лука. Б. Б. Пи-

<sup>11</sup> Данные по истории лука в Греции от крито-микенской до классической эпохи см. 746, стр. 276—305.

<sup>12</sup> Данные письменных источников см. 659, стр. 51—58.

отровский на обширном материале установил факт распространения по всей территории Передней Азии бронзовых наконечников стрел скифского типа VII—VI вв. до н. э., часть из них — местного изготовления (известны находки литейных форм, сделанных по скифским образцам) [387, стр. 149—150; 388, стр. 238—239]. По-видимому, получили столь широкое распространение не только наконечники стрел, но и сам лук скифского типа.

И. М. Дьяконов выдвинул положение, что мидяне «учились конно-стрелковой тактике скифов» и что выработалось «общее скифо-мидийско-сакское стрелковое вооружение, знакомое нам по известным „скифским“ наконечникам стрел» [166, стр. 290].

Наряду со стрелами мидяне переняли у скифов и их тип лука. Как показывает, например, рельеф в Кызкапане, датируемый Э. Херцфельдом первой половиной VI в. до н. э. [746, стр. 87—89, 423, рис. 115; 800, стр. 203—205, рис. 313]<sup>13</sup>, а Р. Гиршманом — второй половиной VII — первой половиной VI в. до н. э., к эпохе включения Мидии в ахеменидскую державу у мидян был в употреблении скифский лук с перехватом в середине и круто загнутыми концами. Судя по тому же рельефу, существовали и особые формы рукояти. Скифское оружие оказало значительное влияние на мидийское вооружение, хотя в целом последнее не было идентично скифскому [800, стр. 265—266]. Это относится и к луку. Будучи однотипен со скифским<sup>14</sup>, мидийско-персидский лук, по-видимому, не был с ним идентичен. Намек на это содержится в сообщении Ктесия (фр. 13), что скифский лук был «более сильным» (или «мощным»), чем персидский [818, стр. 461—462].

Персидско-мидийский лук ахеменидского времени Геродот (VII, 61, 62) и Ксенофонт (Анабасис, III, 4, 7) просто называют «большим» [737, стр. 239]. Уже Е. Буланда, анализируя данные письменных источников, привлекающая скульптуру и изображения на монетах, пришел к следующему выводу: у мидян и персов был крупный простой и меньший по размерам сложно-составной лук [659, стр. 41—42]. (Перс-гвардеец на персепольском рельефе [746, рис. 236] несет сравнительно небольшой

лук сегментного типа с закрученными концами.) На ахеменидских дариках изображен царь с луком в руках [803, стр. 398], причем лук этот имеет иногда вид простой дуги (чаще — асимметричной), но имеются и изображения явно сложного лука [774, табл. 22, 23; 992, табл. 51/1, 2; 1018а, табл. 125]<sup>15</sup>. Два типа лука представлены и на ахеменидских печатях [746, рис. 330, 332, 563 (простые), 329 (сложный); 1039а, табл. 123—124; 1085, стр. 336—340, рис. 1129].

В Авесте нет специальных упоминаний ни о материале, из которого сделан лук, ни о его форме [817, стр. 111—112]<sup>16</sup>. Г. В. Бэйли разобрал иранскую терминологию, связанную с луком и происходящую от индо-иранского *darū-*, *dru-*. Авестийский термин реконструируется как *\*druvan*. Буддийско-согдийский знает слово *ḍr'wn*, а также *ḍr'wh-p'ḍ'y* — «стрельба из лука» и *o rwnštn* — «колчан», «горит». В старом хотано-сакском — это *durpa*, в новоперсидский это слово вошло в форме *durunah*. Характерно, что в кафирском есть слово *drō*, *dru* — «боевой (военный) лук» [613, стр. 471—473]. Этот термин отмечен и в скифском [2, стр. 163; 778, стр. 40—41]<sup>17</sup>.

В Авесте для обозначения лука вместе с тем употребляются термины *Ṯanvan*, *Ṯanvar* (в древнеиндийском *\*dhanvan*, *dhānuṣ*); «стрелок из лука», «лучник» в Авесте *xšviwi. išu*. В древнеперсидском лук должен был обозначаться термином *\*joanvan*; для обозначения «лучника» в древнеперсидском употреблялось слово *joanuvaniya* (*Ṯanuvaniya*) [670, стлб. 563, 785; 655, стр. 147]<sup>18</sup> — Дарий в наклеевской «надписи В» говорит, применяя этот термин: «как лучник я хороший стрелок из лука и пеший, и конный» [845, стр. 139—140].

Античная традиция донесла до нас свидетельство, что «за Яксартом обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелу наудачу» (слова Дионисия). Сохранилось свидетель-

<sup>15</sup> О различном оформлении концов лука на ахеменидских рельефах (в виде завитков или птичьих головок), что связывается с иранским или эламским происхождением, см. 808, стр. 79, 89, табл. 31а, 34, 36а.

<sup>16</sup> О луке и стрелах в Авесте см. также 740, стр. 137, 279—281; 801, II, стр. 783—784 (там же литература вопроса). Тетива, как считает (вслед за Г. В. Бэйли) И. Гершевич, была сделана из сухожилий оленя.

<sup>17</sup> Э. Бенвенист предполагает, что *γωρυτός* — слово скифского происхождения [638, стр. 481].

<sup>18</sup> М. Mayrhofer и В. А. Лившиц полагают, что для авестийского *Ṯanvan* арийский прототип должен быть *\*thanvan-||ar*, причем к этому прототипу восходит и древнеперс. *fianuvaniya*. Этимологически эти термины родственны санскритскому (*dhānu* (*dhanvan*)).

<sup>13</sup> Впрочем, существуют и иные датировки — см. 939, стр. 22; 940, стр. 132 («IV век до н. э. или более раннее время»).

<sup>14</sup> На одной печати из Парижской национальной библиотеки есть изображение, которое обычно трактуют как сцену сражения между скифами и мидийцами [746, рис. 331]. Луки у противников одинаковые,

ство, что сакские женщины «наравне с мужчинами стреляют из луков, назад притворяясь бегущими» [Климент Александрийский, Ковры, IV, 8, 62].

Судя по сообщениям античных авторов, луками были вооружены и оседлые жители Средней Азии, и кочевники (Геродот, I, 215; VII, 64, 66; Страбон, XI, 8, 6; Квинт Курций, VII, 5, 41—42 и др.) [304, стр. 45—52].

Ценнейшие данные Геродота о вооружении среднеазиатских племен широко привлекались разными исследователями. В целом Геродот (VII, 64, 66) четко противопоставляет мидийско-персидский комплекс вооружения среднеазиатскому. Это в полной мере относится и к лукам. Персидско-мидийский лук характеризуется как «большой», у бактрийцев же лук был «тростниковый, бактрийский». Такое же вооружение, как у бактрийцев, в том числе, очевидно, и луки, было у парфян, хорасмиев, согдов, гандхаров, дадигов. О саках же Геродот говорит, что луки у них были *ἐπιχθίνιον* — «туземные», «местные» или, как иногда переводят, — «общепринятые в данной стране» [996, стр. 105, прим. 1].

Бактрийский лук Геродот характеризует термином *καλάρινον*, который, по мнению О. М. Дальтона, скорее мог обозначать бамбук, чем тростник [687, стр. XXXVI]. Обычно считается, что этот «бамбуковый» лук бактрийцев был простым. Однако это не бесспорно: известны сложно-составные луки, главной составной частью кубиты которых был бамбук. Так, в Японии стержень из твердой древесины и покрывавшие его с двух сторон полоски бамбука связывались или склеивались, обвязывались толстой кожей и очень тщательно лакировались. В Меланезии стержень из древесины и бамбук при изготовлении лука связывались, в Центральной Африке стержень твердого дерева помещался в желобок расколотого вдоль бамбука. Сложно-составные луки с применением бамбука зарегистрированы в Индии и Китае. По китайским источникам, для изготовления сложно-составного лука могут быть использованы семь сортов дерева, но предпочтительнее — бамбук [572, стр. 984; 886, стр. 45—46; 891, стр. 226; 1008, стр. 28].

Как пишет П. Е. Клопстег, некоторые сорта бамбука могли служить превосходным материалом для изготовления сложно-составных луков, так как их способность подвергаться растяжению и сжатию превосходит большинство древесных пород [848, стр. 153—154]. Сколы с бамбука использовались тибетцами и некоторыми народностями в Индии даже в качестве тетивы [713, стр. 87; 762, стр. 24].

По словам Омара Хайяма, Ариш Вахадан во времена Манучихра «сделал лук из пяти частей, из дерева и тростника», а затем скрепил их клеем [374, стр. 91а, 205]. Таким образом, еще в XI в. в Средней Азии и Иране сохранялись предания относительно древних луков, сделанных из дерева и тростника (бамбука), а может быть — и практика изготовления таких луков.

К сожалению, для периода VI—IV вв. до н. э. иконографические материалы из Средней Азии чрезвычайно скудны. В руках персонажей, изображенных на умбоне и ножнах из Амударьинского клада, виден сложно-составной лук [687, табл. XXXVI—XXXVII; 746, рис. 387, 542; 1039а, табл. 116/я]<sup>19</sup>, по-видимому, скифского типа с очень резкими «изломами» от рукояти к плечам. На ахеменидских печатях с изображением саков лук сложный, а не простой [835, табл. II].

По-видимому, прав О. М. Дальтон, который считал, что в Средней Азии уже в ахеменидское время употреблялись и большие дальнобойные простые луки, и меньшие по размерам, но мощные сложные луки [687, табл. XXXVI—XXXVII]. Не представляется убедительной противоположная точка зрения, высказанная С. П. Толстовым, который считает, что в середине I тысячелетия до н. э. и позже племена Средней Азии, в частности хорезмийцы, имели лишь «простой тростниковый, длинный лук» [514, стр. 224]<sup>20</sup>.

При решении этого вопроса нельзя не учитывать вооружения соседних со Средней Азией племен. Так, савроматы, по мнению С. П. Толстова, теснейшим образом связанные с Хорезмом, уже в VI—V вв. до н. э. имели сложный лук небольших размеров. «Можно думать, — пишет К. Ф. Смирнов, — что савроматские луки делались из разных пород дерева с применением бересты и сухожилий, но без роговых или костяных накладок» [478, стр. 32]. Сложно-составной лук был и у других соседствовавших со Средней Азией народов, в частности у жителей Ирана. В обстановке тесных взаимосвязей народов Средней Азии и их соседей лук скифского типа неизбежно должен был здесь распространиться, причем очень рано, едва ли позже VII—VI вв. до н. э. И затем, на протяжении полу-

<sup>19</sup> По мнению М. И. Ростовцева, этот умбон следует датировать V—IV вв. до н. э. [981, стр. 182]. Р. Гиршман датирует его VI—V вв. до н. э., а ножны — VII—VI вв. до н. э.; по мнению Р. Бэрнетта, ножны датируются VI в. до н. э. [628, стр. 38—39; 747].

<sup>20</sup> Эту точку зрения С. П. Толстова впервые подвергла критике К. Г. Рудо [451, стр. 61—63].

тысячелетия, скифский лук является здесь господствующим.

Учитывая все вышеизложенное, не приходится удивляться и тому, как широко был распространен сложный лук в парфянской среде в последние века до нашей эры и в первые века нашей эры. Такие луки изображены на реверсах парфянских монет (с III в. до

н. э.). О среднеазиатских стрелках, пользовавшихся этим луком, на Западе складывались легенды, в правдивости которых убедились греко-македонские воины во время похода Александра Македонского [304, стр. 45—51]<sup>21</sup>.

<sup>21</sup> О дальнейшей истории лука на Востоке см. 294; 543.

## 2. СТРЕЛЫ

### БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Находки бронзовых наконечников на территории Памира и Ферганы пока немногочисленны, как, впрочем, и на территории всей Средней Азии, исключая Приаралье, где имеются крупные комплексы наконечников, в частности уйгаракский<sup>22</sup>. Поэтому было бы неправомерно утверждать, что те или иные типы наконечников в Средней Азии отсутствовали, — пока можно говорить лишь о наличии определенных типов наконечников.

Вопросы классификации и типологии бронзовых наконечников стрел скифов и савроматов — ближайших родственников среднеазиатских саков — разработаны советскими учеными П. Рау, Б. Н. Граковым, П. Д. Либеровым и особенно детально К. Ф. Смирновым и А. И. Мелюковой [140; 260; 347; 380; 478; 966].

Имеется сводка по бронзовым наконечникам Казахстана [29, стр. 113—121]. С. С. Черников разработал вопрос об ареалах некоторых типов наконечников, встречающихся в Казахстане [558]. Эти исследователи, в особенности К. Ф. Смирнов и С. С. Черников, использовали и среднеазиатский материал, в частности памиро-ферганский. Опубликованы также обзоры находок наконечников скифского типа за пределами СССР. По Ближнему и Среднему Востоку прежде всего следует назвать работы Б. Б. Пиотровского [388, стр. 237—239] и Т. Сулимирского [1039, стр. 282—317]<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> Фонды Хорезмской экспедиции. Знакомству с уйгаракским комплексом я обязан любезности О. А. Вишневской.

<sup>23</sup> Высказанное еще Рейнеке в 80-х годах прошлого века мнение, что наконечники, найденные на европейских и переднеазиатских памятниках, связаны со скифами и их передвижениями, оспаривается сейчас рядом ученых — см., например, 705, стр. 49—76, особенно стр. 54—57; 930, стлб. 775—777. См. также 889, стр.

Отдельные, иногда очень важные сведения содержатся в различных публикациях раскопок тех или иных памятников зарубежного Востока — их приходится учитывать при разработке вопросов эволюции среднеазиатских наконечников. Это касается, в частности, двухлопастных бронзовых наконечников. Двухлопастные наконечники с боковым шипом встречены в Богазкее в слоях конца Бююккале II — начала Бююккале I. Этот переход может датироваться временем около 650 г. до н. э. Учитывая, что эти наконечники существовали не менее столетия (они встречаются и в более поздних и более ранних слоях), следует думать о второй половине VIII — первой половине VII в. до н. э.<sup>24</sup>.

В Алишаре и Гордионе они встречаются во фригийском слое, в Мелие относятся приблизительно к 645 г. до н. э., в Сардах — ко времени киммерийского, или персидского (547 г. до н. э.), погрома, в Старой Смирне — приблизительно к 600 г. до н. э., в Тарсе встречаются в позднеассирийских слоях, в Телл Рифат — в слоях IX—VII вв. до н. э. [930, стлб. 775, прим. 98].

Можно привести и другой пример: Ф. Петри указывает, что при раскопках в Мемфисе бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники найдены вместе с частями ахеменидского чешуйчатого доспеха [945, II, стр. 13]<sup>25</sup>.

Много внимания уделил вопросам типологии и эволюции именно среднеазиатских бронзовых наконечников А. Н. Бернштам, занимавшийся

285—286. Некоторые полезные указания содержатся и в старой сводке Г. Шмидта [1000, стр. 183—185]. Очень интересно его указание на коллекцию бронзовых (и железных) наконечников из окрестностей Бухары, хранящихся в берлинском Museum für Volkerkunde. Публикации их мне не попадались.

<sup>24</sup> О датировке слоев см. 647, стр. 158—161.

<sup>25</sup> Он же пишет, что трехгранные наконечники служили для пробивания доспеха, тогда как трехлопастные — для ранения незащищенных участков тела и лица [946, III, стр. 4)].

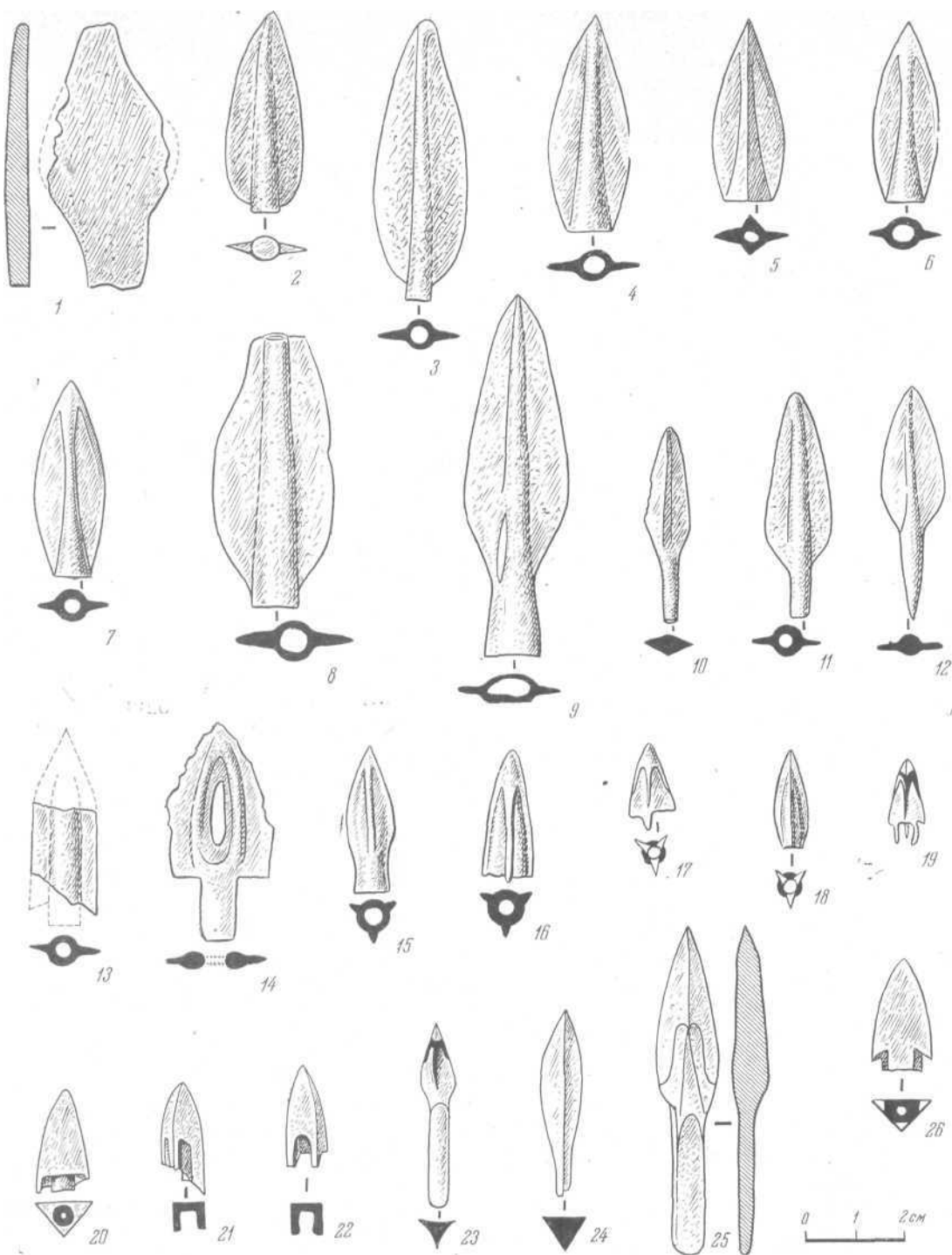


Табл. 30. Бронзовые наконечники эпохи поздней бронзы и раннего железа из  
Ташкентского оазиса, Ферганы и Памира:

1 - Музей истории УзССР - Ташкентская обл. (?); 2 - Вуадильский могильник (по Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбуновой); 3, 12 - Пещера Куртеке; 4-7 - Бричмуллинский клад; 8 - Ташкентская обл., сел. Анггар (?); 9 - Музей истории УзССР (без паспорта). 11 - Чуст; 10, 13, 15, 20, 21, 24, 26 - Кайраккумы; 14 - Музей истории УзССР (без паспорта); 16 - Бобои-Дархан (Шуробак); 17-19 - Актамский могильник (по Н. Г. Горбуновой); 22 - Ниязбекский могильник; 23 - Кунгай (по Н. Г. Горбуновой); 25 - Аблык (по М. Е. Массону).



и специально памирскими наконечниками стрел [85, стр. 305—310, 319—320].

Бронзовые наконечники Ферганы и вопрос об их генезисе были рассмотрены автором в одной из его работ [303, стр. 217—223]. В. М. Массон, публикуя материалы из Южной Туркмении, сделал ряд важных наблюдений по истории среднеазиатских бронзовых наконечников [333, стр. 45—48]. Он, в частности, пришел к заключению о допустимости «использования для Средней Азии датировок, выработанных на причерноморских материалах, с учетом некоторых конкретных местных особенностей». Он же справедливо указал, что основы относительной хронологии наконечников стрел в Средней Азии должны опираться на стратиграфические данные, полученные при раскопках многослойных поселений. Однако малочисленность находок наконечников на поселениях и специфика длительного существования отдельных типов наконечников приводят, на наш взгляд, к тому, что и в Средней Азии очень большую роль сыграют в конечном счете находки комплексов наконечников в погребениях и статистическая разработка.

Для рассматриваемой нами территории большое значение имеют наконечники из словес Кобадиян I. Три наконечника стрел происходят из комплекса Кобадиян I в Калаи-Мире. Этот комплекс М. М. Дьяконов в основном признавал относящимся к VII—VI вв. до н.э., причем считал вероятным, что «верхние наслоения» в соответствующих постройках относятся к более позднему времени (V—IV вв.?) [768, стр. 135]. В. М. Массон, детально разобравший вопрос о датировке культуры Кобадиян I, относит ее основной комплекс к V—первой половине IV в. до н.э. На приложенной таблице, впрочем, начало Кобадиян I все же отнесено к концу VI в. до н.э. [333, стр. 54—58, рис. 12 и табл. 3]. По-видимому, Кобадиян I действительно начинается с VI в. до н.э. и именно к этому времени относятся двухперные наконечники с Калаи-Мира. Очень важные наконечники стрел происходят из Кучук-тепе [33] и других поселений.

Два наконечника стрел происходят из раскопанного Южнотаджикистанским отрядом нижнего слоя Болдай-тепе в комплексе с керамикой типа Кобадиян I. Один из этих наконечников — трехлопастный, сводчатый, с внутренней втулкой, базисный. Он может датироваться, по скифо-савроматской шкале, VI—V вв. до н.э. [347, стр. 21 (тип 5); 478, стр. 49]. Находка в этом же комплексе бронзового трехлопастного наконечника с очень широкой го-

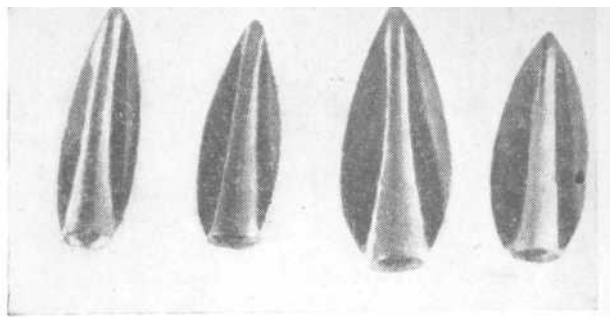


Табл. 31. Бронзовые наконечники стрел из Бричмуллинского клада.

ловкой и коротким черешком<sup>26</sup>, прямого прототипа ранних железных, делает более вероятной датировку V—началом III в. до н.э., а с учетом керамического комплекса — IV—началом III в. до н.э.

Должны быть выделены и те погребальные комплексы, в которых имеются предметы с «автономной» (от стрел) датировкой, что позволяет производить сопоставление и контролировать даты, полученные в результате сравнения с типологическими схемами по другим территориям. Один из таких комплексов представлен инвентарем из Памирская I, к. 10 (табл. 32). Как показывают материалы, которые были опубликованы уже после издания А. Н. Бернштамом отчета о своих раскопках, предложенная им датировка — V—III вв. до н.э. — должна быть уточнена. Этот инвентарь следует датировать скорее всего VI в. до н.э. или концом VII—VI вв. до н.э. (К. Ф. Смирнов предлагает датировку VII—VI вв. до н.э.) [478, стр. 64]. Очень интересны в этом плане и погребальные комплексы приаральских саков, некоторые могильники Ферганы и т. д.

В эпоху поздней бронзы на территории Средней Азии применялись три группы бронзовых наконечников стрел: 1) имитации каменных (табл. 30/1); 2) втульчатые, двухлопастные (табл. 30/2-9; 31); 3) черешковые, двухлопастные с прожилком и без него (табл. 30/10—12) [303, стр. 217—223].

Мы не касаемся здесь вопроса о происхождении втульчатых наконечников стрел, вызвавшего столь противоречивые суждения. Чрезвычайно интересный экскурс Н. Л. Членовой, написанный с великолепным знанием литературы, содержит подробный обзор точек зрения [561, стр. 40—63]. Но и он не привел, как мне кажется, к решению вопроса, и я не

<sup>26</sup> Ср. трехлопастный черешковый наконечник с Изат-Кули, изданный В. М. Массоном.

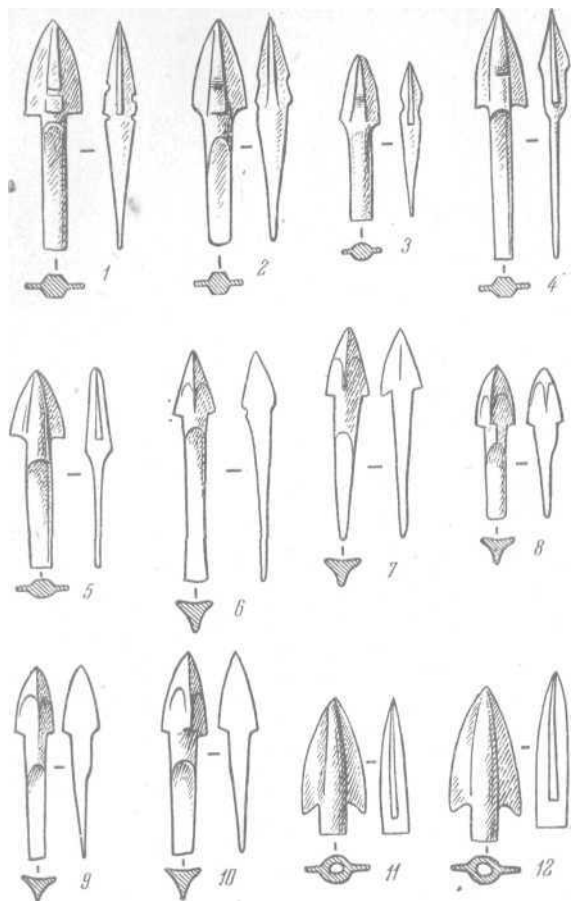


Табл. 32. Бронзовые наконечники стрел из Памирская I, к. 10 (по А. Н. Бернштаму).

считаю теорию о происхождении этих стрел с территории Ближнего Востока доказанной, хотя бы из-за ограниченности находок таких стрел в столь широко раскопанных передне- и средневосточных памятниках эпохи бронзы<sup>27</sup>.

Наконечники третьего типа встречены в Чусте [191, стр. 71—72, рис. 7], Дальверзине [175, стр. 62—63, 68, табл. XXI/5], Кайраккумах [303, стр. 221—222], пещере Куртеке на Памире<sup>28</sup>, в Хорезме [199а, стр. 124, рис. 12],

<sup>27</sup> Но, может быть, следует полагать, что именно на территории степного пояса Евразии, включая Среднюю Азию, складывались различные типы наконечников стрел на базе местных позднебронзовых, как об этом пишет А. П. Смирнов [474, стр. 151], и, добавим мы, в обстановке воздействия образцов переднеазиатского оружия. Возможно, что на сложение ранних бронзовых наконечников повлияли и каменные прототипы и подражание бронзовым наконечникам дротика и копья (последняя мысль высказана И. Н. Медведской, — 344а, стр. 62—64).

<sup>28</sup> Фонды Института истории им. А. Дониша, КП — 453/1360.

в Южной Туркмении. Известны они в «некрополе В» Тепе-Сиялка [333, стр. 47—48, рис. 12], из дольменов Ага-Авлара в Талыше [920, стр. 313, рис. 607—618]<sup>29</sup>, во втором слое Нади-Али, в луристанской бронзе, в погребениях Амлаша. Бронзовые наконечники в Марлике [934, стр. 20, рис. 48—49; 988, стр. 190, 195, рис. 26/1] порой также имеют некоторое, хотя и не близкое, сходство. Е. Е. Кузьмина указала и на другие аналогии и справедливо подчеркнула, что этот тип по своему происхождению скорее всего ирано-туркменистанский [253, стр. 32—33]. Таким образом, наконечники этого типа обнаружены на всем протяжении Средней Азии — от Прикаспия до границ Китая, они проникли и в Казахстан [29, табл. на стр. 117/XIII—X вв.], и на юг — в Индию.

Итак, изучение этих наконечников показывает, что в XII—VIII вв. до н. э. в фергано-памирской области существовало три группы наконечников, послуживших одним из источников для развития в последующую, сакскую, эпоху многочисленных и разнообразных типов наконечников. В древнейших письменных источниках, к сожалению, очень мало реальных сведений относительно стрел и их наконечников. Обычный термин для обозначения стрел в Авесте — *isav* (древнеиндийское *iṣu*), употреблялся и другой — *tiṣṭray* от *tiṣṭra* — «острие», «острый». Стрела, как и дротик, является символом быстроты. Упоминается колчан — *akana* с 30 стрелами [Видевдат, XIV, 9] [630, стлб. 374, 651; 816, стр. 513; 845, стр. 174—186; 908, стр. 93]<sup>30</sup>. В Яшт XVII, 12 говорится о воине, снаряженном «быстрыми, летящими далеко стрелами» (*usviwi. iṣum pāro kavīdēm*) [601, стр. 7]<sup>31</sup>. Большую дискуссию вызвало описание стрелы в Яшт X, 129. Толкования этого места настолько разноречивы, а порой и фантастичны, что пока нет никакой возможности использовать его для истории среднеазиатских реалий. В ведических текстах основной термин для «стрелы» — *iṣuḥ*, синонимы — *saṅya*, *saṅi*, *bana* [1013, стр. 94]. В согдийском языке «стрела» обозначалась *p'ōd* (\**pad*). Это слово сохранилось в ряде восточноиранских диалектов: в ягнобском — *rot*; шугнанском — *rāḥ*, язгулемском — *re* О, мунджанском — *рОх*, осетинском — *fat* и др. Полагают, что все эти слова восходят к древ-

<sup>29</sup> См. также 919, рис. 76/12; наиболее поздние типы этих наконечников см. 999, II, табл. 76/4, 21—22.

<sup>30</sup> В древнеперсидском *tigra* «острие», «заостренный» [655, стр. 145—146], сюда же посходит и новоперсидско-таджикское *tīr*.

<sup>31</sup> H. Lommel [884, стр. 161]: «den Ferntreffer mit schnellfliegenden Pfeilen».

неиранскому *pāθa* и \**path* [2, стр. 53; 5, стр. 424—425; 42, стр. 309; 602, стр. 11; 778, стр. 40].

В эламском «колчан» обозначался словом *art* (по эламским источникам, колчаны изготовлялись из шкур газелей и войлока), в древнеперсидском — *isva*, в скифском — [807, стр. 89].

**БРОНЗОВЫЕ НАКОНЕЧНИКИ  
СТРЕЛ САКСКОГО ВРЕМЕНИ**

**Группа I  
Втульчатые наконечники стрел**

**А. Двухлопастные**

Тип 1. Наконечники с овальной или лавролистной головкой и выступающей наружу втулкой (тип 1 бронзовых двухлопастных, по К. Ф. Смирнову). Два таких наконечника найдены в Айдынкуль I, к. 4. Приведем краткие данные об этих наконечниках:

	Общая длина, мм	„1” длина, мм	к н Мам	М. изг.	Примечание
1	43	31	14	7	Втулка длинная, на ней щелевидное отверстие (табл. 34/4)
2	42	37	13	8	Одна грань не очень округлая. На втулке отверстие (табл. 34/5).

По своим очертаниям и пропорциям — это типичные наконечники VII в. до н. э., менее вероятна датировка VI в. Характерно, что в этом комплексе имеются и три типичных ромбических наконечника (тип 3), датируемые VII — первой половиной VI в. до н. э. Наконеч, еще один наконечник из этого кургана должен датироваться VII, самое позднее — началом VI в. до н. э. В целом наиболее вероятной представляется датировка VII в. до н. э. Из других среднеазиатских находок следует отметить наконечник из Калан-Мира [167, стр. 280, рис. 19/вверху; 168, стр. 132, рис. 4/внизу]<sup>32</sup>, который типологически и по комп-

<sup>32</sup> К. Ф. Смирнов по недоразумению включил этот наконечник в отдел трехлопастных.

лексу скорее всего можно датировать VI в. до н. э.

В Средней Азии эволюция такого рода наконечников прослеживается с очень раннего времени — с вытянуто-листовидных втульчатых наконечников из Яз-1 [333, стр. 47, рис. 12, табл. XXXIII/5] и более короткого наконечника из амирабадского поселения Кават-2 [571, стр. 139, рис. 7/5].

Чрезвычайно интересен комплекс наконечников из Карамурун I, к. 5. Там в комплексе VII—VI вв. до н. э. имеются как стрелы типа 1, так и типа 3, а также наконечник типа 6. Карамурунский комплекс, несравненно более богатый, чем айдынкульский, в этой части повторяет его, а также содержит другие типы наконечников стрел, в том числе черешковые трехгранные [324, стр. 376 и след., рис. 58—59].

В п. 2. Наконечники с узкой ланцетовидной головкой и выступающей втулкой (тип 3, по К. Ф. Смирнову). Два таких наконечника найдены в Шаймак, к. 1. У одного (табл. 34/9)

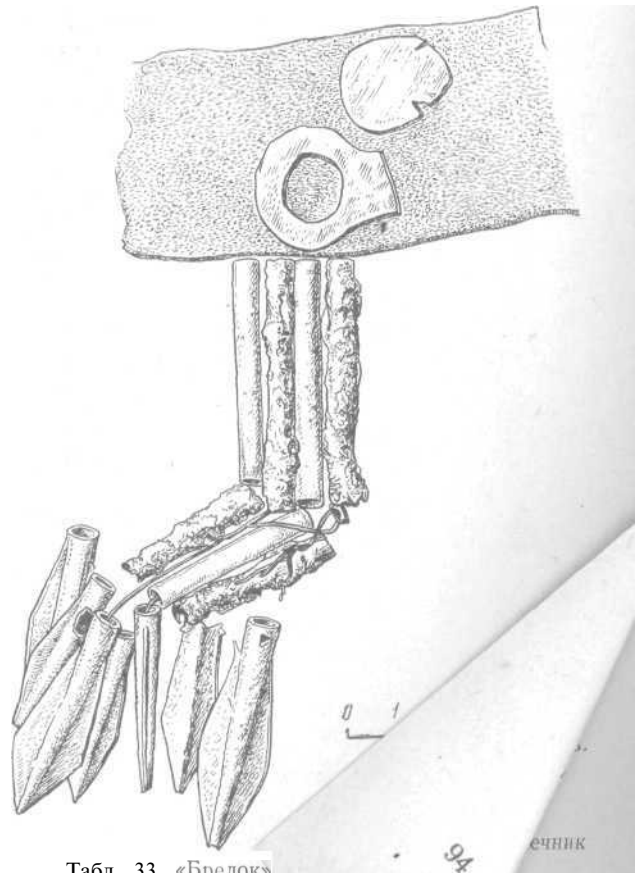


Табл. 33. «Брелок»

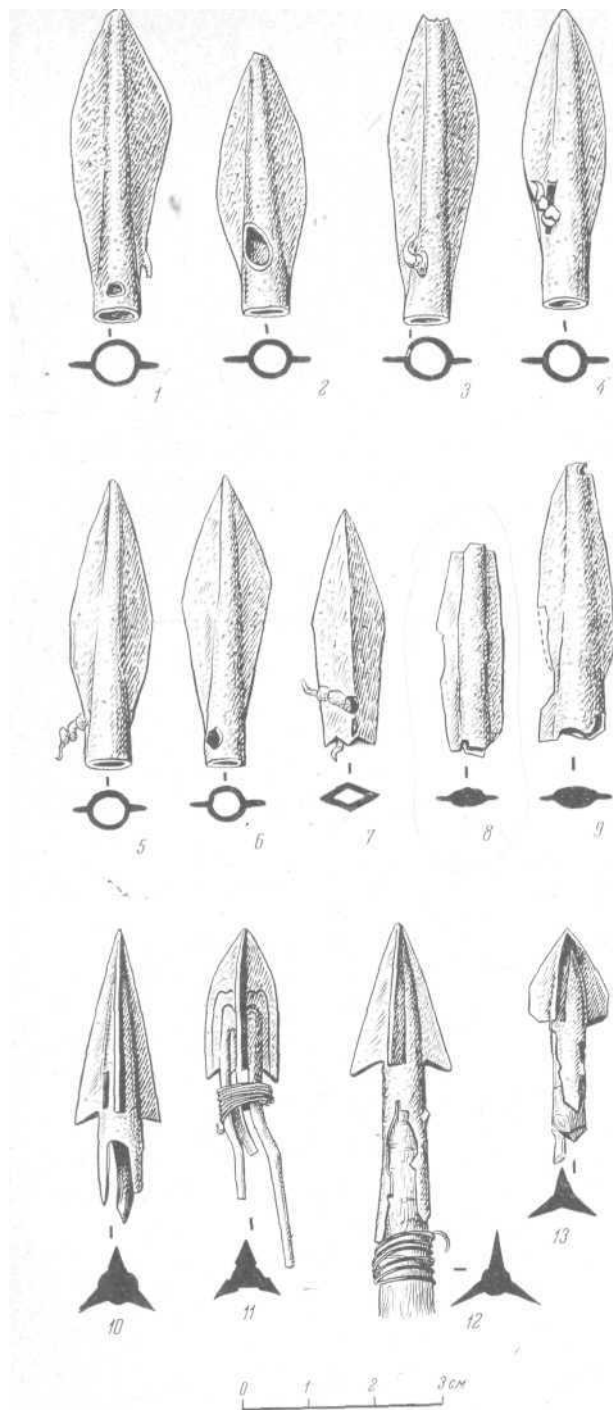


Табл. 34. Бронзовые наконечники стрел из восточно-памирских могильников:

1—7 — Айдынкуль I, к. 4; 8, 9 — Шаймак, к. 1; 10 — Андемин I, к. 3; 11, 12 — Андемин I, к. 1; 13 — Можуташ II, к. 5.

головка лавролистного очертания, с уз-лопастями. Втулка широкая, с двумя от-верстиями и шипом. Второй наконечник с овальным контуром головки, очень узкими лопастями и обрезанной втулкой. Вырез-скругленность основания превращает концы лопа-стей в шипы (табл. 34/8). Если исходить из савроматских материалов, датировка этого типа стрел заключается между VII и V вв. до н. э.; шаймакские же датируются концом VII—VI в. до н. э.

Другие ранние среднеазиатские образ-цы таких наконечников происходят из пе-щеры Куртеке (Восточный Памир) и из гроб-ниц Тагискена [521, стр. 45—46, рис. 18/1—4].

1 и п 3. Наконечники с ромбовидной голов-кой и выступающей втулкой (тип 5, по К. Ф. Смирнову). Три таких наконечника най-дены в Айдынкуль I, к. 4. Один — более круп-ный, имеет четко выраженную ромбическую го-ловку асимметричной формы. Головка срав-нительно широкая. Наконечник снабжен ши-пом, в нижней части втулки — отверстие (табл. 34/1). Второй и третий наконечники имеют более короткую втулку. Размеры: об-щая длина — 46, 45 (боек отломан) и 44 мм, длина головки — 36—38 мм, максимальная ширина — 15—16 мм. По комплексу находок из этого кургана — это скорее всего VII в. до н. э., к этому же времени вполне может относиться наконечник из Аблыка [339, стр. 12, рис. 2/в].

К этому типу относится и один из наконечников, найденных на Калан-Мир в слое Кобадиян I [167, стр. 280, рис. 19, внизу; 168, стр. 132, рис. 4, вверху]. Датировка это-го наконечника не может быть более ранней, чем VI в. до н. э. Наконечник с ромбовидной головкой из Чуйской долины А. Н. Бернштам включил в комплекс VIII—VI вв. до н. э. [81, табл. XLI/10; XCV/48].

Найдены наконечники такого типа и в ни-зовьях Сырдарьи, в Уйгареке и в Чиликтин-ском кургане № 5, а также во многих других курганах — от Казахстана до Малой Азии. С. С. Черников, составивший подробный обзор наконечников этого типа и типа 4 (он их рас-сматривает суммарно), присоединяется к су-ществующей в литературе точке зрения, что они употреблялись в основном в VII — начале VI вв. до н. э. [558, стр. 46—49, 178—183].

Тип 4. По К. Ф. Смирнову, наконечники, производные от типов 1 и 5, — с овальной или овально-ромбической головкой. У нас они ли-шены шипов. К этому типу можно отнести на-конечник из Айдынкуль I, к. 4 (табл. 34/2) (длина — 37 мм, длина головки — 33 мм, мак-

симальная ширина — 14 мм). Они, по существу, являются переходными от типа 1 к типу 5. В комплексе Айдынкуль I они датируются примерно VII в. до н. э. Возможно, к этому типу относится один фрагментированный наконечник из Кайраккумов [303, стр. 218/12, 220, прим. 1]<sup>33</sup>, а также наконечник, найденный Б. Б. Пиотровским на Гяур-кале и датированный им VII—VI вв. до н. э. [285, стр. 36, рис. 1]. Судя по находкам в Персеполе, эти наконечники в Иране употреблялись и в V в. до н. э. [999, II, табл. 76/20].

Тип 5. В классификации К. Ф. Смирнова есть наконечники «с крышевидной (башневидной) головкой, с острыми шипами и выступающей втулкой» (тип 7) и подобные им, но со сводчатой головкой (тип 8).

На поселениях в Кайраккумах поднят фрагмент такого наконечника (средняя часть головки с параллельными гранями) (табл. 30/13). Можно предположить, что этот наконечник входит в группу довольно редких наконечников VII в. до н. э. [260, табл. 1/9; 966, табл. XIV/2A, XVI/1A]. Два наконечника такого рода происходят из Памирская I, к. 10 (один типа 7, другой типа 8) [85, стр. 310, рис. 135/11—12]. Эти наконечники по своему общему виду очень близки савроматским VII—VI вв. до н. э. и, судя по комплексу, должны относиться к VI в. до н. э. Аналогичные наконечники известны в Хорезме [514, рис. 83] и в Южном Казахстане [29, табл. на стр. 117—VII—VI вв. до н. э., № 14]. По мнению К. Ф. Смирнова, эти типы имеют «восточное» происхождение. В качестве исходного типа он указывает на черешковый наконечник из андроновского погребения у аула Канай [555, стр. 56, рис. 21/2; 557, стр. 34]. Следует указать также, что такого рода, по черешковые наконечники, преимущественно с треугольным контуром головки, характерны для комплекса Яз-I в той его части, которую В. М. Массон датирует VIII—VII вв. до н. э. Этот исследователь считает, что такие наконечники являются металлическим подражанием кремневым наконечникам, встречающимся в Мервском оазисе [333, стр. 46, рис. 12]. В собрании Ташкентского музея есть один такой наконечник с четким ребром посередине и короткой втулкой (№ 57/9). Характерно, что среди происходящих из Чирик-Рабата ранних железных наконечников есть точно такой же по профилю головки, но железный наконечник стрелы [528, стр. 210, рис. 8/7].

Тип 6. Бронзовые ромбические в поперечном сечении наконечники с ромбической головкой и внутренней втулкой.

Один такой наконечник происходит из набора в Айдынкуль I, к. 4. Это небольшой наконечник (длина — 35 мм) с довольно широким основанием (10 мм). Линия основания ломаная, концы граней опущены, четкое вертикальное ребро, втулка узкая, в нижней части наконечника — отверстие (табл. 34/7). Другие наконечники из этого кургана могут быть датированы VII в. до н. э. Несколько таких наконечников — и это очень существенно — встречены в ранних комплексах Уйгарака (VII—VI вв.)<sup>34</sup>.

В сводках по скифским и савроматским наконечникам бронзовые наконечники такой формы отсутствуют. Однако хорошо известны их костяные прототипы. Сводку костяных ромбических наконечников из Восточной Европы недавно дали А. И. Тереножкин и А. И. Мелюкова. На Украине они встречаются на памятниках второй ступени чернолесской культуры (конец VIII — первая половина VII в. до н. э.). Айдынкульский наконечник идентичен по форме костяному наконечнику с Субботовского городища [347, стр. 9—10; 512, стр. 94, рис. 66/12], а также наконечнику из кургана Малая Цимбалка [260, стр. 149, табл. 1/14; 512, стр. 189, рис. 71/17; 966, табл. XIV/2F]. В более восточных областях такие наконечники известны с эпохи бронзы. Характерно, что они встречаются как в срубных, так и в андроновских комплексах Урала и Казахстана [239, стр. 162, рис. 14/14—16; 457, рис. 15/4; 458, стр. 204, рис. 7/2; 966, табл. XIV/1C]. Вместе с тем среди случайных находок в Семипалатинской области известен один бронзовый наконечник такой формы [29, табл. на стр. 117]<sup>35</sup>. Другой наконечник хранится в Центральном музее Казахстана, но точное место находки его неизвестно. Подобные наконечники найдены в одном из курганов в Восточном Казахстане вместе с бронзовым ножом, относящимся к VIII—VI вв. до н. э. [314, стр. 258, табл. III/22]. В Центральном Казахстане, в Кииксу, к. 5 найден еще один подобный наконечник вместе с трехлопастным черешковым. Раскопавший могильник М. К. Кадырбаев датирует курган № 5 временем не раньше V в. до н. э. [201, стр. 165, 195, рис. 2, табл. II], но, несомненно, прав К. Акишев, относящий этот курган к VI в.

<sup>33</sup> Не исключено, впрочем, что это наконечники типа 4.

<sup>34</sup> Фонды Хорезмской экспедиции.

<sup>35</sup> К. А. Акишев ошибочно включил этот наконечник в группу IV/III вв. до н. э. (№ 16).

до н. э. [29, стр. 119]<sup>36</sup>. Известны и другие находки таких наконечников на территории Казахстана [558, стр. 185, рис. 6/5, 11—12]. Особенно важна находка такого наконечника в комплексе Карамурун I, 5ж (VII—VI вв. до н. э.) [324, стр. 377—378, рис. 58, 59/IV].

Эти факты наводят на мысль о казахстанском происхождении рассматриваемого типа бронзовых наконечников. Однако при этом следует иметь в виду распространенность в поздней бронзе Средней Азии костяных наконечников, и, хотя прямые прототипы для данной формы бронзовых наконечников пока не выявлены, вполне вероятно, что они существовали. Памирская находка может трактоваться как результат заноса на юг Средней Азии этого типа наконечников из Казахстана. Вместе с тем не исключено, что Хорезм и восточная часть Средней Азии входили в ареал первоначального распространения этого типа наконечников. Этому предположению не противоречит и находка восходящего к этому типу наконечника в одном из сравнительно поздних (V—IV вв. до н. э.) комплексов ананьинской культуры [181, стр. 92, табл. XIX/39].

## Б. Трехлопастные

Тип 1. Наконечники с лавролистной головкой и выступающей втулкой (тип 1 трехлопастных втульчатых, по К. Ф. Смирнову).

Три таких наконечника найдено на поселении 50 Кайраккумов (табл. 30/15). Лопasti головки внизу сливаются с втулкой. Где родина этой формы бронзовых наконечников? А. И. Мелюкова в качестве возможного прототипа этой формы (в скифском вооружении) рассматривает костяные трехлопастные наконечники из памятников культуры Ноа (XIII—XI в. до н. э.) [347, стр. 11]. Бронзовые трехперые наконечники иногда связывают с «некрополем В» Сялска [743, II, табл. L/17—18] или, как предлагает В. М. Массон, с его наиболее поздними могилами [333, стр. 48]. Однако Р. М. Бёмер недавно справедливо подчеркнул, что три бронзовых трехлопастных наконечника, происходящих оттуда, были обнаружены не в погребениях, а вне слоя, и не одновременны с найденными в погребениях двухлопастными [647а, стлб. 821—822]. Во всяком случае такие наконечники уже являются преобладающими в слое I Суз (VII—VI вв.). Кайраккумские наконечники находят аналогии

<sup>36</sup> В своих возражениях против передатировки Кинксу [324, стр. 380—381] М. К. Калырбаев ссылается на возможность переживания наконечников этой формы в V в., что мне кажется маловероятным.

среди этих наконечников, но особенно близкие — среди наконечников слоя II (VI—V вв. до н. э.) и III (V—IV вв. до н. э.) Нади-Али [744а, табл. XLIII/G.S. 964; XLIV/G.S. 1108; G.S.2361-a] и из Персеполя (V—IV вв. до н. э.) [999, II, стр. 99, табл. 76/8]. Вообще, по данным раскопок иранских и передневозосточных памятников, трехлопастные втульчатые бронзовые наконечники должны были появиться не раньше VII в., точнее — не раньше второй четверти VII в. до н. э. На полах помещений периода II Зендани-Сулейман (710/700—640/620 гг. до п. э.) найдены трехлопастные втульчатые наконечники, в том числе с боковым шипом [930, стлб. 775—777]<sup>37</sup>. Что же касается времени их существования, то датировка некоторых комплексов приводилась выше.

Очень похожи на кайраккумские наконечники из раскопанных Хорезмской экспедицией «шлаковых» курганов VI—V вв. до н. э. [521, стр. 50, рис. 31/12]. Близкой должна быть и дата кайраккумских наконечников. Особый вариант этого типа представлен на Памире — это трехлопастный наконечник с широкой овальной головкой и выступающей втулкой — из Можуташ II, к. 5 (табл. 34/13). Головка небольшая, грани очень выпуклые. Втулка состоит из двух лопастей, разделенных вертикальными вырезами. Размеры: длина — 28 мм, в том числе головки — 13 мм, ширина головки — 11 мм. Прямых аналогий отыскать не удалось. По общему облику — это скорее всего IV—III вв. до н. э.<sup>38</sup>

Следует упомянуть находку одного бронзового лавролистного наконечника в нижнем слое шурфа на Яванском городище (I в. до н. э. — около рубежа нашей эры). Боевая часть — ланцетовидная, с округло-угловатыми гранями. Общая длина — 33 мм, ширина — 11 мм, диаметр втулки — 5 мм. По-видимому, это наиболее поздний тип, доживший до III—II вв. до н. э.

Тип 2. Наконечники с лавролистной головкой и обрезанной втулкой (тип 4 трехлопастных, по К. Ф. Смирнову). Один такой наконечник найден в Актамском могильнике (табл. 30/18). Он вытянутый, грани слабо округлые. Общая длина — 27 мм, выступание втулки — 2—3 мм, максимальная ширина — 10 мм, диаметр втулки — 5 мм [119, стр. 86, рис. 29/9; 137, стр. 100, рис. 3/45]<sup>39</sup>. Для Во-

<sup>37</sup> См. также кармир-блурские наконечники [386, стр. 86, рис. 55].

<sup>38</sup> Аналогичный по очертаниям головки, но черешковый наконечник из Чуйской долины А. Н. Бернштам включил в группу V—III вв. до н. э. [81, табл. XCV/68].

2850

<sup>39</sup> Ферганский музей,  $\overline{A=66/114}$ .

сточной Европы такие наконечники мало характерны и датируются концом VI — первой половиной V в. до н. э. [478, стр. 46]. По-видимому, среднеазиатские находки должны датироваться VI—V вв.<sup>40</sup>

**Тип 3.** Наконечники с треугольной головкой и выступающей втулкой (тип 9 трехлопастных бронзовых наконечников, по К. Ф. Смирнову).

Типичный наконечник происходит из Андемин I, к. 1 (табл. 34/12). Грани лопастей практически прямые. Внизу грани срезаны не под прямым углом, так что концы граней опущены. Втулка обычного типа, в нижней части благодаря вертикальным вырезам превращается в три отдельные лопасти. Продолжение втулки на ребре отмечено снаружи суживающимися вверх рельефными ребрами между гранями. На втулке отчетливо видны литейные швы (на продолжении ребер всех граней). На гранях — следы заточки. Сохранилось древко и нити закрутки.

Другой наконечник происходит из Андемин I, к. 3 (табл. 34/10). Грани лопастей, прямые в верхней и средней части, округляются в нижней. Они срезаны под острым углом, так что концы опущены. Втулка оформлена как у предыдущего наконечника. Есть отверстие — в нижней части головки. На продолжении ребер лопастей на втулке — литейные швы.

Размеры наконечников: общая длина — 47 и 40 мм, в том числе головки — 22 и 25 мм, максимальная ширина — 14 и 12 мм.

Один наконечник происходит из Тегермансу I, к. 9А. Точно такой же, как и предыдущие, по контуру боевой головки (боек ее отломан), он отличается в отношении втулки: она не просто разделена вырезами, а состоит из трех длинных выступов-лапок, начинающихся от обреза головки, но не от лопастей, а между ними, как бы продолжающих внутреннюю втулку.

Два таких наконечника происходят из Актамского могильника (табл. 30/19). У одного практически сохранилась лишь головка, у второго же вместо наружной части втулки — три тонких выступа-лапки, напоминающие памирские наконечники, особенно из Тегермансу. Дело в том, что «шпицы» не круглые в сечении, а плоские, их концы завернуты внутрь — эти кончики вгонялись в древко. Так что и функционально и по форме — это вариант памирских.

<sup>40</sup> На Афрасиабе найден трехлопастный наконечник со скрытой втулкой, но контур головки не листовидный, а ромбовидный [565, стр. 66, рис. 5/2].

У наконечника с выступами<sup>41</sup> грани прямые (с самым незначительным изгибом), нижние края слегка опущены. Общая длина наконечника с шипами — 25 мм, длина головки — 16 мм, диаметр втулки — 5 мм, ширина шипов — 1 мм, ширина головки — 10 мм. Исследователь могильника Н. Г. Горбунова [119, стр. 86, рис. 29/10; 137, стр. 100, рис. 3/44, 46] датирует его V—IV вв. до н. э. (хотя VI в. до н. э. тоже не исключен).

Как указывает К. Ф. Смирнов, в Скифии и у савроматов эти наконечники распространяются в VI в. до н. э. У савроматов их количество постепенно увеличивается, достигая максимума в IV — начале III вв. до н. э. То же самое происходит в Приуралье [360, стр. 79; 478, стр. 48—49]<sup>42</sup>. Судя по изменению форм наконечников этого типа, по савроматской шкале памирские и актамские наконечники скорее всего должны быть отнесены к VI—IV вв. до н. э.<sup>43</sup>, причем, по комплексу, наконечник из Тегермансу I — к VI в. до н. э., из Айдынкуля I — к V или V—IV вв. до н. э.

Особенностью памирских наконечников этого и некоторых других типов является разрезная (лопастная) втулка. Выступы-лапки актамских наконечников типологически примыкают к разрезной втулке памирских. Этот прием не находит аналогии в других местностях и является, по-видимому, спецификой памиро-ферганских наконечников. Можно предположить, что определенную роль в их возникновении сыграло подражание длинношипным наконечникам<sup>44</sup>.

**Тип 4.** Наконечники со сводчатой головкой, внутренней втулкой и опущенными ниже втулки шипами (тип 12 трехлопастных наконечников, по К. Ф. Смирнову). Имеется один экземпляр, происходящий из курума 5 могильника Бобои-Дархан (Шуробак). Размеры: длина — 10 мм, размах лопастей — 11 мм (табл. 30/16)<sup>45</sup>. Датировка этого наконечни-

<sup>41</sup> Ферганский музей, 2889, А=80/178. Аналогичный ак-

тамскому наконечник с выступами-лапками был найден и на Алае, в могильнике Шарт, датированном А. Н. Бернштамом VI—V вв. до н. э. [137, стр. 104—105; 175, стр. 165, 167].

<sup>42</sup> Много таких наконечников и в Азербайджане [196, стр. 83, табл. 1/3].

<sup>43</sup> Это подтверждает и персепольская серия [999, табл. 76/11].

<sup>44</sup> См., например, длинношипные наконечники из Бешатыра, у которых длина жала достигает трети длины наконечника (Фонды Института истории АН КазССР), и особенно из Суйюани [715, рис. 40/5, табл. VII/11].

<sup>45</sup> На основании нечеткого рисунка в одной нашей публикации [275, рис. 5 на стр. 44] К. Ф. Смирнов отнес этот наконечник к типу 10.

ка — IV—III, может быть, даже II в. до н. э. [360, стр. 79, рис. 28; 478, стр. 51; 966, табл. XXII/IE]. В Средней Азии представлены и более ранние варианты этого типа — в Яз-Ш и на Кюзели-Гыр [333, рис. 12]. Большой набор таких наконечников дал древний Мерв [532, стр. 65, рис. XXXIIIa/IIIa]. Имеются они и в Бабиш-мулла, в комплексе V—IV вв. до н. э. [521, стр. 66, рис. 31/2]; в Голлодской степи [35, стр. 52, рис. 1/5]<sup>46</sup> и т. д.

## В. Трехгранные

**Тип 1.** «Массивная трехгранная головка, четко отделенная от втулки, переходит в массивные лопасти или ребра» — это тип 5 трехгранных наконечников классификации К. Ф. Смирнова.

В Андемин I, к. I найден такой наконечник (табл. 34/11). Очертания головки — башневидные. Лопасти внизу срезаны под острым углом к втулке. Втулка в нижней части имеет вид трех лопастей. На втулке литейные швы. Размеры: длина — 50 мм, в том числе головки — 22 мм, ширина головки — 11 мм. У этого наконечника трехгранная часть отделена от лопастью вилкообразным вырезом («вариант Г», по К. Ф. Смирнову). Стрелы этого варианта почти не встречаются в Скифии, но широко представлены в савроматских комплексах VII—IV вв. до н. э. [478, стр. 53; также 966, табл. XVII/VB, D; XVIII/IL]. Наконечники с Памира типологически ближе к савроматским VI—V вв. до н. э. С учетом других находок из этого кургана представляется вероятной дата V в. до н. э.

Из Кайраккумов происходит один наконечник (фрагментирован) варианта «В», по К. Ф. Смирнову. Этот вариант был распространен в Скифии и Поволжье в VI—V вв. до н. э. [478, стр. 53]. Один такой наконечник, но более вытянутых пропорций, согласно Э. Шмидту, относится к тем типам наконечников, которые в Персеполе встречаются редко и имеют «иноземное» происхождение [999, стр. 99, табл. 76/14]. По-видимому, кайраккумский наконечник должен быть отнесен к VI—V вв. до н. э.

Наконечники других вариантов (по К. Ф. Смирнову) — «А» (с узкими ложками, отделяющими лопасти от втулки) и «Б» (с дуговидным вырезом у основания головки) — есть в Хорезме и в Семиречье [29, табл. на стр. 117; 514, табл. 73].

<sup>46</sup> Датировка, приведенная в этой работе, неверная.

**Тип 2.** «Сводчатые наконечники стрел с внутренней втулкой и дуговидным вырезом базы или опущенными вниз шипами» (тип 14 трехгранных втульчатых наконечников, по К. Ф. Смирнову). Два таких наконечника (длиной 32 мм) встречены в шурфе на Кувинском городище. Для них характерны глубокие вырезы<sup>47</sup>. На основании аналогий с наконечниками из Персеполя и из савроматских курганов у с. Сара и Мечетсайского кургана № 2 кувинские экземпляры датируются, скорее всего, VI—V вв. до н. э.<sup>48</sup>

## Г. Четырехгранные

Наконечники со сводчатым острием, внутренней втулкой и длинными шипами (тип 3 четырехгранных наконечников, по К. Ф. Смирнову).

Один такой наконечник происходит из поселения 40 в Кайраккумах. На одной грани — широкий вертикальный вырез, на трех других — прямоугольные вертикальные ложки. Другой такой наконечник, с вырезом, но без ложек, происходит из могильника в Ниязбеке (табл. 30/21—22).

Находки таких наконечников известны в Фергане, в могильнике Бешшатыр (V в. до н. э.) [29, табл. на стр. 117—V в. до н. э., № 20—23]. Точной аналогией ферганским являются бронзовые наконечники из Мечетсайского кургана I (рубеж VI—V вв. до н. э.) [478, стр. 59, рис. 23/A-34] и костяные из могильника Истису того же времени [50, стр. 40, рис. 21/1]. По-видимому, этим временем следует датировать и кайраккумский наконечник.

## Группа II

### Черешковые наконечники стрел

#### А. Двухлопастные

Наконечники с крышевидной (башневидной) сводчатой или треугольной головкой и длинным, оформленным в виде утолщающегося стержня черешком. Низ лопастей то перпендикулярный, то под косым углом, и тогда концы опущены, образуя шип, или же срезаны под тупым углом. Набор таких наконечников (с головками первых двух форм) представлен в Памирская I, к. 10 (табл. 32). Длина этих наконечников — 43—62 мм, при длине головки —

<sup>47</sup> Раскопки В. А. Булатовой, фонды Института истории и археологии АН УзССР.

<sup>48</sup> Наконечник близкого типа из Гяур-калы [1000, табл. 51/7], очевидно, относится к тому же времени.



20—25 мм [85, стр. 310, рис. 135/1—5]. Комплекс, откуда происходят эти наконечники, можно датировать VI в. до н. э. Что касается их происхождения, здесь можно повторить сказанное про тип 5 двухлопастных (типы 7—8, по К. Ф. Смирнову). Характерно, что очертания головки точно повторяют происходящие из этого же памирского комплекса двухперые втульчатые.

Совершенно аналогичные наконечники были собраны в 1939 г. С. А. Ершовым на такыре в районе Беркут-калы. Один из них имел сводчатую головку и срезанные под острым углом лопасти, образующие короткие шипы. Длина его — 42 мм, в том числе головки — 22 мм, ширина ее — 14 мм<sup>49</sup>.

Однотипный наконечник был найден и на древнем поселении у курорта «Аул» в Семипалатинской области. К. А. Акишев включает этот наконечник в группу XIII—X вв. до н. э. [29, табл. на стр. 117—XIII—X вв. до н. э., № 8]. Однако такая датировка не может считаться бесспорной. Наконечник найден на поверхности, в сборе есть предметы от неолитических до раннекочевнических [71, стр. 128—129, табл. 1/12]. Представляется, что датировка семипалатинского наконечника должна быть снижена. Похожие, хотя и не идентичные, типы наконечников есть и в Монголии, но и там они не имеют твердой датировки [114, стр. 22, рис. 4/1—2].

Особый вариант такого наконечника, с треугольной головкой, представлен среди находок на БФК [371, стр. 17, табл. VI/8]. Датировка может быть лишь предположительной — VIII—VI вв. до н. э.

Наряду с этими формами в Средней Азии встречаются и наконечники с лавролистным очертанием пера [35, стр. 54, рис. 1/6].

## Б. Трехгранные и трехлопастные

Тип 1. Массивная трехгранная головка в нижней части переходит в лопасти, срезанные большей частью перпендикулярно основанию. Черешок в виде утолщающегося вверх насада-лопаточки. Серия таких наконечников происходит из Памирская I, к. 10—табл. 32. Известны они и в Акбеите [56, стр. 56, рис. 3/2; 85, стр. 310, рис. 135/6—10].

Два совершенно аналогичных наконечника найдены в Кунгайском могильнике, который Н. Г. Горбунова датирует V—IV вв. до н. э. [136, стр. 191, рис. 8/8—9; 137, стр. 100,

рис. 3/43], хотя, на наш взгляд, предпочтительнее датировка VI—V вв. до н. э. Один из них имеет головку, промежуточную между трехгранной и трехлопастной, со слабо округлыми гранями и с опущенными концами. Черешок сверху в сечении круглый, к концу — плоский. В верхней половине на нем вертикальные желобки. Общая длина — 52 мм, в том числе головки — 20 мм, максимальная ее ширина — 9 мм. Черешок сверху — 5 мм, внизу — 6 мм<sup>50</sup>. В Средней Азии такие наконечники известны еще в Хорезме [117, стр. 78, рис. 7, в центре]. Встречены они и в Самарканде, на раскопках на Афрасиабе [565, стр. 67, рис. 5/7].

На юге Средней Азии, на Кучук-тепе (Сурхандарья), наряду с типичными трехгранными со сводчатой головкой Л. И. Альбаум встретил также и трехлопастные с треугольным и треугольно-округлым контуром головки. Черешок в поперечном сечении сверху круглый, внизу — клиновидный [33, стр. 74, рис. 3].

Исходной формой для развития таких наконечников можно считать трехлопастные черешковые стрелы типа найденных в могильнике Бегазы (VIII—VII вв. до н. э.) [29, табл. на стр. 117—IX—VIII вв. до н. э., № 7—9; 150, рис. 16; 257].

Как указывает М. П. Грязнов, этот тип наконечников неизвестен в Восточной Европе, а в памятниках скифского времени Южной Сибири представлен «крайне ограниченным» числом экземпляров [150, стр. 157]. Такие наконечники встречаются в раннетагарских памятниках VII—VI вв. до н. э. [214, табл. XXVI/10; 561], а также в Монголии [114, стр. 22, рис. 4/4—5; 115, стр. 60—61, рис. 19/47].

Широкое распространение трехгранные черешковые наконечники получают в казахстанских комплексах VII—V вв. до н. э., причем форма головки некоторых экземпляров совершенно аналогична памирским [28, табл. I; 29, табл. на стр. 117; 201, табл. I; 324, стр. 376 и след., рис. 58—59].

Для Южного Приуралья К. Ф. Смирнов относит их к концу VI — началу V вв. до н. э. [478, рис. 22/A—17].

Тип 2. Наконечник с головкой листовидных очертаний, незаметно переходящей в черешок в виде насада-лопаточки. Имеется один такой наконечник плохой сохранности с поселения 43 Кайраккумов. На гранях — следы вертикальных ложков (?). Размеры: длина — 33 мм, в том числе черешка — 14 мм, сече-

<sup>49</sup> Наконечники были любезно продемонстрированы С. А. Ершовым.

<sup>50</sup> Ферганский музей, 3031  
А=97/62

ние — 9 мм. Точные аналогии автору неизвестны. Если исходить из закономерностей в развитии трехгранных втульчатых, этот наконечник скорее всего можно датировать VI—V вв. до н. э. (не исключены и другие датировки).

Особый вариант представлен листовидным наконечником из Аблыка (табл. 30/23), являющимся переходным от двухлопастных к трехгранным [339, стр. 12, рис. 2в, слева].

#### БРОНЗОВО-ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Один трехгранный наконечник с шестигранной втулкой и с листовидными очертаниями боевой части и концами граней, срезанными на шип, найден на поселении 35 в Кайраккумах. Длина его — 24 мм, сечение втулки — 8 мм. Этот наконечник (отдел III, тип 2, вариант 4, по классификации А. И. Мелюковой) повторяет форму наконечников, найденных на Вельском городище и датированных П. Рау «раннеархаическим периодом» (VII—VI вв. до н. э.) [347, стр. 19; 966, стр. 15, табл. П/3Е, F]. Втулка кайраккумского наконечника заполнена коррозированным железом, которое выступает за ее обрез и покрывает поверхность. Они встречаются и в комплексах V—IV вв. до н. э. [347, стр. 22]. Кажется бесспорным, что у кайраккумского наконечника было железное «древко» (или черешок), так же как у наконечников идентичной формы в Монголии. Издавший их С. В. Киселев привел две аналогии: подражающую им бронзово-железную стрелу из Минусинской котловины и костяную, найденную в Китае [213, стр. 365, рис. 3/г, д; также 1044, стр. 82, табл. VII/32]. Можно также отметить, что трехгранные бронзовые наконечники именно этого типа, насаженные на железный стержень — «древко», были широко распространены и в Восточном Туркестане [1029, II, стр. 767 (там же — перечень), 776, 785 и след.; 1029, IV, табл. LIII; также 1025, табл. LXXIV/IV].

Судя по материалам А. Стейна, на железные стержни насаживались бронзовые наконечники и других типов. Полной аналогией кайраккумской находке является описанный А. Стейном бронзовый наконечник с сохранившимися следами железа внутри втулки [1029, II, стр. 790; 1029, IV, табл. LIII/T.XXII]. Такие наконечники найдены и в собственно Китае и в Индокитае и принадлежат там, по видимому, к периоду Чжаньго, или Борющихся царств (453—221 гг. до н. э.) [822,

стр. XXXII, рис. 9а, с]. У китайских коллекционеров они носят название «стрел У Линвана», по имени князя, правившего в 325—298 гг. до н. э. и введшего конных лучников в китайское войско [932а, стр. 2]<sup>51</sup>. Не исключено, что идея железного «древка», вставлявшегося в наконечник, зародилась под воздействием китайских стрел, у которых это «древко» (бронзовый стержень) составляет одно целое с наконечником [882, стр. 133, табл. XLVI/c—k]. Представляется вероятным, что в Средней Азии и Восточном Туркестане эти стрелы бытовали с VI в. до н. э. до рубежа нашей эры [1029, I, стр. 358—359; 1031а, стр. 274, 290—291].

Наконечник из Кайраккумов, если исходить из комплекса находок, относится к ранним типам этой серии (VI—IV вв. до н. э.) [274, 290—291; см. также 114, стр. 23—24; 115, стр. 61—62, рис. 19/29].

Наш обзор бронзовых наконечников из разных памятников Памира и Ферганы показывает их большую типологическую близость к скифо-савроматским наконечникам. Как справедливо отметила А. И. Мелюкова, по форме и пропорциям среднеазиатские наконечники ближе к савроматским, чем к скифским [347, стр. 31], хотя полного параллелизма не было.

Вместе с тем обращает внимание и следующее. Ранний памиро-ферганский комплекс очень близок приаральскому, в частности уйгарскому VII—VI вв. до н. э., где встречаются как черешковые, так и втульчатые наконечники стрел, причем первые явно преобладают. Состав типов наконечников памиро-ферганской области сближает их с центральноказахстанскими. Характерно также наличие наконечников с черешком в виде насада-лопаточки. Вообще черешки в виде насада-лопаточки характерны для типов наконечников стрел Сибири, Казахстана, Монголии и Суйюани<sup>52</sup>. Имеются и совершенно самобытные черты, например лопастная втулка. Сред-

<sup>51</sup> Есть указания, что в Китае эти стрелы появляются уже в период Чуньцю (772—481 гг. до н. э.) [ср. 674, стр. 244]. Речь может идти лишь о конце этого периода. С этим согласуется и дата бытования подобных наконечников у савроматов [478, стр. 64].

<sup>52</sup> См., например, Музей антропологии и этнографии АН СССР, инв. № 2406—2443 (Семипалатинская область); 906, табл. 26/34, 38, 39, 41; 418, стр. 109, табл. XIX/V; 715, 7—8, табл. VII/1—5; 213, стр. 365, рис. 3/в; 150, стр. 157 и рис. 16/4; 557, стр. 83, 165 (ошибочно мнение об отсутствии таких наконечников стрел в Средней Азии); 115, стр. 59 (в Монголии черешковые составляют 19—20%).

неазиатские, в частности **памиро-ферганские**, наконечники стрел проникали на территорию Восточного Туркестана<sup>53</sup> и Северной Индии и, более того, оказывали влияние на сложение в этих странах своеобразных типов наконечников. Остановимся на этом подробнее.

Среди стрел **из Таксилы** есть группа железных наконечников, у которых, как пишет Д. Маршалл, между головкой и черешком имеется довольно длинная промежуточная часть, так что весь наконечник получается трсчастным. По мнению Д. Маршалла, объяснение **этой** необычной формы следует искать в «компромиссе» между втульчатыми и черешковыми наконечниками. «Кем бы ни был творец этой формы,— пишет Д. Маршалл,— он был, очевидно, знаком с втульчатыми наконечниками, предназначенными для деревянной стрелы, и когда, по тем или иным причинам, они были заменены полыми тростниковыми стрелами, старая форма втулки осталась, но к ней был добавлен черешок для вставления в тростниковую стрелу; сама втулка при этом перестала быть полрой». Он не считает невероятным, что эта форма стрел была введена в Таксиле бактрийскими греками. Доводом в пользу этого предположения, по мнению Д. Маршалла, служит то, что «самые ранние образцы этих наконечников происходят из самого верхнего слоя Бхир Маунда и, следовательно, одновременны с приходом бактрийских греков» [905, II, стр. 547]. Безусловно, такие наконечники очень удобны для вставления в тростниковую стрелу. Однако генезис этих наконечников связан не с механической «гибридизацией» втульчатого и черешкового наконечников, а с иными обстоятельствами.

Нам представляется, что Д. Маршалл не учел возможности влияния на сложение таксильских стрел тех упоминавшихся выше **центральноазиатских**, у которых бронзовый стержень — «древко» образует одно целое с наконечником. Само «древко» позже стало делаться железным и вставляться во втулку бронзовых наконечников. Такого рода наконечники, по наблюдениям А. Стейна, широко были распространены в Восточном Туркестане и на рубеже нашей эры. Проникали они и в Среднюю Азию — во всяком случае бронзовый наконечник, во втулку которого вставлялось железное «древко», найден, как указывалось выше, в Кайраккумах. Возможно, таксильские наконечники явились в какой-то степени подра-

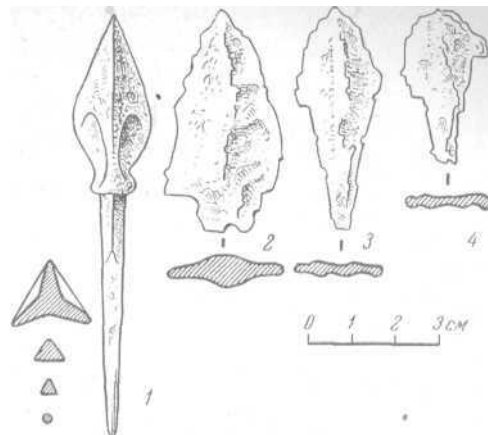


Табл. 35. Ранние железные наконечники стрел:  
1 — Курганский могильник; 2—4 — Памирская I (по А. Н. Бернштаму).

жанием железно-бронзовым стрелам указанного типа, образцы которых скорее всего попали в Северную Индию при передвижении саков. Дело в том еще, что некоторые из таксильских «трехъярусных» наконечников демонстрируют влияние деревянного прототипа, а наконечник № 85 из Бхир-Моунда [905, III, табл. 165/85] с абсолютной точностью воспроизводит его форму.

#### ДРЕВНЕЙШИЕ ФОРМЫ ЖЕЛЕЗНЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ

Вопросы появления, типологии и хронологии древнейших наконечников стрел у савроматов, в Сибири, Средней Азии и др. разобраны К. Ф. Смирновым, у скифов — А. И. Мелюковой [347, стр. 19, 25, 29; 478, стр. 61—66]. В Памирская I, к. 10, раскопанном А. Н. Бернштамом, среди стрел из колчана, который датируется VI в. до н. э., оказалась «одна железная кованая стрела с коротким обломаным черешком, почти плоская в сечении, слегка утолщенная к центру. Общий размер — 50 × 25 мм» [85, стр. 310, рис. 135/15]<sup>54</sup>.

В одном из курганов Кургакского могильника (Алай) А. Н. Бернштам нашел другой железный наконечник (табл. 35/1) с массивной сводчатой головкой, с выемками в нижней половине граней, превращающих ее в трехлопастную, с длинным черешком. Общая длина наконечника — 96 мм. Курган можно датиро-

<sup>53</sup> Они воспроизведены в уже цитировавшихся работах Л. Стейна, Л. Лекока [872, рис. 145] и других путешественников. См. также 989, стр. 50—51.

<sup>54</sup> Здесь же, на рис. 135/17, 18 изображены еще два наконечника стрел, по они не отмечены в тексте (табл. 124/2—4)

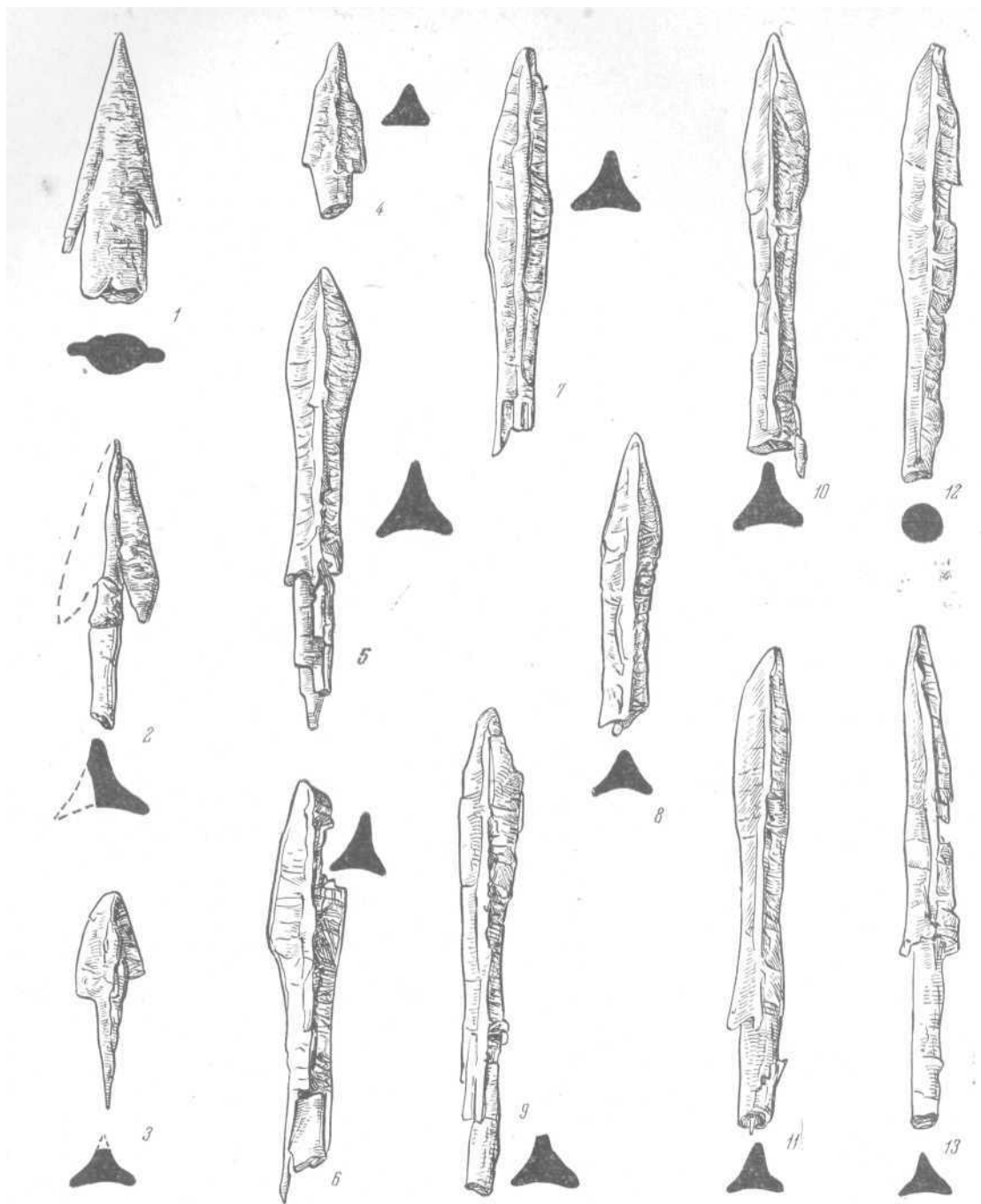


Табл. 36. Железные наконечники стрел из восточнопамирских могильников:  
1—4 — Аличур II, к. 3; 5—13 — Шаймак, к. 2.

вать V—III вв. до н. э. [85, стр. 196, рис. 76/2г]. Типологически к группе ранних наконечников следует отнести наконечники из Шаймак, к. 2 [283, стр. 39—40]. Наконечники (всего десять экземпляров) типа переходного от трехгранных к трехлопастным. Довольно вытянутая

сводчатая головка утончается в нижней части, причем ребра продолжают ниже в виде шипов, образуя втулку. Вместе с тем имеется острый и тонкий черешок, более длинный, чем «втулка» (табл. 36/5—13; 37). Общая длина — 60—70 мм, в том числе длина головки — 30—

36 мм. Подыскать точные аналогии нам не удалось. Как любезно указал нам К. Ф. Смирнов, их нет и в известном ему материале. Некоторое сходство они обнаруживают с отдельными черешковыми наконечниками Поволжья и Приуралья конца VII—IV вв. до н. э. [478, рис. 40/8, 24]. С другой стороны, на сложение этого типа, быть может, оказали влияние довольно редкие среднеазиатские трехлопастные бронзовые наконечники с вертикальными шипами, отходящими от концов граней. С учетом всего этого IV—III вв. до н. э. кажутся возможной датой для этих наконечников.

В смазке пола одного из помещений халчаянского комплекса — железный втульчатый наконечник стрелы с головкой лавролистного очертания. Г. А. Пугаченкова включает его в группу наконечников II—I вв. до н. э. Оснований для этого нет. Вполне возможно, что этот наконечник, как следует из типологического определения его бронзового прототипа [411, стр. 52, рис. 29, второй слева], значительно более раннего времени — по крайней мере III—II вв. до н. э.

В Аличур II, к. 3 найдено четыре плоских наконечника. Два из них — двухперые черешковые наконечники. Форма одного — подтреугольная, другого — резко приостренная в верхней части. Шипы посажены на разной высоте (табл. 36/1). Длина одного наконечника — 52 мм, ширина — около 15 мм. Комплекс, в котором найдены эти наконечники, датируется скорее всего IV—III вв. до н. э. Типологически их следует отнести к группе ранних железных наконечников.

В могильнике Кателаи I (долина Свата, Пакистан) в погребениях VIII—VI вв. имеются железные «площики», с плоским черешком и опущенными крыльями — двухлопастные, треугольной, листовидной и эллипсовидно-приостренной, а также ножевидной формы. Иногда они припухлые в центре. Судя по фото (размеры не приводятся) и описаниям, часть из них — наконечники копья, часть — дротики или, быть может, крупные наконечники стрелы [1020, стр. 58, рис. 27—28; также 586, стр. 23] <sup>55</sup>.

Известно, что такие наконечники стрел — площадки, встречаются на Кавказе в архаических комплексах, что дает возможность, по мнению Е. И. Крупнова, относить их появление «к первому этапу развития местных культур Кавказа — таких, как кобанская, и культур Закавказья раннеурартского времени»

[244, стр. 200] <sup>56</sup>. Б. А. Куфтин датировал погребальный комплекс из сел. Нули, где было найдено три костяных, шесть плоских бронзовых и одна фрагментированная железная (как будто типа одной нашей) стрелы, VII в. до н. э. [255, стр. 48—49, табл. XXV]. Подобные наконечники встречаются и на Северном Кавказе [перечень — 244, стр. 200]. Однако они входят и в более поздние комплексы — например погребения 20 Нестеровского могильника, где наряду с костяными и бронзовыми стрелами VI — начала V в. до н. э. был один бронзовый и один железный площик [240, стр. 27, рис. 22; 244, рис. 48/1—8]. Железный площик с отломанным черешком из Нестеровского могильника очень близок по очертаниям пера нашим — и здесь и там боевая часть значительно приострена, но памирские наконечники более вытянуты. Следует также отметить, что наконечники из Нули и Нестеровского могильника по характеру черешка <sup>57</sup> ближе одному из аличурских.

Кавказские бронзовые плоские наконечники имеют очень длительную историю и, по-видимому, восходят к каменным прототипам [254, стр. 67, рис. 85 на стр. 75; 384, стр. 82]. По Е. И. Крупнову, на Кавказе бронзовые площадки существовали вплоть до VI в. до н. э.

<sup>56</sup> О своеобразных «площиках» из Анатолии и Месопотамии см. 1037, стр. 171, табл. XXXIII/6.

<sup>57</sup> Е. И. Крупнов называет нестеровский наконечник втульчатым, но, судя по рисунку [244, рис. 22/8], — это реконструкция.

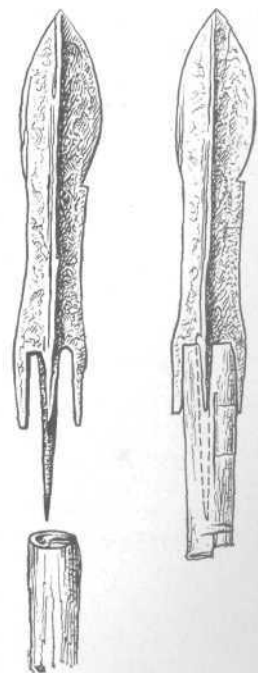


Табл. 37. Железный наконечник из могильника Шаймак (реконструкция).

<sup>55</sup> Железный «площик» с опущенными жальцами найден и в Читрале в погребении, которое Стагул склонен датировать IV в. до н. э. [1024, стр. 93, 98, рис. 18].

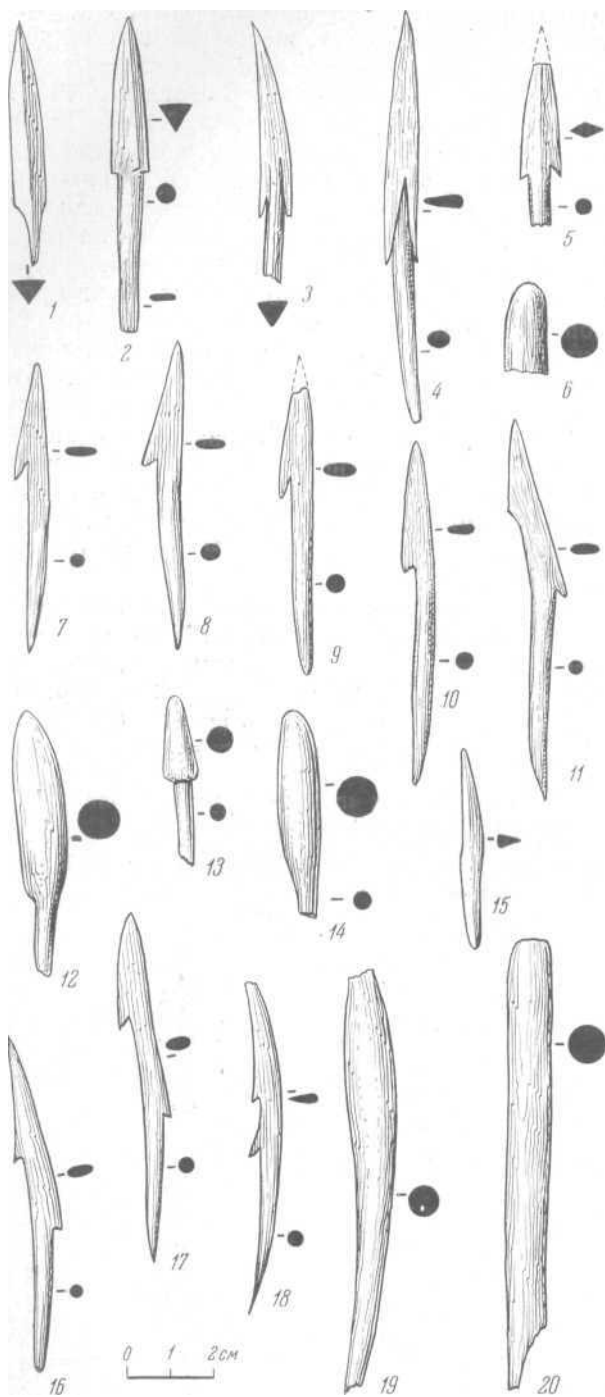


Табл. 38. Деревянные наконечники стрел и гарпуны из памирских могильников (по А. Н. Бернштаму).

[244, стр. 200, 284]. Железные же площадки, появившиеся в VII в. до н. э., могли существовать и после исчезновения бронзовых, т. е. после VI в. до н. э. При этом два описанных выше железных площадки с Памира близки по своей форме к специфически кавказским формам бронзовых наконечников с опущенными крыльями. Возникает вопрос, не появились ли эти наконечники в результате кавказско-среднеазиатских связей? Следует отметить, что много позже, в I—III вв. н. э., мелкие ланцетовидные площадки вновь изредка появляются в среднеазиатских комплексах, не играя, впрочем, большой роли, — попадаются они крайне редко.

#### ДЕРЕВЯННЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Описание и классификацию деревянных наконечников стрел из Памирской I, к. 10 дал А. Н. Бернштам. Приведем его описание [85, стр. 301]: «1) Конический черешковый наконечник стрелы с притупленным верхом, выточенный из другой породы, чем само древко; 2) бочонковидные „томары“, круглые в сечении; 3) трехгранные в сечении черешковые наконечники; 4) ромбовидные в сечении черешковые наконечники. Общая длина наконечников в среднем до 80 мм, боевой части — от 40 до 65 мм» (табл. 38).

При последующих раскопках образцы деревянных наконечников были найдены в могильниках Андемин I, Тегермансу I, Харгуш II, Шаймак, Чиль-хона (табл. 39). Особенно эффектны трехгранные наконечники. Из Андемин I, к. 1 происходят два вытянутых наконечника со строго треугольной головкой и тремя шипами, в которые переходят ребра граней (табл. 39/8, 10). У третьего трехгранного наконечника из этого могильника (табл. 39/11) головка более укороченная. Размеры головки: 22 и 49 мм, ширина — 7 и 8 мм.

В Тегермансу I, к. 31 был найден миниатюрный наконечник со сводчатой головкой. Шипы в отличие от предшествующих наконечников не составляют одного целого со стрелой, несколько отходя в стороны (табл. 39/15).

Шаймак, к. 2 дал один наконечник, совершенно аналогичный по форме андеминским, но более крупный (длина — 51 мм). Иной вариант демонстрирует второй, также крупный (длина — 53 мм) наконечник из этого же кургана. Все три шипа посажены на разной высоте. Такие наконечники есть в могильнике Чиль-хона и Харгуш II.

Шипы, некоторое утолщение в верхней части, а на миниатюрных — и пропорции — все это создает впечатление имитации бронзовых наконечников<sup>58</sup>. По-видимому, эти стрелы испытали влияние трехгранных бронзовых прототипов (типы 3—4, по классификации К. Ф. Смирнова). Такие бронзовые наконечники в Скифии встречаются в погребениях конца VII — первой половины VI в. до н. э., у савроматов широко распространяются в конце VI—V вв. до н. э. [478, стр. 52], у ананьинцев имеются подобные по пропорциям, нередко значительно более крупные костяные наконечники. Рассматривая одну группу ананьинских костяных наконечников стрел с трехгранной головкой и шипами, А. В. Збруева высказывает мнение, что их форма является подражанием бронзовым наконечникам стрел, встречающимся в комплексах ананьинской культуры [181, стр. 54].

Следует отметить, что в Средней Азии, в частности на территории Памира и Ферганы, в VI—IV вв. до н. э. были распространены бронзовые трехгранные черешковые наконечники, а также двухлопастные втульчатые с шипами и др., формы которых могли быть перенесены в другой материал — дерево. Непосредственным прототипом для деревянных могли послужить и костяные наконечники — один такой костяной наконечник встречен в комплексе Памирская I.

В этих могильниках найдены и ромбовидные в сечении наконечники. Три ромбовидных наконечника из Шаймак, к. 2 имеют треугольно-сводчатую головку (длина — 4 мм, ширина — 9 мм, толщина — 6 мм), один — башневидную. Шипы расположены на одинаковой или, чаще, на разной высоте (табл. 39/1—3,5). Особое место занимает наконечник, у которого помимо обычных шипов на боковых гранях имеются шипы и на широких плоскостях.

Про ромбовидные в сечении наконечники можно повторить то же самое, что сказано про трехгранные. Прямые аналогии опять дает ананьинская культура [180, стр. 104; 181, табл. XIX/3, 4, 24, 25]. Эти наконечники в памирских комплексах можно датировать VI—IV вв. до н. э.

Наконец, следует упомянуть «двухъярусные» наконечники, которые являются переходной формой к гарпунам. В Тегермансу I, к. 31 встречен один такой наконечник. В поперечном сечении он округло-ромбический. Двусторонние шипы расположены в два яруса —

один над другим (табл. 39). По-видимому, такой же наконечник был в могильнике Андемин I (табл. 39/12).

Наши материалы лишь повторили находки А. Н. Бернштама по деревянным гарпунам (Памирская I, Акбеит), поэтому на них мы подробно не останавливаемся.

Как пишет Д. Н. Анучин, стрелы «с утолщением или шишкою на конце вырезаются обыкновенно из одного куска дерева и употребляются в тех случаях, когда имеется в виду только нанести сильный удар, а не произвести рану, например при охоте за птицами или небольшими зверьями, портить шкуру которых для охотника нежелательно. Такие тупые стрелы употребляются еще и теперь — вогулами, самоедами, тунгусами, бурятами, эскимосами и другими народами, а ранее были в употреблении у индусов, персиян, турок, народов Западной Европы и у русских. В России они назывались „томарами" или „болтами" и, кажется, употреблялись и на войне» [45, стр. 40].

В сказках тубаларов упоминаются «тупые стрелы с утолщением на конце; они назывались *tomog* и также имели целью сберечь шкуру ценного зверька от порчи» [403, стр. 62]. У шорцев деревянные стрелы с утолщением на конце «в виде набалдашника» употреблялись при охоте на бурундука и при стрельбе рыбы [403, стр. 65—66].

В могильниках Кудыргэ и катандинской группы были найдены стрелы со слегка утолщенным тупым концом. Высказано мнение, что они применялись в ритуальных целях [118, стр. 30]. Этнографы же полагают, что эти стрелы употреблялись для охоты на ценных пушных зверьков, так как не портили шкурки [403, стр. 62]. Для памирских стрел с деревянными наконечниками мне представляется не исключенным их применение при «охоте» на рыбу — до сих пор в Мунджане практикуется «охота» на рыбу с помощью лука и стрелы [1018, стр. 142]<sup>59</sup>.

## ДРЕВКИ СТРЕЛ

Страбон (X, 7, 4) приводит данные более ранних источников о том, что «скифы», живущие у Танаиса — Яксарта, «употребляют еловые стрелы», и о том, что в «области за этой рекой растет ель».

Древки стрел памирских саков имели дли-

<sup>58</sup> Точно так же у скифов деревянные наконечники подражают бронзовым [347, стр. 16].

<sup>59</sup> По словам Н. Зеланда [182, стр. 24], во второй половине XIX в. киргизы на отмелях Иссык-Куля били рыбу кольями или палками.

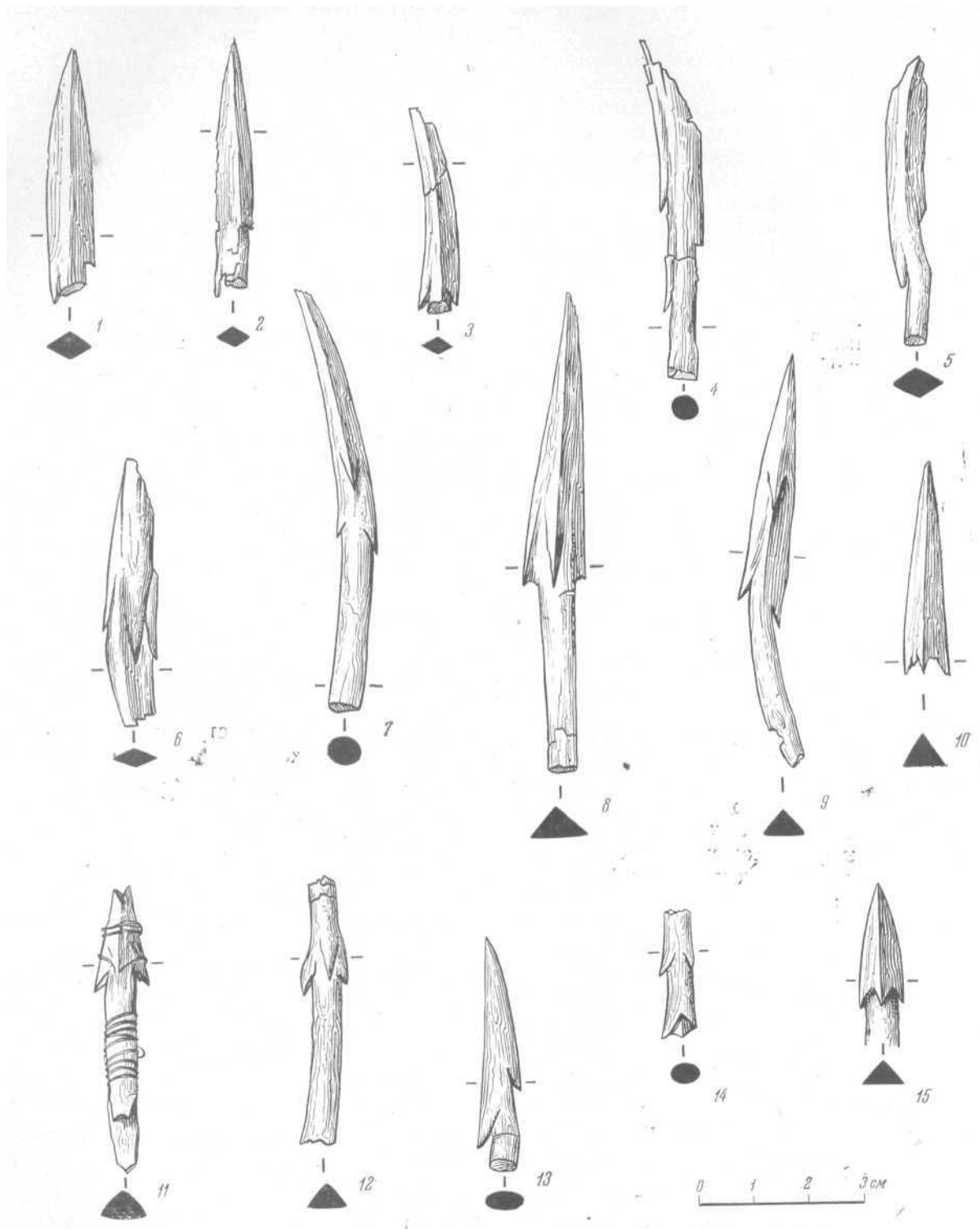


Табл. 39. Деревянные наконечники стрел и гарпуны из разных памирских могильников



ну до 800 мм при диаметре около 5 мм [85, стр. 305]. Стрелы из позднесакского могильника Чиль-хона снабжены на тыльной стороне вырезом, причем древко на протяжении 140 мм утолщается (от 5 до 7 мм), затем становится цилиндрическим. В порядке сопоставления можно указать, что скифские стрелы делались из березового дерева, ясеня и тростника, имели длину 600—800 мм, раскрашивались, были снабжены зарубкой на тыльном конце [141, стр. 68; 347, стр. 15—16]. Стрелы VII—VI вв. до н. э. из центрально-казахстанского могильника Карамурун I были длиной 600 мм [324, стр. 376].

Гораздо больше находок, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э. Целые древки стрел длиной около 800 мм найдены в Карабулакском могильнике. Они деревянные, камышовые или составные (передняя часть — деревянная, задняя — камышовая). Диаметр деревянных стрел — 7—8 мм. Передняя часть — более тонкая, чем основание, на котором был вырез для тетивы. Древки раскрашены полосами красной и черной краской [61, стр. 27; 62, стр. 62].

Длина деревянного древка стрелы с раздвоенным концом, с насаженным железным наконечником из кургана № 2 Кенкольского могильника — 810 мм, диаметр — до 5 мм. Следов оперения нет [74, стр. 6; 81, стр. 67]. Деревянные стрелы из Атбаши, к. 1 (Центральный Тянь-Шань) имели длину 900—920 мм [207, стр. 132]. В раскопанном М. Е. Массоном кургане в Той-тюбе имелись еловые палочки, по его предположению — древки древних стрел. Древние стрелы из кургана № 3 могильника Хас-Кяриз были, очевидно, окрашены (краска по определению В. Н. Кононова — киноварь) [328, стр. 115].

Целая коллекция древних стрел найдена в замке на горе Муг. Эти стрелы имели длину около 900 мм, диаметр 7—12 мм. Среди них имеются полностью камышовые и комбинированные камышово-деревянные (у них приостренный конец деревянной части вставляется в полую камышовую часть). Тыльная часть древка у прорези обмотана тонкими сухожилиями шириной от 1 до 8 мм; на некоторых — следы оперения. Стрелы снабжены вырезом для тетивы, часто орнаментированы цветными полосками, точками, ромбиками [73, стр. 360—361, 366—368]<sup>60</sup>.

В Восточном Туркестане, в погребении 5 А могильник 5 у Лоб-Нора было четыре стрелы

<sup>60</sup> В индийских источниках (Махабхарата 7, 98, 50—51) стрелы часто из бамбука или камыша, они называются vainava (1013, стр. 104—105).

длиной 700 мм с оперением, но без наконечников; по мнению Ф. Бергмана — это символические стрелы. Здесь же были найдены и другие символические деревянные стрелы. Их обычная длина — 570—780 мм, оперение у основания и в середине, наконечники отсутствуют. Древко украшено гравированным орнаментом (зигзаги, треугольники, горизонтальные линии), причем углубления заполнены красной краской.

Две другие стрелы, которые Бергман считает не символическими, а реальными, имели длину 635 и 655 мм и не были украшены [639, стр. 70, 80, 82].

Стрелы, как правило, снабжались оперением. Об этом помимо отмеченных выше находок свидетельствуют также, в частности, иконографические материалы. Так, на стреле, которую держит Аполлон на аверсе монет Аполлодора, четко выражено оперение на конце стрелы [1016, стр. 20, табл. IV/9—10; 1093, стр. 43—44, табл. IV/307].

Абсолютно четко виден конец отдельно изображенной стрелы (рядом с луком «скифского» типа) на реверсе одной монеты Спалириса и Азеса [1093, стр. 144, табл. XIV/396]. Задний конец древка раздвоен, рядом с ним, поближе к фронту, оперение. Гравированное изображение лучника из комплекса в Шами, которое Р. Гиршман считает возможным датировать II—I вв. до н. э. [745, стр. 109, рис. 125], интересно тем, что стрела имела оперение. Мы не будем приводить иконографические примеры для первой половины I тысячелетия н. э. — и в это время на стреле почти всегда было оперение.

### КРЮЧКИ ДЛЯ КОЛЧАНОВ

Колчаны прикреплялись к поясу с помощью крючков. В Кайраккумах был найден крупный бронзовый крючок. Вверху он имеет петлеобразный загиб в сторону, противоположную рабочему концу. В нижней половине начинается крутая угловая дуга. Приостренная малая ветвь дуги изогнута мало. Рабочий конец обломан. Сечение основной части подпрямоугольное, сечение малой ветви — трапецевидное (более тонкое с внутренней стороны). Размеры: длина крючка — 127 мм, длина петли — 22 мм, ширина дуги крючка — 50 мм, длина сохранившейся части малой ветви — 34 мм, поперечное сечение в средней части — 10 X 9 мм. Мы высказывали мнение [303, стр. 227—229], что это рыболовный крючок; оно было принято Е. Е. Кузьминой [253,

стр. 60—61]. Возможно, однако, что прав К. Ф. Смирнов, рассматривающий этот предмет как крючок для прикрепления колчана [478, стр. 35].

В памирских комплексах найдено несколько железных крючков. Так, из Тегермансу II, к. 10 происходит крупный крючок. Ствол его из толстого круглого в сечении стержня. Верхний конец расклепан в плоский, овальный по очертаниям листик, в котором пробито отверстие. Плоскость головки перпендикулярна плоскости крючка. Высота крючка — 102 мм, ширина — 48 мм, диаметр стержня — 12 мм. Верхняя половина такого же крючка происходит из Аличу II, к. 3. Однако этот крючок был значительно меньше и тоньше.

Иной тип крючка представлен фрагментом из Яшилькуль II, к. 2. Это, по-видимому, крючок восьмеркообразного типа.

Небольшой крючок третьего типа представлен находкой из могильника Истык, к. 1. Он сделан из круглого в сечении стержня, верхний конец которого расклепан и имеет вид раздвоенной вилки. «Вилка» перпендикулярна плоскости крючка. Размеры: высота — 49 мм, ширина — 38 мм, диаметр стержня — 10 мм.

Фрагменты крючков встречены и в других могильниках, например в Шаймак, к. 2, Термансу I, к. 2 и др.

Памирские крючки находят определенные, хотя и неполные, аналогии среди савроматских крючков [478, стр. 35—36, рис. 10].

### 3. НАКОНЕЧНИКИ КОПИИ

При раскопках на БФК был найден бронзовый втульчатый наконечник копья с очень длинной втулкой. Очертания пера узколистовидные, почти ланцетовидные. Длина наконечника — 170 мм, в том числе пера — 93 мм, диаметр втулки — 25 мм, максимальная ширина пера — 25 мм [172, стр. 51, рис. 4]<sup>61</sup>. Другой наконечник, происходящий из коллекции Кастаньского (точное место находки неизвестно)<sup>62</sup>, фрагментирован, втулка отломана. Длина пера — 153 мм (если учесть длину обломанной бойковой части, то 156—158 мм), максимальная ширина пера — 37 мм. В районе Ашхабада найден небольшой наконечник копья лавролистной формы со средневыступающей втулкой [251, стр. 148, рис. 3/24; 253, стр. 28—31].

Вопросы типологии и датировки втульчатых наконечников копий не раз подробно обсуждались в литературе; последние работы по этому вопросу принадлежат Е. Е. Кузьминой [252, стр. 134—137, рис. 3]. Поэтому ограничимся указанием на эту литературу. Как Ю. А. Заднепровский и Е. Е. Кузьмина, мы считаем, что ферганский (и самаркандский) наконечники копья относятся к концу II тысячелетия до н. э. На поселении эпохи бронзы Заргулдак (Фергана) найдено втульчатое

копье с прорезями на лопастях, относящееся к концу эпохи бронзы [250, стр. 108; 175, стр. 62]. Второй такой наконечник происходит с Дальверзинского поселения. Он узколистовидной, почти ланцетовидной формы с очень длинной втулкой и короткими и узкими прорезями вдоль нее [176, стр. 83, фото на стр. 82]. Третий такой наконечник копья найден в составе клада близ залива Иссык-Куля [250, стр. 108—110; 253, стр. 30—31]. Длина его — 90 мм, максимальная ширина пера — 34 мм, диаметр мало выступающей втулки — 20 мм. Вырез в виде овала, по центру которого — граненая перемычка, выше продолжающаяся в виде ребра. Издавшая этот наконечник Е. Е. Кузьмина привела исчерпывающие аналогии. Можно присоединиться к ее датировке — рубеж Ц и I тысячелетия до н. э. — и предположению, что в Среднюю Азию эта форма проникла из Приуралья. Можно добавить, что в подражание этой форме появились и прорезные наконечники дротиков и стрел. Среди беспаспортных бронз Ташкентского музея имеется двухлопастный черешковый (черешок в виде насада-лопаточки) наконечник с вертикальной овальной прорезью по центру головки, края прорези окружены высоким валиком. Края лопастей несколько опущены, образуя шипы<sup>63</sup>. Размеры: длина — 45 мм, в том числе черешка — 13 мм, ширина головки — 20 мм.

Следует упомянуть также, что была распространена еще одна форма — кованые черешковые наконечники копья, с лавролистным пе-

<sup>61</sup> Музей истории УзССР, шифр  $\frac{A \cdot V}{\frac{A \cdot V}{A \cdot V}}$ . На Дальверзинском поселении найден обломок втулки копыя [175, стр. 30, 60, 68, табл. XXII/2].

<sup>62</sup> Республиканский музей истории культуры и искусства УзССР (Самарканд), без шифра (экспозиция) [303, прим. 1 на стр. 223]

ром, коротким плоским черешком и вертикальным ребром-прожилкой по перу. Они представлены, например, в Сукулукском кладе [186, стр. 124, рис. 5—6].

Находка обломка литейной формы для отливки копья на Чустском поселении [491, рис. 12/8] показывает, что отливка бронзовых копий осуществлялась и в Фергане. Бронзовые наконечники послужили прототипами для некоторых типов бронзовых же наконечников стрел, а также железных наконечников копий.

Железные наконечники копий — редкость в среднеазиатских погребениях, что резко отличается их от скифских. Одно такое очень длинное, но узкое копье ланцетовидной формы было найдено в Тегермансу I, к. 31. Лезвие имеет выпуклое ребро. Втулка суживается кверху, по длине она имеет вертикальную щель.

Лавролистные наконечники копий с рельефным ребром по перу характерны для раннескифских погребений VII—VI вв. и не позднее начала V в. до н. э. [346, стр. 43; 347, стр. 36]. Известны они и в некоторых ранних ананьинских комплексах. Однако они имеют более широкое перо, отличающееся от памирского экземпляра. По форме его правомернее сопоставлять со вторым типом ананьинских наконечников копий — с узким пером [181, стр. 98, табл. XX/9] и с первым типом второго отдела скифских копий (по классификации А. И. Мелюковой), который датируется V—III вв. до н. э. (основная часть — IV—III вв. до н. э.) [347, стр. 40].

Тип наконечника копья с узким ланцетовидным пером был широко распространен у меотов с конца V до III в. до н. э. Однако он был плоский, лишенный ребра. В погребениях Пашковского могильника [IV—III вв. до н. э.] встречаются очень длинные наконечники такого типа длиной от 320 до 460 мм [477, стр. 356; 478, стр. 72], железный втульчатый наконечник копья ланцетовидной формы с четким продольным ребром происходит из Зивийе (VII в. до н. э.) [746, стр. 119, рис. 166]. Очень четко проработаны наконечники копий на фризе в Сузах (V в. до н. э.) [746, рис. 190] — узко-лавролистные, с короткой выступающей втулкой, проходящей вдоль всего пера — до бойка. Один из наконечников — почти ромбических очертаний. На персепольских рельефах, где также очень четко изображены наконечники на копьях [746, рис. 236—237], они ланцетовидной или треугольной (с округлыми основаниями) формы со втулкой средней величины. В поперечном сечении эти наконечники должны быть ромбическими с четким про-

дольным ребром. Сами копья и в Сузах и в Персеполе по длине превышают человеческую фигуру, древки снабжены подтоками. Наконечник же, найденный в Персеполе [999, II, табл. 76/1], — сравнительно широкий.

Иной была картина развития копий на Южном Кавказе и в Северном Иране. Здесь ланцетовидные с центральным ребром наконечники появляются значительно раньше, чем в Скифии, — они воспроизводят соответствующие бронзовые прототипы [696, стр. 88, рис. 5; 934, стр. 20, 44, 56, рис. 46, 120; 919, стр. 72; 988, стр. 194, рис. 32/в].

Вместе с тем наконечник копья, изображенный на серебряном сосуде из Хасанжу (IX в. до н. э.), имеет очень широкое листовидное перо и центральное ребро [710, стр. 6, рис. 3].

В дальнейшем в Иране развиваются и узкие и широкие железные наконечники копий, хотя узкие, видимо, преобладают. Механическое перенесение датировок, следовательно, невозможно. Все это (учитывая комплекс находок) позволяет предположить, что памирский наконечник копья, который имеет узкую ланцетовидную форму и вместе с тем — центральное ребро, должен скорее всего датироваться V—VI вв. до н. э.

Фрагменты наконечников копий найдены также в Тегермансу I, к. 8 и Тегермансу II к. 10.

Преимущество узкого ланцетовидного копья, отмечает К. Ф. Смирнов, состоит в том, что оно «было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым панцирем» [478, стр. 73].

Из Тегермансу I, к. 8 и Тегермансу II к. 10 происходят подтоки — простые, цилиндрические. Диаметр одного из них — 30 мм. Подтоки надевались на нижний конец древка копья. Из Андемин I, к. 3 происходит плоский наконечник дротика пирамидального очертания, в поперечном сечении подпрямоугольный, с подтреугольным черешком. Длина его — 91 мм, в том числе боевой части — 51 мм.

Слово для обозначения копья, *arsti*, было, видимо, общим во всех древнеиранских языках. Оно засвидетельствовано и в древнеперсидском, и в авестийском, и в скифском [2, стр. 155; 655, стр. 106; 845, стр. 172].

Копье несколько раз упоминается в Авесте. Оно фигурирует на первом месте в перечне вооружения в Видевдат XIV, 9. Копье часто снабжается эпитетом «длинное» (Яшт X, 102; Яшт XVIII, 12) [817, стр. 109]. В Яшт X, 130 названы «копья с острыми лезвиями», а в Яшт X, 39 — «копье с острием, длинное» [801, I, стр. 783]. В Яшт XVII, 12 копье характери-

зуется: *tiži. arštīm darəya. āraštaēm* — «с острым наконечником и длинным древком» [601, стр. 7]. Края боевой части наконечника копья (как и наконечника стрелы) подвергались заточке. В Мухр-Яшт, 24 говорится о хорошо заточенных краях головки копья, причем головка копья, его лезвие носит, как показал В. Хеннинг, название *sanmanoyo* [ср. 630, стлб. 1705]. Показательно также, что термин, применяемый в Авесте для двулезвийного предмета, — *biṭaēya*, в своем дальнейшем развитии, в среднеперсидском, приобрел значение «острое лезвие копья»; соответствующий термин в армянском обозначает «наконечник копья» [782, стр. 41—43]. В древнеперсидском для обозначения «копейщик» употреблялись термины *arstika*, *arstibara* [845, стр. 172]. В индийской армии, по Панини, имелись воины *śaktika* — «сражающиеся копьем» [576, стр. 420]<sup>64</sup>.

В античных источниках копья как предмет вооружения среднеазиатских народов упоминаются неоднократно. Чаще всего фигурирует «короткое копье» — им были вооружены бактрийцы, парфяне, хорезмийцы, согдийцы, арии, гандхары, дадики (Геродот VII, 64, 65). Оружие массагетов называется просто «копьем», оно было снабжено наконечником из меди (Геродот I, 215). Лишь про дербиков Квинт Курций, опираясь на Ктесия, сообщает, что их «копья» «обиты спереди» медью или железом (Квинт Курций III, 2, 7)<sup>65</sup>.

Возможно, что копье у степных среднеазиатских народов было длинным<sup>66</sup>, как копье европейских скифов [92, стр. 18] или савроматов [478, стр. 71] (около 2 ж).

Сошлемся на некоторые иконографические материалы. В руках двух всадников на умбоне из Амударьинского клада — короткое (судя по масштабу фигуры — около 1 м) копье [496, рис. 4; 687, табл. X]. На одной из золотых пластинок из Амударьинского клада изображен стоящий персонаж, который держит дву-

мя руками вертикально поставленное копье [746, рис. 121a] — размер его точно равен человеческому росту. Наконечник листовидный, судя по изображению — черешковый, у основания древка — сложный подток. На реверсе одного типа монет Евкратиды — скачущие вправо Диоскуры с длинными горизонтально поставленными копьями [683, табл. IX—XXI, № 101—244; 735, табл. V/6—8; 1016, стр. 11—12, табл. 11/7]. Длина копья (пики) превышает длину лошади.

В большинстве случаев наконечники узко-ромбические, вытянутые, крупные; на некоторых монетах у основания наконечника показан какой-то перехват-желобок [683, табл. XIV/170]<sup>67</sup>. Судя по изображениям копья на других монетах этого же царя [1016, табл. П/9], длина копья примерно была равна 1,8—2 м (больше стоящей фигуры).

Еще длиннее копья у скачущих Диоскуров на монетах царя Диомеда [1093, табл. IV/213], причем эти копья снабжены подтоками.

На реверсе монеты Стратона с Агафоклеей — идущая вправо фигура мужчины; он несет на левом плече, наклонно, копье, по длине немного не достигающее размера человека [1093, табл. IV/VII].

На монетах саков, пришедших в Индию, царь часто изображается с копьем. Серия этих монет начинается медной монетой *Mayesa* — на аверсе изображение царя на лошади, с копьем. Это изображение, как указал Л. Бахофер, стало характерным для монет сакских правителей в Индии.

На другой монете *Mayesa* — изображение сидящего царя с длинным копьем на коленях. Оба изображения повторяются на монетах Азеса. Судя по всему, это длинное и тяжелое копье явно является главным оружием [597, стр. 248; 971, стр. 124—125, рис. 15, табл. XIV/269—270].

Как и на монетах Азеса [1016, стр. 43, табл. VIII/10; 1093, табл. XI/36], приспущенное в передней части копье держат в руках всадники на монетах Азилиса [1016, стр. 49, табл. IX/4], Вонона [1093, стр. 141—142, табл. XIV/374, 382], Спалириса [1093, стр. 143—145, табл. XIV/394—395, XV/IV—V]. На монетах индо-парфянского правителя Азеса — на реверсе Афина с копьем [1093, стр. 150, табл. XV/138], снабженным подтоком. Копье несколько меньше фигуры божества. Едущий на коне царь на одной из монет Азеса [735,

<sup>64</sup> Другие упоминания в индийских источниках — 701, стр. 106. Вообще, в эпосе фигурирует железное копье нескольких разновидностей; термин для его обозначения *śakti* [1013, стр. 107—108]. Несколько типов железных наконечников копья и дротики, в том числе с очень длинными втулками, представлены в находках в Таксиле [905, II, стр. 546—547; 905, III, табл. 146/63, 64—70].

<sup>65</sup> Подробнее о терминологии античных источников — см. 304, стр. 39—40.

<sup>66</sup> Очевидно, такие длинные и тяжелые копья, которыми с одного удара можно было пробить двух человек, имелись у позднейших парфян (см. Плутарх, Марк Красс, 27), сохранивших в своем вооружении среднеазиатско-скифские (точнее, дахско-сакские) элементы.

<sup>67</sup> На других экземплярах [1093, табл. П/64] характер наконечника неясен.

табл. XVII/10] держит в руке копье, также снабженное подтоком. Наконечник крупный, довольно широкий — ромбовидный. Имеются четкие воспроизведения на скульптурных рельефах [596, табл. 63]. Со времени Қанишки

копье становится одной из основных царских регалий кушанских правителей <sup>68</sup>.

<sup>68</sup> Копье рассматривалось как царская регалия у многих народов Востока и Запада — см., 971, стр. 21, 54—55.

#### 4. САКСКИЙ КИНЖАЛ (памиро-ферганские типы)

Уже в эпоху бронзы на территории Средней Азии, в том числе в ее восточных областях, имелись развитые формы кинжалов [303, стр. 37—44], послужившие исходными типами для развития более поздних кинжалов сакского времени [298, стр. 77—85].

##### БРОНЗОВЫЕ АКИНАКИ

Бронзовый кинжал (табл. 40/1) с буско-видно-полуовальным навершием, бабочковидным (с опущенными крыльями) перекрестием и двулезвийным реберным клинком (нижняя половина отломана) происходит с Ташкентского канала [511, стр. 31, рис. 2]. На одной широкой и обеих узких сторонах навершие горизонтальным уступом отделено от прямоугольной в сечении рукояти. На той стороне, где уступа нет, — четкий и глубокий рельефный орнамент в виде вертикальной углубленной полосы сложного криволинейного контура, по сторонам ограниченной полукругиями и треугольниками. В верхней части рукояти, на перекрестии, — • две миндалевидные фигуры, над которыми — треугольник. Противоположная сторона первоначально была украшена лишь двумя миндалевидными фигурами, позже на ней были выгравированы два ряда треугольников и начата гравировка третьего. Длина сохранившейся части кинжала — 179 мм, рукояти — 25 мм, толщина рукояти — 10 мм, ширина перекрестия — 55 мм, лезвия — 35 мм<sup>69</sup>.

Этот кинжал может быть сближен с некоторыми кинжалами как в казахстанско-сибирских сериях тагарского времени, так и в скифских [260, стр. 160 и табл.; 417, стр. 44, табл. VII/10—12; 554, стр. 68, табл. XII/1; 748, стр. 23 и сл.], однако это скорее общие типологические соответствия<sup>70</sup>. Близких аналогий

известно всего лишь две — кинжал из Котловского могильника, основные захоронения которого относятся к эпохе развитой ананьинской культуры (V—IV вв. до н. э.) [181, стр. 101, табл. XXI/2], и кинжал, найденный близ Кокчетава [151, стр. 11—13, рис. 3/2], который по сопровождающим предметам (зеркало с петелькой на боковой ручке) также может датироваться V—IV вв. до н. э. [212, стр. 186]. Именно к этому времени должен относиться ташкентский кинжал — такое определение соответствует и датировке, вытекающей из общей линии развития скифских кинжалов. При этом остается открытым вопрос о причинах появления совершенно одинаковых форм кинжалов в столь отдаленных пунктах. Анализ формы и орнаментации кинжалов показывает, как нам кажется, что котловский и кокчетавский кинжалы варьируют какие-то прототипы, аналогичные ташкентскому кинжалу<sup>71</sup>.

Что касается орнамента в виде миндалевидных фигур, то это, несомненно, сильно стилизованные изображения птичьих головок. Среди кинжалов, входящих в десятую группу классификации М. Лоера, имеются кинжалы с удивительно близким орнаментом, но расположенным не на навершии, а на перекрестии [715, corpus, И/16, 19; 880а, стр. 73, табл. V/14—15]. Он датирует кинжалы этой группы временем от III в. до н. э. и позже, причем справедливо указывает, что в начале типологического ряда должны были быть кинжалы с навершием в виде птичьих головок [880а, стр. 50—51, 64—65].

Есть сведения и о других находках бронзовых кинжалов (мечей)<sup>72</sup>.

<sup>71</sup> К этому выводу в отношении котловского кинжала, видимо, склонялась и А. В. Збруева [181, стр. 181—184].

<sup>72</sup> На Дальверзинстрое [339, стр. 128, прим. 13]; в Джизакско-Чиназской степи при возобновлении Бухарили Шаар-Арыка был найден «бронзовый прямой обоюдоострый меч греческой формы», — см. «Археологические находки в Туркестане», — «Правительственный вестник», 1887.

<sup>69</sup> Музей истории УзССР, инв. № 188/171.

<sup>70</sup> О бронзовых скифских кинжалах см. 347, стр. 47—48.

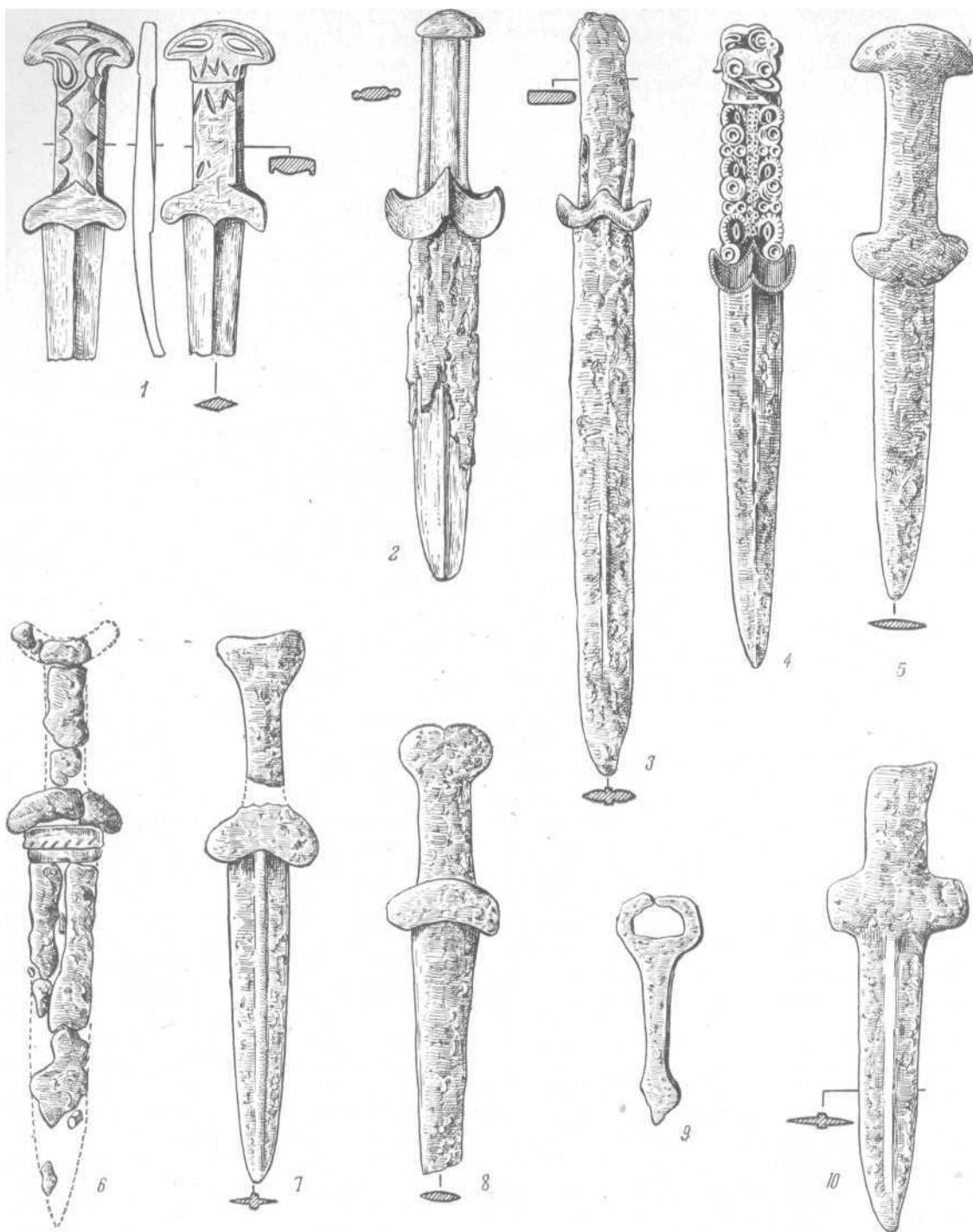


Табл. 40. Кинжалы сакского времени из Ташкентского оазиса и с Памира:

1 — Ташкентский канал; 2 — Тегермансу I, к. 7; 3 — Можуташ II, к. 4; 4 — Акбеит, к. 3 (по А. Н. Бернштаму);  
 5 — Тегермансу I, к. 9п; 6 — Памирская I, к. 9 (по А. И. Бернштаму); 7 — Тегермансу II, к. 9; 8 — Жарты  
 Гумбез I; к. 1; 9 — Харгуш II, к. 3; 10 — Тегермансу II, к. 11.

Имеется два таких акинака. Один, прекрасной сохранности, происходит из Тегермансу I, к. 7. Кинжал (табл. 40/2) имеет железный клинок и рукоять, перекрестие бронзовое, края рукояти также обиты бронзой (рукоять снабжена четкими вертикальными боковыми валиками, окованными бронзой). Не совсем симметрично посаженное небольшое навершие имеет сводчато-брусковидную форму; оно также оковано бронзой. Массивное сердцевидное перекрестие — обойма имеет острый выступ-мыс, по центру перекрестия проходит вертикальное ребро. Перекрестие, в котором имеется сквозное отверстие, было надето на клинок и закреплено проковкой. Клинок в поперечном сечении ромбический, с четким вертикальным ребром. Размеры: общая длина — 317 мм, в том числе рукояти — 120 мм, ширина рукояти — 27 мм, клинка — 38 мм. Второй акинак происходит из могильника Можуташ II, к. 4 (табл. 40/3). Перекрестие менее массивное, вдоль края рукояти валиков нет, но оковка бронзовым листом вдоль края рукояти частично сохранилась. Навершие отломано. Длинный клинок, чечевицеобразный в поперечном сечении, прослеживается вертикальное ребро. Размеры: длина — 415 мм (первоначально — около 430 мм), в том числе клинка — 300 мм, ширина рукояти — 27 мм (без оковки) и 30 мм (с оковкой), ширина клинка — 31 мм.

В Акбеит, к. 3 А. Н. Бернштам нашел акинак (табл. 40/4) длиной 350 мм с железным клинком и бронзовой рукоятью. Перекрестие сердцевидное, абсолютно аналогичное перекрестию на акинаке из Тегермансу. Навершие — в виде фигурки козла. Вдоль боковых сторон рукояти — головы козлов, посередине — два вертикальных ряда зерни (фото 20) [87, стр. 127—128, рис. 9]<sup>73</sup>.

По своей форме можуташский кинжал находит близкую аналогию в одном из бронзовых южносибирских кинжалов, изданном Ф. Мартином [1906, табл. 23/8]. Железные кинжалы с бронзовыми рукоятями известны в ранних сериях кинжалов с разных территорий. Находки железо-бронзовых кинжалов на Кавказе недавно сопоставлены и проанализированы Е. И. Крупновым. Эти кинжалы имеют литую бронзовую рукоять с грибовидным навершием и плоское перекрестие в виде угловатых (опущенных) крыльев бабочки со сквозными отверстиями на концах. Клинок же-

<sup>73</sup> Ср. золотой кинжал из Хамадана (?) [1946, рис. 328].

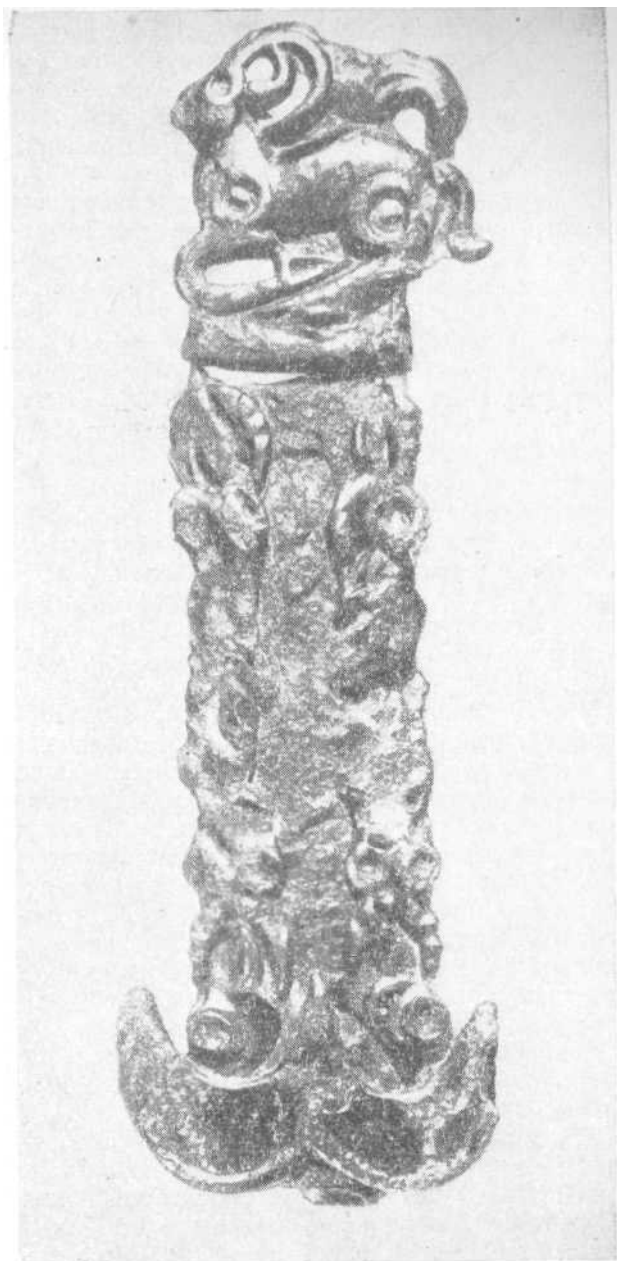


Фото 20. Кинжал из Акбеита, к. 3 (раскопки А. Н. Бернштама).

лезный. По заключению Е. И. Крупнова, этот тип кинжалов существовал до появления чисто железных кинжалов — акинаков скифского типа, хотя отдельные экземпляры встречаются вплоть до VI в. до н. э. [244, стр. 201—203]<sup>74</sup>. Для эволюции кинжалов типа Тегер-

<sup>74</sup> Об иранских железо-бронзовых кинжалах см. 751, стр. 92.

мансу наибольший интерес представляют единственная в этой серии бронзовая полая и сквозная рукоять кинжала из Березовского могильника [242, рис. 28/3; 244, стр. 201, табл. XII/1], а также кинжалы из могильника Кумбулта.

Железно-бронзовые кинжалы Поднепровья явились предметом специального рассмотрения А. И. Тереножкина. Он относит их к чернолесской культуре (800—650 гг. до н. э.) [512, стр. 135—137, 202]. Однако в этой серии нет экземпляров, близких памирским, так же как в бронзово-железных кинжалах из Талыша [920, рис. 468—469, 481—483] (по Максвелл-Хислоп, XII—XI вв. до н. э. или немного позже) [907, стр. 129]. Иное дело — скифские и савроматские древности. В кургане 2 у Райгородка найден кинжал. По словам А. И. Мелюковой, «он имеет железный клинок, выкованный вместе со стержнем рукояти. Перекрестие, оправа рукояти и навершие — литые, бронзовые». Этот скифский кинжал встречен в комплексе VI в. до н. э. (347, стр. 47, табл. 15/3).

У с. Демкина Хвалынского района Саратовской области был найден кинжал, бронзовая рукоять которого имела грибовидное навершие и прямое перекрестие. Для памирских акинаков больший интерес представляет находка близ Камышина: «литая бронзовая рукоятка с брусковидным навершием и четким бабочковидным перекрестием. В прорезь перекрестия был вставлен конец железного клинка. Клинок сверху заканчивался плоским стержнем, заполнявшим продольную прорезь рукоятки [478, стр. 11, рис. 1/4].

Железно-бронзовые кинжалы и ножи известны в Сибири [214, стр. 275—276; 561], Китае, Иране [999, стр. 97, 99].

Кинжалы из Тегермансу и Можуташа при-мыкают к тем железно-бронзовым кинжалам, у которых бронзовая рукоять сквозная, полая (Березовский могильник, находка близ Камышина, курган у Райгородка). Однако здесь развитие пошло дальше и боковины прорезной рукояти превратились в отдельные бронзовые обкладки. У этих акинаков, как и у акинака из Акбеита, концы крыльев острые и приподнятые. В этом отношении они напоминают сакские и индийские акинаки, известные по рельефам, а также мельгуновский и келермеский акинаки (VI в. до н. э.) [347, стр. 50, табл. 17/1—2; 407, стр. 6, рис. 1—2, табл. 1; 748, стр. 7—8, табл. 2]<sup>75</sup>. Все это позволяет

<sup>75</sup> См. также кинжал, изображенный на пластинке из Амударьинского клада [678, табл. XIV/48, XV/70; 746, рис. 109].

предположить для тегермансуйского и можуташского кинжалов дату VII—VI или, скорее, VI в. до н. э.<sup>76</sup>

Появление железно-бронзовых кинжалов — одно из ярких проявлений победного шествия железа. Но здесь есть еще одна сторона, мимо которой обычно исследователи проходят. Производство в конце бронзового века кинжалов, состоящих из отдельно изготовленных, а затем скрепленных бронзовой рукояти и бронзового же лезвия [809, стр. 131—133], технически подготовило широкое распространение идеи кинжалов, сочетающих бронзовую рукоять и железное лезвие<sup>77</sup>. Вообще бронзово-железные орудия появились, по-видимому, уже во второй половине III тысячелетия до н. э. Во II тысячелетии до н. э. встречались изделия, рабочая (боевая) часть которых была из бронзы, рукоять — из железа [675, стр. 62; 676, стр. 206; 950, стр. 138—148; 1105, стр. 44—45]<sup>78</sup>.

Вместе с тем в некоторых областях Евразии комбинированные бронзово-железные орудия и оружие удерживались очень долго — вплоть до рубежа нашей эры (и даже позже). Так, в Юньнани (Юго-Западный Китай), где развитие протекало под влиянием культуры Dongson Северного Индокитая, в гробницах времен Ранней Хань много комбинированных — из бронзы и железа — орудий и оружия. Из 34 железных наконечников копий половина имела бронзовые втулки. Так же обстояло дело с алебардообразным оружием *chi*. Что же касается мечей, то из 69 мечей 48 имели бронзовую рукоять [822, стр. 45, 48; 984, стр. 41, 47]<sup>79</sup>.

Средняя Азия избежала этих двух крайностей, но во 2-й — отчасти в 3-й четверти I тысячелетия до н. э. здесь были также распространены бронзово-железные изделия.

Естественно, возникают вопросы о металлургии и металлообработке. В одной из своих работ мы детально исследовали проблему древнейшей металлургии меди в фергано-ташкентской области (рудная база, техника добычи, металлургия и т. д.) [303, стр. 170—195]; нам приходилось заниматься и историей добычи олова [стр. 266]. Что же касается истории добычи железа, то имеются обстоятельные об-

<sup>76</sup> Ср. дату, предложенную Н. Л. Членовой [561, стр. 231].

<sup>77</sup> Собственно, эта идея возникла значительно раньше, но реализовывалась тогда очень редко — см. 675, стр. 61—63.

<sup>78</sup> Для Китая такое оружие известно с XI в. до н. э. [674, стр. 239—242].

<sup>79</sup> См. также работу И. В. Богдановой-Березовской. [93, стр. 219—230].



зоры по средним векам [188; 336; 337; 340]; мною были суммированы этнографические свидетельства о кустарной добыче железа в дореволюционной Средней Азии [270, стр. 37—39]. Однако вопрос о характере добычи железа в древнейшее время, металлургическом процессе и способах обработки для Средней Азии еще никак не исследован. Пока еще в Средней Азии не обнаружено мест древнейшего железодельного производства<sup>80</sup>. Поэтому в отношении техники мы можем лишь отослать к специальным, весьма многочисленным исследованиям по истории металлургии, а также к работам, анализирующим современные опыты по моделированию сыродутного процесса производства железа [123; 142; 228; 229; 566; 577; 675; 725; 1072 и особенно 230]. Для реконструкции деталей процесса добычи и плавки некоторое значение имеют описания способов сыродутного производства железа, сохранявшегося в некоторых горных районах Средней Азии вплоть до 20-х годов XX в. [36, стр. 8—16; 104, стр. 256—258 и табл.; 462, стр. 12—13 и др.]<sup>81</sup>.

Представляет интерес и лингвистическая сторона проблемы. Авест. *ауо*, *ауаһ* — «руда», «металл», «железо» восходит к иранскому \**ауаһ*. Этот же корень содержит древнеиндийское *ауас* — «руда», «металл», «железо». Общая индо-иранская форма реконструируется как \**ауос*-(*-на*), а индоевропейская \**аies-*, \**aios*-(*-но*-) — «руда», «медь». Из этого индоевропейского корнеслова происходит прагерманское \**а(i)iz* (в конечном счете это дало новоанглийское *ore* и т. д.).

К арийско-германскому лексическому совпадению следует добавить лексический ряд из италийских языков: латинское *aes* — «руда», «медь», «бронза», латинское *aenus*, умбрское *aheases* — «бронзовый», «медный».

По словам М. П. Дадашева, специально за-

<sup>80</sup> Вместе с тем в Средней Азии, как писал А. Ф. Соседко, «железные месторождения разбросаны по всей ее территории» [487, стр. 161]. Очень много месторождений железа и в Фергане, и в окружающих ее горах — з одним лишь Чаткальском хребте (к началу 30-х годов) было зарегистрировано 52 железорудных месторождения [530]. В восточной части этого железорудного пояса, в бассейне р. Гава, — одно из наиболее крупных железорудных месторождений, причем здесь встречаются линзы магнитного железняка, содержащие до 61% железа; крупные месторождения имеются в Исфаринском-Баткенском районе [487, стр. 162—164]. В Баткенском районе в 1 км. к юго-юго-востоку от кишлака Рават, у Кош-тепе, мы обнаружили скопление железных шлаков и фрагменты керамических трубок — сопел [271, стр. 165, 167, рис. 19].

<sup>81</sup> Для афганского Бадахшана — см. 862, стр. 69, рис. 21.

нимавшегося проблемой германо-иранских и иранско-индоевропейских изоглосс, «за пределами германских, индо-иранских и италийских языков и-е. \**аies*-(*но*) не встречаются. Появившийся в определенную эпоху культурный термин для обозначения „руда, металл, медь“ проник только в вышеназванные языки» [158, стр. 11—12]. По мнению этого исследователя, лексическая параллель для обозначения меди допускает предположение, что ее возникновение относится ко второй половине III тысячелетия до н. э., ибо в конце III — начале II тысячелетия до н. э. произошло обособление арийских языков от индоевропейской общности [158, стр. 17].

Согласно многим исследователям, в Ведах *ауас* в некоторых случаях должно обозначать железо. Но А. П. Рой пишет, что он не может присоединиться к этому взгляду. В ведический век термин *ауас* употреблялся как общий термин для обозначения металлов, а иногда — также для золота. Лишь позже, в Брахманах и Упанишадах, которые относятся к более поздней дате, чем Веда, слово *ауас* дифференцировалось на *lohitaayas* («красный металл») и *kṛṣṇayas* («черный металл»), представляющих, несомненно, соответственно медь и железо [970, стр. 35]<sup>82</sup>. К этому мнению присоединяется и С. Д. Сингх — исследователь, которому принадлежит одна из новейших сводок находок на территории Индии древнейших железных изделий. Он полагает, что плавка железа возникла (или была введена) в Индии около 1000 г. до н. з. и что первые железные изделия распространяются в Индии в первой трети I тысячелетия до н. э. [1013, стр. 98—102; ср. 858, стр. 312—318]. При новейших раскопках в Индии, в Atranji-khera (на западе Уттар-Прадеша) в период II, характеризующийся культурой серой керамики (Grey Ware Culture), имелись железные наконечники стрел и копий. Согласно анализу по C<sub>14</sub> — это 1025 год ± 110 лет [865, стр. 80].

Но вернемся к Средней Азии. В Авесте, в Яшт Х. 130, фигурируют *čakušānām haosafnaē nam bitaēṛanām* — «топоры двулезвийные из haosafnaena». Они упоминаются в Авесте еще дважды. Что же означает термин \**haosafna*? Совершенно понятно, что речь идет о металле, причем пехлевийский перевод (*pōlāwatēn*) подсказывает, о каком именно, — о стали [630, стлб. 1737].

Толкованием этого термина занимались мно-

<sup>82</sup> М. Майрхофер пишет, что санскритский термин *adri sarah* — «железо», может быть, восходит к слову *ādrīh* — «камень» [908, стр. 301].

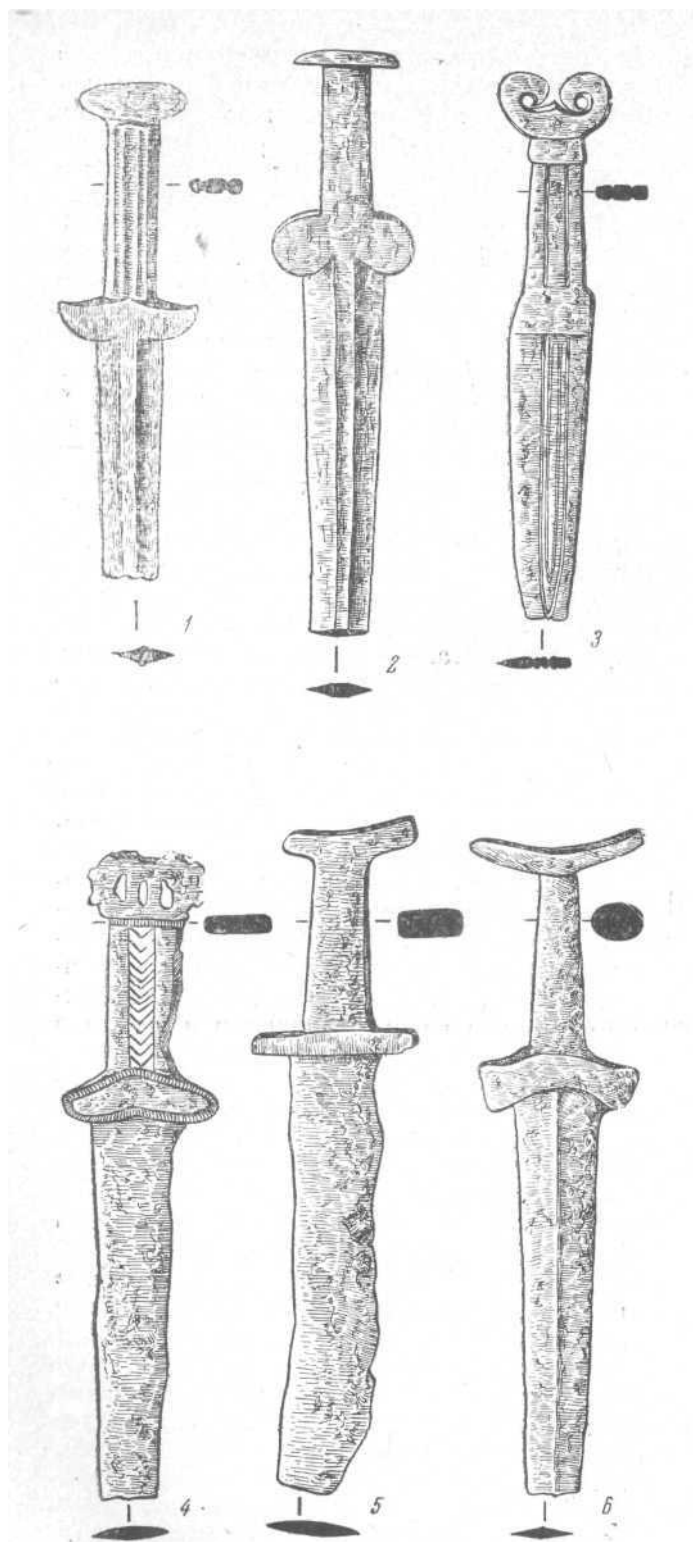


Табл. 41. Кинжалы сакского времени из Казахстана:

1 — Иссыкский клад (по К. А. Акишеву); 3 — 6. Кустанайский уезд; 2, 4 — 6 — происхождение неизвестно. Центральный историко-краеведческий музей Казахстана (1—2 — бронза, 3—6 — железо).

гие исследователи Авесты и лингвисты-иранисты. Не перечисляя обширной литературы вопроса, укажем лишь на два толкования. Э. Херцфельд, сделав попытку восстановить архетип этого слова, на основе своей реконструкции приходит к заключению, что слово произошло от обозначения Испании, где была прекрасная сталь. Появление его в Авесте, по мнению Э. Херцфельда, связано с финикийской торговлей [801, II, стр. 786—791].

Все построение Э. Херцфельда имеет искусственный, а порой и фантастический характер.

Намного более убедительным является толкование этого слова, предложенное В. И. Абаевым. В афганском есть термин *ospana*, *ospi-pa* — «железо», в осетинском — *cefsœn* — «железо плуга», в согдийском — *\*srnpn* (*\*aspanan*) — «железный», в ишкашимском — *š'rūp* — «железо», в шугнанском — *sepen* — «железо» и др. В. И. Абаев вслед за Вс. Ф. Миллером и Э. Бенвенистом сближает авестийский термин с этими словами из восточноиранских языков. Он восстанавливает общее восточноиранское звучание термина «железо» как *\*srapa*.

Для обозначения же стали «авестийский» использовал название железа *srapa*, снабдив его каким-то определителем *hai*. Определитель *hai* не представляет ничего загадочного; это сильная степень (*guṇa*) общеизвестной наречно-прилагательной частицы *hu* — „хорошо“, „хороший“ (др. -инд. *su-*) в первой части сложных слов. Стало быть, *\*haosafna* означает буквально „лучшее железо“; сталь рассматривалась как разновидность железа, как его лучшая разновидность» [8, стр. 204—205]<sup>83</sup>.

Однако наиболее распространенным у современных иранских народов обозначением стали является персидское *pūlād*, которое, по видимому, не является исконно иранским. В. И. Абаев приводит мнение Ф. Е. Корша, что это слово восходит к древнеиндийскому термину, обозначающему «оружие с металлическим острием», и пишет: «Речь шла первоначально, как можно думать, о стальной наставке или накладке на нестальное оружие или орудие». В этой связи представляет большой интерес и термин *andon* — «сталь» в осетинском, вошедший в пермские, финские и кавказские языки. Этот термин вошел в собственные скифские имена. Марко Поло, кроме того, упоминает в Персии «сталь — анданик». Осе-

<sup>83</sup> Мнение Э. Херцфельда в этой работе В. И. Абаева не приводится, остальная библиография там. Также 5, стр. 480—481.

тинское *ændan*, скифское *andan* В. И. Абаев возводит к общеиранскому *\*han-dana* — букв. «наставка», «накладка». Но и в русском языке было слово «уклад» — «сталь», «укладник» — «мастер, делающий сталь» [8, стр. 203, 205—207]<sup>84</sup>, собственно один вид стали — «сварочная сталь» [228, стр. 40—41; 454, стр. 235—236].

## ЖЕЛЕЗНЫЕ АКИНАКИ

**Тип 1.** Акинаки с сегментовидным навершием и таким же перекрестием. Один акинак из Тегермансу I, к. 9А (табл. 40/5).

Навершие обращено полувалом вверх, плоским срезом вниз, перекрестие — наоборот. Рукоять незначительно утончается сверху вниз. Клинок слабо суживающийся, чечевицеобразный в разрезе. Размеры: длина — 315 мм, в том числе рукояти — 140 мм, ширина рукояти — 33—35 мм, клинка — 38 мм.

В савроматских сериях не находит себе аналогий. В части навершия эти кинжалы являются, по-видимому, конечным этапом «уплощения» грибовидных наверший, столь характерных для кинжалов и мечей на обширной территории от Поднепровья (чернолесское время) до Сибири (мэйэмирское время).

Рассматриваемый акинак может быть сближен с одним бронзовым акинаком из Котловского могильника [181, табл. XXI/2], описанными выше бронзовым и одним из железо-бронзовых акинаков.

Среди скифских кинжалов есть два экземпляра с сегментовидным перекрестием и бусовидным навершием и четыре — с сегментовидным перекрестием и антенным навершием. Для датировки вторых данных нет, первые же предположительно датируются VI—V вв. до н. э. [347, стр. 53, 55, табл. 18/4, 20/3]. Именно вариантом этих скифских акинаков (тип 50 отдела I по А. И. Мелюковой) является памирский акинак.

<sup>84</sup> Существует и другая этимология этого термина, предложенная Г. Бэйли. Он полагает, что осетинское *sendon* может происходить от более древнего *\*antana* или *\*antana*, приводит в этой связи хеттское *and* (или *ant*) и *hand* — «жар», «канал» и высказывает предположение, что термин для стали может этимологизироваться как «железо, которое нагрето» [609, стр. 56—57]. В. И. Абаев считает все это построение сомнительным [5, стр. 157]. В буддийско-согдийских текстах встречается фраза *'unkwunc krt* — «нож, сделанный из *'unkwunc*». Последнее обозначает сталь, железо в согдийском — *'srp* — так по Г. Бэйли [609, стр. 56]. Что же касается древне- и среднеиранской терминологии для обозначения «меди» и «бронзы», см. 010, стр. 59; 778, стр. 40; 801, II, стр. 780—782.

В комплексе из Персеполя (VI—IV вв. до н. э.) есть бронзово-железный акинак с сломанным навершием, перекрестие же — сегментовидное [999, стр. 97, табл. 75/9] и другой, железный акинак, собственно — меч с сегментовидным навершием (999, табл. 75/1)<sup>85</sup>.

**Тип 2.** Акинаки с простым антенным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием.

Навершия этих кинжалов, подобно некоторым савроматским кинжалам и мечам, в результате коррозии не сохранили четких очертаний. Из могильника Жарты-Гумбес I, к. I происходит акинак (табл. 40/7) с таким навершием и довольно узким перекрестием, напоминающим сломанный под тупым углом брусок. Клинок в сечении чечевицеобразный. Размеры: длина — 285 мм, в том числе длина рукояти — 110 мм, ширина рукояти — 28 мм, ширина клинка — 37 мм.

Второй акинак происходит из Тегермансу II, к. 9. (табл. 40/6). Характерное бабочковидное перекрестие сочетается с четким продольным валиком по клинку. Размеры: длина — около 300 мм, в том числе длина рукояти — 115 мм, ширина рукояти — 18 мм, ширина клинка — 37 мм.

Не исключено, что к этому типу относятся и некоторые плохо сохранившиеся акинаки из Памирская I. Так, например, очень вероятно включение в эту серию акинака из кургана 10 с почковидным перекрестием. Особняком стоит однолезвийный акинак из кургана 9. Возможно, что часть рукояти с перекрестием была утрачена, что не было учтено при издании [85, рис. 132/4, 9].

Такого рода кинжалы очень хорошо известны в скифских и савроматских сериях. Более поздним, по-видимому, является кинжал из могильника Жарты-Гумбес. Сочетание таких признаков, как очень широкая рукоять, почти равная по ширине клинку, что характерно, например, для акинака конца V — начала IV вв. из кургана 3 группы Алебастрова Гора у пос. Нежинского, и сломанный под тупым углом брусок-перекрестие, как у меча того же времени из кургана 5 с. Осьмушкина на Бузулуке [478, стр. 18—19], подсказывает, что жартыгумбеский акинак должен датироваться второй половиной V — первой половиной IV в. до н. э.

Что же касается акинака из Тегермансу II, то следует отметить, что такие акинаки у скифов и савроматов характерны для VI — первой половины V в. до н. э. Наличие «архаиче-

<sup>85</sup> Кинжалы у персов на персепольской скульптуре иногда имеют сегментное навершие.

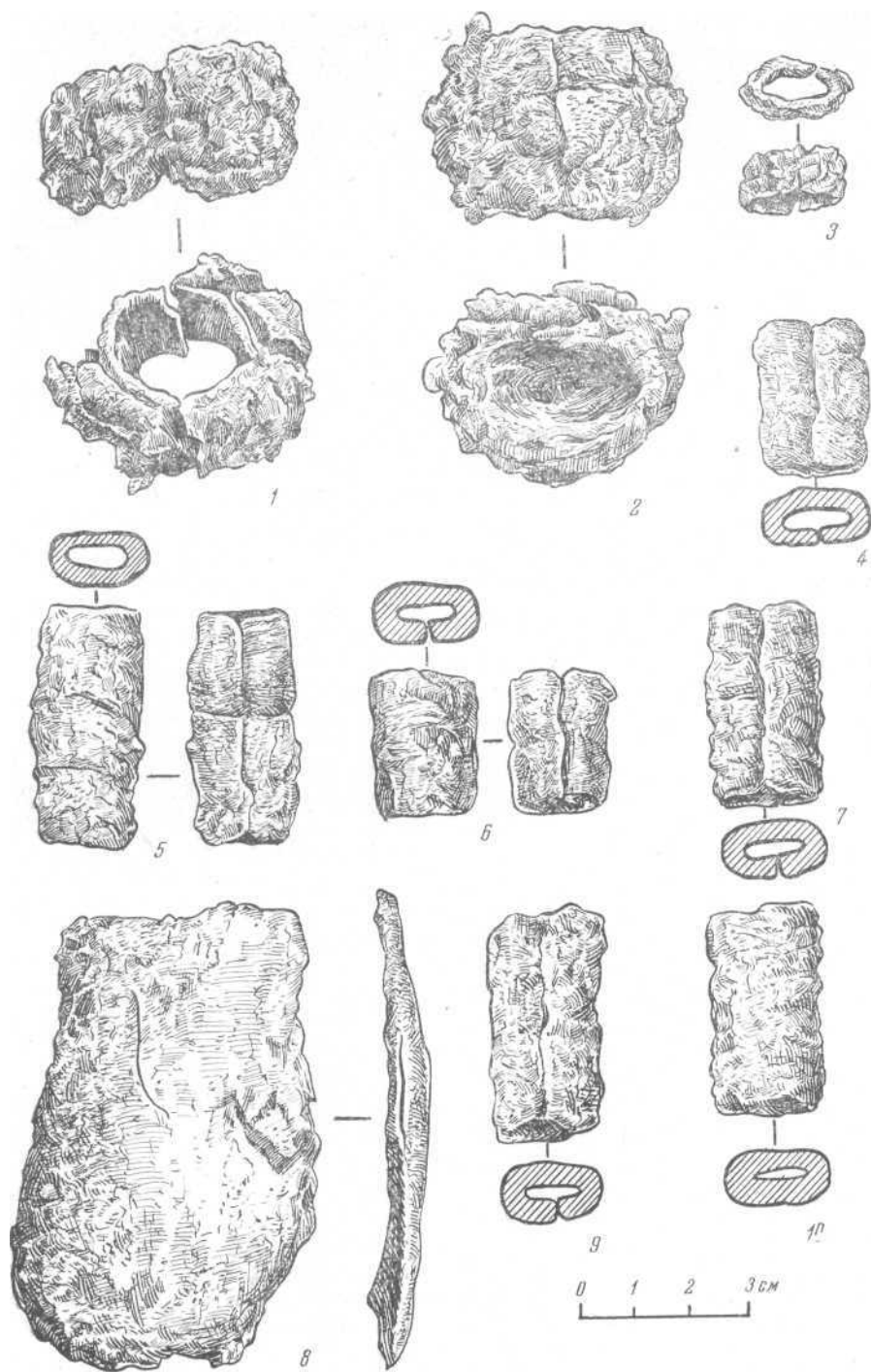


Табл. 42. Ножи и другие железные изделия:  
 1, 2 — Тегермансу II, к. 10; 3—7, 9, 10 — Истык, к. 1; 8 — Аличур II, к. 3.

ского» признака — валика-ребра на клинке, что отмечено на древнейшем мече этой серии в савроматском вооружении из кургана у хутора Черниговского под Магнитогорском [478, стр. 18], — а также другие детали формы делают вероятным отнесение акинака из Тегермансу скорее к VI, чем к V в. до н. э.

Условно к этой группе можно присоединить и акинак из Харгуш II, к. 3. От него сохранилась лишь часть рукояти (без перекрестия). Навершие — антенное, со сведенными концами (табл. 40/8). Оно напоминает перекрестие меча из савроматского кургана у с. Осьмушкина на Бузулуке. Бузулукский меч К. Ф. Смирнов предположительно относит к группе мечей конца V—IV вв. до н. э. (478, стр. 19, рис. 3/4). Нетрудно видеть, что такой вариант антенного навершия мог явиться прототипом для кольцевого навершия, появляющегося на сарматских кинжалах с III—II вв. до н. э. [361, стр. 34]. Поэтому для харгушского акинака не исключена и более поздняя дата — IV—III вв. до н. э.

Тип 3. Акинаки с серповидным навершием и дуговидным перекрестием.

Один экземпляр такого акинака (табл. 40/10) найден в Памирская I, к. 9 [85, рис. 132/5]. Такого рода акинаки хорошо известны в наиболее поздних савроматских комплексах и наиболее ранних прохоровских. Их датировка — IV вв. до н. э. [361, стр. 33; 478, стр. 26—27].

Неопределимые точно типы акинака в. К ним, в частности, относится акинак из могильника Тегермансу II, к. 11 (табл. 40/9). К сожалению, навершие отломано. Перекрестие в виде овального бруска со слегка опущенными концами. Клинок ромбический в поперечном сечении, с вертикальным ребром. Такого рода перекрестия являются обычными на кинжалах и мечах прохоровской культуры IV—II вв. до н. э. [361, табл. 18—19]. Этот кинжал, как и происходящий из этого же кургана фрагмент узкого сломанного под углом перекрестия другого кинжала, по комплексу находок скорее всего относятся к IV—III вв. до н. э.

О ножнах, в которых носили эти акинаки, сведений очень мало. Отметим лишь, что бронзово-железный акинак из Можуташ II, к. 4 находился в плохо сохранившихся кожаных ножнах, прикреплявшихся ремнями к кожаному же боевому поясу. По-видимому, существовали и деревянные и железные (табл. 42) ножны (если судить по некоторым фрагментам). В Британском Музее хранятся, вероятно найденные в Египте, деревянные, со следами золо-

чения ножны акинака, которым Р. Бэрнетт приписывает мидийское происхождение. Мидийскими же О. М. Дальтон и Р. Бэрнетт считают золотые ножны из Амударьинского клада [627, стр. 90—91, табл. II—III; 628, стр. 38—39; 687, стр. 90—91; также 747]<sup>86</sup>.

О способах прикрепления акинака можно судить как по их расположению в погребениях (например, в Можуташ II, к. 4 кинжал был прикреплен к поясу наклонно: он лежал вдоль правого бедра, а рукоять была обращена к середине таза), так и по иконографическим материалам [687, стр. XXXIV—XXXI]<sup>87</sup>. Так, хорезмийцы на персепольском рельефе [746, рис. 233] носят кинжал на правом боку. Он подвешен к поясному ремню при помощи специального ремешка, прикрепленного к выступу верхней части ножен. Для того чтобы он не болтался, выступ оконечника ножен отдельным ремешком притянут к левой ноге (так же носили кинжал и некоторые другие народности — 764, рис. 255)<sup>88</sup>.

При перечислении оружия воина в Виведат XIV, 9 вторым фигурирует меч *karəta*. Меч описывается как двулезвийный (Яшт X, 131) и сделанный из бронзы (Виведат IV, 50). В некоторых случаях он должен был быть декорированным — так, меч Вератрагны был гравирован золотом, покрыт чеканкой и инкрустирован (Яшт XIV, 27). Йима носит кинжал как символ власти (Виведат II, 7), жрецы также прибегают к кинжалу — такие данные о мече и кинжале в Авесте сообщают Х. Бартоломэ и А. Джексон [630, стлб. 454; 816, стр. 109—110]. Следует отметить, что окончательное толкование терминологии Авесты еще не установлено. И например, Э. Херцфельд термин, который А. Джексон переводит как «двулезвийный меч» (Яшт X, 131), понимает как двулезвийный кинжал [801, II, стр. 783]. Вообще Э. Херцфельд, по-видимому, объединяет все эти термины, рассматривая их как обозначение кинжала. Наличие при

<sup>86</sup> Первоначально атрибутировав эти ножны как мидийские, Р. Бэрнетт затем даже счел возможным рассматривать их как принадлежавшие именно Астиагу. Развивая эту идею, он выдвинул предположение, что ножны попали в Среднюю Азию с Киrom, а после его убийства массагетами остались в Средней Азии и затем вошли в состав сокровищ, позже — Амударьинского клада. Все это построение уязвимо «о многих сторон».

<sup>87</sup> О различии персидских мечей и акинаков саков и мидян на персепольских рельефах, а также о способах ношения этого оружия см. 752, стр. 44, 49.

<sup>88</sup> Но у персов манера ношения была иная [764, стр. 245]. На одном типе монет Евкратиды [1016, стр. 13, табл. П/9], на реверсе — два стоящих Диоскура, обращенных в разные стороны и держащих копьё. На левом бедре одного из них подвешен кинжал.

кинжале эпитета *hu-fraṇharšta-* — «легко (хорошо) вытаскивающийся» подразумевает наличие ножен [801, стр. 787].

В Ригведе кинжал обозначается термином *kṛti* [1013, стр. 96], у Панини фигурируют воины *asika* — «действующие мечом» [576, стр. 421]. В эпосе *aṣi* — это длинный меч, *khaḍga* — широкий меч, *nīstriṃsa* — короткий [1013, стр. 109–110].

В античных источниках упоминаются акинаки согдийцев и бактрийцев (Квинт Курций, VII, 4, 19; VIII, 3, 4). Говоря же о массагетах и саках, Геродот (I, 214) и Страбон (XI, 8, 6) употребляют не термин «акинак», а просто «кинжал» (*ἐγχέριδιον*)<sup>89</sup>.

У античных авторов для обозначения меча самых различных ираноязычных народов употребляется слово «акинак»<sup>90</sup>. Геродот (VII, 54) говорит, что «акинаком» назывался «персидский меч». В ираноязычных памятниках термин «акинак» дважды засвидетельствован в буддийско-согдийском тексте в форме *kuṇ'k* [739, стр. 245]. Идентификация согдийского *kuṇ'k* с греческим *ἀκινάκη* стала возможна потому, что в китайской версии стоит слово, обозначающее «меч». Это уравнение было при-

<sup>89</sup> Подробнее об этом см. 304, стр. 38 (раздел И. В. Пьянкова).

<sup>90</sup> Греческая терминология разобрана Е. Придилом [407, 1911, стр. 7]. См. также 704, стлб. 1168–1169; 1094. Мнение Бэрнетта, что место происхождения акинака следует искать в Месопотамии или в окружающих областях [627, стр. 95], представляется вероятным, хотя вопрос этот требует детальной разработки.

нято и В. Б. Хеннингом. Этимологический анализ этого термина проделал Г. В. Бэйли. Он указывает, что уже в Ведах встречаются слова *kinasa* и *kīnāra* с основой *\*kīna* — «лемех», «остроконечное орудие». Производные от этой основы выступают в различных индийских языках также со значением «кин». Термин же согдийско-буддийских текстов должен был звучать *\*kīnaka*. Древнеперсидское же *\*akīnaka* продолжает в некоторых отношениях вызывать трудности, в частности начальное «а». Суффикс *-aka-* придавал слову значение режущего орудия [608, стр. 69].

У восточноиранских народов, видимо, употреблялось и другое слово — *karta*. Оно засвидетельствовано в авестийском, скифском, древних и современных среднеазиатских, восточноиранских (согдийский, ягнобский, памирские). В современном таджикском и персидском это *kārd* — «нож». Это иранское слово восходит к общеиндоевропейской глагольной основе *\*k<sub>a</sub>-ert* — «резать» [2, стр. 171; 5, стр. 571]<sup>91</sup>.

<sup>91</sup> По Квинту Курцию (VII, 7, 1), одного из предводителей зяксартских скифов звали *Carthasis*. Это имя В. И. Абаев этимологизирует как «меч асов», а В. А. Лившиц предлагает следующие этимологии: «строгающий ножом, вырезающий ножом», «ведущий войско», «ведущий нож (меч), владеющий мечом» [приведено 281, стр. 95]. Впрочем, И. Марквартом предложено совсем другое объяснение появления этого имени в тексте Квинта Курция — как результат искажения имени Сатракес (с одновременной скифской метатезой *rt-tr* [904, стр. 314, прим. 2].

## 5. САКСКИЕ БОЕВЫЕ ТОПОРЫ

Памирские могильники дали серию железных боевых топоров [298, стр. 70–77]. Среди них может быть выделено несколько типов.

### БОЕВЫЕ КЛЕВЦЫ

Тип I. Клевцы-топорики.

1. Клевец железный из Аличур II, к 1. Длинный граненый (четырехгранный) боек, постепенно суживается к концу, на вершине срезано на пирамидку. Другая половина также граненая, в виде узкого, вытянутого топорика, резко расширяющегося у лезвия. Лезвие округлое, концы оттянуты в сторону. Боек и топорик посажены под углом, так что вертикальный профиль округлый. Размеры: общая длина — 216 мм, длина бойковой части — 85 мм, собственно топорика — 94 мм, сечение

бойка — 11 × 12 мм, ширина лезвия — 37 мм (табл. 43/5).

2. Клевец из Истык, к. 1. Лезвийная часть сохранилась лишь фрагментарно, так что ее форму восстановить нельзя. В отличие от предыдущего — короткая втулка. Над ней — круглый в сечении вертикальный штырь-боек, расширяющийся в середине и сходящий на острие вверх. Лезвие, судя по фрагменту, было широкое и округлое. Размеры: общая длина — 222 мм, длина бойковой части — 73 мм, длина топорика — 117 мм, диаметр бойка — 26 мм (табл. 43/6).

Тип 2. Собственно клевцы.

Вариант 1. Представлен экземпляром из Тегермансу I, к. 31 (слой II). О втулки отходят в противоположные стороны два круглых в сечении штыря, один — более массивный и короткий, другой — более вытянутый.

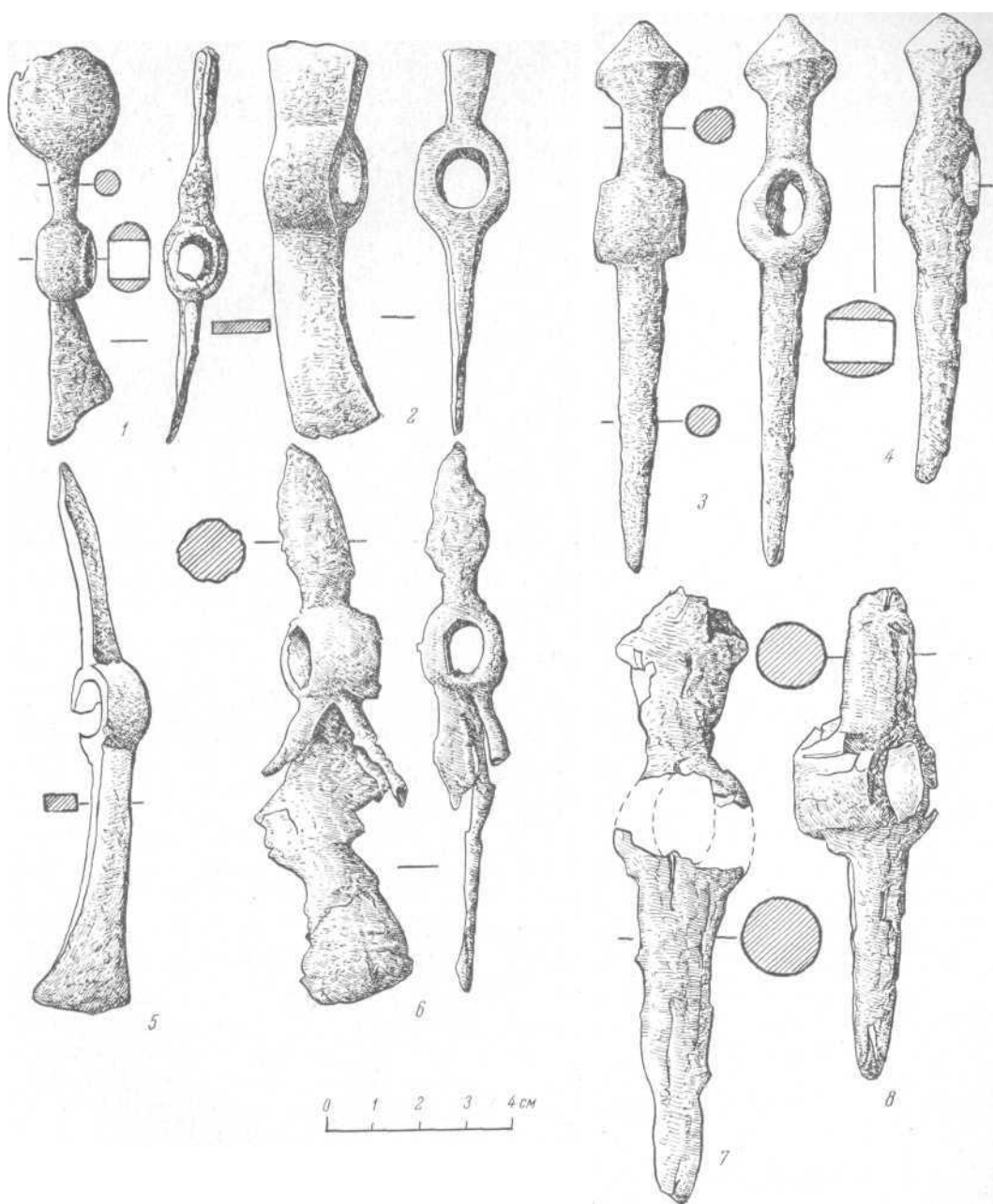


Табл. 43. Сакские боевые топоры из восточнопамирских могильников:

1 — Яшилькуль II, к. 1; 2 — Андемин I, к. 3; 3, 8 — Тегермансу I, к. 31; 4 — Тегермансу II, к. 11; 5 — Али-чур II, к. 1; 6 — Истык, к. 1; 7 — Жарты-Гумбез I, к. 1.

Конец короткого штыря скруглен, длинного — приострен. Втулка выступает несимметрично: незначительно с одной стороны, намного больше — с другой. Размеры: общая длина — 210 мм, длина верхнего штыря — 55 мм (диаметр — 31 мм), нижнего — 95 мм (диаметр — 30 мм), длина втулки — 50 мм (табл. 43/8).

Вариант 2. Клевец из Тегермансу II, к. II (табл. 43/4). Аналогичен первому, но короткая сторона имеет вид биконической головки или завершается ею. Очень короткая симметрично посаженная втулка сверху переходит в биконическую головку (с более короткой верхней половиной). Внизу длинный, круглый в сечении, постепенно суживающийся штырь. Размеры: длина — 270 мм, длина биконического бойка — 65 мм (диаметр — 4 мм), боек в виде конического штыря — 15 мм (диаметр — 25 мм), длина втулки — 38 мм.

Точно такой же, но хуже сохранившийся клевец происходит из Аличур II, к. 3. Отличие лишь в том, что переход от биконического бойка к втулке имеет вид вогнутой шейки. Втулка овальная (15 X 25 мм). Общая длина — 195 мм, верхнего бойка — 50 мм.

Ближе к первому, чем ко второму экземпляру, массивный клевец из Жарты-Гумбез I, к. I (табл. 43/7). Центральная часть его разрушена. Общая длина — около 245 мм, длина верхнего бойка — 65 мм (диаметр — около 50 мм), длина нижней части — 135 мм (диаметр — 34 мм).

Один клевец из Тегермансу I, к. 31 (слой II) (табл. 43/3). Биконическая «головка» короткого бойка посажена здесь на цилиндрическую шейку-штырь. Второй боек в виде длинного круглого штыря постепенно утончается к концу. Короткая втулка с овальным отверстием. Размеры: длина — 230 мм, длина короткого бойка — 61 мм (при диаметре головки — 37 мм), длинного — 130 мм (при диаметре — 20 мм)<sup>92</sup>.

#### БОЕВЫЕ СЕКИРЫ-МОЛОТКИ

Представлены одним экземпляром из Андемин I, к. 1 (табл. 43/2). Лезвийная часть узкая, вытянутая, продольно-изогнутая, несколько расширяющаяся от проуха к лезвию. Проушное отверстие овальное. Обух массивный, резко расширяющийся к округлому кон-

<sup>92</sup> Возможно, к типу 2 относится железный клевец из раскопок И. Кожомбердиева в Кетмень-тюбе, но точное типологическое определение этого клевца из-за разрушенности одной половины затруднительно.

цу. Обе части топора четко граненые. Размеры: общая длина — 151 мм, в том числе лезвийной части — 88 мм.

Помимо вышеперечисленных из раскопок А. Н. Бернштама на могильнике Акбейт происходит железный «клевец-топор с железной рукоятью» [87, стр. 126, рис. 7], типологическое положение которого не совсем ясно.

#### РАЗНЫЕ ТИПЫ

Двулезвийный боевой топор происходит из Яшилкуль II, к. 1 (табл. 43/1). Одно лезвие имеет форму плоского диска. Утолщающимся вниз стержнем оно прикреплено к втулке. Второе, подтреугольное лезвие присоединено прямо к втулке. Конец этого лезвия отломан. Втулка узкая, выступает в обе стороны. Размеры: общая длина — 180—200 мм, длина сохранившейся части — 157 мм, диаметр диска лезвия — 46—48 мм, высота — 270 мм.

Существовали и богато украшенные церемониальные и иные бронзовые секиры<sup>93</sup>.

Наш обзор, правда пока немногочисленных, находок боевых топоров из памирских сакских комплексов позволяет сделать несколько выводов и наблюдений.

Как известно, у савроматов боевые топоры распространения не получили [478, стр. 74]. То же самое следует сказать про Кавказ; по словам Е. И. Крупнова, «клевы совсем не характерны для древнего Кавказа» [244, стр. 20; также 243, стр. 102]. Иное дело — ананьинцы и скифы. Ананьинские клевцы бронзовые, реже биметаллические, одиночные — железные. По словам подробно изучившей их А. В. Збруевой, эти клевцы представляют «оригинальное оружие ананьинцев, вернее — ананьинских военачальников» [181, стр. 104]<sup>94</sup>. Еще шире боевые топоры распространились у скифов, у которых они были почти исключительно железными. Детальный обзор, классификация и хронология скифских топоров принадлежат В. А. Ильинской [191], специальное исследование которой во многом облегчает нашу задачу<sup>95</sup>.

<sup>93</sup> Если правильна атрибуция одного такого изделия [687, стр. 47—49, табл. XXIV] как бактрийского, — ср. топор из Хамадана [628, стр. 46—47, табл. VII/5].

<sup>94</sup> Один железно-бронзовый клевец ананьинского типа представлен в Уйгараке.

<sup>95</sup> О скифских топорах в Венгрии см. 943, стр. 106



Рассматривая вопрос о происхождении боевых клевцов типа 1, относительно клевца из Аличур II можно указать, что совершенно аналогичный по форме, но бронзовый клевец происходит из синдского погребения на Таманском полуострове у Цукурского лимана [408, стр. 53—56], которое может быть датировано концом VII — началом VI в. до н. э. [92, стр. 29—30, рис. 13]. Другой такой же, но железный клевец найден в Карраском могильнике под Пятигорском (VII—VI вв., может быть, V в. до н. э.) [191, стр. 35; 244, стр. 205]. Аналогичный железный клевец, по общей длине равный аличурскому, происходит из погребения 18 Ананьинского могильника. Сопровождающий инвентарь, по указанию А. В. Збруевой, позволяет датировать погребение, из которого происходит клевец, временем не раньше конца VI в. до н. э. [181, стр. 106, табл. XXII/11].

По-видимому, к концу VI в. или, скорее, к V—IV вв. до н. э. относится и железный клевец из Аличур II, к. 1. Производным типом является другой клевец — из могильника Истык. У него не граненый, а округлый в сечении боек. Хронологически он должен быть датирован V—IV вв. до н. э.

Двулезвийные (нижняя часть — топор с округлым лезвием, верхняя — клевец) боевые клевцы-топоры к концу IV в. до н. э., как показывают изображения сцены охоты на «саркофаге Александра» из Сидона [746, рис. 447], были распространены за пределами Средней Азии — на Ближнем Востоке.

Вопрос этот имеет очень серьезное значение. Дело в том, что в Северном Китае найдено несколько бронзовых экземпляров клевцов [715, стр. 6—7, табл. XXV/8, рис. 12/1] типа клевца с Таманского полуострова. Перечень такого рода находок составил М. Лоер, который отметил: «Происхождение, древность, обстоятельства обнаружения этих экземпляров, которые типологически стоят несколько в стороне (от других боевых топоров), — неясны» [880, стр. 602, табл. III/7].

Итак, клевцы-топорики этого типа имеют очень широкий ареал: Причерноморье, Северный Кавказ, Прикамье, Средняя Азия, Северный Китай, причем имеются как бронзовые, так и железные варианты. Е. О. Прушевская искала прототипы этой формы в западноевропейских, в частности в венгерских, комплексах [408, стр. 54—56]. М. И. Ростовцев, напротив, обращался к хеттским древностям [446, стр. 347]. В. А. Ильинская, А. И. Мелюкова и др. [191, стр. 35—36; 347, стр. 68] объясняют происхождение причерноморских и се-

верокавказских клевцов этого типа связями с областью ананьинской культуры, где, в свою очередь, эти клевцы возникли в результате связей с Южной Сибирью. Однако ананьинские формы не старше, а, по-видимому, моложе клевца с Цукурского лимана. Поэтому следует искать другие пути происхождения этого типа клевцов.

При раскопках в Трое, в слое VI или VIIa, найден топор-молоток, причем втулка находится примерно посередине. Сечение молотка квадратное. Втулка незначительно выступает спереди и сзади, имеются уширения-выступы и на щеках. Длина изделия — 235 мм, ширина лезвия топорика — 35 мм [703, стр. 404, рис. 402; 950, стр. 192, табл. VI/2]. По-видимому, простое утончение конца молотковой части могло привести к появлению клинковой части. Как известно, конец Трои VI датируется концом XIV — началом XIII в. до н. э., Троя VII—VIII в. до н. э. [647, стр. 20; 879, стр. 150].

По-видимому, из Малой Азии клевцы этого типа проникли разными путями и в Западную Европу, и на Кавказ, и в Среднюю Азию, откуда они могли попасть и дальше — в Северный Китай. Уже М. Лоер отмечал, что на сложение ряда типов китайских бронзовых изделий, в том числе топоров, решающее влияние оказали западные — иранские и месопотамские — типы [629, стр. 100, 103; 881, стр. 141—142; 882, стр. 32]. Недавно Н. Л. Членова разработала этот тезис на обширном южносибирском материале [561, стр. 25—38]. Таким образом, распространение клевцов-топорикиков подтверждает и конкретизирует выявленную нашими предшественниками закономерность.

Тип 2. Собственно клевцы, в частности вариант 1, имеют прототипы в тагарских клевцах [214, табл. XXIV/10—12; 1043, рис. 1]. Что же касается варианта 2, то он находит прямые аналогии в группе скифских клевцов, появившихся в VI в. до н. э., но наиболее распространенных, как указывает В. А. Ильинская, в погребениях IV в. до н. э. Правда, полного тождества нет: иные пропорции, клинки памирских клевцов круглые в поперечном сечении, тогда как скифских — граненые. Это, а также то, что короткий штырь венчается шляпкой, сближает их со скифскими секирами-молотками, молотковидная часть которых бывает круглой в поперечном сечении. Аналогичные клевцы найдены также и в области распространения ананьинской культуры [1046, рис. 8]. Характерно также, что клевцы составляют незначительную часть скифских боевых

топоров [191, стр. 34], в памирской же серии их большинство.

Два своеобразных миниатюрных клевца из Хотана изданы А. Стейном (случайная находка). Клевцы — граненый. На противоположной стороне от клинка на довольно длинной втулке укреплен короткий стержень, увенчанный посаженными одна на другую «шляпками», каждая из которых имеет вид стилизованной головки кабана [1031a, I, стр. 99–114, 1031a, III, табл. X/0115—0116]. Эти клевцы также могут быть (условно) включены в тип 2.

Секира-молоток из Андемин I, к. 4 по своей форме очень близка скифским изделиям этого типа, одно из которых происходит из кургана № 1 в урочище Скоробор (VI в. до н. э.), другое — из собрания Киевского исторического музея (точное место находки неизвестно) [191, стр. 38, рис. 7/3, 5]. По-видимому, близкие по форме секиры происходят из слоя Яз III (середина V — середина IV вв. до н. э.) [333, стр. 41, табл. XXXV/1—3]<sup>96</sup>; к сожалению, они лишены верхней половины бойковой части. Секира-молоток из могильника Андемин должна, по комплексу, датироваться примерно V в. до н. э. Есть данные о находках боевых топоров (в том числе клевцов) более позднего времени — на территории Северной Парфии [342, стр. 20—21].

Клевцы были очень широко распространены в Сибири в татарское время. «При этом характерно, — пишет С. В. Киселев, — создание уже в карасукскую эпоху вооружения, типичного потом для тагарского воина. Клевец и кинжал, а также, по-видимому, первые бронзовые наконечники стрел тагарцы получили уже готовыми от предшествующего времени» [214, стр. 186]. Ананьинские клевцы, по А. В. Збруевой, генетически восходят к татарским [181, стр. 179—180]. Как считает В. А. Ильинская, «представляется вероятным», что скифские боевые клевцы «ведут свое происхождение с востока, из Сибири или области ананьинской культуры» [191]. Этой же точки зрения придерживается и А. И. Мелюкова [347, стр. 68]. Напротив, боевые скифские секиры-молотки рассматриваются как связанные с кавказскими бронзовыми исходными типами [191, стр. 52]. Это подтверждается многочисленностью находок железных секир на Кавказе [134a, стр. 188; 241, стр. 192; 244, стр. 64]. При рассмотрении среднеазиатских боевых топоров необходимо учитывать,

как нам представляется, еще два направления: западноиранскую, в частности луристанскую, и центральноазиатскую бронзу (последнюю — не как источник форм и влияний, а, напротив, как результат их).

Судя по совокупности письменных источников, иконографических материалов и археологических находок, боевой топор играл важную роль в скифском вооружении [191; 714, стр. 93; 913, стр. 72—73]. Так, Геродот, рассказывая легенду о происхождении скифов (IV, 5), пишет, что с неба упали на скифскую землю золотые предметы, в том числе секира. В рассказе Геродота об обычае побратимства у скифов (IV, 70) есть такая деталь: в чашу с вином и кровью побратимов погружаются меч, стрелы, секира и копье. Юлий Полидевк в числе предметов варварского вооружения перечисляет «скифские секиры».

Вообще, как отмечает Е. Миннс, в представлении греков боевые топоры ассоциировались со скифами<sup>97</sup>. Это мнение должно было сложиться на основании знакомства с оружием как западных, так и восточных скифов-саков.

В Авесте имеются сведения о боевых топорах. При описании колесницы Митры в Яшт X, 131 фигурируют «хорошо сделанные двулезвийные топоры из стали»<sup>98</sup>. В Яшт I, 18 среди другого оружия перечисляются топоры. Применяется термин, для которого, как указывал уже Гельднер, непосредственным соответствием является новоперсидское چاکوسی «молоток», «колотушка» [816, стр. 116] (таджикское «чакуш» — «молоток», «молот», а также «чукидан» — глагол, означающий «бить», «молотить» и «чуканда» — ручное орудие для обмолачивания). В древнеперсидском боевой топор означался термином *isuva* (этимология неизвестна) [655, стр. 127; 845, стр. 174]<sup>99</sup>.

Для обозначения секир среднеазиатских народов греческие авторы употребляют термин «сагарис» [304, стр. 39]. Известны медные секиры массагетов (Геродот, I, 215; Страбон, XI, 8, 6) и секиры саков (Геродот, VII, 64). Квинт Курций упоминает у барканцев (гир-

<sup>97</sup> Ксенофонт (Анабасис, IV, 4, 16; V, 4, 13) упоминает секиру как оружие москинов и амазонок.

<sup>98</sup> Так по И. Гершевичу [740, стр. 139]; ср. 801, II, стр. 783; 816, стр. 116.

<sup>99</sup> Предлагается как вариант (под вопросом) чтение *isau*. Другой реконструируемый древнеперсидский термин для «топора» — \**paṣaθi*, восходящий к общеиранскому \**parasu*. В хотано-сакском — *paḍa*, тохарское — *peret*, *porat*. Отсюда же пошло тюркское *balta*, а, с другой стороны, в результате перестановки появилось из \**pariā* → \**taṣar*, из последнего — славянское «топор», таджикское «табар» и т. д. [5, стр. 451; 602, стр. 13—14].

<sup>96</sup> От боевого топора из слоя Яз II сохранился лишь фрагмент лезвия [333, табл. XXXV/4].

канцев) двулезвийные секиры (Квинт Курций III, 2, 5). Изображение топора-клевеца (?), притом двулезвийного, с разными по размеру лезвиями, есть и на ахеменидских печатях [835, табл. II]. Удар боевым топором наносился в ближнем бою, причем воин держал топор или одной рукой за самый конец рукояти (так на печати из Парижской национальной библиотеки) [746, рис. 351], или же двумя руками, правой рукой ближе к топору (так на сидонском «саркофаге Александра») [746, рис. 447].

Из соседних со Средней Азией народов следует упомянуть народы Северной Индии, в вооружении которых боевые топоры занимали видное место. В Ригведе боевой топор обозначается *parasu* или *kuliśa* [1013, стр. 96]. На персепольских рельефах мы видим изображения воинов, в обеих руках держащих по топору с симметрично посаженным двойным лезвием [800, табл. LXXX]. По Панини, в индий-

ском войске были воины *pāraśvadhika* — «сражающиеся боевым топором» [576, стр. 420]. Среди вооружения в «Артхашастре» (по-видимому, начало нашей эры) упоминаются *paraśu* — «секиры», а также «топоры». В индийском эпосе для боевых топоров употреблялись также термины *parasvadhā*, *kurthara* [см. также 701, стр. 111; 1013, стр. ПО].

На тех монетах Спалариса (рубеж нашей эры), где он носит титул «Великого царя царей», на аверсе царь держит в руке боевой топор [735, табл. XXII/2; также 597, стр. 239]. Это топор-клевец вытянутой формы, однолезвийный, изображавшийся, очевидно, как символ царского могущества. Именно это его ритуальное значение обусловило помещение топоров в сакские памирские захоронения. Кроме того, на Памире, как в некоторых соседних странах, топор мог рассматриваться как символ плодородия и плодovitости [840, стр. 51—52].

## 6. ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ДОСПЕХ

На территории Ирана защитный доспех появился очень рано, во всяком случае, он был распространен уже в первые века I тысячелетия до н. э. Об этом, в частности, свидетельствует бронзовая статуэтка из Хурвина, которую Р. Гиршман датирует VIII в. до н. э. [746, табл. 9]. Грудь и живот фигурки покрыты рельефными квадратными выступами, причем на груди углы их посажены вертикально, на животе — горизонтально. Несомненно, это пластинчатая броня.

Постепенно защитный доспех получал все большее распространение. В ахеменидское время он претерпевает значительные изменения<sup>100</sup>.

Защитный доспех был распространен и в древней Индии. Он упоминается как в Ригведе, так и в более поздних текстах. В Ригведе сообщается о шитье доспеха, но материал при этом не называется [354, стр. 117]. Может быть, это была ткань или кожа, на которую наши-

вались металлические пластинки. Более поздние тексты содержат упоминания защитного корсета — *ayas*, *loha* или *rajata*. В Атхарваведе и других источниках встречается слово *ka-vasa* — корсет, нагрудник. В Ригведе шлем обозначается словом *śira*, причем фигурируют *ayaḥ-śiprā* и др., — вероятно металлический шлем.

Много позже, в эпосе, называются предметы доспеха, защищавшие людей и животных (например, Махабхарата 5, 154, 10). Упоминается, в частности, *kantatrana* — «защищающая шею» — часть кирасы или шлема [701, стр. 126—128; 1013, стр. 96—98, 116—118].

У скифов, как показало исследование Е. В. Черненко, комплекс защитного вооружения оформился к VI в. до н. э. Этот исследователь связывает появление панциря у скифов с их походами в Переднюю Азию, когда они ознакомились с панцирями урартов, ассирийцев и индийцев [550; 551; 552, стр. 14—18]<sup>101</sup>. В VI в. до н. э. у скифов уже появляется тяжеловооруженная конница [552, стр. 20; 553, стр. 85—87].

Развитие тяжеловооруженной конницы, усиление ее роли в войске народов Евразии, в

<sup>100</sup> Образцы пластинок (бронзовых, железных позолоченных и просто железных) брони ахеменидских воинов представлены в находках в Персеполе [999, II, стр. 100, табл. 77/1—16]. Представление об ахеменидском доспехе дают и находки из Мемфиса. Это пластинки доспеха из железа и бронзы. Предполагается, что первые из стали. Среди них есть длинные, с продольным ребром. Некоторые бронзовые — полуциркулярные или полуовальные в очертаниях, другие — прямоугольные [945, II, стр. 11, 13, табл. XVI].

<sup>101</sup> «Иранское» происхождение скифского оборонительного доспеха постулировал в свое время еще М. И. Ростовцев [445, I, стр. 337—338].



Табл. 44. Бронзовая орнаментированная пластинка из Тегермансу I, к. 18.

частности у парфян, сарматов, в Армении и Боспоре, явилось одной из основных предпосылок появления катафрактариев—*катафрактари*<sup>102</sup>.

С. П. Толстов развил концепцию, согласно которой родину катафрактариев следует искать в Средней Азии, точнее, в Хорезме и в его окрестностях [514, стр. 211—227; 518, стр. 150]. Недавно Г. А. Пугаченкова подвергла эту концепцию резкой (и во многом справедливой) критике и, привлекая новые материалы из раскопок на юге Средней Азии, высказала мнение о возникновении катафрактариев в Бактрии и Парфии [410, стр. 27—34]. Убедительность ее концепции ослабляется спорностью исходного пункта — датировкой скульптуры Халчаяна I в. до н. э. Не менее существенно, что материалы с соседних территорий, в частности скифо-сарматские, ею совершенно не используются, проблема генезиса панцирного вооружения как бы не существует. Несравненно более широко эта проблема изучена К. Ф. Смирновым, А. М. Хазановым

<sup>102</sup> Ссылки на письменные источники см. 866, стлб. 2479. Этот термин применялся также специально для обозначения конского доспеха. Эволюция катафрактариев, их соотношение с клибарниками (на основании письменных и иконографических материалов) были тщательно исследованы М. И. Ростовцевым [982], соображения которого полностью сохраняют свое значение.

и Е. В. Черненко, привлечшими наряду с иранским и среднеазиатским также скифо-сарматский материал. Мы присоединяемся к их заключению о значении в генезисе этого типа войска таких факторов, как необходимость противостоять фаланге и легиону, что на Востоке повлекло за собой реформу конницы, а у кочевников и в Иране — увеличение удельного веса тяжеловооруженного конного войска. Справедливо и утверждение А. М. Хазанова, что катафрактарии зародились в обстановке постоянных контактов и связей между кочевниками Евразии и оседлым населением Средней Азии и Ирана. При этом А. М. Хазанов полагает, что катафрактарии появились где-то в евразийских степях, более конкретное определение пока невозможно [476, стр. 202—203; 544, стр. 13—14; 552; стр. 20; 553, стр. 85—87].

Обратимся к среднеазиатским материалам. По-видимому, в Средней Азии металлический доспех возник в VIII—VII вв. до н. э., к V—IV вв. до н. э. он достиг высокого совершенства. В это время полный оборонительный доспех воина включал панцирь, щит, а также металлический шлем [249]<sup>103</sup>. Наиболее ранняя находка такого рода в Средней Азии — значительные части железного военного доспеха из погребения, датированного С. П. Толстовым концом IV в. до н. э. (городище Чирик-Рабат). В этом доспехе сочетались принципы чешуйчатого и пластинчатого доспехов [517, стр. 23].

В Тегермансу I, к. 18 была найдена над головой погребенного квадратная орнаментированная бронзовая пластинка (табл. 44); у ее нижних углов лежали листовидные изделия (всего шесть экземпляров, из них три — целых). Длина их — от 96 до 112 мм, ширина — 33—41 мм. Один конец их более округлый (он снабжен сквозным отверстием), другой — приостренный. По центру проходит продольный рельефный прожилок. «Листья» имеют толщину около 1 мм, у края — утончены (табл. 24/1—4). Это несомненно подвески декоративного характера. Вместе с тем нельзя не обратить внимание на их близкое сходство с бронзовыми пластинками, из которых состоял египетский чешуйчатый доспех [1105, табл. 197], хотя последние имели более уплощенные края длинных сторон, причем верхняя, короткая сторона была почти прямая. Считая необходимым упомянуть о факте находки и об удивительном сходстве этих предметов, мы вместе с тем полагаем, что те-

<sup>103</sup> Ср. замечания Е. В. Черненко, — СА, 1966, № 4, стр. 218, прим. 6.

германсуиские пластины — часть головного убора, напоминающего головной убор тибетских шаманов (см., особенно, 932, табл. II). Известны находки на Старой Нисе фрагментов металлических пластинчатых панцирей для воинов и лошадей [342, стр. 20].

Тенденция развития оборонительного доспеха состояла, в частности, в его постепенном усилении. Это привело к тому, что в более позднее время парфянские катафрактары, по словам Арриана, казались с ног до головы покрытыми железом <sup>104</sup>.

Термин для доспеха в Авесте — *zgaṇa* «панцирь» — от глагольной основы древнеиранского *zaṇ* — «окружать», «покрывать». Осетинский для обозначения доспеха имеет термин *azṛaḡ*, *zṛaḡ*, *asqar*; пушто — *zṛaga* [2, стр. 53, прим. 1; 606, стр. 12—13]. Развитая терминология для обозначения оборонительного доспеха существовала в хотано-сакском. Здесь мы встречаемся и с производным от вышеупомянутой древнеиранской *zaṇ*, а также с *baṃggāma*, *batha*, *ysārātara*. Кожаный доспех обозначался *kaṃgīnai* *baṃgām* [617, стр. 36—38]. (Детальнее о терминологии, связанной с кожаным доспехом, см. 616, стр. 9—10.)

Имелись также обозначения для отдельных частей доспеха. Авестийское *paiti-dāna* — «защитный доспех панциря (*zrēh*)». В памирских — шугнанском и ваханском — от этого слова соответственно — *bəḍān* и *pōḍn* — «седло», отсюда же новоперсидское *pālan*, *pilān* — «багажное седло».

В Авесте имеется слово *kūris* от слова *kurit* или *kurie*, которое древний комментатор переводил так: «защита для шеи, которая укреплена от шлема сзади до лат». В осетинском *qur*, *qūr* означает «горло», но в сочетании *qur-bādtān* — «шейный платок», т. е. здесь вновь выступает значение «шея». Вместе с тем *kurāt-kūrāt* в осетинском означает и «нижнюю рубаху», а в согдийско-манихейском *kwrđ'k* — «мужская рубаха». Отсюда же происходит шугнанское *kurta*, *kurti*, новоперсидское *kurtah*, *kurti* и даже русское «куртка». Ксенофонт (О коннице, XII, 2) обозначает бармицу термином *στέρμα*.

В санскрите встречается слово *kūrpāsa* — «куртка», «панцирь». Его считают заимствованным, иранским. В Хеннинг предложил для него среднеиранскую этимологию *\*kṛp-pāssa*, где *kṛp* — «тело», а все слово — «защита для

тела», т. е. оборонительный доспех, Г. В. Бэйли, однако, на основе ряда лингвистических соображений считает возможным связь с *kurit*, предполагая, что это — часть доспеха для защиты шеи.

В античных источниках, как отмечает И. В. Пьянков, засвидетельствовано два вида панциря у среднеазиатских народов. Один из них, мидийский «железный чешуйчатый панцирь *λεπίς σιδηρέη*, похожий по виду на рыбью чешую» (Геродот VII, 61), был в употреблении у гирканцев.

Другой «панцирь» (*tegumentum*) «из железных пластинок» (*ex ferreis laminis*), скрепленных между собой рядами (Квинт Курций, IV, 9, 3), известен у степных народов Средней Азии; им «тщательно были закрыты» (Арриан, Анабасис, III, 13, 9) в битве среднеазиатские скифы — саки или массагеты. «Панцирь» (*θώραξ*) упомянут также отдельно и у саков, и у массагетов [304, стр. 43] <sup>105</sup>.

В перечне вооружения воина в Вед. XIV, 9 шлем обозначен термином *saga-vaṇa*, букв. — «покрывающий голову». Обычное обозначение шлема в Авесте иное — *хаоḍа* (сравни парфянское *хоо*, осетинское *ходā*, персидско-таджикское *ход*). В Авесте упоминаются металлические шлемы, сделанные из бронзы, золота, железа (Яшт XIII, 45; IX, 30; XV, 57). Имеются указания на форму: выражение *urvi* . *хаоḍа* содержит указание на «остроконечность» шлема — ср. более поздний этноним *saka tigrahauda* — «саки с остроконечными шлемами (головными уборами)» [655, стр. 125, 145—146; 816, стр. 119]. В античных источниках шлем (*κράνος* или *galea* — «кожаный шлем») упомянут лишь однажды — у ареев (Диодор, XVII, 83; Квинт Курций, VII, 4, 33).

Один бронзовый шлем найден в Самарканде, другой, подобный, — в Джамбульской области. Они принадлежат к кубанскому типу, выделенному Б. З. Рабиновичем. В отношении датировки этих двух шлемов (VI или VI—IV вв. до н. э.) и места изготовления (Кубань? Средняя Азия?) в литературе ведется дискуссия. Мы специально не занимались этим вопросом, поэтому отсылаем к существующим работам (234; 249; 552a, стр. 10—11).

Следует отметить, что шлемы среднеазиатских народов, судя по иконографическим материалам, совсем иные. Так, по персепольским рельефам, шлем хорезмийцев [746, рис. 231—232] — остроконечный, очень высокий, отогнутый назад, с отведенным назад закрылком

<sup>104</sup> Описание полного оборонительного доспеха парфянского воина (позднего времени) см. Арриан, Парфика, фр. 20. Иконографические и археологические материалы см. 656.

<sup>105</sup> Впрочем, возможно, что здесь имеется в виду конский панцирь (ср. Геродот I, 215).

бармицы, края которого волнистые. Боковые выступы закрывали, очевидно, не только щеки, но и доходили до подбородка. Рельефные ребра опоясывали шлем в трех направлениях и сходились на затылке.

На золотой статуэтке из Амударьинского клада (находившейся первоначально в частном владении, а затем переданной в Британский музей и не попавшей в первые издания каталога Дальтона), изображающей всадника, характерен шлем (в описании он фигурирует как головной убор) [959, стр. 17, табл. ХР/а; 687, табл. ХLI]. Шлем этот имеет острое ребро-гребень, сзади переходящий, уширясь, в выступ, предохраняющий шею. В передней части шлем, круто изгибаясь, как бы нависает. То, что автор описания считает лентой, охватывающей подбородок, действительно может быть матерчатой частью. В целом же жесткость форм, наличие гребня да и форма — все свидетельствует, что это шлем<sup>106</sup>.

В Можуташ II, к. 1 был найден фрагмент кожаного щита. Его структура прослеживается лишь в одном месте. Щит был сделан из трех слоев кожи, причем между двумя слоями были помещены деревянные прутья. Изготовление щита можно представить следующим образом: большой кусок кожи был сложен пополам; вдоль сгиба был уложен и пришит узкий кожаный ремешок; на внешней поверхности были часто уложены, параллельно друг другу, тонкие, диаметром до 5 мм, деревянные прутья (три прута и два промежутка по 25 мм). Поверх этих прутьев был наложен еще слой кожи. Два слоя, между которыми находились прутья, были прошиты вдоль, между прутьями, так что на поверхности образовались желобки. Проститы они тонким кожаным ремешком редкими стежками (длина стежка — 5—8 мм, расстояние между ними — 10—12 мм). На сохранившемся участке нет поперечной прошивки, возможно она была в других местах (по краю?). Следует иметь в виду, что продольная прошивка не только скрепляла, но и усиливала прочность щита именно в тех местах, где не было прутьев. Висевший третий кусок кожи был, очевидно, как-то прикреплен, но совсем не прошит — это была лицевая, гладкая сторона.

А. Н. Бернштам так описывает щит, найденный в могильнике Акбеит: он «представлял собой прямоугольную раму, размером 1,4×0,5 м, из арчовых плашек с шестью поперечными. Срединные две были сближены для

крепления рукоятки. Остальное пространство было заполнено плетением из прутьев облепихи. Щит был обтянут кожей» [87, стр. 126, рис. 6]

Щит с основой из деревянных прутьев, снаружи обтянутый кожей, происходит из могильника Памирская I [85, стр. 305]. Остатки плетеного из прутьев щита были нами обнаружены в Акбеит, к. 93.

В Нисе были найдены металлические щиты, но не с деревянным, а с металлическим каркасом [341, стр. 46]. Отсюда же происходит «крупный парадный овальный щит, украшенный большими декоративными железными накладками в виде трезубца в середине, а по окружности — двух десятков чередующихся своеобразных пальметт и стоящих с чуть распахнутыми крыльями орлов» [342, стр. 21]<sup>107</sup>.

Плетеные щиты были, по Ксенофону, у макронов и моссинов. Подобные плетеные из прутьев щиты, круглые, четырехугольные, в форме плющевого листа и пр., обтянутые сырыми, иногда косматыми воловьими шкурами, были широко распространены в древности [256, стр. 144]. У горноалтайских племен щиты состояли из куска кожи, в который были вплетены круглые в сечении палочки [448, стр. 262—263].

Щит обозначается в Авесте термином *spara*. Дважды в Авесте встречается термин *spara-dāšta* — «носящий щит» (Яшт XIII, 35; XIX, 54) [817, стр. 116; ср. 630, стлб. 1358—1359, 1618]. В древнеперсидском для «щита» существовало слово *\*taka*. Оно, по мнению лингвистов, может этимологизироваться, вероятно, в связи с древнегреческим *za/o*; — «щит», ведическим *tvak* — «кожа», «мех» и, по-видимому, «щит» [655, стр. 144]. Осетинское *ūart* — «щит» входит в большую группу слов, происходящую от индо-иранского *var* — «покрытие», «защита». Древнеиранское *\*vr̥dra* — «щит», армянское *vahan* — «щит», зороастрийско-пехлевийское *vartik*, *gurtik* — «защитное одеяние». К этому же гнезду принадлежат хотано-сакское *batha* — «защитная кольчуга», «латы» [603, I, стр. 110—112].

Античные авторы знали о существовании нескольких разновидностей щита у среднеазиатских народов. Так, щит саков Арриан обозначает термином *γέρρον* (Анабасис IV, 4, 4), имея в виду плетеный или обтянутый кожей легкий щит. В представлении греков, «большой щит» *σαχος* был изобретен саками. Может быть, это результат сопоставления племенного названия и обозначения щита в греческом

<sup>106</sup> Парфянский шлем из Британского музея см. 736, стр. 18—20.

<sup>107</sup> Круглые и овальные щиты — на западнопарфянских статуэтках (980, табл. XXIV/3; XXV/2).

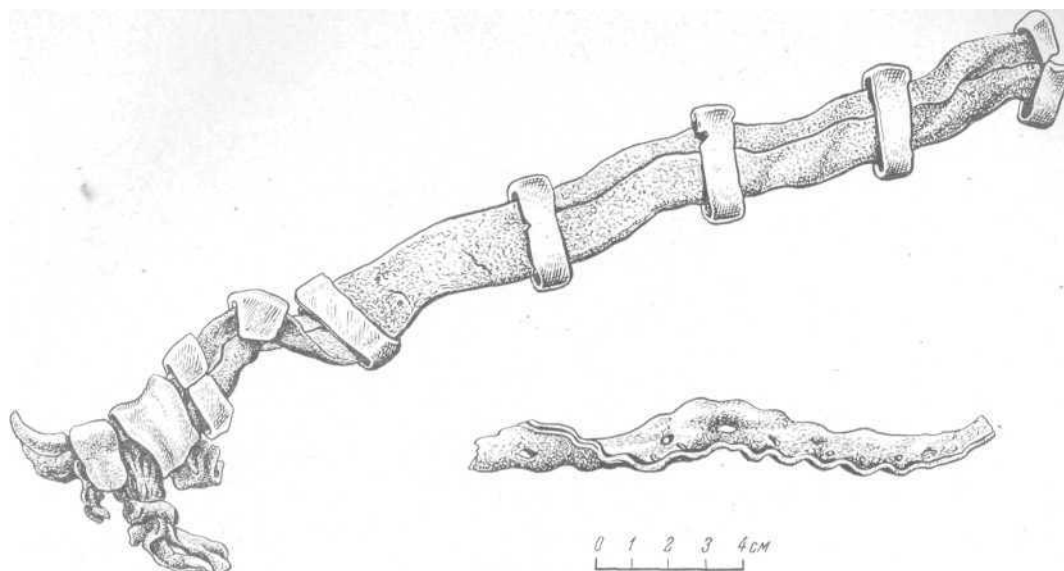


Табл. 45. Боевой пояс из Можуташ, к. 4 (вверху) и кожаный ремешок из Шаймак, к. 3 (внизу).

языке; не исключено, на наш взгляд, что в сакском для крупного щита применялся древнеперсидский термин, что и дало повод для такой этимологии. Однако во всех случаях реальным основанием для такой «народной этимологии» должны были быть наблюдения греков над вооружением сакских племен [304, стр. 43]. Боевой пояс фигурирует в перечне вооружения воина в Видевдат XIV, 9 под наименованием *kamarā* [630, стлб. 440; 817, стр. 119]. В хотано-сакском для «пояса» (в том числе боевого?) применялись термины *ūrabada* и *huga* (617, стр. 36, 38).

Узкий портупейный ремень с металлическим набором был найден в Можуташ II, к. 4 (табл. 45). Гладкие бронзовые скобки вытянуто-овальные, посажены через 40–55 мм. Такого рода ремни, но с гораздо более сложным металлическим набором хорошо известны в скифских комплексах [322; 347, стр. 74–75; 549, стр. 27–45]. Там они появляются на рубеже VII–VI вв. до н. э. [549, стр. 42] и существуют вплоть до II–I вв. до н. э., — судя по находкам в мавзолее Неаполя Скифского, где, по-видимому, были пояса, покрытые редкими посаженными пластинками [397, стр. 124–126]. Прямую аналогию можуташский пояс находит в Центральном Казахстане, а именно в поясе из Нурманбет IV [324, стр. 344, рис. 39/1].

У памирских саков наборные портупейные пояса отмечены еще в нескольких могильниках. Именно от таких поясов происходят брон-

зовые обоймы в виде колец фигурных очертаний с дужками. Они найдены в Тегермансу I, к. 7 и 9А и в Истык, к. 2 (подробное описание на стр. 62). Безусловна их близость к восточноказахстанским из Нурманбет IV [324, стр. 343, рис. 39/2]. Могильные комплексы Нурманбет IV датируются VII–VI вв. до н. э. [324, стр. 382]. Следовательно, боевые портупейные пояса саков Памира и их центрально-азиатских сородичей имели явное и едва ли случайное сходство.

О времени возникновения в Средней Азии конской брони пока ничего определенного сказать нельзя, но характерно, что в Авесте (судя по работам исследователей, специально занимавшихся этим вопросом) конский доспех еще не фигурирует [739, стр. 279–280; 801, II, стр. 782–791; 817, стр. 94–125]. Но уже Геродот (I, 215) сообщает о том, что кони массагетов были защищены медными нагрудными панцирями.

Со времени публикации «Пролегомены по истории защитного доспеха» Б. Лауфера [869, стр. 215 и сл.] в специальную литературу прочно вошло мнение, что в Иран конский доспех попал из Средней Азии. Эта точка зрения была принята такими знатоками истории военного дела на Востоке, как В. В. Тарн [1048, стр. 74], Ф. Е. Браун [656, стр. 444], известным современным историком древности Ф. Альтхаймом [581, стр. 21] и др.

В советской литературе эту точку зрения развивали С. П. Толстов [514, стр. 225] и в

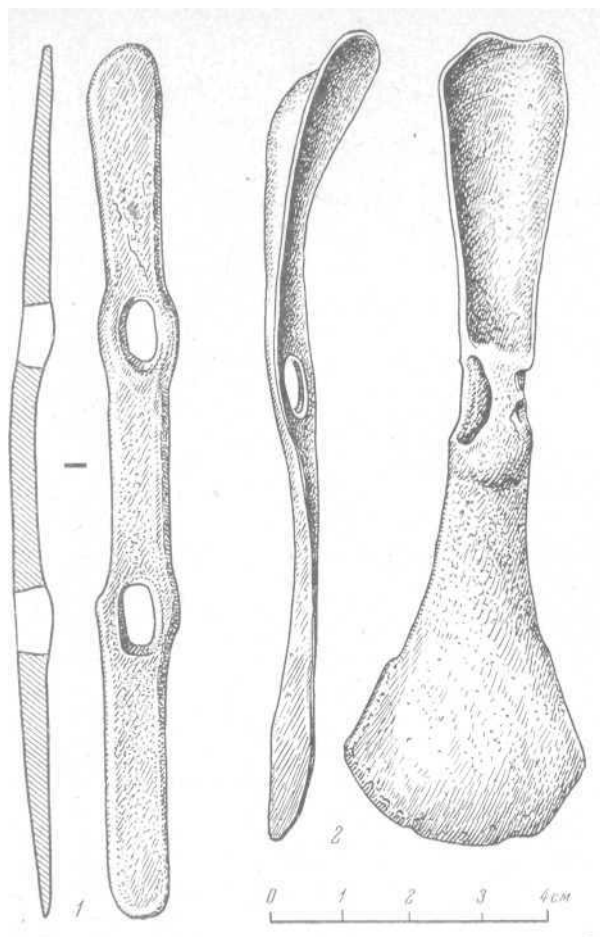


Табл. 46. Пеалии бронзовые:  
1 — Аличур II, к. 1; 2 — Акбент.

своих предыдущих работах автор. Однако ознакомление с публикациями новых месопотамских текстов и изучение доступных иконографических материалов призывает, как нам представляется, к значительно большей осторожности.

«Для коней, — пишет исследователь вооружения древней Месопотамии Э. Солонен, — изготавливались разного рода защитные доспехи, которые частью носили те же названия, что и доспехи для воинов». Так, например, в источниках часто упоминается *gurpīsu* (с вариантами), причем оговаривается: «для человека» или «для коня». Высказано мнение, что *gurpīsu* как конский доспех представляет покрытие из кожи, усиленное многочисленными мелкими металлическими пластинками. Он, вероятно, защищал шею коня, может быть, часть спины.

Другое наименование для доспеха — *sari-at* — также объединяет и конский и солдат-

ский доспех. Основой и этого доспеха служила кожа, на которую крепились бронзовые или железные части. По мнению Оппенгейма, сам термин хурритского происхождения. Как он указывает, доспех появляется в Месопотамии в середине II тысячелетия до н. э., но о его устройстве и форме мы узнаем лишь из значительно более поздних ассирийских рельефов. Здесь лошади колесниц защищены доспехом, состоящим из нескольких частей.

Вместе с тем в источниках встречаются специальные термины для обозначения конского оборонительного доспеха или его частей. Хотя в Ассирии, судя по иконографическим материалам, уже в IX в. проводятся какие-то опыты введения конского защитного доспеха (на некоторых изображениях грудь и частично шея лошади защищены кожаным покрытием) [1036, табл. 210—214; 1105, стр. 297, табл. 384—385], дальнейшего развития конский доспех не получил.

В одном вавилонском контракте, датированном вторым годом правления Дария II, т. е. 423 г. до и. э., перечисляется снаряжение и вооружение всадника. К коню относятся: 1) узда или подпруга, 2) потник (?), 3) потник на шею; к всаднику — 1) шлем, 2) панцирь железный, 3) шлем бронзовый, 4) 120 наконечников стрел, 5) 10 наконечников стрел (киммерийских — переводит автор, скорее, скифских) железных, 6) 2 кольца железных, 7) боевой топор [712, стр. 201—213].

Если привлечь еще описание Геродота (VII, 63) о вооружении ассирийцев (собственно, имеются в виду жители Вавилонии), можно сделать вывод, что позднеавилонское вооружение включало ряд предметов оборонительного доспеха, по конского доспеха при этом у них как будто в ахеменидское время не было. Возможно, однако, что еще в доахеменидское время в Западном Иране вместе с другими ассирийскими изобретениями стал известен и конский доспех, но практически он применялся мало. В этом плане показательны, что в персидском войске ахеменидского Ирана в первой половине V в. до и. э. конский доспех был или неизвестен или мало распространен<sup>108</sup>, но в конце этого же столетия, в битве при Кунаксе в 401 г., в персидской коннице Кира Младшего кони были защищены налобником, нагрудником и доспехом на спине [Ксенофонт, Анабасис I, 8, 7; Киропедия VI, 4, 1; VII, 1, 2; О коннице, XII, 8]. О железных доспехах коней в ахеменидском войске упоминается в свя-

<sup>108</sup> Судя по отсутствию упоминаний о конском доспехе в подробном описании вооружения персов, входивших в состав войска Ксеркса (Геродот, VII, 61 и 84).



зи с описанием битвы при Иссе [Квинт Курций III, 11, 1] и приготовлений к битве при Гавгамелах [Квинт Курций IV, 9, 3; IV, 13, 1; Арриан, Анабасис, III, 13, 4]. Отсюда делается обычно вывод, что в Иран, как и в Китай, конский доспех попал из Средней Азии<sup>109</sup>; лингвистические данные намекают как будто

<sup>109</sup> Данные, содержащиеся в письменных источниках, а также археологические материалы свидетельствуют о том, что в Средней Азии рассматриваемого периода было высокоразвитое оружейное производство. Его металлургическая (и рудная) база находилась в самой Средней Азии. Лишь полным незнанием с геологической литературой и литературой по истории средневекового горного дела Средней Азии объясняются совершенно беспочвенные утверждения, до сих пор высказываемые западноевропейскими и американскими авторами о том,

на среднеазиатское происхождение конского доспеха в Индии (см. ниже).

На монетах сако-парфянских правителей Азеса, Азилиса и др. [735, табл. XX—XXII; 1093, табл. XI—XIII] всадник-царь часто имеет одеяние, детали которого распознать практически нельзя, за исключением того, что рукава как будто из узких горизонтальных пластин. Это — I век до н. э. Иногда можно разглядеть, что кафтан как бы «клетчатого» образца. Уже Л. Бахофер писал, что это передача защитного доспеха [597, стр. 249].

что парфяне железо получали якобы из «области между Уралом и Алтаем» (см. особенно 890, стр. 22 и сл.),

# Глава IV

## ВЕРОВАНИЯ

### 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ПАМИРСКИХ САКОВ

Характер могильных ям и могильных сооружений ясен из приведенного выше (гл. I) описания могильников. Как правило, могильная яма имеет глубину от 0,5 до 1 м (чаще 0,7—0,8 м; в порядке исключения — 1,4 и 1,5 м) от дневной поверхности. Она овальной или подпрямоугольной формы (от 0,6 X 1,2 до 1,2 X 1,6 м). В большинстве случаев яма просто вырублена в грунте и никак не облицована. Однако имеется и небольшая группа курганов, где в яму впущен каменный ящик или его элементы (см. об этом ниже, стр. 134—135).

Обычно покойника клали на самое дно ямы, иногда — на травяную подстилку (Акбеит, Памирская I).

За редким исключением, погребенные лежат в скорченной позе. Так, в Акбеите все погребения скорченные, иногда — сильно скорченные, положенные на бок; скорченность с положением на спине отмечается реже. Встречается положение и на правый и на левый бок, но последнее несколько чаще. Полной идентичности в позах нет. В безинвентарном кургане № 34 у погребенного на правом боку (головой на восток) голова опущена вниз, руки согнуты в локтевых суставах и подведены кистями к подбородку. В коленных суставах ноги максимально согнуты. Вообще скорченность максимальная, возможно с помощью связывания. В других случаях скорченность значительно меньшая. При этом лишь рука той стороны, на какую клали покойника, согнута полностью и подведена кистью к лицу. Вторая же («верхняя») рука согнута под прямым углом и вытянута перед животом — в кургане 96 этой рукой погребенный касал-

ся рукояти кинжала. При этом позвоночник иногда сильно изогнут (например, Акбеит, к. 28). Хотя оба (взрослых) погребенных из могильника Шаймак лежат на правом боку (точнее, один на спине — правом боку), степень скорченности ног заметно разная. Расположение рук иное, чем в Акбеите: правая рука вытянута и подведена кистью к колену, левая («верхняя») полусогнута в локте. Вообще труположение на правом боку преобладает во всех могильниках (Памирская I, Аличур II, Жарты-Гумбез и др.). Нехарактерным является столь сильная повернутость на бок, что погребенный лежит уже не на боку, а, собственно, на груди, как это было в Можуташ II, к. 5. В Жарты-Гумбез V, к. 1 скорченность столь сильна, что пяточные кости касаются тазовых.

Ориентация погребенного в случаях, которые могли быть учтены, в Акбеите и в расположенном рядом Кзыл-Рабате одинаковая — головой на восток<sup>1</sup>, в детских же погребениях — иногда на запад. Это опровергает предположение А. Н. Бернштама, высказанное в одной из его работ, об ориентации погребенных головой (или лицом) к реке {85, стр. 304}<sup>2</sup>, — река течет от Акбеита на запад. Необходимо добавить, что в могильнике Шаймак, находящемся на противоположной (западной) стороне реки, ориентация западная, т. е. опять от реки. Восточная (иногда северо-восточная или юго-восточная) ориентация

<sup>1</sup> Северо-восточная или северо-северо-восточная ориентация двух погребений может рассматриваться как вариант восточной.

<sup>2</sup> Впрочем, ср. противоположное мнение этого исследователя [87, стр. 125, 129].

характерна и для могильников Можуташ I—II. В курганах могильников Жарты-Гумбез из девяти случаев, когда устанавливается ориентация, в восьми случаях **костяк** — головой на восток (в том числе дважды на северо-восток) и в одном **случае** — на запад. Среди **скорченных** захоронений могильника Памирская I примерно одинаковое количество ориентированных на запад и на восток. Как указывает А. Н. Бернштам, мужчины в основном лежат головой на восток, **женщины** — па запад [85, стр. 304]. Западная ориентация характерна как для одиночных, так и для парных погребений раскопанных **курганов** могильника Аличур II. В целом, хотя и преобладает восточная ориентация, она не является господствующей.

Наряду с одиночными в Акбеите существовали также и парные одnogоризонтные погребения (курган № 22), а также двухгоризонтные захоронения, причем в одном из них покойники ориентированы одинаково, в **другом** — обратная ориентация, но в обоих случаях верхний и нижний покойники лежат на разных боках. В двухгоризонтном погребении Акбеит, к. 45 нижнее захоронение мужское, зрелого возраста, **верхнее** — также мужское, возраст возмужалый. При раскопках А. Н. Бернштама были зарегистрированы погребения в сидячей позе.

Могильники Тегермансу дали много примеров парных и коллективных погребений. Так, в Тегермансу, к. 2 — парное ярусное захоронение: нижнее женское, **верхнее** — мужское. Ярусное захоронение было и в Тегермансу, к. 9.

Для Тегермансу I отмечено наличие могил с тремя захоронениями (иногда, как в кургане № 31, — ярусных). В кургане № 9А третий скелет лежит выше, хотя место для него было оставлено при помещении в могилу первых двух покойников. Характерна одинаковая поза и ориентация трех скелетов, обилие инвентаря при них.

В отношении обряда этот могильник имеет значительную близость с Харгуш II.

Наряду с одиночными могильник Харгуш II дал образцы **коллективных** — по трое погребенных (к. 2, 3, 5), причем они сопровождались обильным инвентарем.

В Аличур II интересно наличие парных погребений, как разноярусных, так и одноярусных. Очень эффектно погребение № 3, в котором оба погребенных положены на один и тот же бок, женское — **за** мужским. Это очень богатое погребение. Погребальный инвентарь, относящийся к мужчине, содержал полный

набор вооружения: кинжал, клевец, наконецники стрел, имеется также уздечный набор. Часть вещей следует рассматривать как совместное «имущество». Аналогичное парное захоронение известно и в могильнике Харгуш I.

Парные захоронения обнаружены не только в памирских, но и в семиреченских сакских курганах: в кургане № 25 Бешатырского могильника, в трех курганах могильника Кылауз I [29, стр. 69, 98]. Двухъярусные погребения зафиксированы в кургане № 7 могильника Кылауз I [28, стр. 207; 29, стр. 93—94].

В Акбеите отмечена окраска трупа красной краской, по-видимому охрой, но не во всех погребениях. В Памирская I у всех обнаруженных погребений костяки были окрашены в красный цвет. В Можуташ II, к. 4 красной охрой окрашен не весь скелет, а лишь сам череп.

Погребения сопровождалось различным по составу погребальным инвентарем. Градации были очень значительны: от погребений, совершенно лишенных вещей, до весьма богатых (например, Памирская I, к. 10, Аличур II, к. 3 и др.). Очень часто в погребении имеется керамика, деревянные сосуды, предметы украшения, встречается и оружие. Сосуды ставили у головы. В погребения клали и пищу, от небольших кусков (три бараньи косточки в погребении Акбеит, к. 38) до крупных частей бараньей туши (Акбеит, к. 96; Яшилькуль II, к. 2 — на деревянном блюде). Но явные остатки пищи встречаются далеко не во всех курганах.

Многие курганы сохранили следы деревянного перекрытия, причем бревнышки иногда клались в одном направлении (Акбеит, к. 36) или крест-накрест (Акбеит, к. 22, Памирская I, к. 9). Для перекрытия порою использовались толстые палки, собственно бревнышки, диаметром около 8 см (Акбеит, к. 36). Памирская I, к. 1 имел комбинированное перекрытие: западная часть ямы была перекрыта крупной каменной плитой, восточнее шли бревнышки, положенные по два-три в один ряд.

Отметим, что, по-видимому, существовали отдельные кладбища-могильники, **где** погребали лишь детей и подростков. Таким могильником является Койджилга. Впрочем, в других случаях детей и подростков хоронили на общих кладбищах.

Большое распространение имели кенотфы. Так, в Акбеите при раскопках А. Н. Бернштама и наших третья часть **курганов** оказа-

лась кенотафами<sup>3</sup>. Им, например, являлся курган № 52. Здесь имелась прямоугольная насыпь ( $6 \times 11$  м), по периметру обведенная кольцом из мелких камней. По углам поставлены очень крупные камни — целые куски скал. В центре — нечеткое кольцо из крупных камней, внутренность которого сплошь засыпана галькой. Вся насыпь (высотой около 0,5 м) оказалась состоящей из крупной гальки с землей. Под насыпью, в центре — крестец барана. Ямы нет; отсутствуют и следы захоронения на горизонте. Чаше ни под насыпью, ни в насыпи нет ничего. Что же касается камней-монолитов, то в кургане-кенотафе (Акбеит, к. 54) один монолит, установленный вертикально, имеет размеры  $50 \times 40 \times 25$  см. И в детском могильнике Койджилга<sup>4</sup> из 11 раскопанных погребений — кенотафы.

<sup>3</sup> Таково же примерно соотношение в Кызыл-Рабате и Жарты-Гумбазе.

Над курганом-кенотафом № 2 могильника Андемин — насыпь, обведенная кольцом из камней. В северной части кольца — большой прямоугольный камень, поставленный на ребро. В могильнике Айдынкуль один из курганов-кенотафов имел могильную яму глубиной около 1 м, причем внизу она была обложена камнями, а в насыпи стоял крупный вертикальный камень.

Как известно, кенотафы продолжают встречаться в среднеазиатских могильниках и в более позднее время<sup>4</sup>.

<sup>4</sup> Подробный экскурс о среднеазиатских кенотафах см. 371а, стр. 127—128. Кенотафы в совершенно неожиданной форме вошли в жизнь современных среднеазиатских народов. В. А. Гордлевский при своем посещении в 1929 г. архитектурного комплекса Ходжа Ахмед Ясеви в г. Туркестане обратил внимание на то, что пилигримы, прибывающие туда поклониться могиле Ходжи Ахмеда Ясеви, посещая святилище, «складывали из земли небольшие кучки по числу умерших членов семьи» [139, стр. 366—367].

## 2. КАМЕННЫЕ КАМЕРЫ И ИХ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Облицованные камнем могильные камеры имеются в Кызыл-Рабат, к. 6, 7, 10. Наибольший интерес представляет в этом плане курган № 7. Здесь впущенная в грунт могильная яма является камерой, стенки которой облицованы каменными плитами в два яруса. Нижние плитки образуют отвесную стенку, сами они поставлены на длинное ребро, причем на торцовых стенках по одной такой плите, на длинных — по две. Получается нечто вроде прямоугольного ящика размером  $0,95 \times 0,55$  м при высоте 0,40 м. На эти плиты как на основание с отступом наружу 10 см поставлены плиты коротким ребром, но не вертикально, а наклонно, так что камера расширяется вверх. Устье оконтурено плитками. Общая глубина камеры — 0,9—0,95 м, размеры по устью —  $1,20 \times 1,0$  м. Камера была перекрыта каменными плитами.

Говоря о могильных ямах, оформленных в виде камеры, нужно упомянуть Тегермансу I, к. 6. Здесь на дне могильной ямы были поставлены на ребро четыре сланцевые плиты, образующие «ящик» размером  $0,48 \times 0,8$  м при глубине 0,3 м. Он был накрыт двумя сланцевыми плитками ( $0,5 \times 0,7$  и  $0,5 \times 0,8$  м).

На дне могильной ямы Малый Истык, к. 5 — как бы гроб, сложенный из поставленных на ребро каменных плит (размеры их — от  $0,4 \times 0,5$  до  $0,6 \times 0,7$  м). Торец образован

одной плитой, продольные стенки — несколькими, второй торец не замкнут.

Это, безусловно, сакская традиция, но, судя по вытянутости труположения, погребение более позднее, может быть даже первые века нашей эры.

В других случаях нет каменного ящика, а сохраняются его отдельные элементы. Так, в Можуташ II, к. 1 могильная яма по дну обложена крупными камнями.

Каменные плиты перекрытия сохранились в нескольких курганах могильника Кызыл-Рабат. В кургане № 4 они имеют крупные размеры (до  $0,8 \times 0,4$  м). Громадные каменные плиты перекрывали камеру кургана № 5 — от  $1,15 \times 0,6$  до  $2,0 \times 0,35$  м при толщине 0,11—0,15 м. Внешне они похожи на деревянные горбыли. Возможно, они перекрывали яму не поперек, а вдоль (фото 7).

В Койджилга, к. 7 погребение подростка было полуприкрыто каменной плитой, наклонно вкопанной в грунт (ее высота — 0,7 м). Наклонена она была на запад, под нею, также с запада, располагалось погребение.

Могильная яма кургана № 12 могильника Памирская I была целиком перекрыта шестью каменными плитами. Вероятно употребление каменных (сланцевых) плит для полного перекрытия могилы и в некоторых курганах Акбеита (например, № 38).

Совершенно бесспорна генетическая связь этих каменных ящиков и их элементов с более ранними памятниками эпохи развитой и поздней бронзы — как рассматриваемого региона, так и более северных и северо-восточных районов.

С другой стороны, бесспорна их роль в развитии таких важных типов погребальных сооружений, как курумы, а отдельные элементы переживают и в конструкции подбойно-какомбных захоронений Ферганы.

Реликт более ранних погребальных сооружений можно наблюдать в Ворухском могильнике, к. 3А. Здесь на овальном дне ямы — выкладка из камней в виде ящика, в котором детское захоронение. То же со взрослым захоронением в Ворухском ущелье, к. 11.

В Ворухском могильнике, к. 9 еще более интересное сооружение. На дне ямы был устроен каменный ящик, стенки которого окружали деревянную доску, т. е. каменно-деревянный гроб, точнее, каменный ящик с деревянным основанием. То же самое демонстрирует и Ворухское ущелье, к. 7.

В горных и предгорных районах Средней Азии и Афганистана традиции устройства погребальных каменных ящиков, облицовки стен погребальной ямы камнем и перекрытия

ее каменными плитами сохранялась буквально до наших дней.

В Ишкашме и Вахане «дно и бока могилы выкладывают камнями. Когда могила готова, ее покрывают сверху одним, двумя или тремя плоскими камнями, оставляя с одного конца отверстие, через которое и пропускают тело». Затем оставшееся отверстие также закрывают камнем [43, стр. 17—18]. В Дарвазе бока вертикальной ямы обкладываются камнями, образующими стенки, перекрытие сооружается из одной или нескольких каменных плит, поверх которых — земля. Там же, в г. Егид, как сообщает А. К. Писарчик, «могила роется в земле всего примерно на 0,5 м, а затем в ней выкладываются из камней стенки, которые продолжают и на поверхности земли также на 0,5 м, образуя надгробные сооружения — сагона, закрываемые сверху каменными плитами» [393; 438, стр. 69].

В Ягнобе могилу роют в виде вертикальной ямы. Стены облицовывают камнем, плоскими камнями перекрывают верхнее отверстие [41 (рукопись), стр. 191]. У таджиков Панджшира (Афганистан) могильную яму (она роется без ляхата) перекрывают сверху плоскими камнями [37, стр. 53].

### 3. ПАМЯТНИКИ ВОСТОЧНОГО ПАМИРА И МЕГАЛИТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сакские курганы Памира имеют вокруг насыпи одно или два концентрических кольца или оградки, которые иногда делались и без насыпи. Каменные оградки возникли, собственно, еще раньше — они встречаются в погребениях эпохи бронзы. Продолжали существовать они и значительно позже — в усуньское время, в различных погребальных памятниках первой половины I тысячелетия н. э. — в курганах и курумах (семантика колец курумов или концентрических стенок муг-хоны безусловно та же, что и колец или оградок курганов).

А. Н. Бернштам кольца насыпей и кромехообразных выкладок связывал с «соллярно-космическими образами и их эмблематикой», а в памирских курганах — непосредственно с культом солнца [85, стр. 213, 305]. Об усуньских курганах Семиречья Г. А. Кушаев пишет: «Кольца-оградки, обнаруженные в насыпи большинства курганов, — это символическое выражение культа небесных светил — солнца,

луны, звезд, игравшего большую роль в жизни усуней» [29, стр. 279].

Таким образом, перечень небесных тел увеличивается: А. Н. Бернштам говорил лишь о солнце, Г. А. Кушаев — о солнце, луне и звездах (для полноты можно было бы добавить и планеты), но вопрос о связи конструкции надмогильных сооружений с культом небесных светил от этого не становится яснее. Ни А. Н. Бернштам, ни Г. А. Кушаев не объясняют механизм переноса космических представлений на форму надмогильных сооружений.

Чувствуя слабость этой гипотезы, Г. А. Кушаев пытается объединить ее с другой. Он пишет: «Кольца-оградки — это одновременно отражение космогонических представлений и элементов табу (замкнутый круг), т. е. неприкосновенности погребений и памятников» [29, стр. 280].

Хотя связь кольца-круга с культом солнца бесспорна, но прямой перенос соллярно-космических представлений на форму надгробных

сооружений в сакское время мне представляется сомнительным.

Нельзя не отметить, что у ряда племен и народов, у которых культ солнца не занимает серьезного места в системе религиозно-мифологических представлений, могильные (или мемориальные) сооружения также имеют вид круга. Так, у некоторых племен нага и сема в качестве памятника богатым или знаменитым мужчинам устраивают круг из камней. У сема он состоит из каменных плит, поставленных по кругу. Иногда в небольшом удалении ставится отдельный менгир. Диаметр такого круга, собственно памятника, не содержащего могилы, у нага достигает 4 м [777, стр. 291—292]. Вообще круглые мегалитические сооружения у разных народов Восточной Азии и Океании очень часты [777].

Конечно, сами по себе этнографические параллели ничего не могут доказать. Однако мы располагаем прямыми свидетельствами письменных источников, проливающими свет на происхождение и семантику оградок. Согласно Авесте (Видевдат VIII, 4—10), при временном помещении трупа роют углубление, в него помещают «пепел или коровий навоз, а сверху кирпичи, камни или очень сухую землю» и на это кладут труп [195, стр. 100].

У современных зороастрийцев — индийских парсов, как сообщает Моуди, труп обычно кладут на каменную доску и (что для нас особенно важно) пальцем или металлическим острием проводят три круга, которые означают, что участок внутри них связан с трупом и «никто не может войти в этот круг» [917, стр. 56—58]. Таким образом, здесь мы видим прямое переживание сохранения каменных колец и вместе с тем недвусмысленное, восходящее, по видимому, еще к авестийским временам, объяснение этого обычая.

Во всяком случае, в Ригведе (X, 18, 4) говорится: «Я воздвигаю это кольцо (из камней) для защиты от живущих, чтобы никто другой из них не мог достигнуть этого предела»<sup>5</sup>. Н. Р. Банерджи сопоставил этот текст с кольцами камней индийских мегалитов [622, стр. 73—74].

Нам кажется, что кольца памирских курганов генетически связаны с этим кругом верований, а именно со страхом перед покойником, стремлением отгородить его от живых и создать ему максимальный комфорт [299, стр. 42—48]. Все это является составными частями культа предков.

В свое время А. Н. Бернштам указал на се-

<sup>5</sup> Так переводит Вильсон. У Гриффита перевод тот же [758, стр. 406].

верные аналогии кромлехов могил памирских саков [85, стр. 318]. Сейчас количество примеров можно было бы увеличить. Но не меньшее значение имеют восточные и южные аналогии, которые А. Н. Бернштам не учел.

При описании памирских курганов мы обращали внимание на одиночные камни, стоящие у устья могильной ямы или в одном или нескольких углах кольца. Вообще здесь был развит какой-то культ, связанный с почитанием крупных, вертикально стоящих камней, которые часто, например на Яшиль-куле, в Шаймаке, Кзыл-Рабате, окружались кольцами или выкладками из камней. В курганах могильников Жарты-Гумбез наблюдается несколько вариантов использования крупных камней для подчеркивания элементов каменного кольца. Иногда это одиночный камень, поставленный в середине одной из сторон кольца: так, в Жарты-Гумбез I, к. 1 в восточной части насыпи большой прямоугольный камень, 60х70 см, поставлен на ребро; в Жарты-Гумбез II, к. 2 на ребро поставлены два плитообразных камня. В Жарты-Гумбез III, к. 1 мы наблюдаем другую картину: каждый из углов прямоугольного кольца отмечен большим камнем. Иногда же, реже, крупный камень врыт в грунт и связан с могильной ямой (Жарты-Гумбез III, к. 2).

Могильные кольца, могильные менгиры и деревянный кол в Чиль-хона, к. 8 можно интерпретировать как результат контаминации представлений об ограждении трупа с представлениями о жертвенном столпе: его основание — каменное кольцо (или кольца), его нижняя часть — менгир или деревянный кол.

Мегалиты распространены в Южной и (в меньшей степени) в Северной Индии, на Цейлоне, в Ассаме, в Западной Бирме и в других частях Индокитая, в Индонезии, на Тибете и пр., причем в Северо-Восточной Индии до сих пор существует мегалитическая культура [580; 622; 692, стр. 137—152; 777; 860; 887; 960; 1081; 1090 и др.]. Так, у Khasis среди мегалитических сооружений имеются менгиры, дольмены, кромлехи. Менгиры обычно высотой от 0,7 до 4,5 м (самый большой — 9 м). Они располагаются группами, чаще по три, иногда по пять или семь. Иногда их верхняя часть имеет вид венца. Дольмены имеют высоту от 0,3 до 9 м. Кромлехи порой большого размера. Внутри в сосудах помещались остатки костей и пепла кремированных покойников. Существовали, кроме того, поминальные менгиры [762, стр. 145—155].

Вообще у населения Северной и Северо-Западной Индии почитание камней очень часто связано с представлением о вселении в них душ умерших людей. Но вообще у каждой деревни имеется камень, который по тем или иным причинам почитается священным [678а, стр. 318—321].

У племен нага в праздники посвящения воздвигаются мегалитические памятники в виде менгира или в виде менгира и долмена [325; 777, стр. 281—282, 292, рис. 5]. Ангами (одна из групп нага) воздвигают возле своих деревень в качестве памятников умершим воинам круглые, иногда вымощенные земляные платформы, окруженные каменной стеной. На них — деревянная фигура и маленький менгир. Эти платформы — *kwehū* — не связаны с погребениями [777, стр. 285].

В Сиккиме есть святилище Kong chen — бога горы Konchenjunga. Святилище состоит из двух групп крупных неоформленных камней, причем каждая группа имеет в центре камень большой величины. Один из центральных камней представляет, по верованиям живущих здесь лепча, вышеназванного бога, другой — его жену, окружающие их камни — воинов или последователей этих богов. Судя по фотографии, это кольцо из камней, внутри которого — большой камень высотой около 1 м. Ежегодно здесь устраиваются большие религиозные церемонии с жертвоприношениями [824, стр. 128; 1010, стр. 185—189; 1011, стр. 42—46].

У Nias некоторые виды мегалитов, например batu nitaru<sup>6</sup>, не имеют отношения к умершим [777, стр. 288—289].

По мнению Хейне-Хельдерна, хотя имеется ряд случаев отрыва мегалитических памятников от погребений, первоначально связь между ними несомненно существовала. Он думает, что этот отрыв происходил при переносе отдельных форм мегалитических памятников от одного народа к другому [277, стр. 291].

Соотношение древних и современных мегалитов Индии, как и само происхождение древних южноиндийских мегалитов, остается во многом неясным<sup>6</sup>. Не вдаваясь в детали, отмечу лишь гипотезу, совсем недавно четко сформулированную Б. и Р. Оллчин. Они указывают, что прошло уже полтора столетия со времени первых раскопок мегалитических памятников в Индии, список работ по этой проблеме превышает 250 названий, но мнения очень разноречивы. Вышеназванные исследователи указывают, что, несмотря на разнооб-

разие конструкции и ритуала, индийские мегалиты объединяет сходство керамики (явно такой же, как на поселениях железного века), бус и других украшений, наличие железных орудий и оружия одинаковых типов [1089, стр. 160—162]<sup>7</sup>. Как считают Б. и Р. Оллчин, южноиндийские мегалиты появились в результате комбинирования влияний, шедших из разных источников. Некоторые из них — реминисценция мегалитических типов Центральной Азии, Ирана или Кавказа и могут быть связаны с индоевропейскими по языку пришельцами, происходящими из этих областей. Другие появились в результате развития местных неолитическо-халколитических погребальных традиций. Для третьей серии влияния прослеживаются с внеиндийских территорий, а сравнение типов может помочь найти источники таких влияний (Левант, побережье Южной Аравии и др.). Исследователи предполагают также, что отдельные категории мегалитов, — возможно, результат местного развития на самом полуострове Индостан. Основную часть мегалитов они датируют железным веком [580, стр. 223—230]<sup>8</sup>.

Н. Р. Банерджи, детально разработавший эту проблему, считает, что южноиндийские мегалиты начинают сооружаться с периода около 700 г. до н. э. [623, стр. 185—187].

Все эти датировки противопоставляются мнению М. Уилера, предлагавшему для южноиндийских мегалитов дату III в. до н. э. — I в. н. э. [1082, стр. 163].

На северо-востоке Индостана имеются и древние мегалитические сооружения.

В Ясине, в долинах Woorshigoom и Kho, были найдены «каменные столы» (stone tables). Они имеют около 10 м в диаметре и образованы поставленными точно по кругу крупными валунами, обращенными наружу уплощенными сторонами. Высота валунов — около 1,2 м. На эти вертикальные валуны положены уплощенные камни, приблизительно одинакового размера, которые, выступая на несколько сантиметров внутрь круга. Круг заполнен мелкими камнями. По местной традиции, эти сооружения были воздвигнуты в древности великанами. В Chasi и Ясине описанные сооружения встречаются группами, причем внутри групп они располагаются близко друг к другу; зафиксированы и одиночные постройки этого типа. По мнению Биддольфа — это погребальные сооружения [645, стр. 57—58].

<sup>7</sup> Они при этом во многом опираются на наблюдения М. Уилера [1090, стр. 160—162].

<sup>8</sup> Ср. выступление S. P. Gupta [761, стр. 204—206].

<sup>6</sup> См., например, попытку Г. Н. Даса связать мегалиты области Мадраса с тода [692, стр. 142—147].

Г. де Терра обследовал мегалиты в Кашмире, в районе Сринагара, у деревни Bursahom. Здесь была обнаружена группа гигантских менгиров, часть которых возвышалась на 3—4 м над землей. По мнению названного исследователя, это был кромлех с тремя менгирами в центре, на которые была горизонтально положена плита. Эта центральная группа была окружена двумя концентрическими кольцами вертикально поставленных камней (радиус — около 17 м). Возможно, близ центра находилась погребальная камера. Де Терра считал этот кромлех не старше 2000 г. до н. э. Неподалеку располагались другие мегалитические сооружения и курганы [1053, стр. 483—507] <sup>9</sup>.

В конце 50-х — начале 60-х годов Археологическая служба Индии произвела раскопки неолитических поселений в этом районе. Наиболее ранний период радиоуглеродным анализом датируется временем около 2375 г. до н. э. По мнению Б. и Р. Олчин, второй период продолжался примерно до 1400 г. до н. э.; позже начался третий период, который ассоциируется с сооружением массивных мегалитических кругов и частей круга [580, стр. 158—160].

Итальянская археологическая экспедиция в 1961—1962 гг. в Hazar Sum (Samangan) — долина Хульма, обнаружила очень интересные мегалитические сооружения, которые предположительно связываются с юэчжами [954, стр. 158—160]. Разумеется, пока для этого нет никаких оснований. К сожалению, подробного описания не приводится. Судя по фотографиям, это были круглые или овальные в плане оградки, состоящие из поставленных на ребро плит. В одном случае такая оградка с одной стороны примыкает к скале, в которой вырублены ниши. Автор говорит об их возможном культовом или погребальном назначении.

Много мегалитических памятников и в Тибете. Менгиры (тиб. rDo-ring), долмены (тиб. iNa-tho), кромлехи и альемены особенно распространены в области Больших озер и к западу, вообще — больше всего в Западном Тибете [813; 815; 972, стр. 25—27; 973, стр. 31; 974, стр. 416—417; 986, стр. 135; 1069, стр. 115]. Так, в Kanham-La, судя по фотографии, тянется ряд круглых холмиков — набросок из камней; с одной стороны каждой наброски — вертикальный камень — менгир [1069, рис. 20].

С. Хуммель считает, что в состав добуддий-

ской тибетской религии бон вошли различные элементы, в том числе связанные с мегалитической культурой Тибета, в свою очередь, по мнению этого исследователя, имеющие западные корни. При этом он ссылается и на Ю. Н. Рериха, который предполагал «доиндоиранский» слой тибето-западных связей, которые сыграли важнейшую роль в сложении религии бон [814, стр. 166—168] <sup>10</sup>.

Сооружения, предположительно относящиеся к эпохе бронзы, обнаружены нами в 1959 г. на правом берегу р. Кокуйбельсу, неподалеку от оз. Сарезского. Здесь современное кладбище находится на месте древнего могильника. На краю террасы идут вытянутые в ряд три прямоугольные выкладки (размер их — 3,5—4×5—5,5 м). Посередине каждая из выкладок разделена продольным «ребром» из камней. Внутренняя поверхность заполнена мелкими камнями. С севера и юга могильник ограничивают громадные выкладки в виде стрелы (лучше сохранившаяся, северная имеет длину 27 м при ширине 3 м). Они вытянуты с северо-востока-востока на юго-запад-запад [284, стр. 55; 291, стр. 146—147].

Культовые выкладки могильника Кокуйбель по своему внешнему облику идентичны некоторым выкладкам эпохи поздней бронзы, раскопанным А. Н. Бернштамом в Центральном Тянь-Шане (Арпа) [85, стр. 19—20, рис. 7/1]. Характерно, что более поздние, сакские выкладки Памира при своей несомненной генетической связи с выкладками эпохи бронзы внешне являются совсем иными.

Особый интерес представляют выкладки в виде стрел (они обнаружены и на противоположном берегу р. Кокуйбельсу). Дело в том, что в Тибете, в области Больших озер, в местности Доринг, Ю. Н. Рерих отметил наличие мегалитических сооружений <sup>11</sup>, в частности в виде фигуры стрелы. Стрела — важный символ в древнем тибетском культе природы. Она была связана с культом солнца. В тибетской религии бон стрелы занимают определенное место в системе сельскохозяйственных обрядов. Вполне определенную связь имеет стрела с культом плодородия в целом. Древние верования, связанные со стрелой, вошли в современный ламаизм [814, стр. 171—172, прим. 14а; 973, стр. 416; ср. 1009, стр. 1078]. В Китае и в Индии стрела выступает как один из символов плодородия; вместе с тем она связана с культом мертвых [840, стр. 51; 1003].

<sup>9</sup> В Пакистане известна группа небольших каменных цист, погребенных в песке. Одна из них окружена кольцом из камней [1089, стр. 36]. О мегалитах вообще см. 1089, стр. 34—36; 1090, стр. 159; о мегалитах в Кашмире см. еще 838, стр. 111, табл. XLIII.

<sup>10</sup> Наиболее подробный обзор тибетских мегалитов с использованием некоторых недоступных нам работ см. 894, стр. 63—76.

<sup>11</sup> Общую характеристику см. 441а, стр. 260—261.



Зафиксирована ее роль в обрядах, связанных с культом плодородия, у памирцев [178; ср. ПО, стр. 287].

Итак, на Восточном Памире, как и на Тибете, специфически культовые выкладки в виде стрелы могли быть связаны с культом солнца, шире — культом плодородия, тем культом, который<sup>12</sup> позже являлся важнейшим у сако-массагетских племен Средней Азии, и в частности Памира [280, стр. 6—8]<sup>12</sup>. Эти верования сакские племена принесли с собой в Афганистан и Индию [297, стр. 41—43; см. также ниже].

<sup>12</sup> Может возникнуть вопрос, почему, отрицая правомерность объяснения формы надгробного сооружения солярно-космическими представлениями, я сам прибегаю к ним при интерпретации выкладок Кокуйбель. Дело в том, что эти выкладки с их специфически культовым назначением в своей семантике могли более непосредственно и прямолинейно связываться с теми или иными представлениями, в том числе солярно-космическими.

#### 4. ПРИБОРЫ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ В ПОГРЕБЕНИЯХ

В Памирская I, к. 10 в состав погребального инвентаря входит деревянный прибор для добывания огня. Такие приборы встречены и в ферганских и в западнопамирских могильниках I тысячелетия н. э.; зарегистрированы также железные кресала.

Способ добывания огня с помощью «огнивого сверла» был известен уже в древнейшей Индии, причем в некоторых областях он дожил до современности [803а, стр. 81—82; также 678а, стр. 334—338; 983а, стр. 590—595].

На первый взгляд кажется, что помещение в погребения железного кресала и «огнивого сверла» может отражать их роль в повседневной жизни. Так, у горных таджиков охотник носит специальный охотничий пояс «камар», в котором всегда есть кремь и огниво [40, стр. 216]. У тибетцев мужчина постоянно носит с собой огниво [224, стр. 24]. Алтайцы опоясываются ремнем, на котором «на отдельных ремешках висит нож в деревянных или костяных ножнах и огниво в кожаной оправе с сумочкой для кремня и трута. Без этих принадлежностей алтаец никогда не бывает» [107, стр. 10]. Вместе с тем не исключено, что эти предметы клали в могилу с какими-то магическими целями; известно, что в верованиях кавказских народов кресало имеет охранительное значение [562, стр. 217].

Собранный выше материал, — собственно, не обзор (он занял бы слишком много места), а отдельные выборочные сведения — показывает, что памирские мегалитические сооружения занимают определенное место среди сходных или близких сооружений обширного региона Центральной Азии, Индостана и Юго-Восточной Азии. Но вслед за констатацией этого и выявлением конкретных соответствий и соотношений возникают сложности в интерпретации. Они вызваны прежде всего неясностью в хронологии. Лишь одна группа южноиндийских мегалитов датируется более или менее точно. Мегалиты же Кашмира, Тибета и других районов, близких к Памиру, вообще не датированы сколько-нибудь убедительно. Тем не менее уже то, что памирские мегалитические сооружения являются не изолированным феноменом, а составной частью обширной группы сходных или близких сооружений, представляет, как нам кажется, большой интерес.

Однако не охранительно-магическая функция, а совсем иные представления, а именно те, которые связаны с огнем, кажутся в данном случае доминирующими. В этой связи нельзя не вспомнить упоминавшегося выше обычая памирских саков окрашивать покойника в красный цвет при помощи охры (см. выше)<sup>13</sup>, а также факта кремирования покойников (могильник Кокуйбель).

Известно, что у многих народов красный цвет являлся (и является) символом солнца, огня и пламени [503, стр. 130—131]. «Символическое и обрядное значение красного цвета у русских, как у многих других народов, разнообразно, — пишет Н. Ф. Сумцов, — причем в основе большинства символических значений красного цвета лежит его значение как эмблемы огня» [503, стр. 130].

Таким образом, вполне вероятно, что в погребальном ритуале памирских саков и более поздних племен огонь занимал определенное место. По мнению специалистов по истории религии, культ огня — одно из наиболее распространенных религиозных проявлений. В тех или иных формах он известен в Азии, Африке, Америке и Европе и существует с древ-

<sup>13</sup> Возможно и другое объяснение, исходящее из цветовой символики частей вселенной или социальных групп.

нейших времен до наших дней [810, стр. 142]. Разумеется, изложение хотя бы основных фактов увело бы нас слишком далеко от основной темы. По разным линиям культ огня связан с культом предков (например, 345, стр. 71 и сл., 91 и сл.).

Помимо очистительной силы огня, вера в которую сохранилась у среднеазиатских народов до наших дней (источником являются древнеиранские верования)<sup>14</sup>, существовали, по-видимому, и верования, аналогичные сохранившимся у русских крестьян в XIX в. представлениям о необходимости «греть» покойных родителей разведенными кострами [313, стр. 218].

В осетинском нартском эпосе мертвые, призывая стража подземного царства Аминона отпустить их наверх, к людям, просят:

И нас наверх ты отпусти за ним,  
Ты видишь, мы от холода дрожим.  
Вода и хлеб здесь вкуса не имеют,  
Здесь солнце нас своим теплом не греет  
[362, стр. 270].

У курдов в день похорон хозяин дома зажигает к вечеру светильник и ставит его на то место, где обмывали умершего. «Светильник должен гореть с вечера до утра, чтобы у покойника был свет, иначе в могиле будет темно» [363, стр. 188].

У различных племен Индии сохранилась вера в то, что дух нуждается в источнике света, для того, чтобы продвигаться по своему пути, и в огне, для того, чтобы согревать себя [678а, стр. 233].

Аналогичные представления в древности существовали у населения Средней Азии. Об этом свидетельствует, в частности, то, что в могильном надгробии у таджиков устраивается небольшая ниша, в которой по праздникам родственники зажигают светильник. Если начинается мор и причиной его считают покойника, в нише возжигают курения, чтобы «умилостивить покойника» [39, стр. 189, 206]. В Ягнобе на могильную насыпь накладывают три белых камня, называемые «чахмоки», т. е. «кремневые», «годные на кремь» [41]. В день похорон на могиле вечером разводили костер, иногда его жгли три ночи подряд (объясняя это необходимостью отпугивать зверей). В ночь, следующую за смертью по-

койника, дома в ручки котла ставились свечи. В народе сохранилось объяснение этого обычая: чтобы свечи на том свете светили покойнику. С этой же целью на протяжении года после смерти по праздникам у дверей ставили две зажженные свечи [43, стр. 18—19; 437, стр. 115, 122; 440, стр. 63].

Принципиально сходные обычаи существуют у современных зороастрийцев в Иране и Индии, где поддерживают огонь в дахме (Dadgah) [652, стр. 54]. Отсюда явствует, что мы сталкиваемся в данном случае с древнейшими представлениями о необходимости освещать могилу. Это же подтверждается и тем, что в западнопамирских могильниках А. Бабаев неоднократно находил в погребениях светильники. Так, например, в погребении с каменным ящиком могильника Мызыльдыгар (погребение I) был найден фрагмент светильника; в могильнике Новабад, в оградке № 4 — целый светильник со следами копоти.

Можно сделать вывод, что у памирских савков и некоторых других более поздних племен существовало представление о необходимости «освещать» и «согревать» могилу.

Следует сказать несколько слов о другом обычае, известном по первому Бесшатырскому кургану. Его насыпь окружили 94 оградки. При раскопках в них на небольшой глубине найдены зольно-сажистые пятна. К. А. Акишев полагает, что в какой-то момент погребальной церемонии вокруг Большого кургана горело около сотни костров и что это было связано с культом огня [28, стр. 205; 29, стр. 31]. Необходимо отметить, что генетически кольцо из оградок, где разжигались костры, восходит к эпохе бронзы (представлены в обследованных нами могильниках *вахшской* культуры). Разумеется, это также одно из проявлений культа огня. Но попытка более конкретной интерпретации приводит к заключению, что в данном случае можно говорить о верованиях, связанных с «огненным барьером», препятствующим возвращению души покойного в мир живых [732, II, стр. 58]; огонь, с другой стороны, мог рассматриваться как экстатическое средство, помогающее душе вознестись к обиталищу богов.

Гораздо более яркие проявления культа огня известны по погребениям приаральских савков и савроматов [479, стр. 94—100]. Из Семиречья происходит целая серия ритуальных курильниц и жертвенников, тесно связанных с культом огня (фото 21—24).

<sup>14</sup> Представления, имеющиеся у некоторых среднеазиатских народов об огне как эманации дьявола, продукте ада [189, стр. 265], отражают более поздний пласт религиозных верований.

## 5. НАГЛАЗНИКИ ИЗ РАКОВИН НА ПАМИРЕ И В ИНДИИ

В Можуташ II, к. 2, Кзыл-Рабат, к. 6, Шаймак, к. 1 и Андемин I, к. 2 найдены крупные и средние створки раковин, имеющие вид выпукло-вогнутых кружков (диаметром от 23 до 55 мм), с отверстием в центре [283, стр. 39—40; 284, стр. 57—58]. На раковине из могильника Кзыл-Рабат (диаметр раковины — 46—47 мм) на внешней поверхности — гравированная сетка с треугольными ячейками, в центре каждого треугольника — точка.

По определению старшего научного сотрудника АН ТаджССР, кандидата геолого-минералогических наук В. М. Реймана, это раковина моллюска из семейства *Pectunculidae*. Она может происходить или из палеогеновых морских отложений (на Памире они нигде не обнажаются), или же с побережья Индийского океана, где такие моллюски существуют и сейчас. Подобное заключение относится и к другим крупным раковинам из памирских могильников. Следовательно, они попали на Памир из Индии.

Эти находки для среднеазиатской археологии являются уникальными. Однако точно такие же раковины с украшенной внешней поверхностью неоднократно встречались в мегалитических сооружениях Южной Индии, причем и там они имеют разный размер (табл. 47). Это выпукло-вогнутые раковины с отверстием в центре и гравированным орнаментом (чаще всего — розетка или звезда, лучи которой завершаются кружками) [621, стр. 26, 29, табл. II; 624, стр. 37, 39, табл. XIX/A].

Индийские исследователи относительно раковин из мегалитов пишут, что «определить назначение этих предметов невозможно», но, привлекая данные об употреблении до сих пор раковин в качестве украшений в Ассаме, можно предположить, что они и в жизни населения, оставившего южноиндийские мегалиты, служили для той же цели [624, стр. 37].

Наблюдения, сделанные при раскопках памирских погребений, позволяют дать определенный ответ о назначении раковин: они служили здесь наглазниками.

Как известно, обычай применения наглазников был широко распространен в древности. В ритуальной практике древней Индии отверстия лица покойника перед кремацией закрывались золотыми пластинками [753, стр. 131—132].

«Обычай класть наглазники и нагубники на лицо покойного не характерен ни для греков, ни для скифов», — пишет Н. В. Пятышева [416, стр. 29]. По ее мнению [416, стр. 39], как

и по мнению Б. А. Куфтина [254, стр. 39] и П. Н. Шульца, лицевые пластины — «заменители» лицевых масок (последние известны уже в древнем Египте и Микенах). Зародился ли этот обычай конвергентно у разных народов или же идея лицевых пластин распространилась из одного центра — все это еще не решенные вопросы, по которым продолжаются дискуссии.

Представляется, что среднеазиатский материал свидетельствует скорее о конвергентном зарождении этого обычая и что последовательность маска — лицевые пластины отнюдь не была универсальной. Что же касается назначения этих наглазников, мы полностью присоединяемся к мнению Л. Р. Кызласова, что их появление было вызвано стремлением живых освободиться от умершего, преградить ему возможность вредить живым [299, стр. 48—51].

Но возникает другой вопрос: случайно ли то, что на Памире (и, по-видимому, в Южной Индии) в качестве наглазников применялись створки раковин? В верованиях многих народов раковина — символ глаза.

В Ассаме раковины вместо глаз вставляются в резные изображения человеческих фигур. В Меланезии и на Борнео раковины прикрепляются к глазницам черепов, на Новой Гвинее — вставляются в скульптуры из известняка. В Индии существует старинное поверье, что амулет из раковины столь тесно связан с тем, кто его носит, что трескается от «дурного глаза», обращенного на его владельца [717, стр. 38—45, рис. 131].

Чрезвычайно показательно, что эти верования были, очевидно, распространены и у савков Памира, к которым с морского побережья Индии специально доставлялись створки раковин.

У отдельных среднеазиатских племен какие-то представления о необходимости закрывать отверстия лица погребенного продолжали существовать и значительно позже, уже в I тысячелетии н. э.<sup>15</sup>

<sup>15</sup> В 1967 г. в могильнике Алмалуу (Кетмень-Тюбе) в двух катакомбах обнаружены золотые «наротники». Как считают киргизские археологи, «наличие золотых наротников несомненно доказывает существование обычая наложения золотых масок на лица погребенным. Такие обряды захоронения в катакомбах неоднократно нами были ранее отмечены при исследовании других могильников» [13, стр. 359]. Как нам сообщил И. К. Кожомбердиев, при его раскопках также найдены и наглазники.

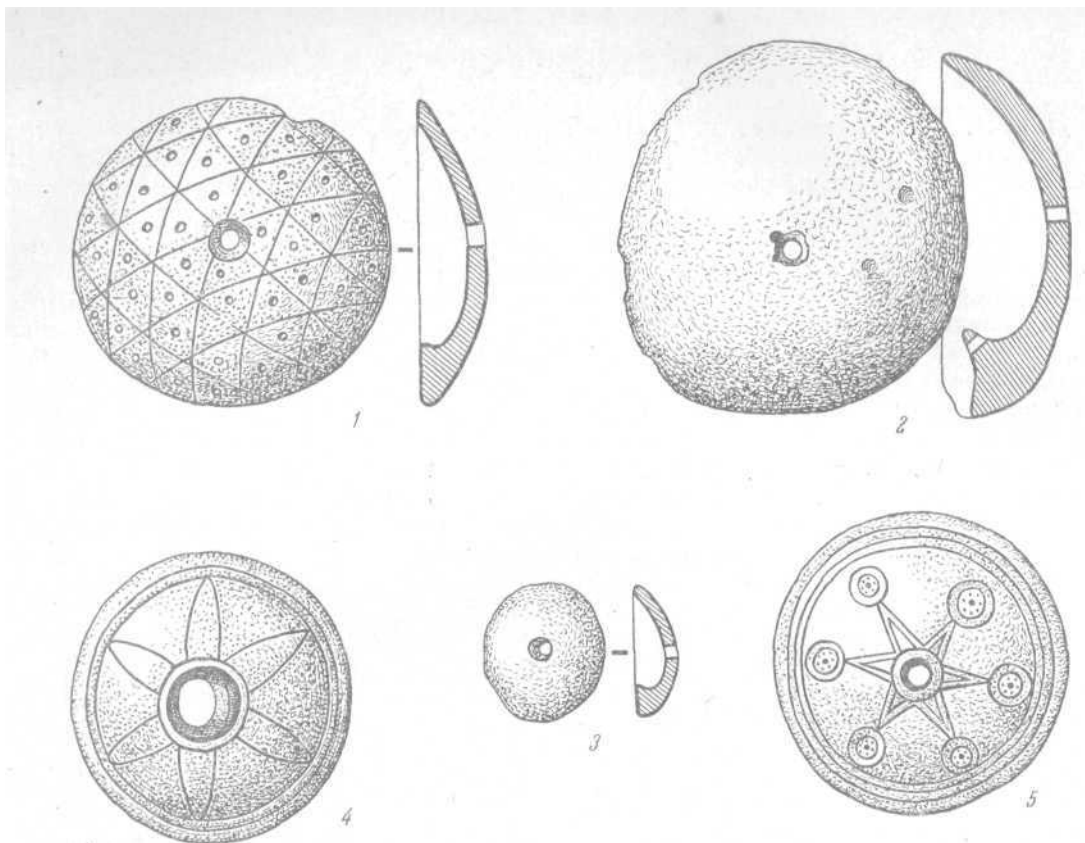


Табл. 47. Наглазники из раковин:  
1—3 — Памир; 4—5 — Индия.

## 6. ЗАХОРОНЕНИЕ КОНЯ И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДРЕВНИХ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Конское захоронение в могильнике **Шаймак** чрезвычайно интересно с точки зрения анализа религиозных представлений **памирских савков**. И не только памирских, но и **семиреченских**, ибо курган № 12 могильника Джувантобе содержал две могилы — в одной человеческое захоронение, в другой — конское [317, стр. 60—61]<sup>16</sup>.

Специальные захоронения лошадей в отдельных могилах хорошо известны для скифского мира. В этом отношении **интересный** материал происходит из Венгрии — могильник Сентеш-Вексрзуг [64, стр. 113—114;

941; 943, стр. 106, 107, 115, табл. XLII/9]. В этом могильнике имеется особый участок с конскими захоронениями, хотя два-три конских захоронения встречаются и среди обычных. В инвентаре конских захоронений — удила, бусы, прясла, посуда, железный нож и даже жернов. Пардуз выдвигает два предположения: 1) это захоронение коней, владельцы которых убиты (или умерли) где-то далеко; 2) это пережиток богатых южнорусских захоронений с принесением в жертву коней (наиболее поздняя часть могильника датируется III в. до н. э.) [942, стр. 11—12].

Тема «конь и погребальные верования» детально разработана в этнографической литературе и в литературе по истории религии. Здесь нет необходимости останавливаться на этом подробно. Приведем лишь несколько примеров. В Апокалипсисе (VI, 8) смерть едет на светлом коне. **Греко-римские источники и за-**

<sup>16</sup> В одном из курганов в районе Токтогульского водохранилища найдена «серебряная бляшка с изображением крылатых коней» («Правда», 31.I.1969). По-видимому, к значительно более поздней эпохе относится вскрытая Н. П. Остроумовым камера на Никифоровских землях, где у входа была найдена лошадиная челюсть [375, л. 100].

палеоевропейский этнографический материал исследован в этой связи Л. Мальтенем. По его словам, в верованиях эллинов оказались очень живучими восходящие еще к догомеровскому времени представления о коне как спутнике бога смерти. При этом новогреческий бог смерти Харон в качестве своего спутника имеет черного коня (черным он является и сам). Представление о черном коне, связанном со смертью, прослеживается с гомеровских времен.

В паре бог — конь акцент явно на коне. Это заставляет задуматься над тем, не был ли у эллинов конь символом и проявлением хтонического могущества. Можно сделать и другой вывод: первоначально конь являлся собственностью владыки преисподней. Существенно также, что божества преисподней и демоны появляются в образе идущего коня.

По народному верованию эллинов, увидеть коня во сне — к смерти. Близкие верования были у немцев: видеть коня во сне — признак близкого траура; смерть у них появляется в образе коня. По верованиям французов и немцев, конь (часто черный) — инкарнация дьявола, так же как у итальянцев, венгров и т. д. Конь преисподней и конь дьявола у эстонцев и швейцарцев — черный. В связи со всеми этими верованиями стоит и то, что мертвый отправляется в преисподнюю на коне.

По древнейшим верованиям, заключает автор, божеством смерти был копь; впоследствии это божество приобрело облик человека, но атрибутом этого антропоморфного божества остался конь (899а, стр. 179—225)<sup>17</sup>. Я не думаю, чтобы последний вывод был беспорочен, но в целом материал, собранный Мальтенем, очень впечатляющ.

Обратимся на Восток. Бхилы, парод Центральной Индии, на вершинах высоких холмов ставят изображения лошадей, сделанные из обожженной глины и расположенные рядами на платформе. Они объясняют этот обычай следующим образом: «Небеса расположены на небольшом расстоянии от земли, но для того чтобы душе мертвого достигнуть их, надо совершить очень трудное и утомительное путешествие, которого можно избежать, проведя какой-то отрезок жизни на высоких холмах и сделав тут изображение лошади. Оно послужит верховым животным для души при подъеме ее в обитель блаженства» [732, I, стр. 191]. В этом отношении еще ближе Пами-

ру замечательные кафирские намогильные деревянные статуи всадников<sup>18</sup>. В этой связи невольно вспоминается обычай, о котором сообщает Геродот (IV—72): установка на могилах скифских царей чучел умерщвленных всадников<sup>19</sup>. Вопрос об источниках кафирского обычая не решается приведенной параллелью, здесь требуется специальное исследование.

Другой вариант этого обычая — знаменитый осетинский бахфалдисын, обряд посвящения коня покойнику, благодаря которому «обеспечивалось» его путешествие на коне в загробный мир [2, стр. 72; 203; 352, I, стр. 132—134; 352, стр. 294—295; 353, стр. 203—204]<sup>20</sup>. По-видимому, какой-то близкий обряд в древности существовал и у народов Средней Азии и Ирана. Об этом свидетельствуют данные новоперсидской «Гершасп-наме» (поле ее действия — преимущественно Восточный Иран и прежде всего — Систан, Кабулистан, Забулистан) [1096, стр. 340], погребальный обряд ягнобцев и таджиков [41, II, стр. 136—137], а также узбеков-локайцев [240, стр. 102—103] и туркмен [356, стр. 55].

Разумеется, роль коня в погребальном ритуале сакских племен нельзя рассматривать в отрыве от общей системы сакских религиозных представлений, где конь занимал значительное место [297, стр. 28—35; 765, V, стр. 62—63]<sup>21</sup>.

<sup>18</sup> Они многократно описывались в литературе, см., например, 1011, стр. 18. Я изучал их в Кабульском музее (595, стр. 63, табл. 140; 928, стр. 44—45) осенью 1968 г.

<sup>19</sup> В Средней Азии, в сел. Мадрушкат (верхний Зеравшан), зафиксирован аналог кафирскому обычаю. На длинном шесте на могилах детей, юношей, девушек и молодых, нерожавших женщин ставилась кукла в виде мужчины или женщины. Часто ее водружали на деревянную лошадь, в руке у куклы была ногайка, лицо обращено в сторону дороги. Размеры кукол — около полуметра [524а, стр. 241].

Для других районов Средней Азии такой обычай не отмечался в этнографической литературе, но вполне вероятно его значительно более широкое распространение в прошлом.

<sup>19</sup> О реминисценциях этого в осетинском эпосе см. 742, стр. 3.

<sup>20</sup> Об этом обряде у абхазов см. 194, стр. 354. И. Гершевич приводит мнение Р. Бляйштайнера (работа этого исследователя мне недоступна), что тесное взаимодействие живых и мертвых в мире нартского эпоса указывает как на религиозный фон цикла на сакский культ мертвых [742, стр. 4—5].

<sup>21</sup> Здесь, как и в другой опубликованной работе [297, стр. 28—35], мы привели лишь часть известного материала. Культ коня, принесение его в жертву зарегистрированы и в тибетских документах из Восточного Тибетана [726, стр. 1465]; в тибетском пантеоне есть несколько божеств — покровителей коней [932, стр. 306].

<sup>17</sup> Русские, шире — славянские материалы — 46; 345, стр. 179—225.

## 7. СЕМАНТИКА ДВУХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ МОТИВОВ

Изображения на котле с БФК и памирских котелках ставят чрезвычайно интересные историко-культурные проблемы. О каких пластах верований свидетельствует помещение на котел с БФК фигурок козлов? Это очень сложная историко-культурная проблема, ибо комплексы верований, связанных с козлом, распространены у разных народов, в том числе тюрко-монгольских, иранских и кавказских. У индо-арийских дардских племен и народностей Северо-Западного Индостана (в частности, Гильгита) имеется цикл верований, связанных с горным козлом. Известный исследователь К. Йеттмар, анализируя дардские верования, нашел в них много аналогий кавказским верованиям. «Между этими двумя областями (Кавказ и Гиндукуш—Каракорум) лежит обширное пространство, население которого сейчас лишено подобных верований, но, может быть, эти верования когда-то существовали на Иранском плато, а затем, за время бурной истории этой области, исчезли» [828, стр. 91]. Правда, в одной из своих работ К. Йеттмар сопоставлял женское божество дардов Маркум, покровительницу горных козлов, со среднеазиатской Анахитой [826, стр. 498; 827, стр. 127], но этим исследователь вначале и ограничивался<sup>22</sup>. Но так ли «специфичны» и изолированы верования гильгитского населения, связанные с козлом? Оказывается, и у горных таджиков и у памирцев имеется обширный цикл аналогичных верований.

Сопоставим в этом плане верования дардов — жителей Гильгита и горных и равнинных таджиков Средней Азии.

1. В Гильгите дикие козлы считались более «чистыми», чем домашние [828, стр. 87]. В Таджикистане, например у кулябских и гармских таджиков, мясо горного козла «считалось настолько чистым, что съевший его человек якобы на сорок дней очищался этим от всяких грехов» [369, стр. 54; 390, стр. 89]<sup>23</sup>.

<sup>22</sup> Позже взгляды К. Йеттмара претерпели значительную эволюцию (см. об этом ниже, стр. 147).

<sup>23</sup> В этом и во многих других верованиях среднеазиатских народов можно видеть древнейший тотемистический пласт. Именно так, например, можно истолковать рассказ киргизской поэмы «Карагул ботом» об охотнике Сардубасе, пытавшемся убить дикую серую козу, но попавшем в своего сына. Здесь перед нами не только отражение мотива «незадачливого охотника» (а именно так трактует этот рассказ М. Т. Айтбаев) [27, стр. 82—83], но, как мне представляется, отзвук более древних верований тотемистического круга.

В Читрале зафиксирован такой рассказ: однажды какой-то читралец выстрелил в дикую козу, ранил ее,

2. В Гильгите каждый охотник на козлов имеет пари-покровительницу. Пари является ему во сне и объявляет, на какой горе он встретит козла, ибо горные козлы — это домашний скот пари. Явившись человеку во сне, пари «дарят» ему козла с человеческой головой, по-видимому «душу» животного. Во время племенных распрей человек, собирающийся убить врага, ожидает, когда пари (они называются *gaschi*) во сне принесет ему голову горного козла [828, стр. 87—89; 833, стр. 149—150]<sup>24</sup>.

В Таджикистане у горных таджиков существовало поверье, что горные козлы нахчиры «являлись скотом пари; так как пари имеют к людям чисто физическое влечение, то быть удачливым охотником — это значит пользоваться успехом у пари, хозяев нахчиров». В таджикском фольклоре имеются рассказы о том, как охотники, которых любили пари, приходя в горы, встречали проводивший время в песнях и танцах «весь народ пари». «Здесь же паслись нахчиры, так же спокойно, как домашний скот». Пари указывала охотнику на какого-либо нахчира, и он убивал животное. Однако он не имел права убить животное без разрешения, по своему выбору. Пари — очень заботливые пастухи горных козлов [216, стр. 113—115]<sup>25</sup>. Если охотник потерял в горах какую-либо из охотничьих принадлежностей, считалось, что этот предмет похитила пари (аджина) [Н. Н. Ершов—505, стр. 293]. Пари доят горных коз [357, стр. 73]. У язгулемцев «существует поверье: если накануне охоты охотнику приснится сон, что кто-то что-нибудь дарит ему, то он еще до восхода солнца берет ружье и уходит в горы; считается, что он обязательно убьет козла» [357, стр. 76].

3. В Гильгите отдельные виды деревьев (можжевельник, горный дуб) считаются священными и связанными с козлом [645,

но она убежала. Через несколько дней в деревню пришел хромец и спросил охотника, зачем он стрелял в него, ведь именно он был в то время дикой козой [1067, стр. 126]. Параллелизм с киргизской поэмой почти полный.

<sup>24</sup> Бронзовый составной ритон, нижняя часть которого имеет вид кентавра, держащего небольшую фигурку горного козла, был, как указывалось выше, найден в Гильгите, в Ишкуманской долине [1033, стр. 15—16, табл. III]. Не связано ли это изображение (кентавр держит — «приносит» козла) с верованиями, аналогичными современным гильгитским?

<sup>25</sup> Точно такие же верования существуют у таджиков афганского Бадахшана [862, стр. 95].

стр. 103—104, 106—107; 828, стр. 91; 888, стр. 313—314]<sup>26</sup>.

В Таджикистане есть легенда о святом Бурхе, связанном с горным козлом (об этой легенде см. подробнее ниже); деревья в горах, где он жил, считались заповедными и ломать их было нельзя [215, стр. 184]<sup>27</sup>.

4. В Гильгите, когда мясо убитого горного козла съедают, кости складывают вместе, покрывают шкурой, и после особых церемоний происходит магическое «оживление» животного [828, стр. 87].

В Таджикистане аналогичный обряд не зафиксирован. Следует лишь указать, что в Ягулеме охотник, убивший козла, основную часть туши прячет, а не берет с собой. «На другой день за тушей посылается человек, не участвовавший в охоте. Таким образом, в кишлак приносит козла невиновный в его убийстве и козел не может мстить жителям кишлака, участвующим в общей трапезе» [357, стр. 76].

5. В Гильгите женщины, а также охотники почитают женское божество Маркум. Маркум — главная владелица всех горных козлов (иногда и баранов); она помогает при родах, защищает мать и дитя. Божество пребывает на высоких горных вершинах. К. Йетмар видел алтарь этого божества из камней. Ниже располагались скамьи из камня. Здесь же были источники и ореховые деревья, также считающиеся священными. По преданию, божество в образе горной козы в незапамят-

ные времена появилось именно здесь, обещая жителям счастье и изобилие. У алтаря ежегодно собираются женщины и приносят жертву — горную козу. К участию в церемонии допускается лишь один мужчина — жрец Маркум. Он совершает заклинание козы. Заклучительная часть празднества носит органистический характер. Мужской аналогии это божество не имеет, его воплощениями считаются пары [828, стр. 88—91; 831, стр. 113].

В Таджикистане сохранились остатки верований в верховное божество, повелевавшее горными козлами, но уже в мужском варианте, что естественно для населения, у которого господствовала мусульманская религия. Н. А. Кисляков описал широко известный в Средней Азии и прилегающих странах мазар (гробницу) святого Бурха (верховья реки Хингоу)<sup>28</sup>. Характерны следующие моменты: а) Бурх повелевает горными козлами, посылает козла охотнику; б) считается, что источник у мазара связан с кровью закланного козла; в) Бурх оберегает деревья [215, стр. 184—185]<sup>29</sup>. В таджикских верованиях сохранились намеки, что первоначально это божество было женским. Для магического вызывания дождя горные таджики верховий Вахша «приготавливали куклу в виде старухи, называемой ашаглон. На метлу или деревянную лопатку надевали женское платье, на голову повязывали платок и сажали на козленка», а затем возили по дворам селения» [439, стр. 79]<sup>30</sup>. В Хуфе запрет женщинам, лечащим-

<sup>26</sup> О прикреплении рогов горных козлов к деревьям в Южном Припамирье см. 1001, стр. 135. В совершенно незамаскированном виде связь между божеством плодородия, деревом и козлом выступает в верованиях кафилов [442, стр. 71—73, 94]. Якши в индийской скульптуре и мифологии, по А. Кумарасвами, — это неарийские местные божества или гении, податели богатства и могущества. К. Гельднер особо подчеркивал связи якши (в более позднее время) с деревьями [609, стр. 49]. В фольклоре разных народов есть сюжет о захоронении животного, на месте которого вырастает растение, дерево или сад, приносящие обильный урожай и вместе с тем обладающие магической силой: плоды принадлежат тому человеку, который произвел захоронение. Так, у китайцев и других народностей, населяющих Китай, есть ряд сказок, где рассказывается, что на могиле собаки выросло чудесное плодородное гранатовое дерево или громадный колос. В русской сказке о падчерице из костей коровы вырастает чудесный сад. Этнографы и фольклористы собрали огромное количество аналогичных примеров. Как им удалось установить, за всем этим стоит представление о тотемном животном, дарующем плодородие [345, стр. 123—124].

<sup>27</sup> Ферганские таджики считали, что «шелковичных деревьев не рубят потому, что Сулайман скрывался в шелковичном дереве» [383, стр. 217]. Жители Хунзы верили, что человек, срубивший можжевельник, немедленно умрет или тяжело заболит [888, стр. 514].

<sup>28</sup> Этот мазар не был единственным. Так, в центре ленинабадского пригородного селения Ева находится квартал Кучай-калон, который также называют Мазори Бурх [323, стр. 94—95].

<sup>29</sup> У осетин божество — покровитель горных оленей и козлов Овсати — также мужское. Он может «отдать» или «не отдать» охотнику животное из своего стада [120, стр. 58—59]. В специальном святилище ежегодно происходит мужская церемония, в частности связанная с теми, у кого родился в этом году сын [352, II, стр. 259—260].

<sup>30</sup> Быть может, с этим же кругом верований и обрядов связаны наскальные изображения человека, скачущего на козле, вблизи кишлака Наматгут [422, стр. 67], в группе Дашти-Эймат на Зеравшане [319, стр. 157, рис. 2] и в обследованной нами группе в Чарчанак-сае (Аштский район). Однако следует иметь в виду, с одной стороны, что в таджикском фольклоре козел фигурирует как средство передвижения таких мифологических персонажей, как лев и албасты; см., например, 383, стр. 217; 541, стр. 230—231. С другой стороны, следует указать, что обычай сажать куклу на козла во время церемонии по вызову дождя распространен у многих народов. В Кахетии во время засухи девочки делают кукол, называемых лазарэ, ходят с ними по селению, распевая обрядовую песню, в которой обещают принести в дар козла, причем селяне обливают водой куклу. Сходный обычай есть и у абхазцев, но у них куклу в виде женщины возят на осле. Как пишет

ся от бесплодия, есть мясо диких коз объясняют боязнь наказания со стороны хозяев коз — пари [39, стр. 49]. В Каратегине женщины носят кольца, сделанные из рога дикого козла [452, стр. 202]<sup>31</sup>. Не является ли Ашаглон таджикским вариантом гильгитской Маркум?

Таким образом, гильгитский и таджикский комплексы верований, связанных с козлом, очень близки, в некоторых важнейших пунктах практически совпадают<sup>32</sup>.

Наука располагает данными о глубокой древности этих верований в Средней Азии. Нам приходилось подробно останавливаться на истории среднеазиатских верований, связанных с козлами [275а, стр. 39—43; см. также 334, стр. 392—395], так что нет необходимости повторять эти сведения заново. Отметим лишь несколько моментов.

Какие-то верования, связанные с горным козлом, имелись в Средней Азии уже в эпоху палеолита [372, стр. 78—79]. В анауской культуре встречается керамика с изображениями козлов, стоящими между деревьев, причем известны и великолепные композиции, явно ритуального характера, состоящие из деревьев и козлов [267, стр. 46, рис. 10; 330, стр. 34; 460, стр. 28, 32, 39, 66]<sup>33</sup>. Б. А. Куфтин нашел на Намазга-тепе фрагмент женской статуэтки, на которой нарисован козел. Статуэтка может датироваться началом III тысячелетия до н. э. [334, стр. 395]. Эта находка, на наш взгляд, датирует появление женского божества, в культе которого козел занимал особое, может быть доминирующее, место. В свете изложенных выше сведений о женских божествах — покровителях козлов — эта находка имеет особо важное значение<sup>34</sup>. Для восточной части Средней Азии очень существенно обнаружение в одном из раско-

панных нами могильников вахшской культуры (середина — вторая половина II тысячелетия до н. э.) сосуда с изображением процессии козлов. В ахеменидское время, судя по Амударьинскому кладу, тема козла была излюбленной в бактрийском искусстве. На бортике одного семиреченского сакского светильника-курильницы — группы, изображающие борьбу козла со львом [85, стр. 43].

В авестийской мифологии козел занимает сравнительно скромное место. Авеста, говоря словами В. Гейгера, придает разведению крупного рогатого скота гораздо больше значения, чем овцеводству и разведению коз. Все же Вератрагна выступает в Авесте, в частности в образе остророгого козла (Яшт XIV, 23) [737, стр. 362—364; 935а, стр. 81; 801, II, стр. 532].

В погребении на душанбинских холмах. (II—III вв. н. э.) была найдена каменная подвеска с выгравированным линейным изображением козла вправо. Над линией туловища, примыкая к нему (как бы вырастая из него), — тонко выгравированное изображение дерева. При наших раскопках в Яване были найдены заготовки амулета с изображением двух козлов и стоящей человеческой фигуры, по обеим сторонам этой сцены — деревья. Аналогичные штампованные изображения есть и на беграмской керамике первых веков нашей эры [766, стр. 3, рис. 8]. Число примеров подобных изображений, говорящих о какой-то символике, связанной с козлом, можно было бы умножить. В частности, ручки в виде козлов известны и на ферганской керамике III—V вв. — на сосудах из курганов 14 и 39 могильника Тураташ [63, стр. 54—55, табл. XIII/1—2].

Козел — одно из излюбленных изображений на наскальных рисунках Памира [17; 155; 159; 422; 434]. Изображение козла (барана) — в росписи сосуда из могильника Дарай-Абхарв [183, стр. 299, рис. 3/1].

Таким образом, и на Памире (как и в Средней Азии в целом) верования, связанные с горным козлом, восходят к очень глубокой древности. Поскольку ислам вел борьбу с «языческими» верованиями, у таджиков, в том числе и у припамирских, появлялось представление, что домашняя коза связана с дьяволом [392, стр. 668]<sup>35</sup>.

Современное таджикское слово для обозначения горного козла — *нахчир* — приобрело это значение под влиянием памирских языков,

А. Н. Веселовский, «что касается до самого обряда умоления дождя, то кахетинское *лазарэ* и абхазская *кукла* становятся в один ряд с сербской *додолой* или *прперушей*, болгарскими *пеперугой* или *дюдюлом*, румынской *păpăluga*, *păpăludă*, новогреческой *гсорісітрооа* [108, стр. 312—313].

<sup>31</sup> Как оберег очень часто применялись рога дикого козла — они вывешивались снаружи и внутри домов и мечетей [216, стр. 117; 310, стр. 54] (это практиковалось и в горах, и на равнинах, даже в последнее двадцатилетие); на стенах домов в Сурхобе можно было видеть, как отмечают этнографы, рисунки козлов и т. д.

<sup>32</sup> Столь же близкую связь они обнаруживают и с верованиями кафиров, в том числе и калаш-кафиров.

<sup>33</sup> Об этом сюжете на иранской расписной керамике эпохи энеолита и бронзы см. 574; 575. О древнейшей иконографии ибекса и муфлона см. также 798, стр. 14.

<sup>34</sup> В анауской культуре имелись и другие изображения козла, в том числе на металлических изделиях [460, стр. 100].

<sup>35</sup> Коза, как нам сообщил кандидат филологических наук Р. К. Кадыров, считается воплощением дьявола и у кашкадарьинских таджиков. У турок-османов сущест-



в частности шугнанского; в среднеперсидском, парфянском, согдийском и т. д. оно обозначало «дичь, охота» (эти значения сохранились и в таджикском), «резня», «бойня»; как заимствование это слово вошло в документы на ххарошти из Центральной Азии, в индийскую надпись около 500 г. н. э., в армянский, арабский, сирийский, мандейский и др., известно оно и в текстах из Кумрана [262, стр. 205; 461, стр. 159; 592; 612, стр. 73, прим. 2; 663, I, стр. 513; 912, стр. 135; 1061, стр. 792]<sup>36</sup>.

Весь вышеприведенный материал показывает, сколь спорными в этом отношении являлись первоначальные представления К. Йеттмара. Полемизируя о происхождении дардов с немецким исследователем, мы в 1964 г. указывали на значительную степень близости дардских верований со среднеазиатскими и на необходимость учета среднеазиатского историко-археологического и фольклорно-этнографического материала при решении вопроса о происхождении дардов [291, стр. 147—151, 161—163]. Позже эта концепция была усилена выявленными нами параллелизмами между материалами вахшской культуры и могильников из долины Свата [295, стр. 123—127]. Наши доводы встретили поддержку у других зарубежных исследователей, в частности у Г. Глессера [749]. В своих последних работах, как всегда содержащих богатейший материал, К. Йеттмар, фактически отказавшись от своих прежних тезисов, развил новую гипотезу, даже назвав одну свою статью «Среднеазиатское наследие Дардистана» [833], а другую — «Традиции степных культур у индо-иранских горных народов» [832]<sup>37</sup>.

вует поверье, что злой джинн является людям в образе козла. Особенно часто это бывает с Мункиром [139, стр. 302—303, 310, 315], который в среднеазиатских верованиях связан с погребальным обрядом. Ср. с верованием калаш-кафиров, у которых во время одного из праздников разбрызгиванием козьего молока, наоборот, отгоняют всевозможных духов [926, стр. 247].

<sup>36</sup> В согдийском, как нам сообщил В. А. Лившиц, словом «нахчир» обозначалась и пернатая дичь.

<sup>37</sup> В специальном послесловии к последней статье (стр. 22) он пишет, что, собственно, сам пришел к таким заключениям, когда собирался выступать на Конгрессе антропологических и этнографических наук в Москве в августе 1964 г. «После моего доклада советский исследователь Литвинский показал мне гранки собственной статьи почти на ту же самую тему. Работа Б. А. Литвинского появилась уже осенью 1964 г. и содержала критическое обсуждение моих более старых статей. При этом Литвинский пришел к заключениям, в решающих чертах одинаковым с изложенными здесь (т. е. в статье К. Йеттмара 1966 г. — Б. Л.). Эта конвергенция в очень сильной степени свидетельствует в пользу изложенной выше гипотезы».

Сейчас наши точки зрения во многом совпадают.

Слабость первоначальной концепции К. Йеттмара состоит и в том, что он не учитывал не только среднеазиатский, но и иранский материал<sup>38</sup>, как, впрочем, и индийский<sup>39</sup>.

Но вернемся к исходной точке нашего анализа — к бронзовому котлу с БФК с изображениями козлов. В свете всего сказанного выше этот котел следует рассматривать и как важное звено в эволюции религиозных представлений племен восточной части Средней Азии — представлений, связанных с целым циклом верований в козла.

Эти верования находили материальное воплощение в произведениях искусства, в том числе пластических. Хронологически они возникли в Средней Азии очень рано. Поэтому нет никаких оснований считать сам прием украшения сосудов фигурками козлов и других животных происходящим из Ирана, как это делают некоторые зарубежные исследователи. Происхождению его именно из ахеменидского Ирана [975, стр. 29—30] противоречат хронологические соображения, в частности связанные с котлом из БФК, «возраст» кото-

<sup>38</sup> Э. Парада, изложив концепции К. Йеттмара относительно верований, связанных с козлом — женским божеством в Дардистане и на Кавказе, отметила: «Сегодня эти области отделены друг от друга громадным расстоянием, но в доистории Иран мог являться „мостом“ между двумя центрами верований в это женское божество» [940, стр. 35—36]. Мы не можем в этой связи приводить иранский материал — укажем лишь на золотой кубок из Марлика с его четырьмя горизонтальными рядами изображений, повествующих об «истории жизни» горного козла — от рождения до смерти [935, стр. 111—112].

<sup>39</sup> На печатях и амулетах хараппской цивилизации имеются изображения козла с человеческим лицом. Представляет интерес в связи с нашей темой изображение козла, приносимого в жертву богине, стоящей в дереве [116, стр. 65—67]. Здесь в отличие от Средней Азии нет непрерывной традиции. Вместе с тем мы допускаем мысль, что и верования, восходящие к протоиндийской цивилизации, оказали какое-то воздействие на дардский комплекс. Много данных имеется и для более поздних — ведических и послеведических времен. В *Ṣatapatha Brahmana* содержатся очень ценные данные о жертвоприношениях. Там говорится, что в древнейшие времена в качестве жертвенных животных выступали вначале конь (переживание этого сохранилось в обряде ашвамедхи), затем корова, после нее баран и, наконец, козел. Жертвоприношение козла в этом источнике описывается очень подробно, сам процесс умерщвления строго регламентирован. Лишь позже, как считает Б. Ч. Банерджи, перешли к неживотным жертвоприношениям [625, стр. 199—201]. Широкий круг материалов из области верований и иконографии Северо-Западной Индии в связи с божеством охотников — покровителем горных козлов, — а также вопрос о его месте в шиваизме детально исследовал Д. Туччи [1070].

рого сам по себе опровергает эту концепцию.

Рассмотрим изображения на аличурском и родственном ему гильгитском котелках. На втором изображен конь, на первом — коневидный орлиноголовый грифон. Ниже мы останавливаемся на верованиях, связанных с конем, у древних иранцев, специально — у среднеазиатских саков. Семантика ручек котелков легко объясняется, исходя из этих верований. Разумеется, они должны были наслоиться на доиранские верования, связанные с конем. В Гармабаке (Северо-Западный Иран) найден уникальный сферический чайник с длинным носиком-сливом, напротив которого, по другую сторону горла, в виде ручки — резко уширяющаяся шея лошади, увенчанная лошадиной головой. Датируется этот сосуд еще II тысячелетием до н. э. [988, стр. 186, рис. 20], а его «ручка» удивительно похожа на ту, что укреплена на гильгитском котелке.

Что же касается ручки аличурского котелка, то в относящихся к XII в. до н. э. касситских и вавилонских межевых камнях изображался совершенно выработанный тип орлиноголового коневидного грифона [846, табл. ХС, внизу], чрезвычайно близкий аличурскому. Вместе с тем на белуджистанской керамике из местности Хади (Hadi), относящейся к культуре Лондо и датируемой временем около 1100 г. или несколько позже, изображался (но схематически) точно такой же грифон [665, стр. 70, рис. 1/10, 12]<sup>40</sup>. Разумеется, это нельзя считать случайным совпадением. Передвижения племен с запада, столь характерные для середины и второй половины II тысячелетия до н. э., привели к тому, что этот сюжет и его иконографическая схема проникают на границы Индии и Средней Азии<sup>41</sup>, а в кафирских надгробиях [1078, стр. 76] образ сказочно-го коня доживает до современности.

Образ коневидного орлиноголового грифона нашел отражение в луристанской бронзе [771, табл. XLIX/A — 212, стр. 97; 949 стр. 249]<sup>42</sup>.

<sup>40</sup> О датировке керамики типа Лондо и о ее связи с металлическими сооружениями см. 622, стр. 44—47.

<sup>41</sup> Котелки с протомами грифонов на западе были распространены в Этрурии, архаической Греции (с VII в. до н. э.), где прототипы этих изображений связаны с позднечетским искусством [823, стр. 46—48, 84—86].

<sup>42</sup> Мотив крылатой лошади известен уже в Хасанлу [709, стр. 133]. См. также бронзовый сосуд неизвестного происхождения в коллекции David — Weil, снабженный ручкой в виде фигурки коня [821, стр. 26, табл. XI/5]. Согласно издавшему этот сосуд О. Janse, он мог происходить с Кавказа или из прилегающих районов. Сосуд был переиздан О. Мэнчен-Хелфеном, который предполагает для него центральноазиатское происхождение [899, стр. 171, табл. 6]. Н. Л. Членова, по-видимому, рассмат-

С другой стороны, если вспомнить, что в Ригведе солнце неоднократно фигурирует в образе коня Dadhikra (или Dadhikravan), который не только представляется крылатым, но и похожим на бросающегося орла (и называется орлом) [842, стр. 61]<sup>43</sup>, а также проанализировать обряд ашвамедха, то напрашивается предположение, что эти верования и обряды вместе с сако-массагетскими (шире — среднеазиатскими) верованиями восходят к общей индо-иранской подоснове<sup>44</sup>.

Действительно, в индийской мифологии с солнечным божеством Sūrya тесно соединены близнецы Ашвины (Asvin) — «внуки неба», связанные со светом пробуждающегося дня. Они летят так быстро, как мысль или как орел (RV 5, 78). Вообще в колесницу ашвинов запрягались кони или птицы, в том числе орел (RV 1, 118), или же похожие на орла кони (RV 8, 5). Собственно, самое название Asvin предполагает тесную связь с конем. С головой коня и медом связана особая легенда об ашвинах и Dadhyanc, сыне Atharvan (RV 1, 116—117).

Для нашей темы имеет специальное значение, что ашвины — хранители эликсира жизни, лекарств и напитков, божественные врачеватели, доктора богов, податели юности и стражи бессмертия и процветания (RV 8, 18 и др., RV 8, 22; AV 7, 53 и другие тексты).

Собственное имя Asvin было Nasatyā, чему в Авесте соответствует Nāhāiṭya. Nāhāiṭya в Авесте находится в круге Анахиты. О его сущности свидетельствуют зороастрийские варианты: Haurvatāt (владыка вод, вместе с тем — олицетворение «блага», «здоровья») и Aməratāt (владыка растительности), причем полагают, что эти последние божества (учитывая наличие их индийских соответствий) возникли уже в индо-арийское время. Для нас в связи с рассматриваемой проблемой наиболее существенно то, что один из иранских двойников ашвинов, а именно Haurvatat, как и они, был олицетворением здоровья. В некоторых индийских источниках они иногда описываются как держащие сосуд с лекарствами.

Показательно, что в индийской иконографии

ривает его как луристанский [561, прим. 599 на стр. 103]. Мне предположение О. Мэнчен-Хелфена не кажется убедительным.

<sup>43</sup> Об орле в ведах и пуранах см. 694, стр. 83—90; в индийской мифологии вообще — 1110, стр. 71, 73—76. Вместе с тем орел был распространенным сюжетом в искусстве (и верованиях) персов [991, стр. 346—348].

<sup>44</sup> Замечательно, что у таджиков, как мне любезно сообщил Н. Н. Ершов, сохранилось поверье, что лошади имеют крылья и распускают их только ночью, когда никто не видит.

два ашвина располагаются по сторонам солнечного божества — в виде головы лошади на стержне [649а, стр. 183; 753, стр. 94; 895, стр. 49—54; 962, стр. 541—545; 1094, стр. 18—19].

Помещение этого символа ашвинов (собственно, их иранских эквивалентов) на сосуды должно было придавать их содержимому значение «божественного напитка», «эликсира жизни» или же, во всяком случае, подчеркивать целебный характер находящейся в сосуде жидкости, освящать ее.

Изображения металлических сосудов на рельефах в Персеполе в некоторых случаях имеют ручки, венчающиеся выступающим выше устья сосуда орлиноголовым коневидным грифоном [999, II, табл. 70/E].

Что же касается изобразительных аналогий гильгитскому изображению, то они отчасти уводят в Восточный Туркестан [1032, стр. 16], но, как выясняется теперь, и на далекий северо-запад — в Хорезм. Именно там обнаружено большое количество терракотовых лошадиных головок, часть из которых несомненно являлась украшением ручек [514, стр. 206 и сл.], другие протомы коней могли украшать носики сосудов (хотя сосуды с такими носиками там пока как будто не зафиксированы). На Калала-Гыр I и на Кой-Крылган-кале найдены глиняные ритоны, нижняя малая дуга которых оформлена в виде скульптурного изображения головы лошади на изогнутой шее (IV—III вв. до н. э.) [117, стр. 109—110, рис. 18; 225, стр. 111—112, рис. 48/8—10, 47].

Итак, сако-массагетское общество среднеазиатских степей <sup>45</sup> должно быть той средой, к воззрениям которой восходит идеология мастера, создавшего гильгитский котелок. Более древний пласт этих верований следует, как указывалось, искать в древнеиндийской и древнеиранской религии.

Изображение на аличурском котелке безусловно родственно гильгитскому. Но на аличурском котелке более сложный, полиморфный образ — коневидный орлиноголовый грифон <sup>46</sup>. Усложненный экземпляр такого грифона известен среди находок из Старой Нисы — он датируется последними веками до нашей эры [409, стр. 76—77] — и в беграмской резной слоновой кости (начало нашей эры) [767, рис. 152—156, 639—641, 643—644; 883, табл. 3: 976, стр. 5—9]. Вообще же коневидные грифоны характерны для хорезмийского искусства

IV—III вв. до н. э., среди находок с Кой-Крылган-калы имеются изображения коневидного орлиноголового грифона [515, стр. 174, рис. 72/2].

С другой стороны, в публикациях материалов из Восточного Туркестана мы находим громадное количество ручек в виде орлиноголового коневидного грифона [169; стр. 59—60, табл. 12—13; 775, стр. 768, 772—773; 917а, стр. 161—163, рис. 6—2, табл. IV/4, 175—177 и др.]. Но грифоны эти в отличие от аличурского с крыльями, с выступом (рогом?) на голове, причем ручки опираются на два штыря-столбика, один из которых посажен на плечики, другой — на горло сосуда. Что же касается носиков, оформленных в виде грифона, то у них имеется канал, это действительно носик, а не выступ.

В иранских магических текстах грифон — пашкуч (paškūč) — считался имеющим три «формы» и крылья [780, стр. 42—43]. На аличурском котелке грифон передан в упрощенной форме. Тем не менее он вводит нас в мир образов народной сакской фантазии.

#### САКИ И ЗОРОАСТРИЗМ

Что известно из письменных источников об отношении саков к зороастризму? В Бехистунской надписи (V стлб.), рассказав о своем походе против саков-тиграхауда, Дарий сообщает: «Эти саки были вероломны и не почитали Аурамазду. Я почитал Аурамазду. Милостью Аурамазды я поступил с ними согласно своему желанию» [945, стр. 334] <sup>47</sup>. Точно так же говорится об эламитах (V, 14—17). На первый взгляд этот отрывок является настолько ясным, что не нуждается в обсуждении. Однако изучение всего текста надписи привело некоторых исследователей к предположению, что дело обстоит не так просто. В других столбцах надписи, рассказывающих о неоднократных восстаниях в Вавилоне, где явно не исповедовался культ Ахура-Мазды, о религии ничего не говорится. Еще более показательно, что, сообщая о предыдущих восстаниях в Эламе (I, 72—83; II, 8—13), надпись совершенно не касается вопросов религиозной принадлежности. М. А. Дандамаев показал, что религиозная политика Ахеменидов начиная с Дария I целиком подчинялась общеполитическим соображениям и диктовалась ими [160,

<sup>45</sup> Включая и Восточный Туркестан.

<sup>46</sup> У массагетов лошадь была связана с культом солнца; вместе с тем вообще существует связь между грифоном и солнечными божествами [445, стр. 289].

<sup>47</sup> Русский перевод: 160, стр. 270. Ср. переводы: 7, стр. 364; 263, стр. 230 (Р. Кент и В. И. Абаев переводят не «вероломные», а «неверные», В. А. Лившиц — «враждебные»).



Фото 21. Бронзовый жертвенник из Семиречья (Государственный Эрмитаж).

стр. 260—261]<sup>48</sup>. Еще дальше пошел В.А.Лившиц, высказавший в связи с приведенным текстом из Бехистунской надписи предположение, что, «обвиняя отдельные страны и народы в том, что они не почитают Ахура-Мазду, Ахемениды искали дополнительный предлог для проведения завоевательных походов и особенно карательных экспедиций» [263, стр. 230]<sup>49</sup>.

Эти соображения несколько подрывают значение вышеприведенных строк Бехистунской надписи как свидетельства о подлинной религии сакских племен [ср. 593, стр. 138]. Ничего нельзя извлечь в интересующем нас аспекте из «антидэвовской надписи» Ксеркса [1, стр. 134—137; 845, стр. 151—152], хотя порой делаются малообоснованные попытки связать описанное в этой надписи разрушение «капищ дэвов» (*daivadānam*) с одним из среднеазиатских кочевых народов, например с дахами [937, стр. 232].

В Авесте сакские племена выступают под несколькими именами, из которых наиболее

<sup>48</sup> Противоположная точка зрения — религиозные мотивы были основной причиной походов Ахеменидов, в том числе Дария, против саков — см. 9, стр. 115—116.

<sup>49</sup> Возможно, что в тот период Дарий «рассматривал всех своих врагов вместе с тем и врагами Ахура-Мазды» [502, стр. 18].

употребительно — тура; это убедительно доказали В. Гейгер, И. Маркварт, Х. Нюберг и В. И. Абаев [4; 732a, *passim*; 737, стр. 176—216; 901, стр. 155—157; 935a, стр. 250 и сл.).

В Гатах — древнейшей части Авесты, связанной с самим Зороастром, имеется упоминание о турах (речь идет о турецком роде Фрианы) — приверженцах религиозного учения Зороастра (Ясна, 46, 12) [707, стр. 81; 772, стр. 302—303; 935a, стр. 237, 240, 244, 248; 251, 263, 267, 292]. Если верить этому свидетельству, то приходится признать, что уже в первой половине VI в. до н. э. (одно из возможных определений времени жизни Зороастра) у пророка имелись последователи среди среднеазиатских туров-саков. Основываясь на этом, а также на результатах анализа образов легендарных героев Авесты — Хаошанга (Хушанг в «Шах-наме») и Тахма-Урупа (Таммурасп в «Шах-наме») как персонажей скифо-сакского эпоса, В. И. Абаев приходит к заключению, что «зороастризм зародился в непосредственном контакте со скифской стихией и при известном участии этой стихии» [4, стр. 39].

В этой связи следует также привлечь сообщение Геродота (I, 216) о верованиях массагетов: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой таков, что быстрейшему из всех богов они посвящают быстрейшее животное»<sup>50</sup>. В историко-археологической литературе это сообщение рассматривалось обычно изолированно, без привлечения сведений Авесты и данных лингвистики, археологии и этнографии. Шаг вперед был сделан Ю. А. Рапопортом, отметившим, что крестообразная планировка сакских погребальных сооружений в области древних русел Сырдарьи может быть связана с солярным культом. По поводу вышеприведенного сообщения Геродота этот исследователь пишет: «Почти в тех же выражениях говорится об этом в Авесте (Видевдат XXI, 20): „Солнце с быстрыми конями“. Явно объединенным представляется образ коня и солнца на знаменитой чертомлыцкой вазе. В сложном образе Сиявуша также отчетливо проступают черты солнечного божества» [963, стр. 130—131].

Г. Виденгрэн — крупный авторитет в области религии древних иранцев, — детально исследовав античные источники, пришел к заключению, что у древнеиранских племен и народов конь очень часто выступает в качестве

<sup>50</sup> Ср. у Страбона (XI, 8, 6): «Богом они почитают одно только солнце и приносят ему в жертву лошадей».

жертвоприношения солнечному божеству и что существовала тесная связь между представлениями о коне, солнце и Ахура-Мазде. Однако вопрос о религии массагетов и лингвистические данные при этом в расчет не были приняты [1096, стр. 127—130]. Широко, с привлечением археологического материала и данных Авесты, вопрос о культе солнца и огня, его связи с культом коня у массагетов и савроматов рассмотрен К. Ф. Смирновым. Не соглашаясь с А. С. Стрелковым, Б. М. Зиммой и А. Н. Бернштамом, утверждающими, что у всех сакских племен существовал зороастризм, К. Ф. Смирнов полагает, что мы вправе говорить лишь о том, что у саков и у савроматов «мировоззрение содержало элементы зороастризма» [479, стр. 250—253].

Наша трактовка этого вопроса исходит из следующих предпосылок. Зороастризм — сложная, многослойная религия. Говоря о зороастризме, следует различать, хотя бы в самой общей форме, хронологические слои, отразившиеся в Авесте<sup>51</sup>. «Следует учитывать, что дошедших до нас частей Авесты недостаточно для восстановления в сколько-либо полном виде религиозной системы зороастризма; в ряде случаев приходится привлекать и данные более поздних зороастрийских сочинений» [263, стр. 176]. К этому приходится прибегать и при восстановлении древних верований среднеазиатских народов. Наконец, сопоставительный анализ Авесты и древнеиндийской Ригведы, проведенный с учетом всего индоевропейского материала, позволил выделить древнейший пласт дозороастрийских религиозных верований ираноязычных народов. Разумеется, на огромной территории расселения иранских племен и народов, простирающейся от Дуная до Яркенддарьи и от Приуралья до Индийского океана, существовало большое разнообразие в религиозно-культурных представлениях, хотя многие верования были общими или очень близкими.

Центральные концепции зороастризма перенесли за время существования этой религии столь значительную эволюцию, зороастризм в разных странах был в такой степени несходным, что любое догматическое решение было бы неверным. Первым известным нам «догматиком» такого рода был Дарий, который обвинил саков в том, что они не почитают Ахура-Мазду. Но если бы сам Заратуштра мог бы высказать свое мнение относительно того, является ли Дарий правоверным почитателем

Ахура-Мазды, оно было бы отрицательным: Заратуштра считал, что Ахура-Мазда единственный бог, тогда как в надписях Дария наряду с Ахура-Маздой упоминаются и другие боги. Ахура-Мазда в этих надписях лишь «величайший из (многих) богов», к тому же Дарий ни разу не упоминает в надписях имя пророка Заратуштры<sup>52</sup> и т. д.

Дарий при своем определении саков как «не почитающих Ахура-Мазду» исходил, естественно, из своего понимания этого божества и связанного с ним культа; позиция современного исследователя не может совпадать с точкой зрения пристрастного наблюдателя VI в. до н. э. Нам в этом отношении очень помогает вышеприведенное сообщение Геродота. Ю. А. Рапопорт и К. Ф. Смирнов, как указывалось, сопоставили текст Геродота о божестве массагетов и тексты Авесты. В самом деле, в Яшт VI (1 и 4) имеется, в гимне солнцу, такое выражение: «Сияющее солнце, бессмертное, богатое, (обладающее) быстрыми конями (*aurvat. aspəm*) мы почитаем»<sup>53</sup>.

Вообще древние иранцы, судя по Авесте (Видевдат XXI, 5; Ясна, 16,4; Яшт VI, I и XII, 34), представляли себе движение солнца по небу в виде сверкающей повозки, в которую запряжены небесные кони. И в Ригведе сюжет белых небесных коней в связи с солнечным богом (*Sūrja*) разработан очень подробно [737, стр. 306—307; 1007, стр. 67]<sup>54</sup>.

Параллелизм между сведениями Авесты и сообщением Геродота можно рассматривать как результат отражения в тексте греческого историка информации о массагетских представлениях о солнце как «быстроконном» божестве. Возможно, впрочем, и другое объяснение. Слова Геродота «смысл жертвы этой таков, что быстрейшему из всех богов они посвящают быстрейшее животное» (кстати, не повторенные Страбоном), можно рассматривать и как плод его собственного домысла, основанного на распространенном в греческом мире обряде принесения лошадей в жертву Гелиосу (солнцу) [286, стр. 35—36, стр. 729, стр. 315—316].

<sup>52</sup> Именно так трактуют вопрос об отношении Дария к зороастризму В. А. Лившиц [263, стр. 232—233], М. А. Дандамаев [160, стр. 242—245] и в еще более резкой форме — Г. Виденгрэн [1096, стр. 141—149]. Противоположное мнение И. Гершевича см. 741, стр. 16—18. Промежуточную позицию занимает Р. Цэнер [1107, стр. 155—156].

<sup>53</sup> Следуем переводу Г. Бэйли [601, стр. 12]; см. также 691, II, стр. 85—86. Г. Ломмель переводит: «Den König Sonne, den unsterblichen, prächtigen, der schnelle Rosse hat, verehren wir» [884, стр. 44].

<sup>54</sup> Подробно о солнечной колеснице в Ригведе см. 893, стр. 688—691; 1007, стр. 294—308.

<sup>51</sup> Об этом пишут все исследователи. Одна из последних специальных работ — 741 (стр. 12—15).

Могила с ритуальным конским захоронением обнаружена нами на Памире [283, стр. 30]. Корни этих жертвоприношений лежат в магии плодородия [514, стр. 207]. Жертвенное животное, посвящавшееся солнцу, само должно быть сопричастным солярному культу. Что это было именно так и в данном случае, свидетельствуют, в частности, сохранившиеся в источниках сведения о «небесных конях» Давани (Ферганы) <sup>55</sup>.

Комментатор III в. н. э. приводит легенду, согласно которой в Давани, на вершине высокой горы, живет священный конь, поймать которого невозможно. Легенда о священном коне сообщается и в связи с областью Тухоло (Тохаристан) [956, стр. 31]. Аналогичные верования, связанные с небесным конем, конем-драконом, были широко распространены в древней и средневековой Средней Азии; эпос и фольклор среднеазиатских народов донесли эти верования до современности (см. исследования А. Н. Бернштама, А. М. Беленицкого, И. С. Брагинского, С. П. Толстова и др.).

Необходимо привлечь также лингвистические данные. В хотано-сакском языке «солнце» обычно называется *urmayse* (сакское отражение древнеиранского *Ahura-Mazdah*). Сходные обозначения «солнца» отмечены и в некоторых современных припамирских языках: в ишкашимском — *remūzd*, *remuz*; в сангали — *ormozd*; в йидга и *мунджи* — *ormozd* [261, стр. 153; 611, стр. 134; 614, стр. 153].

Царица массагетов Томирис, по Геродоту (I, 212), говорит: «клянусь солнцем, владыкой массагетов». Отзвуки такого представления и ритуала до сих пор сохранились у некоторых памирских народностей. М. С. Андреев пишет про ишкашимцев и ваханцев: «Солнце называется великим *بزرگ*. Им кланутся, говоря в Ишкашиме *сарі ремүзд*, в Вахане: *сарі ір*. У таджикоязычных жителей Горона говорят *میر آفتاب*. Клятва эта считается очень сильной, и народ верит, что нарушивший клятву или давший ее ложно будет наказан солнцем». Эта клятва «головой солнца», по мнению М. С. Андреева, указывает, возможно, на антропоморфное представление о светиле [43, стр. 35] <sup>56</sup>.

<sup>55</sup> Интересные данные по этому вопросу собраны в работе А. Waley [1083, стр. 95—103]. Автор склоняется к мысли, что эти лошади и в Фергане были связаны с каким-то священным ритуалом [1083, стр. 101—103]. В своей работе Э. Г. Пуллейблэнк поддерживает и развивает эту мысль [956, стр. 31—35].

<sup>56</sup> На параллелизм клятвы памирцев и клятвы Томирис обратил внимание уже М. С. Андреев [43, прим. 21 на стр. 35].

Таким образом, саки северо-западной части Средней Азии (саки тиграхауда, они же *мас-сагеты*) поклонялись солнцу. В связанном С диалектами восточных среднеазиатских саков (саков-хаумаварга) хатано-сакском языке солнце называется именем Ахура-Мазды; это название сохранилось и в некоторых памирских языках, также, по заключению лингвистов, генетически связанных с сакскими диалектами.

Объяснение тождеству Ахура-Мазды и «солнца», а также вышеприведенной клятве памирцев следует искать в дозороастрийских верованиях древних иранцев <sup>57</sup>. Уже задолго до распространения учения Зороастра бытовавший у иранцев культ божеств (ахур) имел тенденцию к слиянию в монотеистический культ верховного Ахура с эпитетом «мудрый» — «Мазда». Божество Ахура-Мазда, как полагают некоторые историки зороастризма, не было изобретено Заратуштрой, оно существовало и до проповеди пророка [618, стр. 137; 740, стр. 47—58]. Древнейшие представления о связи Ахура-Мазды с солнцем (светом) прослеживаются в Авесте. В Ясне Ахура-Мазда многократно и вполне определенно ассоциируется со светом, про него говорится, что он «сотворен из света». В Ясне Семиглав солнце и свет дня описываются как зрительно воспринимаемая форма Ахура-Мазды, а в более поздних Ясна солнце называется его «глазом» [737, стр. 306; 1107, стр. 64, 68]. Солнце считалось ребенком Ормузда и матери этого божества, огонь также рассматривался как сын Ахура-Мазды и, кроме того, идентифицировался с его священным духом [1106, стр. 63, 147, 151, 154, 157, 429, 435; 1107, стр. 74—75].

Но и в Ригведе бог Варуна приготавливает широкую тропу для солнца (RV, I, 24, 8; 7, 87, I), причем солнце — «глаз» этого божества (RV, I, 50, 6). Ряд исследователей, в частности А. Макдонелл, Р. Цэнер, делают отсюда вывод, что Варуна Ригведы и Ахура-Мазда ранних частей Авесты являются, соответственно, индийскими и иранскими дериватами одного и того же божества [895,

Как сообщил нам Х. Мухиддинов, в Бухаре, Самарканде, Сурхандарьинской области в ритуальных таджикских народных песнях сохранилось обращение к солнцу, как к «Госпоже», т. е. сохранились отзвуки представлений об антропоморфной женской сущности светила.

<sup>57</sup> Параллели и соответствия анализируемым представлениям, выходящие за пределы индоиранского и даже индоевропейского круга, свидетельствуют о их глубочайшей древности и фундаментальности.

стр. 105, 108, 119, 160; 1107, стр. 68]<sup>58</sup>. «Представляется вероятным, что первоначальный Ахура-Мазда должен был иметь солярные связи, но природа примитивных божеств так сложна, что было бы фактически неправильно сводить ее лишь к отождествлению с определенным явлением природы,— дозораострийский Ахура был несомненно также связан и с концепцией истины или представлением о некоей „упорядоченности космоса“, равно как и с водами, и со светом или с солнцем» [1107, стр. 75].

Материалы такого рода истолковываются лингвистами по-разному. Стен Конов полагал, что зороастризм стал распространяться среди саков лишь во II в. до н. э., когда они проникли в Систан. Говоря, в частности, о хотане-сакском *urmaysde*, Конов отмечал, что этимологически это слово безусловно связано с авестийским Ахура-Маздой. Однако, по Конову, сакское слово обозначает «солнце» и не связано с тем значением, которое Ахура-Мазда имел в зороастризме, а потому для хотано-сакского не может быть результатом зороастрийского влияния [853, стр. 220—222]. Неоднократно обращался к анализу верований носителей хотано-сакского языка Г. В. Бэйли. По его заключению, прямого влияния учения Зороастра на добуддийскую систему верований саков Восточного Туркестана в их языке отметить нельзя, но есть явные следы древнейших иранских (дозороастрийских) верований. Он включает слово *urmaysde* в группу хотано-сакских терминов, являющихся реликтами иранских верований, полагая, что сочетание «ахура» с «мазда» могло возникнуть и до Зороастра [614, стр. 12; 618, стр. 137; 619, стр. 70]. Бэйли отмечал, что древнеиранская традиция иногда переживает даже в тех случаях, когда иранцы принимали буддизм [601, стр. 52; см. также 733, стр. 245—246].

Я. Асмуссен, уделивший этой проблеме много внимания, исходит из того, что во времена Дария саки не были зороастрийцами. Позднее, в послеахеменидское время, после передвижения саков на юг и на запад, сакские племена (или часть их) стали зороастрийцами или находились в тесном контакте с зороастрийским населением. Отсюда появление зороастрийских терминов в сакской лексике. Он считает, что хотано-сакское *urmaysde* — «солнце» можно увязать с более древним значением «верховное божество», учитывая данные Авесты об Ахура-Мазде [593, стр. 137—139].

<sup>58</sup> Сопоставление сведений о «солнечной сущности» Варуны и Ахура-Мазды было сделано уже В. Гейгером [737, стр. 306—307].



Фото 22. Бронзовый жертвенник из Семиречья (Государственный Эрмитаж).

В. И. Абаев полагает, что Ахемениды добились «признания единого культа Аурамазды на всей территории ираноязычных провинций». Данные о распространении имени Ахура-Мазды в качестве обозначения для «солнца» он рассматривает как свидетельство того, что Ахеменидам удалось добиться признания Ахура-Мазды в качестве верховного божества [9, стр. 116—117].

Мы во многом не можем согласиться с трактовкой этого вопроса С. Коновым, Я. Асмуссеном и В. И. Абаевым. Выше уже говорилось о возможных интерпретациях сообщения Бехистунской надписи. Контакты между саками и зороастрийцами существовали, как вытекает из Гат, уже во времена Заратуштры, а не только в послеахеменидское время. Вместе с тем было бы рискованным утверждать, что «солнечный бог» массагетов — это именно Ахура-Мазда. Не исключено, что это Митра или же иное, комплексное божество, в котором слились черты, характерные для Ахура-Мазды и Митры. Правда, в Авесте Митра не является солнечным богом, он «свет рассвета». Но



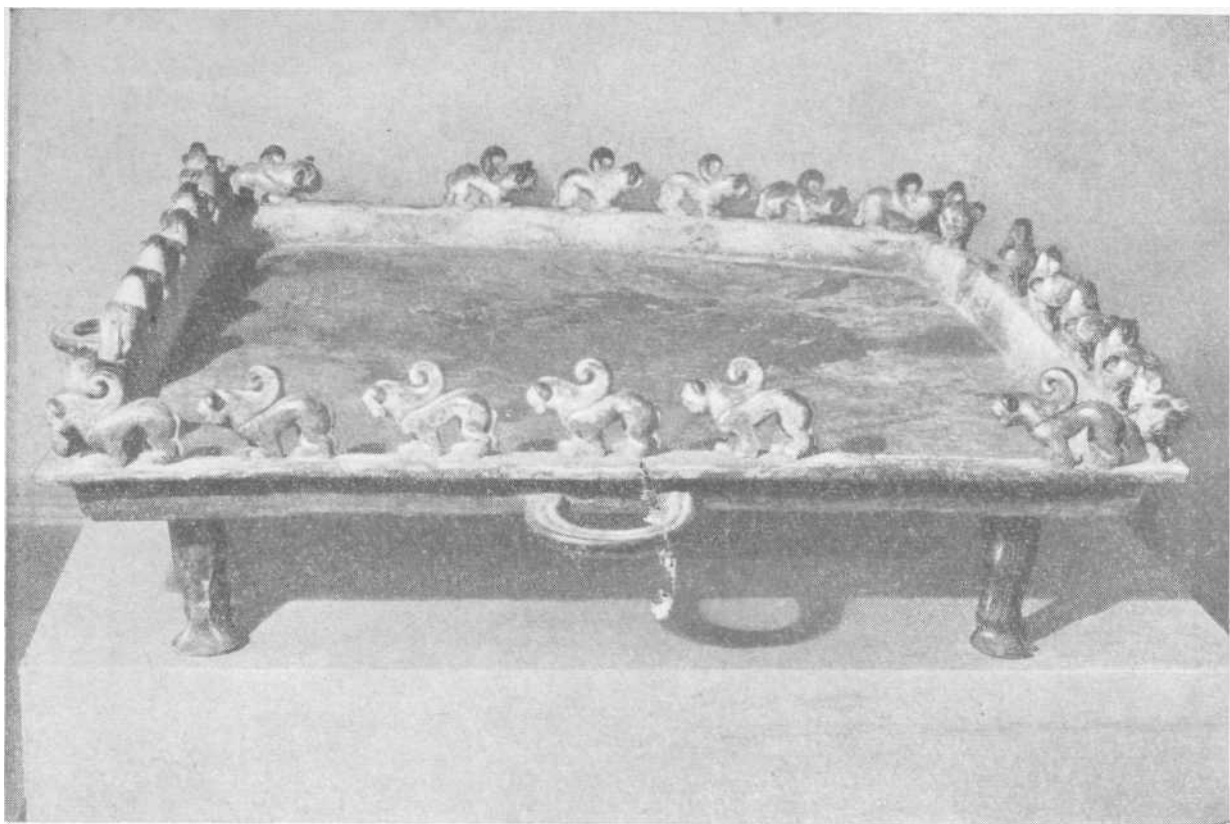


Фото 23. Бронзовый жертвенный стол из Семиречья (Государственный Эрмитаж).

Митра тесно связан с солнцем, путешествует вместе с ним по небосклону. Позже Митра превращается в солярное божество [740, стр. 31—42; 807, стр. 35]. Как пишет Г. Виденгрэн, иранский Митра, «собственно говоря, отделялся от солнца и вместе с тем постоянно с солнцем идентифицировался» [1095, стр. 45]. Связан с солнцем и Митра Ригведы [1058, стр. 37, 69].

Парное божество Митра—Ахура—эквивалент ведической пары Митра—Варуна—почиталось иранцами с древнейших времен; объединенное имя этого божества известно из античных авторов (Плутарх), оно запечатлено и в эпиграфических памятниках. В греческой надписи I в. до н. э. из Коммагены сравниваются имена божеств: «Зевс Оромозд и Аполлон Митра—это Солнце» [740, стр. 4 и сл., 44 и сл., 320; 741, стр. 35—36; 817, стр. 172]<sup>59</sup>.

Изображение бога Митры и имя этого божества

встречаются на кушанских монетах [750, стр. 189, 191, 193, 251 и сл.]. Не менее важны свидетельства внедрения культа Митры в религию населения Северо-Западной Индии, где среднеазиатский (бактрийский, сакский, парфянский) культ солнечного Митры тесно переплетается с индийскими солнечными культами [997, стр. 293—333; 1034, стр. 248—272].

Согласно Калидасе, царь Пушьямитра (около 187—151 гг. до н. э.), основатель династии Сунга, восстановил практику церемоний ашвамедхи. Проведение этих церемоний со II в. до н. э. засвидетельствовано и в надписях. Уже указывалось, что жертвоприношения лошадей отмечены еще в Ригведе (I, 162). Но, как считают исследователи, вполне вероятно, что импульсом к оживлению этого обычая послужили проникшие в Индию иранские верования, связанные с конем [471, стр. 73; 819, стр. 148—150; 958, стр. 31—33, 67—71].

Проникновение, но с кем? Не могли ли в этом плане также сыграть свою роль сакские племена: и те, что были расположены рядом с границами Индии, и пришельцы?

Важно отметить, что на рубеже и в первые

<sup>59</sup> Надпись: 679а, стр. 89—90. В этом же плане интересно среднеперсидское имя *Mihrohrmazd* [837, стр. 216].



века нашей эры в Индии резко усиливается значение солярного культа [819, стр. 151—154; 916, стр. 50]<sup>60</sup>. И здесь, безусловно, главное не в парфянском влиянии, а, как указывалось выше, во влиянии пришедших с севера среднеазиатских народностей, прежде всего саков и юэчжей.

Храмы, посвященные солнцу, воздвигались не только в Индии; они, как сообщают письменные источники, существовали в разных частях Средней Азии, в том числе в Мерве [915, стр. 185] и Фергане [68, стр. 65]. Судя по имеющимся данным, в том числе и иконографическим, культ солнца в доарабское время пользовался широким распространением в Средней Азии.

В этом историко-культурном контексте нам становится значительно более ясным сообщение Геродота о религии массагетов. У них существовал культ верховного божества с ярко выраженной солярной окраской. Возможно, это был Ахура-Мазда, или Митра, или, быть может, Митра-Ахура, причем у разных сакских племен могли выступать на передний план разные ипостаси этого божества<sup>61</sup>. С почитанием этого божества были непосредственно связаны культ огня в самых различных его проявлениях<sup>62</sup> и культ коня. С распространением учения Заратуштры часть сакских племен восприняла его учение. В хотано-сакском (и тумшукско-сакском) пережиточно сохранилась целая группа терминов, восходящих к обозначениям авестийских религиозных понятий [593, стр. 138—139; 614, стр. 12].

В. Б. Хеннинг, анализируя данные согдий-

<sup>60</sup> О солярном культе в Индии в докушанское и кушанское время преимущественно на основании анализа памятников искусства см. 977, стр. 191—197.

<sup>61</sup> Весьма любопытна и гипотеза И. Шефтоловица о том, что саки, принявшие в ахеменидское время зороастризм, стали почитать Ахура-Мазду как верховное божество, но в образе известного им уже ранее Митры. В результате произошло слияние представлений об этих божествах [997, стр. 295—297].

<sup>62</sup> С культом огня были связаны комплексы бронзовых предметов, особенно курильницы (фото 21—24), принадлежавшие сакам Семиречья (об этих предметах см. 85, стр. 40—50, там же литература вопроса). Культ огня отразился в погребальном ритуале приаральских саков [518, стр. 201, 203]. Примеры можно было бы значительно умножить.



Фото 24. Деталь жертвенного стола из Семиречья.

ских текстов (в том числе и мугских документов), писал о «воздействии учения Зороастра на местное язычество Согдианы» [783, стр. 250]. Это чрезвычайно удачное определение может быть распространено и на религию сакских племен, с той, однако, оговоркой, что учение Заратуштры оказало серьезное воздействие лишь на часть этих племен, прежде всего на те, которые находились в тесном контакте с оседло-земледельческими областями Бактрии, Маргианы, Хорезма и Согдианы. Среди этих племен были и среднесырдарьинские «саки, которые за Согдом».

Что касается савроматов, то культурные связи и взаимодействие с Хорезмом могли привести к тому, что религия Двести оказала определенное (хотя едва ли **сильной**) воздействие на их верования, по-видимому близкородственные дозораастрийским верованиям народов Средней Азии.

И последнее. Саки проживали в очень обширном регионе, причем образовывали несколько крупных группировок племен. По-видимому, не существовало единой «сакской религии», а имелись сходные в основном, но различающиеся в частности религии отдельных конфедераций или даже племен. И погребальный ритуал, и комплексы ритуальных предметов подсказывают именно такое решение вопроса.

# Глава V

## ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ ПАМИРА В СИСТЕМЕ САКСКИХ ПЛЕМЕННЫХ СОЮЗОВ

### 1. САКИ—ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭТНОНИМ

С 50-х годов в советской археологической литературе утвердилось мнение, что саки Средней Азии и Казахстана являются прямыми потомками племен поздней бронзы, обитавших на этих территориях. А. Н. Бернштам [80, стр. 349; 81, стр. 144—145], а также С. С. Черников [556, стр. 33; 557, стр. 137] были первыми, кто выдвинул эту гипотезу. Дальнейшее накопление материала привело к резкому увеличению конкретных аргументов в ее пользу. Особенно ценный вклад в ее разработку внесли К. А. Акишев [29, стр. 133—135] и М. К. Кадырбаев [202, стр. 32—35]. Гипотеза приобрела большую убедительность в связи с тем, что трудами К. Ф. Смирнова была показана генетическая связь между савроматскими и позднебронзовыми культурами [479, стр. 182—188].

Все наши материалы подтверждают гипотезу А. Н. Бернштама. Сакская керамика безусловно восходит к позднебронзовой. Об этом свидетельствуют керамические комплексы Кайраккумов и памирских сакских могильников. Генезис всей материальной культуры сакского времени восходит к эпохе поздней бронзы. В погребальном обряде (как в типе могильных сооружений, так и в характере захоронений) сакского времени на Памире также четко видна традиция, связанная с эпохой бронзы.

Древнейшее название для среднеазиатских кочевых племен, известное из письменных источников,— это содержащееся в Авесте обозначение врагов оседлых иранцев, а именно, туры (*tūra*), которые характеризуются в Яшт XVII, 55—56 как «туры с быстрыми конями» [630, стлб. 656]. Это наименование встречается

в одной из древнейших частей Авесты, в Гатах, в контексте, связанном с деятельностью Заратуштры, где говорится о дружественно относящемся к нему турском роде Fryana (Ясна, 46, 12) [707, стр. 81; 812, стр. 132]. Если исходить из обычного определения времени жизни Заратуштры как первой половины VI в., то можно признать, что уже тогда часть племен туров находилась в тесном контакте с оседло-земледельческими областями. Кроме того, Яшт V, 73 говорит о данайцах (*dānava*) — турах; о «хищных поселениях данайцев» и о «данайских турах» повествуется в Яшт XIII, 37—38 и т. д. В. Гейгер, И. Маркварт, Х. Нюберг и В. И. Абаев убедительно доказали, что *tūra* — это одно из авестийских наименований среднеазиатско-сакских племен [см. выше, стр. 150]<sup>1</sup>. Не вызывает никаких сомнений гипотеза В. И. Абаева, что «данайские туры» — это присырдарьинские саки; ему удалось показать, что *Danu* в Авесте не просто река, а именно Сырдарья [4, стр. 43—45]. Вместе с тем противопоставление «арийцев» и «туров» имеет место преимущественно в отношении образа жизни, отчасти религии. По авторитетному заключению В. И. Абаева, имена туров, встречающиеся в Авесте, «носят бесспорно иранский характер» [4, стр. 45, ср. 737, стр. 194, 196]. Нюберг, полемизируя с Кристенсенom, писал: «В Авесте нет никаких следов неиранских туров» [935а, стр. 252].

Уже в то время существовало и другое наименование для этих кочевников — «саки». По мнению некоторых ассириологов, первое упо-

<sup>1</sup> Ср. возражения Э. Херцфельда [801, II, стр. 707—714], которые не кажутся нам убедительными.

минание о саках в ассирийских анналах относится к 641—640 гг. до н. э. Там говорится о войне против Тугдамме, «царя Умман-манды» (Лигдамис-киммериец, по Страбону. Царь Saka и Gutium). Это первое упоминание о саках, и, возможно, оно указывает на то, что Тугдамме властвовал также над скифами, жившими в Гутиуме (Манна, или Мидия, по И. М. Дьяконову), как считает ассириолог Х. Тадмор [507, стр. 141]<sup>2</sup>. Однако это сообщение не связано со Средней Азией.

Позже мы встречаемся с саками в античных и древнеперсидских источниках. «Саки, они же скифы», — говорит о них Геродот (VII, 64). В античных источниках название «саки» применяется к среднеазиатским племенам, которые часто называются и собирательным, родовым термином — «скифы».

Геродот (VII, 64) сообщает: «Персы всех скифов зовут саками». Плиний (VI, 50), историком которого для этих строк служил, по-видимому, Демодом, полководец, в III в. пересекший вместе с селевкидскими войсками Сырдарью, пишет: «Персы (скифов) называли обобщающе саками» [415, стр. 12, 13]. Действительно, древнеперсидские источники называют эти же племена термином сака. В китайских анналах саки называются sai; в танское время это должно было произноситься sak [768, стр. 251]<sup>3</sup>. Индийская (санскритская) форма saka, — по-видимому, результат народной этимологии, которая осмыслила этот этноним как производное от индийской основы sak — «быть сильным, способным, могущественным» [851, стр. XVI, XX]<sup>4</sup>.

Попытки осмысления этнонима «саки» делались еще в античности. Диодор (II, 43) писал: племя скифов «широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами, и подобно им многие другие». Кроме того, существовала ка-

кая-то древняя греческая традиция, связывающая этноним «саки» с понятием «шит» (греч. *σαῖος*). Так, Стефан Византийский (s. v. *Σάκαι*) пишет: «Саки — народ; так называют скифов от доспеха, потому что изобрели его» [304, стр. 43, прим. 88].

Современные лингвисты много занимаются этимологией слова «сака». Х. Шёльд в 1931 г. предложил следующее объяснение этого этнонима. Он берет за основу надпись на глиняном цилиндре ассархадоновского времени, где, по его словам, фигурирует Ispakai из Aškuzā в Восточной Манне. Обычно ассириологи принимают Ispakai за имя правителя, Шёльд же на основании параллелизма между Ispakai и Gimirrai приходит к заключению, что это мнение ошибочно. Он считает, что это имя народа, древнейшая форма имени Saka, точнее — \*Spaka. Фонетическое различие между \*Spaka и Saka он объясняет переходом, аналогичным тому, что в хотано-сакском, где иранское sp проявляется в форме ss, например aspa со assa. Так как в Бехистунской надписи этот этноним уже имеется в форме Saka, то Шёльд заключает, что звуковой переход sp > ss был между 679 г. (дата цилиндра) и датой Бехистунской надписи.

Много позже, в 1949 г., Ван Виндекенс, полностью приняв все аргументы Шёльда, сделал новое предположение, а именно, что исходная форма — это древнеиранское слово \*spaka — «собака», засвидетельствованное индийским *spāka* — современным таджикско-персидским sag, т. е. саки обозначали себя как бы «сторожевыми собаками (скота)». Эта этимология была с пометой «probably» — «вероятно» принята и Р. Кентом.

В 1951 г. с критикой этой этимологии выступил О. Жемераньи. Он указал на то, что древнеиранский прототип должен быть \*svan и в хотано-сакском ему соответствует не ssan, но svan или ssuvan, а также привел другие лингвистические контраргументы и отверг объяснение значения этого слова как «собака» [1040, стр. 210—211; ср. 845, стр. 209]<sup>5</sup>.

О. Жемераньи считает слово saka производным от древнеиранского \*sak — «идти», «бежать», «течь». На основании лингвистического анализа он приходит к заключению, что это слово должно означать «бегущий», «быстрый» или «странствующий, кочевой», что очень подходит к кочевникам, какими являлись саки [1040, стр. 212]<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Относительно Iš-pa-ka-a-a ассирийских кочевников см. 145, стр. 265—266.

<sup>6</sup> Критику этой точки зрения и поддержку теории Шёльда — Ван Виндекенса см. 653, стр. 199; 654, стр. 58.

<sup>2</sup> Также ВДИ, 1961, № 2, стр. 152 (хроника); 72, стр. 125; ср. 166, стр. 285—286; 1109, s. 17.

<sup>3</sup> Сейчас уравнение саки = sai — общепринято, но в свое время оно вызвало длительную дискуссию. Достаточно сказать, что против него выступал такой авторитет в области истории Востока, как Х. Лассен [867, стр. 362]. Как указал С. Леви [873, стр. 423], сомнения эти беспочвенны: китайцы в переводах с санскрита термин «сака» регулярно передают через «сэ». В. Томашек уверенно принимал тождество «сэ» с племенами саков и массагетов [1064, стр. 52]. Но и после всего этого оставались скептики — см. 1059, стр. 187, прим. 1. Подводя итоги всей этой дискуссии, О. Франке в 1907 г. писал: «There cannot be, therefore, the slightest doubt about the identity of the names Sok and Sakai, Sacae, or Saka» [727, стр. 677].

<sup>4</sup> Ср. надпись на Матхурской львиной капители: sakastana; saka, saga в пракрите [619, стр. 68].

Другое объяснение имени саков выдвинул в 1949 г. В. И. Абаев. Сака сближается им с осетинским *sag* — «олень». Олень, по мнению В. И. Абаева, был тотемом сакских племен [2, стр. 37, 49, 179].

Г. Бэйли в 1958 г. высказал следующие соображения и критические замечания. Первоначальное значение имени *saka* утрачено, но для иранских племен известны племенные названия, имеющие смысл «мужи» (например, у дахов). Поэтому Бэйли выдвигает предположение, что *saka* — это прилагательное от *sak* со значением «могущественный, сильный, умелый», засвидетельствованное в Ригведе — *su-śāka* и употреблявшееся в смысле эпитета «мужей», т. е. саки — это «могучие мужи».

## 2. РАССЕЛЕНИЕ САКСКИХ ПЛЕМЕН В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Попытки локализации сакских племен, названия которых известны из античных и древнеперсидских источников, имеют длительную историю.

Г. Раулинсон, заслуги которого в расшифровке персидской клинописи чрезвычайно велики, публикуя в 1849 г. свой труд о Бехистунской надписи, посвятил две страницы сакам-тиграхауд, которых он рассматривал (с учетом Накширустемской надписи) в качестве «западной части персидских саков» и помещал на верхнем Тигре [968, стр. 162—164].

За прошедшее с середины XIX в. время несколько поколений ученых продолжали разработку проблемы локализации сакских племен. Мнения некоторых мы свели в таблицу, которая отнюдь не является исчерпывающей (число упомянутых в ней мнений можно было бы с четырех десятков увеличить, по-видимому, до сотни). Ее цель — показать, к сколь противоречивым выводам приходят разные исследователи этой проблемы. Едва ли можно сейчас рассчитывать на окончательное решение этой сложной проблемы. Наша работа, естественно, на это и не претендует: мы решили дать комплексное изложение имеющихся данных с учетом всех существующих в науке толкований и на этой основе — свое понимание проблемы [281; 295; 296; 877, стр. 134—135; 878, стр. 115—126].

В древнеперсидских надписях<sup>7</sup> встречаются

<sup>7</sup> Здесь и в дальнейшем, если это специально не оговорено, ссылки даются по 845.

Оценивая другие этимологии, Г. Бэйли пишет: «Предложения связать имя *saka* с наименованием животного, будь то осетинское *sag* — из *\*sāka* — „олень“ или *švan* — „собака“, без сомнения, должны быть отвергнуты. Также неприемлемым является производное от *sak* — „двигаться“» [611, стр. 133].

Перечислив все эти попытки, авторы вышедшего в 1964 г. немецкого издания руководства по древнеперсидскому языку В. Брандештейн и М. Майрхофер подвели итог следующими словами: «Die Herkunft des Volksnames ist nicht gesichert» [655, стр. 142], т. е. «происхождение этнонима не является твердо установленным».

Следующие наименования, связанные с саками: *saka*, *sakā tigraxaudā*, *saka haumavargā*, *saka tyaiy paradraya*, *sakā tyaiy para sugdam*, а также *daha*. Что касается *sakā tyaiy paradraya* (саки, которые за морем), то в Накширустемском списке (28—29) они перечисляются вслед за Арменией, Каппадокией, Сардами, Ионией. После них следуют скудра, какие-то ионийцы, ливийцы и т. д. После ионийцев и перед скудра они следуют и в Персеполе [845, стр. 156]<sup>8</sup>.

Таким образом, эти саки связаны не с востоком ахеменидского государства, а с его западом. Поэтому, как нам представляется, нет никаких оснований помещать их в Среднюю Азию, как это делают некоторые авторы<sup>9</sup>. Как это думают А. Херман и В. Хинц, под *saka tyaiy paradraya* следует понимать гетов [788, стлб. 1179, 1788; 805, стр. 338—340]. Более вероятно, что это европейские скифы [161, стр. 179; 714, стр. 108; 964, стр. 565; 993, стр. 30, прим. 1].

Исходя из старых переводов Бехистунской надписи (стлб. V), из которых следовало, что саки-тиграхауда жили «за морем», С. Конов высказал мнение о тождестве этих саков и «заморских». Он предполагал, что они жили «к востоку от Согдианы, к востоку от Каспийского моря и в стране вдоль Яксарта» [851, стр. XIX]. С другой стороны, Томас пытался

<sup>8</sup> По мнению некоторых исследователей, *Skudra* — это Фракия или Македония [845, стр. 210].

<sup>9</sup> О. Везендонк идентифицировал их со скелотами. См. 1088, стр. 187.

# НЕСКОЛЬКО ТОЧЕК ЗРЕНИЯ О РАССЕЛЕНИИ САКСКИХ ПЛЕМЕН

Год и исследователь	Саки заморские	Сака	Саки- хаумаварга	«Саки, которые за Согдом»	Саки- тиграхауда	Массагеты
1728 г., Ф. З. Байер [631, стр. 137]	—	—	—	—	—	К востоку от устья Волги, северо- восточнее Каспия
1849 г., Н. G. Rawlinson [968, стр. 162 — 164]	—	—	—	—	На верхнем Тигре	—
1862 г., G. Rawlinson [967, стр. 53, прим. 5]	—	—	На границах Индии	—	Разбросаны по всему ахеменид- скому государ- ству	—
1871 г., В. В. Григорьев [147, стр. 13 — 15, 50 — 53]	Европейские скифы	Обобщенное назва- ние саков-хаума- варга и саков- тиграхауда	Маргиана и степи к северу и северо-западу от нее	—	Памир, Тянь-Шань, Семиречье, Ташкентский оазис	—
1879 г., F. Justi [836a, стр. 57, карта II]	—	—	Южный Тянь- Шань, Фергана, Алай и Восточ- ный Памир	—	—	—
1905 г., J. Marquart [900, II, стр. 140—142, 242 — 243]	—	—	Мунджан, Сан- глич, Зebak	—	По ту сторону Яксарта	—
1910 г., F. Sarre и E. Herzfeld [993, стр. 30, карта]	Европейские скифы	Где-то в северном Белуджистане	Южная часть Во- сточного Памира, Бадахшан, Гиль- гит, Читрал	—	На Памире, к северу от саков- хаумаварга, западная часть Восточного Тур- кестана	—
1911 г., F. W. Weissbach [1087, стр. 153]	Вероятно, у Бос- фора и Черного моря	—	—	—	—	—
1920 г., A. Herrmann [788, столб. 1783—1788]	Геты	Обобщенное на- звание саков- хаумаварга и саков-тиграхауда	Памир	—	Степной пояс между Каспий- ским и Араль- ским морями, на юг до Узбоя	(=сакам-тиграхауда)
1921 г., M. Ebert [714, стр. 108]	Европейские скифы	—	—	—	—	—
1922 г., E. J. Rapson [964, стр. 564 — 565]	Европейские скифы	—	Дрангиана (совр. Систан)	—	По р. Сырдарье	—
1929 г., S. Konow [851, стр. XVII—XIX]	(=сакам-тигра- хауда)	—	М. б. на равнинах к востоку от Кас- пия или к северу от Яксарта	На востоке от Согдианы	К востоку от Кас- пийского моря	—

Год и исследователь	Саки заморские	Сака	Саки- хаумаварга	«Саки, которые за Согдом»	Саки- тиграхауда	Массагеты
1930 г., J. Marquart [902, стр. 42]			Мунджан		—	
1930 г., W. W. Tarn [1049, стр. 122]	—		Памир,			
1931 г., E. Herzfeld [797, стр. 9—10]	Европейские скифы	—	На равнине, где- то по Яксарту (а не на Памире или Гиндукуше)	Фергана и к севе- ру от нее	—	
1933 г., O. O. Wesendonk [1088, стр. 187]	Сколоты					
1939 г., W. Hinz [804, стр. 356 — 367]	—	—	—		За Амударьей	
1939 г., J. Junge [835, стр. 60 — 63, 67 — 71, 83 — 88]	Европейские скифы	(=сакам- хаумаварга)	Фергана, Памир, прилегающие области	(=сакам- хаумаварга)	На восток от Кас- пийского моря	(=сакам-тиграхауда)
1939 г., W. M. Mc. Govern [909, стр. 469 — 474]	П р и н и м а е т с х е м у Х е р м а н а ( 1 9 2 0 г. )					
1942 г., W. Hinz [805, стр. 338 — 340]	Фракийцы и геты			Идентичны сакам- хаумаварга	По нижнему тече- нию Оксуса	Тождественны с саками-тиграхауда
1946 г., В. В. Струве [500, стр. 236 — 237, 239 — 241]	У Аральского моря в между- речье Аму- и Сырдарьи	—	Маргиана, области, соседние с Бак- трией	Саки заморские	Степи юго-восточ- нее побережья Каспия	Саки заморские и «саки, которые за Согдом»
1947 г., E. Herzfeld [801, II, стр. 713]	—	—	Саки-хаумаварга и тиграхауда — вдоль и за Яксар- том	—	Саки-хаумаварга	—
1948 г., С. П. Толстов [514, стр. 243 — 244]	—		Каракумы и Кызылкумы		За Сырдарьей	(=сакам- хаумаварга)
1949 — 1952 гг., А. Н. Бернштам [78, стр. 104—105; 84, стр. 89 — 90; 85, стр. 188, 210]	Побережья Каспия или Черного моря	—	Тянь-Шань, Семи- речье, Фергана, Памир		Среднеазиатское междуречье	—
1949 г., В. В. Струве [501, стр. 23 — 24]	К востоку от Аральского моря	Обобщенное назва- ние саков-хаума- варга и тигра- хауда	Связаны с Бак- трией	—	—	(=заморским сакам)
1950 г., К. В. Тревер [523, стр. 45 — 48]	На правобережье среднего тече- ния Сырдарьи		Возможно: 1. Маргиана, 2. (=массаге- там), 3. Фергана, частично Памир	Соответствуют сакам-тиграха- уда	Ташкентский оазис, Северная Кирги- зия и Южный Казахстан	Северные Каракумы и низовья Амударьи возможно, и Сыр- дарьи

Год и исследователь	Саки заморские	Сака	Саки- хаумаварга	«Саки, которые за Согдом»	Саки- тиграхауда	Массагеты
1950 г., S. Chattopadhyaya [671, стр. 23 — 24]	Европейские скифы		От западных Гима- лаев до Сыр- дарьи и Ферганы	Долина Сырдарьи, в Фергане и вблизи от нее	Соприкасаются с саками-хаума- варга	—
1951 г., W. Tarn [1052, стр. 80—81, 291]	—		Там же, где «саки, которые за Согдом», но не на Памире	К югу от Сырдарьи и к западу от Ходжента, к северу от Нура- тинских гор и Фергана	Там же, где «саки, которые за Сог- дом»; м. б. иден- тичны сакам- хаумаварга	Каспийские степи к северу от Балхан до Аральского мор- я (до низовьев Аму- дарьи, м. б. и Сырдарьи)
1953 г., И. И. Копылов [233, стр. 5 — 6]	К югу и юго-вос- току от Араль- ского моря, вероятно и пра- вобережье Сыр- дарьи до Фер- ганской долины включительно		Юг Средней Азии от Маргианы до Памиро-Алая	—	От северных гра- ниц Памиро- Алая до низовьев рек Талас и Чу и западных отрогов Алтая	(=сакам заморским)
1955 г., P. Ch. Bagchi [598, стр. 2, 8]	Европейские скифы		Фергана, Ташкент- ская область, Кашгар	—	Приаралье, низовья Сырдарьи	Приаралье
1956 г., А. Н. Бернштам [86, стр. 43]	Прибрежье Каспия, «малоазийское побережье»	—	От Тянь-Шаня до Памира и по югу Средней Азии до Туркмении	—	К северу от Сыр- дарьи и частично в Среднеазиат- ском между- речье	—
1957 г., Е. И. Агеева [22, стр. 29 — 30]		П о в т о р я е т с х е м у К о п ы л о в а , 1 9 5 3 г .				
1957 г., Я. Г. Гулямов [154, стр. 95]	Нижнее течение Сырдарьи и далее на запад— до границ Азии и Европы		Горы и равнины Средней Азии вплоть до Гин- дукуша, в том числе Бактрия, Мерв, Согд, Фергана, Хорезм	—	Среднее течение Сырдарьи и далее—вплоть до Алтая	Состояли главным образом из саков- хаумаварга
1959 г., А. Т. Olmstead [937, стр. 49, 141]	—		К северу от Индии, Памир	—	К востоку от Кас- пийского моря	—
1963 г., К. А. Акишев [29, стр. 16 — 20]	Юго-восточный Прикаспий			—	Киргизия, юг Ка- захстана, Таш- кентская область	Низовья Среднеазиат- ского междуречья
1963 г., Э. А. Грантов- ский [143, стр. 24—28]		(= сакам-хаума- варга )	Памир и Северное Припамирье	—	—	—
1963 г., М. П. Грязнов [153, стр. 68]	Юго-восточное Приаралье		Памир, Мургаб, Фергана	—	«По соседству» с заморскими саками	—
1963 г., М. А. Данда- маев[161,стр. 180-182]	—	(= сакам-хаума- варга)	Маргиана	—	К востоку от Аральского мор- я	(= сакам-тиграхауда)

аргументировать предположение о локализации заморских саков в Систане; в качестве моря у него выступало оз. Хамун [1059, стр. 181 и след.]<sup>10</sup>.

В советской исторической литературе вслед за В. В. Струве «заморские саки» нередко локализуются к востоку от Аральского моря. Но все это покоится на очень неопределенном допущении, что место этих саков в Накшир-стемском списке определяется не их географической локализацией, а временем покорения их Дарием [500, стр. 240—241; 501, стр. 23—24]. В. В. Струве рассматривает саков Бехистунской надписи (стлб. V) как «заморских»; на неправомочность такого допущения было указано Р. Кентом [844, стр. 305, прим. 18]. Наиболее приемлемым представляется вышеприведенное мнение, что это европейские скифы. В связи с этим мы в дальнейшем не занимаемся вопросом локализации этого племени.

Наряду с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда мы встречаемся в древнеперсидских надписях с *daḥa* и с *sakā tyaiy para sugdam* — «саками, которые за Согдом». Как отметил Я. Р. Асмуссен, под «саками, которые за Согдом», понимались саки-тиграхауда или саки-хаумаварга, или же какая-то часть пгрвых и вторых [593, стр. 131], но каких именно?

Нам уже приходилось останавливаться на этой проблеме [281]: мы полагаем, что «саки, которые за Согдом» — составная часть саков-хаумаварга.

Античные же источники сообщают о саках (или скифах) амиргиях и ортокорибангиях (они давно идентифицированы соответственно с саками-хаумаварга и саками-тиграхауда), о массагетах, дахах и других, менее крупных народах.

Сведения древнеперсидских надписей о расселении среднеазиатских сакских племен весьма скудны. В персепольской надписи «е» Дария (DPe, 15—18) «сака» стоит после среднеазиатских областей, Саттагидии, Арахозии, Синда, Гандхары и перед Мака (Гедрозия). В надписи «а» Дария из Накши-Рустема (DNA, 22, 29) после среднеазиатских областей, Дрангианы, Арахозии, Саттагидии, Гандхары, Синда идут сака-хаумаварга, а затем сака-тиграхауда, потом следуют Вавилония, Ассирия, Аравия и т. д. То же самое мы видим в надписи «е» Дария из Суз (DSe, 24—25). Переставлены на другое место среднеазиатско-сакские племена в надписи Ксеркса из Персеполя

(XPh, 19—28), где вышеотмеченная последовательность не соблюдена (Аравия, Гандхара, Синд, Каппадокия, даха, сака-хаумаварга, сака-тиграхауда). В Накши-Рустеме саки-тиграхауда следуют за парфянами и перед вавилонянами (время Дария); в Персеполе же за гандхарами и индусами — сака-хаумаварга и сака-тиграхауда, за ними — вавилоняне.

Таким образом, в большинстве случаев последовательность при перечислении ведет от индусов и гандхаров (или наоборот) к сакам-хаумаварга.

Обратимся к Бехистунской надписи. При перечислении подвластных стран (I, 12—17) «сака» идет вслед за Ареей, Хорезмом, Бактрией, Согдианой, Гандхарой и перед Саттагидией, Арахозией. При перечислении восставших в 520 г. до н. э. против Дария стран упоминаются Парфия, Маргиана, Саттагидия, Сака (II, 5—8), но здесь последовательность могла определяться получением сообщений о начале восстания. При повествовании о событиях второго-третьего года царствования Дария Бехистунская надпись, сообщив о подчинении Элама, далее повествует (V, 20—30): «Говорит Дарий царь: затем я с войском отправился в Сака. Затем саки, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать сражение. Когда я прибыл к водному рубежу, тогда на ту сторону его со всем войском перешел. Потом я наголову разбил одну часть саков, а другую захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого сделал (их) вождем, как, на то было мое желание. Затем страна стала моей» [160, стр. 269; 161, стр. 176—178]. Мы принимаем перевод М. А. Дандамаева — М. Н. Боголюбова как наиболее вероятный. Перевод Р. Кента отличается в двух пунктах: он переводит не «другую (часть саков) захватил в плен», а «другого (вождя саков) захватил в плен» и, главное, не «водный рубеж», а «море» [845, стр. 134]<sup>11</sup>. Он исходит из основного значения термина *dayaḥ* «море» (авест. *zrayaḥ*, ново-перс. *dayā*) [630, стлб. 1701—1702]. Однако древнеиранское *īrayas* означало «ход», «течение» [655, стр. 117], и в новоперсидском *daya* прилагается и к озеру, и к широкой реке. И в данном случае это, конечно, не «море», а «река» — именно так предложил переводить это место еще В. В. Григорьев [147, стр. 13—14] и много лет спустя — В. Хинц [804, стр. 366—367]. Это толкование принято и В. И. Абаевым [7, стр. 364].

Но если река, то какая? Непосредственно

<sup>10</sup> Решительную критику его концепции см. 1017, стр. 403—410; см. также 853, стр. 220; 685.

<sup>11</sup> Этот термин переводил как «море» и Ф. Кёниг [850, стр. 58].



из текста это не вытекает. Именно поэтому В. В. Григорьев отмечал, что это мог быть Яксарт или Окс, а В. Хинц видел в этой реке Амударью (не приводя, собственно, обоснования). В. В. Струве, давший свое (оказавшееся в свете новых исследований Бехистунской надписи неправильным) восстановление рассматриваемого места V столбца и соответствующий перевод, полагал, что Дарий I перешел через «водный рубеж», которым была Амударья у самого впадения в Аральское море [500, стр. 244—246]. В своей реконструкции направления похода Дария В. В. Струве полагал, что оно совпадало с направлением похода Кира против массагетов, которых он помещал в Приаралье, в междуречье Аму- и Сырдарьи. Однако А. Херман и вслед за ним И. В. Пьянков показали (на наш взгляд, весьма убедительно), что Кир II сражался с массагетами не в Приаралье, а за Узбоем [414; 785, стр. 19—20].

Поход Дария на саков-тиграхауда проходил, по-видимому, в другой местности. Собственно, можно представить три маршрута: из южного Прикаспия, т. е. с территории Парфии, по Узбою, или же с территории Маргианы, или же, наконец, из Бактрии. Контекст рассказа Полиена о саках, историческим фоном которого был, по-видимому, один из эпизодов этого похода, связан с рекою Бактр (Полиен, VII, 12), т. е., очевидно, Амударьей в ее среднем течении. Таким образом, военные действия могли разворачиваться в Бактрии, направление похода шло по Амударье. Если это так, то саки-тиграхауда, точнее какая-то их часть, могли находиться где-то в Приаралье, в низовьях Амударьи<sup>12</sup>.

Столь же сложен вопрос локализации саков-хаумаварга [143, стр. 24; 161, стр. 179—180]. Существует прямое указание Геродота: «Саки, они же скифы... это были амиргийские скифы, но назывались они саками, потому что персы всех скифов зовут саками» (VII, 64). Уже более ста лет назад в науке утвердилось отождествление амиргийских скифов Геродота и саков-хаумаварга древнеперсидских надписей<sup>13</sup>. Таким образом, свидетельство «отца

<sup>12</sup> До сих пор встречающиеся в литературе попытки объяснить этот поход как поход на европейских скифов (см., например, 582, стр. 129—130) не могут быть приняты.

<sup>13</sup> См. об этом 147, стр. 8 — со ссылками на ранние исследования древнеперсидских надписей; 836а, стр. 57. Впрочем, это мнение в 70-х годах XIX в. еще не было общепринятым. Такой авторитет, как Ф. Шпигель, в 1871 г. уравнение амиргии = хаумаварга не считал бесспорным. Он же писал в отношении саков-хаумаварга и тиграхауда: «Невозможно с уверенностью сказать, что означает их имя и где они жили».

истории» подтверждает, что в первых столбцах Бехистунской надписи речь идет именно о саках-хаумаварга. Что мы еще можем извлечь из источников относительно расселения саков-хаумаварга?

У Гелланика (около 450 г. до н. э.) имеется следующее сообщение: 'Αμύρτιον περὶ τὸν Σακόν, т. е. Амиргием называлась какая-то «сакская равнина». Тут же он сообщает, что название жителей — 'Αμύρτιος.

Строго говоря, этим исчерпываются сообщения относительно именно саков-хаумаварга. Однако для решения этого вопроса можно привлечь и другие сообщения источников.

В надписи «е» Дария из Персеполя (DPe, 18) фигурирует просто «сака» [845, стр. 136]. В Бехистунской надписи, в перечне стран, доставшихся ему «по воле Ахура-Мазды», Дарий упоминает «сака» (DB I, 16—17) без всякого определения. В перечне восставших против него в 520 г. стран фигурирует «сака» (DB II, 8). Ф. Андреас в свое время выдвинул предположение, что существовало три различных народа: саки, саки-хаумаварга и саки-тиграхауда [585, стр. 97]. Эту точку зрения воспринял Э. Херцфельд, пытавшийся обосновать ее ссылками на иконографию древнеперсидских рельефов. Он полагал, что эти die blossen Saken жили где-то в Северном Белуджистане, поэтому в надписях они перечисляются рядом с индусами и гандхарами [797, стр. 9; 993, стр. 30]. Высказывалась и иная точка зрения: об идентичности «просто саков» надписей сакам-хаумаварга. Она прекрасно обоснована М. А. Дандамаевым [160, стр. 178—180].

Кроме того, совсем недавно И. В. Пьянков, сопоставляя сообщения Геродота (VII, 64) и Плиния (VI, 50), пришел к заключению, что Геродот и источник Плиния Демодом приравнивают термин «саки» (sakai) в персидском словоупотреблении к обобщающему греческому термину «скифы» (skythai). С другой стороны, мы узнаем, — на этот раз уже только от Демодама, — что существовало и какое-то конкретное «племя» (gens), для которого «саки» было, очевидно, самоназванием. Из анализа сообщений Плиния вытекает, что в III в. до н. э. (время Демодама) это племя проживало в области Сырдарьи и было «ближайшим» к персам, т. е. Ахеменидам. Можно пойти дальше и сделать еще два заключения: 1) о тождестве (хотя, несомненно, и неполном) собственно саков Плиния с «сака» вышеприведенных надписей; 2) о том, что это были саки-хаумаварга [415, стр. 12—13]<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> См. аналогичные (хотя и не идентичные) заключения Б. Н. Мукерджи [927].

<sup>1</sup> Конечно, в Бехистунской надписи (стлб. I, II) речь идет о тех саках, которые еще до Дария были хорошо известны персам и покорены уже при Кире, — ими были саки-хаумаварга <sup>15</sup>. Саки, по Геродоту (II, 23), вместе с каспиями <sup>16</sup> входят в пятнадцатый округ. Он же, перечисляя врагов Кира, ставит саков рядом с бактрийцами (I, 154). Во время похода Ксеркса в Грецию саки были объединены с бактрийцами под командованием Гистаспа (VII, 64). Среди покоренных ахеменидами народов Мардоний перечисляет рядом саков и индийцев (VII, 9). Масиста, желая поднять мятеж против Ксеркса, отправился в Бактры с намерением взбунтовать бактрийский округ; он сумел бы сделать это, если бы «заблаговременно достиг земли бактрийцев и саков, потому что они любили его и он был наместником бактрийцев» (Геродот, IX, 113). В битве при Гавгамелах под началом Бесса наряду с индами, бактрийцами были согдийцы и саки (Арриан, III, 8, 3). Арриан вкладывает в уста Александра Македонского перечисление побежденных народов, причем за бактрийцами следуют саки (VII, 10, 5).

Из Квинта Курция (V, 9, 6; VI, 3, 9) также следует связь саков, индов и бактрийцев. Бесс считал, что к нему придут на помощь разные народы, в том числе «саки и инды» (Квинт Курций, VII, 4, 6).

Рассказ Поллена (7, 12), из которого вытекает, что трое сакских царей, живших в пустыне по ту сторону р. Бактр, выступили против Дария, многие ученые связывают с Бактрией (или Бадахшаном). Имя одного из этих царей *Ὀράργης*, безусловно, отражает название саков-хаумаварга [904, стр. 320, прим. 1].

Источники Страбона знали о каких-то кочевниках-скифах, область которых простиралась до Индии (Страбон, XI, 6, 2). Саки захватили Бактриану (Страбон, XI, 8, 4).

Диодор Сицилийский приводит сообщение

<sup>15</sup> Поэтому мы не принимаем точку зрения Р. Кента, что «сака» ранних клинописных текстов, затем (DSe, DNa, XPh) разделены на две группы [844, стр. 304].

<sup>16</sup> Речь шла о восточных каспиях, которых многие ученые локализируют в Северной Индии: И. Маркварт, например, — в области Кафиристана или даже восточнее, вплоть до Ладака [900, II, стр. 141—142]; Ф. Томас — в горах к востоку от Бактрии [1059, стр. 182]; А. Херман — в Читрале [786, стлб. 2274]; Ю. Юнге — в Кашмире [835, стр. 84]. И. М. Дьяконов [166, стр. 359—360] относится к этой восточной локализации с большим сомнением; напротив, И. В. Пьянкову она представляется вероятной [414, стр. 122].

Мегасфена, согласно которому Эмод <sup>17</sup> отделяет на севере Индию от той части Скифии, которая населена теми скифами, что называются саками (Диодор, II, 35, 1).

Фукидид упоминает *Ὀράργης* — незаконного сына Писсуфна (Фукидид, VIII, 5, 5; 19, 2; 28, 2—5), сына Гистаспа (Фукидид, I, 115, 4) — того самого, что предводительствовал бактрийцами и саками во время похода Ксеркса в Грецию (Геродот, VII, 64; Диодор, XI, 69, 2).

Приведенные данные источников прямо свидетельствуют о том, что саки граничили с Индией. Именно поэтому очень давно высказывалась точка зрения о восточной локализации саков-хаумаварга. В 1862 г. в комментариях к переводу Геродота английский ученый Г. Раулинсон высказал мнение, что саки-хаумаварга — «очевидно, обозначение восточных скифов на границах Индии» («apparently designating the eastern Scythians on the confines of India») [967, стр. 53, прим. 5].

Однако из вышеприведенных источников остается неясным, как далеко на юг от Средней Азии в V—III вв. до н. э. простирались пределы их территории.

Гекатею (источник его — 517 г. до н. э.) принадлежит следующее сообщение, сохранившееся у Стефана Византийского: *Κασπάτινος πόλις Γαυδαχική, Σκυθῶν ἀκτῇ* (последнее слово предлагалось исправить на *ἀντίη*), т. е. речь идет о гандхарском городе Каспацире — «скифской гавани» (но, если принять исправление, получается что-то вроде «сторона, противоположная скифам», или, может быть, «ворота в страну скифов»). Некоторые историки, например А. Олмстэд [937, стр. 212], принимают это исправление, другие [143, стр. 25] — нет. Дело в том, что Геродот (IV, 44) знает в земле пактиев город, очень близкий по написанию — *Κασπάτινος*, причем он является гаванью <sup>18</sup>.

Нам представляется наиболее вероятным

<sup>17</sup> По мнению Хермана [788, стлб. 1783—1784], в данном случае это Восточный Гиндукуш; по Э. Херцфельду, «вся западная часть гор к северу от Индии» [797, стр. 10].

<sup>18</sup> О местоположении этого города см. также Геродот, III, 102. Птолемей (VII, 1, 47) также упоминает *Κασπείρατος*. О местоположении пактиев см. 143; 335, стр. 63. Следует иметь в виду (этого не учли авторы «Истории Афганистана»), что имя пактиев известно не только у вышеуказанных античных авторов. В Хоу Хань-шу, гл. 118 [91, II, стр. 227—228], сообщается, что «гуйшуанский князь Кюцзюкю», т. е. кушанский правитель Кадфиз I, захватив Гаофу — Кабул, затем захватил Пуду. Последнее название, как считают синологи, в древности должно было звучать b'uok-d'at и могло отражать этноним «пактии» [944, стр. 69].

толкование, предложенное И. Марквартом. Он полагает, что город **Каспапир** (или Каспатир) можно сопоставлять с Кабулом, Кашмиром или Мултаном, но склоняется к тому, что этот город скорее всего следует искать где-то в Гандхаре. Под скифами следует понимать **саков**, которые должны были жить между Гандхарой и Бактрией. Что же касается выражения «пристань», которое Гекатей употребляет, говоря об этом городе, то оно объясняется тем, что на Кабулдарье, должно быть, была пристань и отсюда велась торговля по Инду<sup>19</sup>.

Во всяком случае, этот фрагмент определенно указывает на то, что какие-то сакские племена граничили с Индией [835, стр. 50]. Нельзя не согласиться с И. Шефтеловицем, что это соседство имело место уже в ранне-ахеменидское время [1997, стр. 294].

Таким образом, интерпретация этих данных связана со значительными сложностями, в частности с неясностью вопроса о локализации. Некоторые ученые пытались идентифицировать эти топонимы с Кашмиром. Другие связывают их с Мултаном, одно из названий которого было *Kaśyapapura* [682, стр. 196—197; 1034, стр. 22—27, прим. 18]. Но, как справедливо отмечает Л. Петеч, это противоречит географическому контексту сообщений античных авторов. Он сам присоединяется к мнению тех ученых, которые, подобно Э. Херцфельду, помещали эти топонимы в окрестностях Аттока или, быть может, самого Пешавара [801, II, стр. 661; 994, стр. 67].

В этой связи следует также указать, что Александр Македонский на своем пути из Средней Азии в Индию прошел через Ассакену — *Ἀσσηκηνή* (Мегасфен у Арриана — Индика, I, 8 — называет страну *Ἀσσηκίη*) [1066, стлб. 1740—1741].

Главным городом этой страны была **Массака** — *Μασσακα* (варианты *Μασσαγα*, *Mazaga*) — первый и самый большой город в области ассакенов [790]. Его локализуют в районе современного Чакдара (*Chak-dara*) в долине Свата.

Этноним ассакены, так же как название другого рядом расположенного народа — аспасии, производят из санскритского *asva*, пракритского *aśvaka* — «лошадь» и *assaga-assaka* — «всадники» и иранского *aspa* — «лошадь». В древнеиндийских источниках упо-

минаются *Asvayana*, *Asvakayana* и *Masakavati* [576, стр. 453—454; 716, стр. 66; 1066, стлб. 1741; 1071, стр. 27—28; 1080, стр. 150, прим. 70].

Однако уже В. Томашек обратил внимание на явную несообразность: развитие коневодство невозможно в долине Свата. Он думал, что кони пригонялись сюда из областей верхней Амударьи [1065, стлб. 1722]. Но возможно и другое предположение, — что это раннее индийское осмысление каких-то этнонимов, в основе которых имелось слово «сак». Д. Туччи (с вопросом) пытается связать *Massaga* — *Maśakāvati* с массагетами [1071, стр. 28].

Характерно, что и в названии города, и в названии страны мы находим элемент «сак». Едва ли это случайно; вероятно, здесь в топонимах отложилось наименование древнего местного населения.

Итак, повторяем — вся совокупность письменных источников, как и контекст исторических событий, свидетельствует о том, что по соседству с Индией и Бактрией находилась одна из крупных группировок сакских племен, скорее всего саки-хаумаварга.

На последнее указывают и некоторые данные лингвистического порядка. Мы имеем в виду топоним «Мунджан». Еще в 1905 г. И. Маркварт писал: «Следует искать местоположение саков (хаумаварга) к западу от Шугнана, где-то в Мунджане, Сангличе и Зебаке, в области истоков Кокчи, где еще сегодня говорят на так называемых „памирских диалектах“» [900, II, стр. 142]. Позже этот исследователь сформулировал свою мысль еще более отчетливо. Он считал бесспорным, что **Мунджан** — это страна саков-хаумаварга [902, стр. 42; 904, стр. 320], писал, что «язык саков-хаумаварга сохранился в сегодняшнем мунги, или мунджан, — одном из так называемых памирских диалектов» [903, стр. 42].

Несколько слов относительно Мунджана и его населения — мунджанцев и близкородственных им по языку йидга.

Мунджанцы живут в местности Мунджан, в Читрале, по р. Джирм (или Джурм) — притоку р. Кокча (левый приток Пянджа), а также в боковых долинах. По авторитетному заключению Д. Д. Букинича и Н. И. Вавилова, эта долина (около 25 км длиной) является в природном отношении продолжением Бадахшана [100, стр. 124—127]. Количество мунджанцев оценивалось в 1500 человек (Бурхан ад-Дин Кушкеки) или 1200 человек (Г. Моргенштерне) [925, стр. 10—11]. По но-

<sup>19</sup> Э. Херцфельд и А. Херман, напротив, совершенно отрицают реальное значение этого сообщения [797, стр. 10; ср. 802, стр. 338—340].

вейшим данным, в долине Мунджана—12 основных поселений, в них живут 2—3 тыс. мунджанцев. Как считают этнографы, по своему общему культурному облику мунджанцы должны быть причислены к таджикам [1018, стр. 665]<sup>20</sup>.

Йидга живут в долине р. Луткух (приток Кунара), к югу от перевала Дара. Основная часть этого населения (около 800—1000 человек) живет в поселениях, разбросанных на пространстве около 10 км. Согласно некоторым данным, собранным в конце прошлого столетия, йидга отделились от мунджанцев и переселились «семь поколений назад» в результате вторжения в Мунджан войск правителей Бадахшана. По мнению Г. Моргенштерне, эта информация представляется правдивой [925, стр. 15—16].

Помимо йидга мунджанский имеет еще несколько диалектов, которые могут быть грубо объединены в две группы. Как отмечает тот же Г. Моргенштерне, «несомненно, что мунджанский-йидга в целом тесно связан с памирскими диалектами, хотя в нескольких пунктах он стоит отдельно от них»; особенно тесное сходство с ишкашимским [568, стр. 131; 925, стр. 25—26]. Кроме того, отмечают большие связи с пушту [178а, стр. 127; 925, стр. 25—26]<sup>21</sup>.

Сами жители называют свою территорию Mun'jān, а себя — Mun'jīn(u). Это наименование с легкими вариантами применяется и их соседями. Munjan, очевидно, арабизированная форма от Mungan.

Название фигурирует уже у Сюань-цзяна, согласно Б. Карлгрену, оно огласовывается как Muŋg'īŋ (= Mungan) [922, стр. 439].

Мунджан встречается и у арабских географов — Якуби, Ибн Хордадбеха и др., которые называют его المندجان. Арабскую форму можно огласовать как Mand(a)jan, Mund(a)jan, что идентично этому наименованию в одном диалекте сангличи [811а, стр. 367—368; 901, стр. 226; 922, стр. 439].

Сопоставляя наименование «мунджан» в мунджанском и йидга, Г. Моргенштерне пришел к заключению, что первичная форма должна была быть \*Mrg. В языке кати

мунджанцы обозначаются Mrugul (от корня Mrga). Отсюда возникает возможность объяснения имени Murəg-ān, Munj-an. Дело в том, что в нескольких иранских диалектах Памира и Гиндукуша отмечено превращение гп в п, отсюда, по Г. Моргенштерне, возможна реконструкция такой эволюции: \*Mrg>\*Murng>Mung. Он считает не исключением три предположения: 1) название долины было первоначально связано с группой слов, представленной авестийским magəša — «луг»; 2) или же оно было вторично интерпретировано как сходно звучащее со значением «луг»; 3) не исключено, что оно имеет какую-то связь с Мервом — древнеперсидский Margus.

Г. Моргенштерне считает «заманчивой» попытку И. Маркварта сопоставить saka haumavargā, вернее среднеиранское (h)om-wur, с \*Mrg. Г. Моргенштерне отмечает некоторые лингвистические трудности, но не считает их непреодолимыми. Он обращает, в частности, внимание на то, что греческое Ἀρβόριοι предполагает возможность раннего «укорачивания» начальной части этого слова. Относительно слова «йидга» он не исключает возможности, что оно связано со словом Hind, т. е. Индия, и первоначально обозначало мунджанцев, поселившихся на «индийской стороне» перевалов [920, стр. 440—443].

Крупнейший современный авторитет в области хотано-сакского языка Г. Бэйли также считает, что наименование «хаумаварга» сохранилось и дошло до нас в названии Мунджан (и вариантах этого названия в йидга/. В наименовании другой части мунджанцев — близкородственных им йидга — сохранилось название области iwan-d'uok (позже kuan-tu), той области в северном Припамирье, может быть даже где-то на юго-востоке Ферганской долины, где жили, по китайским источникам, потомки древних саков [283, стр. 47; 611, стр. 132]<sup>22</sup>.

Не все здесь в лингвистическом отношении бесспорно. Э. А. Грантовский доказывает, что само слово «мунджан» имеет древнеиндийское происхождение, но и он вслед за Г. Бэйли полагает, что название мунджанцев в йидга — ṛgaṇāyo восходит к «хаумаварга». Вместе с тем он пытается доказать связь между «Мунджан» и «хаумаварга» другим путем. Он выводит слово «Мунджан» из древнеиндийского термина, обозначающе-

<sup>20</sup> На Западном Памире, в районе Рошт-калы есть два кишлака мунджанцев, но свой язык они утратили, говорят на одном из таджикских говоров. (Доклад А. З. Розенфельд 9.VIII.1961 г. в Институте языка и литературы АН Таджикской ССР на тему «Этнография и язык таджиков Памира».)

<sup>21</sup> Первые исследователи считали мунджанский наиболее близким (из всех иранских) к языку Авесты; см. об этом 757, стр. 509.

<sup>22</sup> О йидга-хотано-сакских параллелях см. 604, стр. 540.



146, 157]<sup>26</sup>. В этом предложении есть много привлекательного.

Что же касается гидронима Мургаб,— здесь мнения ученых расходятся. Уже в конце XIX в. высказаны соображения [173, стр. 68, прим. 1], поддержанные в наше время [143, стр. 25, прим. 64; 414, стр. 122—123; 630, стлб. 1174], что название Мерва—Маргианы—Мургаба восходят к древнеиранскому \*Margu, которое не может быть связано с «хаумаварга».

Нужно иметь в виду следующее. Слово «мургаб» — это народная этимология слова «маргоб». В последней форме оно встречается еще у ранних таджико-персоязычных писателей [60, стр. 136], и это естественно, ибо в среднеперсидском название современной реки Мургаб (в Южной Туркмении) произносилось именно так — судя по тому, что армянские авторы называли ее Margfot (или Marwi) [847, стр. 162; 901, стр. 75]. Собственно, эту форму отражает и древнегреческое Μάργος и древнеперсидское Margu [845, стр. 202].

По наблюдениям А. З. Розенфельд, население до сих пор называет эту реку не только Мургаб, но и Маргоб. Слово «марг» в средневековых и современных таджикско-персидских словарях приводится со значением «свежая трава, идущая на корм животным», а также «луг», «лужайка». Уже во времена Фирдоуси это слово употреблялось лишь как географическое название. Однако, пишет А. З. Розенфельд, употребление прежде слова «марг» в указанных выше значениях подтверждается следующими фактами: употребление его в Авесте (magəṇā), в согдийском и ягнобском языках в значении «луг», «лужайка», в памирских языках (йигда, сангличи, язгулемском); в афганском «марг» — дерн; заимствование этого слова в очень ранний период в арабский язык; наконец, наличие этого слова в топонимике юго-восточного Таджикистана: Марг, Маргак (долина р. Хингоу), Мыргытта (Ванч). В современных таджикском и персидском употребляется образованное от марг с помощью суффикса слово маргзор — «луг», «лужайка», «поляна», «зеленые склоны гор» [443, стр. 89—90; также 42, стр. 284; 221, стр. 10—11; 444, стр. 181; 547, стр. 85—86]<sup>27</sup>.

В Кашмире термином marg, как сообщает А. Стейн, называют всякое альпийское пастби-

ще, часто посещаемое летом пастухами. В пушто magṭa — «вид травы, которую дают коням». По Г. Моргенштерне, этот термин пушто, — вероятно, от авестийского matəṭa, — «луг» (921, стр. 47).

Итак, не следует искать «амиргийскую долину» ни в Южной Туркмении, ни на Восточном Памире. Скорее всего, это Алайская долина.

Мне самому приходилось бывать в Алайской долине. Вслед за одним из ее первых исследователей, географом Н. Л. Корженевским, можно повторить: «Раскинутая среди первоклассных горных хребтов, Алайская долина поражает зрителя своими степными просторами, совершенно неожиданными после узких скалистых ущелий, которыми пролегают пути на Алай. Невольное изумление охватывает вас, когда за грядой последних отрогов открывается громадная долина, а за ней выступает вдаль мощный Заалайский хребет, особенно великолепный, когда на нем нет облаков и вся эта панорама залита ослепительным солнцем» [цит. по 259, стр. 5].

Приведем краткое описание Алайской долины, принадлежащее Н. Л. Корженевскому. «Средняя высота ее около 3000 м над уровнем моря. Вытянутая в широтном направлении почти на 130 км, согласно широтному простиранию хребтов, Алайская долина достигает ширины 15—25 км и напоминает своим видом открытую зеленеющую степь. Долина понижается с востока на запад. По всей длине она прорезана рекой Кызылсу, принимающей много притоков, как со стороны Алайского, так и противоположного ему Заалайского хребта. Размываемые этими притоками красноцветные толщи сообщают воде реки характерный кирпично-красный цвет, откуда и ее название Кызылсу — Красная вода, по-киргизски. Благодаря обилию воды, питательным степным травам и прохладному воздуху, Алайская долина пользуется громадной известностью у скотоводов как идеальное пастбище» [456, стр. 229; 492, стр. 385].

В Алайской долине насчитывается около 800 тыс. га пастбищ и сенокосов, в том числе 550 тыс. га выдающихся по качеству сочных альпийских лугов, разнотравных субальпийских лугов. Это преимущественно летние пастбища; процент сенокосных угодий невелик. Пастбища могут использоваться шесть-семь месяцев, но перевалы открыты лишь три-четыре месяца в году. Это важнейший пастбищный район прилегающих областей

<sup>26</sup> Сейчас гипотеза Ф. Томаса, что «амиргийская равнина» — это пустыня Гедросии или часть Parsian desert [1059, стр. 199], имеет лишь историческое значение.

<sup>27</sup> Авестийскую форму см. 630, стлб. 1147.

Киргизии, Узбекистана, Таджикистана. Достаточно сказать, что, по данным, опубликованным в 1962 г., на просторах Алайской долины летом пасется до 800 тыс. голов скота [259, стр. 82—83]. Алайская долина — это рай для скота. Киргизы рассказывают, что «самая изнуренная и истощенная лошадь после двухнедельного пребывания на Алае поправляется до такой степени, что становится неузнаваемой» [329, стр. 81].

Разумеется, вполне вероятно, что в древности под «амиргийской равниной» понимали не только Алайскую долину, но и Фергану в целом, и лишь специально — территорию Алайской долины.

Очень важен вопрос о местообитании «саков, которые за Согдом».

Страбон (XI, 8, 8) со ссылкой на Эратосфена сообщает, что саки отделены от согдийцев Яксартом. Плиний Старший говорит, что за Яксартом «живут скифские народы. Персы дали им общее название саков от ближайшего племени» (Плиний, VI, 50).

Квинт Курций Руф (VII, 8, 30) вкладывает в уста старейшего из сакских послов, прибывших к Александру, слова: «Мы граничим с Бактрами, отделенные от них только Танаисом». Здесь Бактрия, как это бывало нередко, понимается в расширительном смысле [1063, стр. 59]. По Дионисию Периегету, за Согдианой, по течению Яксарта, обитают саки [147, стр. 33]. Клавдий Птолемей (VI, 12, 1 и седьмая карта Азии) также говорит о том, что Согдиана граничила с саками у Яксарта от его изгибов до его истоков<sup>28</sup>.

Харес Митиленский, современник Александра, передает восточное предание о том, что за Танаисом простиралась владения скифского царя Омарга<sup>29</sup>, причем «омарг», безусловно, восходит к амиргий-хаумаварга.

С вышеприведенными данными античных авторов можно сопоставить сведения древнеперсидских источников. В одной из персепольских надписей (DPh), сделанной на двух золотых и двух серебряных пластинках, Дарий, определяя пределы своего государства, говорит, что оно простирается от «саков, которые за Согдом», до Куша — Эфиопии [799, стр. 18—19; 845, стр. 136—137].

С персепольской надписью совершенно идентичны хамаданские надписи Дария на

золотой и серебряной пластинках (DH) [999, I, стр. 70].

В этих надписях Дарий несомненно хотел продемонстрировать колоссальные размеры своих владений, показав, насколько удалены друг от друга их крайние пределы. При этом, как совершенно правильно указал В. В. Струве, географические определения даются с точки зрения западного иранца [500, стр. 241], для которого Согд лежал на северо-востоке, а Эфиопия — на юго-западе. Следовательно, подчеркивая протяженность территории древнеперсидской державы, надписи должны были указывать на саков, живших на северо-восток от Согда<sup>30</sup>. Так как в «Согд» в широком смысле включались территории до Ферганской горловины, то под «саками, которые за Согдом» надписей следует, нам кажется, понимать заяксартских саков, живших вдоль верхнего (в том числе в Кетмень-Тюбе), отчасти среднего течения Сырдарьи, в частности на участке, расположенном северо-восточнее Ферганской горловины, на правобережье Сырдарьи и безусловно включавшем Кайраккумы и предгорья Кураминско-Карамазарского хребта (что отнюдь не исключает вероятности поселения некоторых групп их и в левобережной Фергане). В этом отношении безусловно прав Э. Херцфельд, помещавший «саков за Согдом» в Фергане и частично на север от нее. Его мнение, что para Sugdam — это не просто указание направления, а наименование местности, которое он понимает как «Трансяксартиана» (вроде «Трансоксианы»), кажется вероятным, хотя с его общей схемой расселения сакских племен нельзя согласиться [795, стр. 2707—2708; 796; стр. 3—4; 797, стр. 9—10; 802, стр. 327]<sup>31</sup>.

<sup>30</sup> Слова надписей о «саках за Согдом» Э. Херцфельд и Р. Кент рассматривают как указание на самый северо-восточный предел царства Дария [795, стр. 2107; 844, стр. 305].

<sup>31</sup> Довольно близка этой точка зрения В. Тарна. Он считает, что «саки за Согдом», идентифицируемые им с сакарауками, жили в области к югу и вдоль Яксарта [1052, стр. 291], уточняя в другом месте, что этими саками была населена страна между горами к северу от Самарканда (т. е. Нура-Тинскими) и Яксартом, в которую входила область Ходжента и, под вопросом, Фергана [1052, стр. 475]; короче это сформулировано им в книге: 1051, II, стр. 164, 235. Индийский ученый Чаттопадхайя стоит на такой же точке зрения: «Саки, которые за Согдом», по его мнению, жили в долине Сырдарьи — в Фергане и вокруг нее [671, стр. 23]. Ю. Юнге думает, что «саков за Согдом» следует идентифицировать со всей группой племен саков-хаумаварга, помещаемых им в Фергану, на Памир и в прилегающие области [835, стр. 84—85]. По В. Хинцу, саки-хаумаварга, по-видимому, идентичны с «саками, которые за Согдом» [805, стр. 338—340]. Напротив, И. Маркварт, писавший, впрочем, до открытия надписи DPh, полагал,

<sup>28</sup> 641, стр. 190—200; 951, табл. XXII; см. также Арриан, IV, 1—3. О границе Согдианы и саков по средней Сырдарье см. 686, стр. 365.

<sup>29</sup> См. 58, стр. 259—262; 414, стр. 13—14 (тут же ссылки на издания текста и разночтения); также 651, стр. 463—477 (подробный анализ на основе восточных источников, детальная библиография).

В. Тарн предложил идентификацию «саков за Согдом» с сакарауками, сыгравшими важную роль в событиях, связанных с разгромом Греко-Бактрии<sup>32</sup>. Поэтому необходимо рассмотреть вопрос о местожительстве сакарауков.

Остаются справедливыми слова, сказанные столетия назад Шарпентье: «Собственно об истории и местожительстве сакарауков мы знаем в одинаковой степени мало» [668, стр. 369]. В источниках сохранилось всего несколько случайных упоминаний о сакарауках, причем называются они, собственно, по-разному: Страбон (XI, 8, 2) называет их *Σακαραυλοι*, Помпей Трог (Prol., 41, 42) — *saracusaе*, Птолемей (VI, 14, 14) — *Σακαραυλαι*, Псевдо-Лукиан — *Σακαύραχοι* *Σαύβαι*, Оросий (1, 2, 43) — *sacarausaе*. А. Гутшмид (следуя за Du Four de Langueue) предложил исправить страбоновских «сакараулов» на *Σακαυραι* [764, стр. 58, прим. 3]. Это исправление было принято частью ученых. Уже Ф. Байер рассматривал этот народ как саков [631, стр. 97]. Современные этимологи также исходят из того, что это сакский народ, и ищут в его названии этноним «сак».

Кингсмиль, а вслед за ним Шарпентье выдвинули идею о том, что «сакарулой» родственны с «сариколи» — названием одного из памирских языков [668, стр. 369—370]. Главным доводом в пользу такого сопоставления являлось утверждение В. Томашека, что сарыкольский — остаток языка древних саков<sup>33</sup>. Эта идентификация вызвала в свое время резкую критику со стороны И. Маркварта [901, стр. 204, прим. 5], который сам выдвинул предположение, что *Σακαυραι* — стяженная, с пропуском одного слова, форма *Saka haumavrgā* — *saka vr(-g)ak* [902, стр. 43; ср. 802, стр. 328].

что в ахеменидское время в Фергане и в местностях к северу от Ферганы, вплоть до Ташкентского оазиса включительно, жили саки-тиграхауда. Саки области Ташкента во II в. до н. э. назывались «люди Kanha (*Κανχαίται*) или жители Яксарта» (*Ἰαξαρταί*) — это Кан-гой китайских источников [904, стр. 318—319].

В. В. Струве считал, что «саки за Согдом» находились в Приаралье [500, стр. 241]. А. Н. Бернштам высказывал мнение о том, что в западной части Ферганы и на территории современной Ташкентской области вдоль Сырдарьи и к северу от нее жили скифы-абии, позже — яксарты [83, стр. 7]. Впоследствии он помещал саков-абиев и яксартов в район среднего течения Сырдарьи [85, стр. 211].

<sup>32</sup> Подробное рассмотрение совокупности сведений о сакарауках см. в трудах С. Конова, А. Хермана, В. Тарна, Ф. Альтхайма и др.

<sup>33</sup> Современную трактовку лингвистической позиции сарыкольского языка см. 377; 485; 260, стр. 140 154—155; 377; 485, стр. 362—397.

С. Конов принимал предложение О. Франке и Ф. де Гроота относительно тождества китайского «сайван» (точнее — *Sai-uan*), где, по мнению вышеуказанных синологов, вторая половина означает «царь» (впрочем, сейчас это не признается бесспорным [768, стр. 252, прим. 1]), с сакараулой или сакарауками западных источников. Он предложил такую гипотезу: «Заманчиво видеть в *gauloi*, *gaukoī*, *urakoī* или в той форме, которая должна быть правильной, слово, образованное на той же базе, что и хотаносакское *гге* — „царь“, *ггviga*, и рассматривать *Sakarauloī*, *Sakaraukoī* как перевод *Sakamurunda* на другой диалект» (*muṇḍa* — царский титул в индийско-сакских надписях) [851, стр. XX—XXI]<sup>34</sup>.

Недавно этимологию С. Конова поддержали О. Хансен и В. Бранденштейн, которые возводят *Σακαυραι* к сакскому *saka-uga-ka* («сакские цари») [653, стр. 202; 770, стр. 61]<sup>35</sup>. Х. Хауссиг принял эту этимологию, но высказал утверждение, что сакарауки Птолемея, сакарауки Оросия, сарауки Трога не имеют ничего общего с сакараулами Страбона. Последний этноним Хауссиг объясняет как происходящий от упомянутого Птолемея (7, VII, 3, 5) наименования города в Серике — *Sakara* (*Sagara*) и обозначения «царя» в тохарском — *wla* [773, стр. 170—171].

Что же касается гипотезы Ф. де Гроота, которую впоследствии несколько модифицировал А. Херман [787], то здесь в свете новейших достижений синологии все построение не имеет оснований. Херман рассматривал второй слог в *Sai-uan*, как *уй*, в целом *Sê-yü*, реконструируя древнее *\*Sak-giok*, что он считал транскрипцией *Sakaraukai*. На самом деле, если *Sê < sək < \*sək* — это транскрипция *saka*, то второй слог *yü < ngiwok < \*ngiuk*, в чем никак невозможно усмотреть хотя бы отдаленное сходство с *gaukaī* или *gavaka* [685, стр. 60]. Эта гипотеза представляется по лингвистическим и историческим соображениям совершенно неприемлемой и Е. Г. Пуллейбленку [957, стр. 159, прим. 12].

Вместе с тем уже давно распространилась этимология, исходящая из того, что первоначальное звучание было *Saka rawākā* [773, стр. 170—171], и возводящая вторую часть

<sup>34</sup> Как вероятную рассматривает эту гипотезу и Лохвизен де-Леев [883, стр. 30, 46]; см. также 600, стр. 886. Л. Бахофер [597, стр. 244] сопоставлял сакарауков с «саками, которые за Согдом», и с *Sai Wang*.

<sup>35</sup> О царских титулах в хотаносакском см. 614, стр. 4—6.



этого слова к древнеиранскому [787, стлб. 1612]. Ф. Альтхайм этимологизирует «сакараук» как Saka ravaка, причем вторая часть, по его мнению, означает «быстро движущийся». Считая эту интерпретацию привлекательной, Ф. Юнкер входит в детальное лингвистическое рассмотрение вероятной исходной формы этого слова<sup>36</sup>. Не соглашаясь с анализом Ф. Юнкера, другой иранист — О. Жемераньи производит слово ravaка от реконструируемой древнеиранской формы га-вака — «бегущий», «быстрый», сохранившейся в осетинском ravaг — «быстрый», отсюда же идет таджикско-персидское «рафтан» — «идти». В итоге О. Жемераньи соглашается с интерпретацией Ф. Альтхайма [1040, стр. 207—208]. Э. А. Грантовский предложил вторую часть этнонима рассматривать как отражение иранского rauka — «светлый», т. е. «светлые саки»<sup>37</sup>.

Таким образом, ничего определенного в отношении локализации это не дает. Предложенная И. Марквартом идентификация названий сакарауки и саки-хаумаварга не поддержана в новейших лингвистических исследованиях.

Сведения источников о местожительстве сакарауков до их участия в разгроме Греко-Бактрии сводятся к сообщению Страбона (XI, 8, 2): «Из этих кочевников в особенности получили известность те, которые отняли Бактриану, именно асси, пасианы, тохары и сакараулы, которые переселились из области на другом берегу Яксарта, рядом (с областью) саков и согдийцев, которая была занята саками». Для более позднего времени мы располагаем сообщением Птолемея [VI, 14, 14]: «Местность, ограниченная Оксуйскими горами: на участке Яксарта вблизи его устья и части побережья между двумя реками (Оксом и Яксартом) живут ариаки на Яксарте, ниже — номасты, дальше — сакарауки и, на Оксе, рибии; на их территории лежит город Дауаба» [952, стр. 145; 958, стр. 48, 110 — здесь же разночтения рукописей].

Оросий, автор IV в., использовавший более ранние источники, уже знает сакарауков на юге; они встречаются в следующем контексте (I, 2, 43): «от горы Катипа до селения Сафрия между дахами, сакарауками и парфиена-

ми — гора Оскобар, где начинается река Ганг». Из остальных письменных источников можно лишь извлечь данные об участии сакарауков в борьбе против Греко-Бактрии и Парфии. Согласно Р. Гиришману, в Северной Бактрии в I в. н. э. существовало государственное образование, во главе которого стояли сакараукские вожди [494, стр. 346; 744, стр. 110—111, 114], но то чтение монетных легенд, на которых покоится это утверждение, не может быть признано убедительным.

Вышеприведенный текст Страбона чрезвычайно сложен<sup>38</sup>. Его можно понимать в таком смысле, что какая-то часть территории за Яксартом первоначально принадлежала и сакам и согдийцам. Это мог быть лишь какой-то район правобережья, находившийся ближе всего к Согду, т. е. скорее всего где-то вдоль излучины Сырдарьи, начинающейся у Беговата и кончающейся у Чордары. Затем этот район полностью перешел к сакам. Может быть, это произошло уже в конце III в., когда Евтидема беспокоило то, что «на границе... стоят огромные полчища кочевников», которые угрожали Греко-Бактрии (Полибий, XI, 34, 5). По Страбону, сакарауки (и другие перечисленные им племена) располагались рядом с этим районом. Но где именно? Это могла быть как область ниже по течению Сырдарьи, так и страна к северу и северо-востоку от нее. Судя же по Птолемею, сакарауки располагались вблизи Аральского моря, в междуречье Амударьи и Сырдарьи, может быть, ближе к первой<sup>39</sup>. Однако сообщения Птолемея менее достоверны и, главное, передают обстановку в Средней Азии после больших передвижений племен и народностей II в. до н. э., когда многие племена оказались далеко от своего первоначального местожительства.

Существует несколько совершенно различных предположений относительно того, как следует локализовать сакарауков. При этом берутся за основу сообщения Страбона, которые трактуются по-разному, или Птолемея, или же пытаются согласовать те и другие.

Так, по А. Гутшмиду, сакарауки — это могущественный Кангюй китайских хроник (он помещает Кангюй на среднем Яксарте) [764, стр. 71—72]. Напротив, С. П. Толстов, опи-

<sup>36</sup> 581a, стр. 11, 24 (на последней — заметка Ф. Юнкера).

<sup>37</sup> Доклад Э. А. Грантовского на Международной конференции по кушанской эпохе (1968) — в печати. Об этнонимах и именах, в которые входит rauka, см 2, стр. 177—178.

<sup>38</sup> В. Тарн пишет, что текст непонятен, и высказывает предположение, что Страбон объединил два сообщения [1052, стр. 534].

<sup>39</sup> Иногда их помещают даже на Устюрте [641, стр. 227]; по Ф. Томасу, сакарауки, вероятно, происходят из области между Аралом и Каспием [1059, стр. 186].

раясь на Птолемея, исходит из уравнения Кангюй = Хорезм и рассматривает сакарауков как «основное ядро массагетских племен» [514, стр. 244]. Позже он высказался в том смысле, что территория расселения сакарауков захватывала и более южные районы вплоть до Нуратау [516, стр. 146], и связывал их с памятниками, открытыми по Инкардарье [518, стр. 181—184].

Ю. Юнге исходит из тождества сакарауков с саками-хаумаварга, а так как последних он локализует на Памире, то, по его мнению, движение тохаров и сакарауков происходило из этой самой области [835, стр. 85—86, 96—98].

А. Херман [787], С. Конов [851, стр. XXI] и другие помещают сакарауков в западный Тянь-Шань и прилегающий к нему степной пояс, что также может быть согласовано с сообщением Страбона и аргументируется тождеством сакарауков с «сайван» китайских источников.

В. Тарн вначале пытался соединить точки зрения А. Хермана и А. Гутшмида, полагая, что сакарауки жили за р. Или и вместе с тем были главной частью населения Кангюя [1049, стр. 111—112]. В последней своей работе он предположил, что сакарауки первоначально жили там, где указывает Птолемей, затем они передвинулись и во II в. до н. э. входили в конфедерацию степных народов, располагавшуюся к западу от Ходжента, но возникшую много раньше, так как сакарауки, по его мнению, входили в состав «саков, которые за Согдом» [1052, стр. 81, 279, 291, 295, 534].

Действительно, возможно несколько альтернативных решений. Все же последняя концепция В. Тарна, принятая С. П. Толстовым (который ссылается на Тарна), представляется более вероятной. Но в таком случае, если считать родиной сакарауков Приаралье, они не имеют никакого отношения к конфедерации «саков, которые за Согдом», существовавшей в V—IV вв. до н. э.<sup>40</sup>

Нам уже приходилось говорить в связи с V стлб. Бехистунской надписи о саках-тиграхауда, которых, как вытекает из анализа, скорее всего следует помещать на западе Средней Азии.

У Геродота этот народ известен под переводным именем Ὀρθοχάρυβοντες (III, 29), а также в каталоге войска Ксеркса, где понятие «острошапочные» приведено в виде ко-

роткого описания (VII, 64). По мнению А. Хермана, вытекающему из его представлений о локализации этих саков, именно они подразумеваются при описании флота Ксеркса (VII, 184), ибо только они, считает этот исследователь, могли быть матросами, так как жили у Каспийского моря [788, стлб. 1784].

Сами по себе вышеприведенные данные письменных источников дают мало отправных точек для локализации. Но припомним, с одной стороны, что первая группировка сакских племен располагалась где-то на юго-востоке (или востоке) Средней Азии. С другой стороны, северо-восточная часть Средней Азии вообще оставалась вне сферы ахеменидского государства. Таким образом, вторая группировка племен — саки-тиграхауда — могла помещаться лишь в западной половине Средней Азии. В этом плане чрезвычайно интересно сообщение Страбона (XI, 6, 2), что «древние греческие авторы» одни племена, живущие за Каспийским морем, называли саками, другие — массагетами. Однако, по Геродоту (I, 201—204), в этой местности жили: массагеты, впрочем, он добавляет: «по мнению некоторых — это скифский народ».

Характерно вместе с тем, что среднеазиатский народ, с которым неудачно воевал Кир., назван у Геродота (I, 201 сл.), Страбона (XI, 6, 2; XI, 8, 6) и др. массагетами; у Диодора Сицилийского (II, 44, 2), Юстина (I, 8), Арриана (IV, 11, 9) и др. — скифами; тогда как у Ктесия (Pers., fr. 29, 6) — дербиками<sup>41</sup>.

Сопоставив все тексты, А. Херман пришел к единственно правильному, на наш взгляд, заключению: массагеты античных источников идентичны сакам-тиграхауда [788, стлб. 1784—1785; 789, стлб. 2125; 791, стр. 75—76; также 805, стр. 338—340; 835, стр. 37].

В обширную конфедерацию саков-тиграхауда входило множество племен и племенных союзов, в том числе массагеты и их юго-западная часть — дербики [785, стр. 46].

В персепольской «h» надписи Ксеркса среди стран, царем которых он был, перечисляются: «даха, сака-хаумаварга, сака-тиграхауда» (XPh, 26) (древнеперсидская форма da-ha, аккадская — da-a-an). Этот этноним встречается уже в Авесте. Из перечня в Яшт XIII, 143—144 можно извлечь наименования народов Arya, Turya, Sarima, Saina, Daha [884, стр. 128—129].

Геродот пишет Δάαι, есть форма Δάαι, Dāai, латинское — dahae.

Иранское daha имеет точное соответствие

<sup>40</sup> В этом отношении совершенно прав П. Даффина [685, стр. 59—62].

Подробный перечень источников см. 414, стр. 126.

в хотанском *daha* — «мужчина», «самец». В новоиранских языках это слово сохранилось лишь в ваханском в форме *dai*, *ḍāi*, *ḍayək* — «мужчина», «юноша»; *ḍāi* — «герой». Наряду с этим в некоторых средне- и новоиранском языках это слово приобрело значение «слуга» (новоперсидское — *dah*).

У ряда народов, от германцев до вогулов и эвенков, термин «мужчина» находил применение как этническое имя тех или иных групп (Г. Бэйли привел многочисленные примеры этого). Отсюда вытекает возможность, что хотанское *daha* — «мужчина», «самец» и этническое название *daha* — то же самое слово.

Древнеперсидское *dahyu*, авестийское *da-hyu*, *dai'hu* — место обитания народа, «область», «страна», «земля». Из *dahyu* происходит зороастрийско-пехлевийское *dēh*, *dahyupāt* (DkM 597,5 — *egan dahyupāt* — «правитель Арьев»); новоперсидское *dih* — «деревня», *dihqān* — «правитель области». От этой основы происходит уничижительное *dahāka* — вошедшее в составное «ахидахак» [612]<sup>42</sup>.

Первоначально *даи* обитали где-то в Приаралье или вблизи него. На этот счет мы располагаем прямыми сообщениями источника — «выше Меотиды» (Страбон XI, 9, 2). Так обстояло дело еще во времена Александра Македонского, что явствует из сообщения источников Арриана; *даи* жили за «Танаисом» или «по Танаису» (Арриан, III, 28, 8; 28, 10). А. Херман полагает, что эти сообщения следует понимать в том смысле, что *даи* жили на нижнем Яксарте вплоть до Аральского моря; И. В. Пьянков — «по правую сторону Сырдарьи, в северном Приаралье» [414, стр. 124]. Мы бы предпочли искать первоначальное местожительство *даев* к северо-западу от «саков, которые за Согдом», т. е. к северо-западу от Чордаринской степи по течению Сырдарьи. Можно представить, что эта территория или часть ее при Ксерксе была включена в состав ахеменидского государства.

Однако позже, по мнению А. Хермана — с первой половины III в. до н. э., *даи* появляются на территории Прикаспия [785, стр. 48; 789, стлб. 2129]<sup>43</sup>.

«Большинство скифов, начиная от Каспийского моря, называются *даями*», — пишет, характеризуя обстановку в послемакедонское время, Страбон (XI, 8, 2). Юстин (XLI, 1,10) помещает парфян «inter Hyrcaniam et Dahas

et Apavortenos et Margianam». У Оросия (I, 2, 42) они располагаются близ парфян. Тацит (Анналы, XI, 10) помещает их на северной границе Арреи. По Птолемею (VI, 10, 2), они располагались в северной степной области Маргианы.

В. Томашек считал *дахов* «скифским племенем» ([1066а, стлб. 1945—1946]. По мнению А. Хермана, на позднем этапе, в послемакедонское время, большая часть массагетов должна была «раствориться» в *дахском* союзе [789]. Эту же мысль высказал и Ю. Юнге, который писал, что ко времени Беросса народ *дахов* приобрел могущество и занял место массагетов [835, стр. 71].

Отряды *дахов* участвовали в войнах Селевкидов на западе в начале II в. до н. э., причем, по некоторым источникам, в качестве наемников [757а, стр. 143, 251].

Может быть, с *дахами* связано сообщение о китайских посольствах ПО г. до н. э. — тогда вместе с посольством в Аи-Си (Парфию) было послано посольство в *dai'ye* (или *thai'* или *da*); по Пуллейблэнку, это прилагательная форма на -к, базирующаяся на имени *Daha* [955, стр. 90]<sup>44</sup>. Кое-какие более поздние сведения о *дах* связаны с событиями парфянской истории [695, стр. 139, 152, 162, 167—168, 171].

Мы не можем здесь останавливаться на вопросе о соотношении и локализации всех фигурирующих в источниках сакских или родственных им племен. Такое рассмотрение должно исходить из предпосылки о непрерывных изменениях в этногеографии и политической системе среднеазиатских кочевых союзов.

В 1949 г. М. И. Артамонов писал: «В современной науке имеется немало расхождений по вопросу о местоположении упомянутых Геродотом племен, населявших Скифию, и притом расхождений, коренным образом меняющих картину древнего заселения юга СССР». Он объясняет это характером дошедших источников [47, стр. 130]. Все это в полной мере относится, как показывает наше изложение, и к древним кочевым племенам Средней Азии. Выше, используя доступные письменные источники и лингвистические материалы, мы попытались обрисовать основные контуры этногеографии кочевого населения Средней Азии в VI—III вв. до н. э.

Итак, большая группа сакских племен, а именно: саки-хаумаварга древнеперсидских

<sup>42</sup> Эта этимология была выдвинута Г. Бэйли уже в 1930 г. [599, I, стр. 80—81].

<sup>43</sup> Уточнение даты см. 414, стр. 124—125; ср. 332 стр. 58; 685, стр. 57; 801, стр. 72, 696; 1099, стр. 24.

<sup>44</sup> В идентификации Пуллейблэнк ссылается на Ширатори.

надписей — амиргии античных источников, связана с юго-востоком Средней Азии — Бактрией и Индией. Это явствует из совокупности дошедших до нас разноязычных сообщений письменных источников и лингвистических данных. Что же касается «амиргийской равнины», то мы склонны вслед за Херманом локализовать ее в Алайской долине, но считаем не исключенным, что под «амиргийской равниной» в широком смысле понималась и Ферганская долина. Представляется, что в эту группу входили (или примыкали к ней) и «саки, которые за Согдом» (по средней Сырдарье). Следовательно, памирские саки входили в состав юго-восточных саков, а именно саков-хаумаварга. Возможно, саки южной части Восточного Туркестана также входили в эту группу или были близки ей. Сохранившиеся от их потомков памятники хотано-сакского языка демонстрируют черты близости к языку памирских таджиков.

### 3. ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРЫ, ХОЗЯЙСТВА И ФИЗИЧЕСКОГО ОБЛИКА ПАМИРСКИХ САКОВ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ИХ ЭТНОГЕНЕЗА

Памирские сакские племена — очень небольшая часть обширного круга сакских племен Средней Азии. Основной пласт культуры был у всех этих племен общим. Но это, так сказать, лишь в главном. Более детальное рассмотрение показывает, сколь велико было разнообразие.

Приведем краткую, предельно обобщенную характеристику по отдельным областям.

Приаралье. В восточном Приаралье, в древнем междуречье Аму- и Сырдарьи открыто значительное количество памятников городского типа и погребений, которые С. П. Толстов и его сотрудники рассматривают как сакские. Судя по опубликованным материалам, в число этих памятников включаются следующие.

Чирик-Рабат — огромное овальное, сильно укрепленное городище 850 X 600 м. Многорядные стены с прямоугольными башнями, стрелковыми галереями, стреловидными бойницами, рвом. Большая часть площади густо застроена. На территории городища имелись погребальные курганы и погребальные здания — мавзолеи, одно из них («круглое») включено в фортификационную систему («поздняя стена»). Датировка V—II вв. до н. э. По С. П. Толстову, это столица племенного союза апасиаков.

Где же располагалась вторая крупнейшая группа среднеазиатских саков, а именно саки-тиграхауда? Мы принимаем их идентификацию с массагетами и помещаем в западную часть Средней Азии (Приаралье — Прикаспий).

Семиреченские же саки находились вне сферы ахеменидского государства. Их частона основании сообщения Птолемея идентифицируют с исседонами, упуская из виду, что причины ошибки Птолемея уже давно разъяснил А. Херман. Однако это были безусловно сакские племена, диалект которых, я думаю, мог явиться основой для второго сакского языка Восточного Туркестана, известного по текстам из Тумшука, Маралбаши и Барчука. В историко-культурном отношении они были в большей степени связаны с саками-хаумаварга, чем с саками-тиграхауда.

Бабиш-мулла I (в 400 км к северу от Чирик-Рабата) — укрепленный город многоугольных очертаний, с квадратной цитаделью 100 X 100 м, в которую вписано квадратное укрепленное здание, так сказать, внутренняя цитадель. Застройка прослежена и на территории самого городища, которое датируется V—II вв. до н. э. В непосредственной близости от этого городища находится погребальное сооружение — мавзолей Бабиш-мулла II. В районе Бабиш-муллы на площади 40 X 20 км открыто множество поселений сельского типа этого же времени, гончарные печи и др.

В 40 км к юго-востоку от Бабиш-муллы исследованы крепость Баланды I и прилегающее поселение. Крепость прямоугольная, 80 X 130 м, с полукруглыми угловыми башнями.

Раскопки вскрыли несколько парадных, украшенных цветной штукатуркой помещений III—II вв. до н. э. Поселение состоит из отдельных домов. В 1 км к востоку от крепости — погребальное сооружение — мавзолей Баланды II.

Судя по географии поселений, они располагались не по берегам древних основных русел Жаныдарьи, а по мелким боковым протокам. Обнаружена ирригационная сеть. Все эти по-

селения, по С. П. Толстову, принадлежали апазиакам.

В бассейне Инкардарьи, т. е. непосредственно к юго-западу от описанной группы памятников, обнаружены поселения и так называемые шлаковые курганы, которые приписываются сакараукам.

Северо-восточнее жаныдарьинской («апазиацкой») группы памятников, в бассейне древнего русла Сырдарьи, а именно Кувандарьи, в урочище Джеты-Асар, находится двадцать городищ. Центральное — Джеты-Асар — это огромный, сильно укрепленный город. Здесь были произведены раскопки, причем нижний горизонт был датирован серединой I тысячелетия до н. э. — рубежом нашей эры. Здесь, на самом городище, имеются погребальные сооружения. Это, по С. П. Толстову, тохары.

В самой дельте современной Сырдарьи имеется группа городищ — Куюк-Кескен-Қала, Джанкент, которые С. П. Толстов считает принадлежащими племени аугалов, или аугасиев.

Собственно этим территориальным группам соответствуют и сырцовые погребальные сооружения, многие из которых, как упоминалось выше, находятся на поселениях или непосредственно связаны с ними. Особо следует упомянуть о двух могильниках, расположенных на Инкардарье: Тагискен (раскопки его осуществила М. А. Итина) и Уйгарак (раскопки проводила О. А. Вишневская).

Тагискенский могильник состоит из двух групп: погребения эпохи бронзы (северная группа) и погребения скифского времени. Раскопаны почти все курганы (38).

Основную массу захоронений составляют групповые погребения в подпрямоугольных могильных ямах 2,5—3 X 2—2,5 м, глубиной 2 м. Ориентация ямы восток—запад (или восток — северо-восток — запад — юго-запад). Погребальная яма обычно имеет деревянно-камышовое перекрытие. Диаметр насыпей до 30 м при высоте до 1,5 м. Покойники вытянуты на спине, головой на запад. По углам могильной ямы — небольшие ямки, похожие на столбовые. Но они в большинстве случаев не использовались для столбовой конструкции. В трех погребениях — захоронение на уровне древнего горизонта, причем, судя по столбовым ямкам, здесь была столбовая конструкция. Эти курганы датируются VII—VI вв. до н. э. Более поздние курганы Тагискена имеют или наземное деревянное столбовое сооружение или камеру с центральным коридором дромосом. Эти курганы датируются V в. до н. э.

Наконец, здесь же найден двухкамерный мавзолей с дромосом. С. П. Толстов датирует его примерно IV в. до н. э.

Могильник Уйгарак расположен в 30 км к востоку от Тагискена. В этом могильнике свыше 80 курганов, из которых раскопано 70, причем в 30 — погребения на уровне дневной поверхности, покойник окружен кольцом столбовых ямок; применялось труположение и трупосожжение. В остальных курганах — погребения в грунтовых ямах.

Тагискен и Уйгарак дали богатейшие серии изделий: оружия, украшений, в том числе звериного стиля, конской упряжи и т. д. При этом, как устанавливают О. А. Вишневская и М. А. Итина, весь этот материал находит ближайшие аналогии в савроматских памятниках Приуралья [112а; 306, стр. 214—220; 516, стр. 143—149; 517; 518, стр. 136—204; 519, стр. 124—148; 520, стр. 15—62; 521, стр. 32—77; 522; 528, стр. 201—213; 525, стр. 221—247; 526 и др.].

Наши представления о географии приаральских сакских племен расходятся с теми, что приняты С. П. Толстовым и его сотрудниками, но мы на этом не останавливаемся, так как это выходит за рамки нашей работы. Не все ясно, на мой взгляд, в соотношении погребальных сооружений и поселений городского типа; отнесение поселений к сакам требует, думается, дальнейших исследований и обоснования. И вместе с тем следует еще раз повторить, что открытие С. П. Толстовым и его сотрудниками сакских памятников Приуралья — важное достижение среднеазиатской археологии.

Семиречье. Тянь-Шань. Честь первого научного исследования памятников сакского времени и выделения сакских комплексов Семиречья и прилегающих областей Тянь-Шаня принадлежит А. Н. Бернштаму. Важные открытия были сделаны К. А. Акишевым, большие работы проводились Е. И. Агеевой, А. Г. Максимовой и др.

В этом географическом регионе исследованы как «царские» курганы, так и рядовые могильники; имеется значительное число отдельных находок изделий и клады их, относящиеся к сакскому времени.

Большой интерес имеет могильник Бесшатыр, расположенный на правом берегу среднего течения р. Или. Как сообщает К. А. Акишев, могильник состоит из 31 кургана, среди них есть большие (диаметром до 100 м при высоте до 17 м), средние и малые. Курганы окружены менгирными кольцами. Под сложной каменно-щебневой многослойной засып-

кой были обнаружены усыпальницы, возведенные на поверхности земли. Это бревенчатые конструкции, состоящие из трех частей: дромоса, вестибюля, небольшой подквадратной камеры. Стены состоят из отесанных бревен, горизонтально уложенных между зажимающими их врытыми в грунт вертикальными столбами. **Перекрытие**—многослойный накат из бревен, а затем — камышовые маты. Строители бесшатырских курганов иногда устраивали стены из земли с примесью щебня, перекрытие и в этих случаях было бревенчатым. Погребения разграблены.

Как справедливо отмечает К. А. Акишев, большие бесшатырские курганы—это настоящие и притом сложные архитектурные сооружения. Он относит их к сакам-тиграхауда [29, стр. 25—87].

В долине р. Или изучены и другие сакские могильники с рядовыми погребениями, такие, как Каргалинский, Алтын-Эмель, Джуван-тобе, Кадырбай III и др. Погребения в небольших могильных ямах, в которые впущены каменные ящики, или (чаще) в обычных грунтовых ямах, костяки вытянуты на спине, обычно головой на запад. Наряду с одиночными захоронениями есть парные. Изредка под одной насыпью имеется несколько (до четырех) ям [23; 24; 28; 29, стр. 88—105; 75, стр. 24—25; 317].

В долинах рек Чу и Талас и в Центральном Тянь-Шане также изучены сакские могильники и могильники ранних усуней (Гейкель, А. Н. Бернштам, А. К. Кибиров и др.) [12, стр. 17 и сл.; 81; 85; 207, стр. 63 и сл.; 776, табл. II].

На рассматриваемой территории зафиксировано много находок кладов и отдельных предметов сакского времени (фото 21—24). Среди них представляют особый интерес Иссыккульский клад [85; 185], I Иссыкский клад [327] и другие находки Г29, стр. 109, 112; 233; 314, стр. 255; 499].

С территории Семиречья и прилегающих районов происходит большая серия бронзовых котлов скифского времени [488, 489].

**Фергана и прилегающие области.** При наших работах в Кайраккумах часть обнаруженных там развееванных селищ дала материальные остатки скифского времени—VII—IV вв. до н. э. Таковы, например, поселения № 40 и 55. Керамика с этих поселений находит близкие аналогии в сакской и раннеусуньской керамике из Семиречья. Вместе с тем она имеет очень близкое сходство с эйлатанской ферганской керамикой. Здесь же были сделаны находки предметов вооружения

и утвари сакского типа [303, стр. 255—258].

В Кайраккумах не обнаружено синхронных погребений. Но в южной части Ферганской долины исследованы своеобразные могильники: Актамский, Кунгайский, Суфанский и др. Все эти могильники расположены на полупустынных адырах. Характерными являются насыпи в виде длинной узкой полосы—до 74 м, при ширине 3—6 м; рядом расположены «малые», диаметром 3—5 м; высота до 0,7 м. Под длинными насыпями (вытянуты с севера на юг) близко друг к другу—грунтовые ямы (глубиной 0,1—0,8 м), в которых от 1 до 8 скелетов. В Кунгайском могильнике захоронения частью, в таких же могилах, частью—в низеньких наземных каменных оградках. Погребение совершалось на спине, головой на запад. Датировка VI—III вв. до н. э. Основным исследователем этих могильников—Н. Г. Горбунова отмечает близость культуры населения, создавшего эти могильники, к культуре саков и усуней соседних территорий и предполагает, что это сакское население [136, стр. 13—16; 137, стр. 114—122]. Напротив, Ю. А. Заднепровский рассматривает их как представителей древнеферганской оседло-земледельческой «парканской» (от «парикании») народности [175, стр. 175, 195—198].

Ряд могильников сакского времени открыт на Южном Тянь-Шане, прилегающем к Фергане. Можно упомянуть могильники в долине р. Нарын, исследованные А. Н. Бернштамом,—Аламышикский и Джергетгльский. По всем основным признакам и инвентарю они близки семиреченским, за одним, но достаточно серьезным исключением: в Джергетале имеются погребения со слегка скорченными костями, а в Аламышикском могильнике—типично скорченные погребения (курган № 44) [85, стр. 27—35]. Судя по отдельным находкам и экологической ситуации, саки должны были занимать и южные предгорья Кураминско-Карамазарского хребта.

В юго-восточной части Ферганы—в долинах, связанных с Алайским хребтом, и в самой Алайской долине—имеется множество курганных групп. В некоторых оказались погребения сакского времени: могильники Тюлейкен, Чакмак, Карашвак, Шарт I, II, Дараут-Курган, Чак и др. Погребения устраивались на древней поверхности, в неглубоких грунтовых ямах, иногда перекрытых деревянным накатом. Погребения одиночные и коллективные, иногда—скорченные. В инвентарь входит и типично ферганская керамика [85, стр. 186—190; 175, стр. 154—158]. О раскопанных Ю. Д. Баруздиным в Алайской долине

сакских курганах Кургак и Нура известно только, что там были «захоронения в грунтовых ямах под невысокой каменной насыпью с кромlexом или под выкладкой в виде кольца. Инвентарь — круглые круглодонные чаши, небольшие железные ножички, пастьовые бусы и каменные подвески» [351, стр. 68]. В Кетмень-тюбе И. Кожомбердиев раскопал целую серию сакских курганов, в том числе громадных «царских» курганов; наряду с рядовым инвентарем обнаружены прекрасные изделия «звериного стиля»<sup>45</sup>.

В Ферганской долине и в прилегающих районах сделано некоторое количество находок отдельных изделий, которые можно атрибутировать как сакские, в частности медных котлов (см. выше, стр. 44—46, 49, 50). [175, стр. 162—165; 293, стр. 265; 303, стр. 230—231].

Судя по некоторым данным, в частности по отдельным находкам бронзовых изделий (табл. 40/1; фото 25, 26), в Ташкентском оазисе также было много сакских памятников<sup>46</sup>.

Как явствует из вышеприведенного обзора, в целом памирские курганы по своей конструкции ближе всего к тяньшанским и рядовым семиреченским. Не менее существенно, что основное развитие конструкции идет в одном направлении: от каменных ящиков, генетически связанных с эпохой бронзы, к неглубоким простым грунтовым могилам. Переживания каменного ящика в виде перекрытия (полного или частичного) каменной плитой встречаются в обоих регионах. Этот параллелизм развития характеризуется вместе с тем более тесной связью с ранней традицией памирских захоронений. Сближает также эти две группы погребений и последующее развитие и здесь и там деревянного перекрытия, наличие парных, в том числе ярусных, захоронений и некоторые детали обряда. Вместе с тем есть и очень серьезное принципиальное отличие. На Памире погребения почти исключительно скорченные, тогда как в Семиречье скорченные единичны, основная масса — вытянутые. Уже А. Н. Бернштам заметил, что южнотяньшанские сакские памятники представляют в этом отношении переход от памирских к семиреченским: часть южнотяньшанских погребений — скорченные и вытянутые (Аламышикский и Джергетальский могильники) [85, стр. 33—34].

У соседей среднеазиатских саков — савро-

<sup>45</sup> Сообщение И. Кожомбердиева и фонды Института истории АН КиргизССР.

<sup>46</sup> Обзор ташкентско-ферганских бронз см. 303 стр. 196—231.

матов всего 14% погребенных имели скорченность. При этом в VIII—VII вв. скорченных на спине было 23,7%, на боку — 42%, тогда как в V—IV вв., соответственно, — 5,4 и 1,1% общего числа погребений [479, стр. 92], что ясно свидетельствует о ярко выраженной тенденции уменьшения процента скорченников. Вообще в культурах Восточной Европы эпохи раннего железа, в том числе в скифской, как отмечает А. П. Смирнов, скорченные погребения встречаются в сравнительно небольшом количестве. А. П. Смирнов [473, стр. 86], Д. Б. Шелов [563, стр. 90] и ряд других исследователей рассматривают эти погребения как проявление затухающей традиции, восходящей к эпохе бронзы.

Таким образом, в ближайшем и более отдаленном окружении — северном и северо-западном — мы не находим преобладающих скорченных погребений<sup>47</sup>. Это заставило А. Н. Бернштама при анализе южнотяньшанских скорченных погребений выдвинуть гипотезу об алтайских влияниях в их погребальном ритуале [85, стр. 33]. Более того, он считал, что даже памирские саки «связаны в своем происхождении с кругом племен Семиречья, Алтая и Енисея» [85, стр. 325]<sup>48</sup>. Сейчас эта гипотеза не может быть принята (см. ниже). Определение причин сохранения скорченности погребенных на Памире затрудняется почти полным отсутствием синхронных материалов по Северо-Восточной Индии. Наличие особой этнической группы племен в условиях естественно-природной изоляции могло явиться одной из причин, способствовавших консервации погребальных обычаев эпохи бронзы.

Что касается материальной культуры, то можно отметить, что памиро-сакские комплексы тяготеют также к Алаю, Фергане, Семиречью. В области оружия, украшений бесспорна удивительная близость и с Центральным Казахстаном. Разумеется, не приходится недооценивать связей с Приаральем и далее — савроматами, но все же область историко-культурных связей простирается в большей степени на север и северо-восток, чем на северо-запад. Но есть еще одно направление

<sup>47</sup> Китайский археолог Лин в 1961 г. высказал мнение, что обычай скорченных захоронений на Центрально-Китайской равнине, появляющийся лишь в эпоху Восточного Чжоу (781—480 гг. до н. э.), мог прийти в Китай с северо-запада [874, стр. 10]. Это чрезвычайно интересно, но я не располагаю достаточными материалами, чтобы обсуждать реальные пути и возможности проникновения этого обычая в Китай.

<sup>48</sup> Обзор погребального обряда у племен Казахстана, Сибиря, Алтая и Тувы в скифское время см. 324, стр. 368—371

связей, которое А. Н. Бернштам отмечал, но слишком глухо: это связи с Индией. В соответствующих главах (как и в опубликованных исследованиях) я останавливался на этом подробно. Отдельные черты погребального ритуала (например, наглазники-раковины), украшения и др. демонстрируют памиро-индийские связи и контакты.

Типы хозяйства древних среднеазиатских кочевников на огромных пространствах Средней Азии и Казахстана не были одинаковыми. Разумеется, повсюду для возникновения кочевого скотоводства люди должны были создать приспособленные к этому образу жизни породы скота, освоить технику зимнего выпаса стад, для чего детально изучить кормовой состав пастбищ [171, стр. 274—275; 405, стр. 57]. Совершенно ясно также, что пастбищный выпас скота мог возникнуть и развиваться лишь при наличии многоземелья, когда имелись огромные пастбищные угодья [404, стр. 44]. На беспредельных просторах Средней Азии и Казахстана, с их степями, пустынями, предгорьями, горными долинами и высокогорьями, характер кочевой жизни, сам тип кочевания были несомненно различными<sup>49</sup>, существовало несколько типов хозяйства<sup>49</sup>.

Немалую роль в сложении той или иной формы кочевания несомненно играет природная среда. На наш взгляд, «экологическая» характеристика может объяснить многие особенности различных типов кочевания, если брать их не в хронологическом аспекте, а в виде синхронного среза. Разумеется, общая эволюция производительных сил в кочевых обществах, культурные и экономические связи способствовали развитию многих явлений, адаптивная сущность которых также была неизбежной.

Для нашей темы большее значение имеет вопрос о пастбищно-кормовых ресурсах Восточного Памира. Вопрос этот затрагивался в отчетах многих дореволюционных путешественников. Один из первых научных исследователей этого вопроса, И. А. Райкова, в 1930 г. указывала на значение в качестве пастбищных угодий «обильно увлажняемых местообитаний», прежде всего лугов вдоль рек и — реже — вдоль озер. В качестве примера она приводила луга по р. Таш-Кол (приток Кокуйбельсу) длиной около 20 км и шириной около 20 км; по р. Мургаб (в районе пос. Мургаб) — полосой протяжением в несколько

десятков километров и шириной свыше 1 км; по р. Аличур — длиной около 80 км и шириной 3—4 км; по р. Памир, р. Истык, у оз. Зоркуль и др. По ее словам, «луга на Памире являются средоточием людской жизни. Здесь разбросаны кочевки, пасется скот» [420, стр. 14—15]. Позже усилиями И. А. Райковой и других исследователей, среди которых следует особенно отметить К. В. Станюковича и Л. Ф. Сидорова, луговая растительность Восточного Памира была детально изучена и описана. По классификации К. В. Станюковича, пустынные пастбища занимают основные площади. Среди них выделяются терескеновые (площадь до 780 тыс. га), терескеново-ковыльные пастбища, более продуктивные (100 тыс. га), акшиваковые пастбища (220 тыс. га), серополынные (до 150 тыс. га), карагантиповые (около 3 тыс. га). Далее следуют редкотравно-степные пастбища (95 тыс. га), степные (свыше 200 тыс. га) и альпийские (500—600 тыс. га) [495, стр. 139—141].

В северной части производительность лугов невелика. Выделяются лишь несколько лугов в пойме р. Кокуйбельсу. В центральной части крупный массив лугов расположен восточнее оз. Ранкуль. По Мургабу луга характеризуются большей сомкнутостью и высотой травостоя. Здесь выделяются субашинский, каныкурганский, мургабский, каратемирский массивы. При впадении р. Истык в Оксу находится тохтамышский луговой массив. Дно Аличурской долины покрыто полосой лугов, на склонах, окружающих луга, — также богатые пустынные пастбища. У устья р. Аличур — луговой массив Суме. Особенно богата луговая растительность в Юго-Восточном Памире, в районе Кызыл-Рабата, в верховьях Оксу, где расположен крупнейший на Восточном Памире луговой массив Акташ. Выделяются пастбища в верховьях р. Истык и в котловине оз. Зоркуль. По словам Л. Ф. Сидорова, луга Южного Памира (вследствие большего числа осадков и увлажненности) отличаются от лугов Северного Памира сравнительным богатством и разнообразием видового состава, большей сомкнутостью травостоя [19, И, стр. 134—144; 102; 420; 421; 465; 466; 497; 483; 484, стр. 371—327; 495; 497; 570].

Следует отметить, что современными методами исследования установлено, что разреженность восточнопамирских пастбищ компенсируется исключительно высоким содержанием в растениях питательных веществ (белков и углеводов), что обусловлено спецификой высокогорья. Это приводит к тому, что растения

<sup>49</sup> Подобно тому как в современном Афганистане, где около 2 млн. кочевников, формы кочевания очень различны [720, стр. 123—125].



обладают повышенной питательностью, практически не уменьшающейся и зимой [19, II, стр. 135—136; 381]. Задолго до того как биологи и химики произвели свои исследования, об этом писали путешественники. Капитан Путята, бывавший на Памире в 1883 г., сообщил: «Нижние части скатов гор, долины и берега рек покрыты невысокой, но густой травой... доставляющей прекрасный корм для скота. Вот причины, почему, несмотря на суровость жизненных условий, здесь и поныне существует кочевая жизнь. Трава появляется в июне месяце и выгорает к концу сентября, тем не менее и в зимнее время она еще годна в пищу. Экспедиция Гордона встречала на своем пути, в местах остановок, в феврале месяце подножный корм, обнаруживающийся в снежных проталинах; лошади ели его охотно, предпочитая рубленой соломе. Взятый нами запас ячменя расходовался очень бережно, лошади предпочитали местный корм и большую часть времени питались исключительно травой» [413, стр. 45. Выделено мною.— Б. Л.].

В конце 20-х годов члены экспедиции Московского зоотехнического института, приехав из Алайской долины с ее роскошными пастбищами в холодную, высокогорную пустыню окрестностей Каракуля, были бесконечно удивлены: «Несмотря на плохое по виду качество пастбищ, овцы были не мельче алайских и лучше упитаны». От киргизов они услышали, что местные жители считают растительный корм на Восточном Памире более питательным, чем в других местностях. Действительно, восточнопамирская курдючная овца крупнее киргизской и казахской и мало уступает прославленному гиссарскому. Достаточно сказать, что в 1927/28 г. встречались экземпляры баранов по 96—112 кг [26, стр. 164; 226, стр. 86—87].

Такое «экспериментальное» подтверждение выводов исследователей говорит само за себя. По-видимому, к таким же выводам, что и химики и биологи наших дней, пришли не только путешественники прошлого столетия, но и на двадцать пять столетий раньше— древние кочевники.

Для нашей темы небезынтересно рассмотреть вопрос об образе жизни и ведении хозяйства местным населением Восточного Памира в конце XIX—начале XX в. Это были киргизы-кочевники, занимавшиеся исключительно скотоводством. По данным на октябрь 1892 г., количество киргизов — 1055 человек

(мужчин и женщин). У них было 20 580 овец, 1703 яка, 383 верблюда и 280 лошадей [46а, стр. 6]. По данным переписи, произведенной в 1893 г., практически ничего не изменилось [248, стр. 13], но, возможно, эти цифры были несколько занижены, ибо, по другим сведениям, в 1893 г. на Памире было 1232 киргиза [775, I, стр. 176]. Такая незначительная численность киргизского населения на Памире к концу XIX в. объясняется, как показал Б. И. Искандаров, двукратным нашествием китайских отрядов и частыми нападениями феодальных правителей соседних областей [197, стр. 67—68]. Но уже на рубеже XIX—XX вв. численность киргизов возрастает до 1,5 тыс. человек [533, стр. 29], а к 1910 г. их количество на Восточном Памире оценивалось в 2,5 тыс. человек [419, стр. 101].

Вообще же, если исходить из продуктивных возможностей восточнопамирских пастбищ, то они могут прокормить значительно большее количество скота, чем было в конце XIX—начале XX в. В 1927—1928 гг., по ориентировочным подсчетам С. Г. Азарова, основанным на данных опросного характера, поголовье овец на Восточном Памире достигало 60—100 тыс., причем растительная масса пастбищ использовалась лишь наполовину [26, стр. 166, 168]. (Ср. со статистическими данными (1917 г.) — 38 629 голов овец и коз [34, стр. 21, табл. 3].) Показательно, что в 1935 г., в результате угона стад за рубеж, массового убоя скота поголовье сократилось и общее количество овец и коз составляло всего 30,8 тыс. Однако, по подсчетам, опубликованным в 1945 г. (и основанным на данных экспедиции 1935 г.), кормовых ресурсов Восточного Памира было теоретически достаточно, для того чтобы прокормить стадо в 150—200 тыс. голов. Даже значительное уменьшение этой цифры [226, стр. 84] показывает, что на Восточном Памире природные кормовые ресурсы обеспечивали стадо в 100—120 тыс. голов<sup>50</sup>.

По данным на 1936 г., пятую часть стада памирских киргизов составляли козы [99, стр. 113].

Большую роль в хозяйстве играли яки, которых в 1936 г. насчитывалось около 10 тыс. голов. Это могучее животное прекрасно приспособлено к условиям высокогорья. Яки очень полезны в хозяйстве: молоко яков обладает замечательными вкусовыми качествами и в два раза жирнее, чем коровье; их шерсть и

<sup>50</sup> По-видимому, преувеличенным является мнение, что даже одни выпасы, расположенные по берегам оз. Зоркуль, в летние месяцы могут прокормить до 200 тыс. голов мелкого скота [470, стр. 7].

шкурки широко использовались в хозяйстве. Кроме того, они прекрасные транспортные животные [227; ср. 470, стр. 4] и используются как под выюком, так и для верховой езды [470, стр. 4].

Памирские киргизы следовали определенной системе горизонтальных и вертикальных перекочевок. Так, в котловине оз. Ранкуль на 1 января 1900 г. проживало 400 киргизов с 12 тыс. мелкого и крупного рогатого скота. Кочевники в теплое время поднимались в предгорья, зимой спускались ниже, к озеру. В сухое время они переходили в высокие долины, прилегающие к долине Акбайтала [481, стр. 71]. По Б. А. Федченко, летом киргизы со стадами поднимаются в горы, зимуют же в долинах рек или озер [533, стр. 291]. (Памирских киргизов в этом отношении можно сравнить с кочевниками Тибета [224, стр. 28].) Вместе с тем существовали и горизонтальные перекочевок [248, стр. 8—9; 472, стр. 37], причем в район Ранкуля прикочевывали даже киргизы Алая [775, I, стр. 174]. Кроме того, есть данные, что киргизы с Кашгарского Памира летом перегоняли стада в Алайскую долину [355, стр. 199—200].

Прекрасный знаток Восточного Памира А. Е. Снесарев писал свыше полустолетия назад, что киргиз-памирец — «чистый тип кочевника». «Чтобы выполнить цель пропитания скота, а значит и своего, киргиз ходит с места на место, кочует... Киргиз в порядке пользования травой обнаруживает целую систему соображений, начиная от экономических, т. е. имеющих задачей более разумное пользование травяным покровом, и кончая метеорологическими, предусматривающими начало снега и закрытие прилегающих перевалов» [481, стр. ПО].

Остановимся на этом подробнее. В 1935 г. схема выпаса скота была следующей (данные И. А. Райковой): 1. Каракульская группа с радиусом кочевания около 30 км. 2. Ранкульская группа с радиусом кочевания 20—30 км. 3. Кызылрабатская группа с радиусом кочевания 10—40 км (прекрасные пастбища по Оксу). 4. Чаштепинская группа, радиус кочевания 10—15 км. 5. Зоркульская группа — наиболее обеспеченная лугами. 6. Учкольская и близкая к ней Верхнеаличурская группа с радиусом кочевания 20—30 км (значительные кормовые площади по низовьям Аличура и у оз. Яшилкуль и Булункуль). 8. Карасу-Куртекинская, Мадьямская, Мургабская, Пшартская и Чечектинская группы с хорошими пастбищами в пойме Оксу — Мургаба [421, стр. 74].

Выпас скота резко различается по временам

года. Зимой стада выпасают на прилегающих к аулам луговых массивах, выгоняя их на расстояние 1—4 км. При снеговом покрове до 15—17 см овцы добывают пищу, разгребая снег ногами. Зимовки концентрируются в зоне крупных рек и озер, где снег (если он есть) выдувается [102, стр. 178—179]. Весной пасут скот «в ущельях и на солнцепеках, где быстрее всего тает снег и пробивается молодая трава» [26, стр. 185]. С июля стада перегоняются на летние пастбища. В дореволюционное время существовало строго определенное распределение пастбищ между отдельными племенными группами. Если же возникала необходимость пасти скот на территории, принадлежащей другой племенной группе, то старейшины приходили к соглашению и платили за это определенное число животных [394, стр. 19].

На высокогорных пастбищах скот пребывает 2—2,5 месяца — до начала сентября, причем перегон производится на расстояние от 5—10 до 40—50 км (редко — до 100 км). При выборе направлений перегона учитывается и рельеф. Несмотря на «вертикальный» характер перегона, это не истощает животных. Яки выпасаются отдельно, ибо нуждаются в частом водопое (даже зимой — один-два раза в день); для них выбираются пастбища, где вблизи имеется проточная вода [26, стр. 185—196; 102, стр. 177—179; 470, стр. 7—8].

Вывод современных специалистов перекликается с выводом А. Е. Снесарева: «Следует отметить, — пишет И. А. Райкова, — что в организации циклов, и в частности в выработке плана перекочевок на данный сезон, население проявляет значительное чутье, замечательное знание условий и лучших скотопогонных путей. Анализ кочевых циклов позволил установить, что они включают различные сезонные типы пастбищ, используемые в разумной последовательности» [421, стр. 74—75].

В свое время Н. А. Аристов выразил очень пессимистический взгляд на условия существования человека на Памире: «По природным условиям Памира, вследствие невозможности земледелия и малого количества пастбищ, особенно зимних, на нем может обитать незначительное кочевое население, занимающееся разведением яков, овец и коз, страдающее от болезней, порождаемых неблагоприятными свойствами страны, и, может быть, не имеющее перевеса рождений над смертностью. Так как природные условия Памира вообще мало изменились в последние два тысячелетия, за которые о нем существуют исторические сведения, то и во весь исторический период насе-

ление Памира могло состоять лишь из небольшого числа скотоводов-кочевников» [46а, стр. 8].

Почти все в этой ламентации не соответствует тому уровню знаний, который ныне достигнут наукой. Выше я уже привел данные, какие огромные стада домашнего скота могут прокормить памирские пастбища. Но Н. А. Аристов неправ и в другом. В последние годы были проведены спорово-пыльцевые исследования *дочетвертичных* (неогеновых) межледниковых и послеледниковых отложений на Восточном Памире, которые позволили говорить об определенной этапности в развитии здесь растительности, в частности о наличии в межледниковый период на Южном Памире и в прилегающих областях развитой древесной флоры, ныне из-за суровости климата полностью отсутствующей. Геоморфологи и палинологи сделали вывод, что исчезновение древесной флоры связано со значительными поднятиями всего региона в целом и опережающим поднятием окаймляющих хребтов в средне-верхнечетвертичное время, что привело к прогрессирующему развитию предельно континентальных форм климата [378, стр. 66—67; иную трактовку этих материалов см. 326, стр. 333—334]. Биологи выявили наличие на Восточном Памире реликтов лесной растительности, установили, что в орнитофауну Памира постепенно входили тибетские виды — по мере превращения Памира из лесистой области в полупустынное высокогорье [406, стр. 14—16; 669].

Принципиально важные результаты в этом плане дали археологические работы В. А. Ранова, во время которых на Восточном Памире зафиксировано 50 пунктов каменного века. Этот же исследователь изучил 16 пещер и гротов, в том числе грот Шахты с наскальной живописью, произвел раскопки на нескольких объектах, в частности на неолитической стоянке Ошхона, где получены палинологические, костные и древесные остатки, причем датировка подкреплена данными радиоуглеродного анализа [97; 98; 423; 424; 425; 428; 429; 430; 431; 432; 433; 436]. Л. Ф. Сидоров на основе комплексного использования геологических, геоморфологических, биологических, в том числе палинологических, и археологических материалов по Памиру и сопредельным территориям выдвинул гипотезу о постепенном изменении климата и всего комплекса природных условий Памира. Он исходит из того, что «по мере вздымания памирского нагорья в обрамлении высочайших поднятий нарастало похолодание и иссушение его внут-

ренных частей. Оно было несколько смягчено позднечетвертичным оледенением». В послеледниковое время, в раннем голоцене, в поймах реки росли тугаи, на склонах — арчевники. В среднем голоцене субальпийские луга отступили в поймы рек, на смену им пришли степи и полынники, распространяются терескенники. Склоны покрывают арчовые редколесья. По основным долинам еще сохранялись кое-где тугаи. Повсюду существовал достаточно мощный зимний снежный покров, что способствовало хорошим травостоям<sup>51</sup>.

Но когда же климат Памира стал близким к современному?

Используя результаты (А. Н. Бернштама и наши) исследований сакских могильников, установленный нами факт резкого уменьшения населения на Восточном Памире к рубежу нашей эры и сопоставляя это с данными А. В. Шитникова о 1800—1900-летних циклах изменения общей увлажненности материков в голоцене, Л. Ф. Сидоров приходит к выводу, что около двух тысяч лет назад общепланетарные факторы в сочетании с дальнейшим поднятием Памирского нагорья и окружающей его горной завесы привели «к формированию современного, чрезвычайно сухого и холодного природного комплекса, сопоставимого лишь с таковым в Тибете» [436, стр. 124—126 и другие работы Л. Ф. Сидорова]. Автор этой гипотезы консультировался со мной по вопросам, связанным с памирско-сакской археологией и вероятными условиями жизни в то время. Я не уверен, что природная среда изменилась столь резко, как считает Л. Ф. Сидоров; полагаю, что можно говорить лишь о том, что в сакское время природные условия на Памире были несколько иными, чем теперь. Обилие сакских могильников и культовых мест, насыщенность ими территории само по себе уже свидетельствует о тех возможностях, которые представляла природа тогдашнего Памира для кочевого скотоводства. И вместе с тем география могильников показывает, что уже тогда наиболее благоприятными для кочевого скотоводства были долины рек и области вокруг озер. На-

<sup>51</sup> Эта гипотеза в своей первой редакции [435] подверглась резкой критике со стороны О. Е. Агяханянца [18], за чем последовала вторая редакция [436] (гипотеза излагается мною по второй редакции). Я отнюдь не берусь утверждать, что палеогеографические реконструкции Л. Ф. Сидорова и их геолого-ботанические обоснования во всем бесспорны — это лежит вне сферы моей компетенции, в частности оценка контраргументов, выдвинутых в работе О. Е. Агяханянца, М. М. Пахомова, А. К. Трофимова [20; ср. 307].

личие дерева в перекрытии **могил** — второе важное **свидетельство** в пользу того, что флора Памира включала древесные породы, что возможно лишь при другом, значительно более мягком климате, с большей увлажненностью. Последнее, как считают ботаники, должно было иметь важные последствия в отношении распространения луговой, в том числе субальпийской, растительности и, добавим, более богатой фауны.

Итак, сакский Памир середины I тысячелетия до н. э. был вопреки мнению Н. А. Аристова более благоприятной областью для жизни кочевника, чем киргизский Памир конца XIX в. Суровый, горный климат со снежными зимами компенсировался более обильными высокопродуктивными пастбищами, быть может отчасти напоминающими современные алайские. Тучные стада овец, коз, яков<sup>52</sup>, лошадей находили корм во все времена года; как и у киргизов, существовала продуманная и регламентированная система сезонных (горизонтальных и вертикальных) перекочевков, обеспечивающая наиболее целесообразное использование пастбищ. Важным подспорьем служили охота на обильную четвероногую и пернатую дичь, а также рыболовство. К образу жизни этих кочевников, я думаю, вполне приложимы слова, сказанные Сыма Цянем о сюнну: «По существующим среди них обычаям, в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений» [508, стр. 34<sup>53</sup>].

Хотя прямыми данными мы не располагаем, более мягкий, чем теперь, климат, с несколько более длительным, а главное, обеспеченным безморозным периодом, делает не исключенным и производство памирскими саками небольших посевов ячменя<sup>54</sup>.

Один из энтузиастов сельскохозяйственного освоения Памира, биолог А. В. Гурский, в

<sup>52</sup> Прямых свидетельств о разведении яков на Памире в сакское время у нас нет. Возможно, охота на диких яков изображена на наскальных рисунках в Выбист-даре [см. 57, стр. 58—60, рис. 22; 434, стр. 115, рис. 4]. Специалисты включают Памир в область первоначального разведения яков и допускают мысль, что искусство разведения яков проникло на Тибет с Памира [784, стр. 108—122 (особенно стр. 118); ср. 1108, стр. 252—253].

<sup>53</sup> Интересный анализ скотоводства у сюнну — см. 509.

<sup>54</sup> Как это было, например, у киргизов, живших на рубеже XIX—XX вв. в Раскеме, см. 367, стр. 158; о земледелии у киргизов Кашгарского Памира см. также 355 стр. 200.

районе Кзыл-Рабата на высоте 4300 м обнаружил следы древнего земледелия в виде «выровненных полей, каналов и поливных борозд». В урочище Тегермансу найдены два крупных круглых жернова. Он считает все это свидетельством того, что здесь «было некогда зерновое полеводство». При этом он указывает, что сейчас в благоприятные годы самые скороспелые и холодостойкие сорта ячменя вызревают на высоте 3800 м. Но А. В. Гурский считает, что раньше климат, а может быть, и высота были иными и граница вызревания ячменя доходила до района Кзыл-Рабата [57, стр. 63—64]. Не все в аргументации А. В. Гурского безупречно<sup>55</sup>, но в целом его вывод о вероятности существования в древности на Восточном Памире очагов земледелия бесспорно заслуживает внимания.

Итак, восточнопамирские сакские племена, численность которых нельзя недооценивать (в древности здесь могло проживать население порядка 10—15 тыс.), являли образец горнопастушеского кочевого общества.

Чрезвычайно важна антропологическая характеристика саков Памира. Впервые на основании краниологического материала, полученного при раскопках А. Н. Бернштама (14 черепов мужских и 10 женских), палеоантропологию саков Памира изучал В. В. Гинзбург. Он писал: «Тип характеризуется узкой, довольно высокой, долихокранной черепной коробкой с прямым или, чаще, средненаклонным лбом с среднеразвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицевая часть черепа узкая, средневысокая, значительно выступающая в горизонтальной плоскости, со среднеглубокими Клыковыми ямками, средневысокими или высокими глазницами и значительно выступающим носом. Черепа женской серии относятся к этому же типу, характеризуясь значительной грацильностью. Эти данные говорят о принадлежности изученной серии черепов к европеоидной средиземноморской расе», точнее, к индо-афганскому типу восточной ветви средиземноморской расы [124, стр. 83—87; 130, стр. 83—87].

При наших раскопках на Памире удалось извлечь 34 мужских и 29 женских черепов разной сохранности. Этот материал был исследован Т. П. Кияткиной. По ее заключению, «мужские черепа в целом характеризуются следующими признаками: недеформированная, резко долихокранного типа черепная короб-

<sup>55</sup> Название Тегермансу, на которое он ссылается (тегерман — «мельница»), — тюркское и связано с заселением области киргизами; мельница на этой речке могла быть сооружена для перемола привозного зерна.

ка либо эллипсоидной, либо овальной формы, с очень большим продольным и малым поперечным диаметрами, средневысокая (как от базина, так и от пориона). Лоб среднеширокий, довольно сильно наклонный, со средне-развитой областью надпереносья. Лицевая часть высокая и достаточно узкая по абсолютным размерам, лептопрозопная по указателю, резко профилированная в горизонтальной плоскости, ортогнатная, с очень глубокой клыковой ямкой (5,2 мм), со средневысокими орбитами и с узким, очень резко выступающим носом... Симотический указатель очень высок. Женские черепа аналогичны. Серия в целом однородна и единообразна». «Это европеоидный долихокранный узко- и высоколицый антропологический тип» [218, стр. 6—7; 219, стр. 70]. (Мы не приводим количественных характеристик, см. их в таблице, приводимой ниже).

Таким образом, оба исследователя черепов памирских саков дают им очень сходную характеристику — и это естественно, ибо краниологические материалы, добытые при раскопках А. Н. Бернштама и наших, практически идентичны.

Какое место занимают серии черепов памирских саков в краниологии раннежелезного века Средней Азии и прилегающих областей?

Естественно, мы должны прежде всего обратиться к материалам по Алаю. Из почти двух десятков черепов сакского времени, изученных В. В. Гинзбургом, выясняется, что население Алайской долины в сакское время не было однородным. В могильнике Шарт II большая часть погребенных имеет черепную коробку мезокранной формы, с лицевой частью, как бы переходной от андроновского типа к более поздним типам Среднеазиатского междуречья; то же самое — в могильнике Чак. Череп из третьего погребения кургана 7 могильника Карашвак относится к типу Среднеазиатского междуречья. Напротив, в могильнике Карашван 3 черепа (из пяти) относятся к «долихокранному типу, причем сохранившийся череп из нижнего погребения кургана 8 явно относится к типу „средиземноморских“». Три мужских черепа из раскопок алайских сакских курганов Кургак и Нура (работы Ю. Д. Баруздина) издала Н. Н. Миклашевская. Судя по приведенным ею измерениям, один из этих черепов был мезокран-

СРЕДНИЕ РАЗМЕРЫ ИЗУЧЕННЫХ СЕРИЙ САКСКИХ ЧЕРЕПОВ С ВОСТОЧНОГО ПАМИРА

№ по Мар-тину	Признаки	Мужские черепа			Женские черепа		
		Кияткина	Гинзбург		Кияткина	Гинзбург	
		Акбент, Аличур и т. д.	Памирская I	Акбент	Акбент, Аличур и т. д.	Памирская I	Акбент
1	Продольный диаметр	191,5 (34)	186,8 (9)	189,6 (5)	181,7 (29)	176,2 (5)	178,8 (5)
8	Поперечный диаметр	134,3 (34)	132,8 (9)	130,0 (5)	131,7 (26)	129,8 (5)	130,8 (5)
8/1	Черепной указатель	69,9 (34)	71,1 (9)	68,6 (5)	72,1 (26)	73,7 (5)	73,2 (5)
17	Высотный диаметр	132,3 (27)	135,7 (7)	137,4 (5)	130,3 (23)	129,5 (4)	125,0 (2)
5	Длина основания черепа	104,9 (27)	102,7 (6)	106,8 (5)	97,5 (21)	95,0 (4)	94,0 (3)
9	Наименьшая ширина лба	94,3 (29)	91,7 (8)	94,4 (27)	94,4 (27)	94,0 (5)	93,2 (5)
	Развитие надпереносья	3,38 (42)	3,1 (9)	3,2 (5)	2,2 (8)	2,2 (29)	2,0 (5)
45	Скуловой диаметр	130,6 (28)	126,7 (7)	125,2 (5)	121,4 (23)	122,2 (5)	125,8 (5)
48	Верхняя высота лица	75,4 (28)	73,9 (9)	73,0 (5)	70,5 (25)	72,0 (5)	67,5 (4)
48/45	Верхнелицевой указатель	58,0 (26)	55,0 (7)	58,3 (5)	58,0 (21)	58,9 (5)	53,7 (4)
40	Длина основания лица	100,7 (24)	96,2 (6)	101,4 (5)	94,6 (21)	93,3 (3)	91,0 (2)
72	Общий угол лица	84,5 (22)	83,9 (7)	85,2 (5)	84,9 (14)	81,7 (3)	84,7 (3)
51	Ширина орбиты	42,5 (32)	—	—	40,8 (29)	40,2 (4)	40,0 (5)
52	Высота	34,6 (31)	33,9 (8)	33,6 (5)	33,7 (29)	35,0 (4)	31,2 (5)
77	Назомаллярный угол	139,9 (25)	137,7 (7)	133,4 (5)	139,7 (24)	137,7 (3)	142,2 (4)
< ZM <sup>1</sup>	Зигомаксиллярный угол	127,7 (21)	123,4 (8)	126,6 (5)	127,4 (20)	128,2 (3)	127,0 (4)
FC	Глубина клыковой ямки (мм)	5,2 (40)	—	—	—	—	—
55	Высота носа	54,2 (31)	53,8 (9)	53,0 (5)	50,6 (29)	51,2 (3)	49,0 (4)
54	Ширина	24,5 (31)	24,4 (9)	24,6 (5)	24,0 (27)	22,6 (5)	25,7 (4)
54/55	Носовой указатель	46,0 (31)	45,5 (9)	46,7 (5)	47,4 (27)	44,2 (5)	52,3 (4)
DS	Дакриальная высота	12,7 (22)	14,5 (8)	11,9 (4)	11,7 (20)	12,6 (3)	13,7 (4)
DS:DC	Дакриальный указатель	63,5 (22)	70,6 (8)	52,1 (4)	57,7 (20)	55,3 (3)	64,9 (4)
SS	Симотическая высота	5,0 (30)	4,5 (9)	5,1 (4)	4,2 (25)	3,6 (3)	5,7 (4)
	Симотический указатель	63,3 (30)	55,1 (9)	54,6 (4)	50,2 (25)	42,0 (3)	52,1 (4)
75/1	Угол носовых костей к линии профиля лица	34,4 (27)	34,7 (8)	33,2 (5)	30,7 (17)	30,7 (4)	35,0 (4)
	Передне-носовая ось (балл)	3,8 (28)	2,6 (9)	3,6 (5)	3,0 (27)	3,0 (5)	2,3 (3)

ный (головной указатель 78,5), второй — на нижней границе мезокрании (75,4), третий — долихокранный (73,5). «Этот тип,— пишет Н. Н. Миклашевская,— хотя несколько и напоминает закаспийский (т. е. восточный вариант средиземноморского.— Б. Л.), но отличается от него более низким, широким и менее профилированным лицом». Другие черепа из раскопок Ю. Д. Баруздина алайских курганов сакского (по заключению П. Н. Кожемяко) времени (15 черепов), опубликованы И. В. Перевозчиковым. Он отмечает высокую вариабельность черепного указателя. Наиболее долихокранные происходят из могильника Эльтеке, в могильнике Нура — также по большей части долихокранные, в могильнике Кара-Кунгей — в основном мезокранные [379].

По мнению В. В. Гинзбурга, долихокранные типы в Алайской долине могли появиться как в результате общения с саками Памира, так и сохраниться с эпохи бронзы [131, стр. 151—152; 351, стр. 68, 76—78].

В другой своей работе он более решительно утверждает, что примесь средиземноморского типа шла на Алай из Ферганы [133, стр. 218]<sup>56</sup>.

Краниологический материал из Ферганы этого времени представлен черепами из могильников актамского типа (раскопки Н. Г. Горбуновой). Серия достаточно представительная — 30 черепов, но очень плохой сохранности. Тем не менее, ясно, что все черепа европеоидные, причем преобладают брахиокранные, но представлены в небольшом числе и долихокранные [133, стр. 216—217].

Небольшая серия черепов из сакских курганов Тянь-Шаня (раскопки А. Н. Бернштама) представляет, по словам В. В. Гинзбурга, «ряд переходных форм от более древнего европеоидного расового типа — мезокранного, сходного с андроновским поздней бронзы Казахстана и Южной Сибири, к более грацильному европеоидному типу Среднеазиатского Междуречья» [126, стр. 356—362]<sup>57</sup>. По своему антропологическому типу саки Тянь-Шаня очень близки сакам Восточного Казахстана.

Саки Приаралья (раскопки Хорезмской экспедиции), как показывают исследования Т. А. Трофимовой, в VII—V вв. до н. э. представляли «смешанную популяцию, состоящую из европеоидного, преимущественно андронов-

ского пласта и значительной примеси монголоидных форм центральноазиатского происхождения, особенно ярко выраженную среди женщин». В более позднее время, в IV—II вв. до н. э., монголоидная примесь выражена слабее. Т. А. Трофимова полагает, что саки Приаралья формировались на основе местного европеоидного населения с преобладанием андроновского (или близкого к нему) типа, при участии некоторых вариантов средиземноморского, в обстановке проникновения монголоидов [525, стр. 221—247; 526, стр. 234—252].

В Казахстане, на Алтае и в Приуралье — Поволжье расовый состав населения в сакско-савроматское время был достаточно сложным [162, стр. 136—151]; особенно ясным это стало после обработки краниологических серий из новейших раскопок [30; 125, 127; 128; 129; 132; 134; 539 и др.]. Б. Фирштейн делает заключение, что черепа савроматов больше всего сходны с черепами майэмурского и пазырыкского этапа из Горного Алтая и значительно отличаются как от скифов Поднепровья, так и от саков Восточного Казахстана [539, стр. 67, 80]. Однако, по мнению В. В. Гинзбурга, можно отметить генетическую близость саков Восточного Казахстана и населения Горного Алтая. Вообще антропологические материалы сакского времени из Восточного Казахстана неоднородны, часть из них очень близка среднеазиатско-тяньшанским [127, стр. 245], другие несколько отличаются [132, стр. 83], причем уже в сакское время там появляется монголоидная примесь [127, стр. 245].

Итак, вышеприведенный краткий обзор демонстрирует, что в антрополого-морфологическом отношении долихокранное сакское население Восточного Памира занимало изолированную позицию среди других племен саков или родственных им племен как на территории Средней Азии, так и Казахстана.

В. В. Гинзбург сразу же связал изученные им черепа памирских саков с индо-афганским антропологическим типом и выдвинул идею, что они являются «самой восточной частью антропологического моста, охватывающего Переднюю Азию, Закаспийскую область и Северную Индию». Он писал, что, «по всей вероятности, саки Южного Памира (саки-амюргии) непосредственные потомки более древнего населения этой области, которое было родственно населению и Передней Азии, и юга Средней Азии в эпоху энеолита и в бронзовом веке» [124, стр. 84; 130, стр. 37]. Т. А. Трофимова четко сформулировала свое мнение, что генетически сакское население Памира связано с восточно-средиземномор-

<sup>56</sup> И. В. Перевозчиков [379, стр. 131] наряду с этим предполагает в качестве причины различий в алайских черепах наличие в алайском населении субизолятов в виде родовых или племенных подразделений.

<sup>57</sup> Очень близка по своим характеристикам сакским черепам Тянь-Шаня серия усуньских черепов отсюда же (раскопки А. К. Кибирова) [350, стр. 298—299].

ским типом населения **прикопетдагской** полосы эпохи энеолита и бронзы [525, стр. 230, 235]. Т. П. Кияткина высказала предположение, что «местное население, которое известно нам на Восточном Памире еще с эпохи бронзы (могильник **Кзыл-Рабат**), в эпоху железа контактировало с конгломератом сакских племен и, может быть, даже входило в союз сакских племен, сохранив свой физический облик» [218, стр. 7].

Таким образом, строго говоря, из антропологических материалов, как мне кажется, вытекают две возможности. Первая состоит в том, что древнейшее население Ферганы, Алая и Восточного Памира было долихокранным средиземноморского типа. Затем в Фергане, как и во всем пространстве между Сыр- и Амударьей, начала формироваться или распространяться брахикранная европеоидная раса Среднеазиатского междуречья (мы не можем входить в рассмотрение дискуссионного антропологического вопроса о ее древности, путях и источниках формирования)<sup>58</sup>. Будучи (в этно-антропологическом плане) изолированным от антропологических процессов, протекавших в Фергане, и смыкаясь в этом плане значительно больше с населением Северного Индостана, где, по-видимому, был значительный массив **долихокранного** средиземноморского населения, памирские саки сохранили **древний долихокранный** тип. Однако это лишь предположение, ибо палеоантропология Ферганы эпохи бронзы известна очень слабо, а Памира — **практически** почти неизвестна. Однако имеющиеся в нашем распоряжении два черепа из могильника Кзыл-Рабат Т. П. Кияткина считает возможным связывать со средиземноморскими формами [219, стр. 62—63]. Таким образом, а priori такое объяснение (эта возможность не учитывалась антропологами) кажется не исключенным.

Второе объяснение: генезис восточнопамирского населения как части основного массива афгано-индийской ветви средиземноморской расы. Действительно, у таких индо-арийских народов Северо-Западной Индии, как раджастанцы, сикхи, пенджабцы, преобладает именно этот расовый тип [162, стр. 364; 163а, стр. 48; 472в, стр. 3—4, 10—11]<sup>59</sup>.

К сожалению, палеоантропологическая история Северного Индостана также разработана слабо. В. П. Алексеев в сводке, опублико-

ванной в 1964 г., указывает (для интересующей нас территории), что население Хараппы — Мохенджо-Даро состояло «в своем подавляющем большинстве из темноволосых и темноглазых, длинноголовых людей, антропологически родственных населению Средиземноморья, Кавказа и Передней Азии» [31, стр. 23—25]<sup>60</sup>. Далее он приводит данные о палеоантропологических находках из Дхармараджика (Таксила, V в. н. э.), где также сохраняется тип, охарактеризованный выше [31, стр. 25—26].

Я недостаточно знаком с литературой по палеоантропологии Индии, чтобы судить, как сейчас заполнен этот разрыв, составляющий двадцать или двадцать два столетия. Мне попадались лишь сообщения о палеоантропологических материалах из долины Свата, происходящих из разновременных **могильников** (XVI—V вв. до н. э.) [586, стр. 13—23; 587; 689, стр. 1—385; 690, стр. 164—165; 719, стр. 56—67; 1020, стр. 39—68; 1021, стр. 220—232; 1022, стр. 185—219; 1024; также 296]. Серия из могильника Буткара II (для него есть радиоуглеродная дата — V в. до н. э.) состоит из 7 мужских и 5 женских черепов (частично фрагментированы). Они все долихокранные, мозговая коробка высокая, очень узкая и длинная, лицевая часть узкая и низкая, **глазницы** — среднего размера. Рост — более 170 см.

Судя по данным, приведенным в итальянской публикации, горизонтальные размеры черепной коробки у сватских и **памирских** черепов близки, высотный же диаметр черепов из Буткары II значительно меньше, чем у **памирских**; меньше и размеры лица: скуловой диаметр и верхняя высота лица, высчитанный нами средний черепной указатель для мужских черепов Буткары II — 68,1, женский — 70,5 (памирские средние см. ниже).

Заключение итальянского антрополога Алкиати: «Мы имеем здесь, следовательно, расовый тип, который, хотя и приближается к разделительной линии между азиатской монголоидной областью и регионом **средиземноморского** типа, вместе с тем не имеет монголоидных черт, а связан с „прото-средиземноморским" типом. Интересно отметить, что в эпохи значительно более древние, чем время некрополя Буткара II, эта антропологическая разновидность была распространена в обширном географическом ареале от Эгейского моря

<sup>58</sup> См. об этом помимо работ В. В. Гинзбурга также исследование Ю. Г. Рычкова [455].

<sup>59</sup> Относительно антропологии населения Читрала (в том числе — кафиров) и преобладания там средиземноморского типа см. 755.

<sup>60</sup> Показательно, что в современном населении района Мохенджо-Даро долихоцефальная группа очень незначительна (6%).

И, грубо говоря, так далеко, как долина Инда и несколько за Аму-Дарью на севере». Далее автор пишет, что распространение этого типа произошло задолго до железного века, причем Буткара II находится на самом северо-востоке этого ареала [579; см. также 738] (о **памирских** сериях итальянский антрополог не знал).

Кроме того, существует и детальная публикация палеоантропологических материалов из пакистанских раскопок. Автор **последней** — немецкий антрополог В. Бернارد (Антропологический институт университета в **Майнце**). В распоряжении исследователя была серия из 25 черепов, относящихся к разным периодам. Большинство из них он обозначает как *Lep-todolichomorph* (Mediterranean type), т. е. **высоколикие долихокранные** средиземноморского типа. В наиболее поздней части серии (скорее **всего** — VIII—VI вв. до н. э.), хронологически синхронной с памирской серией, «**грацильные** типы черепа, классифицируемые как средиземноморские, представляются самым частым антропологическим типом», хотя встречаются в то время и другие типы, в частности один **веддоидный** и **один монголоидный** черепа. В. Бернارد знаком с некоторыми работами советских исследователей по палеантропологии; в его распоряжении были также публикации по антропологии Ирана. Он, с одной стороны, отмечает высоколиких долихокранных средиземноморцев в населении, оставившем Тепе-Гиссар III и памятники Южной Туркмении, а с другой стороны, пишет, что «удивительное сходство по своим размерам серии черепов из Свата с сакскими памирскими черепами замечательно», хотя и отмечает различия лицевых размеров и индексов [640, стр. 291—407, особенно стр. 371—385]. К сожалению, в публикации В. Бернарда нет статистической разработки по отдельным типам, есть лишь сводная статистическая таблица по 9 мужским и 11 женским черепам. Отметим лишь, что по этой сводной таблице головной индекс у мужчин 69,40 (у саков Памира в разных сериях у мужчин 69,9; **71,1**; 68,5; выведенная нами **средняя** — 69,89), у женщин 72,87 (у саков Памира в разных сериях 72,2; 73,2; 73,7; выведенная нами **средняя** — 72,48). Я не буду приводить другие величины, ибо мужская серия очень невелика, необходимо исключение черепов иных типов, и, главное, представляется целесообразным анализировать этот материал после появления полных итальянских публикаций. Однако и сейчас можно, конечно, принять в качестве предварительного вывод В. Бернарда о близости

сватских черепов к памирско-сакской серии (это подтверждается и вышеприведенными данными из итальянской публикации). Вообще занимавшиеся проблемой памирских саков антропологи, как мне кажется, пока еще не мобилизовали и не проанализировали все имеющиеся материалы по антропологии Индии, Ближнего и Среднего Востока<sup>61</sup>. Затрудняет и отсутствие хорошо датированных **краниологических** материалов из Восточного Туркестана. В результате антропологический аспект все еще продолжает оставаться слабым звеном в проблеме генезиса культуры саков Памира.

Письменные источники, разобранные выше, показывают, что на северных границах Индии находилась еще с доахеменидского времени обширная группировка сакских племен, памирские племена были частью этой группировки. Можно предположить, что формирование **сакской** культуры протекало одновременно на обширной территории среднеазиатских и центральноазиатских равнин и высокогорий, причем субстрат этой культуры, и культурный и антропологоэтнический, не был однородным. Конкретная историческая и историко-культурная ситуация, многосторонние связи и эколого-географическая среда, с которой в определенной степени были связаны особенности кочевого хозяйства и **быта**, — все это привело к тому конкретному разнообразию облика саков в разных областях распространения сакской культуры, которое мы отмечали. Разнообразие же расовых типов племен, входивших в сакские конфедерации, не может нас удивлять, ибо примеры тому в истории бесконечны. Памирские саки походили скорее всего на афганцев или северных индийцев. Это были люди **среднего роста** — мужчины высотой 169 **см** женщины — 158 **см**. У них был удлинённый овал лица, и внешне они очень отличались от своих **тяньшаньских** собратьев, у которых лицо было более широкое, низкое и плоское, с менее выступающим носом. Разница в ширине лица была примерно такая же, как у современных русских и киргизов [163, стр. 10; также 124, стр. 84].

Конфедерация саков-хаумаварга, охватывающая всю юго-восточную часть Средней Азии и прилегающие области Афганистана, Индостана и Восточного Туркестана, была огромным племенным образованием, по своим размерам соизмеримым с кушанской империей.

<sup>61</sup> О сложной картине антропологического состава Ирана во II — начале I тысячелетия до н. э. см. 708, стр. 119—120.



ей или эфталитским государством. Трудно представить, чтобы это было унифицированное единство не только в расовом, но и в культурном отношении. Бесконечно более рыхлое и аморфное, чем вышеназванные (отнюдь не централизованные!) государства, конфедерация **саков-хаумава** состояла из нескольких группировок племен, среди которых можно назвать (применяя и современную географическую номенклатуру) памирскую и связанную с нею алайскую, ферганскую и связанных с нею «саков, которые за Согдом», восточнотуркестанскую, бактрийско-караатегинскую, **североиндостанскую**. Реальное единство, в том числе и политическое, очевидно, осуществлялось и проявлялось внутри отдельных, перечисленных выше группировок. Мы пока в силу состояния источников не можем полу-

чить четкого представления, почему эти группировки включались персами и, по-видимому, их среднеазиатскими информаторами в единую конфедерацию, общий племенной союз. Но было бы неверным недооценивать четкость и глубину **этнографо-политических** представлений ахеменидской администрации. Возможно, — и мы ощущаем это уже сейчас при анализе погребального обряда и материальной культуры, — существовали какие-то культурные связи между этими племенными группировками, что выделяло их из общей массы кочевых племен<sup>62</sup>. Не исключено, что в какие-то периоды все они или часть из них выступали в политическом плане как единое целое.

Конечно, все эти вопросы мы можем пока лишь обсуждать и все предложенные выше решения являются гипотетическими.

#### 4. ПАМИРСКИЕ КОЧЕВНИКИ И САКСКО-ЮЭЧЖИЙСКИЙ ШТУРМ ГРЕКО-БАКТРИИ

Уже в первой половине III в. до н. э., в эпоху Селевкидов, происходят какие-то серьезные передвижения кочевых племен [165, стр. 354, 420; 290, стр. 279—283; 644, стр. 101; 1050, стр. 89—94; 1068, стр. 107; ср. 764, стр. 26; 978, стр. 174].

В конце III в., в 206 г., греко-бактрийский царь Евтидем пугал селевкидского **Антиоха III** тем, что на границе Греко-Бактрийского царства «стоят огромные полчища кочевников, угрожающие им обоим и, если только варвары перейдут границу, то страна наверное будет завоевана ими» (Полибий, XI, 34, 5—7). Пророчество Евтидема сбылось не сразу, а через восемь десятилетий, когда сакско-юэчжийские племена перешли в решительное наступление и атаковали **Греко-Бактрию**; одновременно другие группировки кочевых племен нанесли сильный удар по Парфии.

Китайские и греко-римские источники, содержащие сведения об этих событиях, несут мало информации, путаны и противоречивы. Но так как они повествуют о событиях, сыгравших исключительно важную роль в истории Востока — крушении Греко-Бактрийского царства и последующем возникновении Кушанского царства, — анализом соответствующих источников и попытками воссоздания общеисторической картины ученые занимаются вот уже два столетия, но единого мнения, хотя бы по самым основным вопросам этой темы, до сих пор нет.

Отсылая к соответствующим исследованиям, русским и иностранным (даже перечень основных из них не может быть здесь приведен), я в связи с темой работы хочу остановиться лишь на событиях, непосредственно связанных с Памиром.

Китайские источники, связанные с этими событиями, переводились и комментировались многократно. По переводу Н. И. Бичурина, юэчжи после разгрома хуннами из места своего первоначального жительства «удалился оттуда, перешел от Давани на запад, ударил на Даха и покорил сие владение» [91, II, стр. 151]. В Цяньхяньшу соответствующее место переведено им следующим образом: «Итак Юэчжи удалился на запад, перешел через Давань, напал на Даха» [91, II, стр. 183]. А. Уайль перевел Цяньхяньшу точно так, как Бичурин, — «пересекли Давань» [1101, стр. 41]. Совершенно аналогично переводит это место Де Гроот [759, стр. 16], Б. Карлгрен [apud 854, стр. 9], К. Еноки [apud 929, стр. 129—130, 139], стр. 129—130, 139], Э. Цюрхер [1111, стр. 360].

Таким образом, по китайским источникам, движение юэчжей проходило через Фергану, которую они, очевидно, на некоторое время оккупировали. Когда имело место это событие

<sup>62</sup> В качестве поздней параллели можно привести расселение родственных группировок киргизских племен в конце XIX—начале XX в. в Фергане, на Алае и на Памире, — см. 15, стр. 177 (подробнее о расселении южных киргизов см. 111).

в истории Ферганы? Ясно одно, что во времена посещения Средней Азии Чжан Цянем в 128—126 гг. до н. з. Фергана уже не находилась под властью юэчжей, а была самостоятельной.

В Цяньханьшу сказано: «Когда хунны разбили Большого Юечжи, то Большой Юечжи занял на западе государство Даха, а сэйский владетель занял на юге Гибинь», причем по Карлгрену: «Большие юэчжи прошли на запад и сделали правителями Даха, а сайван (Sēk-wang) двинулся на юг и сделался правителем Гибины». Практически аналогичен и перевод К. Еноки, Э. Цюрхера и др. [91, стр. 179; 759, стр. 125; 854, стр. 9; 929, стр. 130; 1101, стр. 34; 1111, стр. 363].

Путь правителя саков лежал через «Висячий проход» [91, стр. 179]. Кроме того, китайские источники констатируют при описании Гибины, что сэсцы живут рассеянно и «временами» (по переводу Уайля), «как правило» (перевод Гроота), «в нескольких местах» (перевод Б. Карлгрена и К. Еноки) образуют различные (или «несколько») государства.

В качестве примера таких государств называют тут же Хюсюнь (Hiu-sün > Hidu-zui-en — по Карлгрену) и Гюаньду (Vüan-tu > iwän-d'uok — по Карлгрену), причем в описаниях Хюсюнь и Гюаньду говорится, что они составляют «отрасль древних сэсцев» или же принадлежат к «древним племенам сэ» [854, стр. 9].

Для определения направления движения саков может иметь значение установление местоположения двух вышеназванных владений. К сожалению, данных для этого недостаточно. Поэтому исследователи располагают эти владения по-разному, но в целом Хюсюнь скорее всего помещалась в Алайской долине (или в юго-западной Фергане), а Гюаньду — или в районе восточной части Алайской долины вместе с примыкающими районами Северного Памира, — вплоть до оз. Рангуль, или же западнее и юго-западнее Кашгара [320, стр. 53—57].

Особый интерес представляет наблюдение Гроота, что в китайских источниках Гюаньду сравнивается с тогдашним обозначением Индии, а в одном сочинении описывается в начале раздела, посвященного Индии [759, стр. 113]. Эти замечания китайских историков основываются, видимо, не на реальном политическом единстве вышеупомянутых владений с Индией, а на этническом или, может быть, даже генеалогическом родстве сакских правителей Индии с правителями Хюсюня и Гюаньду.

«Висячий проход», или «висячий мост», упоминаемый в источниках, также важен в этом плане. По мнению Н. А. Аристова, это не что иное, как способ устройства подвесных мостов, подобных тем, что и ныне существуют в Гильгите, Читрале, Кафиристане и делаются из «прутяных (березовых и иных) канатов» [46а, стр. 43]. По хорошему прутяному мосту одновременно могут проходить 10—12 человек, он выдерживает также тяжести [412, стр. 182].

«Пролет» подвесных мостов достигает почти 80 м [932а, стр. 80]. Хотя выдвигались разные предположения в отношении локализации «висячего моста» [46а, стр. 45; 320, стр. 52], но, по-видимому, прав А. Н. Зелинский, и точно установить место, где был расположен «висячий мост», — невозможно [184, стр. 114].

Гибинь — по кит. kjei`-puin < \*kã(t)s-pin (-\*ëp) = \*Kaspir — такой ряд восстанавливает Э. Г. Пуллейблэнк, который вслед за С. Леви и Э. Шаванном, П. Пельо и др. считает, что Гибинь — это Кашмир [955, II, стр. 218—219]. Но, как пишет итальянский исследователь Л. Петеч, Гибинь — наиболее знаменитый и вместе с тем совершенно головоломный (для современных исследователей) термин китайской географии для Северо-Западной Индии. Сам Л. Петеч отрицает, что Гибинь китайских династийных историй связан с Кашмиром; он думает, что это индийские территории всего Северо-Запада Индии [944, стр. 63—80]; по В. Тарну — это долина Кабула [1052, стр. 469]<sup>63</sup>; по А. К. Нарайну, в рассматриваемое время Гибинь — долина Свата и примыкающие районы [929, стр. 135—136]<sup>64</sup>.

Но во всех случаях путь в Гибинь через «Висячий проход», и в этом мы совершенно согласны с А. М. Мандельштамом [320, стр. 52], должен был обязательно проходить через Южное Припамирье.

Вопрос о проходимости перевалов с севера, шире — о возможности прохождения больших масс людей в Кашмир — Пешавар через северные перевалы, долго и по-разному обсуждался в литературе. И в решении этого вопроса помимо степени знакомства с фактическим материалом играли большую (порой решающую) роль военно-политические соображения и позиция тех или иных авторов. Дело в том, что во второй половине XIX в. на протяжении десятилетий Памир являлся предметом дипломатических споров. В английской военной и научно-географической публицистике все вре-

<sup>63</sup> См. также 883, стр. 328 (обзор локализаций Гибины — стр. 371).

<sup>64</sup> Собственно, это повторение мнения Конова [851, стр. XXIV].

мя велась целеустремленная пропаганда о якобы имевшемся стремлении или подготовке русского царского правительства вторгнуться в Индию, в частности через Памир, хотя при всей активности среднеазиатской политики царизма таких намерений, как установили историки, у него не было — все это являлось предлогом и оправданием для\* английской агрессии в Центральной Азии. Печальную известность в этом отношении получил первоначально секретный, а затем опубликованный труд начальника Штаба английских войск в Индии генерала Ч. Мак-Грегора. Учитывая военно-политическую ситуацию [197; 545], русские офицеры и географы также были вынуждены вести разведку путей в Индию, в том числе через Памир. Если при этом учесть, что и в той и в другой стране находились и сторонники «решительных» действий, и противники их, а также разрабатывались различные оперативные направления, каждое из которых имело своих защитников и противников, станут понятными многие противоречия в военно-географических описаниях, существующих в литературе, причем иногда имеет место сознательная дезинформация.

Нередко высказывались категорические суждения о невозможности проникнуть через северные перевалы в долину Инда. Автор знаменитой географии Индии Т. Х. Холдвич писал в начале столетия, что там, где мелкие группы буддийских паломников «с невероятными мучениями и трудностями прокладывали свой путь к большим монастырям Пешаварской равнины, никакие сколько-нибудь значительные военные силы никогда не проходили — или даже не могли бы пройти по их следам» [цит. по 490, стр. 411]. Он, собственно, повторял утверждения некоторых английских военных писателей, например Х. В. Ханна, сказавшего об этой дороге: «Горсть людей может пройти по ней, но горсти людей — не армии» [546, стр. 335].

Напротив, современный западный географ, специалист по Индии, признает, что «с точки зрения человеческих возможностей Гималаи отнюдь не являются непреодолимыми» [490, стр. 395].

Уже В. В. Григорьев [147, стр. 132], а вслед за ним А. Гутшмид [764, стр. 60] предположили, что при своем движении на юг саки прошли через Памир. На основании детального знакомства с географией Памира реальный путь этого движения (по долинам Оксу, Вахандарьи и затем через Борогильский перевал) был намечен Н. А. Аристовым, автором замечательной работы по исторической

географии Памира [46а, стр. 62, прим. 6]. Однако как до этого, так и после против «памирского варианта» пути движения саков выступал ряд авторитетных ученых. Э. Херцфельд, например, аргументировал свое несогласие главным образом невозможностью для больших масс кочевников пройти через горы и перевалы Памира и Гиндукуша [797, стр. 20]. Исходя из убеждения, что саки не могли проникнуть в Индию через Памир, а также из локализации Гибини в области Кабула, В. Тарн выдвинул следующее объяснение данных письменных источников.

1. В сообщениях китайских источников объединены два исторических события: а) разгром и уход на юг саев или (саков); б) их приход в Гибинь. В действительности, эти события отделены большим промежутком времени. Двигаться со стадами через Памир племена саков не могли, но так как китайские посольства и купцы проходили здесь, китайские авторы соединили сами эти события, хотя действительный путь движения им был неизвестен.

2. На самом деле, продолжает В. Тарн, эти два события были отделены во времени жизнью целого поколения. Английский исследователь сам реконструирует события, о которых, по его мнению, не сохранилось известий. Двигавшиеся на юг саки должны были подойти к Сырдарье в районе Ферганы или около Ходжепта. Но здесь не было незанятой территории, и они вынуждены были присоединиться частью к Кангюю, частью к жившим здесь сакараукам, прекратив существование в качестве отдельного народа.

3. Сакарауки под напором юэчжей двинулись в сторону Бухары, пересекли Амударью, захватили Мерв и направились по дороге Герат — Систан. Из последнего большая часть их ушла в Индию, причем тогда-то вместе с ними достигли Гибини и влившиеся в состав сакарауков саи [1052, стр. 276 и сл.; 291 и сл.].

Даже сокращенное, без деталей, изложение показывает, насколько сложна концепция В. Тарна, причем для ее обоснования исследователь вынужден прибегать к многочисленным, нередко произвольным, предположениям.

В западноевропейской литературе существует много иных интерпретаций западного варианта пути движения саков. Вместе с тем ряд исследователей выступал и выступает в поддержку восточного варианта. В 1940 г. С. П. Толстов писал: «Ничего невероятного в движении кочевого племени, особенно в условиях военного разгрома, через Памир на юг —

нет» [513а, стр. 208]. Из новейших работ по этому вопросу отметим монографию индийского ученого А. К. Нарайна [929, стр. 135—138], в которой концепция В. Тарна подвергнута резкой критике и на основании изучения письменных источников, в частности сведений о древних вторжениях с севера в Северо-Западную Индию, высказывается мнение, что саки, пройдя через Восточный Туркестан, вышли к Ташкургану, а затем, через северные проходы, — в Гильгит. А. К. Нарайна в этом вопросе поддержал А. Симонетта [1012, стр. 163; см. также 672, стр. 48] и столь же решительно и даже безапелляционно раскритиковал П. Даффина [685, стр. 48]. Нет смысла перечислять имена и доводы всех участников этой дискуссии<sup>65</sup>.

Как нам уже приходилось писать [283, стр. 47], главный довод противников восточного варианта — физическая невозможность пройти через ущелья в Северо-Восточную Индию, на самом деле, как явствует из военно-географической литературы, является абсолютно несостоятельным. В компетентных военных и военно-географических источниках содержатся данные,

<sup>65</sup> Отметим лишь, что П. Гарднер был сторонником того, что «скифская орда» прошла через горные перевалы в Кашмир [735, стр. XL—XLI]; но против этого резко возражал А. Канингэм в 1890 г. и Д. Р. Бхандаркар в 1902 г. [642, стр. 288, 291]. Г. Раулинсон считал, что ответ на этот вопрос невозможен [969, стр. 96]. На лондонском симпозиуме 1912 г. о дате Канишки высказывались полярные точки зрения: одни считали, что саки прошли через памирско-гиндукушские перевалы, другие считали этот путь исключенным [693]. Э. Рапсон исключал возможность прохода больших масс кочевников с севера в Кашмирскую долину [964, стр. 563]. Напротив, Вармингтон указывал, что цепи Гиндукуша прорезаны многими перевалами, и, несмотря на их трудность, они «во все эпохи успешно пересекались племенами, армиями, пилигримами и торговцами. Борогильский перевал — главный среди перевалов, связывающих Высокую Азию с Читралом и Джелалабадом» [1086, стр. 21]. И. Маркварт также полагал, что саки прошли через Памир в Кашмир [904, стр. 320]. Де Терра говорит о «древних миграционных коридорах памирских долин», «воротами» которых был Кашмир [1053, стр. 499, 501—502]. А. Стейн [1032, стр. 5—6] доказывал, что через Памир тянулись «артерии торговых и культурных связей, которые соединяли Китай и Таримский бассейн с областью Оксуса и оттуда — с Индией». Примикает к сторонникам памирского пути и П. Багчи [598, стр. 8—9], и многие другие ученые.

Интересно, что одни и те же ученые меняли свои точки зрения. Так, Ф. Томас в 1913 г. категорически отрицал возможность вторжения с севера через Кашмир [1060, стр. 635]. Через 40 лет этот же ученый высказал мнение, что «более вероятно (more probable), что сайван прошли в Гибинь через Памир» [1062, стр. 115].

опровергающие приведенные выше отрицательные выводы. Так, например, Ч. Мак-Грегор полагал, что по долине Оксу в Читрал может проникнуть многотысячный отряд, состоящий из пехоты, конницы и даже легкой артиллерии [311, I, стр. 63—64; 311, II, стр. 25—26].

Примером того, что в направлении Кашмира Памир могли пересекать и довольно крупные военные силы, служит китайская экспедиция 747 г., когда десяти тысячное китайское войско пересекло Памир и разбило тибетское войско у Сархада. Хотя в интерпретации сообщений о их движении, данной А. Стейном [1027, стр. 9—11; 1028, стр. 58, 69; 1030, стр. 117—118], не все кажется бесспорным, главное — что китайские войска прошли через перевалы хребтов, ограничивающих Памир с юга, — представляется несомненным, причем часть китайского войска двигалась долиной Оксу, как предположительно показано на карте А. Стейна, до озера Чакмактинкуль, а затем по описанной выше дороге. В долину Оксу А. Стейн этот маршрут ведет из Ташкургана, пересекая Сарыкольский хребет<sup>66</sup>. Через отрог Музтагского хребта, с юга ограничивающий долину Оксу, ведут пять перевалов. Особенно часто киргизы переваливали из долины Оксу в долину Карачукура через перевал Михман-Юл, который является кратчайшим, но закрывается на четыре-пять месяцев в году. Более доступным является перевал Беик: он открыт почти весь год и через него можно совершить сложные передвижения [481, стр. 59; ср. 763, стр. 57—58]. Эти дороги выводят в долину Карачукура, где присоединяются к дороге, идущей из Ташкургана в бассейн Вахандарья.

Ваханский хребет в своей восточной части до меридиана оз. Чакмактинкуль имеет также пять перевалов и преодолевается без труда. Из перевалов два, Бурю-Курмес и Кзыл-Рабат, проходимы круглый год на лошадях, остальные достаточно удобны, но зимой заносятся снегом месяца на три-четыре [481, стр. 60—61]. На картах имеется путь вдоль левого берега Оксу, затем — оз. Чакмактинкуль, затем на юго-запад, где эта дорога за пунктом Базай-Гумбез сливается близ устья Вахджира<sup>67</sup> с упомянутой выше дорогой. Посетивший оз. Чакмактинкуль 24 мая 1906 г. А. Стейн пишет, что оно находится на рас-

<sup>66</sup> Перевалы в Сарыкольском хребте легки и проходимы круглый год [248, стр. 6].

<sup>67</sup> О перевале Вахджир см. 1026, стр. IX.

стоянии около 12 миль от Базай-Гумбеза, причем «низкую и плоскую седловину», отделяющую долину Вахандарьи от истоков [1028, стр. 78] Оксу, они пересекли, «даже не заметив этого», — следовательно, этот путь легко проходим. Это явствует из описаний и других путешественников, например Г. Керзона, который вообще путь между Базай-Гумбезом и озером описывает как долину шириной 0,5 и длиной 12 миль. Последние четыре мили перед озером путь проходит по незначительно приподнятому плато, которое рассматривается как перевал [763, стр. 40—41]<sup>68</sup>, а Г. Литльдель, также прошедший этим путем, записал что скаты водораздела настолько пологи, что нельзя заметить, где кончается подъем и начинается спуск [305, стр. 7].

Вообще использовался маршрут из Ташкур-гана в долину Оксу, вниз до ее истоков, затем до Сархада, причем дорога считалась проходимой летом и зимой и на ее преодоление затрачивалось восемь переходов [650, стр. 261]<sup>69</sup>. Это — «прямейший и наиболее короткий путь из Ташкур-гана на юго-запад к Сархаду и оттуда через Барагильский проход в Читрал и северо-западную Индию», — пишет Н. А. Аристов, — ведь длина долины всего 221 верста» [46а, стр. 22].

Что касается дальнейшего движения, то Гиндукуш, как пишет военный географ, «несмотря на свою высоту, суровость и бедность, преодолим во многих местах и может быть перевален выюком, а тем более пешим человеком, в любое время года» [481, стр. 153; а также 368, стр. 293—294, 303—304; 938, стр. 15—19; 1001, стр. 296]. Вообще, через Восточный Гиндукуш они могли пройти тремя группами перевалов. Восточная группа (Минг-тепе, Каллик, или Килик, и Иршод) выводит в Гильгит и допускает выючное движение круглый год; средняя группа (перевалы Йоюва, Газан, Борогиль и др.) выводит в Гильгит и в Читрал, допуская выючное движение четыре-пять месяцев в году; западная группа перевалов (перевалы Истраг, Хотинза, Дара и др.) выводит на Читрал и вполне доступна для выючного движения круглый год» [481, стр. 126—153].

В народных преданиях очень много говорится о различных вторжениях через перевал Дара (западная группа). В читральской

кампании 1895 г. целый отряд из Бадахшана перевалил через него в Читрал [481, стр. 148]. Некоторые перевалы, например очень легкий перевал Каллик (Килик) и перевал Борогиль (самый легкий перевал Восточного Гиндукуша, значение которого ослабляется трудностями дальнейшего пути), а также Дара и некоторые другие могут после очень небольшой разработки считаться доступными для колесного транспорта, по пути через них много прекрасных пастбищ [481, стр. 126—153]<sup>70</sup>.

Как писал А. Е. Снесарев, посвятивший многие годы изучению этого вопроса, Восточный Гиндукуш «располагает большим числом перевалов, комбинируя которые можно перевалить (если и не с крупной войсковой единицей) хребет в любую часть года» [482, стр. 8]. В связи с этим отпадают основные возражения против того пути движения саков, который в свое время предлагал Н. А. Аристов. На наш взгляд, это был один из путей, причем часть могла выйти в долину Оксу из Ферганы доступным меридиональным путем [472, стр. 34], другая — туда же, но из Восточного Туркестана, скажем, из Ташкур-гана на Акташ. Затем, они могли, например, двигаться вдоль Оксу до ее верховий, вдоль оз. Чакмактинкуль, затем — к устью Вахджира, где открываются три группы путей через Гиндукушские перевалы. Одновременно следует учитывать, что могли и, очевидно, использовались и западные группы перевалов, и большие массы кочевников должны были пройти по ваханскому и шугнанскому направлениям (они подробно исследованы А. Н. Зелинским [184], что избавляет нас от необходимости их характеризовать), выйдя в восточные пределы Бактрии, а также устремиться через горные перевалы в Индию. Часть из них осела на Запад-

<sup>70</sup> «Так называемый Борогильский перевал есть не что иное, как обширное ровное джейлау», — см. 413, стр. 71. Перевал Борогиль на Востоке, как и перевал Дара на западе, называются наиболее легкими и доступными датским путешественником О. Олуфсеном [938, стр. 19]. Как писал русский офицер А. К. Разгонов, дорога из Читрала на Борогиль очень хороша. Сам перевал — это проход шириной около 5 км, покрытый отличной травой [419, стр. 110]. Даже авторы, скептически относящиеся к возможности движения через эти перевалы, делают исключение для Борогильского [626, стр. 48]. А вот свидетельство очевидца: в Читрал в 20-е годы из-за гиндукушских перевалов шел постоянный поток торговцев, которые использовали два наиболее важных перевала: Дара на северо-запад и Борогиль на северо-восток от Читрала. Но связи с севером не ограничиваются этими, сравнительно легкими перевалами [923, стр. 32]. О постоянном притоке торговцев из Вахана в Ясин через Даркотский перевал писал и в 70-х годах прошлого века И. П. Минаев [355, стр. 67].

<sup>68</sup> По английским источникам, высота озера над уровнем моря равна 13 031 футу [662, стр. 268].

<sup>69</sup> В отличие от А. Стейна автор приводит другую цифру для расстояния от оз. Чакмактинкуль до Сархада. О дороге Ташкур-ган — Сархад через Акташ см. также стр. 115—116.

ном Памире, смешавшись с местным оседлым населением, — исходный пункт этногенеза современных ваханцев, шугнанцев и других припамирских народностей относится именно к этому времени. Историю же другой части следует рассматривать в плане истории Северной Индии.

В подтверждение гипотезы о передвижении сакских племен в Северную Индию через Памир мы привели [280, стр. 5—11; 283, стр. 43—44, 47—48; 291, стр. 156—157] и другие соображения. В частности, тот факт, что в названии части мунджанцев «йидга» сохранилось название владения Гуаньду *küan-tu* (из *iwān d'uok*) [611, стр. 131], т. е. топоним названия области из Северного Припамирья, из окрестностей Ферганской долины, где, по китайским источникам, жили потомки древних саков, превратился в этноним — название небольшого народа в Северо-Восточной Индии. Это перемещение также легче всего объяснить, если предположить путь движения саков из Ферганы через Памир в Кашмир.

В этом отношении представляет также интерес ховарский язык — язык основной части населения Читрала — хо [924]<sup>71</sup>. Этот язык характеризуется, по словам Г. Моргенштерне, с одной стороны, прочным сохранением древних индо-арийских звуков, форм, слов, с другой — наличием удивительно большого количества «иностранных» элементов. Г. Гриерсон даже высказывал мнение, что ховарский в некоторых своих специфических чертах больше согласуется с «языками гальча на севере» (т. е. с памирскими) и что первоначально гомогенное дардское население Гильгита и Читрала было словно клином расколото на две части приходом с севера родственного им, но отличающегося племени — носителя ховарского языка.

Г. Моргенштерне посвятил специальное исследование иранским элементам в ховарском. Наряду с заимствованиями из новоперсидского — таджикского здесь много заимствований из среднеиранского, причем некоторые из них могли перейти из памирских языков на более ранней стадии развития. Среди этих слов — обозначения для «зеркала», «пряслища», «двери», «комнаты» и др. Из памирских языков наибольшее значение имеют заимствования из ваханского (современного и на более ранней стадии развития), причем заимствованы даже такие слова, как «ноготь», «грудь» и др.; есть немало заимствований из диалекта йидга (или его более ранней формы), в меньшей степе-

ни — сангличи и ишкашимского [924, стр. 657—665]. Хотя Г. Моргенштерне не отмечает специально сакские влияния, но и вышесказанное достаточно красноречиво.

Безусловно, во время передвижений через Гильгит и Читрал (а не только через Гильгит) какие-то группы сакского населения влились в местный языковой массив. Этим, разумеется, мы не хотим сказать, что все среднеиранские элементы в ховарском связаны с передвижениями саков. Картина, разумеется, была сложнее. В горные долины в процессе передвижений были вытеснены и другие группы населения. Чрезвычайно любопытны в этом отношении наблюдения Г. В. Бэйли о возможной связи пату и пактиев. Дело в том, что калашазычные дарды называют хо, своих соседей, именем *Patu* (пату). Г. Моргенштерне реконструировал древнюю форму этого имени как *\*partau* и связывал его со вторжением парфян, Бэйли же предпочитает реконструкцию *\*paktau* или *\*pāktaua*, причем при переходе этого слова от индо-арийских носителей их речи к иранцам оно могло видоизмениться на *\*paxtu*, из которого закономерно происходит греч. пактии и страна пактиев Геродота. При этом Г. В. Бэйли сознает, что эта лингвистическая переключка может быть и случайной, иллюзорной. Что же касается гипотезы Г. Моргенштерне, то она исторически маловероятна. Во всяком случае, ясно одно: в читральское население вливались не только северные племена, но и племена, расположенные от него на запад и юго-запад; среди них должны были быть и говорившие на среднеиранских языках (вне зависимости от спорной, языковой принадлежности пактиев).

Все вышеизложенное интересно с точки зрения характеристики сакско-читральских языковых контактов, часть из которых, быть может, следует относить к несколько более позднему времени, чем собственно саки, — к носителям «общепамирской» речи, возникшей в позднесакское время (см. ниже, стр. 194).

В событиях конца II в. до н. э. в качестве царя Ферганы китайские источники называют Мугуа [91, II, стр. 164—166; 187; 759, стр. 40; 1101, I, стр. 40]. Варианты китайского названия: *Mu-kua* (< *məu-kwa* < *\*mæg-\*(kwā)*; *Wuku* (< *mju-kuo* < *\*mjuwo-\*(ko)*; *Wu-kua* (< *mju-kwa* < *\*mjuwo-\*(kwa)*) [685, стр. 50]. Как известно, Арриан (III, 8, 3) упоминает *Μαυάκης* — предводителя среднеазиатских саков, не подчинявшихся Бессу, но являвшихся союзниками Ахеменидов. Уже Ф. Юсти сопоставил имя *Μαυάκης* с фигурирующим в надписях из Танаиса *Μεβαχος* [237, стр. 736—737

<sup>71</sup> Изученность этого района и его населения охарактеризованы в работе 825, стр. 88—89.

(№ 1245), 769—771 (№ 1280)], но Л. Згуста относится к этому сопоставлению с сомнением [1109, стр. 118, см. также 685, стр. 50; 1076, стр. 44]. П. Даффина также указал на сходство этого имени с древнеперсидским *Vahauka* в эламской транскрипции — *ma-u-uk-ka*, что весьма напоминает греческую и китайскую форму [685, стр. 50, прим. 11; 845, стр. 207]. Единственную известную мне этимологию предложил В. И. Абаев: от древнеиранской основы *maiva* — «действие», «занятие», «работа», осетинское *mewæ*. По В. И. Абаеву танаисское имя *Μευάκος* расшифровывается как *mew* + суффикс *ak* [2, стр. 171], причем имя сакского предводителя фонетически даже ближе к древнеиранской основе.

Во всяком случае, сходство имен предводителя среднеазиатских саков IV в. до н. э. и имени ферганского правителя конца II в. н. э. не подлежат никакому сомнению. Добавим, что первым известным индо-сакским правителем был тот, чье имя на монетах читается в греческих надписях *ΜΑΓΟΓ*, в надписях кхарошти — *MOASA*. Считается, что имя этого царя Мауес, быть может, идентично с именем Махараджи *Moga* на таксильской медной пластинке с надписью на кхарошти, датированной 78 г. неизвестной эры. Следует также упомянуть, что в надписи на «львиной капители» из Матхуры фигурирует *Mevaki Miṣika*. Вопрос о датировке, соотношении и принадлежности этих памятников многократно обсуждался в научной литературе. Для нас существенно в данной связи лишь одно: большинство ученых считают эти имена сакскими, а некоторые непосредственно связывают с движением саков из Ферганы (что, на наш взгляд, не может быть доказано).

Тождественность имен ферганского царя и индо-сакского правителя Мауеса бесспорна. Как указывают нумизматы, монеты Мауеса находят только в Пенджабе, преимущественно в северо-западной части его; в Афганистане они очень редки [977, стр. 125; 1093, стр. 91].

На основании топографии находок и признания сходства этих монет с поздними греко-бактрийскими П. Гарднер высказал такую точку зрения о Мауесе: «Мы должны предположить, что он правил какими-то скифскими завоевателями, которые вошли в Индию не через долину Кабула, но прошли через Кашмир или Непал, в то время как страна к западу от Пешавара управлялась греческими царями. Существуют перевалы между Кашмиром и Яркендом, но они мало используются, хотя утверждают, что каракурумский перевал открыт круглогодично; торговля между

Индией и Яркендом по этой дороге в последние годы резко выросла... Кажется вероятным, что во время завоевания Бактрии... юэчжами... около 130 г. до н. э., одно племя этого народа, или какая-то другая скифская орда прошла на юг сквозь Кашмир или Непал. После некоторого усвоения греческой культуры и обучения греческому языку, во время упадка греческого могущества после Менандра, они успешно основали царство на восток от Инда, в котором Мауес был первым правителем» [735, стр. XL—XLI].

Из современных ученых к такой точке зрения — о непосредственной связи Мауеса если не с самим Му-куа, то с саками, прошедшими через Фергану или происходящими из Ферганы, — склоняется А. К. Нарайн [929, стр. 142]. Доказать это, разумеется, невозможно, ибо такое имя могло быть очень широко распространено у среднеазиатских саков — и не только ферганских. Однако и этот факт в общей связи небезынтересен как дополнительный, хотя и не бесспорный, штрих.

Наконец, анализ археологических комплексов из раскопок показывает, что значительная часть их датируется временем не позже II в. до н. э. С конца II и I вв. до н. э. заселенность Восточного Памира значительно уменьшилась. Это является важным свидетельством, что движение сэйцев на юг проходило через Памир, причем этим движением были увлечены в Северную Индию и жившие на Памире кочевые племена. Разумеется, это не создало полного вакуума — некоторое население продолжало здесь оставаться, причем оно находилось в тесных связях с Северной Индией, происходили дополнительные передвижения и т. д. В свете этих данных появление столь аналогичных бронзовых котелков на Аличуре и в Гильгите не только находит свое объяснение, но и является немаловажным свидетельством этих связей.

Разумеется, и в дальнейшем Восточный Памир оставался важным узлом коммуникаций. К тому же он еще раз, быть может, служил ареной передвижений, почти через полтысячелетия после вышеописанных событий.

Итак, памирско-сакские племена вместе с другими прошедшими через Памир и Припамирье племенами участвовали в штурме Греко-Бактрии. Это был один из нескольких потоков кочевников, которые устремились к центрам Бактрии и Северной Индии, одна из составных частей крайне сложной и запутанной картины набегов и военных столкновений, миграций больших масс кочевников и их оседания.

Особую проблему, которая выходит за рамки нашего исследования, представляет роль сакского пласта в этнической и культурной истории народов Средней Азии, Восточного Туркестана, Афганистана и Северной Индии. Если в этногенезе памирских народностей саки составляют один из компонентов субстратного слоя<sup>72</sup>, то в формировании других среднеазиатских народов древнее сакское население также сыграло значительную роль.

У истоков среднеазиатского эпоса мы находим сакский эпос. Величайший из эпических героев иранских народов — Rōtastahm из Забула, прозванный Sagčik — «из саков». В «Шах-наме» Фирдоуси — это Рустами Сагзи [615, стр. 2; 619, стр. 69], это тот самый Рустам, имя которого у таджиков и иранцев является синонимом героя. В языки среднеазиатских раннесредневековых народностей

<sup>72</sup> Языки памирских народностей по лингвистической классификации относятся к числу восточноиранских. Язык среднеазиатских саков, судя по известным лингвистическим материалам, также был восточноиранским (в древнем состоянии), близким языку европейских скифов. Благодаря находкам рукописей VI—X вв. н. э. известно, каковы были языки раннесредневековых потомков сакского населения Восточного Туркестана (уже в среднеиранском состоянии). Эти языки, известные как хотанско-сакский и тумшукско-сакский, имеют много специфически общего с памирскими, особенно с ваханским [122а; 261; 611; 619; 620; 851, 856, 857; 871; 892; стр. 406—406, 426—427; 925, стр. 433—435]. Примерно 1300—1400 лет назад существовало шугнано-язгулемское единство (позже распавшееся). Еще к более ранней эпохе следует отнести общепамирское состояние, от которого позже наряду с шугнано-язгулемским выделились ваханский, ишкашимский, мунджанский [486, стр. 120—125]. И если язгулемо-шугнанская общность существовала до V—VI вв. н. э., возможно, что общепамирская языковая общность существовала в сакское или близкое к нему время.

Как показывает могильник Чиль-хона, сакские племена проникли и на Западный Памир. Вполне вероятно, что в Бадахшане (особенно левобережном) существовала обширная группировка сакских племен, родственных восточнопамирским. На это указывают и некоторые топонимические данные. Во время передвижений, охарактеризованных выше, восточнопамирские и западнопамирские кочевые и оседлые племена должны были образовать сложный конгломерат, легший в основу современных западных памирцев. В этот сложный этнический комплекс должны были вливаться в древности и юэчжийско-кушанские элементы, а позже — эфталиты и в какой-то степени — тюрки. Не являлась абсолютно замкнутой эта область и позже — в средние века и новое время.

Эта сущность этнических процессов несколько недоучитывается Ю. Г. Рычковым в его интереснейшем исследовании по антропологии Памира. Я не сомневаюсь, что все сложные генетические процессы, о которых он пишет [455], действительно имели место, но памирские народности вопреки его мнению не являлись «изолятами» в чистом виде, и наряду с имманентными процессами в памирских популяциях протекали и процессы метисзации, в частности с длинноголовыми восточнопамирскими племенами.

(например, согдийский [6, стр. 114; 783, стр. 245]) и современных народов вошла сакская лексика. Очень велик вклад сакских племен и в историю искусства («звериный стиль»), материальной культуры и военного дела Средней Азии [304].

Советские и зарубежные, в том числе индийские, исследователи показали, сколь важную роль сыграло переселение саков в Индию: начиная от этноса и языка, ибо в буддийском санскрите выявлен целый пласт лексики, введенной «индо-скифами» [548, стр. 160; 607, стр. 13—30], и кончая искусством и военным делом [287, стр. 156—157], религией [297, стр. 95—96] и т. д.

Еще предстоит исследовать вопрос о социальном и общественном строе среднеазиатских саков. Нам приходилось высказывать свое мнение о социальном строе заяксартских саков [281]. Основываясь на скудных в этом отношении данных письменных источников и археологических материалах (особенно красноречивы происходящие из Семиречья и Приаралья), можно думать, что многие сакские племена находились на заре классового общества [475, стр. 125—127]. О конкретных чертах их социального строя нам известно ничтожно мало, как, впрочем, и о социальном строе Средней Азии в целом<sup>73</sup>. Поэтому чрезвычайно важный вопрос о влиянии юэчжийско-сакского завоевания оседлых областей в социально-экономическом плане пока даже не может быть поставлен, если иметь в виду не абстрактные рассуждения, а конкретные факты. Несколько иначе обстоит дело для Северной Индии, но и там основная работа еще впереди. Итак, саки и сакская культура играли важную роль в истории Средней Азии, Ирана, Афганистана и Индии.

От Кашмира и Хотана до Мемфиса и Фермопил прошли сакские дружины, удивляя современников своим воинским искусством и поразительным мужеством. Изучая историю среднеазиатских саков, вспоминаешь написанные в 1692 г. Андреем Лызловым слова о европейских скифах: «никогда побеждены бывали, но всюду они побеждаху» [309, стр. 8].

И конечно, саки не только в Средней Азии и Северной Индии, но и во всем обширном регионе Ближнего и Среднего Востока оставили определенный след, который отнюдь не ограничивался областью военного дела. Саки-поселенцы и саки-рабы участвовали в создании экономического базиса ахеменидского государства, сакская культура — один из важных компонентов культуры древнего Востока.

<sup>73</sup> О наших взглядах по этому вопросу см. 289.



## ТАБЛИЦЫ

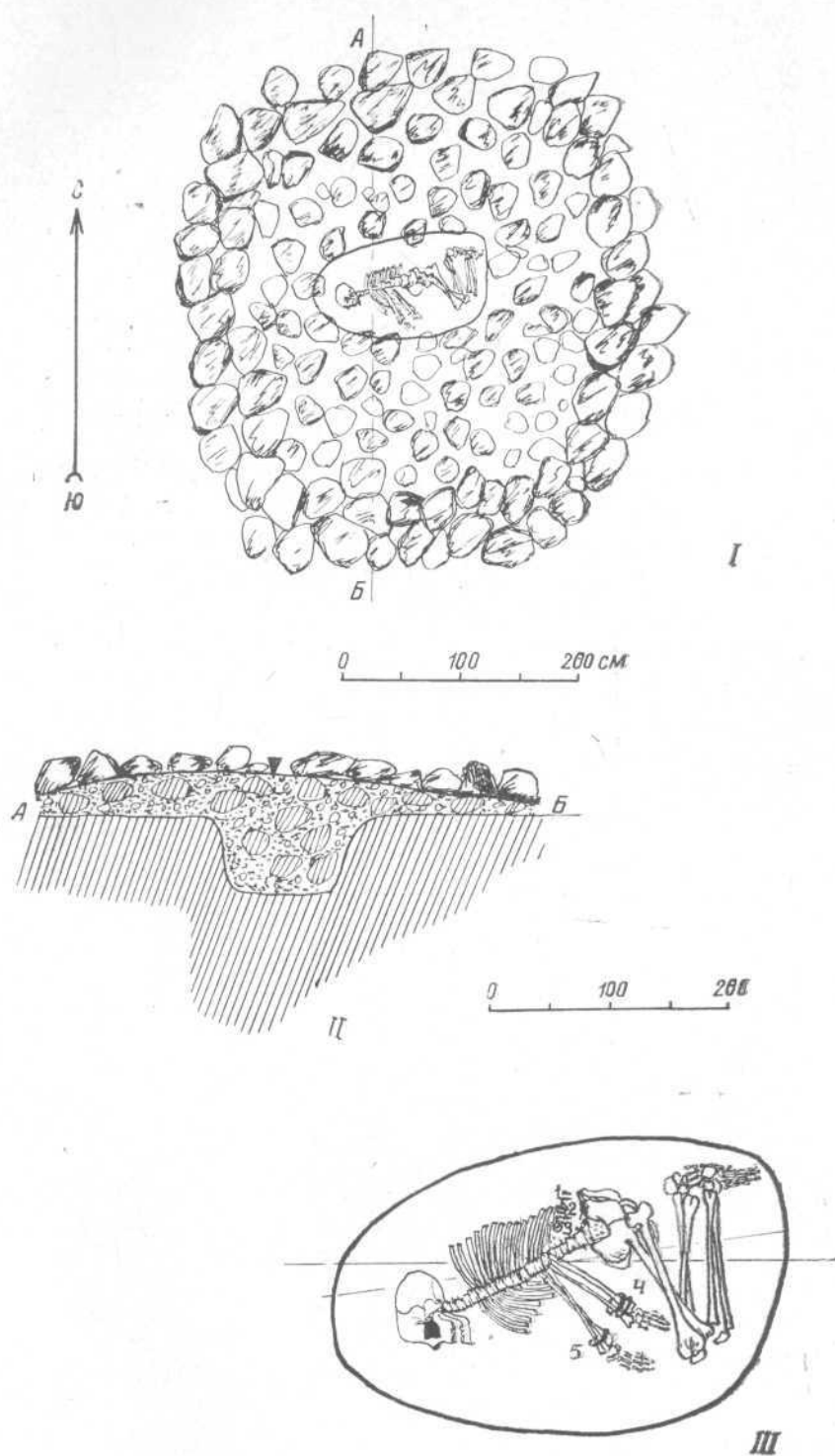


Табл. 48. Айдынкуль Г, к. 4.

III: 1 — наконечники стрел бронз.; 2, 3 — «брелок» бронз.-жел.; 4, 5 — браслеты жел.

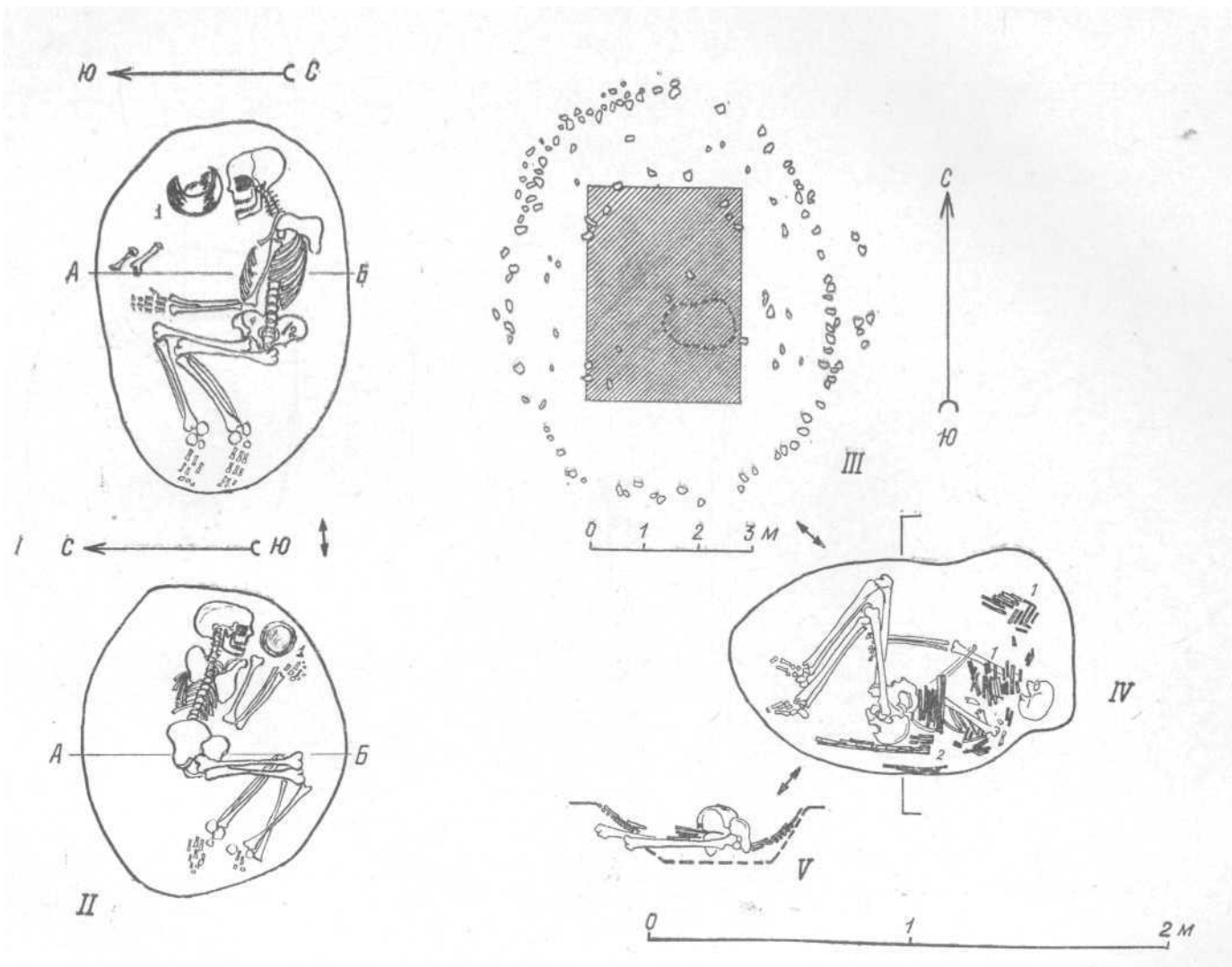


Табл. 49. Акбеит.

I, II — к. 45; III—V — к. 26.

I (верхн. захоронение): 1 — сосуд глин.; 2 — нож жел.; II (нижн. захоронение): 1 — сосуд глин.; IV: 1 — накат; 2 — приспособление для добывания огня.

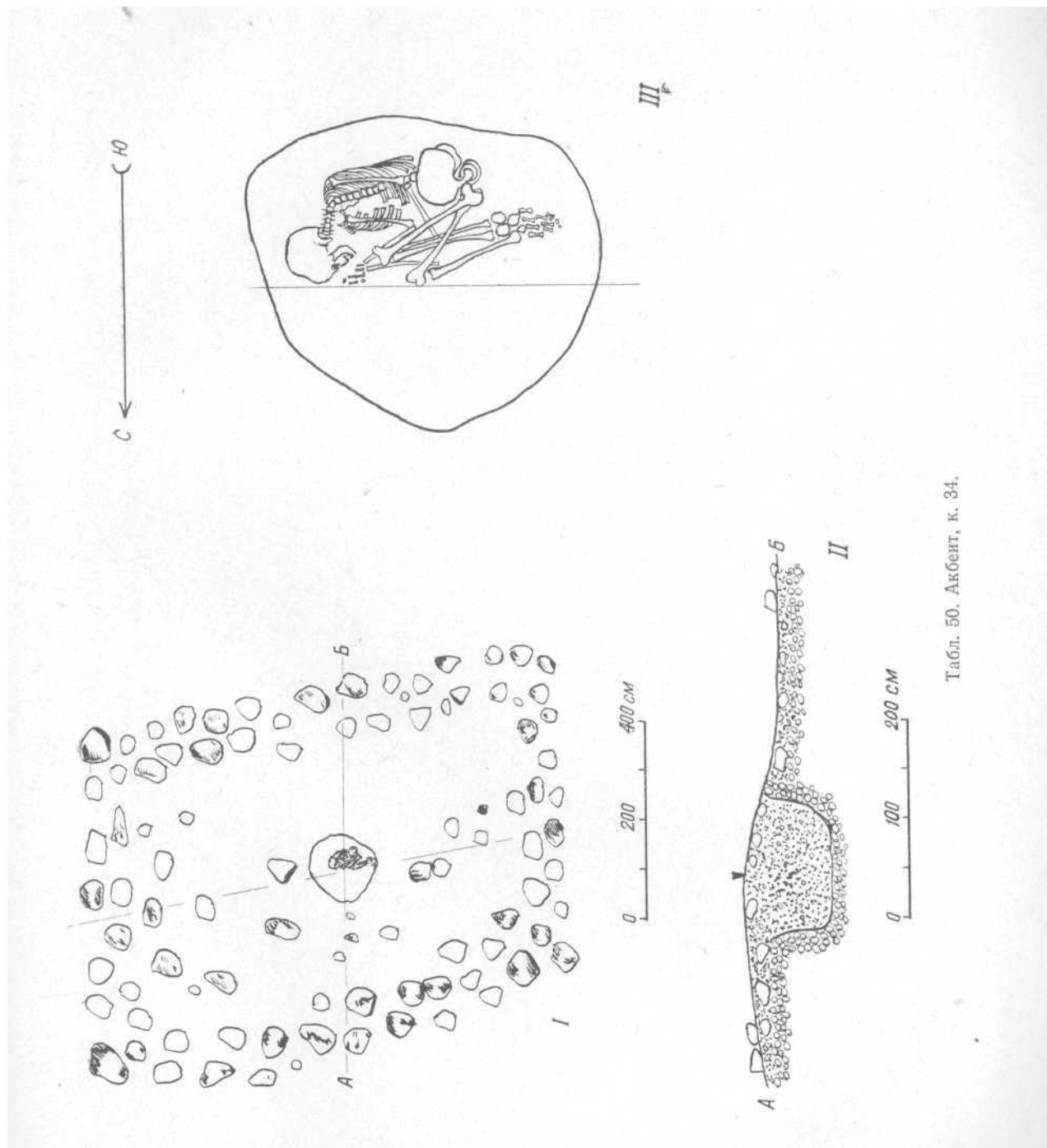
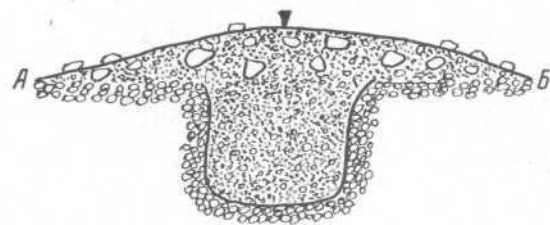
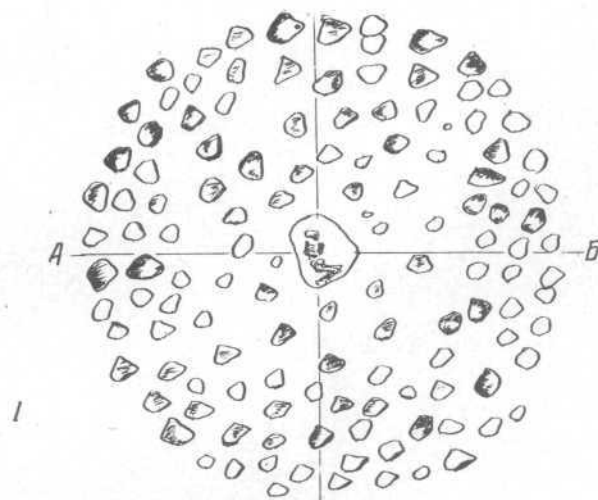


Табл. 50. Акбент, к. 34.





0 100 200 см

С ← СЮ



Табл. 52. Акбеит, к. 96.

III: / — сосуд глин.; 2 — фр. жел.; 3—5 — украшения бронз.; 6 — акинак; 7 — поделка кост.; S — оселок.

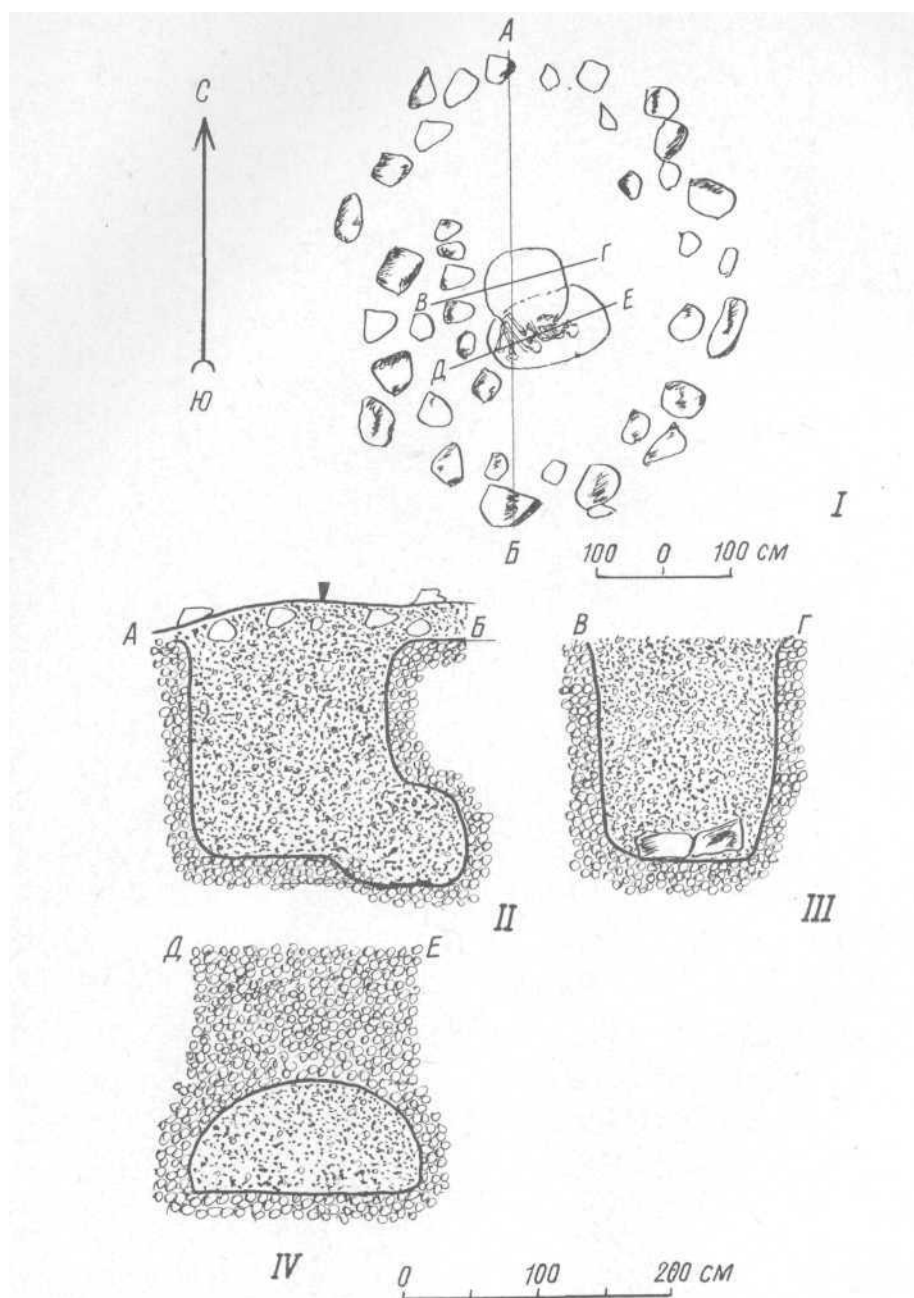


Табл. 53. Аличур I, к. 1.

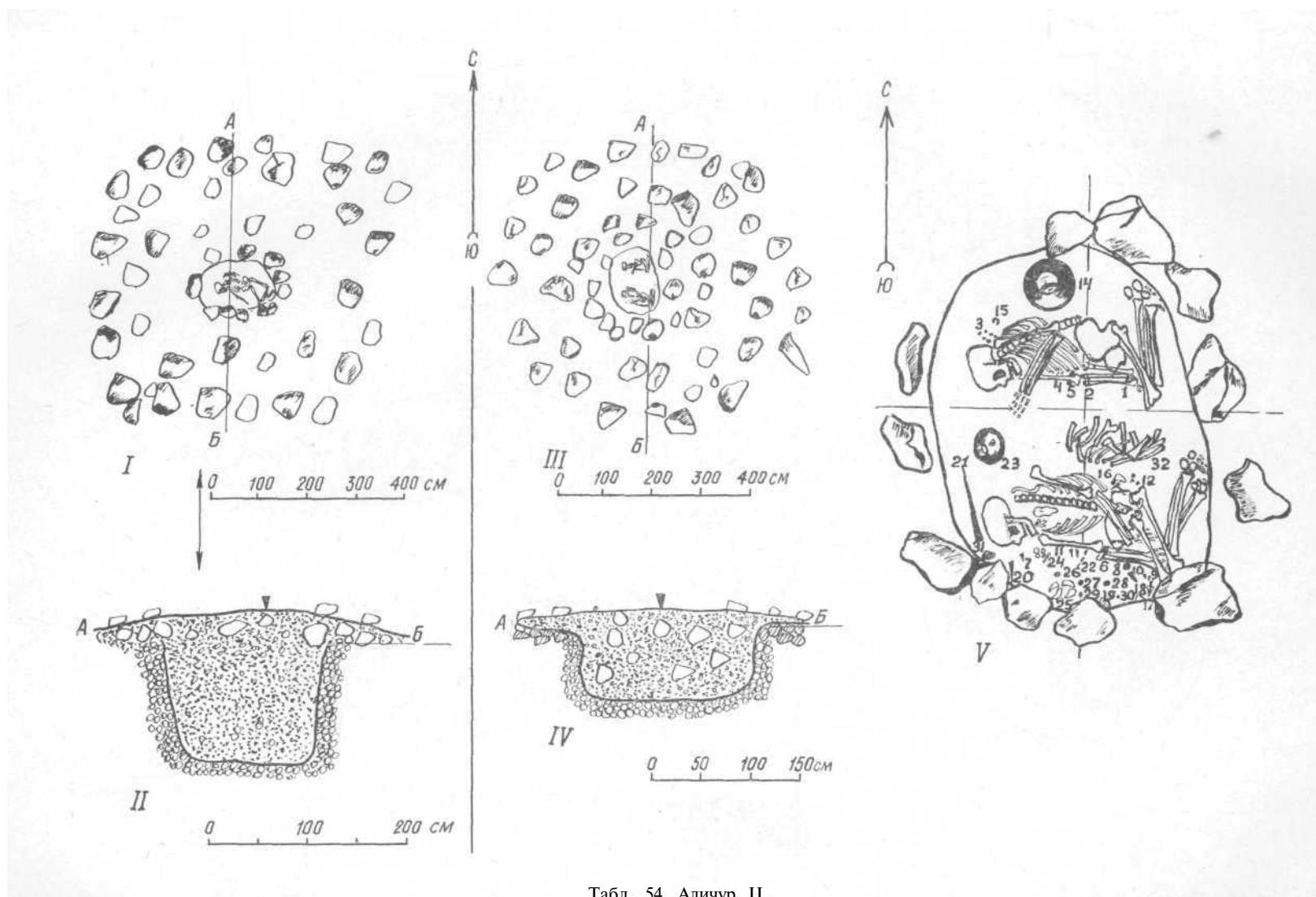


Табл. 54. Аличур II.

1, II — к. 2; III—V — к. 3 V: 1, 6 — браслет жел., 2 — браслет бронз., 3—4 — бусы, 5, 16, 17 — жел. изделия, фр., 7 — шило (?) жел., 8, 26, 28, 30 — бляха бронз., 9, 11 — наконечники стрел жел., 10, 18 — нож жел., 12 — крючок жел., 13 — трубочка костяная, 14 — сосуд глин., 15 — кольцо височное бронз., 19 — рукоять дерев., 20 — клевец жел., 21 — кинжал жел., 22 — браслет стекл., 23 — котелок бронз., 24 — удила и пса́ли жел., 25 — чаша бронз., 27, 29 — пряжки бронз., 31 — пластина жел., 32 — кости барана.



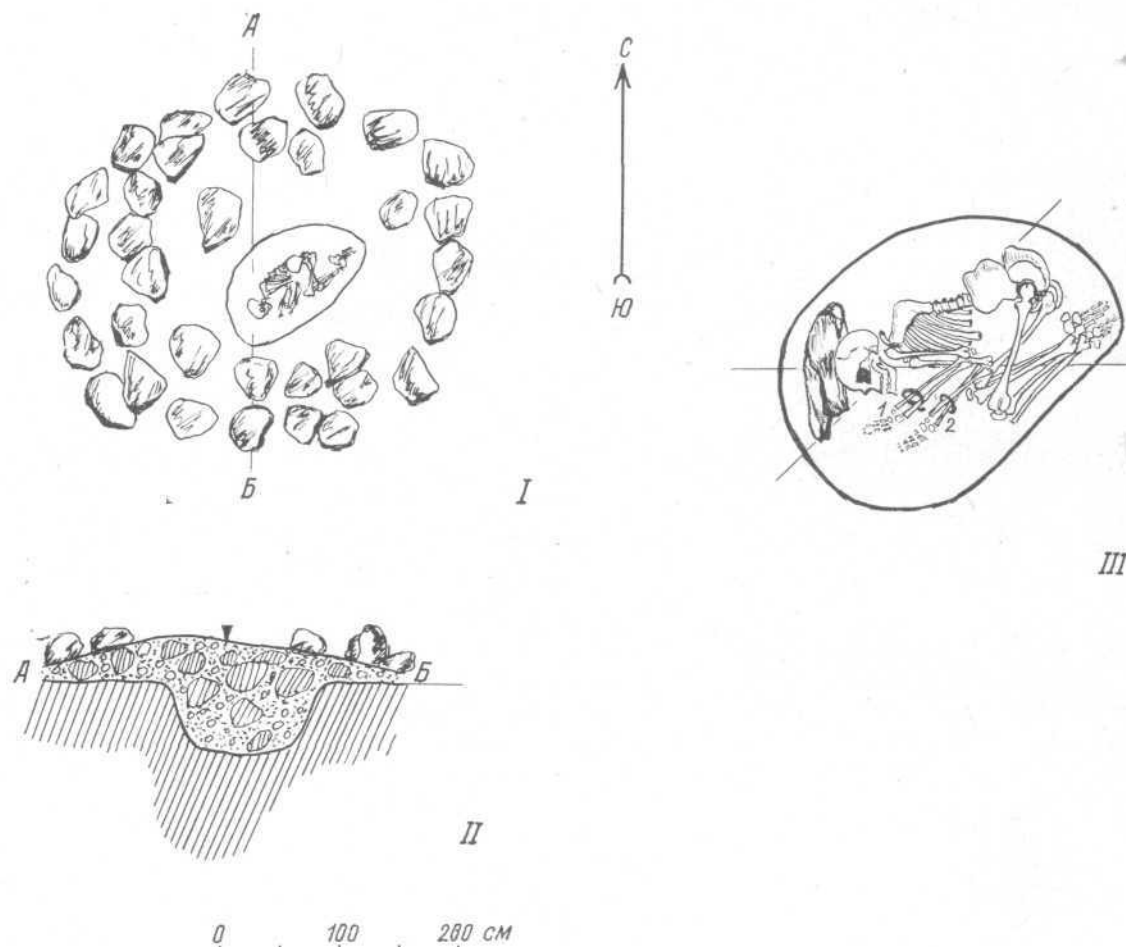


Табл. 55. Андемин, к. 1.

III: / 2 — браслеты жел.

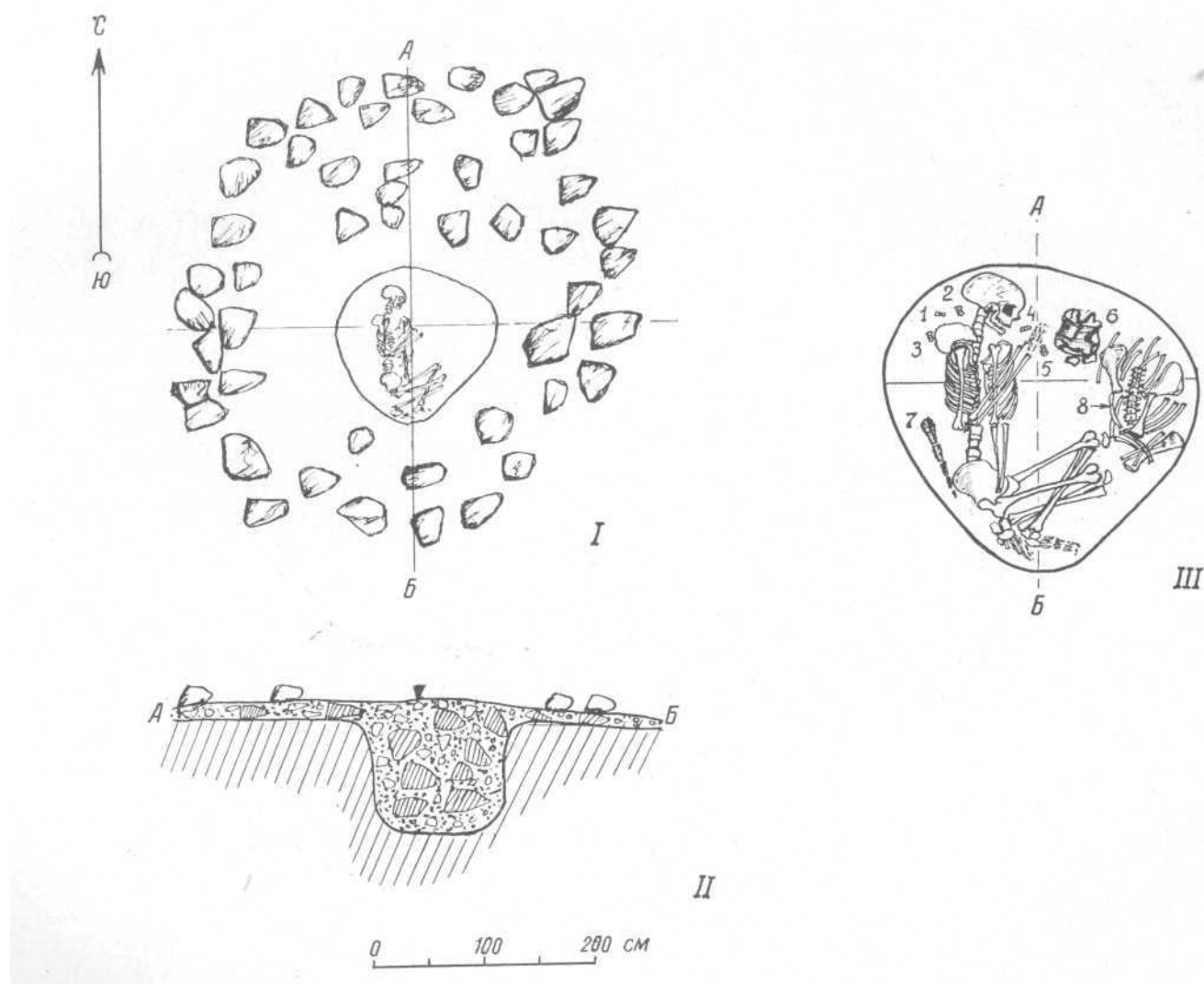


Табл. 56. Андемин, к. 4.

III: 1—5 — подвески из створок раковин, 6 — сосуд глин., 7 — нож жел. фрагм., 8 — кости барана.

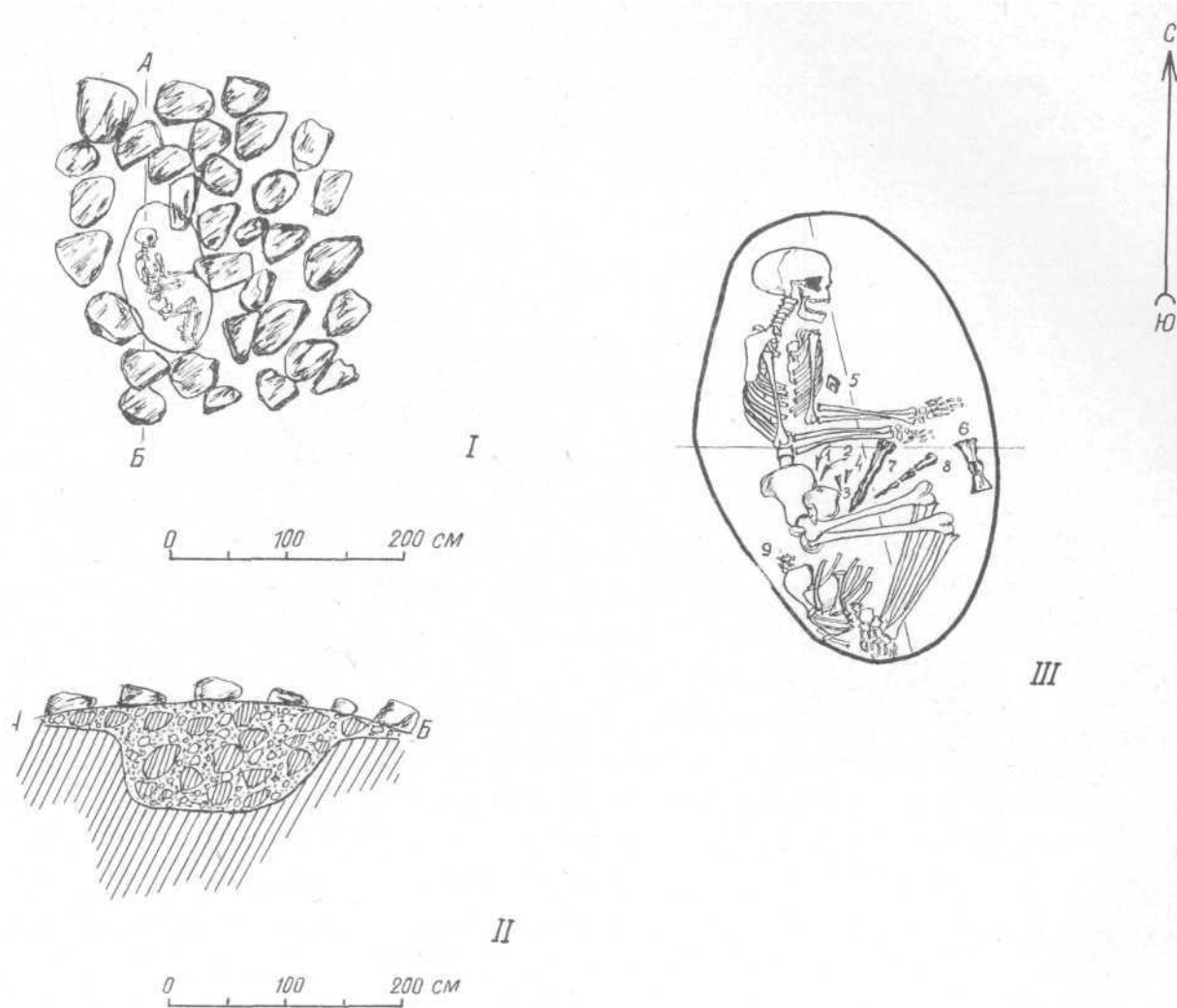


Табл. 57. Андемин I, к. I.

III: 1—2—наконечники стрел дерев., 3—4 — наконечники стрел бронз., 5 — раковина-подвеска, 6 — клевец жел., 7—нож или кинжал жел., 8—нож жел., 9—бараньи кости.

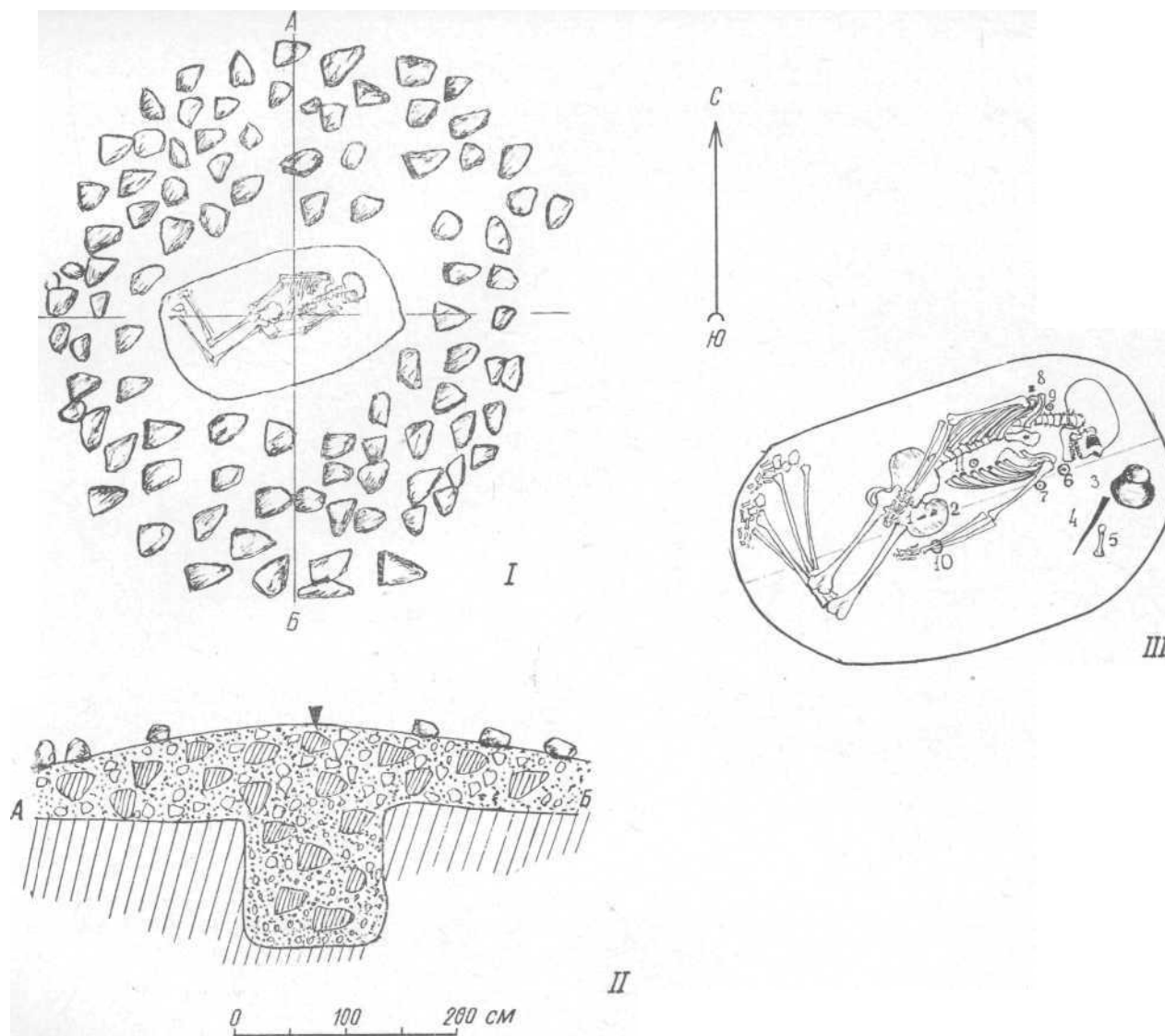


Табл. 58. Андемин I, к. 3.

III /, 2 — наконечники стрелы бронз., 3 — сосуд глин., 4 — наконечник дротика жел., 5 — оселок, 6—9 — створки раковин. 10 — браслет бронз.

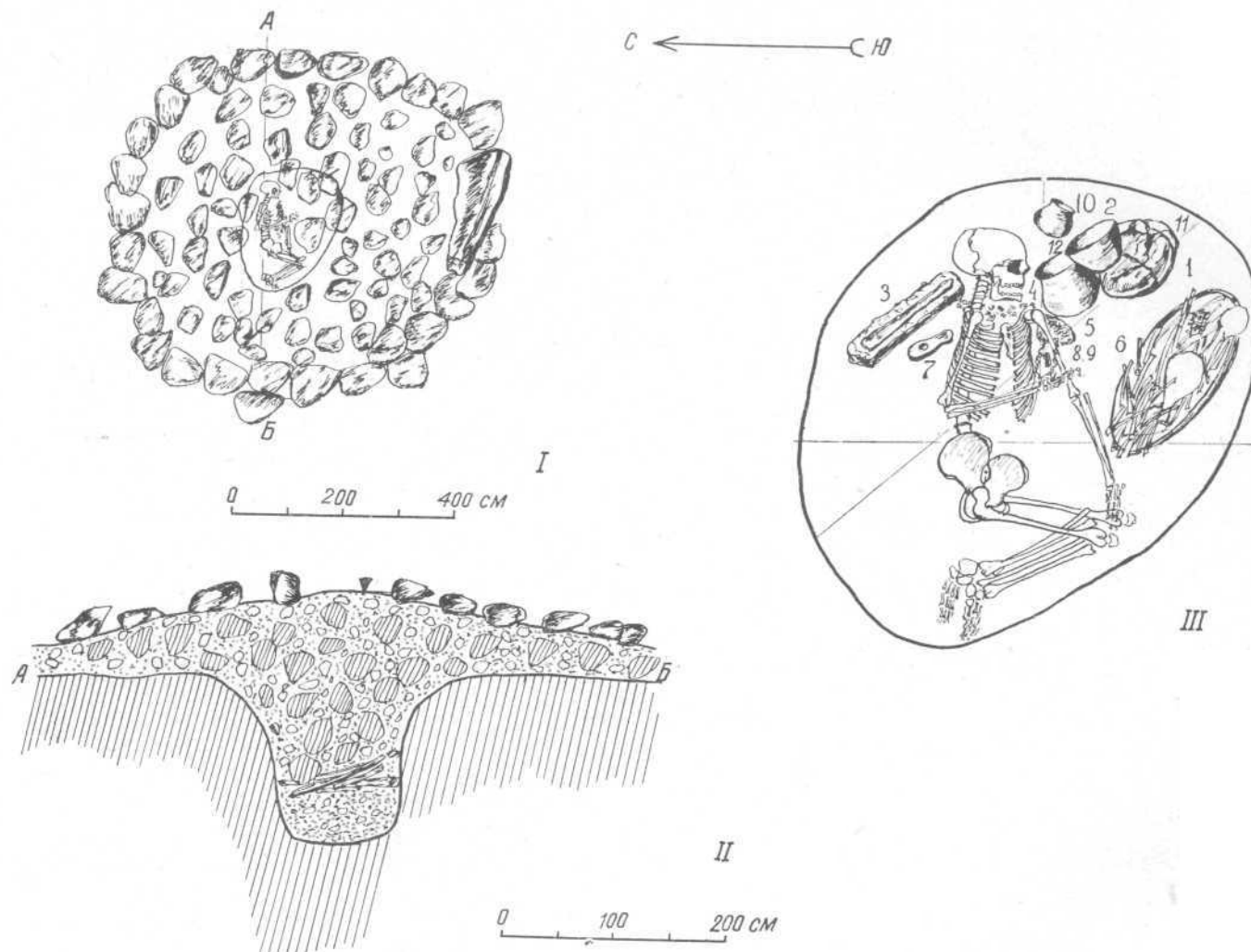


Табл. 59. Жарты-Гумбез I, к. 1.

III: / — блюдо дерев.. 2 — сосуд бронз., 3 — кинжал жел., 4 — бусы каменные, 5 — изделие кожаное. 6 — бараньи кости. 7 — оселок  
8—9 — шнурки кожаные. 10 — сосуд глин., 11 — сосуд дерев., 12 — сосуд глин.

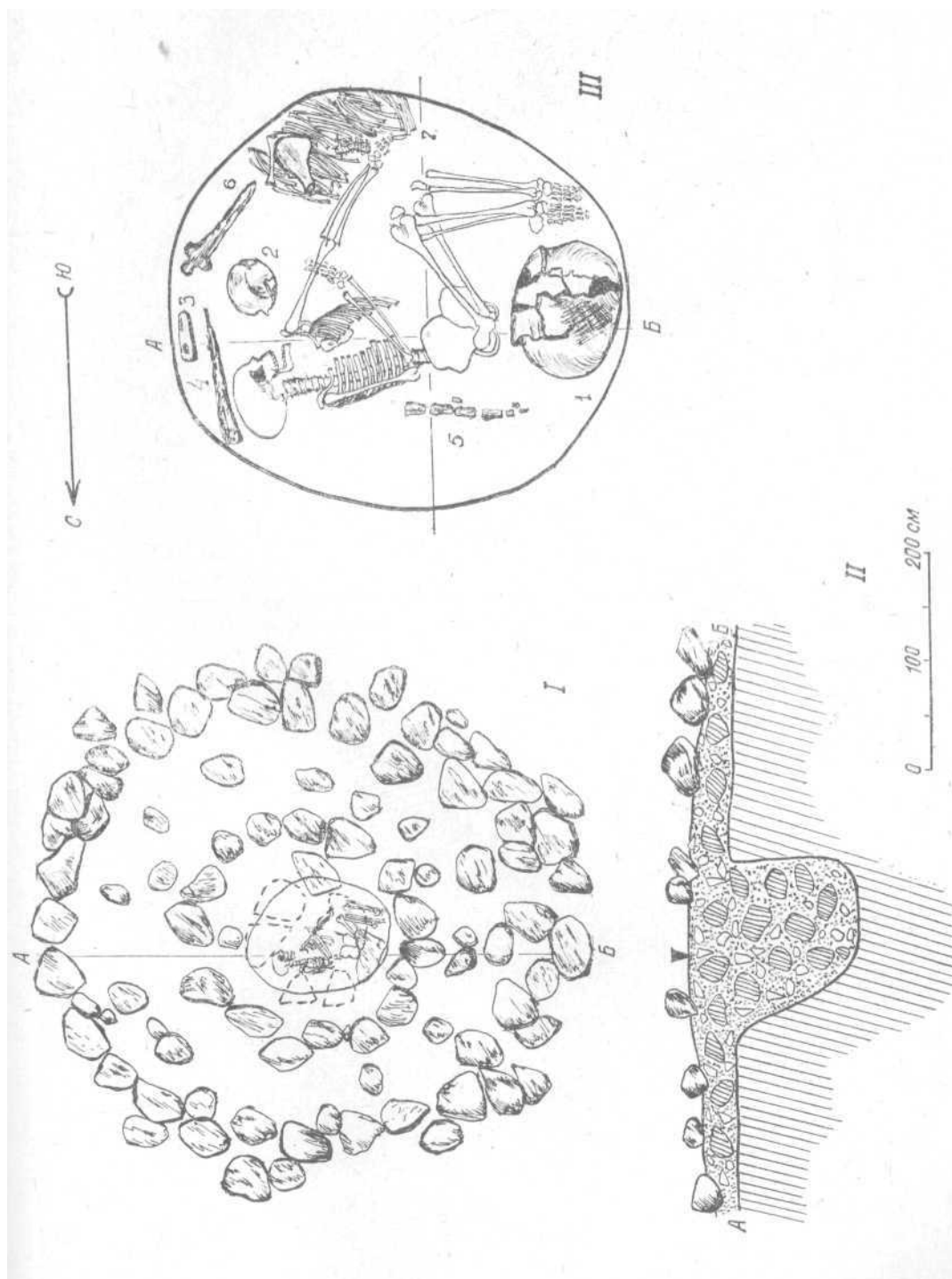


Табл. 60. Жаргы-Гумбез II, к. I.

III: 1-2 — сосуды глинян., 3 — оселок, 4-6 — кинжалы и ножи жел., 7 — кости барана.

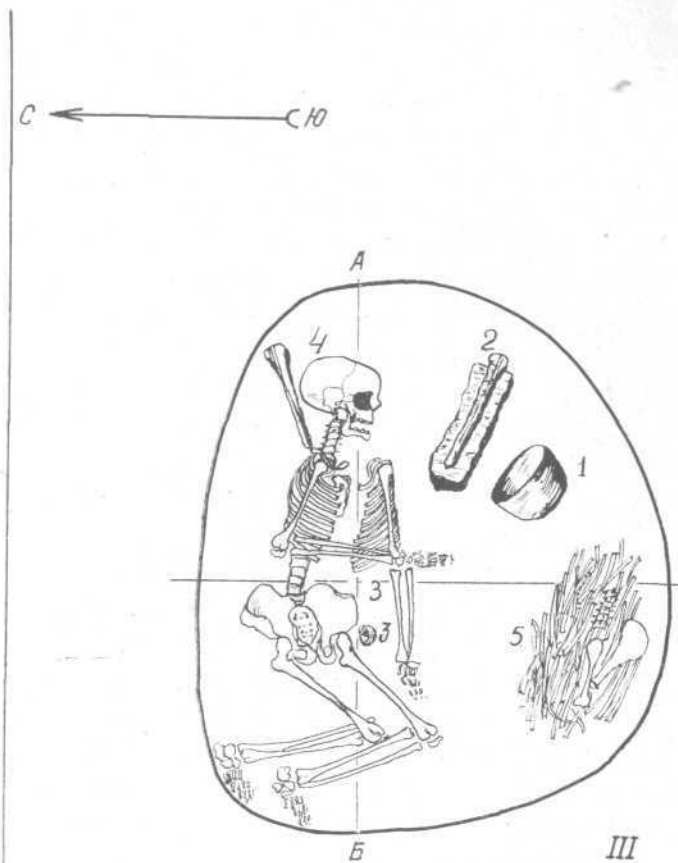
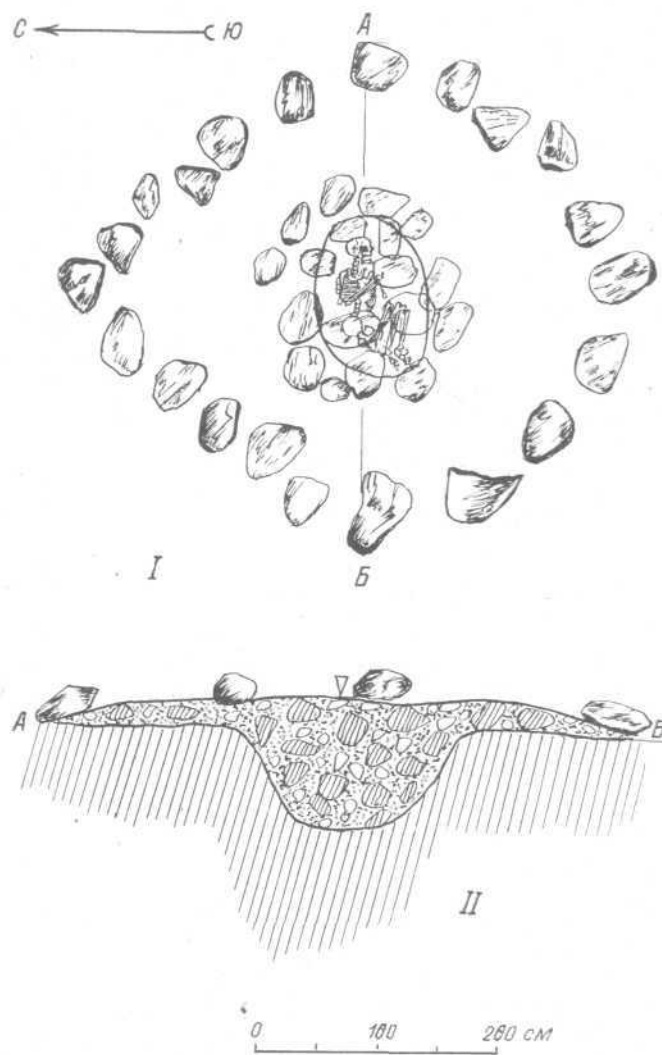


Табл. 61. Жарты-Гумбез III, к. 1 (I, II), Жарты-Гумбез II, к. 4 (III).  
 III: / — чаша бронз., 2 — нож жел., 3 — бляха бронз., 4 — дощечка дерев., 5 — кости барана.

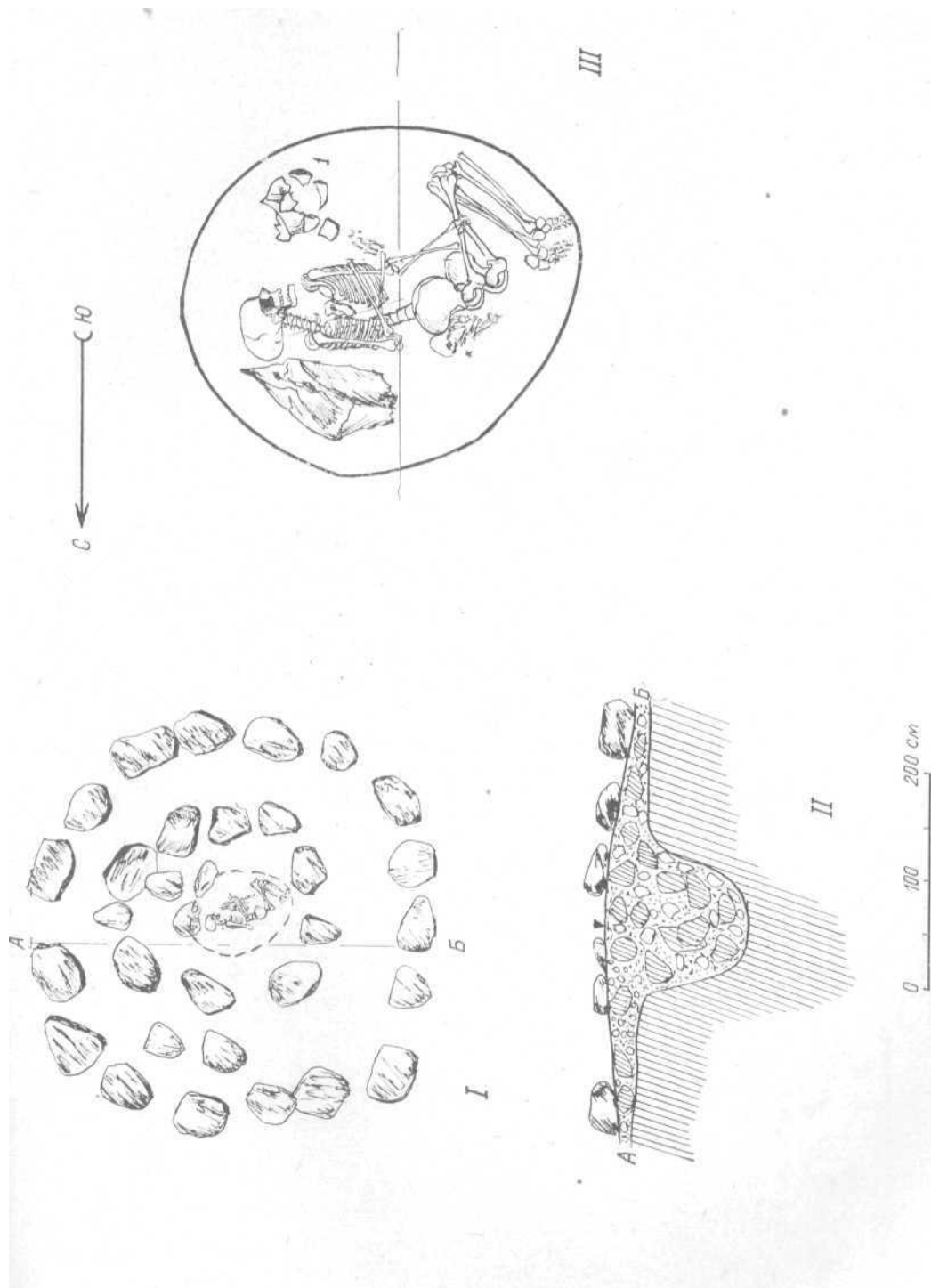


Табл. 62. Жары-Гумбез III, к. 2.  
III: / — фр, сосуда глин.



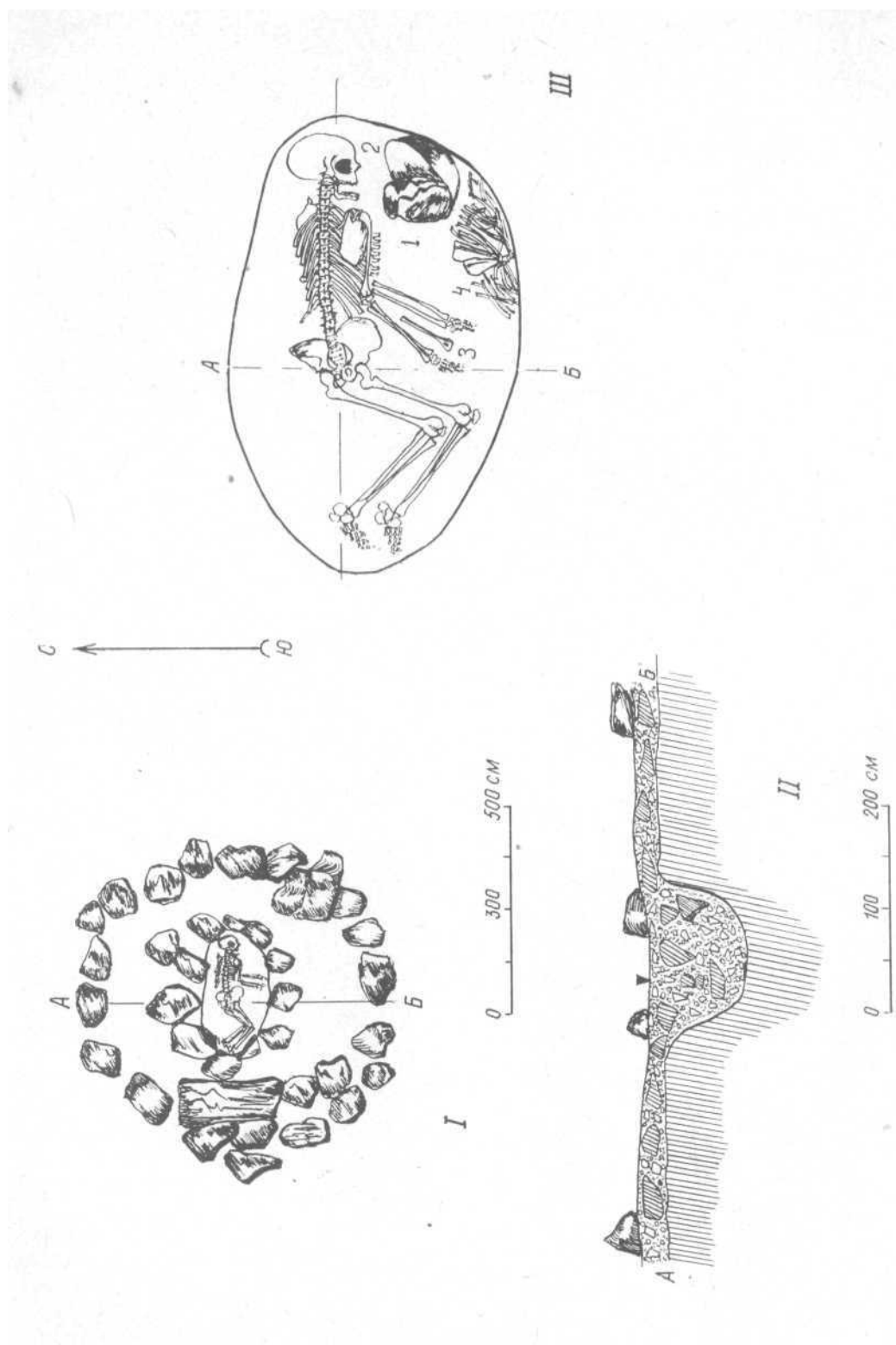


Табл. 63. Жарты-Гумбез III, к. 4.  
III: 1—2 — фр. сосуда глин., 3—4 — кости барана.

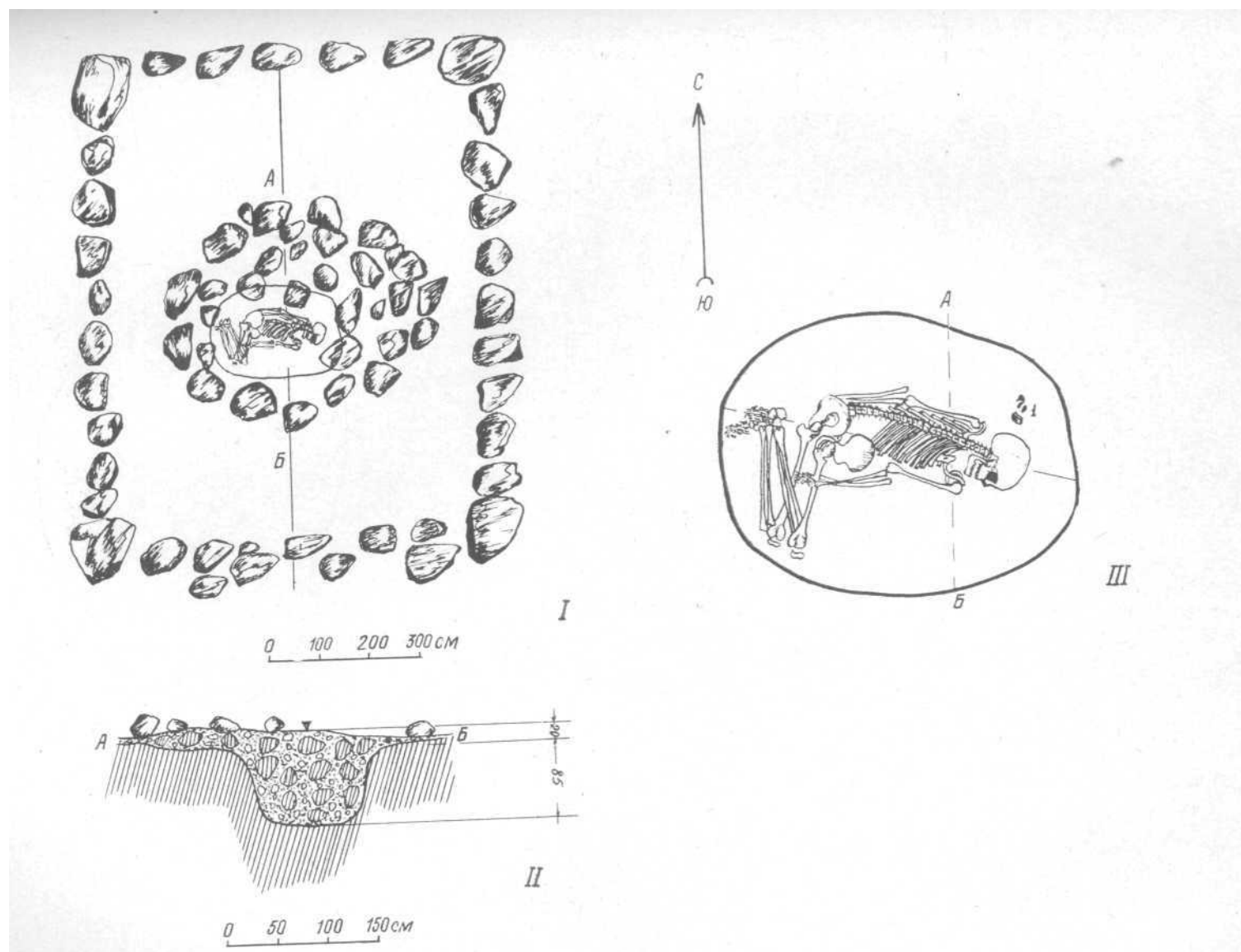


Табл 64 Жаргы-Гумбез IV, к. 1. III: I— фр. керамики.

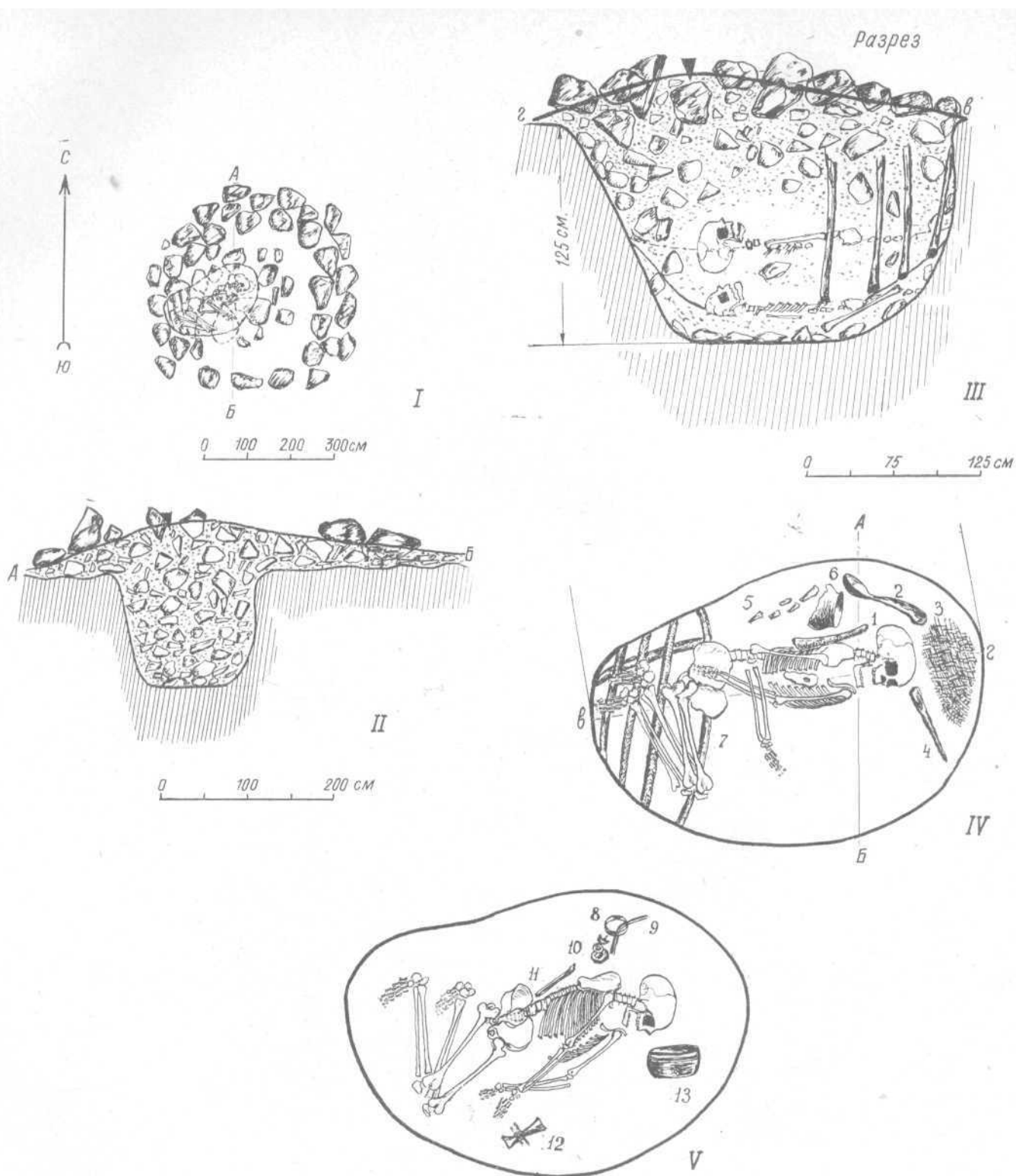


Табл. 65. Истык, к. 1.

IV (верхн. захоронение): 1 — гребень дерев., 2 — ложка дерев., 3 — плетенка, 4 — нож жел., 5 — трубка жел., 6 — сосуд глин., 7 — палка дерев.; V (нижн. захоронение): 8 — кольцо жел., 9 — крючок жел., 10 — пуговица (?) жел., 11 — кольцо жел., овальное, 12 — клевец жел., 13 — сосуд дерев.

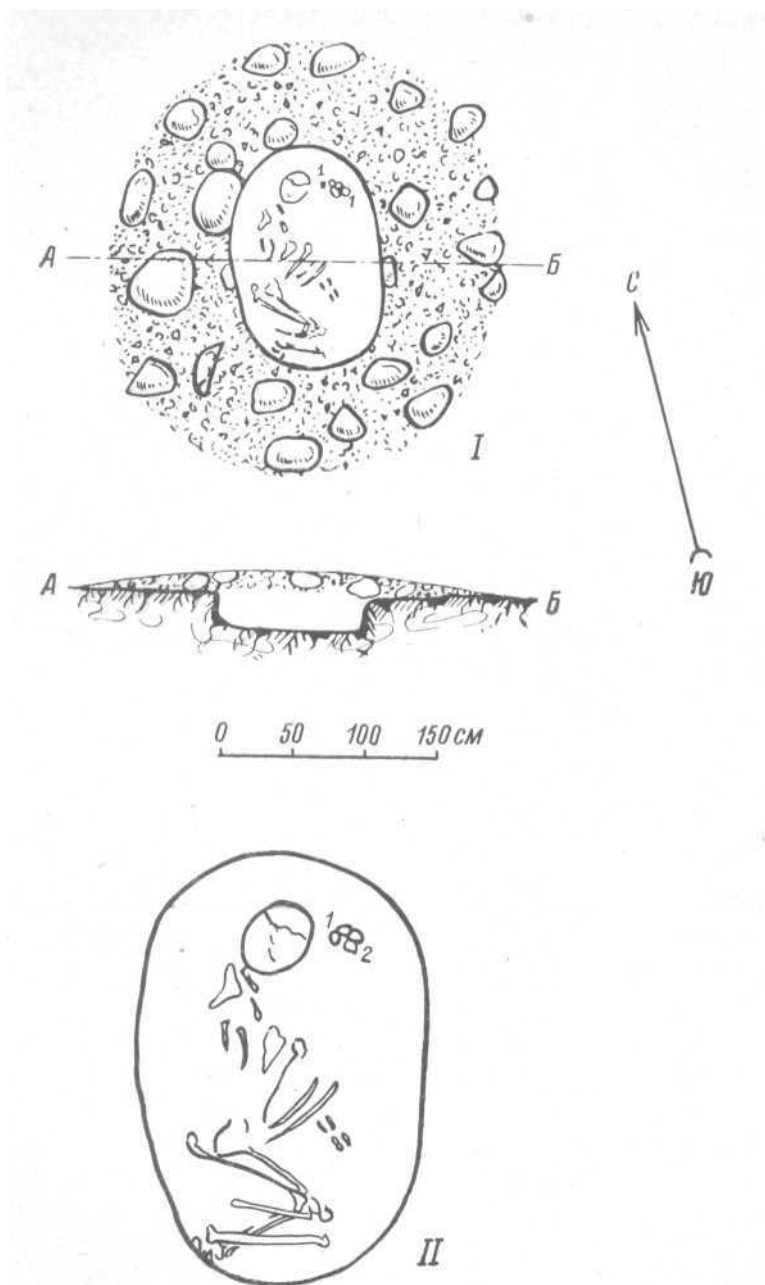


Табл. 66. Кзыл-Рабат, к. 1.  
II: / — сосуд глин., 2 — косточка.

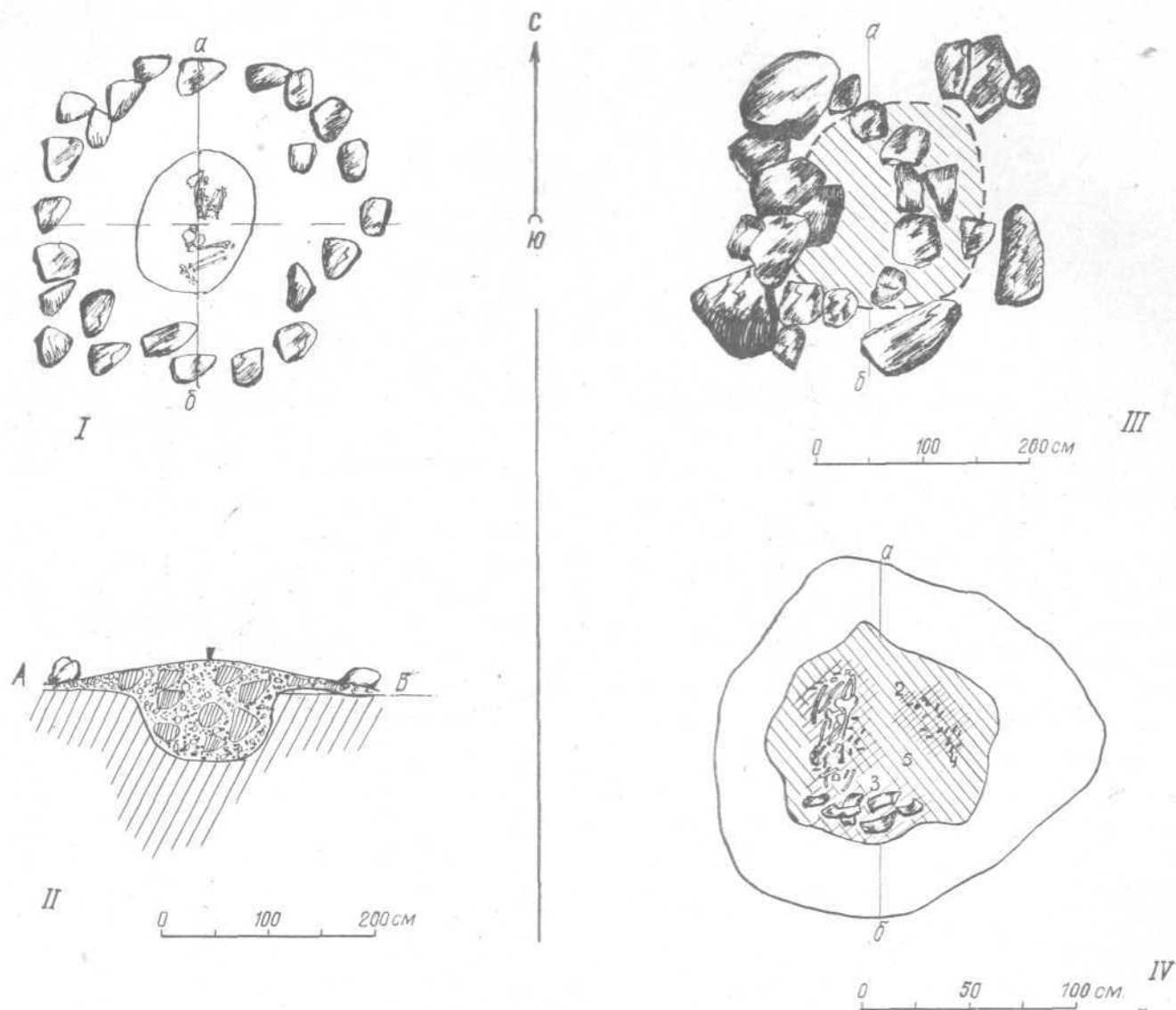


Табл. 67. Койджилга, к. 5 (I, II); Кокуйбель, к. I (III, IV).

IV: / — кости ребенка, 2 — интенсивное жженое пятно, 3 — фр. керамики, 4 — угольки, 5 — поле обожжения.

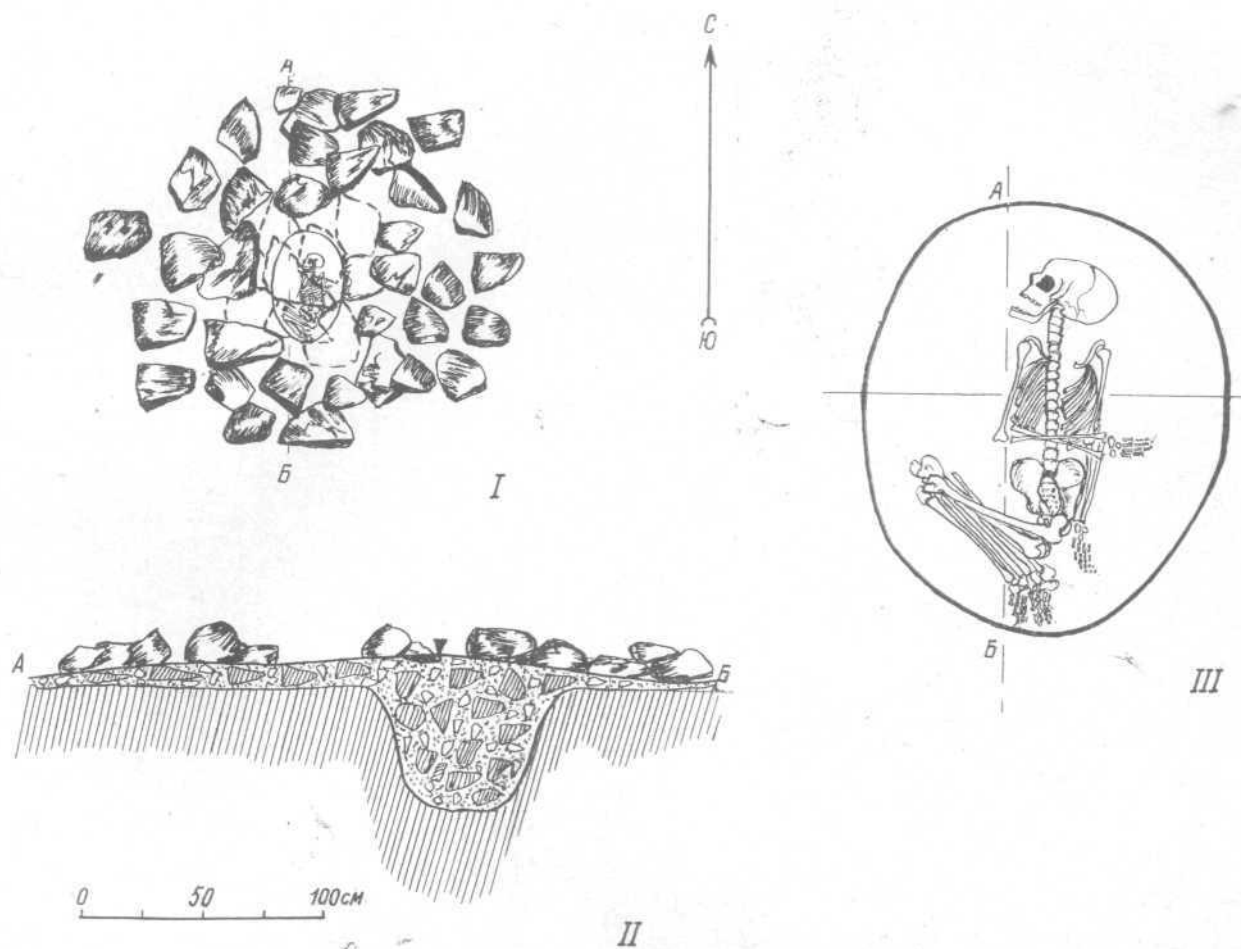
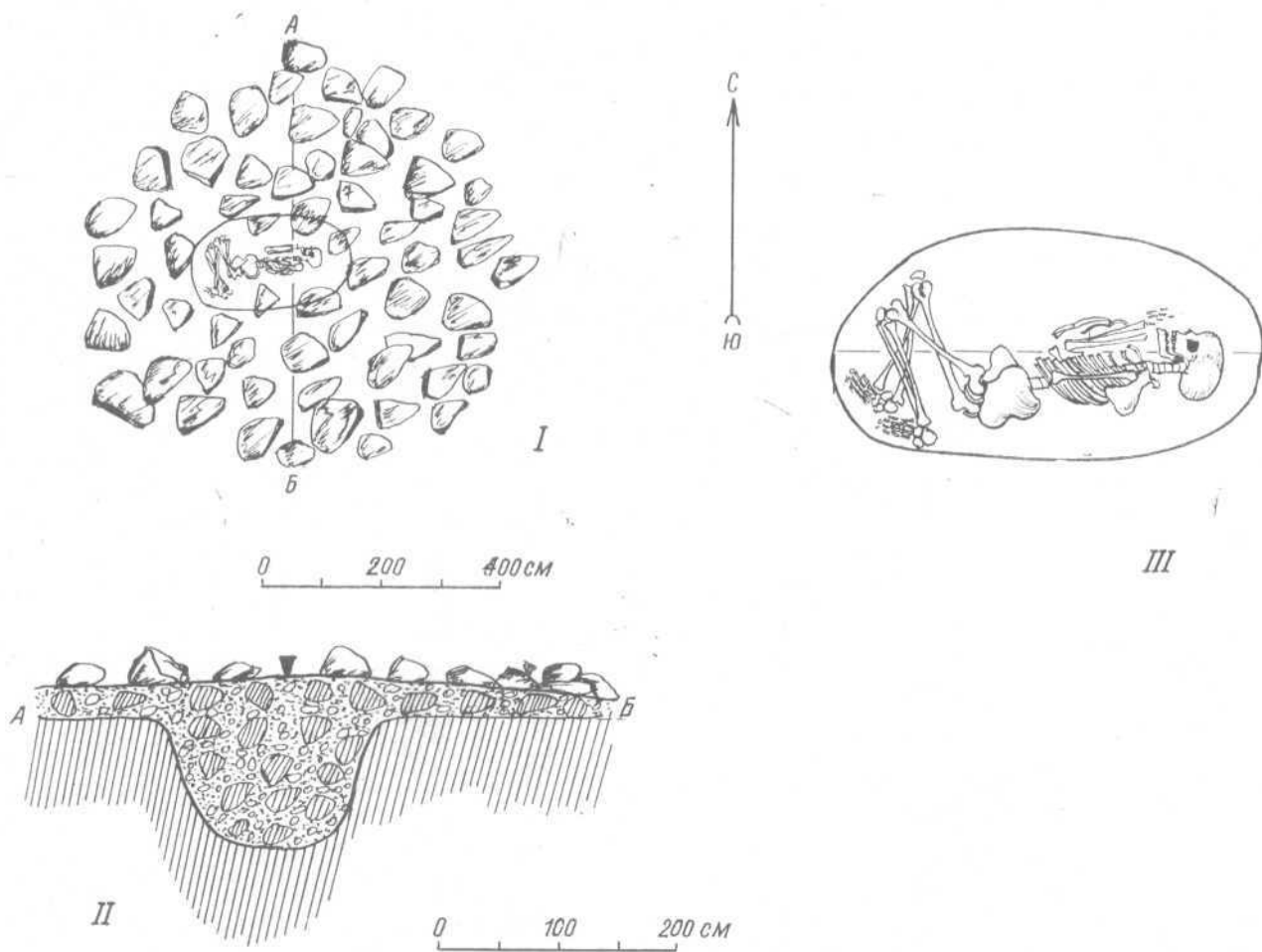


Табл. 68. Кокуйбель I, к. 6.



Габл. 69. Малый Истык, к. 6.

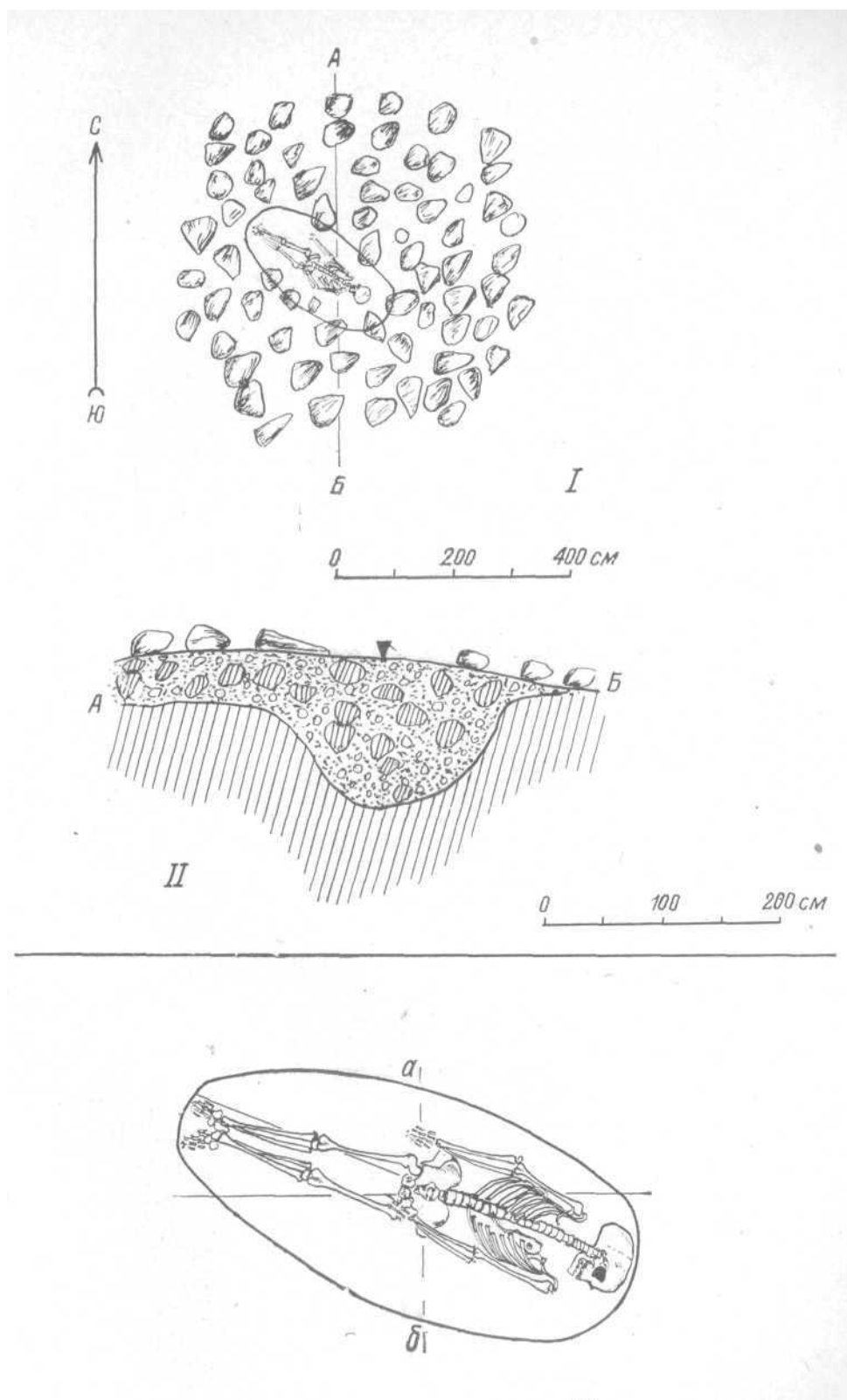


Табл. 70. Рангкуль I, к. 3 (I, II), к. 1 (III).



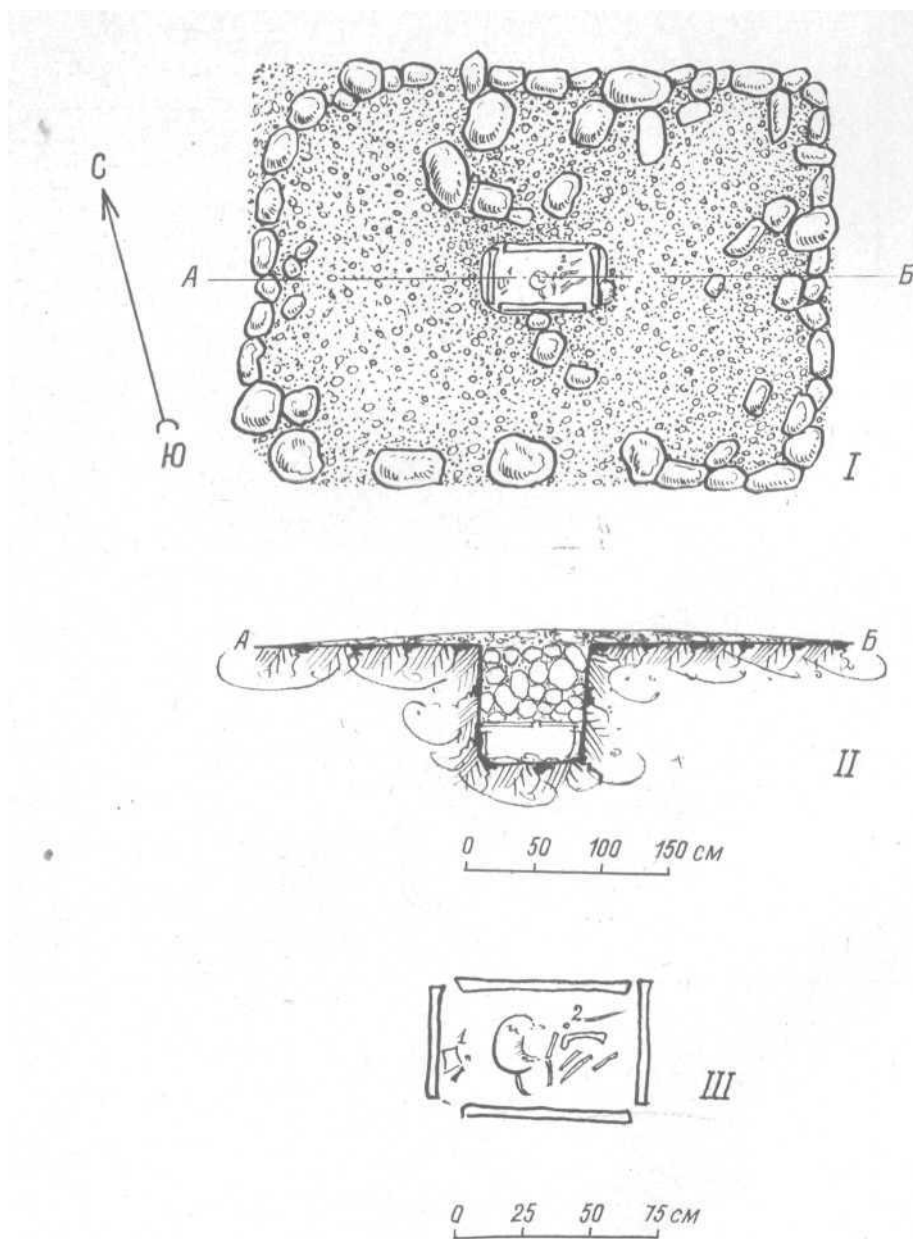


Табл. 71. Тегермансу I, к. 6.  
III: 1 — фр. керамики, 2 — пуговица кост.

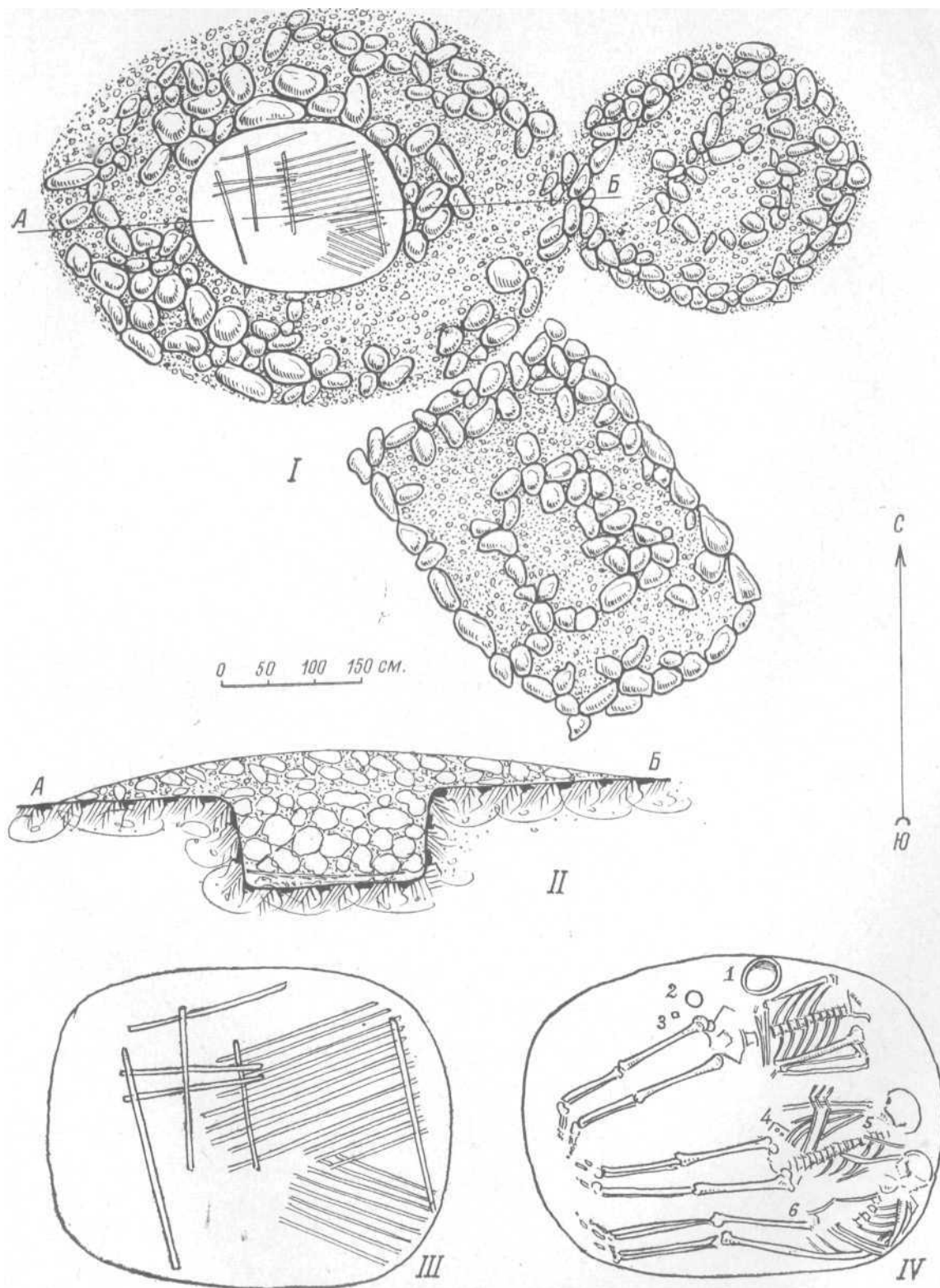


Табл. 72. Тегермансу I, к. 8.

IV: 1-2 — сосуды дерев., 3 — фр. жел., 4 — пронизки бронз., 5 — астрогол, 6 — бусы стекл.

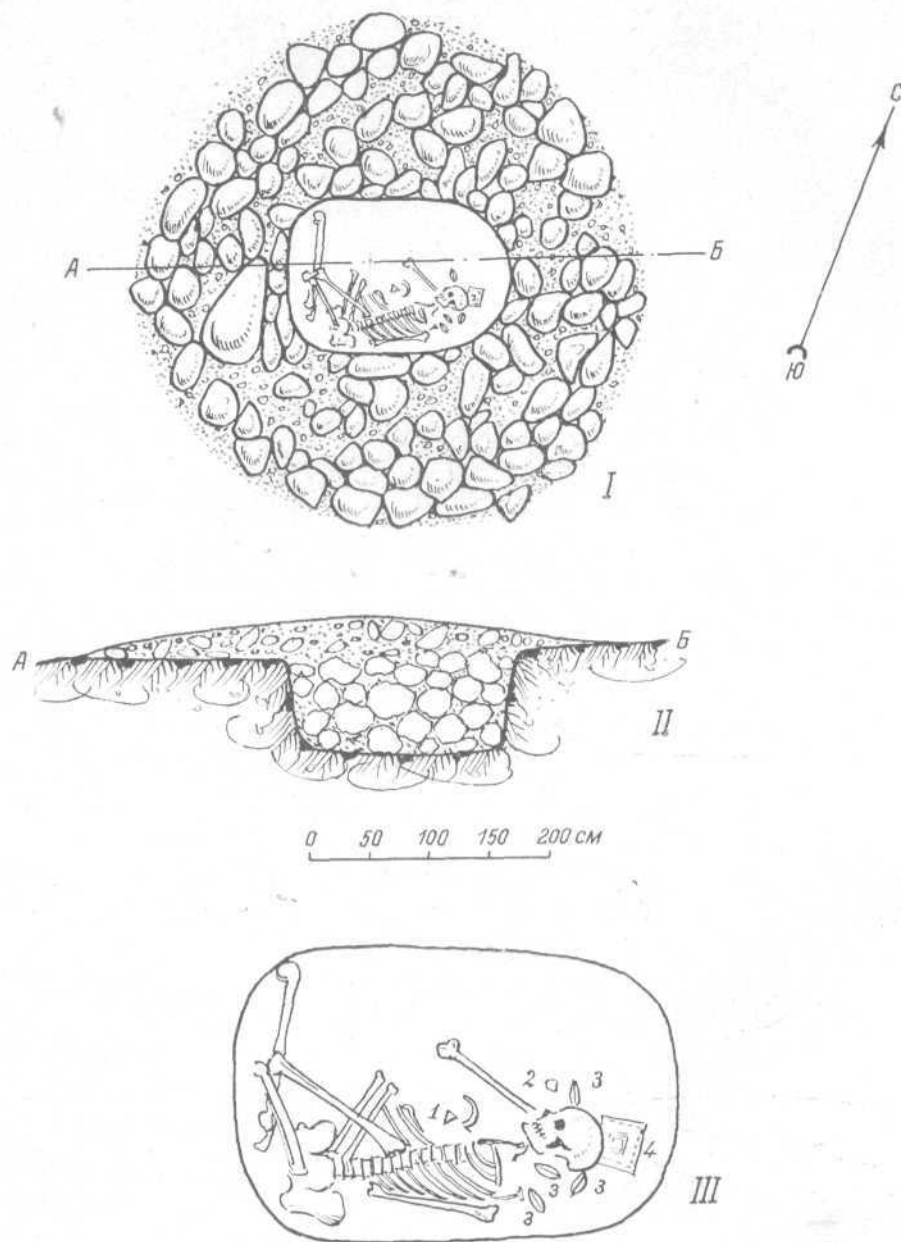
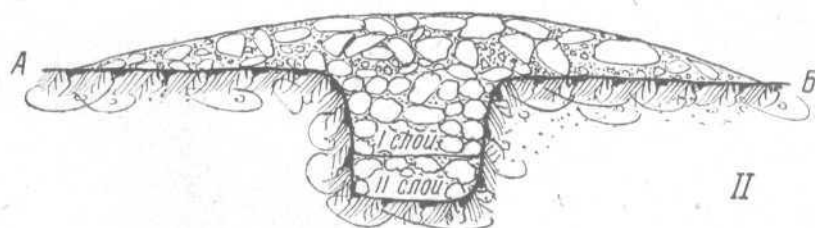
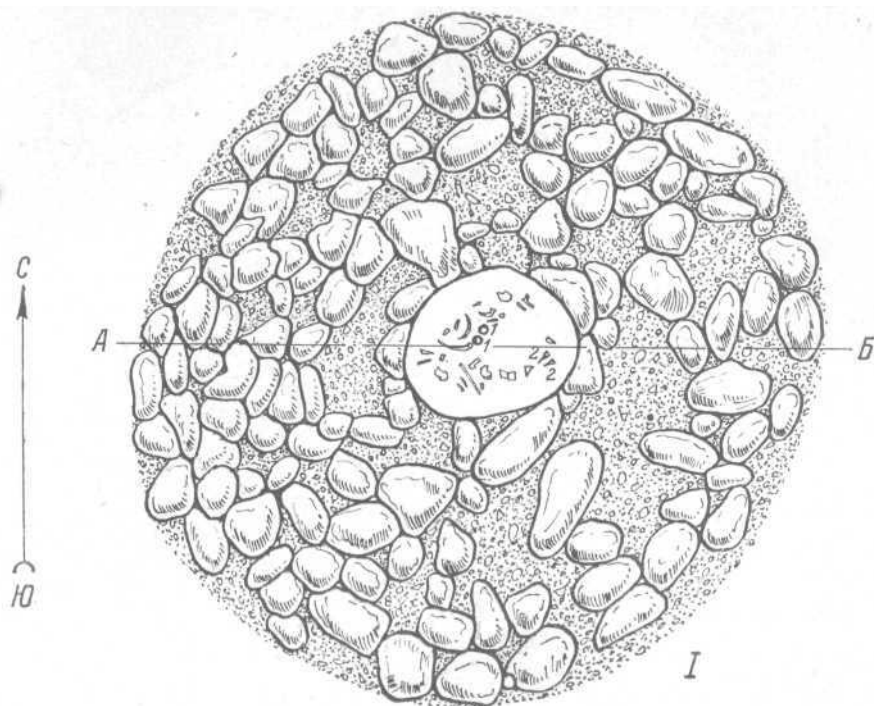


Табл. 73. Тегермансу I, к. 18.

III: 1 — фр. сосуда бронз., 2 — фр. цепочки жел., 3 — листовидные изделия, бронз., 4 — орнамент. пластинка бронз.



0 50 100 150 200 см



III



IV

Табл. 74. Тегермансу II, к. 9.

III (I слой): / — пронизки бронз., 2 — фр. ножа жел.; IV (II слой): / — бусы стекл., 2 — кинжал жел., 3 — оселок, 4 — кольцо жел., 5 — скобки жел., 6 — перстни жел. и бронз., 7 — сосуд глин. и фр. сосуда бронз.

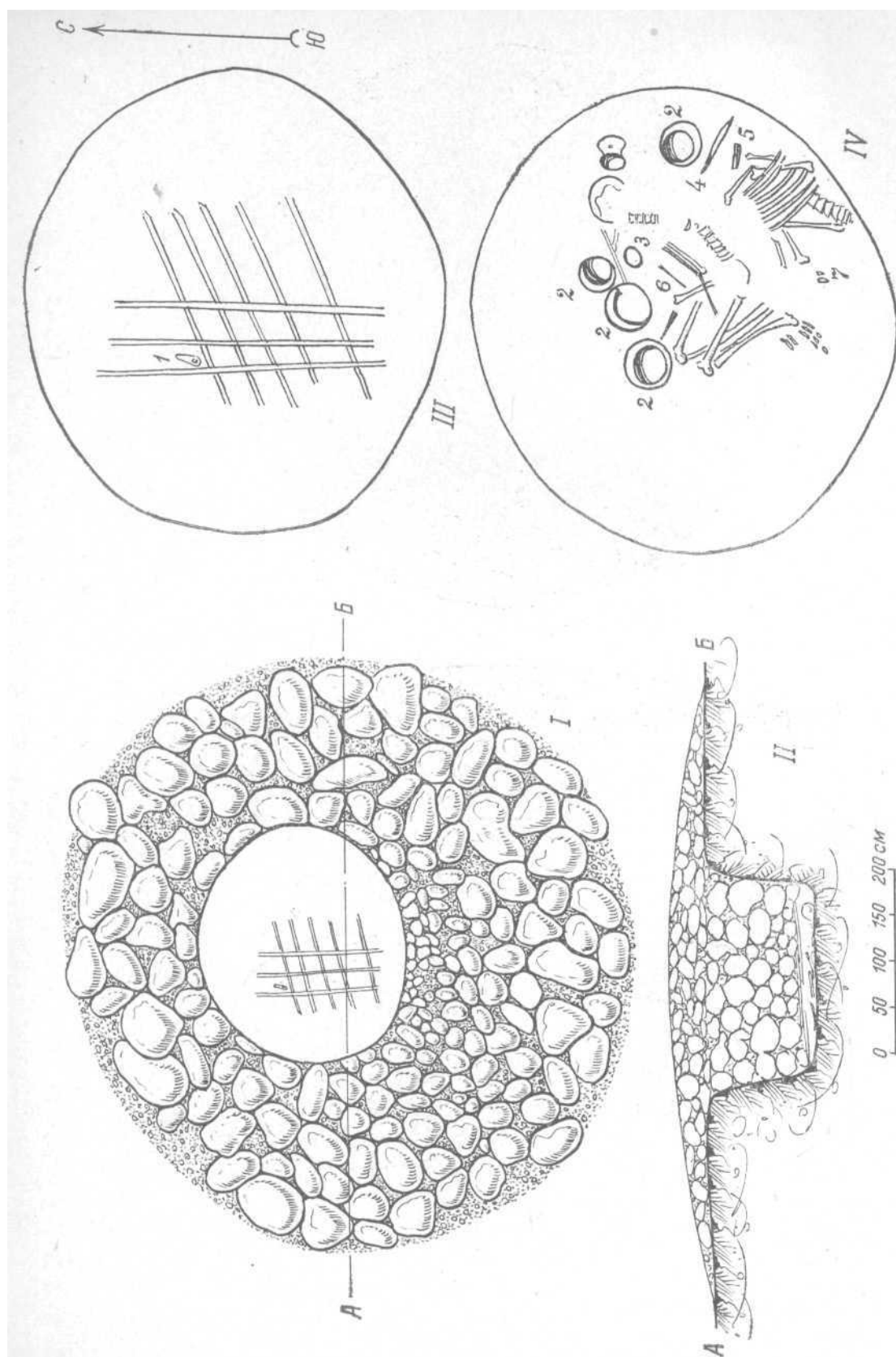


Табл. 75. Тегермансу II, к. II.  
 III: 1 — кувалда жел.; IV: 2 — фр. сосуда глин., 3 — фр. сосуда дерев., 4 — нож жел., 5 — слепки дерев. изделия, 6 — кинжал жел., 7 — алячки.

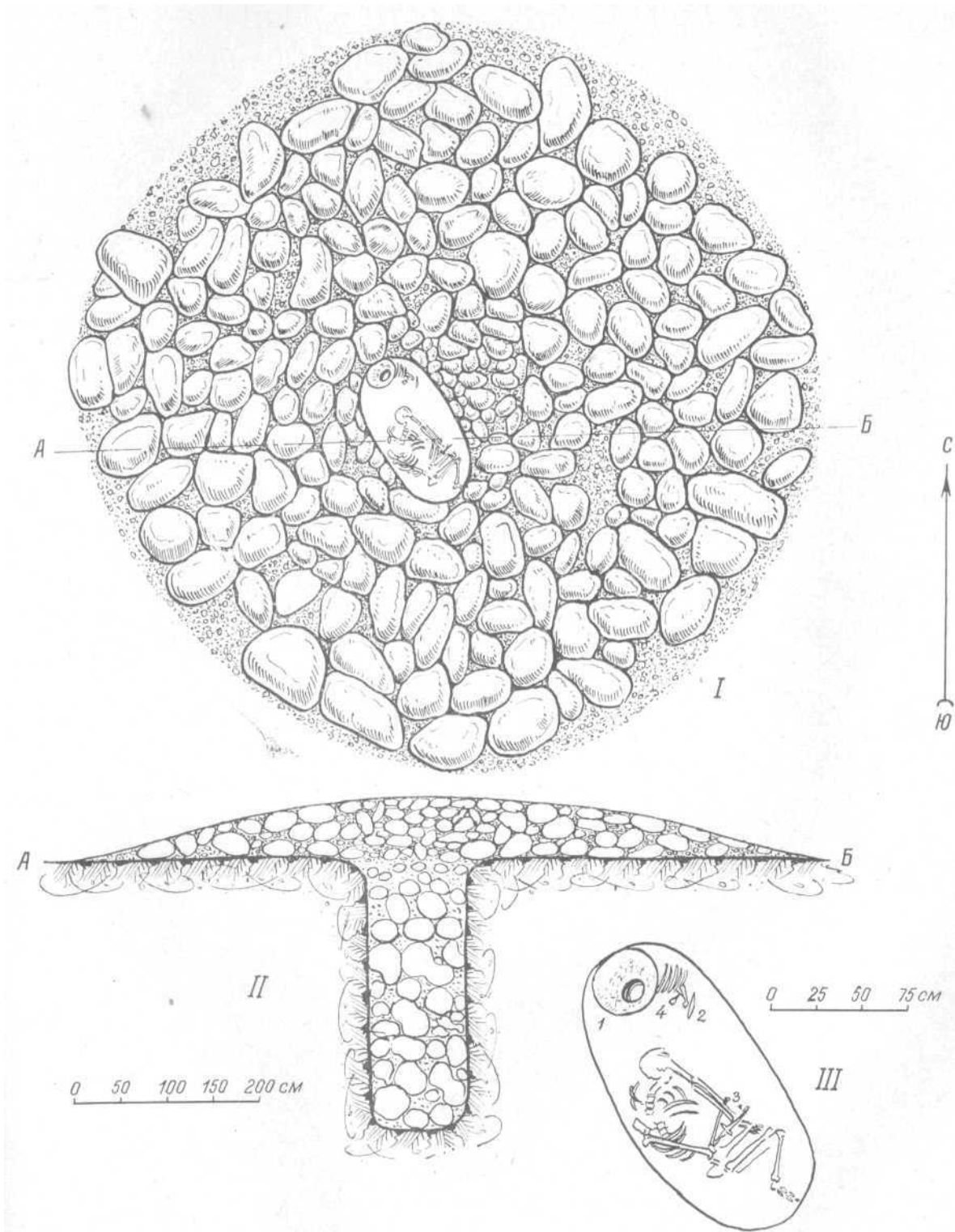


Табл. 76. Тегермансу II, к. 22.

III: / — сосуд глин., 2 — нож жел., 3 — кинжал жел., 4 — альчик.



Табл. 77. Харгуш II, к. 2 (I), к. 5 (II), к. 6 (III—V).

I: 1 — кольцо височное бронз., 2 — кольцо височное серебр., 3 — подвески из раковин. 3- бусы кам., 4-7 — сосуды глин.; II: / — котелок бронз., 2 — мешочек из ткани, 3 — гребень. 4 — **браслеты** бронз., 5 — перстни бронз., 6 — височное кольцо бронз., 7 — подвески из раковин, 8 — бляхи бронз., 9 — нож жел. и фр. жел., 10 — фр. ножа; V: 1 — рога архарэ, 2 — фр. дерев.

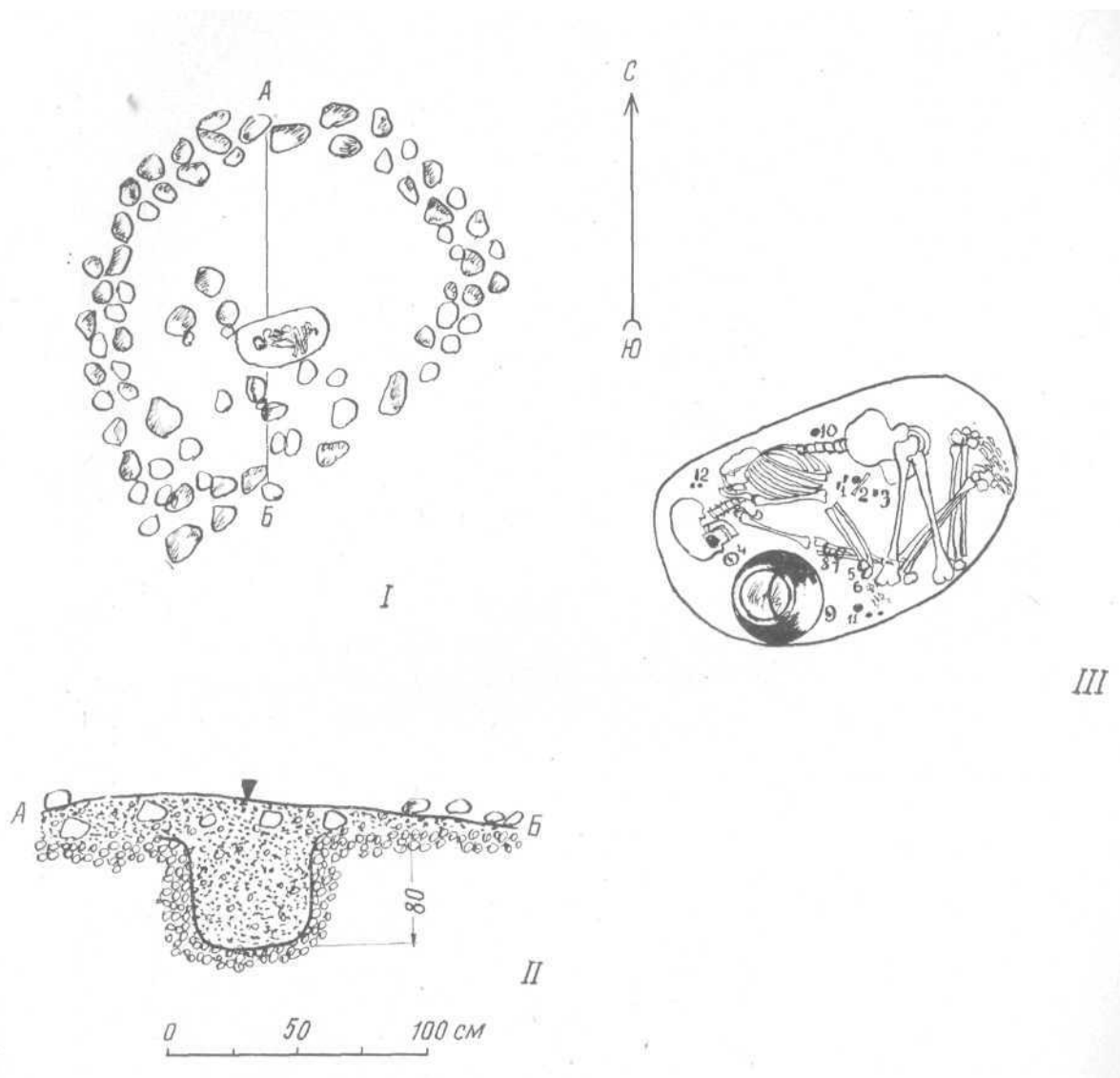


Табл. 78. Шаймак, к. 1.

III: 1 — наконечники стрелы бронз., 2 — пронызы бронз., 3 — бусина кам., 4 — наглазники из раковин, 5—7 — браслеты бронз., 6—8 — браслеты жел., 9 — сосуд глин., 10 — бляхи бронз., 11 — пряслице бронз., 12 — бусы стекл.



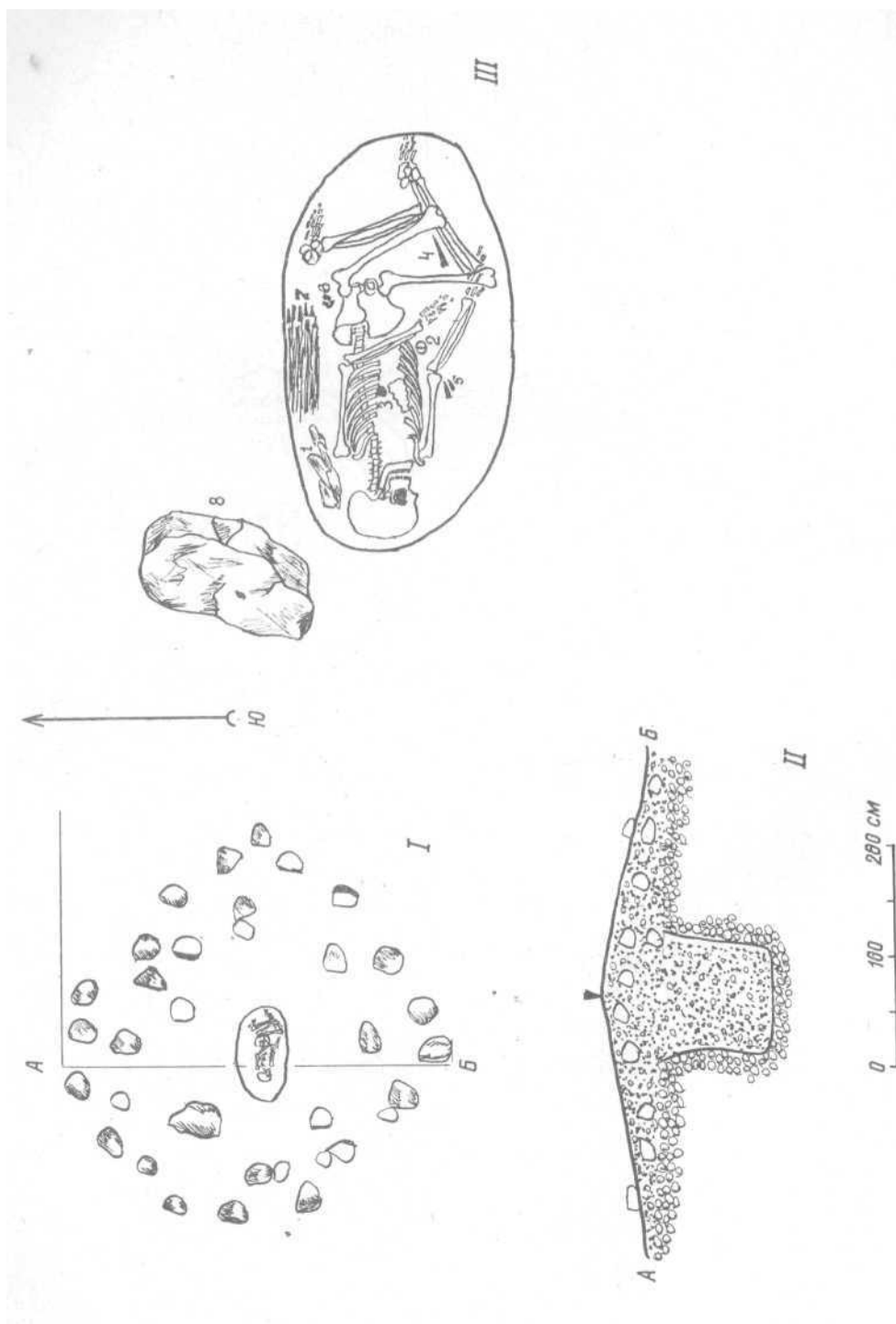


Табл. 79. Шаймак, к. 2.  
 III: 1 — куски дерева, 2 — кольцо бронзы, 3 — кольцо бронзы, 4 — нож жел., 5 — наконечники (?), 6 — крючок жел., 7 — колчан со стрелами, 8 — менгирный камень.

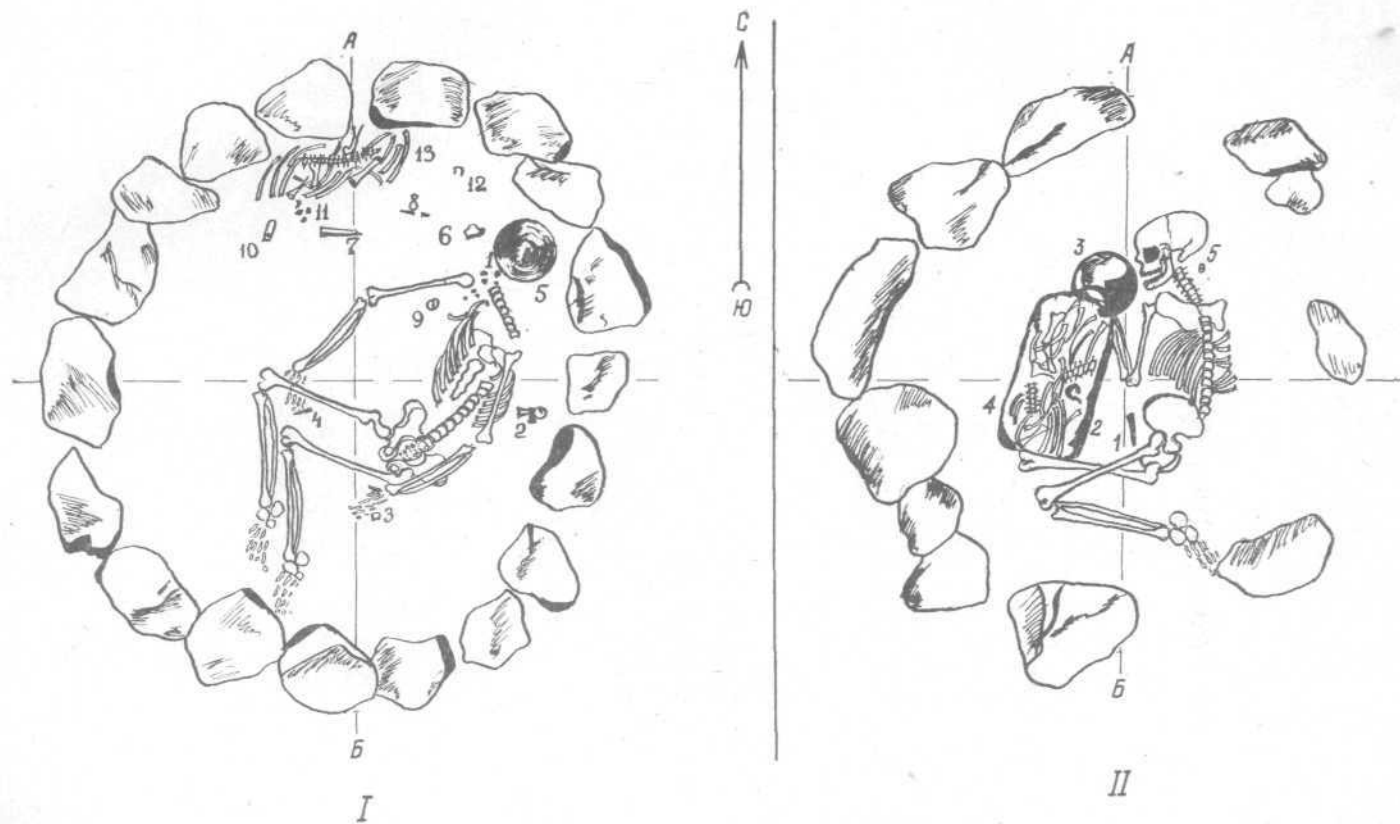


Табл. 80. Яшилькуль II, к. 1 (I), к. 2 (II).

I: 1 — бусы стекл., 2 — боевой топор жел., 3 — пластинки бронз., 4 — изделия дерев. с боонз. обоймами, 5 — бокал бронз., 6 — лоскут кожи, 7 — полоска бронз., 8 — нож жел., 9 — фр. изделий жел., 10 — оселок, 11 — скобки жел., 12 — скобка бронз., 13 — кости барана; II: 1 — нож жел., 2 — крючок жел., 3 — сосуд глин., 4 — блюдо дерев. с костями барана, 5 — подвески кам.

## ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Антидэвовская надпись Ксеркса, — сб. «Иранские языки», I, М.—Л., 1945 (Iranica, Материалы и исследования по иранским языкам, 3).
2. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор, I, М.—Л., 1949.
3. Абаев В. И. [ред. на:] J. Harmatta, Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia Budapest, 1951, — ИАН СССР, ОЛЯ, ч. XII, 1953, вып. 5.
4. Абаев В. И. Скифский быт и реформа Зороастра, — АОГ, XXIV, 1956, № 1.
5. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.—Л., 1958.
6. Абаев В. И. Среднеазиатский политический термин афшин, — ВДИ, 1959, № 2.
7. Абаев В. И. Иран. Первоисточники, — «Хрестоматия по истории Древнего Востока». Под ред. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963.
8. Абаев В. И. Об иранских названиях стали, — «Иранский сборник к семидесятипятилетию профессора И. И. Зарубина», М., 1963.
9. Абаев В. И. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса, — ВДИ, 1963, № 3.
10. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье, Ташкент, 1963.
11. Абдусаламов И. А. Распределение позвоночных животных Памира по биотипам, — «Растительность и растениеводческое освоение Памира», т. I, Душанбе, 1967.
12. Абетеков А. К., Баруздин Ю. Д. Сакоусуньские памятники Таласской долины, — сб. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963.
13. Абетеков А. К., Гаврюшенко П. П., Заурова Е. З., Кожемяко П. Н., Кожомбердиев И. К., Юнусалиев М. Б. Археологические работы в Киргизии, — сб. «Археологические открытия 1967 года», М., 1968.
14. Абрамзон С. М. Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики, — ТКАЭЭ, 1959, т. II.
15. Абрамзон С. М. Киргизы, — «Народы Средней Азии и Казахстана», II. Под ред. С. П. Толстова и др., М., 1963 (Народы мира. Этнографические очерки).
16. Абрамишвили Р. М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии, — «Вестник Гос. Музея Грузии», т. XXII-B, Тбилиси, 1961 (на груз. яз. с рус. резюме).
17. Агаханянц О. Е. Наскальные рисунки в Язгулеме, — ИАН ТаджССР, ООН, 1957, № 14.
18. Агаханянц О. Е. К проблеме эволюции климатов Памира, — «Тр. Памирской биологической станции АН ТаджССР», т. I, Душанбе, 1963.
19. Агаханянц О. Е., Основные проблемы физической географии Памира, ч. I—II, Душанбе, 1965—1966.
20. Агаханянц О. Е., Пахомов М. М., Трофимов А. К. К палеографии Памира в голоцене, — ИВГО, 1964, т. 96, вып. 6.
21. Агаханянц О. Е., Синьковская А. С. Библиография Памира, вып. I. Природа. Указатель литературы. 1920—1964 гг., Душанбе, 1968.
22. Агеева Е. И. Разложение первобытно-общинного строя. Племенные союзы на территории Казахстана, — «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957.
23. Агеева Е. И. Курганные могильники ранних кочевников северо-восточной части Алма-Атинской области, — ИАН КазССР, СИАЭ, 1959, вып. 36 (II).
24. Агеева Е. И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области, — ТИИАЭ АН КазССР, 1961, т. 12.
25. Агроклиматический справочник по Таджикской ССР, Л., 1959.
26. Азаров С. Г., Бригис О. Н. Овцеводство Таджикистана, М., 1930.
27. Айтбаев М. Т. Очерк охоты киргизов XIX и начала XX веков, — ТИИ АН КиргССР, 1959, вып. V.
28. Акишев К. А. Саки Семиречья (По материалам Илийской экспедиции 1954, 1957 гг.), — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.
29. Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или, Алма-Ата, 1963.
30. Алексеев В. П. Палеоантропология Алтая эпохи железа, — «Советская антропология», 1958, № 1.
31. Алексеев В. П. Антропологический состав населения древней Индии, — сб. «Индия в древности», М., 1964.
32. Алексеева Е. П., Позднекобанская культура Центрального Кавказа, — УЗЛГУ, 1949, № 85, СИН, вып. 13.
33. Альбаум Л. И. К датировке верхнего слоя по-

- селения Кучуктепе,— сб. «История материальной культуры Узбекистана», вып. 8, Ташкент, 1969.
34. Амманулаев Ф. Развитие сельского хозяйства колхозов советского Памира, Сталинабад, 1960 (ТАН ТаджССР, ОЭ, т. VI).
  35. Анбоев И. А. Древности Голодной степи,— ИМКУ, 1963, вып. 4.
  36. Андреев М. С. Выработка железа в долине Ванча (верховья Аму-Дарьи), Ташкент, 1926.
  37. Андреев М. С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир (Материалы из поездки в Афганистан в 1926 г.), Ташкент, 1927.
  38. Андреев М. С. О первоначальном способе добывания огня в Средней Азии и в сопредельных с нею странах,— «Тр. ТаджФАН СССР», 1961, т. XXIX.
  39. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. I, Сталинабад, 1953 (ТАН ТаджССР, т. 7).
  40. Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. II, Сталинабад, 1958 (ТАН ТаджССР, т. LXI).
  41. Андреев М. С. I. Ягноб. Этнографические записи 1927—1928 гг. (Рукопись, Научный архив Ин-та им. А. Дониша). II. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927—1928 гг.), Душанбе, 1970.
  42. Андреев М. С. Пешерева Е. М. Ягнобские тексты с приложением ягнобско-русского словаря, составленного М. С. Андреевым, В. А. Лившицем и А. К. Писарчик, М.—Л., 1957.
  43. Андреев М. С., Половцов А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. Ишканим и Вахан,— СМАЭ, 1911, IX (Отд. оттиск).
  44. Антипина К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР, Фрунзе, 1962.
  45. Анучин Д. Н. Лук и стрелы. Археолого-этнографический очерк, М., 1887 (Отд. оттиск).
  46. Анучин Д. Н. Сани, лады и кони как принадлежности похоронного обряда. Археолого-этнографический очерк, М., 1890 (Отд. оттиск).
  - 46а. Аристов Н. А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям,— РАЖ, 1900, № 3.
  47. Артамонов М. И. Этногеография Скифии,— УЗЛГУ, 1949, № 85, СИИ, вып. 13.
  48. Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства,— СА, 1968, № 4.
  49. Артамонов М. И. Куль-обский олень,— сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968.
  50. Артамонова-Полтавцева О. А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период,— СА, 1950, т. XIV.
  51. Артахаштра или наука политики (изд. подг. В. И. Кальянов), М.—Л., 1959.
  52. Атлас Таджикской Советской Социалистической Республики, Душанбе — Москва, 1968.
  53. Бабаев А. Д. Археологические разведки на Памире в 1961 г.,— АРТ, IX.
  54. Бабаев А. Д. Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире,— ИАН ТаджССР, ООИ, 1968, № 3.
  55. Бабанская Г. Г. Беркаринский могильник (К некоторым итогам изучения памятника),— ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I.
  56. Бабанская Г. Г., Заднепровский Ю. А. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г.,— АРТ, IV.
  57. Баранов П. А., Гурский А. В., Остапович Л. Ф. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, Душанбе, 1964 (АН ТаджССР. Памирская база, т. 2).
  58. Бартольд В. В. К истории персидского эпоса,— ЗВОРАО, 1915, т. XXII, вып. III—IV.
  59. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана,— Сочинения, т. II, ч. I, М., 1963.
  60. Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана,— Сочинения, т. III, М., 1965.
  61. Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник (Раскопки 1954 г.),— ТИИ АН КиргССР, 1956, вып. II.
  62. Баруздин Ю. Д. Карабулакский могильник,— ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. III, вып. 3.
  63. Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия), Фрунзе, 1962.
  64. Бёкёньи Ш. Скифские лошади из могильника в Сентеш-Векерзуг II,— ААг, 1954, t. IV, fasc. 1—4.
  65. Белеицкий А. М. О «Минералогии» ал-Бируни,— ВЛГУ, 1949, № 11.
  66. Белеицкий А. М. О «Минералогии» Бируни,— сб. «Бируни». Под ред. С. П. Толстова, М.—Л., 1950.
  67. Белеицкий А. М. Бадахшанский лал,— «Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова», Сталинабад, 1953 (ТАН ТаджССР, т. XVII).
  68. Белеицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пянджикентских храмов,— «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954.
  69. Белеицкий А. М. Древнее изобразительное искусство и «Шахнаме», М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
  70. Белеицкий А. М. Новые изображения ритуальных предметов на стенных росписях Древнего Пянджикента,— ТАН ТаджССР, 1960, т. СХХ.
  71. Белослюдов Б. А., Максимова А. Г. Древнее поселение у курорта «Аул»,— ИАН КазССР, 1957, № 108, сер. археол., вып. 3.
  72. Белявский В. А. Война Вавилонии за независимость (627—605 гг. до н. э.) и гегемония скифов в Передней Азии,— сб. «Исследования по истории стран Востока», Л., 1964.
  73. Бентович И. Б. Находки па горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа),— МИА, 1958, № 66.
  74. Бернштам А. Н. Кенкольский могильник, Л., 1940 (Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. II).
  75. Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941.
  76. Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941.
  77. Бернштам А. Н. Археологические исследования на Памире в 1948 г.,— ВЛГУ, 1948, № III.
  78. Бернштам А. Н. Древняя Фергана,— ВДИ 1949, № 1.
  79. Бернштам А. Н. Из итогов археологических работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае,— КСИИМК, 1949, вып. XXVIII.
  80. Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня,— СА, 1949, XI.
  81. Бернштам А. Н. Труды Семиреченской археоло-

- логической экспедиции «Чуйская долина». Сост. под рук. А. Н. Бернштама, М.—Л., 1950 (МИА, № 14).
82. Бернштам А. Н. Древний Отрар.— ИАН КазССР, 1951, № 108, сер. археол., вып. 3.
  83. Бернштам А. Н. Древняя Фергана (Науч.-попул. очерк), Ташкент, 1951.
  84. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов, Л., 1961.
  85. Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИД, № 26).
  86. Бернштам А. Н. Племенные союзы на Тянь-Шане и Енисее,— «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1956.
  87. Бернштам А. Н. Саки Памира,— ВДИ, 1956, № 1.
  88. Бернштам А. Н. Материалы Памиро-Ферганской экспедиции. Рукопись,— Архив ЛОИА, ф. 56, д. 126.
  89. Бетехтин А. Г. Курс минералогии, М., 1951.
  90. ал-Бируни, Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Пер. А. М. Беленицкого, М., 1963.
  91. Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ред. текста, вступит. статья и комментарий А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера, т. I—III, М.—Л., 1950—1953.
  92. Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья, М., 1954 (Причерноморье в античную эпоху, вып. 7).
  93. Богданова-Березовская И. В. Химический состав металлических изделий Ферганы эпохи бронзы и железа,— МИД, 1962, № 118.
  94. Бубнова М. А. К истории добычи полезных ископаемых на Памире,— ИАН ТаджССР, ООН, 1968, № 3.
  95. Булгаков Г. П. Рыбные богатства Памира,— «Конференция по сельскохозяйственному освоению Памира. Ленинград, 23—29 января 1936 г.», II, Ташкент, 1936.
  96. Бурковский А. Ф. Из истории техники обработки дерева у киргизов,— «Уч. зап. исторического факультета Киргизского Гос. университета», Фрунзе, 1954, вып. 3.
  97. Бутомо С. В., Ранов В. А., Сидоров Л. Ф. Некоторые вопросы исследования каменного века Памира,— СА, 1964, № 4.
  98. Бутомо С. В., Ранов В. Д., Сидоров Л. Ф., Шилкина И. А. Палеогеографические результаты изучения высокогорной стоянки каменного века на Памире,— ДАН СССР, 1962, т. 146, № 6.
  99. Быховская И. Е. Коза Восточного Памира,— «Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1945, № 9.
  100. Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан,— Н. И. Вавилов, Избранные труды, т. I, М.—Л., 1959.
  101. Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П. Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы,— «Уч. зап. Тувинского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории», Кызыл, 1960, вып. VIII.
  102. Варивцева Е. А. Краткая характеристика пастбищ Восточного Памира,— «Тр. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1951, т. XXVIII.
  103. Васильев К. Археологические исследования во Внутренней Монголии,— ВДИ, 1959, № 3.
  104. Вебер В. Н. Плавка железных руд в Бухарском ханстве,— «Горный журнал», т. III, СПб., 1898.
  105. Вебер В. Н. Полезные ископаемые Туркестана, СПб., 1913.
  106. Вебер В. Н. Полезные ископаемые Туркестана. Прибавление I, СПб., 1917.
  107. Вербицкий В. И. Алтайские инородцы. Сборник этнографических статей и исследований, М., 1893.
  108. Веселовский А. Н. Разыскания в области русского духовного стиха,— ЗИАН, 1883, т. XLV, № 1, приложение.
  109. Веселовский Н. И. Заметка о стеклянном производстве в Средней Азии,— ЗВОРАО, 1894, т. VIII.
  110. Веселовский Н. И. Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение,— ЗВОРАО, 1921, т. XXV.
  111. Винников Я. Р. Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии,— ТКАЭЭ, 1956, т. I.
  112. Виноградов А. В., Лопатин С. В., Мамедов Э. Д. Кызылкумская бирюза (Из истории добычи и обработки),— СЭ, 1965, № 2.
  - 112а. Вишневская О. А., Итина М. А. Ранние саки Приаралья,— «Проблемы скифской археологии», М., 1971.
  113. Воеводский М. В., Грязнов М. П. У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории у-суней,— ВДИ, 1938, № 3 (4).
  114. Волков В. Бронзовые наконечники стрел из музеев МНР,— МАС, М., 1962.
  115. Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии, Улан-Батор, 1967 (Studia Instituti Historiae Academiae Scientiarum Republicae Populi Mongoli, t. V, fasc. I).
  116. Волчок Б. Я. Изображения на объектах с протоиндийскими надписями,— «Предварительное сообщение об исследовании протоиндийских текстов», М., 1965.
  117. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода,— ТХАЭЭ, 1959, IV.
  - 117а. Воробьева М. Г. Раскопки архаического поселения близ Дингильдже,— МХЭ, 1959, вып. I.
  118. Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965.
  119. Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Ак-Тамский могильник,— КСИИМК, 1957, вып. 69.
  120. Гатиев Б. Суверия и предрассудки у осетин,— «Сборник сведений о кавказских горцах», Тифлис, 1876, вып. IX.
  121. Гейкель Г. К. Список предметов, найденных нижеподписавшимся при раскопках курганов в долине реки «Таласы» около деревни Дмитриевское уезда Аулие-Ата (Туркестана) летом 1898 года. Рукопись,— Архив ЛОИА, ф. № 47, 1898.
  122. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко, т. I—II, М., 1889.
  - 122а. Герценберг Л. Г. Хотано-сакский язык, М., 1965.
  123. Гзелишвили Л. А. Железоплавильное производство в Древней Грузии, Тбилиси, 1964.
  124. Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии (Гунны и саки Тянь-Шаня, Алая и Южного Памира),— КСИЭ, 1950, вып. II.
  125. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Восточного Казахстана,— КСИЭ, 1952, XIV.
  126. Гинзбург В. В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н. э.— I тыс. н. э.),— ТИЭ АН СССР, н. с., 1954, т. XXI.
  127. Гинзбург В. В. Древнее население восточных

- и центральных районов Казахской ССР по антропологическим данным, — ТИЭ АН СССР, н. с., 1956, т. XXXIII.
128. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения юго-восточного Казахстана (Черепя усуней и тюрков из погребений на правом берегу древнего течения р. Или), — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.
  129. Гинзбург В. В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника), — МИА, 1959, № 60.
  130. Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика саков Южного Памира, — КСИИМК, 1960, вып. 80.
  131. Гинзбург В. В. Материалы к антропологии древнего населения Южной Киргизии (Вторая половина I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.), — ИАН КиргССР, СОН, 1960, т. II, вып. 3.
  132. Гинзбург В. В. К антропологии ранних кочевников Восточного Казахстана (Черепя V—IV вв. до н. э. из могильника Усть-Буконь), — ТИЭ АН СССР, н. с., 1961, т. XI.
  133. Гинзбург В. В. К антропологии населения Ферганской долины в эпоху бронзы (По материалам из Дальверзинского поселения), — МИА, 1962, № 118.
  134. Гинзбург В. В., Фирштейн Б. В. Материалы к антропологии древнего населения Западного Казахстана, — СМАЭ, 1958, т. XVIII.
  - 134а. Гобеджишвили Г. Ф. Памятники древне-грузинского горного дела и металлургия в окрестностях с. Геби, — САН ГрССР, 1952, т. XIII, № 3.
  135. Горбунова Н. Г. Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника, — КСИА, 1960, вып. 80.
  136. Горбунова Н. Г. Кунгайский могильник, — АСГЭ, 1961, вып. 3.
  137. Горбунова Н. Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа, — АСГЭ, 1962, вып. 5.
  138. Гордлевский В. А. Из османской демонологии, — Избранные сочинения, т. III, М., 1962.
  139. Гордлевский В. А. Ходжа Ахмед Ясеви, — Избранные сочинения, т. III, М., 1962.
  140. Граков Б. Н. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов, — «Тр. секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН», М., 1930, т. V.
  141. Граков Б. Н. Скифы, Київ, 1947.
  142. Граков Б. Н. Старейшие находки железных вещей в европейской части территории СССР, — СА, 1958, № 4.
  143. Грантозский Э. А. Из истории восточно-иранских племен на границах Индии, — КСИНА, 1963, вып. 63.
  144. Грантовский Э. А. Племенное объединение Рагсу — Рагсавя у Панини, — «История и культура древней Индии (к XXVI Международному конгрессу востоковедов)», 1963.
  145. Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии, М., 1970.
  146. Грач А. Д. Новое о добычании огня, происхождении и семантике циркульного орнамента, — КСИА, 1966, 107.
  147. Григорьев В. В. О скифском народе саках, СПб., 1871.
  148. Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков), — ИАН КазССР, 1948, № 46, сер. археол., вып. I.
  149. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане, — «Казаки», 2, Л., 1927 (АН СССР. Материалы Особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 11, серия казахстанская).
  150. Грязнов М. П. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане, — СА, 1952, т. XVI.
  151. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка, М.—Л., 1956 (МИА, № 48).
  152. Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири, — КСИИМК, 1956, 64.
  153. Грязнов М. П. Саки, — «История Киргизии», т. I, Фрунзе, 1963.
  154. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957.
  155. Гурский А. В. Наскальные рисунки в Горно-Бадахшанской автономной области, — ДАН ТаджССР, 1952, вып. III.
  156. Давидович Е. А. Цветное оконное стекло XV в. из Самарканда, — «Тр. САГУ», 1953, гуманитарная наука, вып. 61, кн. 6.
  157. Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района, Сталинабад, 1955 (ТАН ТаджССР, т. XXXV).
  158. Дадашов М. П. Лексические связи германских языков с иранскими (Автореф. канд. дисс.), М., 1965.
  159. Дальский А. Н. Наскальные изображения Таджикистана (Древние памятники изобразительного искусства), — ИВГО, 1949, т. 81, вып. 2.
  160. Дандамаев М. А. Иран при первых Ахеменидах, М., 1963.
  161. Дандамаев М. А. Поход Дария против скифского племени тиграхауда, — КСИНА, 1963, вып. 61.
  162. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948 (ТИЭ, н. с., т. IV).
  163. Дебец Г. Ф. Проблемы происхождения киргизского народа в свете антропологических данных, — ТКАЭЭ, 1956, т. I.
  - 163а. Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения Южной Азии, — «Народы Южной Азии», М., 1963.
  164. Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городищ Старого Мерва, — ТТГУ, 1966, вып. 295 (Археология Средней Азии, вып. VIII).
  165. Дройзен И. Г. История эллинизма, Пер. с франц. М. Шелгунова, т. 2. История диадохов, М., 1893.
  166. Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э., М.—Л., 1956.
  167. Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.), — МИА, 1953, № 37.
  168. Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии, — СА, 1954, XIX.
  169. Дьяконова Н. В., Сорокин С. С. Хотанские древности. Каталог хотанских древностей, хранящихся в Отделе Востока Гос. Эрмитажа. Терракота и штук, Л., 1960.
  170. Ершов Н. Н. Ремесла таджиков Дарваза (По материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.), — ИАН ТаджССР, 1956, вып. 10—11.
  - 170а. Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе города Байрам-Али (раскопки 1954—1956 гг.), — ТИИАЭ АН ТуркмССР, 1959, т. V.
  171. Жданко Т. А. Номадизм в Средней Азии и Казахстане, — сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968.
  172. Жуков В. Д. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Боль-

- итога Ферганского канала,— ТИИА АН УзССР, 1951, т. IV.
173. Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва, СПб., 1894 (МАР, № 16).
  174. Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тыс. до н. э.—середина I тыс. н. э.), Фрунзе, 1960.
  175. Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы, М.—Л., 1962 (МИА, № 18).
  176. Заднепровский Ю. А. Работы в Узбекистане,— «Археологические открытия '1965 года» М., 1966.
  177. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга,— СМАЭ, 1918, т. V, вып. 1.
  178. Зарубин И. И. Дополнения к статье Н. И. Веселовского «Роль стрелы в обрядах и ее символическое значение»,— ЗКВ, 1925, т. I.
  - 178а. Зарубин И. И. К характеристике мунджапского языка (Из материалов по иранской диалектологии),— «Иран», т. I, Л., 1927.
  179. Зарубин И. И. Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги,— сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927.
  180. Збруева А. В. Свиногорское городище,— МИА, 1940, № 1.
  181. Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху, М., 1952 (МИА, № 30).
  182. Зеланд Н. Киргизы. Этнологический очерк,— «Записки Зап.-Сиб. отдела РГО», Омск, 1885, кн. VII, вып. II.
  183. Зелинский А. Н. Могильник Дарай-Абхарв в верховьях Пянджа,— СА, 1960, № 3.
  184. Зелинский А. Н. Древние пути Памира,— сб. «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.
  185. Зимма Б. М., Иссык-Кульские жертвенники, Фрунзе, 1941.
  186. Зимма Б. М. Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии,— ТИЯЛИ КиргФАН, 1948, вып. II.
  187. Иванов В. В., Топоров В. И. Санскрит, М., 1960.
  188. Иванов П. П. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк, М.—Л., 1932.
  189. Ивановский А. Происхождение огня (По сказанию киргизов),— ЭО, 1890, кн. VII, № 4.
  190. Иессен А. А. Некоторые памятники VIII—VII вв. до н. э. на Северном Кавказе,— сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
  191. Іллієвська В. А. Скифські сокири,— «Археологія», т. XIII, Київ, 1961.
  192. Іллієвська В. А. Скифська вузда VI ст. до н. э.,— «Археологія», т. XIII, Київ, 1961.
  193. Ильинская В. А. Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья), Киев, 1968.
  194. Инал-Ипа Ш. Абхазы. Историко-этнографический очерк, Сухуми, 1960.
  195. Иностранцев К. А. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках,— ЖМНП, н. с., 1909, XX, № 3.
  196. Ионе Г. И. Мингечаурская разновидность наконечников стрел «скифского» типа,— сб. «Материальная культура Азербайджана», III, Баку, 1953.
  197. Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в., ч. I, Душанбе, 1962 (ТИИ АН ТаджССР, т. XXXII).
  198. Исламов О. И. Зарождение геологических знаний в Средней Азии,— Х. М. Абдуллаев, Н. П. Васильевский, Л. А. Вайнер, О. И. Исламов. Очерки по истории геологического изучения Средней Азии, Ташкент, 1956.
  199. Исламов О. И. Из истории культуры камня в Средней Азии,— ЗУОВМО, 1956, вып. 8.
  - 199а. Итина М. А. Поселение Якке-Парсан 2 (Раскопки 1958—1959 гг.),— МХЭ, 1963, вып. 6.
  - 199б. Итина М. А. Раскопки стоянки Коват 3 в 1958 г.,— МХЭ, 1963, вып. 6.
  200. Кабанов С. К. Археологические находки на Фархадстрое,— ИАН, УзбССР, 1948, № 5.
  201. Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана, — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.
  202. Кадырбаев М. К. Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана,— сб. «Новое в археологии Казахстана», Алма-Ата, 1968.
  203. Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин, М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).
  204. Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана, вып. I. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период, Сталинабад, 1954 (ТАН ТаджССР, т. XXVIII).
  205. Кашкаров Д. Н. Животные Туркестана, Ташкент, 1931.
  206. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги. Пер. под ред. В. С. Соколова, М., 1956.
  207. Кибиров А. К. Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953—1955 гг.,— ТКАЭЭ, 1959, т. II.
  208. Кибиров А. К. Археологические памятники Чаткала,— ТКАЭЭ, 1959, т. II.
  209. Кибиров А. К., Кожемяко П. Н. Новые памятники эпохи бронзы,— ТИИ АН КиргССР, 1956, вып. II.
  210. Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1926 г.,— «Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске», Минусинск, 1929, т. VI, вып. 2.
  211. Киселев С. В. Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг.,— СА, 1937, III.
  212. Киселев С. В. Алтай в скифское время (мэй-эмирская культура),— ВДИ, 1947, № 2.
  213. Киселев С. В. Монголия в древности,— ИАН СССР, ОИФ, 1947, т. IV, № 4.
  214. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, М., 1951.
  215. Кисляков Н. А. Бурх—горный козел (Древний культ в Таджикистане),— СЭ, 1934, № 1—2.
  216. Кисляков Н. А. Охота таджиков долины р. Хингоу в быту и фольклоре,— СЭ, 1937, № 4.
  217. Кияткина Т. П. Формирование антропологического облика населения Таджикистана, М., 1964 (VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук).
  218. Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по антропологическим данным (Автореф. канд. дисс.), Душанбе, 1965.
  219. Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным (Канд. дисс.; рукопись в Институте истории им. А. Дониша), Душанбе, 1966.
  220. Климчицкий С. И. Ваханские тексты,— ТТБ АН СССР, 1936, т. III.
  221. Климчицкий С. И. Название Согдианы в топонимике Таджикистана,— ЗИВАН, I, 1937.
  222. Кожемяко П. Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии,— ИАН КиргССР, СОН, 1960, т. II, вып. 3.

223. Кожин П. М. К вопросу о происхождении иньских колесниц,— СМАЭ, 1969, т. 25.
224. Козлов П. К. Тибет и далай-лама, Пг., 1920.
225. «Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э.— IV в. н. э.», М., 1967 (ТХАЭЭ, V).
226. Колесник Н. Н. Курдючная овца Восточного Памира,— «Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1945, № 9.
227. Колесник Н. Н. Памирский як,— «Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1945, № 9.
228. Колчин Б. А. Техника обработки металла в Древней Руси, М., 1953.
229. Колчи Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период), М., 1953 (МИА, № 32).
230. Колчин Б. А., Круг О. Ю. Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа,— сб. «Археологические и естественные науки», М., 1965.
231. Комарова М. Н. Погребения Окунова улуса,— СА, 1947, IX.
232. Комарова М. Н. Томский могильник — памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири,— МИА, 1952, № 24.
233. Копылов И. И. Сакские племена Сыр-Дарьи и Семиречья по археологическим данным (Автореф. канд. дисс.), Л., 1953.
234. Копылов И. И. Находка скифского шлема в Семиречье,— «Уч. зап. Алма-Атинского пединститута», Алма-Ата, 1957, вып. XIV.
235. Коржеиевский Н. Л. Озеро Яшил-Куль (Материалы к лимнологии Памира),— «Изв. Об-ва для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, Ташкент, 1928.
236. Коробкова Г. Ф. Отпечатки тканей на керамике (по материалам Дальверзина, Эйлатана и Дараут-Кургана),— МИА, М.—Л., 1962, № 118.
237. Корпус боснорских надписей, М.—Л., 1965.
238. Кривцова-Гракова О. А. Алексеевское поселение и могильник,— ТГИМ, 1947, т. XVII.
239. Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение (Раскопки 1948 г.),— МИА, 1951, № 21.
240. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терка и бассейна р. Сунжи,— ТГИМ, 1947, т. XVII.
241. Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ,— «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
242. Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды, М., 1957.
243. Крупнов Е. И. Новые данные по археологии Северного Кавказа (по материалам экспедиции 1956 г.),— СА, 1958, № 3.
244. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа, М., 1960.
245. Ксенофонт. О коннице,— Сочинения Ксенофонта в пяти частях, ч. 5. Мелкие статьи. Пер. с греч. Г. А. Янчевецкого, изд. 2-е, доп., Ревель, 1895.
246. Ксенофонт. Киропедия,— Сочинения Ксенофонта в пяти частях, ч. 3. Пер. с греч. Г. А. Янчевецкого. Изд. 3-е, исп. и доп., СПб., 1897.
247. Ксенофонт. Анабасис. Пер., статьи и прим. М. И. Максимовой, под ред. И. И. Толстого, М.—Л., 1951.
248. Кузнецов. Памиры,— ОМА, 1894, вып. VI.
249. Кузьмина Е. Е. Бронзовый шлем из Самарканда,— СА, 1958, № 4.
250. Кузьмина Е. Е. К вопросу о некоторых типах орудий Киргизии эпохи поздней бронзы (по материалам Иссык-Кульского клада),— ИАН КиргССР, СОН, 1961, т. III, № 3.
251. Кузьмина Е. Е. О южных пределах распространения степных культур эпохи бронзы в Средней Азии,— сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964.
252. Кузьмина Е. Е. Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры,— сб. «Памятники каменного и бронзового веков Евразии», М., 1964.
253. Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии, М., 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников, В 4-9).
254. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников, Тбилиси, 1941.
255. Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию, Тбилиси, 1949.
256. Куфтин Б. А. Материалы по археологии Колхиды, I, Тбилиси, 1949.
257. Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы,— КСИИМК, 1950, вып. XXXII.
258. Леммлейн Г. Г. Каменные бусы Самтаврской некрополя,— «Материалы по истории Грузии и Кавказа», вып. 29, 1951.
259. Леонов Н., Рацек В. По Алаю, Ташкент, 1962.
260. Либеров П. Д. Хронология памятников Поднепровья скифского времени,— сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
261. Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии,— «Народы Средней Азии и Казахстана». I. Под ред. С. П. Толстова и др., М., 1962.
262. [Лившиц В. А.] Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица, М., 1962 (Согдийские документы с горы Муг, вып. II).
263. Лившиц В. А. Разделы главы «Распад перво-бытнообщинного строя»,— ИТН, I.
264. Липс Ю. Происхождение вещей. Из истории культуры человечества, М., 1954.
265. Липский А. Н. Археологические раскопки в Хакасии,— КСИИМК, 1956, вып. 64.
266. Литвинский Б. А. К истории добычи олова в Узбекистане,— «Тр. САГУ», н. с., вып. XI. Гуманитарные науки, кн. 3. Археология Средней Азии, Ташкент, 1950.
267. Литвинский Б. А. Намазга-тепе по данным раскопок 1949—1950 гг. (Предварительное сообщение),— СЭ, 1952, № 4.
268. Литвинский Б. А. Полевые археологические работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1952 году,— ИАН ТаджССР, ООН, 1953, № 3.
269. Литвинский Б. А. Археологическое изучение Таджикистана советской наукой (Краткий очерк), Сталинабад, 1954 (ТАН ТаджССР, т. XXVI).
270. Литвинский Б. А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии, Сталинабад, 1954 (АН ТаджССР. Научно-популярная библиотека, вып. 19).
271. Литвинский Б. А. Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно IX—XII вв.),— ТАН ТаджССР, 1954, т. XXVII.
272. Литвинский Б. А. Новые материалы по археологии Таджикистана,— КСИИМК, 1954, 55.



273. Литвинский Б. А. Основные этапы изучения археологии Таджикистана советской наукой, — ИАН ТаджССР, ООН, 1954, вып. 6.
274. Литвинский Б. А. Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе в (Ворухе), — КСИИМК, 1956, вып. 64.
275. Литвинский Б. А. Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Кара-Мазарских горах, — АРТ, III.
- 275а. Литвинский Б. А. Предметы из погребения на Сталинабадских холмах, — «Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея ТаджССР», Сталинабад, 1958, вып. III.
276. Литвинский Б. А. Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г., — АРТ, V.
277. Литвинский Б. А. Курумы, — сб. «Археологи рассказывают», Сталинабад, 1959.
278. Литвинский Б. А. Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1959 году, — АРТ, IV.
279. Литвинский Б. А. Среднеазиатский горный промысел в средние века (IX—XII вв.). Техника, — «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959.
280. Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
281. Литвинский Б. А. «Саки, которые за Согдом», — ТАН ТаджССР, 1960, т. СХХ.
282. Литвинский Б. А. Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г., — АРТ, VI.
283. Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1958 г., — АРТ, VI.
284. Литвинский Б. А. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г., — АРТ, VII.
285. Литвинский Б. А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана, — ИАН ТаджССР, ООН, 1961, вып. I(24).
286. Литвинский Б. А. Археологические открытия на Восточном Памире и проблема связей между Средней Азией, Китаем и Индией в древности, — «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов», т. III, М., 1963.
287. Литвинский Б. А. Борьба народов Средней Азии против греко-македонских захватчиков, — ИТН, I.
288. Литвинский Б. А. Бронзовый век, — ИТН, I.
289. Литвинский Б. А. Социально-экономический строй древней Средней Азии, — ИТН, I.
290. Литвинский Б. А. Средняя Азия в составе селевкидского государства, — ИТН, I.
291. Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов), — сб. «Индия в древности», М., 1964.
292. Литвинский Б. А. Среднеазиатские железные наконечники стрел, — СА, 1965, № 2.
293. Литвинский Б. А. [Рец. на:] Ю. А. Заднепровский, Древнеземледельческая культура Ферганы (МИА, 1962, 118), — СА, 1965, № 4.
294. Литвинский Б. А. Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке), — СА, 1966, № 4.
295. Литвинский Б. А. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы истории Средней Азии, — ВДИ, 1967, № 4.
296. Литвинский Б. А. Археология Таджикистана за годы Советской власти, — СА, 1967, № 3.
297. Литвинский Б. А. Кангюско-сарматский Фарн (к историко-культурным связям племен Южной России и Средней Азии), Душанбе, 1968.
298. Литвинский Б. А. Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Бронзовые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел, — сб. «Материальная культура Таджикистана», вып. 1, Душанбе, 1968.
299. Литвинский Б. А. Погребальный обряд древних ферганцев в свете этнографии, — ИАН ТаджССР, ООН, 1968, № 3 (53).
300. Литвинский Б. А., Бубнова М. А. Раскопки курганов на Восточном Памире в 1960 г., — АРТ, VIII.
301. Литвинский Б. А., Гулямова Э., Павлова А. Е. Из истории ткачества в Западной Фергане (до арабского завоевания), — ИАН ТаджССР, ООН, 1962, вып. I (28).
302. Литвинский Б. А., Давидович Е. А. Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г., — АРТ, II.
303. Литвинский Б., Окладников А. П. и Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана), Душанбе, 1962 (ТИИ АН ТаджССР, т. XXXIII).
304. Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI—IV вв. до н. э., — ВДИ, 1966, № 3.
305. [Литльдель Г.] Извлечение из описания путешествия через Памир (с севера на юг), совершенного Георгом Литльделем, — СМА, вып. L, 1892.
306. Лоховиц В. А. Раскопки квадратного погребального сооружения на городище Чирик-Рабат, — МХЭ, 1963, вып. 6.
307. Луканенкова В. К., Халиков М. К. Новые сведения о наивысших пределах произрастания кустарников в горах СССР, — ДАН СССР, 1962, т. 146, № 3.
308. Лукас А. Материалы и ремесленные производства Древнего Египта, М., 1958.
309. Лызлов А. Скифская история, изд. II, ч. 1, М., 1787.
310. Майский П. М. Следы древних верований в памирском исмаилизме, — СЭ, 1935, № 3.
311. Мак-Грегор. Оборона Индии, ч. I—II, — СМА, вып. XLIII—XLIV, 1891.
312. Макленбурцев Р. Н. Фауна наземных позвоночных Памира, — «Конференция по сельскохозяйственному освоению Памира, Ленинград, 23—29 января 1936 г.» (Тезисы выступления), II, Ташкент, 1936.
- 312а. Максимов Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление, — СА, 1966, № 1.
313. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб., 1903.
314. Максимова А. Г. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата), — ТИИАЭ АН КазССР, 1956, т. I.
315. Максимова А. Г. Усунские курганы левобережья реки Или, — ИАН КазССР, СИАЭ, 1959, вып. I (9).
316. Максимова А. Г. Эпоха бронзы восточного Казахстана, — ТИИАЭ АН КазССР, 1959, т. 7.
317. Максимова А. Г. Курганы сакского времени могильника Джавантобе, — КСИИМК, 1960, вып. 60.
318. Мамаджанова М. Ю., Промтов А. Н., Рахимов М. Р., Селиванов Р. И., Станюкович К. В., Чумичев Д. А. Таджикистан, М., 1968 (Советский Союз. Географическое описание в 22 томах).
319. Мандельштам А. М. Несколько замечаний о наскальных изображениях бассейна верхнего Зеравшана, — ТАН ТаджССР, 1956, т. XLII.

320. Мандельштам А. М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э., Сталинабад, 1957 (ТИИАЭ ТаджССР, т. LIII).
321. Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию, М.—Л., 1966 (МИА, № 136).
322. Манцевич А. П. О скифских поясах,— СА, 1941, VII.
323. Марафиев С. К истории пригородных поселений Ходжента (Румон и Ева),— «Уч. зап. Ленинабадского Гос. пединститута им. С. М. Кирова», Ленинабад, 1963, вып. XVIII.
324. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Орозбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1966.
325. Маретина С. А. О культе камней у нага,— сб. «Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии», М., 1970.
326. Марков К. К., Лазуков Г. И., Николаев В. А. Четвертичный период, т. I. Территория СССР, М., 1965.
327. Мартынов Г. С. Иссыкская находка,— КСИИМК, 1955, вып. 59.
328. Марущенко А. А. Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана,— ТИИАЭ АН ТуркмССР, 1959, т. V.
329. Масальский В. И. Туркестанский край, СПб., 1913 (Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. XIX).
330. Массон В. М. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина,— «Тр. ЮТАКЭ», Ашхабад, 1956, т. 7.
331. Массон В. М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии,— СА, 1957, № 4.
332. Массон В. М. Племена и народности Туркменистана в VI—IV вв. до н. э.,— «История Туркменской ССР», т. I, кн. 1, Ашхабад, 1957.
333. Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, М.—Л., 1959 (МИА, № 73).
334. Массон В. М. Кара-тепе у Артыка (в свете раскопок 1955—1957 гг.),— «Тр. ЮТАКЭ», Ашхабад, 1960, т. X.
335. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана, т. I, М., 1964.
336. Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых, Л., 1934 (ТПЭ 1933 г. Материалы экспедиции, вып. XX).
337. Массон М. Е. К истории черной металлургии Узбекистана, Ташкент, 1947.
338. Массон М. Е. Некоторые новые данные по истории Парфии,— ВДИ, 1950, № 3.
339. Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953.
340. Массон М. Е. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, 1953.
341. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства,— «Тр. ЮТАКЭ», т. V, Ашхабад, 1955.
342. Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Парфянские ритоны Нисы, Ашхабад, 1959 («Тр. ЮТАКЭ», т. IV).
- 342а. Махабхарата. Кн. II. Сабхапарва или Книга о собрании. Пер. В. И. Кальянова, М.—Л., 1962.
343. Медведев А. Ф. Из истории сложного лука,— КСИА, 1964, 102.
344. Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел). VIII—XIV вв., М., 1966 (Археология СССР. Свод археологических источников, вып. E1—36).
- 344а. Медведская И. Н. О происхождении бронзовых черешковых наконечников стрел,— КСИА, 1969, 119.
345. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа, М., 1958.
346. Мелюкова А. И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья,— МИА, 1958, № 64.
347. Мелюкова А. И. Вооружение скифов, М., 1964 («Археология СССР. Свод археологических источников», вып. D1—4).
348. Мелюкова А. И. Вооружение, войско и военное искусство скифов (по археологическому материалу и письменным источникам) (Канд. дисс. б. г. Рукопись хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина).
349. Мерварт Л. А. Обрядовые уборы кашмирских брахманов,— СМАЭ, 1927, т. 6.
350. Миклашевская Н. Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии,— ТКАЭЭ, 1959, т. II.
351. Миклашевская Н. Н. История распространения монголоидного типа на территории Киргизии,— «Научные труды Ташкентского Гос. университета», Ташкент, 1964, вып. 235.
352. Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. I. Осетинские тексты, М., 1881; ч. II. Исследования, М., 1882; ч. III. Исследования, М., 1887.
353. Миллер В. Ф. Черты старины в сказаниях и быте осетин,— ЖМНП, 1882, ч. ССХХП, № 3.
354. Миллер В. Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древней культурой,— «Избр. труды русских индологов-филологов», М., 1962.
355. Минаев И. П. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.
356. Михайлов Ф. А. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк, Асхабад, 1900.
357. Моногарова Л. Ф. Материалы по этнографии язгулемцев (Западный Памир),— ТИЭ, н. с., 1959, т. XLVII.
358. Мошкова М. Г. Раннесарматские бронзовые пряжки,— МИА, 1960, № 78.
359. Мошкова М. Г. Сарматские курганы в Оренбургской области,— КСИА, 1961, вып. 83.
360. Мошкова М. Т. О раннесарматских втульчатых стрелах,— КСИА, 1962, вып. 89.
361. Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры, М., 1963 («Археология СССР. Свод археологических источников», вып. D1—10).
362. Нарты. Эпос осетинского народа (Издание подготовили В. И. Абаев, Н. Г. Джусов, Р. А. Ивнев и Б. А. Калоев), М., 1957.
363. Никитин В. Курды. Пер. с франц., М., 1964.
364. Новгородова Э. Ножи карасукского времени из Монголии и Южной Сибири,— МАС, 1962.
365. Новгородова Э. А. Локальные группы карасукской культуры (Анализ украшений),— «Уч. зап. Московского областного пединститута», т. СXXXIII, М., 1963.
366. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема, М., 1970.
367. Новицкий В. Ф. Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгария в русский Туркестан, СПб., 1903 («Зап. РГО по общей географии», т. XXXVIII, № 2).
368. фон Нотбек. Памир и памирский вопрос [б. м.], [б. г.].
369. Нурджанов Н. Отчет о работе во время

- Гармской этнографической экспедиции 1954 г.,— ИАН ТаджССР, ООН, 1956, № 10—11.
- 369а. Обельченко О. В. Курганные погребения первых веков н. э. и кенотфы Кую-Мазарского могильника,— «Тр. САГУ», н. с., вып. CXI, Ист. науки, кн. XXV. Археология Средней Азии, IV, Ташкент, 1957.
370. Обельченко О. В. Из истории изучения курганных погребений в Средней Азии,— ИМКУ, 1965, вып. 6.
371. Оболдуева Т. Г. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала,— ТИИА АН УзССР 1951, т. IV.
- 371а. Окладников А. П. К вопросу о происхождении и месте лука в истории культуры,— КСИИМК, 1940, V.
- 371б. Окладников А. П. Погребение бронзового века в Ангарской тайге,— ВДИИМК, 1940, VIII.
372. Окладников А. П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, южный Узбекистан (Средняя Азия),— сб. «Тешик-Таш», М., 1949.
373. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I—II, М.—Л., 1950 (МИА, № 18).
374. Омар Хаййам. Трактаты. Пер. Б. А. Розенфельда, М., 1961 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Малая серия, III).
375. Остроумов И. П. Письмо в Археологическую комиссию от 10 августа 1887, № 1034,— Архив ЛОИА, оп. I, 1886, д. № 34.
376. Пахалина Т. Н. Ваханский язык,— «Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки», М., 1966.
377. Пахалина Т. Н. Сарыкольский язык, М., 1966.
378. Пахомов М. М. Первые результаты споровых пыльцовых исследований кайнозойских отложений на Памире,— «Новейший этап геологического развития территории Таджикистана», Душанбе, 1962.
379. Перевозчиков И. В. К палеоантропологии населения Алая в сакское время,— ВА, 1970, вып. 34.
380. Петренко В. Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э., М., 1967 («Археология СССР. Свод археологических источников», вып. Д1—4).
381. Пехачек М. И. Состав и питательность некоторых кормов Восточного Памира,— ИАН ТаджССР, 1945, № 9.
382. Пещерева Е. М. Гончарное производство Средней Азии, М.—Л., 1959 (ТИЭ АН СССР, н. с. XLII).
383. Пещерева Е. М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине,— «Иранский сборник к семидесятипятилетию профессора И. И. Зарубина», М., 1963.
384. Пиотровский Б. Б. Скифы и Закавказье,— ТОВЭ, 1940, т. III.
385. Пиотровский Б. Б. Разведочные работы на Гяур-Кала в Старом Мерве,— «Материалы ЮТАКЭ», вып. I, Ашхабад, 1949.
386. Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур, I. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии Наук АрмССР и Государственного Эрмитажа 1939—1949 годов, Ереван, 1950 (Археологические раскопки в Армении, № 1).
387. Пиотровский Б. Б. Скифы и Древний Восток,— СА, 1954, XIX.
388. Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту), М., 1959.
389. Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д. История техники Древнего Двуречья,— И. Лурье и др. Очерки по истории техники Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве, М.—Л., 1940.
390. Писарчик А. К. Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года,— «Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1949, № 15.
391. Писарчик А. К. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. II, Сталинабад, 1958 (ТАН ТаджССР, т. LXI).
392. Писарчик А. К. Припамирские таджики,— «Народы Средней Азии и Казахстана», I. Под ред. С. П. Толстова и др., М., 1962.
393. Писарчик А. К. Смерть, похороны,— «Таджики Каратегина», III (в печати).
394. Плешко С. И. Состояние и перспективы животноводства на Восточном Памире,— «Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1945, № 9.
395. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. 1—3, М., 1961—1964.
396. Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики,— КСИИМК, 1948, вып. XXII.
397. Погребова Н. Н. Погребения в мавзолее Неаполя Скифского,— МИА, 1961, № 96.
398. Полибий. Всеобщая история в сорока книгах. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко с его предисл., прим., указ., карт., т. I—III, М., 1890, 1895, 1899.
399. Полидевк Юлий. Словарь.— В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе,— ВДИ, 1948, № 2.
400. Полиен. Стратегемы. Пер. с греч. Дм. Паппадопуло, СПб., 1842.
401. Поляк А. А. Физическая география Афганистана (учебное пособие), М., 1953.
402. Поршнев Б. Ф. О древнейшем способе получения огня,— СЭ, 1955, № 1.
403. Потапов Л. П. Разложение родового строя у племен Северного Алтая, I. Материальное производство, М.—Л., 1936 (ИГАИМК, вып. 128).
404. Потапов Л. П. Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни,— СМАЭ, 1949, XII.
405. Потапов Л. П. Из истории кочевничества (на материале народов СССР),— «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.
406. Потапов Р. Л. Распространение и биология птиц Памирского нагорья (Автореф. канд. дисс.), Л., 1963.
407. Придик Е. Мельгуновский клад 1763 года, СПб., 1911 (МАР, № 31).
408. Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове,— ИАК, 1917, вып. 63.
409. Пугаченкова Г. А. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии,— СА, 1959, № 2.
410. Пугаченкова Г. А. О панцирном вооружении парфянского и бактрийского воинств,— ВДИ, 1966, № 2.
411. Пугаченкова Г. А. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966.
412. Пуляркин В. А. Кашмир, М., 1956.
413. Путята Д. В. Очерк экспедиции Г.-Ш. капитана Путята в Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан 1883 г.,— СМА, вып. X, 1884.
414. Пьянков И. В. К вопросу о маршруте похода Кира II на массагетов,— ВДИ, 1964, № 3.
415. Пьянков И. В. «Саки» (содержание понятия),— ИАН ТаджССР, ООН, 1968, № 3 (53).
416. Пятыхева Н. В. Ювелирные изделия Херсо-

- неса. Коллекция Государственного исторического музея, М., 1956 (ТГИМ, вып. XVIII).
417. Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 2, СПб., 1891 (МАР, № 5).
418. Радлов В. В. Сибирские древности, т. I, вып. 3, СПб., 1894 (МАР, № 15).
419. Разгонов А. К. По Восточной Бухаре и Памиру, Ташкент, 1910.
420. Райкова И. А. Растительные ландшафты Памира,—«Тр. САГУ», 1930, Ташкент, сер. VIII—В. Ботаника, вып. 12.
421. Райкова И. А. Улучшение пастбищ Восточного Памира,—«Изв. ТаджФАН СССР», Сталинабад, 1944, № 8.
422. Ранов В. А. Наскальные изображения у кишлака Наматгут,—ИАН ТаджССР, ООН, 1957, № 14.
423. Ранов В. А. Первые памятники каменного века на Памире,—«Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959.
424. Ранов В. А. Результаты разведок каменного века в 1957 г. (в низовьях Вахша и на Восточном Памире),—АРТ, V.
425. Ранов В. А. Результаты разведок каменного века 1956 г. (в урочище Шор-Куль и на Восточном Памире),—АРТ, IV.
426. Ранов В. А. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте,—ТАН ТаджССР, 1960, XXIX.
427. Ранов В. А. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир),—ИАН ТаджССР, ООН, 1960, вып. I(22).
428. Ранов В. А. Стоянка Каратумшук (Восточный Памир),—КСИИМК, 1960, вып. 80.
429. Ранов В. А. Исследование памятников Восточного Памира в 1958 г.,—АРТ, VI.
430. Ранов В. А. Рисунки каменного века в гроте Шахты,—СЭ, 1961, № 5.
431. Ранов В. А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г.,—АРТ, VIII.
432. Ранов В. А. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956—1958 гг.),—МИА, 1964, № 124.
433. Ранов В. А. Следы писаниц в навесе Куртеке,—ИВГО, 1964, т. 96.
434. Ранов В. А., Гурский А. В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР,—СЭ, 1966, № 2.
435. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф. К вопросу об изменениях природных условий Памира в голоцене,—ДАН ТаджССР, 1960, т. III, № 3.
436. Ранов В. А., Сидоров Л. Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека,—«Страны и народы Востока», вып. IV, М., 1965.
437. Рахимов М. Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области,—ИАН ТаджССР, ООН, 1953, вып. III.
438. Рахимов М. Р. Некоторые результаты работы Гармской этнографической экспедиции 1954 г.,—ИАН ТаджССР, ООН, 1956, вып. 10—11.
439. Рахимов М. Р. Следы древних верований в земледельческих обычаях и обрядах таджиков Каратегина и Дарваза до революции,—ИАН ТаджССР, ООН, 1956, вып. 10—11.
440. Рахимов М. Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958—1961 гг.,—ИАН ТаджССР, ООН, 1963, № 1.
441. Ренгартен В. П. Геологическое строение района Мургаб-Истык на Восточном Памире,—«Тр. ТПЭ 1933 г.», Л., 1935, вып. XXII.
- 441a. Рерих Ю. Н. Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию (1925—1928),—«Вопросы географии», М., 1960, сб. 50.
442. Робертсон Д. С. Кафиры Гиндукуша (Извлечение), Ташкент, 1906.
443. Розенфельд А. З. Топонимика нижнего Каратегина в связи с некоторыми вопросами его истории (Оби-Гармский и Комсомолбадский районы б. Гармской области),—ИАН ТаджССР, ООН, 1956, вып. 10—11.
444. Розенфельд А. З. Заметки по гидронимии юго-восточного Таджикистана,—сб. «Топонимика Востока. Новые исследования», М., 1964.
445. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России, т. I. Текст. Описание и исследование памятников, СПб., 1914; Альбом, СПб., 1913.
446. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор, Пг., 1925.
447. Ростовцев М. И. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль,—«Seminarium Kondakovianum», Прага, 1929 (Σελ. 174 I).
448. Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время, М.—Л., 1953.
449. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время, М.—Л., 1960.
450. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы, М.—Л., 1962.
451. Рудо К. Г. К вопросу о вооружении Согда VI—VIII вв.,—«Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР», I, Сталинабад, 1952.
452. Русайкина С. П. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР,—ТИЭ, н. с, 1959, XLVII.
453. Рутковская Л. М. Бронзовый котел из Ферганы,—«Тр. САГУ», н. с, вып. XXXI. Ист. науки, кн. 12. Археология Средней Азии, Ташкент, 1956.
454. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси, М., 1948.
455. Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (Древние изоляты Памира), М., 1969.
456. Рязанцев С. Н. Киргизия, М., 1951.
457. Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья,—МИА, 1951, № 21.
458. Сальников К. В. Кипельское селище,—СА, 1957, XXVII.
459. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала, М., 1967.
460. Сарияниди В. И. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, М., 1967.
461. Сегерт С. Замечания о свитке «Войны» из Кумрана,—НАА, 1961, № 6.
462. Семенов А. А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, М., 1903.
463. Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов,—МИ, 1912, г. I, № 3.
464. Семенов С. А. Добывание огня трением,—«Материалы по отделению этнографии (Географического общества СССР)», ч. III, Л., 1963.
465. Сидоров Л. Ф. Материалы к характеристике луговой растительности Памира,—«Уч. зап. Ленинградского Гос. пединститута», Л., 1959, т. 205.
466. Сидоров Л. Ф. Луга Памира (Автореф. канд. дисс.), Л., 1960.
467. Сидоров Л. Ф. Развитие растительного покрова Памира в послеледниковое время,—БЖ, 1963, т. 48, № 15.
468. Сидоров Л. Ф. О границе между Передней и Центральной Азией,—ИВГО, 1964, т. 96, № 6.

469. Сидоров Л. Ф., Потапов Р. Л. К истории лесов Памира и прилегающих областей в позднечетвертичное время,— БЖ, 1965, т. 50, № 6.
470. Синицын Б. Як Памира, Ташкент, 1936 («Тр. САГУ», сер. X. «Сельское хозяйство», вып. 3).
471. Синха Н. К., Банерджи А. Ч. История Индии. Пер. с англ., ред. и пред. К. А. Антоновой, М., 1954.
472. Скерский. Краткий очерк Памира,— СМА, 1892, вып. L.
473. Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья, М, 1961 (МИА, № 95).
474. Смирнов А. П. Скифы, М., 1966.
475. Смирнов А. П. Происхождение рабовладения,— сб. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма», М., 1970.
476. Смириов К. Ф. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии,— «Вопросы скифо-сарматской археологии», М., 1954.
477. Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской,— МИА, 1958, № 64.
478. Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов, М., 1961 (МИА, 101).
479. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов, М., 1964.
480. Смирнов К. Ф., Петренко В. Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья, М., 1963 («Археология СССР. Свод археологических источников», вып. Д 1—9).
481. Снссарев [А. Е.] Северо-Индийский театр (военно-географическое описание), ч. I, Ташкент, 1903.
482. Снесарев А. Е. Индия (страна и народ), вып. I. Физическая Индия, М., 1926.
483. Советкина М. М. Материалы к производительности пастбищ и сенокосов Восточного Памира, Ташкент, 1936 («Тр. САГУ», сер. VIII-B, вып. 31).
484. Советкина М. М. Пастбища и сенокосы Средней Азии, Ташкент, 1938.
485. Соколова В. С. Шугнано-рушанская языковая группа,— «Языки парадов СССР», т. I. Индоевропейские языки, М., 1966.
486. Соколова В. С. Генетические отношения язгулянского языка и шугнанской языковой группы, Л., 1967.
487. Соседко А. Ф. Черные металлы Средней Азии,— сб. «Минеральные богатства Средней Азии», Л., 1935.
488. Спасская Е. Ю. Медные котлы ранних кочевников Казахстана и Киргизии,— «Уч. зап. Алма-Атинского Гос. пединститута», т. XI (1), сер. общ.-полит., Алма-Ата, 1956.
489. Спасская Е. Ю. Находки медных котлов ранних кочевников в Казахстане и Киргизии,— «Уч. зап. Казахского пединститута», т. XV (3), вып. 2, сер. общ.-полит., Алма-Ата, 1958.
490. Спейт О. Х. К. Индия и Пакистан. Пер. с англ. А. Б. Шмелева под общ. ред. А. М. Рябчикова, М., 1957.
491. Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (Из раскопок 1954 года),— КСИИМК, 1957, вып. 69.
492. Средняя Азия. Общая ред. И. П. Герасимова, М., 1968 (Природные условия и естественные ресурсы СССР).
493. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966.
494. Ставиский Б. Я. Средняя Азия в кушанский период,— ИТН, I.
495. Станюкович К. В. Растительный покров Восточного Памира, М., 1949 (ЗВГО, н. с, т. 10).
- 495а. Стеблин-Каменский И. М. Историческая фонетика ваханского языка (Автореф. канд. дисс.), Л., 1971.
496. Степанов Н. К. История русской одежды, вып. I, Пг., [б. г.].
497. Стещенко А. П. Улучшение пустынных пастбищ на Памире, Сталинабад, 1954 (АН ТаджССР. Ин-т ботаники. Памирская биологическая станция. Науч.-попул. б-ка, вып. 28).
498. Страбон. География в 17 книгах. Пер., статья и комментарии Г. А. Стратоновского, М., 1964.
499. Стрелков А. С. Большой Семиреченский алтарь,— «Сергею Федоровичу Ольденбургу к пятидесятилетию. Сборник статей», Л., 1934.
500. Струве В. В. Поход Дария I на саков-массагетов,— ИАН СССР, СИФ, 1946, т. III, № 3.
501. Струве В. В. Дарий I и скифы Причерноморья,— ВДИ, 1949, № 4.
502. Струве В. В. Восстание в Маргиане при Дарии I,— ВДИ, 1949, № 2.
503. Сумцов Н. Ф. Этнографические заметки. 7. Символика красного цвета,— ЭО, 1889, кн. 3.
504. Сэр-Оджав Н. Археологические исследования в Монгольской Народной Республике,— МАС, 1962.
505. Таджики Қаратегина и Дарваза, вып. I, Душанбе, 1966.
506. Таджикистан за годы Советской власти. Сб. статистических материалов, Душанбе, 1967 (ЦСУ СССР. Центральное статистическое управление при Совете Министров ТаджССР).
507. Тадмор Х. Три последних десятилетия Ассирии,— «Тр. XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962.
508. Таскин В. С. Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Пред., перевод и прим. В. С. Таскина, М., 1968.
509. Таскин В. С. Скотоводство у Сюнну по китайским источникам,— сб. «Вопросы истории и историографии Китая», М., 1968 (АН СССР. Институт народов Азии).
510. Теплоухов С. Древние погребения в Минусинском крае,— «Материалы по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927.
511. Тереножкин А. И. Памятники материальной культуры на Ташкентском канале (Предварительные данные),— «Изв. УзФАН СССР», 1940, № 9.
512. Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье, Киев, 1961.
513. Толстов И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. II. Древности скифо-сарматские, СПб., 1889; вып. III. Древности времен переселения народов, СПб., 1890.
- 513а. Толстов С. П. Подъем и крушение империи эллинистического «Дальнего Востока»,— ВДИ 1940, № 3—4.
514. Толстов С. П. Древний Хорезм, М., 1948.
515. Толстов С. П. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг.,— ТХАЭЭ, 1958, т. II.
516. Толстов С. П. Варварские племена периферии античного Хорезма по новейшим археологическим данным,— «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959.
517. Толстов С. П. Приаральские скифы и Хорезм, М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР).
518. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962.
519. Толстов С. П. Результаты историко-археологических исследований 1961 г. на древних руслах Сыр-Дарьи,— СА, 1964, № 4.

520. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапорт Ю. А. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г.,—МХЭ, 1960, вып. 4.
521. Толстов С. П., Жданко Т. А., Итина М. А. Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958—1961 гг.,—МХЭ, 1963, вып. 6.
522. Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сыр-Дарьи (По материалам Тагискена),—СА, 1966, № 2.
523. Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940 (Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа, I).
524. Тревер К. В. Согд, Хорезм, Бактрия, Чач и Паркан (Фергана) в архаический период (VI—IV вв. до н. э.),—К. В. Тревер, А. Ю. Якубовский, М. Э. Воронец, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950.
- 524а. Троицкая А. Л. Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины верхнего Зеравшана,—ТИЭ АН СССР, н. с., 1971, т. ХСVII.
525. Трофимова Т. А. Приаральские саки (Краниологический очерк),—МХЭ, 1963, вып. 6.
526. Трофимова Т. А. Ранние саки Приаралья по данным палеоантропологии,—«Anthropos. Studie z oboru anthropologie, paleontologie a kvartérni geologie», с. 19 (N. S. II), Brno, 1967 (Acta anthropologického kongresu. Brno, 1965).
527. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала,—ТХАЭЭ, 1952, 1.
528. Трудновская С. А. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат,—МХЭ, 1963, вып. 6.
529. Тэйлор Э. Первобытная культура, М., 1939.
530. Уклоиский А. С. Железные руды Средней Азии,—«Коммунистический Восток», Ташкент, 1931, № 2—3.
531. Усманова З. И. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала,—«Тр. ЮТАКЭ», Ашхабад, 1963, т. XII.
532. Усманова З. И. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.),—«Тр. ЮТАКЭ», Ашхабад, 1963, т. XII.
533. Федченко Б. А. Памир и Шугнан (Предварительный отчет),—«Изв. РГО», СПб., 1902, т. XXXVIII, вып. III.
534. Фелькерзам А. Лазурный камень и его применение в искусстве,—«Старые годы», 1913, май.
535. Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни России, т. I, Пг., 1920.
536. Ферсман А. Е. Драгоценные и цветные камни СССР, т. II, Л., 1925.
537. Ферсман А. Е. Очерки по истории камня, т. I, М., 1954.
538. Ферсман А. Е. Очерки по истории камня, т. II, М., 1961.
539. Фирштейн Б. В. Савроматы Нижнего Поволжья (по антропологическим материалам из раскопок в низовьях р. Еруслан Сталинградской области),—ТИЭ, н. с., 1961, т. LXI.
540. Флеров К. К. Туркестанский олень или хангул,—«Тр. ТКЭ», М.—Л., 1935, вып. X.
541. Фольклори сокинони саргахи Зарафшон, Точикдавнашр, 1960.
542. Форасинт. Форасинта миссии в Яркенд в 1873 году. Маршруты, пройденные членами экспедиции и их спутниками,—СМА, 1884, вып. X (правильная фамилия автора — Форсайт).
543. Хазанов А. М. Сложные луки евразийских степей и Ирана в скифо-сарматскую эпоху,—сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана», М., 1966.
544. Хазанов А. М. Вооружение, войско и военное искусство сарматов (III—II вв. до н. э.—IV в. н. э.) (Автореф. канд. дисс.), М., 1966.
545. Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России (60—90-е годы XIX в.), М., 1965.
546. Ханна Х. В. Естественные оборонительные линии Индии и афганские перевалы,—СМА, 1896, LXIV.
547. Хромов А. Л. Общая лингвистическая характеристика топонимии и микропонимии Ягноба,—ИАН ТаджССР, ООН, 1966, № 3 (45).
548. Чаттерджи Ш. О некоторых типах слово-сложений в индо-арийских языках,—ПВ, 1960, № 3.
549. Черненко Е. В. Скифські бойові пояси,—«Археологія», т. XVI, Київ, 1964.
550. Черненко Е. В. Панцири скифського часу,—«Археологія», т. XVIII, Київ, 1965.
551. Черненко Е. В. Происхождение пластинчатого панцирного доспеха,—«Кр. сообщения Одесского гос. археологического музея», Одесса, 1965.
552. Черненко Е. В. История скифского оборонительного доспеха (Автореф. канд. дисс.), Киев, 1966.
553. Черненко Е. В. Появление тяжелой конницы в степях Евразии,—сб. «Тезисы докладов и сообщений на конференции по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1966.
554. Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая, Алма-Ата, 1949.
555. Черников С. С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции,—КСИИМК, 1956, вып. 64.
556. Черников С. С. Роль андроновской культуры в истории Средней Азии и Казахстана,—КСИЭ, 1957, т. XXVI.
557. Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, М.—Л., 1960 (МИА, № 88).
558. Черников С. С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство», М., 1965.
559. Членова Н. Л. Основные вопросы происхождения татарской культуры Южной Сибири,—сб. «Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока», Новосибирск, 1961.
560. Членова Н. Л. Скифский олень,—МИА, № 145, 1962.
561. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история тагарской культуры, М., 1967.
562. Чурсин Г. Ф. Амулеты и талисманы кавказских народов,—СМОМПК, вып. 46, Махач-Кала 1929.
563. Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса (Раскопки 1955—1958 гг.), М., 1961 (МИА, № 98).
564. Широкова З. А. Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, вып. I (Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г.), Сталинабад, 1956.
565. Шишкина Г. В. О местонахождении Мараканды,—СА, 1969, № 1.
566. Шрамко Б. А., Фомин Л. Д., Солнцев Л. А. Первая находка метеоритного железа в Восточной Европе,—СА, 1965, № 4.
567. Шульц В. Л. Реки Средней Азии, ч. I—II, Л., 1965.
568. Эдельман Д. И. Современное состояние изучения памирских языков,—ВЯ, 1964, № 1.
569. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. Пер. с кит. Е. И. Лубо-Лесниченко, Е. В. Пузичкого, М., 1965.
570. Юсуфбеков К. Ю. Улучшение пастбищ и сенокосов Памира и Алайской долины, Душанбе, 1968.

571. Ягодин В. Н. Поселение амирабадской культуры Коват 2,— МХЭ, 1963, вып. 6.
572. A. H. Q. Bows and arrows,— EB, vol. 3. 1960.
573. Ackerman Ph. Sasanian seals,— SPA, 1938, vol. I.
574. Ackerman Ph. Some problems of early iconography,— SPA, 1938, vol. I.
575. Ackerman Ph. Some specific problems,— SPA, 1938, vol. I.
576. Agravala V. S. India as known to Pāṇini, Lucknow, 1953.
577. Aitchison L. A history of metals, vol. I, London, 1960.
578. Akurgal E. Die Kunst der Hethiter, München, 1961.
579. Alciati G. I resti ossei umani delle necropoli dello Swat (W. Pakistan), pt I, Butkara II, Roma, 1967 (IsMEO. Reports and memoirs, vol. VIII/1).
580. Allchin B. and R. The birth of Indian civilization, India and Pakistan before 500 B. C, London, 1968.
581. Altheim F. Niedergang der alien Welt, Bd I, Frankfurt-am-Main, 1952.
- 581a. Altheim F. Weltgeschichte Asiens im griechischen Zeitalter, Bd I, Halle (Saale), 1947.
582. Altheim F. und Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum, Berlin, 1970.
583. Andersson J. G. The highway of Europe and Asia,— JRAS, 1929, April.
584. Andersson J. G. Hunting magic in the animal style,— BMFEA, 1932, № 4.
585. Andreas F. C. Ueber einige Fragen der ältesten persischen Geschichte,— «Verhandlungen des XIII Internationalen Orientalisten-Kongresses, Hamburg, September 1902», Leiden, 1904.
586. Antonini Ch. S. Preliminary notes on the excavation of the necropolises found in Western Pakistan,— EW, 1963, N. S., vol. 14, № 1—2.
587. Antonini Ch. S. Swāt and Central Asia,— EW, 1969, vol. 19, № 1—2.
588. Arkell A. J. Cambay and the bead trade,— «Antiquity», 1936, vol. X, № 39.
589. Arne T. J. Die Funde von Luan P'ing und Hsuan Hua,— BMFEA, 1933, № S.
590. Arne T. J. Excavations at 'Shah Tepé, Iran, Stockholm, 1945 (The Sino-Swedish expedition, publ. 27).
591. Arrian. Works with an English translation by E. Iff Robson. Vol. I. Anabasis Alexandri (books I—IV), Cambridge, Mass.—London, 1946; vol. II. Anabasis Alexandri (books V—VII), Indica (book VIII), Cambridge, Mass.—London, 1949.
592. Asmussen J. P. Das iranische Lehnwort *nahšir* in der Kriegerrolle von Qumran (IQM),—AO, XXVI, 1—2.
593. Asmussen J. P. X<sup>u</sup>āstvānīft. Studies in Manichaeism, Copenhagen, 1965 (Acta Theologica Danica, vol. VII).
594. Auboyer J. L'ars et la flèche dans l'iconographie ancienne de l'Inde,— ArAs, 1956, vol. XIX/3-4.
595. Auboyer J. Afganistan und seine Kunst, Prague, 1968.
596. Bachhofer L. Die frühindische Plastik, Bd II, München, 1929.
597. Bachhofer L. On Greeks and Sakas in India — JAOS, 1941, vol. 61, № 4.
598. Bagchi P. Ch. India and Central Asia, Calcutta, 1955.
599. Bailey H. W. To the Zamasp-Namak I,— BSOS, 1930, vol. VI, pt 1; To the Zamasp-Namak II,— BSOS, 1931, vol. VI, pt 3.
600. Bailey H. W. Ttagara,— BSOS, 1937, vol. VIII, 242pt 4.
601. Bailey H. W. Zoroastrian problems in the ninth century books. Ratanbai Katrak lectures, Oxford, 1943.
602. Bailey H. W. Asica,— TPS, 1945.
603. Bailey H. W. Analecta Indoscythica, I,— JRAS, 1953, October; Analecta Indoscythica, II,— JRAS, 1954, April.
604. Bailey H. W. Ariaca,— BSOAS, 1953, vol. XV, pt 3.
605. Bailey H. W. Madu, a contribution to the history of wine,— «Silver Jubilee Volume of the Zinben-Kayaku-Kenkyusyo», Kyoto, 1954.
606. Bailey H. W. Ariana. Dress and equipment,— «Orientalia Suecana», vol. IV, Uppsala, 1955 (Donym nataliciym H. S. Nyberg oblatum).
607. Bailey H. W. Buddhist Sanskrit,— JRAS, 1955, April.
608. Bailey H. W. Armeno-Indoiranica,— TPS, 1956.
609. Bailey H. W. Adversaria Indoiranica,— BSOAS, 1957, vol. XIX, pt. I.
610. Bailey H. W. Dvara Matinām,— BSOAS, 1957, vol. XX.
611. Bailey H. W. Languages of the Saka,— HOR, I, 4, I, Linguistik, 1958.
612. Bailey H. W. Iranian Arya — and Daba,— TPS, 1959, 1960.
613. Bailey H. W. Arya III,— BSOAS, 1961, vol. XXIV, pt 3.
614. Bailey H. W. Indo-Scythian Studies being Khotanese Texts, vol. IV, Cambridge, 1961.
615. Bailey H. W. Lyrical poems of the Sakas,— «Dr. J. M. Unvala memorial volume», Bombay, 1964.
616. Bailey H. W. Saka miscellany,— «Indo-Iranica. Melanges présentés a Georg Morgenstierne a l'occasion de son soixante-dixieme anniversaire», Wiesbaden, 1964.
617. Bailey H. W. Vāsta,— AO, 1966. XXX.
618. Bailey H. W. Saka Śāndrāmata,— «Festschrift für Wilhelm Eilers», Wiesbaden, 1967.
619. Bailey H. W. Saka studies: the ancient kingdom of Khotan,— «Iran. Journal of the British Institute of Persian Studies», London, 1970, vol. VIII.
620. Bailey H. W. Saka of Khotan and Wakhān,— «Pratidānam. Indian, Iranian and Indo-European studies presented to F. B. J. Kuiper on his sixtieth birthday», Monton, [n. d.].
- 620a. Balfour H. On the structure and affinities of the composite bow,— JAIGB, 1890, vol. XIX.
621. Banerjee N. R. The megalithic problem of Chingleput in the light of recent exploration,— AI, 1956, № 12.
622. Banerjee N. R. The Iron Age in India, Delhi, 1965.
623. Banerjee N. R. The Iron Age in India,— «Indian Prehistory: 1964», Poona, 1965 (Deccan College building centenary and silver jubilee series, № 32).
624. Banerjee N. R., Soundara Rajan K. Y. Sanur 1950 and 1952: a megalithic site in district Chingleput,— AI, 1959, № 15.
625. Banerji B. H. Ch. Some notes on the Vedic sacrifices,— «Journal and proceedings of the Asiatic society of Bengal, 1907», Calcutta, 1908, vol. III, April.
626. Barger E. and Wright Ph. Excavations and explorations in the Oxus territories of Afghanistan. A detailed report of the 1938 expedition, Delhi, 1941 (MASI, № 64).
627. Barnett R. D. Median Art,— «Iranica antiqua», Leiden, 1962, vol. II, fasc. I.
628. Barnett R. D. The art of Bactria and the treasure of the Oxus,— «Iranica Antiqua», vol. VIII, Leiden, 1962, fasc. I.

- den, 1968 (*Mélanges Ghirshman*, III); то же: *Archaeologia Iranica. Miscellanea in honorem R. Ghirshman*, Leiden, 1970 («*Iranica Antiqua*», vol. VI—VIII).
629. Barthelemy-Vogels R. Notes on Siberian art of the Karassuk and Tagar periods,— *OA*, 1955, N. S., vol. I, № 3.
630. Bartholomae Ch. *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904; 2. unveränderte Aufl., Berlin, 1961.
631. Bayer Th. *Historia regni graecorum bactriani in quasimul graecorum in India coloniarum vetus memoria explicatur*, Petropoli, 1738.
632. Beck H. C. Classification and nomenclature of beads and pendants,— «*Archaeologia or miscellaneous tracts relating to antiquity*», London, 1928, sec. ser., vol. XXVII.
633. Beck H. C. Notes on sundry asiatic beads,— «*Man*», October, 1930, vol. XXX, № 10.
634. Beck H. C. Etched carnelian beads,— *AJ*, 1933, vol. XIII, № 4.
635. Beck H. C. Notes on glazed stones,— «*Ancient Egypt and the East*», London—New York, 1935.
636. Beck H. C. The beads from Taxila, Delhi, 1941 (*MASI*, № 65).
637. Benveniste E. *Textes Sogdiens édités, traduits et commentés par E. Benveniste*, Paris, 1940 (*Mission Pelliot en Asie Centrale*, III).
638. Benveniste E. Relations lexicales entre la Perse et la Grece ancienne,— «*La Persia e il mondo greco-romano*», Roma, 1966 (*Accademia Nazionale dei Lincei*, № 76).
639. Bergman F. Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop-Nor region, Stockholm, 1939 (*The Sino-Swedish expedition. Publication 7. VII. Archaeology*, I).
640. Bernard B. Human Sceletal remains from the cemetery of Timargarha,— *AP*, 1967, vol. III.
641. Berthelot A. *L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'après Ptolémée*, Paris, 1930 (*Bibliothèque géographique*).
642. Bhandarkar D. R. A Kushana stone-inscription and the question about the origin of the Saka era,— *JBBRAS*, 1902 vol. XX.
643. Bhandarkar D. R. Notes on Ancient history of India,— *IC*, 1934, vol. I, № 2.
644. Bickerman E. The Seleucids and the Achaemenids—«*Accademia Nazionale dei Lincei*», Roma, 1966, Anno CCCLXIII, Quaderno, № 76.
645. Biddulph J. Tribes of the Hindoo Kooshi, Calcutta, 1880.
646. Bittel K. Bogazkoy in phrigische Zeit,— «*VIII Congrès International d'archéologie classique. Rapports et communications*», Paris, 1963.
647. Blegen C W., Caskey J. C., Rawson M. Troy, vol. III, pt 1. Text. The sixth settlement; pt 2. Plates, Princeton, 1953.
- 647a. Boehmer R. M. Zur Datierung der Nekropole B von Tepe Sialk,— «*Archäologischer Anzeiger*», 1965, H. 4 (Beiblatt zum «*Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts*», Bd 80), Berlin, 1966.
648. Bonnet H. Die Waffen der Völker des Alten Orients, Leipzig, 1926.
649. Borovka F. Scythian art (Transl. from the German by Pr. V. P. Childe), New York, 1928.
- 649a. Bosch F. D. K. The golden germ. An introduction to Indian symbolism, S'Gravenhage, 1960 (*Indo-Iranian monographs*, vol. 2).
650. De Bourbel. Routes in Jammu and Kashmir, Calcutta, 1897.
- 650a. Bowman R. A. Aramaic ritual texts from Persepolis, Chicago—Illinois, 1970 (The University of Chicago Oriental Institute publications, vol. XCI).
651. Boyce M. Zariadres and Zarer,— *BSOAS*, 1955, vol. XVII, pt 3.
652. Boyce M. On the sacred fires of the Zoroastrians,— *BSOAS*, 1968, vol. XXXI.
653. Brandenstein W. Die Abstammungssagen der Scythen,— «*Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*», Wien, 1953/1955, Bd 52, H. 1-2.
654. Brandenstein W. Arica,— *MNHMNΣ XAPIN*. Gedenkschrift Paul Kretschmer, I, Wien, 1956.
655. Brandenstein W., Mayrhofer M. Handbuch des Altpersischen, Wiesbaden, 1964.
656. Brown F. E. Arms and armor,— «*The excavations at Dura-Europas. Preliminary report of the sixth season of work. October 1932—March 1933*». Ed. by M. I. Rostovtzeff, A. R. Bellinger, C Hopkins and C. B. Welles, New Haven, 1936.
657. Brown F. E. A recently discovered compound bow,— «*Annales de l'Institut Kondakov (Seminarium Kondakovianum)*», Praha, 1937, IX.
658. Brunton G. Syrian connections of a composite bow,— «*Annales du Service des antiquités de l'Egypte*», Caire, 1938, t. XXXVIII.
659. Bulanda E. Bogen und Pfeil bei den Völkern des Altertums, Wien—Leipzig, 1913 (*Abhandlungen der archäologisch-epigraphischen Seminars der Universität Wien*, H. XV, N. F., II. II).
660. Bunker E. C, Chatwin C. B., Farkas A. R. «*Animal style*» art from East to West, New York, 1970.
661. Burke E. The history of archery, New York, 1957.
662. Burrard G. G. and Hayden K. H. A sketch of the geography and geology of the Himalaya mountains and Tibet, Delhi, 1933.
663. Burrow T. Iranian works in the kharosthi documents from Chinese Turkestan, I,— *BSOS*, 1934, vol. VII; II,— *BSOS*, 1935, Vol. VII.
664. Bussagli M. Bronze objects collected by prof. G. Tucci in Tibet,— *ArAs*, 1949, vol. XII/4.
665. Cardi B. A new prehistoric ware from Baluchistan,— «*Iraq*», 1951, vol. XIII.
666. Casal J. M. Fouilles de Mundigak, vol. I, Texte, vol. II. Figures et planches, Paris, 1961 (*MDAFA*, t. XVII).
667. Catalogue of the archaeological collection in the Museum of the Faculty of Letters, Kyoto, 1963.
668. Charpentier J. Die ethnographische Stellung der Tocharer,— *ZDMG*, 1917, Bd 71, H. 4.
669. Charpentier J. Der Name Cambyzes,— *ZII*, 1923, Bd II.
670. Chatterjee B. K. and Basu A. A historical account of the agate industry at Cambay and its distribution in India,— *OJMS*, 1961, vol. LI, № 4.
671. Chattopadhyaya S. The Achaemenids in India, Calcutta, 1950.
672. Chattopadhyaya S. The Sakas in India, Satiniketan, 1955 (*Visva-Bharati Studies*, 21).
- 672b. Cheboxarov N., Zoubov A. A. The main problems of the ethnic anthropology in India, Moscow, 1967 (XXVII International congress of orientlists. Papers presented by the USSR delegation).
673. Cheng Tê-k'un. Archaeology in China, vol. I. Prehistoric China, Cambridge, 1959.
- 673a. Cheng Tê-k'un. Archaeology in China, vol. II. Shang China, Cambridge, 1960.
674. Cheng Tê-k'un, Archaeology in China, vol. III. Chou China, Cambridge, 1963.
675. Coghlan H. H. Notes on prehistoric and early iron in the Old World, Oxford, 1956.



676. Contenau F. La civilisation d'Assur et de Babylone, Paris, 1951.
677. Contenau S. et Ghirshman R. Fouilles du Tépé-Qiyan pres de Nehavend 1931 et 1932, Paris, 1935 (Musée du Louvre, Département des antiquités orientales. Serie archeologique, t. III, Paris).
678. Coomaraswamy A. K. The symbolism of archery,—«Ars Islamica», 1943, vol. X.
- 678a. Grooke W. Religion and folklore of Northern India, Oxford, 1926.
679. Ctésias. La Perse, L'Inde. Les Sommaires de Photius, Bruxelles, 1947 (Collection Lebègue, Sér. 7, № 84).
- 679a. Cumont F. Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra, t. II, Bruxelles, 1896; t. I, Bruxelles, 1899.
680. Cumont F. Fouilles de Doura-Europos (1922—1923). Texte, Paris, 1926; Atlas, Paris, 1926 (Haut-Commissariat de la République Française en Syrie et au Liban. Service des antiquités et des beaux-arts. Bibliothèque archéologique et historique, t. IX).
681. Cunningham A. Coins of the Kushans, or Great Yue-ti, London, 1892 (Repr. from NC).
682. Cunningham A. The ancient geography of India, I. The Buddhist period, Varanasi, 1963.
683. Curiel R. et Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz, Paris, 1965 (MDAFA, t. XX).
684. Quintus Curtius. Works with an English transl. by John C Rolfe, 1956, vol. I, books I—V, vol. II, books XI—X, Cambridge, Mass.—London, 1966 (Loeb Classical Library).
685. Daffina P. L'immigrazione dei Saka nella Drangiana Roma, 1967 (Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente. Reports and Memoirs, vol. IX).
686. Daffina P. Aral, Caspio, Tanais,—«Rivista degli studi orientali», 1969, vol. XLIII.
687. Dalton O. M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work, 3 ed., London, 1964.
688. Dani A. H. Shaikhan Dheri excavation 1963 and 1964 seasons (In search of the second city of Pushkaravati),—AP, 1965—1966, vol. II.
689. Dani A. H. Timagarha and Candhara grave culture (Ed. A. H. Dani), AP, 1967, vol. III.
690. Dani A. H. and Durani F. A. A new grave complex in West Pakistan,—«Asian Perspectives. The Bulletin of the Far-Eastern prehistory association», Hong Kong, 1966, vol. VIII/1.
691. Darmesteter J. The Zend-Avesta, pt 1—3, transl. by J. Darmesteter, Oxford, 1880—1887 (SBE, vol. IV, XXIII, XXXI).
692. Das G. N. The funerary monuments of the Nilgiris,—«Bulletin of the Deccan College Research Institute», Poona, 1957, January, vol. 18.
693. The Date of Kanishka. Discussion,—JRAS, 1913, October.
694. Dave K. N. The Golden Eagle and the golden oriole in the Vedas and the Purāṇas,—«13-th All-India Oriental Conference» (Nagpur University, 1946).
695. Debevoise N. C A political history of Parthia, Chicago—Illinois, 1938.
696. Deshayes J. Rapport préliminaire sur les deux première compagnes de fouille a Tureng Tépé,—«Syria», 1963, t. XL, fasc. 1—2.
697. Dikshit M. G. Etched beads in India, Poona, 1949 (Deccan College Monograph Series, № 4).
698. Dikshit M. G. Some beads from Konḍāpūr, Hyderabad, 1952 (Hyderabad archaeological series, № 16).
699. Dikshit M. G. Beads from Ahichchhatra, U. P.,—AI, 1952, № 8.
700. Dikshit M. G. Studies in ancient Indian glass (I). Glass as mentioned in Kautilya's Arthasastra,—EW, N. S., 1965, vol. 15/1—2.
701. Dikshitar V. R. R. War in ancient India, Madras—Bombay—Calcutta—London, 1944.
702. Diodorus of Sicily, With an English transl. by C H. Oldfather, vol. I—II, London, 1946—1957 (The Loeb Classical Library, vol. I, 1946).
703. Dörpfeld W. Troja und Ilion. Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion 1870—1894, Bd I, Athen, 1902.
704. Droysen. 'Azavázis —RE, 1894, Bd I.
705. Ducek M. Waren Skythen in Mitteleuropa und Deutschland?—PZ, 1964, Bd XLII.
706. Dushesne-Guillemin J. Fire in Iran and in Greece,—EW, N. S., 1962, vol. 13, № 2—3.
707. Dushesne-Guillemin J. The Hymns of Zarathustra. Being a translation of the Gathas together with introduction and commentary, Boston, 1963.
708. Dyson R. H. Hasanlu and early Iran,—«Archaeology», 1960, vol. 13, № 2.
709. Dyson R. H. Hasanlu discoveries, 1962,—«Archaeology», 1963, vol. 16, № 2.
710. Dyson R. H. Ninth century men in Western Iran,—«Archaeology», 1964, vol. 17, № 1.
711. Dyson R. H. Problems of protohistoric Iran as seen from Hasanlu,—JNES, 1965, vol. XXIV, № 3.
712. Ebeling E. Die Riistung eines babylonischen Panzerreiters nach einem Verträge aus der Zeit Darius II,—ZA, 1952, N. F., Bd XVI.
713. Eberhard W. Kultur und Siedlung der Randvölker Chinas, Leiden, 1942 (TP, Supplement au vol., XXXVI).
714. Ebert M. Siidrusland im Altertum, Bonn—Leipzig, 1921 (Bucherei dem Kultur und Geschichte, Bd 12).
715. Egami N., Mizuno S. Inner Mongolia and the region on the Great Wall, Tokyo—Kyoto, 1935 (Archaeologia Orientalis, Ser. B, I).
716. Eggermont P. H. L. Alexander's campaign in Gandhara and Ptolemy's list of Indo-Scythian towns,—«Orientalia Lovaniensia Periodica», I, 1970.
717. Elwin V. The tribal art of Middle India, Oxford, 1951.
718. Emeneau M. B. The composite bow in India,—PAPS, 1953, vol. 97, № 1.
719. Faccena D. A guide to the excavations in Swat (Pakistan) 1956—1962, Roma, 1964.
720. Ferdinand K. Nomad expansion and commerce in Central Afghanistan,—«Folk», København, 1962, vol. IV.
721. Fischer K. Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz,—«Afghanistan», Cabul, 1961, vol. XVI, № 1.
722. 5000 years of art in Pakistan. An exhibition sponsored by the German arts Council, [6. m.], [6. r.].
723. Fleet J. F. The Saka era,—JRAS, 1910, July.
724. Forbes R. J. Studies in ancient technology, vol. III—V, Leiden, 1955—1957.
725. Forbes R. J. Extracting, smelting and alloying,—«A history of technology», ed. Ch. Singer, E. J. Holmyard and A. R. Hall, vol. I, Oxford, 1958.
726. Francke A. H. Notes on Sir Aurel Stein's collection of Tibetan documents from Chinese Turkestan,—A. Stein, Serindia, vol. III, Oxford, 1921.
727. Franke O. The identity of the Sok with Sakas,—JRAS, 1907.
728. Frazer J. G. Folk-lore in the Old-Testament.

- Studies in comparative religion, legend and law, vol. III, London, 1919.
729. Frazer J. G. The *Golden Bough*, vol. I, London, 1922.
730. Frazer J. G. *Taboo and the perils of the soul*, London, 1922 (The *Golden Bough*, II).
731. Frazer J. G. *Myths of the origin of fire*, London, 1930.
732. Frazer J. G. The fear of the dead in primitive religion. Lectures delivered on the William Wyse Foundation at Trinity College, Cambridge, 1932—1933, vol. I, II, London, 1933, 1934.
- 732a. Frye R. The Heritage of Persia, London, 1962.
733. Frye R. N. Kushans and other Iranians in Central Asia,—«*Reçid Rahmeti Arat için*», Ankara, 1966.
734. Gallus S., Horvath T. *Un peuple cavalier préscythique en Hongrie*, Budapest, 1939 (Dissertationes Pannonicae, ser. II, 9).
735. Gardner P. The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India in the *British Museum*, London, 1886.
736. Gardner P. *The Parthian coinage*, London, 1887 (The *International Numismata Orientalia*, pt V).
737. Geiger W. *Ostiranische Kultur im Altertum*, Erlangen, 1882.
738. Genna G. First anthropological investigations of the skeletal remains of the necropolis of Butkara II (Swat, West-Pakistan), — EW, N. S., 1965, vol. 15/3—4.
739. Gershevitch I. A Grammar of Manichean Sogdian, Oxford, 1954 (Publications of the Philological Society, XVI).
740. Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra, Cambridge, 1959 (University of Cambridge Oriental Publications, № 4).
741. Gershevitch I. Zoroaster's own contribution,— JNES, 1964, vol. XXIII, № 1.
742. Gershevitch I. Old Iranian Literature,— HOR, I Abt., Bd 4. Iranistik; II Abt. Literatur, Lfg. I, 1968.
- 742a. Gershevitch I. Iranian nouns and names in elamite garb,—«*Transactions of the Philological Society*», London, 1969.
743. Ghirshman R. Fouilles de Sialk pres du Kishan 1933, 1934, 1937, vol. I, Paris, 1938 (Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique, T. IV), vol. II, Paris, 1939 (Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique, T. V).
744. Ghirshman R. Bégram. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans, Le Caire, 1946 (MDAFA, t. XII).
- 744a. Ghirshman R. Village Perse-Achéménide,— MMAI, 1954, t. XXXVI.
745. Ghirshman R. Iran. Parthians and Sassanians. Transl. by S. Gilbert and J. Emmons, Thames and Hudson, 1962.
746. Ghirshman R. Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides, Paris, 1963.
747. Ghirshman R. Le trésor de l'Oxus, les bronzes du Luristan et l'art mède,—«*Vorderasiatische Archäologie. Studien und Aufsätze*. [Festschrift] A. Moortgat», Berlin, 1964.
748. Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Sudrussland, Berlin, 1928 (Vorgeschichtliche Forschungen, Bd II, № 1).
749. Glaesser G. [Рец. на:] «Индия в древности», М., 1964,— EW, N. S., 1966, vol. 16, № 1—2.
750. Göbl R. Die Münzprägung der Kušān von Vima Kadphises bis Bahrām IV,— Altheim F., Stiehl R. Finanzgeschichte der Spätantike, Frankfurt-am-Main, 1957.
751. Godard A. L'art de l'Iran, Paris, 1962.
752. Goldman B. Achaemenian chapes,—«*Ars Orientalis*», 1957, vol. II.
753. Gonda J. Die Religionen Indiens, I. Veda und älterer Hinduismus, Stuttgart, 1960 (Die Religionen der Menschheit, Bd II).
754. Goody J. Death and social control among the Lodagaa,—«*Man*», London, 1959, August, vol. LIX.
755. Graziosi P. Prehistoric research in Northwestern Punjab. Anthropological research in Chitral, Leiden, 1964 (Italian expeditions to the *Karakorum* (K<sup>2</sup>) and Hindu Kush. Scientific reports. Prehistory—Anthropology, vol. I).
- 755a. Greel H. G. Studies in early Chinese culture. First series, Baltimore, 1948 (American council of learned societies. Studies in Chinese and related civilizations, № 3).
756. Grierson F. A. The Language of the Kambojas,— JRAS, 1911.
757. Grierson G. Specimens of languages of the Eranian family, Calcutta, 1921 (Linguistic Survey of India, vol. X).
- 757a. Griffith G. I. The mercenaries of the hellenistic world, Cambridge, 1935.
758. Griffith R. T. H. The hymns of the Rigveda. Transl. with a popular commentary by R. T. H. Griffith. Sec. ed., Benares, 1897.
759. Grool J. J. M. Chinesische Urkunden zur Geschichte Asiens, III, Berlin—Leipzig, 1926.
760. Gupta R. Sh. and Mahajan B. D. Ajanta, Ellora and Aurangabad caves, Bombay, 1962.
761. Gupta S. P. Discussion,—«*Indian Prehistory*: 1964», Poona, 1965.
762. Gurdon P. R. The Khasis, London, 1914.
763. Gurzon G. N. The Pamirs and the source of the Oxus, London, 1896.
764. Gutschmid A. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden, Tübingen, 1888.
765. Gutschmid A. Kleine Schriften, Bd III, Leipzig, 1892; Bd V, Leipzig, 1894.
766. Hackin J. Les travaux de la Délégation archéologique Française en Afghanistan. Compte-rendu sommaire,— RAA, 1938, t. XII, № 1.
767. Hackin J. Nouvelles recherches archéologiques a Begram (1939—1949),— MDAFA, 1954, t. XI.
- 767a. Hadas F., Vyskocil J. Luk a sip, Praha, 1955.
768. Haloun G. Zur Ue-tsi-Frage,— ZDMG, 1937, Bd 91.
769. Hambis L. Toumchouq par M. Paul-David, M. Hallade et L. Hambis. Edité sous la direction de L. Hambis, Paris, 1964 (Mission Paul Pelliot, II).
770. Hansen O. Die Berliner Hephtalitenfragmente,—«*La Nouvelle Klio*», Paris, 1951.
771. Hansford S. H. The Seligman collection of oriental art, vol. I, London, 1957.
772. Harmatta J. Studies in the language of the Iranian tribes in South Russia,— AOH, 1951, t. I, fasc. 2—3.
773. Haussig H. W. Die Beschreibung des Tarimbeckens bei Ptolemaios,— ZDMG, 1959, Bd 109, H. I, (N. F., Bd 34).
774. Head B. V. The coinage of Lydia and Persia from the earliest times to the fall of the dynasty of the Achaemenidae, London, 1877 (The *International Numismata Orientalia*, pt III).
775. Hedin S. Through Asia, vol. I—II, London, 1898.
776. Heikel H. I. Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan, Helsinki, 1918 (Société Finno-Ougrienne, Travaux ethnographiques, VII).

777. Heine-Heldern R. Die Megalithen Südasiens und ihre Bedeutung für die Klarung der Megalithenfrage in Europa und Polynesien,— «Anthropos», 1928, Bd XXIII, H. 1—2.
778. Henning W. B. Sogdica, London, 1940 (James G. Forlong Fund, vol. XXI).
779. Henning W. B. Sogdian tales,— BSOAS, 1945, vol. XI, pt 3.
780. Henning W. B. Two Manichean magical texts with excurses on the Parthian ending-ēndēh,— BSOAS, 1947, vol. XII, pt 1.
781. Henning W. B. Mittelliranish,— HOr, 1958, I, 4, 1.
782. Henning W. B. A forgotten Avestan word, Bombay, 1954 (Repr. from Dr. J. M. Unvala Memorial Volume).
783. Henning W. B. A Sogdian God,— BSOAS, 1965, vol. XXVIII, pt 2.
784. Hermanns M. Die Nomaden von Tibet, Wien, 1949.
785. Herrmann A. Alte Geographie des unteren Oxusgebiets,— AKGWG, Ph.-hist. Kl., N. F., 1914, Bd XV, № 4.
786. Herrmann A. Kaspioid,— RE, 1919, Bd X/20.
787. Herrmann A. Sacaraucae,— RE, Zweite Reihe, 1920, Bd 1/2.
788. Herrmann A. Sakai,— RE, Zweite Reihe, 1920, Bd 1/2.
789. Herrmann A. Massagetar,— RE, 1930, Bd 14/28.
790. Herrmann A. Massaka,— RE, 1930, Bd 14/28.
791. Herrmann A. Die Wohnsitze der Massageten und der Wasserfall des Kaspischen Oxuslaufs, Gotha, 1931 («Petermanns Mitteilungen», H. 3/4, 77).
792. Herrmann A. Pharnakeia,— RE, 1938, Hlbd. XXXVIII.
793. Herrmann A. Das Land der Seide und Tibet in Lichte der Antike, Leipzig, 1938 (Quellen und Forschungen zur Geschichte und Völkerkunde, Bd I).
794. Herodotus. With an English transl. by A. D. Godley, vol. I—IV, London, 1946—1957 (The Loeb Classical Library).
795. Herzfeld E. Eine neue Darius-Inschrift aus Hamadan, — «Deutsche Literaturzeitung», Berlin, 1926, H. 42.
796. Herzfeld E. A new inscription of Darius from Hamadan,— MASI, 1928, № 34.
797. Herzfeld E. Sakastan,— AMI, 1931, Bd IV, H. I.
798. Herzfeld E. Iranische Denkmäler, Reihe I, Lfg. I, Berlin, 1932.
799. Herzfeld E. Altpersische Inschriften, Berlin, 1938 (Erster Ergänzungsbunde zu dem AMI).
800. Herzfeld E. Iran in the Ancient East. Archaeological studies presented in the Lowell lectures at Boston, London—New York, 1941.
801. Herzfeld E. Zoroaster and his world, vol. I—II, Princeton, 1947.
802. Herzfeld E. The Persian empire. Studies in geography of the Ancient Near East, Wiesbaden, 1968.
803. Hill G. F. The coinage of the ancient Persians,— SPA, 1938, vol. I.
- 803a. Hillebrandt A. Vedische Mythologie, Bd 1, Hildesheim, 1965.
804. Hinz W. Zur iranische Altertumskunde,— ZDMG, 1939, Bd 93 (N. F., Bd 18).
805. Hinz W. Zur Bechistun-Inschrift des Dareios,— ZDMG, 1942, Bd 96/2 (N. F., 21).
806. Hinz W. Die Einführung der altpersischen Schrift,— ZDMG, 1952, Bd 102.
807. Hinz W. Zarathustra, Stuttgart, 1961.
808. Hinz W. Altiranische Funde und Forschungen, Berlin, 1969.
809. Hodges H. W. M. Technical report on the bronzes,— «Iraq», 1962, vol. XXIV, pt. 2.
810. Hopkins E. W. The cult of fire in Christianity,— «Oriental studies in honour of C. E. Pavry», London, 1933.
811. Hsia Nai, Arts and crafts of 2300 years ago,— «China reconstructs», 1954, vol. III, № 1.
- 811a. Hudud al-'Alam. «The regions of the world». A Persian geography 373 A. H.—982 A. D. Translated and explained by V. Minorsky, Oxford, 1937 (GMS, XI).
812. Humbach H. Die Gathas des Zarathustra, Bd I, Heidelberg, 1959.
813. Hummel S. Der Ursprung des tibetischen Mandalas,— «Ethnos», Stockholm, 1958, vol. 23, № 2—4.
814. Hummel S. Eurasiatische Traditionen in der tibetischen Bon-Religion,— «Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biró Sacra», Budapest, 1950.
815. Hummel S. Die Steinreihen des tibetischen Megalithikus und die Ge-'Sar Sage,— «Anthropos», 1965, Bd 60, № 166.
816. Jackson A. V. W. Herodotus VII. 61, or the arms of the ancient Persians illustrated from Iranian sources,— «Classical studies in honour of Henry Drisler», New York—London, 1894.
817. Jackson A. V. W. Zoroastrian Studies the Iranian religion and various monographs, New York, 1928 (Columbia University Indo-Iranian series).
818. Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, T. IIIc, Bd I, Leiden, 1958.
819. Jajrazbhoy R. A. Foreign influence in Ancient India, Bombay, 1963.
820. Janse O. Tubes et boutons cruciformes trouvés en Eurasie,— BMFEA, 1932, № 4.
821. Janse O. L'empire des steppes et les relations entre l'Europe et l'Extrême-Orient dans l'antiquité,— RAA, 1936, t. IX, № 1.
822. Janse O. R. Archaeological research in Indo-China, vol. I, II, Cambridge Mass., 1947, 1951 (Harvard-Venishing Institute. Monograph series, vol. VII, X).
823. Jantzen U. Griechische Greifenkessel, Berlin, 1955.
824. Jest M. C. Religion beliefs of the Lepchas in the Kalimpong district (West Bengal),— JRAS, 1960, pt 3—4.
825. Jettmar K. Urgent tasks of research among the Dardic peoples of Eastern Afghanistan and Northern Pakistan,— «Bulletin of the International Committee on urgent anthropological research», 1969, № 2.
826. Jettmar K. The cultural history of Northwest Pakistan,— «Year book of the American philosophical society, 1960».
827. Jettmar K. Megalithsystem und Jagdritual bei den Dardvolker,— «Tribus», 1960, № 9.
828. Jettmar K. Ethnological research in Dardistan 1958, Preliminary report,— PAPS, 1961, February, vol. 105, № 1.
829. Jettmar K. Die frühen Steppenvölker. Der eurasiatische Tierstil. Entstehung und sozialer Hintergrund, Baden-Baden, 1964.
830. Jettmar K. The slab with a ram's head in the Rietberg museum,— ArAs, 1964, vol. XXVII.
831. Jettmar K. Fruchtbarkeitsrituale und Verdienstfeste im Umkreis der Kafirien,— MAGW, 1965, XCV.
832. Jettmar K. Traditionen der Steppenkulturen bei indo-arischen Bergvölker,— «Jahrbuch des Südasien-Instituts der Universität Heidelberg», Wiesbaden, 1966.
833. Jettmar K. The Middle Asiatic heritage of Dar-

- distan (islamic collective tombs in Panyal and their background),—EW, N. S., 1967, vol. 17, № 1—2.
834. Joice T. A. Note on a number of fire-sticks from ruined sites on the south and east of the Takla-Makan desert, collected by Dr. M. A. Stein,—«Man», 1911, vol. XI, № 3.
835. Jungé J. Saka-Studien. Der Ferne Nordosten im Weltbild der Antike, Leipzig, 1939 («Klio», Beih. 41, N. F., H. 28).
836. Jungé J. P. Dareios I. König der Perser, Leipzig, 1944.
- 836a. Justi F. Geschichte des alten Persien, Berlin, 1879.
837. Justi F. Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895.
838. Kak R. Ch. Ancient monuments of Kashmir, London, 1933.
839. Kantor H. J. Oriental Institute Museum Notes № 8: Achaemenid Jewelry in the Oriental Institute,—JNES, 1957, vol. XVI, № 1.
840. Karlgren B. Some fecundity symbol in ancient China,—BMFEA, 1930, № 2.
841. Karlgren B. New studies on Chinese bronzes,—BMFEA, 1937, № 9.
842. Keith A. B. Indian Mythology,—«The mythology of all races», vol. VI, Boston, 1917.
843. Keith A. B. A history of Sanskrit literature, London, 1953.
844. Kent R. G. Old Persian texts. IV. The lists of provinces,—JNES, 1943, vol. II, № 4.
845. Kent R. G. Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon, New Haven, 1953 (AOS, vol. 33).
846. King L. W. Babylonian boundary-stones and memorial tablets in the British Museum. Plates, London, 1912.
847. Klima O. Mazdak. Geschichte einer sozialen Bewegung im sassanidischen Persien, Praha, 1957 (Československá Akademie věd. Sekce jazyka a literatury. Monographie Orientálního Ustavu).
848. Klopsteg P. E. Turkish archery and the composite bow. A review of an old chapter in the chronicles of archery and a modern interpretation, Evanston, 1947.
849. Klopsteg P. E. Archery,—EB, 1960, vol. 2.
850. König F. W. Relief und Inschrift des Koenigs Dareios I am Felsen von Bagistan, Leiden, 1938.
851. Konow S. Kharoshthi inscriptions with the exceptions of those of Asoka. Ed. by Stein Konow, Calcutta, 1929 (Corpus Inscriptionum Indicarum, vol. II, pt I).
852. Konow S. Kalawan copper-plate inscription of the year 143,—JRAS, 1932, October.
853. Konow S. A note on the Sakas and zoroastrianism,—«Oriental studies in honour of C. E. Pavry», London, 1933.
854. Konow S. Notes on Indo-Scythian chronology,—JIH, 1933, vol. XII, pt I.
855. Konow S. Notes on the Sakas,—IC, 1935, vol. II, № 2.
856. Konov S. Khotansakische Grammatik mit Bibliographic, Lesenstücken und Wörterverzeichnis, Leipzig, 1941 (Porta Linguarum Orientalium, Hrsg. R. Hartmann, XXII).
857. Konow S. Primer of Khotanese Saka, Oslo, 1949 (Norsk tidsskrift for sprogvidenskap, Bd XIV).
858. Kosambi D. D. The beginning of the iron age in India,—JESHO, 1963, vol. VI, pt III.
859. Kovrig I. Remarks on the question of the Keszthely culture,—«Különlenyomat az Archaeologia», értésítő 1958, I. számabol, Budapest, 1958.
860. Krishnaswami V. D. Megalithic types of South India,—AI, 1949, № 5.
861. Kuhn H. Chronologie der sino-sibirischen Bronzen,—IPEK, Bd 12, Berlin, 1938.
862. Küfmaul G. Badaxsan und seine Tagiken,—«Tribus Veröffentlichungen des Linden-Museums» Stuttgart, 1965, № 14.
863. Kwang-chin Chang. The Archaeology of Ancient China, New Haven and London, 1963.
864. Lal B. B. Examination of rods of glass-like material from Arikamedu,—AI, 1958, № 14.
865. Lal B. B. India,—«Asian Perspectives. The Bulletin of the Far-Eastern prehistory association», Hong Kong, 1966, vol. VIII/I.
866. Lammert. Καταφρασεις,—RE, 1919, Hlbd. XX.
867. Lassen Ch. Indische Alterthumskunde, Bd II, Bonn, 1852.
868. László G. The significance of the Hun golden bow,—AAr, 1951, t. I, fasc. 1—2.
869. Laufer B. Chinese clay figures. Part I. Prolegomena on the history of defensive armor, Chicago, 1914 (Field Museum of Natural History. Publ. 177. Anthropological Ser., vol. XIII, № 2).
870. Laufer B. Sino-Iranica: Chinese contributions to the history of civilisations in ancient Iran, with special reference to the history of cultivated plants and products, Chicago, 1919 (Field Museum of Natural History, Publ. 201. Anthropological ser., vol. 15, № 3).
871. Le Coq A. A short account of the origin, journey, and results of the first Royal Prussian (second German) expedition to the Turfan in Chinese Turkestan,—JRAS, 1909, April.
872. Le Coq A. Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittel-Asiens, Berlin, 1925.
873. Lévi S. Notes on the Indo-Scythians,—IA, 1903, vol. XXXII.
874. Lin Shou-Chin. The flexed burial at Shang-tsun-ling and its origins,—COWA surveys and bibliographies. Far East, area 17, 1964, № III.
875. Litvinsky B. A. Archaeological discoveries on the eastern Pamirs and the problem of contacts between Central Asia, China and India in antiquity, Moscow, 1960 (XXV International Congress of orientologists. Papers presented by the USSR delegation).
876. Litvinsky B. A. Recent archaeological discoveries in South Tajikistan and problems of cultural contacts between the peoples of Central Asia and Hindustan in antiquity. Moscow, 1967 (XXVII International Congress of Orientalists. Papers presented by the USSR delegation).
877. Litvinskij B. A. Archaeology in Tadžikistan under Soviet Rule,—EW, 1968, N. S., vol. 18, № 1—2.
878. Litvinskij B. A. Saka Наумаваргъ в свете советских исторических исследований,—«Festschrift F. Altheim», Bd I, Berlin, 1969.
879. Lloyd S. Early Anatolia, London, 1956.
880. Loehr M. Chinesische Pickeläxte,—MS, 1940, vol. IV, fasc. 2.
- 880a. Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. Pt 1. Daggers,—ArAs, 1949, vol. XII/1—2.
881. Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. Pt 2. Knives,—ArAs, 1951, vol. XIV/1—2.
882. Loehr M. Chinese bronze age weapons. The Werner Jannings collection in the Chinese National Palace Museum, Peiping, Ann Arbor—London, 1956.
883. Lohuizen-de Leeuw I. E. The «Scythian» period. An approach to the history, art, epigraphy and palaeography of North India from the 1st century B. C to the 3rd century A. D., Leiden, 1949.
884. Lommel H. Die Vast's des Avesta. Übersetzt

- und eingeleitet von H. Lomrael, Göttingen — Leipzig, 1927 (Quellen der Religionsgeschichte, Bd 15).
885. Longman C. The bows of the ancient Assyrians and Egyptians,—JAIGB, 1895, vol. XXIV.
  886. Longman C J., Walrond H. Archery, London, 1894.
  887. Loofs. Zur Frage des Megalithentums im südöstlichen Hinterindien,—«Anthropos», 1961, vol. 56.
  888. Lorimer D. L. R. The Supernatural in the popular belief of the Gilgit region,—JRS, 1929, April.
  889. Lorimer H. L. Homer and the monuments, London, 1950.
  890. Lozinsky B. P. The original homeland of the Parthians, S-Gravenhage, 1959.
  891. Luschan F. Über den antiken Bogen,—«Festschrift für Otto Benndorf», Wien, 1898.
  892. Lüders H. Die Sakas und die «nordarische» Sprache,—SPAW, 1913, № XXIII—XXIV.
  893. Lüders H. Varuna. Aus dem Nachlass herausgegeben von L. Alsdorf. II. Varuna und das Rta, Göttingen, 1959.
  894. Macdonald A. W. Une note sur les mégalithes Tibétains,—JA, 1953, t. CCXLI, fasc. I.
  895. Macdonell A. A. Vedic mythology, Strasburg, 1897 (Encyclopedia of Indo-Aryan research, vol. III/1a).
  896. Mackay E. Technique and description of metal vessels, tools, implements and other objects,—«Mohenjo-Daro and the Indus civilization», vol. II, London, 1931.
  897. Mackay E. Decorated carnelian beads,—«Man», 1933, XXXII № 150.
  - 897a. Mackay E. Chanhu-Daro excavations 1935—36, New Haven, 1943 (AOS, vol. 43).
  898. Mackay D. Beads from Taxila [реп. на:] H. C. Beck, The beads from Taxila,—«Antiquity», 1944, vol. XVIII, № 72.
  899. Maenchen-Helfen O. A Chinese bronze with central-asiatic motives,—BMFEA, 1958, № 30.
  - 899a. Malten L. Das Pferd im Totenglauben,—JDAI, 1914, Bd XXXX.
  900. Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran,—«Philologus», Bd 54 (N. F., Bd 8), Göttingen, 1895; Bd 55 (N. F., Bd 9), Göttingen, 1896. H. II (Schluss) — Sonderdruck aus dem «Philologus», Suppl. X, H. I, Leipzig, 1905.
  901. Marquart J. Erānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, Berlin, 1901 (AKGWG, N. F., Bd III, № 2).
  902. Marquart J. Das erste Kapitel der Gāpā ustava-tī, Roma, 1930 («Orientalia», № 50).
  903. Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran, Leiden, 1938.
  904. Markwart J. Die Sogdiana des Ptolemaios,—«Orientalia», 1946, vol. 15.
  905. Marshall J. Taxila, vol. I. Structural remains; vol. II. Minor Antiquities; vol. III. Plates, Cambridge, 1951.
  906. Martin E. R. L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk, Stockholm, 1893.
  907. Maxwell-Hyslop K. R. Bronzes from Iran in the collections of the Institute of archaeology, University of London,—«Iraq», 1962, vol. XXIV, pt 2.
  908. Mayrhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen, Lf. I, Heidelberg, 1953.
  909. Mc Govern W. M. The early empires of Central Asia. A study of the Scythians and the Huns and the part they played in the world history, New York, 1939.
  910. McLeod W. E. An unpublished Egyptian composite bow in the Brooklyn museum,—AJA, 1958, vol. 62, № 4.
  911. McLeod W. E. Egyptian composite bows in New York,—AJA, 1962, vol. 66, № 1.
  912. Menasce J. P. Iranien nax'ir,—«Vetus Testamentum», VI, 1956.
  913. Minns E. H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus, Cambridge, 1913.
  914. Minns E. H. The art of the northern nomads, London, 1942 (Proceedings of the British Academy, vol. XXVIII).
  915. Minorsky V. Vis u RamTn. A parthian romance,—V. Minorsky. Iranica. Twenty articles, 1964 (Publications of the University of Tehran, vol. 775) (=BSOAS, 1946, vol. XI; 1947, vol. XII).
  916. Mirashi V. V. Three ancient famous temples of the Sun,—«Purāṇa», Varanasi, 1966, vol. VIII, № 1.
  917. Modi J. J. The religious ceremonies and customs of the Parsees, Bombay, 1922.
  - 917a. Montell G. Sven Hedin's archaeological collection from Khotan,—BMFEA, 1935, № 7.
  918. Montell G. Sven Hedin's archaeological collections from Khotan, II,—BMFEA, 1938, № 10.
  919. de Morgan J. Recherches archéologiques, Paris, 1896 (Mission scientifique en Perse, t. IV/I).
  920. de Morgan J. H. Recherches au Talyche Persan en 1901. Nécropoles des âges du bronze et du fer.—Délégation en Perse. Mémoires, t. VIII, Paris, 1905.
  921. Morgenstierne G. An etymological vocabulary of Pashto, Oslo, 1927.
  922. Morgenstierne G. The name Munjān' and some other names of places and peoples in the Hindu Kush,—BSOAS, 1931, vol. VI, pt 2.
  923. Morgenstierne G. Report on a linguistic mission to North-Western India, Oslo, 1932 (Institutet for sammenlignende kulturforskning, ser. C, III—I).
  924. Morgenstierne G. Iranian elements in Khwar,—BSOAS, 1936, vol. VIII, pt 2—3.
  925. Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages, vol. II. Iranian Pamir languages (Vidga-Minji, Sanglechi-Ishkashmi and Wakhi), Oslo, 1938 (Institutet for sammenlignende kulturforskning, ser. B, XXXV).
  926. Morgenstierne G. The Spring Festival of the Kalash Kafirs,—«India Antiqua. A volume of Oriental studies presented by his friends and pupils to J. Ph. Vogel», Leiden, 1947.
  927. Mukerjee B. N. On the question of identity of the Scythians and the Sakas (Sakas?),—«Bharati. Bulletin of the College of Indology, X—XI. Central Asia Number», Banaras, 1966—1968.
  928. Musée National d'Afghanistan. Caboul. Guide du visiteur (Catalogue partiel des objets exposés), 2 ed., Caboul, 1964.
  929. Narain A. K. The Indo-Greeks, Oxford, 1962.
  930. Naumann R., Huff D., Kleiss W., Boehmer R. M., Wiegartz H. Takht-i Suleiman and Zandan-i Suleiman. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen in den Jahren 1963 und 1964,—«Archäologischer Anzeiger», 1965, H. 4 (Beiblatt zum «Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts», Bd 80, Berlin, 1966).
  931. Nebesky-Wojkowitz R. Prehistoric beads from Tibet,—«Man», 1952, vol. LII.
  932. Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and demons of Tibet. The cult and iconography of the Tibetan protective deities, S-Gravenhage, 1956.

- 932a. Needham J. The development of iron and steel technology in China, London, 1958.
933. Needham J. Science and civilization in China, vol. 4, pt I—(II), Cambridge, 1962, 1965.
934. Negahban E. O. A preliminary report on Marlik excavation Gohar Rud expedition Rudbar 1961—1962, Tehran, 1964.
935. Negahban E. O. The treasure of Marlik,—«Archaeology», 1965, vol. 18, № 2.
- 935a. Nyberg H. S. Die Religionen des Alten Iran. Leipzig, 1938 (Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft, Bd 43).
936. Nyberg H. S. Das Reich der Achameniden,—«Historia Mundi», Bd III, Bern, 1954.
937. Olmstead A. T. History of the Persian Empire (Achaemenid Period), Chicago, 1959.
938. Olufsen O. Through the unknown Pamirs. The Second Danish Pamir Expedition 1898—99, London, 1904.
939. Parada E. The Hasanlu bowl,—«Expedition», Philadelphia, 1959, vol. I, № 3.
940. Parada E. Alt-Iran. Die Kunst in vorislamischer Zeit, Baden-Baden, 1962.
- 940a. Parada E. On deer, bells, and pomegranates,—«Archaeologia Iranica. Miscellanea in honorem R. Ghirshman», Leiden, 1970 («Iranica Antiqua», vol. VI—VII).
941. Párducz M. Le cimetière hallstattien de Scentes-Vekerzug,—AAr, 1952, t. II.
942. Párducz M. Le cimetière halstattien de Scentes-Vekerzug III,—AAr, 1955, Bd VI/1—4.
943. Párducz M., Csallany G. Funde aus der Skythenzeit in Museum zu Scentes,—«Archaeologiai Ertesito», Budapest, 1944—1945, ser. III, vol. V—VI.
944. Petech L. Northern India according to the Shui-Ching-Chu, Roma, 1950 (Serie Orientale Roma, II).
945. Petrie W. M. F. Memphis I, London, 1909; The Palace of Apries (Memphis II), London, 1909; Meydum and Memphis (III), London, 1910.
946. Piggett S. Prehistoric India to 1000 B. C., London, 1952.
947. Pliny. Natural history. With an English transl. in ten volumes by H. Rackham, vol. I—IX, London, 1947—1958 (The Loeb Classical Library).
948. Pritchard J. B. The ancient Near East in pictures relating to the Old Testament, Princeton, 1954.
949. Przeworsky S. Personal ornaments in pre-achamenid Iran,—SPA, 1938, vol. I.
950. Przeworsky S. Die Metallindustrie Anatoliens in der Zeit von 1500—700 vor Chr., Leiden, 1939.
951. Ptolemaei. Claudii Ptolemaei, Geographiae codex urbanus graecus 82, Lugduni Batavorum — Lipsiae, 1932.
952. Ptolemy. Geography of Claudius Ptolemy, transl. into English and ed. by E. L. Stevenson, New York, 1932.
953. [Ptolemy] Ptolemaios. Geographie 6, 9—21. Ostiran und Zentralasien, T. I. Griechischer Text neu hrsgb. und ins Deutsche übertragen I. Ronga, Rom, 1971 (IsMEO. Reports and memoirs, vol. XV, 1).
954. Puglisi S. M. Preliminary report on the research at Hazar Sum (Samangan),—EW, 1963, vol. XIV, № 1—2.
955. Pulleyblank E. G. The consonantal system of Old Chinese, pt I,—AM, N. S., 1962, vol. IX, pt 1; pt II,—AM, N. S., 1962, vol. IX, pt 2.
956. Pulleyblank E. G. Chinese and Indo-Europeans,—JRS, 1966, pt 1—2.
957. Pulleyblank E. G. The Wu-sun and Sakas and the Vüeh-chih migration,—BSOAS, 1970, vol. XXXIII, pt 1.
958. Puri B. N. India in the time of Patanjali, Bombay, 1957.
959. R. A. S. A gold Persian statuette,—«The British Museum Quarterly», London, 1931, vol. VI, № 1.
960. Ramachandran K. S. A bibliography of Indian megaliths,—QJMS, 1961, vol. LII, № 1—3.
961. Ramachandran K. S. Bridle bits from India megaliths,—QJMS, 1961, vol. LI, № 4.
962. Rao T. A. G. Elements of Hindu iconography, vol. II, pt II, Madras, 1916.
963. Rapoport V. A. Some aspects of the evolution of Zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds),—«XXV Международный конгресс востоковедов», т. III, М., 1963.
964. Rapson E. J. The Cambridge history of India, vol. I. Ancient India, Ed. E. J. Rapson, Cambridge, 1922.
965. Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik), Pokrovsk, 1927 (Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Räte-Republik der Wolgadeutschen, Jg. I, 1927, H. 1—2).
966. Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze, Pokrowsk, 1929 (Zentralmuseum der ASSR der Wolgadeutschen. Mitteilungen, Jg. 4, 1929, H. 1).
- 966a. Rausing G. The bow. Some notes on its origin and development, Bonn — Lund, 1967 (Acta archaeologica lundensia, ser. 8, № 6).
967. [Rawlinson G.] History of Herodotus. A new English version ed. G. Rawlinson, London, 1862.
968. Rawlinson H. G. The Persian cuneiform inscription at Behistun, decyphered and translated, with a memoir,—JRS, 1849, vol. XI, pt 1.
969. Rawlinson H. G. Bactria. The history of a forgotten empire, London, 1912.
970. Rây. History of chemistry in ancient and medieval India incorporating the history of Hindu chemistry, Calcutta, 1956.
971. Ritter H., Ruska J., Sarre F., Winderlich R. Orientalische Steinbücher und persische Fayencetechnik, Istanbul, 1935 (Istanbul Mitteilungen, H. 3).
- 971a. Röder K. Zur Technik der persischen Fayence im 13. und 14. Jahrhundert,—ZDMG, 1935, N. F., 14(82), H. 2.
972. Roerich J. N. The animal style among the nomad tribes of Northern Tibet («Seminarium Kondakovianum», Prague, 1930),—в кн.: Ю. Н. Рерих, Избранные труды, М., 1967.
973. Roerich G. Problems of Tibetan archaeology,—«Journal of Urusvati Himalayan Research Institute», New York, 1931, vol. I, № 1.
974. Roerich G. N. Trails to Innmost Asia, New Haven, 1931.
975. Roes A. Achaemenid influence upon Egyptian and nomad art,—ArAs, 1952, vol. XV/1—2.
976. Rogers M. An ivory Sārdūla from Begram,—ArAs, 1952, vol. XV.
977. Rosenfield J. M. The dynastic arts of the Kushans, Berkeley — Los Angeles, 1967.
978. Rostovtzeff M. Syria and the East,—«The Cambridge ancient history», vol. VII, Cambridge, 1928.
979. Rostovtzeff M. The animal style in South Russia and China, Princeton, 1929.
980. Rostovtzeff M. I. Graffiti showing Parthian warriors,—«The Excavations at Dura-Europos. Preliminary report of second season of work», Ed. by

- P. V. C. Baur and M. I. Rostovtzeff, New Haven, 1931.
981. Rostovtzeff M. Some new aspects of Iranian art. The heroic or epic art of Iran,—«Seminarium Kondakovianum», VI, Praha, 1933.
  982. Rostovtzeff M. Graffiti,—«The excavations at Dura-Europos. Preliminary report of fourth season of work». Ed. by P. V. C. Baur, M. I. Rostovtzeff and A. R. Bellinger, New Haven—London, 1933.
  983. Rostowzew M. Fische als Pferdeschmuck,—«Opuscula archaeologica Oscar Montelio septuagenario dicata», 1913.
  - 983a. Roth R. Indische Feuerzeug,—ZDMG, 1889, Bd 43, Hft IV.
  984. Rudolph R. S. An important Dongson site in Vünan,—«Asian Perspectives. The Bulletin of the Far-Eastern Prehistory Association», Hong Kong, 1961, vol. IV, № 1—2.
  985. Salmony A. Sino-Siberian art in the collection of C. T. Loo, Paris, 1933.
  986. Salmony A. [Peu. na:] The animal style among the nomad tribes of Northern Tibet, 1930,—JRAS, 1934, January.
  987. Salonen E. Die Waffen der alten Mesopotamier. Eine lexikalische und kulturgeschichtliche Untersuchung, Helsinki, 1965 (Studia Orientalia, XXXIII).
  988. Samadi H. Les découvertes fortuites,—«Arts asiatiques», 1959, t. VI, fasc. 3.
  989. Samolin W. Ethnographic aspects of the archaeology of the Tarim basin,—CAJ, 1958, vol. IV, № 1.
  990. Sankalia M. D., Dikshit M. G. Excavations at Brahmapuri (Kolhapur), 1945—46, Poona, 1952 (Deccan college monograph series, 5).
  991. Sarre F. Die altorientalischen Feldzeichen mit besonderer Berücksichtigung eines unveröffentlichten Stückes,—«Klio», Leipzig, 1903, Bd III.
  992. Sarre F. Die Kunst des alten Persien, Berlin, 1923 (Die Kunst Osten hrsg. W. Cohn, Bd V).
  993. Sarre F., Herzfeld E., Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus alt- und mittelpersischer Zeit, Berlin, 1910.
  994. Scerrato F. Introduction,—«A bilingual graeco-aramaic edict by Aśoka», Roma, 1964 (Serie Orientale Roma, XXIX).
  995. Schafer E. H. The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics, Berkeley—Los Angeles, 1963.
  996. Schaumberg A. Bogen und Bogenschüsse bei Griechen mit besonderer Rücksicht auf die Denkmäler bis zum Ausgang des archaischen Stils, Nürnberg, 1910.
  997. Scheffelowitz J. Die Mithra-Religion der Indoskythen und ihre Beziehung zum Saura- und Mithras-Kult,—AO, 1933, vol. XI, pt IV.
  998. Schlumberger D., Robert L., Dupont-Sommer A., Benveniste E. Une bilingue gréco-araméenne d'Asoka,—JA, 1958, vol. 246.
  999. Schmidt E. F. Persepolis, I—II, Chicago, 1953, 1957 (The University of Chicago Oriental Institute Publications, vol. LXVIII, LXIX).
  1000. Schmidt H. Archaeological excavations in Anau and Old Merv,—«Explorations in Turkestan. Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth, and influence of environment». Ed. by R. Pumpelly, vol. I, Washington, 1908.
  1001. Schomberg R. C. F. Unknown Karakoram, London, 1936.
  1002. Schultz A. Die Pamirtadschik, Giessen, 1914.
  1003. Seligman C. C. Bow and arrow symbolism,—ESA, 1934, IX.
  1004. Seligman C. C. The Roman Orient and the Far East,—«Antiquity», 1937, March, vol. XI, № 41.
  1005. Seligman C. C. and Beck H. C. Far Eastern glass: some western origins,—BMFEA, 1938, № 10.
  1006. 7000 years of Iranian art. Circulated by the Smithsonian Institution, [6. M.], 1964—1965.
  1007. Sharma B. R. On sapta- in the Rgveda,—«Bulletin of the Deccan College Research institute», Poona, 1957, January, vol. 18.
  1008. Shih Chang—jy. Vin weapons in sets as excavated from Hsiao-t'un,—«Bulletin of the Institute of history and philology of Academia Sinica», 22(1950).
  1009. Shuttreworth H. L. [Peu. na:] G. N. Roerich. Trails to Innmost Asia,—BSOS, 1932, vol. VI, pt 4.
  1010. Siiger H. A cult for the god of Mount Kanchenjunga among the Lepcha of Northern Sikkim. A Himalayan megalithic shrine and its ceremonies,—«Actes du IV-e Congrès Internationale des sciences anthropologiques et ethnologiques, Vienne, 1—8 Septembre, 1952», t. II, pt I, Wien, 1955.
  1011. Siiger H. Ethnological field-research in Chitral, Sikkim, and Assam, København, 1956 (Historisk-filologiske Meddelelser Udgivet af Det Kongelige Danske Videnskabernes Selskab, Bd 36, № 2).
  1012. Simonetta A. M. A new essay on the Indo-Greeks. The Sakas and the Pahlavas,—EA, N. S., 1958, vol. 9, № 3.
  1013. Singh S. D. Ancient Indian warfare with special reference to the Vedic period, Leiden, 1965.
  1014. Sirkar D. C. Panchala, Kāmbhoja, Bāhlika and Pāṇḍu (Pāṇḍya),—«Bhārati. Bulletin of the College of Indology», Banaras, 1966—1968, № X—XI, Central Asia Number.
  1015. Skerzhely S. B. J. On fire-making in North-Borneo,—JAIGB, 1890, vol. XIX.
  1016. Smith V. A. Catalogue of the coins in the Indian Museum Calcutta including the Cabinet of the Asiatic Society of Bengal, vol. I, Oxford, 1906.
  1017. Smith V. A. The Sakas in Northern India,—ZDMG, 1907, Bd 61.
  1018. Snoy P. Nuristan und Munjan,—«Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums», Stuttgart, № 14, 1965.
  1019. Spiegel F. Eranische Altertumskunde, Bd II, Leipzig, 1873.
  1020. Stagul G. Preliminary report on the pre-buddhist necropolises in Swat (W. Pakistan),—EW, 1966, N. S., vol. 16/1—2.
  1021. Stagul G. Discovery of four pre-buddhist cemeteries near Pasha in Buner (Swat, W. Pakistan),—EW, 1967, N. S., vol. 17, № 3—4.
  1022. Stagul G. Excavations in a rock shelter near Ghalgai (Swat, W. Pakistan),—EW, 1967, N. S., vol. 17, № 3—4.
  1023. Stagul D. Discovery of protohistoric cemeteries in the Chitral valley (W. Pakistan),—EW, 1969, vol. 19, № 1—2.
  1024. Stagul G. Excavations near Ghalgai (1968) and chronological sequence of proto-historical cultures in the Swat valley (W. Pakistan),—EW, 1969, N. S., vol. 19, № 1—2.
  1025. Stein A. Ancient Khotan, vol. I—II, Oxford, 1907.
  1026. Stein A. Mountain panoramas from the Pamirs and Kwen Lun. Photographed and annotated by M. Aurel Stein, London, 1908.
  1027. Stein A. Explorations in Central Asia, 1906—1908,—GJ, 1909, July and September.



1028. Stein A. Ruins of desert Gathay, vol. I, London, 1912.
1029. Stein A. *Serindia*, vol. I—V, Oxford, 1921.
1030. Stein A. A Chinese expedition across the Pamirs and Hindukush, A. D. 747,—GJ, 1922, February.
1031. Stein A. Innermost Asia: its geography as a factor in history,—QJ, 1925, May and June.
- 1031a. Stein A. Innermost Asia. Detailed report of explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran, vol. I—IV, Oxford, 1928.
1032. Stein A. On ancient Central-Asian tracks, London, 1933.
1033. Stein A. Archaeological notes from the Hindu Kush region,—«Journal of the Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London, 1944, № 1—2.
1034. Stietengron H. *Indische Sonnenpriester. Samba und die Sakadvipiya-Brahmana*, Wiesbaden, 1966 (Schriftenreihe des Südasiens-Institute der Universität Heidelberg, Bd 3).
1035. Strabo. The Geography of Strabo. With an English translation by H. L. Jones, vol. V, Cambridge Mass.—London, 1954 (Loeb Classical library).
1036. Strommenger E. The art of Mesopotamia, London, 1964.
1037. Stronach D. Metal objects from the 1957 excavations at Nimrud,—«Iraq», 1958, vol. XX, pt 2.
1038. Subramanian R. Analysis of ancient glass beads,—«Current Science», 1950, vol. 19, № 1.
1039. Sulimirski T. Scythian antiquities in Western Asia,—ArAs, 1954, vol. XVII/3—4.
- 1039a. A survey of Persian art. From prehistoric times to the present. Ed. A. U. Pope, vol. IV, London—New York, 1938.
1040. Szemerényi O. *Iranica*,—ZDMG, 1951, Bd 101 (N. F., Bd 26).
1041. Takacs Z. Some irano-hellenistic and sino-hunnic art forms,—OZ, N. F., 5. Jg. Berlin und Leipzig, 1929, № 4.
1042. Takács Z. Congruencies between the arts of the eurasiatic migration periods,—ArAs, Leipzig, 1935, vol. V, fasc. 2—4.
1043. Tallgren A. M. Collection Zauoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors, I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze, Helsingfors, 1916.
1044. Tallgren A. M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minousinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie Sibérienne, Helsingfors, 1917.
1045. Tallgren A. M. Collection Zauoussaïlov au Musée National de Finlande a Helsingfors, II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary, Helsingfors, 1918.
1046. Tallgren A. M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale, Helsinki, 1919 (Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland, II. Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja, XXXI).
1047. Tallgren A. M. Die russischen und asiatischen archaologischen Sammlungen in Nationalmuseum Finnlands,—ESA, 1928, III.
1048. Tarn W. W. Hellenistic military and naval developments, Cambridge, 1930.
1049. Tarn W. W. Seleucid-Parthian studies,—«Proceedings of the British Academy», London, 1930.
1050. Tarn W. W. Tarmita,—«The Journal of Hellenic Studies», London, 1940, vol. LX.
1051. Tarn W. W. Alexander the Great, vol. I, Narrative, Cambridge, 1948; vol. II. Sources and studies, Cambridge, 1950.
1052. Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1951.
1053. de Terra H. The megaliths of Bursahom, Kashmir, a new prehistoric civilization from India,—PAPS, 1942, vol. 85, № 5.
1054. Terrace E. L. B. Some recent finds from Northwest Persia,—«Syria», Paris, 1962, t. XXXIX, fasc. 3/4.
1055. Thapar B. K. Porkalam 1948: excavation of a megalithic urn-burial,—AI, 1952, № 8.
1056. Thapar B. K. Maski 1954: a chalcolithic site of the Southern Deccan,—AI, 1957, № 13.
1057. The glass from the ancient world. The Ray Winfield Smith collection, New York, 1957.
1058. Thieme P. Mitra and Aryaman,—«Transactions of the Connecticut Academy of arts and sciences», New Haven, 1958, vol. 41.
1059. Thomas F. W. Sakastana,—JRAS, 1906, vol. 38.
1060. Thomas F. W. The date of Kaniska,—JRAS, 1913, July.
1061. Thomas F. W. Some words found in Central Asian documents,—BSOS, 1936, vol. VIII, pt 2—3.
1062. Thomas F. W. Notes on «The Scythian period»,—JRAS, 1952, pt 3—4.
1063. Tomaschek W. Centralasiatische Studien, I. Sogdiana, Wien, 1877 (SBAW, Bd LXXXVII).
1064. Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, II. Die Nachrichten Herodot's über den skythischen Karawanenweg nach Innerasien,—SBAW, 1889, Bd 117.
1065. Tomaschek W. Aspasioi,—RE, 1896, Bd II.
1066. Tomaschek W. Assakenoi,—RE, 1896, Bd II.
- 1066a. Tomaschek W. Daai,—RE, 1901, Bd IV.
1067. Trinkler E. Through the Hearth of Afghanistan. Ed. and transl. by B. K. Featherstone, London, 1928.
1068. Tscherikower V. Die hellenistischen Stadtegründungen von Alexander dem Grossen bis auf die Römerzeit, Leipzig, 1927 (Philologus, Suppl. Bd XIX, H. I).
1069. Tucci G. On some bronze objects discovered in Western Tibet,—ArAs, 1935, vol. V, fasc. 2—4.
1070. Tucci G. An image of a devi discovered in Swat and some connected problems,—EW, N. S., 1963, vol. 14/1—2.
1071. Tucci G. The tombs of the Asvakayana — Assakenoi,—EW, N. S., 1963, vol. 14/1—2.
1072. Tylecote R. E. Metallurgy in archaeology in the British Isles, London, 1962.
1073. Upadhyaya B. S. India in Kalidasa, Allahabad, 1947.
1074. Vanden Berghe L. Archéologie de l'Iran Ancien, Leiden, 1959.
1075. Varshney V. P. Glass in Ancient India,—«The Glass Industry», New York, 1950, vol. 31, № 12.
1076. Vasmer M. Untersuchungen über ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrussland, Leipzig 1923 (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Institute an der Universität Leipzig, 3).
1077. Vasmer M. Iranisches aus Südrussland,—«Streitberg — Festgabe», Leipzig, 1924.
1078. Voigt M. Kafiristan. Versuch einer Landeskunde auf Grund einer Reise im Jahre 1928, Breslau, 1933 (Beiheft zur «Geographischen Wochenschrift»).
1079. Voretzsch E. A. Altchinesische Bronzen, Berlin, 1924.
1080. Waldschmidt E. Von Ceylon bis Turfan. Schriften zur Geschichte, Literatur, Religion und Kunst des indischen Kulturraumes, Göttingen, 1967.
1081. Wales Q. H. G. The Pre-Indian basis of Khmer culture,—JRAS, 1952, pt 3—4.
1082. Waley A. Notes on Chinese Alchemy,—BSOAS, 1930—1932, vol. VI.



1083. Waley A. The heavenly horses of Ferghana. A new view,— «History today», London, 1955, vol. V. № 2.
1084. Walser G. Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis. Historische Studien fiber den sogenannten Tributzug an der Apadanatreppe, Berlin, 1966 (Teheraner Forschungen, Bd 2).
1085. Ward W. H. The seal cylinders of Western Asia, Washington, 1910.
1086. Warmington E. H. The commerce between the Roman empire and India, Cambridge, 1928.
1087. Weissbach F. W. Die Keilinschriften der Achameniden, Leipzig, 1911.
1088. Wesendonk O. G. Das Weltbild der Iranier, München, 1933 (Kafka/Geschichte der Philosophie in Einzeldarstellungen, Bd Ia).
1089. Wheeler M. Five thousand years of Pakistan, an archaeological outline, London, 1950.
1090. Wheeler M. Early India and Pakistan to Ashoka, New York (1959).
1091. White W. Ch. Tombs of Old Lo-Yang. A record of the construction and contents of a group of royal tombs at Chin-ts'un, Honan, probably dating 550 B. C, Shanghai, 1934.
1092. White W. C. Bronze culture of ancient China. Toronto, 1956.
1093. Whitehead R. B. Catalogue of coins in the Panjab Museum, Lahore, vol. I. Indo-Greek coins. Oxford, 1914.
1094. Widengren G. Some remarks on riding costume and articles of dress among Iranian peoples in antiquity,— «Arctica», Uppsala, 1956 (Studia Ethnographica Uppsaliensia, I).
1095. Widengren G. Synkretische Religionen,— HOr, 1961, II, 8, 2.
1096. Widengren G. Die Religionen Iran, Stuttgart, 1965 (Die Religionen der Menschheit, Bd 14).
1097. Wiedemann E. Zur Mineralogie in Islam,— «Sitzungsberichte der physikalisch-medizinischen Sozietät in Erlangen», Erlangen, 1912, Bd 44.
1098. Wiedemann E. Beiträge zur Geschichte der Naturwissenschaften, XLIX,— «Sitzungsberichte der physikalisch-medizinischen Sozietät in Erlangen», Erlangen, 1916, Bd 47.
1099. Wolski J. L'effondrement de la domination des Seleucides en Iran au III-e siecle av. J.-C, Cracovie, 1947 («Bulletin international de l'Académie Polonaise des Sciences et des Lettres». Classe de philologie — classe d'histoire et de philosophie, № suppl. 5, 1939—1945).
1100. Wooley L., Mallowan M. E. L. The Neo-Babylonian and Persian periods, London, 1962 (Ur excavations, vol. IX).
1101. Wylie A. Notes on the Western Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», b. 96, pt. 1,— JAIGB, 1881, vol. X.
1102. Wylie A. Notes on the Western Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», book 96, pt. 2. Introductory note by H. H. Howorth,— JAIGB, 1882, vol. XI.
1103. Xenophon. Cyropaedia. With an English transl. by W. Miller, vol. I, London — New York (pt I—IV), T925; vol. II, Cambridge, Mass.— London, 1943 (pt V—VIII) (The Loeb Classical Library).
1104. Xenophon. De l'art équestre. Texte et traduction avec une introduction et des notes par E. Delebecque, Paris, 1950 (Annales de l'Université de Lyon. Serie 3, Lettres, Fascicule 18).
1105. Yadin Y. The art of warfare in Biblical lands in the light of archaeological discoveries, London, 1963.
1106. Zaehner R. C Zurvan. A Zoroastrian dilemma, Oxford, 1955.
1107. Zaehner R. C The dawn and twilight of Zoroastrianism, New York, 1961.
1108. Zeuner F. E. A history of domesticated animals, London, 1963.
1109. Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich der Verhältniss der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung, Praha, 1955 (Československá Akademie věd. Sekce jazyka a literatury. Monographie orientálního ustavu, sv. 16).
1110. Zimmer H. Myths and symbols in Indian art and civilization. Ed. by J. Campbell, New York, 1947 (The Bollingen Series, VI).
1111. Zürcher E. The Vüeh-chih and Kaniska in the Chinese sources,— «Papers on the date of Kaniska submitted to the conference on the date of Kaniska, London, 20—22 April, 1960», Ed. by A. L. Basham, Leiden, 1968.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АРТ, II — «Археологические работы в Таджикистане в 1954 г.», Сталинабад, 1956 (ТАН ТаджССР, т. XXXVII).
- АРТ, III — «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.», Сталинабад, 1956 (ТАН ТаджССР, т. LXIII).
- АРТ, IV — «Археологические работы в Таджикистане в 1956 г.», вып. IV, Сталинабад, 1959 (ТАН ТаджССР, т. XCI).
- АРТ, V — «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», вып. V, Сталинабад, 1959 (ТАН ТаджССР, т. CIII).
- АРТ, VI — «Археологические работы в Таджикистане, вып. VI (1958 год)», Сталинабад, 1961 (ТИН АН ТаджССР, т. XXVI).
- АРТ VII — «Археологические работы в Таджикистане, вып. VII (1959 год)», Душанбе, 1961 (ТИИ АН ТаджССР, т. XXX).
- АРТ, VIII — «Археологические работы в Таджикистане, вып. VIII (1960 год)», Душанбе, 1962 (ТИИ АН ТаджССР, т. XXXIV).
- АРТ, IX — «Археологические работы в Таджикистане, вып. IX (1961 год)», Душанбе, 1964 (ТИИ АН ТаджССР, т. XLII).
- АСГЭ — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», Л.
- БЖ — «Ботанический журнал».
- ВА — «Вопросы антропологии», М.
- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
- ВЛГУ — «Вестник Ленинградского государственного университета», Л.
- ВЯ — «Вопросы языкознания», М.
- ЛАН СССР — «Доклады Академии наук СССР».
- ДАН ТаджССР — «Доклады Академии наук Таджикской ССР».
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения», СПб.
- ЗВГО — «Записки Всесоюзного географического общества», М.
- ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», СПб., Пг.
- ЗИАН — «Записки Императорской Академии наук», СПб.
- ЗИВАН — «Записки Института востоковедения АН СССР», Л., М.—Л.

- ЗКВ — «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук (Академии наук СССР)», Л.
- ЗУОВМО — «Записки Узбекстанского отделения Всесоюзного минералогического общества», Ташкент.
- ИАК — «Известия (Имп.) Археологической комиссии», СПб.
- ИАН — «Известия Императорской Академии наук», СПб.
- ИАН КазССР — «Известия Академии наук Казахской ССР», Алма-Ата.
- ИАН КиргССР — «Известия Академии наук Киргизской ССР», Фрунзе.
- ИАН СССР — «Известия Академии наук СССР», М.—Л.
- ИАН ТаджССР — «Известия Академии наук Таджикской ССР», Душанбе.
- ИАН УзССР — «Известия Академии наук Узбекской ССР», Ташкент.
- ИВГО — «Известия Всесоюзного географического общества», Л.
- ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент.
- ИТН, I — «История таджикского народа, т. I. С древнейших времен до V в. н. э.». Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвинского, М., 1963.
- КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», М.
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
- КСИНА — «Краткие сообщения Института пародов Азии АН СССР», М.
- КСИЭ — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», М.—Л., М.
- ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
- МАР — Материалы по археологии России.
- МАС — «Монгольский археологический сборник», М.
- МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР.
- МИ — «Мир ислама», СПб.
- МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР».
- МХЭ — «Материалы Хорезмской экспедиции», М.
- НАА — «Народы Азии и Африки», М. н. с. — новая серия.
- ОИФ — Отделение истории и филологии.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка.
- ООН — Отделение общественных наук.
- ОЭ — Отделение экономики.
- ПВ — «Проблемы востоковедения», М.
- РАЖ — «Русский антропологический журнал», М.
- РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
- РГО — Русское географическое общество.
- СА — «Советская археология», М.
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.
- САН ГрССР — «Сообщения Академии наук Грузинской ССР», Тбилиси.
- СИАЭ — Серия истории, археологии и этнографии.
- СИН — Серия исторических наук.
- СИФ — Серия истории и философии.
- СМА — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», изд. Военно-ученого комитета Главного штаба, СПб.
- СМАЭ — «Сборник Музея антропологии и этнографии», СПб., Пг., Л.
- СМОМПК — «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», Тифлис.
- СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
- ТАН ТаджССР — «Труды Академии наук Таджикской ССР», Сталинабад, Душанбе.
- ТГИМ — «Труды Государственного исторического музея», М.
- ТИИ АН КиргССР — «Труды Института истории АН Киргизской ССР», Фрунзе.
- ТИИ АН ТаджССР — «Труды Института истории АН Таджикской ССР», Душанбе.
- ТИИА АН УзССР — «Труды Института истории и археологии АН Узбекской ССР», Ташкент.
- ТИИАЭ АН КазССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР», Алма-Ата.
- ТИИАЭ АН ТуркмССР — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», Ашхабад.
- ТИЭ АН СССР — Труды Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая.
- ТИЯЛИ КиргФАН — «Труды Института языка, литературы и истории Киргизского Филиала АН СССР», Фрунзе.
- ТКАЭЭ — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», М.
- ТКЭ — Таджикская комплексная экспедиция.
- ТОВЭ — «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа», Л.
- ТПЭ — Таджикско-Памирская экспедиция.
- ТТБ — «Труды Таджикской базы АН СССР», М.—Л.
- ТТГУ — «Труды Ташкентского государственного университета», Ташкент.
- ТХАЭЭ — «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», М.
- УЗЛГУ — «Ученые записки Ленинградского государственного университета», Л.
- ФАН СССР — Филиал Академии наук СССР.
- ЭО — «Этнографическое обозрение», М.
- ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- AAr — «Acta Archeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.
- AI — «Ancient India», New Delhi.
- AJ — «The Antiquaries Journal».
- AJA — «American journal of archaeology».
- AKGWG — «Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen».
- AM — «Asia Major», London (Leipzig).
- AMI — «Archaeologische Mitteilungen aus Iran», Berlin.
- AO — «Acta orientalia». Ediderunt societates orientales Batava, Danica, Norvegica, Leiden.
- AOH — «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», Budapest.
- AOr — «Archiv Orientalni», Praha.
- AOS — American Oriental Series.
- AP — «Ancient Pakistan. Bulletin of the Department of archaeology University of Peshawar», Peshavar.
- ArAs — «Artibus Asiae», Ascona, Leipzig.
- BMFEA — «Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities» (Ostasiatiska Sammlingarna), Stockholm.
- BSO(A)S — «Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, London Institution (University of London)».
- CAJ — «Central Asiatic Journal», The Hague — Wiesbaden.
- EB — «Encyclopaedia Britannica», Chicago — London — Toronto.
- ESA — «Eurasia Septentrionalis Antiqua», Helsinki.
- EW — «East and West», Rome.
- GJ — «The Geographical Journal», London.
- GMS — «E. J. W. Gibb Memorial Series».
- HOr — «Handbuch der Orientalistik», hrsg. von Bertold Spuler, Leiden.
- IA — «Indian Antiquary», Bombay.
- IC — «Islamic Culture», Hyderabad.

- Is.MEO — Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Roma.
- JA — «Journal asiatique», Paris.
- JAIGB — «The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», London.
- JAOS — «Journal of the American Oriental Society», New York — New Haven.
- JBBRAS — «Journal of Bombay Branch of the Royal Asiatic Society», Bombay.
- JDAI — «Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Institutes», Berlin.
- JESHO — «Journal of the Economic and Social History of Orient», Leiden.
- JIH — «Journal of Indian History», Madras.
- JNES — «Journal of Near Eastern Studies», Chicago.
- JRAS — «Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland», London.
- N. F. — Neue Folge.
- N. S. — New Series.
- MAGW — «Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien».
- MASI — «Memoirs of the Archaeological Survey of India», Calcutta.
- MDAFA — «Mémoires de la délégation archéologique française en Afghanistan», Paris, Cairo.
- MMAI — «Mémoires de la Mission archéologique en Iran», Paris.
- MS — «Monumenta Serica. Journal of Oriental Studies of the Catholic University of Peking».
- NC — «The Numismatic Chronicle and Journal of the Numismatic Society», London.
- OA — «Oriental Art», London.
- OZ — • «Ostasiatische Zeitschrift, Beiträge zur Kenntnis der Kunst und Kultur des Fernen Ostens». Hrsg. von der Gesellschaft für ostasiatische Kunst, Berlin — Leipzig.
- PAPS — «Proceedings of the American philosophical society», Philadelphia.
- PZ — «Prahistorische Zeitschrift», Berlin.
- QJMS — «The Quarterly Journal of the Mythic Society», Bangalore.
- RAA — «Revue des arts asiatiques. Annales du Musée Guimet», Paris — Brussels.
- RE — «Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft», neue Bearbeitung, begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll, Stuttgart.
- SPAW — «Sitzungsberichte der Preussischen Academie der Wissenschaften», Berlin.
- SBE — «Sacred Books of the East», Oxford.
- T'P — «T'oung Pao, ou Archives concernant l'histoire, les langues, la géographie, ethnographie et les arts de l'Asie Orientale», Paris — Leiden.
- TPS — «Transactions of the Philological Society», London.
- ZA — «Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete», hrsg. von C. Bezold, Straßburg.
- ZDMG — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Leipzig, Wiesbaden.
- ZII — «Zeitschrift für Indologie und Iranistik», Leipzig.

## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН\*

- Абаев В. И. 116, 447, 120\*, 149\*, 150, 153, 156, 158, 162,  
 Абаева Р. З. 75\*  
 Абдуразаков А. А. 77\*  
 Агафоклея 140  
 Агаханянц О. Е. 3, 181\*  
 Агеева Е. И. 161, 175  
 Агни 85\*  
 Азаров С. Г. 179  
 Азес 107, 110, 101  
 Азилис 110, 131  
 Айтбаев М. Т. 144\*  
 Акишев К. А. 95, 99, 116, 140, 156, 161, 175, 176  
 Александр Македонский 89, 123, 164, 165, 169, 173  
 Алексеев В. П. 185  
 Алкиати Дж. 185  
 Альбаум Л. И. 99  
 Альтхайм Ф. 129, 170\*, 171  
 Аминон 140  
 Анахита 144, 148  
 Андреас Ф. 163  
 Андреев М. С. 52, 152  
 Антиох III 487  
 Анучин Д. Н. 83\*, 105  
 Аполлодор 107  
 Аполлон 107  
 Аполлон-Митра 164  
 Аристов Н. А. 180—182, 188, 189, 191  
 Ариш Вахадан 88  
 Арне Т. 69  
 Арриан 127, 428, 131, 164, 165, 169\*, 172, 173, 192  
 Артамонов М. И. 68, 173  
 Асмуссен Я. Р. 153, 162  
 Астиаг 119\*  
 Аура-Мазда 149, 153; см. также Ахура-Мазда, **Ahura-Mazdāh**  
 Афина 110  
 Ахемениды 149, 450, 153, 163, 492  
 Ахура 152, 153; см. также Ахура-Мазда  
 Ахура-Мазда 149—153, 155, 163; см. также **Ahura-Mazdah**  
 Ашаглон 144, 146, 146  
 Ашвины 448; см. также **Aśvin**  
 Ашурбанипал 86  
 Ашурнасирапал II 86  
 Бабаев А. Д. 5, 25, 50, 56, 79, 440  
 Бабанская Г. Г. 28  
 Багчи П. 190\*; см. также **Bagchi P. Ch.**  
 Байер Ф. З. 469, 170  
 Балфур Г. 85\*  
 Банерджи Б. Ч. 147\*  
 Банерджи Н. Р. 136, 137  
 Бартоломэ Х. 149  
 Бартольд В. В. 77  
 Баруздин Ю. Д. 176, 183, 184  
 Бахофер Л. 110, 131, 170\*  
 Безбородое М. А. 77\*  
 Бек Г. 75—77, 80, 84  
 Беленицкий А. М. 152  
 Бенвенист Э. 87, 416  
 Берг А. С. 3  
 Бергман Ф. 85, 107  
 Бернгард В. 185  
 Бернштам А. Н. 5, 6, 8, 15, 21, 24, 28, 29, 37, 42, 43, 56, 68, 76, 79, 80, 89, 94, 92, 94, 96\*, 97\*, 101, 404, 105, 112, 143, 422, 428, 132, 133, 135, 436, 138, 151, 152, 156, 460, 161, 167, 170\*, 176—178, 181—184  
 Беросс 173  
 Бесс 164, 492  
 Бёмер Р. М. 96  
 Биддольф Д. 137  
 Бичурин Н. И. 187  
 Блаватский В. Д. 86  
 Бляйштайнер Р. 143\*  
 Богданова-Березовская И. В. 114\*  
 Боголюбов М. Н. 462  
 Боровка Г. 67  
 Брагинский И. С. 152  
 Бранденштейн В. 168, 170  
 Браун Ф. Е. 86\*, 129  
 Бубнова М. А. 5, 6, 24  
 Букинич Д. Д. 165  
 Буланда Е. 87  
 Булатова В. А. 98\*  
 Бурзои 79  
 Бурх 145  
 Бурхан ад-Дин Кушкеки 165  
 Бхандаркар Д. Р. 167, 190\*

\* Все указатели составлены сотрудником ИВ АН СССР кандидатом исторических наук Д. С. Раевским. Звездочкой помечены номера страниц, на которых данное слово встречается только в сносках.

Бэйли Г. В. 87, 117\*, 120, 127, 161\*, 153, 158, 166, 167,  
173, 192  
Бэрнетт Р. 88\*, 119, 120\*

Вавилов Н. И. 165  
Ван Виндекенс 157  
Вармингтон Э. 190\*  
Варуна 152, 153\*, 164  
Вахадан Ариш — см. Ариш Вахадан  
Везендонк О. 168\*; см. также Wesendonk O. G.  
Белей А. 76; см. также Waley A.  
Вератрагна 119, 146  
Веселавский А. Н. 146\*  
Веселовский Н. И. 77  
Виденгрэн Г. 150, 151\*, 154  
Вильсон 136\*  
Вишневская О. А. 89\*, 175  
Во Дин 84  
Вонон 110

Гамбург Б. 3.29\*, 90, 176  
Гарднер П. 190\*, 198  
Гейгер В. 146, 150, 153\*, 166  
Гейкель Г. 176  
Гекатей 164, 165  
Гелнос 152  
Гелланик 163  
Гельднер К. 124, 145\*  
Геродот 85—88, 110, 120, 124, 127, 129, 130, 143, 150—  
152, 155, 167, 163, 164, 172, 173, 192  
Гершевич И. 817\*, 124\*, 448\*, 161\*, 167  
Гинзбург В. В. 182—184, 185\*  
Гиршман Р. 86, 87, 88\*, 107, 125, 171  
Гистасп 164  
Глессер Г. 147  
Горбунова И. Г. 29, 53 \*, 90, 97, 99, 176, 184  
Гордлевский В. А. 134\*  
Гордон Т. 179  
Граков Б. Н. 89  
Грантовский Э. А. 161, 166, 171  
Григорьев В. В. 159, 162, 163, 189  
Григорьев Г. В. 51\*  
Гриерсон Г. 192  
Грифит Г. 136\*  
де Гроот Ф. 170, 187, 188  
Грязнов М. П. 99, 161  
Гулямов Я. Г. 161  
Гурский А. В. 182  
Гутшмид А. 170—172, 189

Давидович Е. А. 77  
Дадашев М. П. 166  
Дальтон О. М. 88, 119, 128  
Дандамаев М. А. 149, 151\*, 161—163  
Дарий (Дарий I) 87, 149, 150\*, 161, 153, 162—164, 169  
Дарий II 130  
Дас Г. Н. 137\*  
Даффина П. 172\*, 490, 193  
Демодам 157, 163  
Джексон А. 119  
Джойс Т. А. 52  
Дикшит М. П. 80, 84  
Диодор Сицилийский 127, 167, 164, 172  
Диомед 110  
Дионисий Перизет 87, 169  
Диоскуры ПО, 119\*  
Дьяконов И. М. 87, 157, 164\*  
Дьяконов М. М. 91

Евкратид ПО, 119\*  
Евтидем 171, 187

Еноки К. 187, 188  
Ершов Н. Н. 144, 148\*  
Ершов С. А. 99

Жемеранья О. 157, 171

Заднепровский Ю. А. 28, 50, 77 \*, 108, 176  
Заратуштра 152, 153, 155, 156; см. также Зороастр  
Збруева А. В. 105, 111 \*, 122—124  
Згуста Л. 193  
Зевс Оромозд 154  
Зеланд Н. 105  
Зелигман 76, 77  
Зелинский А. Н. 188, 191  
Зимма Б. М. 151  
Зороастр 150, 152, 153, 155; см. также Заратуштра

Иессен А. А. 50  
Ибн Хордабех 166  
Ильинская В. А. 122—124  
Искандеров Б. И. 179  
Итина М. А. 175

Иеттмар К. 144, 145, 147

Кадфиз I (Киоцзюкю) 164\*  
Кадырбаев М. К. 79 \*, 95, 96 \*, 156  
Кадыров Р. К. 146\*  
Калидаса 154  
Канишка 111, 190\*  
Каннингэм А. 190\*  
Карлгрен Б. 166, 187, 188  
Кастальский 108  
Квинт Курций Руф 88, ПО, 120, 124, 125, 127, 131, 164,  
169  
Кент Р. 149\*, 157, 162, 164\*, 169\*  
Керзон Г. 191  
Кёниг Ф. 162\*  
Киаксар 86  
Кибиров А. К. 176, 184\*  
Кингсвилл Т. 170  
Киоцзюкю — см. Кадфиз I  
Кир (Кир II) 119\*, 163, 164, 172  
Кир Младший 130  
Киселев С. В. 67, 100, 124  
Кисляков Н. А. 145  
Кияткина Т. П. 6, 182, 183, 185  
Климент Александрийский 88  
Клопстег П. Е. 83, 88  
Ковалевская-Деопик В. Б. 72  
Кожемяко П. Н. 184  
Кожомбердиев И. К. 62, 122, 141, 177  
Козенкова В. И. 176  
Конов С. 153, 158, 167, 170, 172, 188\*; см. также Ко-  
нов S.  
Кононов В. Н. 107  
Копылов И. И. 161  
Корженевский Н. Л. 168  
Коробкова Г. Ф. 53  
Корш Ф. Е. 116  
Красе Марк НО  
Крил Х. 84  
Кристенсен А. 156  
Крупное Е. И. 32, 103, 113, 122  
Ксенофонт 87, 124\*, 128, 130  
Ксеркс 85, 120, 150, 162, 164, 172, 173  
Ктесий 87, ПО, 172  
Кузьмина Е. Е. 92, 107, 108  
Кумарасвами А. 145  
Курций Руф, Квинт — см. Квинт Курций Руф  
Куфтин Б. А. 103, 141, 146

Кушаев Г. А. 79 \*, 135, **161**  
Кызласов Л. Р. **141**

Лассен Х. 157 \*  
Лауфер Б. 79 \*, 129; см. также Laufer В.  
Леви С. 157\*, 188  
Лекок А. 101 \*  
Леммлейн Г. Г. 71, 72, 80  
Либеров П. Д. 89  
Лившиц В. А. 6, 87\*, 120\*, 147\*, 149\*, 150, 151 \*  
Лигдамис (Тугдамме) 157  
Лин 177 \*  
Литльдель Г. 191  
Лоер М. **111**, 123  
Ломмель Г. 151\*; см. также Lommel H.  
Лонгман 85; см. также Longman C. J.  
Лохвизен де Леев 170 \*  
Лукиан — см. Псевдо-Лукиан  
Лызов А. 194

Майрхофер М. 115\*, 158; см. также Mayrhofer M.  
Мак-Грегор Ч. 189, 190  
Макдонелл А. 152  
Маквелл-Хислоп К. 114  
Максимова А. Г. 79\*, 116, 175  
Мальтен Л. 143  
Мандельштам А. М. 188  
Мани 78  
Манучихр 88  
Марк Красс — см. Красс Марк  
Маркварт И. 120\*, 150, 156, 164\*, 165—167, 169\*, 170, 171, 190\*; см. также Marquart J.  
Маркум 144—146  
Мартин Ф. **113**  
Маршалл Д. 101  
Масиста 164  
Массон В. М. 91, 95, 96  
Массон М. Е. 50, 90, 107  
Маус ПО, 193  
Маурья 76  
Мегасфен **164**, 165  
Медведев А. Ф. 83 \*  
Медведская И. Н. 92 \*  
Мелюкова А. И. 86, 89, 95, 96, 100, **101**, 109, 114, 117, 123, 124  
Менандр 193  
Миклашевская Н. Н. 183, 184  
Миллер В. Ф. **116**  
Минаев И. П. 191 \*  
Миннс Е. 69 \*, 124  
Митра 124, 153—155  
Митра — Ахура 154, 155  
Моди 136  
Моргенштерне Г. 165—167, 169, 192  
Мошкова М. Г. 6, 60  
Мукерджи Б. Н. 164 \*  
Му-куа 192, 193; см. также Mu-Kua  
Мункир 147 \*  
Мустаминди Ш. 82  
Мухиддинов Х. 152 \*  
Мэйеры 67 \*  
Мэнчен — Хелфен О. 148\*

Нарайн А. К. 188, 190, 193  
Нарамсин 85 \*  
Новгородова Э. А. 65 \*, **69** \*  
Нюберг Х. 150, **156**

Овсати **145** \*  
Окладников А. П. 83 \*, 84  
Олчин Б. 137, 138

Олчин Р. 127, 138  
Олмстэд А. 164; см. также Olmstead A. T.  
Олуфсен О. 191 \*  
Омар Хайям 88  
Омарг 169; см. также Ὀμάργης  
Оппенгейм 130  
Ормузд 152; см. также Аура-Мазда, Ахура-Мазда  
Оросий 170, 171, 173  
Остроумов Н. П. 142 \*

Панини 85, ПО, 120, 125  
Пардуз М. 142  
Патанджали 167  
Пахомов М. М. 181 \*  
Пельо П. 188  
Перевозчиков П. В. 184  
Петеч Л. 165, 188  
Петри Ф. **89**  
Пиготт С. 85  
Пиотровский Б. Б. 86—87, 89, 95  
Писарчик А. К. 6, 135  
Писсуфн 164  
Плиний Старший 157, 163, 169  
Плутарх ПО\*, 154  
Полибий 171, 187  
Полидевк Юлий 124  
Подиев 163, 164  
Поло Марко **116**  
Помпей Трог 170  
Порада Э. 147 \*  
Поршнева Б. Ф. 52  
Придик Е. 120\*  
Прушевская Е. О. 123  
Псевдо-Лукиан 170  
Птолемей Клавдий 5, 164\*, 167, 169—174  
Пугаченкова Г. А. 103, 126  
Пуллейблэнк Е. Г. 152\*, 170, 173, 188  
Пури Б. 167 \*  
Пуятта Д. В. 179  
Пушьямитра 154  
Пьянков И. В. 6, 120 \*, 127, **163**, **164** \*, **173**  
Пяташева Н. В. 141

Рабинович Б. 3. 127  
Разгонов А. К. **191** \*  
Райкова И. А. 178, 180  
Ранов В. А. 181  
Рапопорт Ю. А. 150, 151  
Ралсон Э. 190\*; см. также Rapson E. J.  
Рау П. 89, 100  
Раулинсон Генри 158, 190 \*; см. также Rawlinson H. G.  
Раулинсон Георг 164; см. также Rawlinson G.  
Раусинг Г. 84 \*, 85 \*  
Рейман В. М. **141**  
Рейнеке П. 89 \*  
Рерих Ю. Н. 138  
Розенфельд А. 3. 166\*, 168  
Рой А. П. 115  
Ростовцев М. И. 68\*, 88\* 123\* 125, 126 \*  
Руденко С. И. 52  
Рудо К. Г. 88 \*  
Рустами Сагзи 194  
Рутковская Л. М. 50  
Рычков Ю. Г. 185\*, 194

Сардубай 144\*  
Сатракес 120 \*  
Селевкиды 173, 187  
Семенов С. А. 52  
Сидоров Л. Ф. **178**, **181**  
Симонетта А. 190

Сингх С. Д. 115  
 Сиявуш 150  
 Скунха 162  
 Смирнов А. П. 92 \*, 177  
 Смирнов К. Ф. 6, 28, 46, 60, 66, 88, 89, 91, 93—99, 101, 102, 105, 108, 109, 119, 126, 151, 156  
 Снесарев А. Е. 180, 191  
 Солонен Э. 130  
 Соседко А. Ф. 115 \*  
 Спалирис 107, 125  
 Спасская Е. Ю. 47 \*  
 Стагул Д. 103  
 Станюкович К. В. 178  
 Стейн А. 47, 49, 51 \*, 100, 101, 124, 168, 190, 191 \*  
 Стефан Византийский 157, 164  
 Страбон 88, 105, 120, 124, 150\*, 151, 164, 169—173  
 Стратон ПО  
 Стрелков А. С. 151  
 Строганов 46  
 Струве В. В. 160, 162, 163, 169, 170 \*  
 Суй-жень 51 \*  
 Сулайман 145 \*  
 Сулимирский Т. 89  
 Сумцов Н. Ф. 139  
 Сунга 154  
 Сыма-цянь 182  
 Сюань-цзян 166

Тальгрэн А. М. 68 \*  
 Тамурасп 150; см. также Тахма-Урупа  
 Тарн В. 129, 169\*, 170, 171\*, 172, 188—190; см. также Tarn W.  
 Тахма-Урупа 150; см. также Тамурасп  
 Тацит 173  
 Теофраст 52  
 Тереножкин А. И. 50, 95, 114  
 де Терра Г. 138, 190\*  
 Толстов С. П. 88, 126, 129, 152, 160, 171, 172, 174, 175, 189  
 Томас Ф. 158, 164\*, 168\*, 171\*, 190\*  
 Томашек В. 157 \*, 165, 170, 173  
 Томирис 152  
 Тревер К. В. 160  
 Трог Помпей — см. Помпеи Трог  
 Трофимов А. К. 181 \*  
 Трофимова Т. А. 184  
 Тугдамме — см. Лигдамис  
 Туччи Д. 147 \*, 165

У Лин-ван 100  
 Уайль А. 187, 188  
 Уиллер М. 137

Федченко Б. А. 180  
 Ферсман А. Е. 80  
 Фирдоуси 168, 194  
 Фирштейн Б. В. 184  
 Форбс Р. 75

Ahura-Mazdāh 152; см. также Ахура-Мазда  
 Ahərətāt 148  
 Asvin 148  
 Atharvan 148  
 Bagchi P. Ch. 161; см. также Багчи П.  
 Burke E. 83 \*  
 Carthasis 120 \*  
 Chattopadhyaya 161; см. также Чаттопадхайд

Франке О. 157 \*, 170  
 Фриана 150; см. также Fryana  
 Фукидид 164

Хазанов А. М. 83 \*, 126  
 Ханна Х. В. 189  
 Хансен О. 170  
 Хаошанг 150; см. Хушанг  
 Хань 114  
 Харес Митиленский 169  
 Харос 143  
 Хауссиг Х. 170  
 Хейне-Хельдерн 137  
 Хеннинг В. Б. 78, ПО, 120, 127, 155  
 Херман А. 158, 160\*, 164\*, 165, 167, 170, 172—174; см. также Herrmann A.  
 Херцфельд Э. 87, 116, 119, 156\*, 163, 164\*, 165, 169, 189; см. также Herzfeld E.  
 Хинц В. 158, 162, 163, 169\*; см. также Hinz W.  
 Ходжа Ахмед Ясеви 134 \*  
 Холдвич Т. Х. 189  
 Хуммель С. 138  
 Хушанг 150; см. также Хаошанг

Цэнер Р. 151 \*, 152  
 Цюрхер Э. 187, 188

Чаттопадхайд С. 167\*, 169\*  
 Черненко Е. В. 125, 126  
 Черников С. С. 68 \*, 89, 94, 156  
 Чжан Цянь 188  
 Чжоу 84  
 Членова Н. Л. 47, 50\*, 67, 68, 91, 114\*, 123, 148\*

Шаванн Э. 188  
 Шарпентье 170  
 Шелов Д. Б. 177  
 Шефтоловиц И. 155 \*, 165  
 Шёльд Х. 157  
 Ширатори К. 173  
 Шитников А. В. 181  
 Шмидт Г. 89 \*  
 Шмидт Э. Ф. 75, 98  
 Шпигель Ф. 163 \*  
 Шульц П. Н. 141

Эмано М. В. 85  
 Эратосфен 169

Юань Кэ 51 \*  
 Юлий Полидевк — см. Полидевк Юлий  
 Юнге Ю. 164 \*, 169 \*, 172, 173  
 Юнкер Ф. 171  
 Юркевич Э. А. 19  
 Юсти Ф. 192; см. также Justi F.  
 Юстин 172, 173

Ядин 85\*  
 Якуби 166

Dadhikra (Dadhikravan) 148  
 Dadhyanc 148  
 Du Four de Languerue 170  
 Ebert M. 159  
 Fryana 156; см. также Фриана  
 Gupta S. P. 137 \*  
 Haddon A. C. 52  
 Hadaš F. 83 \*

Haurvatat 148  
 Herrmann A. 159; см. также Херман А.  
 Herzfeld E. 159, 160; см. также Херцфельд Э.  
 Hinz W. 160; см. также Хинц В.  
 Hsia Nai 76 \*  
 Ispakai 157  
 Janse O. 148 \*  
 Justi F. 159; см. также Юсти Ф.  
 Konow S. 159; см. также Конов С.  
 Lommel H. 92 \*; см. также Ломмель Г.  
 Longman C. J. 83\*; см. также Лонгман  
 Mayrhofer M. 87 \*; см. Майрхофер М.  
 Marquart J. 159, 160; см. также Маркварт И.  
 Mihrorrhmazd 154 \*  
 Moga 193  
 Mu-kua 192; см. также Му-куа  
 Nāhaiya 148; см. также Nasatya  
 Nasatya 148  
 Olmstead A. T. 161; см. также Олмстэд А.

Rapson E. J. 159; см. также Рапсон Э.  
 Rausing G. 83\*; см. также Раусинг Г.  
 Rawlinson G. 159; см. также Раулинсон Георг  
 Rawlinson H. G. 159; см. также Раулинсон Генри  
 Rötastahm 194  
 Sarre F. 159  
 Sūrya 148, 151  
 Tarn W. W. 160, 161; см. также Тарн В.  
 Vahauka 193  
 Vyskocil J. 83 \*  
 Waley A. 152\*; см. также Белей А.  
 Warlond H. 83 \*  
 Weissbach F. W. 159  
 Wesendonk O. G. 160; см. также Везендонк О.  
 Wuku, Wu-ku 192  
 Ὠμάρης 164; см. также Омарг  
 Μουάκης 192  
 Μεγάκος 193



## УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

- Аблык 90, 94, 100  
Ага-Авлар 92  
Аджанта 71  
Азербайджан Иранский 86  
Азия 3, 52, 139, 161, 169  
Азия Восточная 136  
Азия Малая — см. Малая Азия  
Азия Передняя — см. Передняя Азия  
Азия Северная 84  
Азия Средняя — см. Средняя Азия  
Азия Центральная — см. Центральная Азия  
Азия Юго-Восточная 139  
Айдынкуль, оз. 8  
Айдынкуль, ручей 7  
Айдынкуль, м-к 7, 134  
Айдынкуль I, м-к 7, 8, 29, 58, 71, 72, 73, 93—95, 97, 197  
Акбайтал р. 4, 180  
Акбеит 4, 7, 16, 22  
Акбеит, м-к 8—10, 26, 29, 35—39, 60, 70, 71, 73, 75, 79, 99, 105, 112—114, 122, 128, 132—134, 183, 198—201  
Акджилга, хр. 10  
Актамский м-к (Актам) 31, 32, 59, 90, 96, 97, 176  
Акташ 178, 191  
Алай, Алайская долина 3, 5, 97\*, 101, 159, 167—169, 174, 176, 177, 179, 180, 183—185, 187\*, 188  
Алайский хр. 168, 176  
Аламышикский м-к 176, 177  
Алебастрова Гора 117  
Аличур, р. 4, 7, 10, 178, 180, 193  
Аличур I, м-к 7, 9, И, 12, 29, 32, 183, 202  
Аличур II, м-к 7, 9—12, 29, 31—33, 35, 38, 39, 44, 45, 54, 56—59, 61—64, 72, 73, 75, 102, 103, 108, 118, 120—123, 132, 133, 203  
Аличурская долина 178  
Аличурский хр. 21  
Алишар 89  
Алмалуу, м-к 141\*  
Алтай 5, 67, 131\*, 161, 177, 184  
Алтай Горный 184  
Алтын-Эмель, м-к 176  
Америка 52, 139  
Амиргийская равнина 174  
Амлаш 86, 92  
Амударьинский клад 58, 62, 71, 88, 110, 114\*, 119, 128, 146  
Амударья, р. 4, 160, 163, 165, 171, 174, 185, 186, 189; см. также Окс, Оксус  
Ананьинский м-к 123  
Анатолия 103\*  
Анау I 69  
Анау III 65, 69  
Ангар 90  
Андемин, м-к 7, 12, 72, 74, 134  
Андемин I, м-к 12, 13, 29, 31, 32, 34, 36, 38, 56, 58 70, 72, 94, 96, 98, 104, 105, 109, 121, 122, 124, 141, 204—207  
Андеминсу, р. 12, 13  
Ан-Си 173; см. также Парфия  
Аньян 84  
Аравия 79, 162  
Аравия Южная 137  
Аральское море, Арал 159—163, 171, 173  
Арахозия 162  
Аррея 162, 173  
Арикамеду 75\*  
Армения 126, 158  
Арпа 75, 138  
Ассакена 165  
Ассам 136, 141  
Ассирия 85, 130, 162  
Атбаши 107  
Атток 165  
Аул, курорт и древнее поселение 99  
Афганистан 3, 4, 52, 79, 135, 139, 178\*, 186, 193, 194  
Афганистан Северный 67  
Афганский Бадахшан — см. Бадахшан Афганский  
Афганский Туркестан — см. Туркестан Афганский  
Афрасиаб 97\*, 99  
Африка 52, 129  
Африка Центральная 88  
Ашт, м-к 60  
Ашхабад 108  
Бабиш-Мулла 98, 174  
Бадахшан 159, 164—166, 191, 194\*  
Бадахшан Афганский 115\*, 144\*  
Базай-Гумбез 190, 191  
Базардара 6  
Бактр, р. 163, 164  
Бактриана 164, 171; см. также Бактрия, Греко-Бактрия

- Бактрия 67, 82, 126, 155, 160, 162—165, 169, 174, 191, 193; см. также Тохаристан, Тухоло  
 Бактры 164, 169  
 Баланды I 174  
 Баланды II 174  
 Балханы 161  
 Баянд-Киик, м-к 13  
 Барагылский ~~проход~~ 191  
 Баткенский р-п 115\*  
 Бахмалджилга, р. 10  
 Башадырские курганы 65  
 Бегазы, м-к 99  
 Беговат 171  
 Бейк, перевал 190  
 Белуджистан Северный 159  
 Вельское городище 100  
 Бель-Утек 22  
 Березовский м-к 114  
 Беркут-кала 99  
 Бешатыр, м-к 97 \*, 98, 133, 140, 175  
 Бехистунская надпись 150, 153, 158, 162  
 Бирма Западная 136  
 Биш-Оба 65  
 Ближний Восток 47\*, 81 \*, 85, 89, 92, 123, 186, 194  
 Бобои-Дархан (Шуробак), м-к 90, 97  
 Богазкей 89  
 Богородицкое 46\*  
 Бозбайтал 19  
 Болдай-тепе 91  
 Большие озера (Тибет) 138  
 Большой Ферганский Канал (БФК) 49, 50, 99, 108, 144, 147, 148  
 «Большой Юэчжи», страна 77  
 Борнео 141  
 Борнео Северный 51  
 Борогильский перевал (Борогиль) 189, 190\*, 191  
 Боспор 126, 159  
 Брахманабад 81  
 Бричмуллинский клад 65, 90, 91  
 Бузулук 117, 119  
 Булункуль, оз. 4, 19, 27, 180  
 Бурмачап 75  
 Бурю-Курмес, перевал 190  
 Буткара II, м-к 185, 186  
 Бухара 89 \*, 152 \*, 189  
 Бухар-Арык (Шаар-Арык) 111\*  
 Бхир-Маунд 81, 101  
 Буюккале I 89  
 Буюккале II 89  
 Вавилония (Вавилон) 75, 130, 149, 162  
 Ванч 168  
 Вахан 43, 135, 152, 191  
 Вахандарья 189—191  
 Вахано-Гиндукушский Памир — см. Памир Вахано-Гиндукушский  
 Ваханский хр. 3, 15, 25, 190  
 Вахджир, р. 190, 191  
 Вахш, р. 145  
 Венгрия 47\*, 122\*, 142  
 Внутренняя Монголия — см. Монголия Внутренняя  
 Волга 159  
 Ворухский м-к 135  
 Ворухское ущелье 79, 135  
 Восточная Азия — см. Азия Восточная  
 Восточная Европа — см. Европа Восточная  
 Восточная Сибирь — см. Сибирь Восточная  
 Восточный Гиндукуш — см. Гиндукуш Восточный  
 Восточный Иран — см. Иран Восточный  
 Восточный Казахстан — см. Казахстан Восточный  
 Восточный Памир — см. Памир Восточный  
 Восточный Туркестан — см. Туркестан Восточный  
 Вуадиль, м-к 75, 90  
 Выбист-дар 182\*  
 Гава, р. 115\*  
 Гавгамелы 131, 164  
 Газан, перевал 191  
 Ганг 171  
 Гандхара 162, 165  
 Гаофу 164 \*, см. также Кабул  
 Гармабак 148  
 Гедрозия 162  
 Герат 82, 189  
 Гибинь 188, 189, 190\*  
 Гильгит 47, 144, 145, 159, 188, 190—193  
 Гималаи 161, 167, 189  
 Гиндукуш 3, 144, 160, 161, 166, 189, 190\*, 191  
 Гиндукуш Восточный 164 \*, 191  
 Голодная степь 98  
 Гордион 89  
 Горно-Бадахшанская автономная область 3, 25  
 Горный Алтай — см. Алтай Горный  
 Горон 152  
 Греко-Бактрия 167, 170, 171, 187, 192  
 Греция 83, 86, 148 \*, 164  
 Гуаньду 188, 192  
 Гуджерат 80  
 Гунт, р. 4; см. также Аличур, р.  
 Гутиум 157  
 Гяур-кала 95, 98\*  
 Давань 152, 187; см. также Фергана  
 Дальверзин 34, 92, 108  
 Дальверзинстрой 111\*  
 Дандыбай 6, 69  
 Дара, перевал 166, 191  
 Дарай-Абхарв, м-к 146  
 Дараут-Курган, м-к 79, 176  
 Дарваз 43, 135  
 Дарвазские горы 3  
 Дардистан 147  
 Даркотский перевал 191\*  
 Дауаба 171  
 Дахя 187, 188  
 Дашти-Эймат 145\*  
 Дейлем 59, 66, 67\*  
 Декан 80  
 Демавенд 47\*  
 Демкино 114  
 Джавонтобе 65  
 Джамбульская обл. 127  
 Джанкент 175  
 Желалабад 190\*  
 Джергетальский м-к, Джергетал 75, 176, 177  
 Джаты-Асар 50, 175  
 Джизакско-Чиназская степь 111\*  
 Джирм (Джурм), р. 165  
 Джувантобе, м-к 142, 176  
 Джули-сай, м-к 79, 82  
 Джурм — см. Джирм  
 Доринг 138  
 Дрангиана 159, 162  
 Дунай 151  
 Дхармараджика 185  
 Евразия 59, 83, 92\*, 114, 125, 126  
 Европа 32\*, 76, 139, 161  
 Европа Восточная 95, 97, 99, 177  
 Европа Западная 105, 123  
 Егид 135  
 Египет 75, 83, 85, 119, 141

Енисей 68, 177  
Ева 145\*

Жаныдарья 174  
Жарты-Гумбез 7, 13, 14, 17, 19  
Жарты-Гумбез, м-к 7, 132, 133, 134 \*, 136  
Жарты-Гумбез I, м-к 13, 40, 42, 54, 69, 71, 72, 73, 79, 112, 117, 121, 122, 136, 208  
Жарты-Гумбез II, м-к 13, 14, 32—36, 38, 41, 43, 44, 60, 70, 136, 209, 210  
Жарты-Гумбез III, м-к 13, 14, 136, 210—212  
Жарты-Гумбез IV, м-к 13, 14, 29, 41, 213  
Жарты-Гумбез V, м-к 13, 14, 132

Заалайский хр. 3, 168  
Забайкалье 69  
Забул 194  
Забулистан 143  
Закавказье 103  
Закаспийская обл. 184  
Замок на горе Муг — см. Муг  
Западная Бирма — см. Бирма Западная  
Западная Европа — см. Европа Западная  
Западная Сибирь — см. Сибирь Западная  
Западный Иран — см. Иран Западный  
Западный Куньлунь — см. Куньлунь Западный  
Западный Памир — см. Памир Западный  
Западный Тибет — см. Тибет Западный  
Западный Тянь-Шань — см. Тянь-Шань Западный  
Заргудак 108  
Зебак 159, 165  
Зендани-Сулейман 96  
Зеравшан 143\*, 145\*  
Зивийе 86, 109  
Зоркуль, оз. 4, 7, 178, 179\*  
Зумудг 25

Изат-Кули 91 \*  
Или, р. 172, 175, 176  
Ильмова Падь 51  
Имаус 5; см. также Памир  
Инд, р. 165, 186, 189, 193  
Индийский океан 141, 151  
Индия 52, 75\*, 76, 78—81, 85, 88, 92, ПО, 115, 125, 131, 137—140, 142, 148, 154, 155, 159, 161, 164—167, 174, 178, 185, 186, 188, 189, 190\*, 191, 193, 194; см. также Индостан  
Индия Северная 47\*, 81, 101, 125, 136, 164\*, 167, 184, 192—194  
Индия Северо-Восточная 136, 177, 190, 192  
Индия Северо-Западная 137, 147\*, 154, 167, 185, 188, 190, 191  
Индия Центральная 143  
Индия Южная 81, 136, 141  
Индокитай 100, 136  
Индокитай Северный 114  
Индонезия 136  
Индостан 81, 82, 137, 139, 186; см. также Индия  
Индостан Северный 5, 185  
Индостан Северо-Восточный 81, 137  
Индостан Северо-Западный 81, 144  
Инкардаря 172, 175  
Иония 158  
Ионова, перевал 191  
Иран 52, 60, 65\*, 67\*, 69\*, 75, 76\*, 77, 79, 86, 88, 95, 109, 114, 125, 126, 129, 130, 131, 137, 140, 145, 147, 186, 194  
Иран Восточный 143  
Иран Западный 43, 86, 130  
Иран Северный 109  
Иран Северо-Западный 86, 148

Иранский Азербайджан — см. Азербайджан Иранский  
Иранское плато 144  
Иршод, перевал 191  
Испания 116  
Исс 131  
Иссык-Куль 46 \*, 105 \*, 108  
Иссыккульский клад 176  
Иссыкский клад 116, 176  
Истису, м-к 98  
Истраг, перевал 191  
Истык, р. 4, 7, 12, 13, 17, 19, 178  
Истык, м-к 7, 14, 15, 31, 36, 42, 53, 58, 69, 70, 73, 108, 118, 120, 121, 123, 214  
Истык Малый — см. Малый Истык  
Исфаринский м-к (Исфара I) 43  
Исфаринско-Баткенский р-н 115 \*  
Ичкилик, м-к 7, 15  
Ишкашимский р-н 25, 135, 152  
Ишкуманская долина 47, 144 \*

Кабул 164\*, 165, 188, 189, 193  
Кабулдарья 165  
Кабулистан 145  
Кават-2 93  
Кавказ 52, 103, 113, 122—124, 137, 144, 147\*, 148\*, 185  
Кавказ Северный 50, 103, 123  
Кавказ Южный 109  
Кадырбай III, м-к 176  
Казахстан 5, 6, 47\*, 50, 65—67, 89, 92, 94—96, 100, 116, 156, 161, 177 \*, 178, 184  
Казахстан Восточный 95, 184  
Казахстан Центральный 53, 66, 79, 95, 129, 177  
Казахстан Южный 95, 160  
Кайраккумы 60, 65, 69, 72, 75, 90, 92, 95, 96, 98—101, 107, 156, 169, 176  
Калаи-Мир 91, 93, 94  
Калалы-Гыр I 149  
Каллик (Килик), перевал 191  
Кальта-Тур, м-к 13, 15, 29, 30  
Кальта-Тур, р. 15  
Камбоджа 167  
Камышин 114  
Канай 95  
Кангюй 170\*, 171, 172, 189  
Канти-Муш, м-к 29  
Каппадокия 158, 162  
Карабулак, м-к 7, 19, 50, 79, 107  
Карадарья 49  
Каракорум 3, 144  
Каракуль, оз. 4, 179  
Каракуль, р. 8  
Кара-Кунгей, м-к 184  
Каракумы 4, 160  
Карамкуль 75  
Карамурун I 93, 96, 107  
Каратегин 146  
Карачукур 190  
Карашвак, м-к 176, 183  
Карашван 3, м-к 183  
Каргалинский м-к 176  
Карраский м-к 123  
Каспир (Каспатир) 164, 165; см. также  
Каспийское море, Каспий 158—161, 171 \*, 172  
Катандинский м-к 105  
Кателан I 103  
Катила, гора 171  
Каунчи II 51 \*  
Кафиристан 43, 164 \*, 188  
Хакетия 145\*  
Кашгар 161, 188  
Кашгарские горы 3

Кашгарский Памир — см. Памир Кашгарский  
 Кашмир 138, 139, 164\*, 165, 168, 188, 190, 192—194  
 Кенкольский м-к 42, 107  
 Керчь 67  
 Кетмень-Тюбе 62, 122 \*, 141, 169, 177  
 Кылауз I 133  
 Кызыл-Рабат 4, 7, 8, 16, 20—22, 178, 181, 190  
 Кызыл-Рабат, м-к 16—18, 29, 40, 73, 132 134 136 141 185, 215  
 Кызыл-Рабат II, м-к 16, 17  
 Кииксу 95, 96 \*  
 Киргизия 5, 47\*, 161, 169  
 Киргизия Северная 160  
 Китай 47\*, 51 \*, 68, 76—78, 79\*, 83—85, 88, 92, 100 114, 131, 138, 145\*, 177\*, 190\*; см. также КНР  
 Китай Северный 59, 65, 66, 123  
 Китай Юго-Западный 114  
 Китай Южный 76  
 КНР 3, 76  
 Кобадиан I, 91, 94  
 Койджилга, м-к 7, 17, 22, 38, 133, 134, 216  
 Кой-Крылган-кала 47 \*, 149  
 Кокуйбуль, м-к 7, 19, 138, 139, 216  
 Кокуйбель I, м-к 19, 217  
 Кокуйбель II, м-к 19  
 Кокуйбельсу, р. 4, 7, 19, 138, 178  
 Кокча, р. 43, 165  
 Кокчетав 111  
 Кок-Эль, м-к 51  
 Коммагена 154  
 Косам 81  
 Котловский м-к 111, 117  
 Кош-тепе 115 \*  
 Кубань 127  
 Кувандарья 175  
 Кувинское городище 98  
 Кудара 13, 15  
 Кудыргэ, м-к 105  
 Кумбулта, м-к 114  
 Кумран 147  
 Кунакс 130  
 Кунар, р. 166  
 Кунгай, м-к 22, 34, 53 \*, 90, 99, 176  
 Кунти-Муш, м-к 19, 41  
 Куньлунь 3, 4  
 Куньлунь Западный 3  
 Кургакский м-к (Кургак) 101, 177, 183  
 Курдистан 86  
 Куртеке, пещера 90, 92, 94  
 Кустанайский уезд 116  
 Кухилал 3  
 Кучаи-калон 145 \*  
 Кучук-тепе 91, 99  
 Куш 169  
 Куюк-Кескен-Кала 175  
 Кызкапан 87  
 Кызылкумы 160  
 Кызылсу, р. (Восточный Туркестан) 4  
 Кызылсу, р. (Алай) 168  
 Кэмбей 80; см. также Cambay  
 Кюзели-Гыр 98  
  
 Ладак 164\*  
 Левант 137  
 Лоб-Нор 107  
 Лоу-Лань 51  
 Луристан 86  
 Луткух, р. 166  
  
 Магнитогорск 119  
 Мадау-тепе 34

Мадрас 81, 137\*  
 Мадрушкат 143 \*  
 Мазори-Бурх 145 \*  
 Мака 162  
 Македония 158 \*  
 Малая Азия 59, 66, 85 \*, 94, 123  
 Малая Цимбалка, курган 95  
 Малый Истык, м-к 7, 19, 20, 41, 134, 218  
 Манна 157  
 Марг 168; см. также *Máργος* »Г  
 Маргак 168  
 Маргиана 82, 155, 159—163, 168, 173; см. также Мерв  
 Мари 59, 66 \*  
 Маркансу, р. 4  
 Марлик 75, 92, 147 \*  
 Маски 81  
 Массака 165  
 Матхура 193  
 Меланезия 88, 141  
 Мелие 89  
 Мемфис 89, 125\*, 194  
 Меотида 173  
 Мерв 79, 98, 155, 161, 166, 168, 189; см. также Маргиана  
 Мервский оазис 95  
 Месопотамия 75, 76, 85, 103\*, 120\*, 130  
 Мечетсайские курганы 98  
 Мешхеди-Мисрианское плато 4  
 Мидия 86, 87, 157  
 Микены 141  
 Минг-тепе, перевал 191  
 Минусинская котловина 100  
 Минусинский край 47  
 Михман-Юл, перевал 190  
 Можуташ 7, 20, 21  
 Можуташ I, м-к 20, 35, 38, 58, 59, 69, 71, 122  
 Можуташ II, м-к 20, 29, 33, 35, 42, 44, 53, 73, 94, 96, 112, 114, 119, 128, 129, 132—134, 141  
 Монголия 51, 52, 65, 67, 68, 99, 100  
 Монголия Внутренняя 69  
 Мохенджо-Даро 185  
 Муг (Замок на горе Муг) 107  
 Музкол, р. 4  
 Музкольский хр. 3  
 Музтагский хр. 190  
 Мултан 165  
 Мунджан 43, 105, 159, 160, 165—167; см. также Mungan.  
 Мундигак VI 81  
 Мургаб, пос. 4, 13, 15, 178  
 Мургаб, р. (нижнее течение р. Оксу) 4, 167, 178, 180  
 Мургаб, р. (Южная Туркмения) 161, 168  
 Мызыльдигар, м-к 140  
 Мыргытта 168  
  
 Нади-Али 92, 96  
 Накши-Рустем 87, 158, 162  
 Намазга-тепе 146  
 Наматгут 145 \*  
 Нарын, р. 49, 176  
 Неаполь Скифский 129  
 Нежинский пос. 117  
 Непал 193  
 Нестеровский м-к 103  
 Нийя 51  
 Никифоровские земли 142 \*  
 Нимруд 86  
 Ниневия 86  
 Ниса 47 \*, 128; см. также Старая Ниса  
 Ниязбек, м-к 90, 98  
 Новабад, м-к 140  
 Новая Гвинея 141

Новоузенский уезд 46  
 Ноғхордури, м-к 82 \*  
 Нули 103  
 Нура 177, 183, 184  
 Нуратау (Нуратинские горы) 161, 169, 172  
 Нуристан 43  
 Нурманбет IV 129

Океания 136  
 Окс 163, 171; см. также Оксус, Амударья  
 Оксу, р. 4, 7, 8, 16, 17, 20, 22, 26, 178, 180, 189—191  
 Оксуйские горы 171  
 Оксус 160, 167, 190 \*; см. также Окс, Амударья  
 Окунев Улус 69  
 Ордос 68  
 Оскобар, гора 171  
 Осьмушкино 117, 119  
 Ошхона, стоянка 181

Пакистан 103, 138\*  
 Памир 3—6, 28, 46, 50, 59, 65—68, 71, 75, 80—82, 89, 90, 92, 96, 100, 104, 105, 112, 125, 129, 135, 138, 139, 142; 143, 146, 152, 156, 159—161, 166, 169\*, 172 177—182 185—187, 189, 190, 192, 193, 194\*  
 Памир Вахано-Гиндукушский 3  
 Памир Восточный 3—7, 28, 30, 34, 42, 52, 58, 60, 71, 94, 135, 139, 159, 167, 168, 178—182, 184, 185, 193  
 Памир Западный 4, 5, 51, 52, 79, 166 \*, 192, 194\*  
 Памир Кашгарский 3, 180, 182 \*  
 Памир Северный 178, 188  
 Памир Центральный 3 \*  
 Памир Юго-Восточный 178  
 Памир Южный 178, 180  
 Памир, р. 4, 7, 15, 21, 24, 178  
 Памиро-Алай 3, 79, 161  
 Памирская I (Тамды), м-к 7, 21, 28—32, 37, 42, 44, 50, 54—56, 59, 60, 62, 64, 65, 75, 91, 92, 95, 98, 99 101, 104, 105, 112, 117, 119, 128, 132—134, 139, 183  
 Панджшир 135  
 Парфия 126, 162, 163, 171, 173, 187  
 Парфия Северная 124  
 Пашковский м-к 109  
 Пенджаб 193  
 Передняя Азия 87, 125, 184, 185  
 Пермь 46  
 Персеполь 65, 66, 71, 75, 95, 96, 98, 109, 117, 125\*, 149, 158, 162, 163  
 Персия 116  
 Пешавар 165, 188, 193  
 Пешаварская равнина 189  
 Поволжье 46, 98, 103, 184  
 Поднепровье 117, 184; см. также Среднее Поднепровье  
 Поркалам 81  
 Приаралье 28, 68, 89, 161, 163, 170\*, 172, 173—175, 177, 184, 194; см. также Аральское море  
 Прибайкалье 84  
 Прииски 21  
 Прикамье 123  
 Прикаспий 92, 161, 163, 173, 174; см. также Каспийское море  
 Припамирье 166  
 Припамирье Северное 192  
 Припамирье Южное 145 \*, 188  
 Приуралье 65, 81, 97, 103, 108, 151, 175, 184  
 Приуралье Южное 99  
 Причерноморье 59, 67, 68, 123  
 Причерноморье Северное 67  
 Пуду 164 \*  
 Пяндж, р. 4, 25, 165  
 Пянджский р-н 79, 82  
 Пятигорск 122

Рават 115\*  
 Райгородок 114  
 Рангкуль 21, 22  
 Рангкуль, оз. 4, 21, 178, 180, 188  
 Рангкуль I, м-к 21, 29, 44, 57, 59, 71—73, 219  
 Рангкуль II, м-к 21  
 Рас-Шамра 81 \*  
 Рахинка 46  
 Россия 105  
 Россия Южная 6  
 Рошт-кала 166 \*

Сака, страна 162  
 Салтово 46  
 Самарканд 99, 127, 152\*, 169\*  
 Санглич 159, 165  
 Сара 98  
 Саратовская обл. 114  
 Сарды 89, 158  
 Сарезское оз. 4, 138  
 Сархад 190, 191  
 Сарыгуроз 22, 31, 32; см. также Сарыкурум  
 Сарыкольский хр. 3, 190  
 Сарыкурум 7, 22; см. также Сарыгуроз  
 Сары-Таш, перевал 21  
 Саттагидия 162  
 Сафрия 171  
 Сват 29, 43, 103, 147, 165, 185, 186, 188  
 Северная Азия — см. Азия Северная  
 Северная Индия — см. Индия Северная  
 Северная Киргизия — см. Киргизия Северная  
 Северная Парфия — см. Парфия Северная  
 Северный Борнео — см. Борнео Северный  
 Северное Припамирье — см. Припамирье Северное  
 Северное Причерноморье — см. Причерноморье Северное

Северный Афганистан — см. Афганистан Северный  
 Северный Белуджистан — см. Белуджистан Северный  
 Северный Индокитай — см. Индокитай Северный  
 Северный Индостан — см. Индостан Северный  
 Северный Иран — см. Иран Северный  
 Северный Кавказ — см. Кавказ Северный  
 Северный Китай — см. Китай Северный  
 Северный Памир — см. Памир Северный  
 Северный Танымас, хр. 3  
 Северо-Аличурский хр. 3  
 Северо-Восточная Индия — см. Индия Северо-Восточная  
 Северо-Западный Индостан — см. Индостан Северо-Западный  
 Северо-Западный Иран — см. Иран Северо-Западный  
 Селевкия на Тигре (Тель-Омар) 76  
 Семипалатинская обл. 95, 99, 100 \*  
 Семиречье 28, 79, 98, 135, 140, 153—155, 159, 160, 175—177, 194  
 Сентеш-Векерзуг, м-к 32 \*, 142  
 Серика 170  
 Сиалк (Тепе-Сиалк) 59, 65, 66, 92, 96  
 Сибирь 51, 52, 65—68, 100, 101, 114, 117, 124, 177\*  
 Сибирь Восточная 83  
 Сибирь Западная 47  
 Сибирь Южная 69, 99, 123, 184  
 Сидон 123  
 Сикким 137  
 Синд 80, 81, 162  
 Сирия 85\*  
 Сиркап 72 \*  
 Систан 143, 153, 159, 162, 189  
 Скифия 65—68, 97, 98, 105, 109, 164, 173  
 Скоробор, урочище 124  
 Согд 159—161, 169; см. также Согдиана  
 Согдиана 155, 158, 159, 162, 169; см. также Согд

Средиземноморье 185  
 Срединная Азия 68 \*  
 «Срединное государство» 77; см. также Китай  
 Среднеазиатское междуречье 161, 174, 183—185  
 Среднее Поднепровье 50; см. также Поднепровье  
 Средний Восток 81 \*, 85, 89, 186, 194  
 Средняя Азия 3, 5, 28, 32, 34, 50, 52, 58—60, 67, 68, 69 \*,  
 72, 76\*, 77—79, 81—85, 88, 89, 91—93, 96, 98—101,  
 105, 108, 111, 114, 115, 119\*, 123, 125—127, 129,  
 131, 135, 139, 140, 143—148, 152, 155—158, 161, 164,  
 165, 171—174, 178, 183, 184, 188, 194  
 Сринагар 138  
 СССР 6, 89, 173 \*  
 Старая Ниса 127, 149; см. также Ниса  
 Старая Смирна 89  
 Субботовское городище 95  
 Суджинский м-к 51  
 Сузы 68, 96, 109, 162  
 Суйюань 66, 97 \*, 100  
 Сукулукский клад 109  
 Сулунгур, оз. 7  
 Суме 178  
 Сурхандарья 99  
 Сурхандарьинская обл. 152 \*  
 Сурхоб 146\*  
 Суфанский м-к 176  
 Сырдарья 94, 150, 156, 157, 159—161, 163, 169, 170\*,  
 171, 173—175, 185, 189; см. также Яксарт, Танаис  
 Тагискен 94, 175  
 Таджикистан, Таджикская ССР 3, 144, 145, 169  
 Таджикистан Юго-Восточный 168  
 Таджикистан Южный 82  
 Тайгак, м-к 79  
 Таксила 75\*, 76, 81, 101, ПО\*, 185  
 Талас, р. 161, 176  
 Талыш 59, 92, 114  
 Таманский п-в 123  
 Тамды — см. Памирская I  
 Танаис, р. 105, 169, 173; см. также Сырдарья, Яксарт  
 Танаис, г. 192.  
 Танымас Северный, хр. — см. Северный Танымас  
 Таримский бассейн 190 \*  
 Тарс 89  
 Ташкенд (Ташкент) 46 \*  
 Ташкентская обл. 90, 161, 170\*  
 Ташкентский канал 62, 111, 112  
 Ташкентский оазис 90, 112, 159, 160, 170 \*, 177  
 Таш-Кол, р. 178  
 Ташкурган 190, 191  
 Тегеран 47 \*  
 Тегермансу, р. 22, 23  
 Тегермансу, урочище 182  
 Тегермансу, м-ки 7, 22, 133  
 Тегермансу, м-к 30, 65, 72, 73  
 Тегермансу I, м-к 22, 23, 29, 31—33, 42, 54, 56, 58, 61—  
 64, 66, 70, 72—74, 97, 104, 105, 108, 109, 112—114,  
 117, 120—122, 126, 129, 133, 134, 220—222  
 Тегермансу II, м-к 22, 29, 32, 35, 36, 39—41, 44, 56, 57,  
 59, 61, 69, 70, 72, 73, 108, 109, 112, 117—119, 121,  
 122, 223—225  
 Тегермансу III, м-к 22, 23, 54  
 Телл-Рифат 89  
 Тель-Омар — см. Селевкия на Тигре  
 Тепе-Гиссар III 186  
 Тепе-Гиан 65  
 Тепе-Сиалк — см. Сиалк  
 Тибет 3, 4, 68\*, 77, 136, 138, 139, 180, 181, 182\*  
 Тибет Западный 138  
 Тигр, р. 76, 158, 159  
 Тогдумбаш-Памир 3

Той-Тюбе 107  
 Токтогульское водохранилище 142 \*  
 Топрак-кала 79 \*  
 Тохаристан 77, 79\*, 152; см. также Бактрия, Греко-  
 Бактрия, Тухоло  
 Троя 123  
 Тува 50\*, 51, 177\*  
 Тулхар, м-к 79  
 Туп-Хона, м-к 79  
 Туран 69 \*  
 Тураташ, м-к 79, 146  
 Туркестан 111 \*  
 Туркестан, город 134 \*  
 Туркестан Афганский 43  
 Туркестан Восточный 5, 51, 52, 81\*, 100, 101 107 143\*  
 149, 153, 159, 174, 186, 190, 191, 194  
 Туркмения 161, 167  
 Туркмения Южная 91, 92, 168, 186  
 Тухоло 152; см. также Тохаристан  
 Тюлейкен, м-к 176  
 Тюячи 49  
 Тянь-Шань 3, 160, 161, 175, 184  
 Тянь-Шань Западный 172  
 Тянь-Шань Центральный 107, 138, 176  
 Тянь-Шань Южный 159, 176  
 Узбекистан 5, 169  
 Узбой 159, 163  
 Узун, протока 27, 28  
 Уйгарак, м-к 94, 95, 122\*, 175  
 Украина 95  
 Унгур-Кура, м-к 79  
 Урал 95, 131 \*, см. также Приуралье  
 Устюрт 4, 171 \*  
 Уттар-Прадеш 115  
 Файзабад 43  
 Фархадстрой 79  
 Фархар 43  
 Фергана, Ферганская долина 5, 29, 32, 49, 52, 53, 58, 59,  
 77, 79\*, 89—91, 98, 100, 105, 108, 109, 115\*, 135, 152,  
 155, 159—161, 166, 169, 170\*, 176, 177, 184, 185,  
 187—189, 191—193  
 Фергано-Ташкентская обл. 30  
 Фермопилы 194  
 Финикия 76  
 Фракия 158\*  
 Хади 148; см. также Hadi  
 Халчаян 126  
 Хамадан ИЗ\*, 122\*  
 Хамун, оз. 162  
 Хараппа 185  
 Харгуш 7, 15, 24  
 Харгуш, р. 24  
 Харгуш I, м-к 24, 28, 35, 36, 39—41, 133  
 Харгуш II, м-к 24, 29, 31, 33, 35, 36, 38, 39, 45—48, 53,  
 56—65, 69—74, 104, 112, 119, 133, 226  
 Хасанлу 75, 86, 109, 148\*  
 Хасанлу IV 75  
 Хас-Кяриз, м-к 107  
 Хвалынский р-н 114  
 Хингой, р. 145, 168  
 Хисбани 81  
 Ходжаягонинский м-к 60, 72, 75  
 Ходжент 161, 169 \*, 172, 189  
 Хорезм 47\*, 79, 88, 92, 95, 96, 98, 99, (126, 149, 155, 161,  
 162, 172  
 Хотан 124, 194  
 Хотинза, перевал 191  
 Хульм 138

Хунза 145\*  
Хурвин 125  
Хуф 146  
Хюсюнь 188

Цейлон 136  
Центральная Азия 5, 67, 77, 85, 135, 137, 129, 147, 189  
Центральная Африка — см. Африка Центральная  
Центральная Индия — см. Индия Центральная  
Центрально-Китайская равнина 177\*  
Центральный Казахстан — см. Казахстан Центральный  
Центральный Памир — см. Памир Центральный  
Центральный Тянь-Шань — см. Тянь-Шань Центральный  
Цукурский лиман 123  
Цунлин 5; см. также Памир

Чак, м-к 50, 176, 183  
Чакдара 165; см. также Chak-dara  
Чакмак, м-к 176  
Чакмактинкуль, оз. 190, 191  
Чанша 85  
Чарчана-сай 145\*  
Чаткальский хр. 115\*  
Челябинские погребения 28  
Чембулак, ущелье 22  
Черниговский, хутор 119  
Черное море 159, 160; см. также Причерноморье  
Чеш-тепе 7, 25, 38, 69  
Чиликтинские курганы 94  
Чиль-хона, м-к 25, 42, 43, 71, 104, 107, 194\*  
Чирик-Рабат 65, 95, 126, 174  
Читрал 82\*, 103\*, 144\*, 159, 164\*, 165, 185\*, 188,  
190—192  
Чонху-Даро 81  
Чордара 171  
Чу, р. 161, 176  
Чуйская долина 94, 96\*  
Чуст 34, 90, 92  
Чустское пос. 109

Шаар-Арык — см. Бухар-Арык  
Шаймак 26  
Шаймак, м-к 7, 26, 29, 32, 40, 53, 54, 56—59, 61, 62, 66,  
73, 94, 102—105, 108, 129, 132, 136, 141, 142, 227, 228  
Шалабалинский клад 50  
Шама 107  
Шарт, м-ки 97\*, 176, 183  
Шаушукум, м-к 79  
Шахты, грот 181  
Шейхан-Дхери 75\*  
Шугнан 43, 165

Aśvakāyana 165  
Asvayana 165  
Aśkuza 157  
Atranjikhēra 115  
Bursahom 138  
Chak-dara 165  
Cambay 80; см. также Кэмбэй  
Chasi 137  
Dānu 156  
Endere 51; см. также Эндере  
Hadi 148; см. также Хадии  
Hazar Sum 138  
Hsuan Hua 69  
Kānham-La 138  
Kaśyapapura 165  
Kho 137  
Kong chen 137  
Konchenjunga 137  
Luan P'ing 69

Шуробак 90, 97  
Эгейское море 185  
Элам 149, 162  
Эльтеган 67  
Эльтеке 184  
Эмод 164  
Эндере 51; см. также Endere  
Этрурия 148\*  
Эфиопия 169

Юго-Восточная Азия — см. Азия Юго-Восточная  
Юго-Восточный Памир — см. Памир Юго-Восточный  
Юго-Восточный Таджикистан — см. Таджикистан Юго-  
Восточный

Юго-Западный Китай — см. Китай Юго-Западный  
Южная Аравия — см. Аравия Южная  
Южная Индия — см. Индия Южная  
Южная Россия — см. Россия Южная  
Южная Сибирь — см. Сибирь Южная  
Южная Туркмения — см. Туркмения Южная  
Южно-Аличурский хр. 3, 4  
Южное Припамирье — см. Припамирье Южное  
Южное Приуралье — см. Приуралье Южное  
Южно-Таджикская депрессия 5  
Южный Кавказ — см. Кавказ Южный  
Южный Казахстан — см. Казахстан Южный  
Южный Китай — см. Китай Южный  
Южный Памир — см. Памир Южный  
Южный Таджикистан — см. Таджикистан Южный  
Южный Тянь-Шань — см. Тянь-Шань Южный  
Юньнань 114

Яванское городище 96, 146  
Ягноб 135, 140  
Яз-1 93  
Яз-П 124\*  
Яз-Ш 98, 124  
Язгулем 145  
Яз-депе 43, 60; см. также Яз-1, Яз-П, Яз-Ш  
Яксарт 87, 105, 158—160, 163, 169, 170\*, 171, 173; см.  
также Сырдарья, Танаис  
Япония 84, 88  
Яркенд 193  
Яркенддарья 151  
Ясин 137, 191  
Яшилкуль 19  
Яшилкуль, оз. 4, 7, 10, 27, 180  
Яшилкуль, м-ки 7, 136  
Яшилкуль I, м-к 27, 28  
Яшилкуль II, м-к 27, 32, 37, 42—44, 69, 72, 108, 121,  
122, 133, 229

Manjan-Karandi 81  
Margrot (Marwi) 168  
Margus 166  
Masakavati 165  
Mazaga 165  
Mungan 166; см. также Мунджан  
Samangan 138  
Sakara (Sagara) 170  
Skudra 158\*  
'STag gZig 77  
Woorshigoom 137  
Ἀμόργιον πεδῖον 163  
Κασπαῖρος πολις Γαυδαχική 164; см. также Каспапир  
Κασπαῖρος 164  
Κασπεῖραι 164  
Μάργος 168; см. также Марг  
Μαρούχα 167  
Μάσσακα (Μάσσαγα) 165  
Σαλαυραχον Εχόθια 170

## УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- абии — см. скифы-абии  
 абхазы (абхазцы) 143\*, 145\*  
 алтайцы 139  
 амазонки 124 \*  
 амиргии (амиргийские скифы) 162, 163, 169, 174, 184;  
     см. также *Ἀμιργίοι*  
 ангами 137  
 апасиаки 174, 175  
 ариаки 171  
 арии 110  
 арийцы 85, 156, 167  
 аримаспы 157  
 арьи 173; см. также агуа  
 асии 171  
 ассакены 165  
 ассирийцы 85, 86, 125, 130  
 асы 120\*  
 аугалы (аугасии) 175  
 афганцы 186  
  
 бактрийские греки — см. греки бактрийские  
 бактрийцы 88, ПО, 120, 164  
 барканцы (гирканцы) 124—125  
 Большой Юэчжи 77, 188; см. также юэчжи  
 буряты 105  
 бхилы 143  
  
 вавилоняне 162  
 ваханцы 152, 192  
 венгры 143  
 вогулы 105, 173  
  
 гандхары 88, ПО, 162, 163  
 германцы 173  
 геты 158—160  
 гикососы 85  
 гирканцы — см. барканцы  
 греки 52, 124, 128, 141  
 греки бактрийские 101, 167  
  
 дадики 88, ПО  
 дан 173; см. также *ḏāai*, *ḏāoi*  
 данайцы (туры данайские) 156; см. также *danava*  
 дарды 144, 147, 192  
 дахи 150, 158, 162, 171—173; см. также *daha*, *dahae*  
 дербики ПО, 172  
 индийцы 164, 186  
 индо-арийцы 85, 185  
  
 индусы 105, 162, 163  
 инды 164  
 ионийцы 158  
 иранцы 148, 150—154, 156, 169, 192, 194  
 исседоны 174  
 итальянцы 143  
 ишкашимцы 152  
 йидга 165, 166, 192  
  
*калаш-кафиры* 146\*, 147\*; см. также кафиры  
 камбоджийцы 167  
 каспии 164  
 кафиры 145\*, 146\*, 185; см. также калаш-кафиры  
 киммерийцы 157; см. также *gimirrai*  
 киргизы 5, 105\*, 169, 179, 180, 182, 186, 187\*, 190  
 китайцы 145\*, 157\*  
 курды 140  
  
 лепча 137  
 ливийцы 158  
  
 макроны 128  
 массагеты ПО, 119\*, 120, 124, 127, 149\*, 150—153, 155,  
     157, 159—163, 165, 172—174  
 мидийцы (мидяне) 86, 87, 119\*, 125  
 моссиники 124\*, 128  
 мунджанцы 165—167, 192; см. также *mv nĵin(u)*  
  
 нага 136, 137  
 немцы 143  
 номасты 171  
  
 ортокорибантии 162; см. также «саки тиграхауда»,  
     *ῥορθοκορυβαντιοί*  
 осетины 145  
 османы — турки-османы  
  
 пактии 164, 192  
 памирцы 139, 144, 194  
 парикании 176  
 парсы 136  
 парфиены 171  
 парфяне 88, ПО, 126, 131\*, 162, 173, 192  
 пасианы 171  
 пату 192; см. также *pātu*  
 пенджабы 185  
 персы 87, 105, 117\*, 119\*, 130\*, 148\*, 157, 163, 164, 169,  
     187



раджастанцы 185  
русские 105, 139, 186

савроматы 6, 32, 65, 66, 81, 88, 89, 97, 100\*, 101, ПО, 117, 140, 151, 155, 177, 184  
сагарауки 171; см. также сакарауки *σαγαραιῦναι*  
саи 189; см. также sai  
сайван 170, 172, 188, 190\*; см. также *sai-uap*  
сака 158—163, 164\*; см. также саки, *saka*, *σακαί*  
сакарауки 170—172, 17B, 189; см. также сагарауки  
сакараулы 170, 171; см. также *σακαραιῦλοι*  
саки 5—7, 53, 87—89, 119\*, 120, 124, 127, 128, 139, 143, 148—158, 162—167, 169—171, 174, 177, 185, 188—194  
саки Восточного Туркестана 153  
саки индийские 110, 139, 167, 194  
«саки, которые за морем» (саки заморские) 158—159;  
см. также *saka tyaiu paradraua*  
«саки, которые за Согдом» 155, 159—162, 169, 170, 172—174, 187; см. также *saka tyaiu para sugdam*  
саки памирские 6, 129, 132, 136, 139—141, 174, 177, 182, 184, 186  
саки Приаралья 140, 155\*, 156, 175, 184  
саки Семиречья 155\*, 174, 184  
«саки тиграхауда» (саки с остроконечными шапками) 127, 149, 152, 158—163, 172, 174; см. также *saka tigrhauda*, *ὀρθοκоруβάντιοι*  
саки Тянь-Шаня 184  
«саки хаумаварга» 152, 159—165, 167, 169, 171—174, 186, 187; см. также *saka haumavargā*  
самоеды 105  
сарауки 170; см. также сакарауки, *saraucae*  
сарматы 126; см. также савроматы  
сема 136  
сикхи 185  
скифы 157, 163—165  
скифы-абии 170\*  
скифы амиргийские — см. амиргийские скифы  
скифы азиатские 105, 124, 127, 157, 162, 164, 172, 173;  
см. также саки  
скифы европейские 6, 86, 87, 89, 101, 105\*, ПО, 117, 122, 124, 125, 141, 158—162, 184, 194  
сколоты 158\*, 160  
скупра 158  
согдийцы (согды) 88, ПО, 120, 164, 167, 169, 171  
сэ (сэсцы) 188  
сюнну 182

агуа 172; см. также арья  
daha 158, 162, 172; см. также дахи  
dahae 172; см. также дахи, *daha*.  
danava 156; см. также данаиды  
gimirrai 157; см. также киммерийцы  
iṣpakai 157  
khasis 136  
monjin(u) 166; см. также мунджанцы  
nias 137  
patu 192; см. также пату  
sacae 157\*; см. также саки  
sai 157; см. также саи  
sai-uap 170; см. также сайван  
saina 172  
saka 157; см. также сака  
saka haumavarga 158, 166, 167, 170; см. также саки хаумаварга  
saka tigrhauda 127, 158; см. также саки тиграхауда  
saka tyaiu paradraua 158; см. также «саки, которые за морем»

таджики 5, 69, 135, 140, 143, 144, 146, 148\*, 166, 174, 194  
таджики гармские 144  
таджики горные 139, 144  
таджики кашкадарьинские 146\*  
таджики кулябские 144  
таджики равнинные 144  
таджики ферганские 145\*  
тибетцы 77, 88, 139  
тода 71, 127\*  
тохары 171, 172, 175  
губалары 105  
тунгусы 105  
тура (туры) 150, 156  
турки 105  
турки-османы 146\*  
туркмены 143  
туры — см. тура  
туры данайские — см. данайцы, *danava*  
тюрки 194

узбеки-локайцы 143  
умман-манда 157  
урарты 125  
усуни 135, 17(i)

фракийцы 160  
французы 143

хетты 85  
хо 192  
хорезмийцы (хорасми) 71, 88, ПО, 119  
хунны 50, 187, 188

швейцарцы 143  
шорцы 105  
шугнанцы 192

эвенки 173  
эламиты 149  
эскимосы 105  
эстонцы 143  
эфталиты 194

юэчжи 80\*, 155, 187—189, 193; см. также Большой Юэчжи

ягнобцы 143  
язгулемцы 144  
яксарты 170\*; см. также *\*iaḡartai*

saka tyaiu para sugdam 158, 162, см. также «саки, которые за Согдом»  
sakai 157\*, см. также саки  
saraucae 170; см. также сарауки  
sarima 172  
sōk 157  
skythai 163; см. также скифы  
*\*amúrrioi* 163, 166; см. также амиргии  
*ḡāai, ḡāoi* 172; см. также дан  
*iaḡartai* 170\*; см. также яксарты  
*καχάται* 170\*  
*μαρουκαῖοι (μαρουκαῖοι)* 167  
*ὀρθοκоруβάντιοι* 172; см. также саки тиграхауда  
*σαγαραιῦναι* 170  
*σακαί* 151  
*σακαραιῦναι* 170  
*σακαραιῦλοι* 170

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.	3
<b>Глава I. Могильники</b>	<b>7</b>
1. Описание.	7
2. Датировка сакских комплексов Памира.	28
<b>Глава II. Материальная культура</b>	<b>30</b>
1. Ножи.	30
2. Глиняная посуда.	34
3. Деревянная посуда.	42
4. Бронзовые сосуды и котелки.	43
5. Приборы для добывания огня.	50
6. Фрагменты тканей и кожаных изделий.	53
7. Пряжки.	54
8. Украшения.	56
<b>Глава III. Вооружение</b>	<b>83</b>
1. Лук.	83
2. Стрелы.	89
3. Наконечники копий.	108
4. Сакский кинжал (памиро-ферганские типы).	111
5. Сакские боевые топоры.	120
6. Оборонительный доспех.	125
<b>Глава IV. Верования</b>	<b>132</b>
1. Общая характеристика погребального обряда памирских саков.	132
2. Каменные камеры и их переживания.	134
3. Памятники Восточного Памира и мегалитическая традиция в Центральной Азии.	135
4. Приборы для добывания огня в погребениях.	139
5. Наглазники из раковин на Памире и в Индии.	141
6. Захоронения коня и некоторые вопросы древних религиозных представлений.	142
7. Семантика двух изобразительных мотивов.	144
<b>Глава V. Древние кочевники Памира в системе сакских племенных союзов</b>	<b>156</b>
1. Саки — происхождение и этноним.	156
2. Расселение сакских племен в свете письменных и лингвистических источников.	158
3. Особенности культуры, хозяйства и физического облика памирских саков в связи с проблемой их этногенеза.	174
4. Памирские кочевники и сакско-юэчжийский штурм Греко-Бактрии.	187
Таблицы.	195
Цитированные источники и литература.	230
Список сокращений.	252
Указатель имен.	255
Указатель географических названий и археологических памятников	260
Указатель этнических названий.	267

*Борис Анатольевич Литвинский*

**ДРЕВНИЕ КОЧЕВНИКИ «КРЫШИ МИРА»**

*Утверждено к печати  
Институтом истории им. А. Дониша  
Академии наук Таджикской ССР*

Редактор *И. Л. Елевич*  
Младший редактор *Р. Г. Канторович*  
Художник *Л. С. Эрман*  
Художественный редактор *И. Р. Бескин*  
Технический редактор *Л. Ш. Береславская*  
Корректоры *Л. И. Письман*  
и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 29/III 1972 г.  
Подписано к печати 8/IX 1972 г.  
А-10129. Формат 84 X 108<sup>1/16</sup>. Бум. № 1  
Печ. л. 17. Усл. печ. л. 28,98  
Уч.-изд. л. 30,85. Тираж 2000 экз.  
Изд. № 2950. Зак. № 434. Цена 2 р. 28 к.

Главная редакция восточной литературы  
издательства «Наука»  
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»  
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

# О П Е Ч А Т К И

Стр.	Столбец	Строка	Напечатано	Должно быть
42	правый	27 св.	на стенке	на станке
59	правый	16—17 св.	Сиалла	Сиялка
80	правый	8 сн.	витаа	вклад
124	правый	26 сн.	چا کومى	چا گوش
152	левый	16 сн.	سر آفتاب	سر آفتاب
168	правый	4 св.	matəṭā	matəṭā
173	левый	23 св.	„ажидахаа“	„ажидахаа“
235	правый	11 св.	издания	изделии

